

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2020. № 460. Ноябрь

• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2020. № 460. November

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор
Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук,
проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associo-
ate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S.
Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of
Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of
Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**,
Dr. of History, Professor; **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate
Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk
State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; **A. Potekhaev**, Dr. of Physics and
Mathematics, Professor; **L. Prokumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of
TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr.
of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr.
of Education, Professor; **E. Shragher**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор
Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор
Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент
И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суворцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor
Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor
Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor
Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prokumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Волков И.О., Жилиякова Э.М. Роман В. Скотта «Айвенго» в творческом восприятии И.С. Тургенева. Статья первая	5
Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Дорога» в устных рассказах сибиряков	16
Зусева-Озкан В.Б. Изображение амазонок в «Подвигах Великого Александра» М.А. Кузмина	29
Мурзина С.В., Новикова Е.Г. Образ Гарибальди в творчестве Ф.М. Достоевского.....	37
Седова Н.А. Словарные дефиниции толковых словарей как источник информации о советской повседневности (на примере наименований одежды)	46
Хачатурян Л.В. «Неевклидова геометрия» рукописи: цифровой архив Михаила Булгакова	55

ФИЛОСОФИЯ

Бровкин В.В. О роли греческой философии в формировании эллинистических монархий	61
Лешкевич Т.Г., Катаева О.В. Виртуализация жизненного мира: к контурам новой парадигмы	69
Масланов Е.В., Фейгельман А.М. Неявное знание в интернет-коммуникации: интерфейс как механизм производства неявного знания	77
Нестеров А.Ю., Демина А.И. Воображение в семиотике творчества	84
Петракова А.С. Конструирование процессов идентификации и самоидентификации личности в натуралистическом подходе.....	90

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ашмарина А.А., Цымбалова А.Е. Деятельность и структура ключевых министерств Королевства Испании по борьбе с расизмом, ксенофобией и другими видами дискриминации	97
Бурнасов А.С., Муратшина К.Г. Участие многосторонних банков в инфраструктурных проектах Евразийского экономического союза и инициативы «Пояс и путь» в Центральной Азии	107
Крюкова Е.В., Савчук Е.А., Давтян Ю.В. Технополитика в странах Иberoамериканского региона	112
Слобожников В.С. Общественно-политические практики корректировки государственно-конфессиональных отношений в России на рубеже XX–XXI вв.	121

ИСТОРИЯ

Ананьев В.Г. «Строительство музеев должно быть основано на научной базе»: к истории формирования концептуальной модели музея в раннесоветский период	133
Лицзюнь Го, Погорельская А.М., Юн С.М. Приоритеты интернационализации высшего образования Республики Беларусь и экспорт белорусского образования	138

CONTENTS

PHILOLOGY

Volkov I.O., Zhilyakova E.M. <i>Ivanhoe</i> by Walter Scott in the Creative Perception of Ivan Turgenev. Article One	5
Voloshina S.V., Tolstova M.A. The Representation of the Concept “Road” in Oral Stories of Siberians	16
Zuseva-Özkan V.B. The Representation of the Amazons in <i>The Exploits of Alexander the Great</i> by Mikhail Kuzmin	29
Murzina S.V., Novikova E.G. The Image of Garibaldi in Fyodor Dostoevsky’s Works	37
Sedova N.A. Dictionary Definitions of Explanatory Dictionaries as a Source of Information about Soviet Everyday Life (On the Example of Clothes Vocabulary)	46
Khachaturian L.V. The “Non-Euclidean Geometry” of the Manuscript: Mikhail Bulgakov’s Digital Archive	55

PHILOSOPHY

Brovkin V.V. On the Role of Greek Philosophy in the Formation of Hellenistic Monarchies	61
Leshkevich T.G., Kataeva O.V. Virtualization of the Lifeworld: To the Contours of a New Paradigm	69
Maslanov E.V., Feigelman A.M. Tacit Knowledge in Internet Communication: Interface as a Machine for Tacit Knowledge Production	77
Nesterov A.Yu., Demina A.I. Imagination in the Semiotics of Creativity	84
Petrakova A.S. Constructing the Processes of a Person’s Identification and Self-Identification Within a Naturalistic Approach	90

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Ashmarina A.A., Tsymbalova A.E. The Kingdom of Spain’s Key Ministries of on Combating Racism, Xenophobia and Other Types of Discrimination: Activities and Structures	97
Burnasov A.S., Muratshina K.G. Multilateral Banks’ Participation in Infrastructure Projects of the Eurasian Economic Union and in the Belt and Road Initiative in Central Asia	107
Kryukova E.V., Savchuk E.A., Davtian Iu.V. Technopolitics in the Ibero-American Region	112
Slobozhnikova V.S. Social and Political Practices of Adjusting the State-Religious Relations in Russia at the Turn of the 21st Century	121

HISTORY

Ananiev V.G. “Museum Construction Should Be Science-Based”: On the History of the Conceptual Model of the Museum in the Early Soviet Period	133
Lijun Guo, Pogorelskaya A.M., Yun S.M. Higher Education Internationalization Priorities in the Republic of Belarus and the Export of Belarusian Education	138

Коршунова О.Н. Россия и мусульманский мир: к проблеме изучения культурно-интегративного потенциала регионов (на примере Поволжья)	149	Korshunova O.N. Russia and the Muslim World: To the Problem of Studying the Cultural and Integrative Potential of the Regions (On the Example of the Volga Region)	149
Люля Н.В. Формирование украинского населения на территории Алтайского округа в ходе переселений 1865–1917 гг.	155	Lyulya N.V. The Formation of Ukrainian Population in the Altai Okrug During the Resettlements of 1865–1917	155
Стрекалов И.Н., Фокин А.А. «Каждая строчка проекта новой конституции проникнута заботой о советском человеке»: представления о справедливости и морали в обсуждении проекта Конституции 1977 г.	164	Strekalov I.N., Fokin A.A. “Every Line of the Draft of the New Constitution Is Imbued with Concern for Soviet People”: Ideas of Justice and Morality in the Discussion of the 1977 Draft Constitution	164
Филиппова Т.П., Лисевич Н.Г. Изучение вечной мерзлоты на европейском северо-востоке России в первой половине XX в.	173	Filippova T.P., Lisevich N.G. Studies of Permafrost in the European Northeast of Russia in the First Half of the 20th Century	173

ПЕДАГОГИКА

Ковалева М.Н., Лопухина А.С., Мелентьева Н.Н. Технология КРП как инструмент повышения эффективности деятельности преподавателей физического воспитания	182	Kovaleva M.N., Lopukhina A.S., Melenteva N.N. The KPI Technology as a Tool for Improving Physical Education Teachers’ Effectiveness	182
Куклина С.С., Татарнинова М.Н. Системно-структурный анализ компонентного состава содержания иноязычного образования	190	Kuklina S.S., Tatarinova M.N. A Systemic and Structural Analysis of the Component Composition of the Content of Foreign-Language Education	190
Малиютина Е.А., Оберемко О.Г. Проблема развития культурной самоидентичности при овладении иностранным языком взрослыми	202	Maliutina E.A., Oberemko O.G. The Problem of Developing Cultural Self-Identity in Adults Learning a Foreign Language	202
Молоков Д.С. Становление и развитие педагогических курсов в России во второй половине XIX – начале XX в.	213	Molokov D.S. The Formation and Development of Pedagogical Courses in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries	213
Фаткуллин Н.Ю., Шамшович В.Ф., Вайндорф-Сысоева М.Е. Актуальность дифференциации слушателей в современной системе дополнительного профессионального образования	220	Fatkullin N.Yu., Shamshovich V.F., Vaindorf-Sysoeva M.E. The Relevance of Student Differentiation in the Modern System of Continuing Education	220

ПРАВО

Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Основания отмены ареста, наложенного на имущество в досудебном производстве по уголовным делам	228	Bulatov B.B., Dezhnev A.S. Grounds for Canceling Seizure in Pre-Trial Criminal Proceedings	228
Ведерников Н.Т., Юань В.Л. Перспективы использования типологического подхода в теории и практике моделирования личности: криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты	234	Vedernikov N.T., Yuan V.L. Prospects for Using a Typological Approach in the Theory and Practice of Personality Modeling: Forensic and Criminal Procedural Aspects	234
Елинский В.И., Федоров Р.В., Жиров Р.М. Происхождение отдельных оперативно-розыскных терминов (историко-этимологический подход)	239	Elinsky V.I., Fedorov R.V., Zhirov R.M. The Origin of Certain Operational Search Terms (A Historical-Etymological Approach)	239
Колобов Р.Ю., Макрицкая Е.Д., Дицевич Я.Б., Шорников Д.В. Концепция устойчивого развития в международном праве: история, нормативное закрепление и значение для правового режима охраны объекта всемирного наследия озера Байкал	247	Kolobov R.Yu., Makritskaya E.D., Ditsevich Ya.B., Shornikov D.V. Sustainable Development in International Law: History, Normative Consolidation and Value for the Legal Protection of the Baikal World Heritage Site	247
Кошель А.С. Взаимодействие российского парламента и судебной власти	258	Koshel A.S. The Interaction of the Parliament and the Judiciary of the Russian Federation	258
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	265	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	265

PEDAGOGICS

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1+821.111

И.О. Волков, Э.М. Жилкова

РОМАН В. СКОТТА «АЙВЕНГО» В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ И.С. ТУРГЕНЕВА

Статья первая

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00219 «И.С. Тургенев и проблемы западноевропейской литературы (по материалам родовой библиотеки писателя)».

В статье на материале библиотеки И.С. Тургенева и рассказа «Жид» (1846) разрабатывается проблема читательского и творческого восприятия русским писателем романа В. Скотта «Айвенго» (1819). Исследовательское внимание движется от интерпретации нескольких помет Тургенева, оставленных на английском тексте романа, к анализу художественного восприятия образов Исаака и Ревекки, ставшего идейно-смысловой основой рассказа «Жид». Делается вывод о гуманистической природе тургеневского изображения, связанной с эстетикой Скотта и включающей опыт мировой литературы (У. Шекспир, Г. Лессинг, Н.В. Гоголь).

Ключевые слова: И.С. Тургенев; В. Скотт; «Жид»; «Айвенго»; личная библиотека И.С. Тургенева; Шекспир.

Проблема восприятия И.С. Тургеневым творчества В. Скотта практически не имеет (за отдельными исключениями¹) историю изучения. Отсутствием такой традиции характеризуется и творческая рецепция романа «Айвенго» (1819), при том что существуют важные предпосылки к подобному исследованию – личная библиотека писателя, с одной стороны, и факты художественной рефлексии – с другой.

С романом «Айвенго» Тургенев, вероятно, познакомился в чрезвычайно популярном переводе на французский язык (1820) в годы домашнего или пансионного обучения. Позднее он мог обратиться к русскому переложению, вышедшему в 1826 г. Чтение же оригинала можно достоверно отнести к периоду пребывания за границей, а также последующему за ним времени проживания на родине. Именно тогда происходил масштабный процесс освоения мира Вальтера Скотта по объемному собранию сочинений (1831–1838 гг.), которое писатель приобрел, находясь в Европе. История Уилфреда Айвенго была изложена в четвертом томе, на страницах которого оставлены несколько карандашных и ногтевых помет, однозначно принадлежащих Тургеневу.

Знаки читательского внимания отсутствуют на протяжении большей части романа и появляются преимущественно в завершающих его главах. Лишь одна заметка в виде косой черты, проведенной ногтем, содержится практически в середине тома. Тургенев выделяет реплику Фрон де Бефа в диалоге с пленным Седриком Саксом (последний переодет в одежду монаха, благодаря чему успешно выбирается из замка, готовящегося к осаде):

«– But they were Saxons who robbed the chapel at St. Bees of cup, candlestick, and chalice, were they not?

– They were godless men, – answered Cedric.

– Ay, and they drank out all the good wine and ale that lay in store for many a secret carousal, when ye pretend ye are but busied with vigils and primes! Priest, thou art bound to revenge such sacrilege»² [3. P. 235].

«– Но те, что ограбили часовню Сент-Би и утащили оттуда чашу, дароносицу и подсвечник, были саксы, не правда ли?

– Это были безбожники, – отвечал Седрик.

– Да еще выпили все вино и пиво, заготовленное для ваших тайных пирушек, когда вы притворяетесь, будто поститесь и молитесь, а сами пьянствуете. Знаешь, ведь твое дело – отомстить за такое святотатство» [4. С. 306–307].

Разговор происходит между представителями двух враждующих лагерей – норманном и саксом. Хотя Седрик на всем его протяжении и вынужден терпеливо сносить оскорбления ничего не подозревающего барона, выделенная фраза никак не задевает его собственных чувств. То есть Тургенев отмечает сатирический выпад в отношении духовенства вне четко определенного ситуацией контекста, интересуясь, очевидно, общим комическим планом романа. Подобные иронические замечания автор рассыпал на всем его пространстве, свободно критикуя аскетизм монашеской жизни в слишком вольной его трактовке. При этом Тургенев не мог не уловить связь всей сцены с ее гоголевским прочтением: когда Тарас Бульба, переодетый «иностранным графом, приехавшим из немецкой земли» [5. С. 157], пытается увидаться с пленным Остапом. Так же, как и Седрик, неузнанный старый казак слышит оскорбления в адрес своих соплеменников: «Это собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает» [5. С. 160]. Но Бульба оказывается более неосторожным, чем герой Скотта, гневная гордость не позволяет ему стерпеть такое поношение.

Далее внимание Тургенева-читателя полностью сосредотачивается в пределах глав XXXIX и XLII. Первая после неотмеченных страниц помета встречается в момент страстной речи норманнского рыцаря Бриана де Буагильбера. Напротив его обширной реплики, больше напоминающей монолог, ногтем прочерчена короткая наклонная черта. Акцент поставлен на надменном, полном самообольщения и

честолюбия обращении храмовника к похищенной им Ревекке, дочери иудея Исаака. Буагильбер уговаривает девушку, которую по его вине за несколько часов до этого приговорили к смертной казни (с небольшой отсрочкой для отыскания защитника), покинуть вместе с ним Англию и поселиться в Палестине. Тургенев отмечает пик рыцарского тщеславия и гордыни, когда герой, выступающий антагонистом Айвенго, отдается в полную власть самообмана и прочерчивает себе путь к безграничной славе и власти:

«Thou shalt be a queen, Rebecca – on Mount Carmel shall we pitch the throne which my valour will gain for you, and I will exchange my long desired batoon for a sceptre!» [3. P. 369].

«На горе Кармель создадим мы тот престол, который я завоюю своей доблестью тебе, и вместо гроссмейстерского жезла у меня в руке будет царский скипетр» [4. С. 471].

В пламенных словах храмовника закрепляется одна из ключевых характеристик его облика – дерзкого и самолюбивого человека, ставящего свои желание и волю выше всякой чужой жизни и свободы. Тургенев понимал кульминационное значение этой яростной речи, в которой смешались и предстали в объемном виде два сильнейших чувства, определивших весь образ рыцаря, – любовная страсть и гордыня.

Следующая помета Тургенева связана с фигурой уже исторического лица – короля Ричарда. Писатель вчитывается в сцену его появления в замке Конингсбург, где проходила церемония прощания с якобы погибшим Ательстаном. Центральным в его восприятии оказывается встреча короля с Седриком Саксом, а именно момент разоблачения перед ним Ричарда:

«As yet you have known me but as the Black Knight of the Fetterlock – know me now as Richard Plantagenet» [3. P. 406].

*«До сих пор вы меня знали под именем Черного Рыцаря *Висячего Замка*. Знайте же, что я Ричард Плантагенет»* [4. С. 515].

Таким образом, венценосный герой окончательно снимает маску, которую был вынужден носить все это время, и объявляет себя единственным законным представителем английской монархии. Эта сцена лишена пафоса публичности: король раскрывается в присутствии лишь нескольких человек. Но значение ее именно в сюжетном закреплении исторической роли героя, который в дальнейшем действует уже открыто, не прячась под именем Черного Рыцаря.

Остановившаяся на этом фрагменте, Тургенев не случайно ставит карандашом четкий короткий штрих рядом со словом *Fetterlock*, обозначая его для себя в качестве смыслового центра. Затруднения с пониманием его значения у писателя возникнуть не могли: оно состоит из двух простых слов (*Fetter + lock*), означающих «оковы» и «замок», что легко им прочитывалось. Кроме того, до обозначенного момента это

слово встречалось в тексте романа несколько раз и не было как-то маркировано Тургеневым. Однако важно, что «висячий замок» фигурирует в произведении не просто в качестве рыцарского псевдонима, но включает в себе совершенно определенную связь с королевским геральдическим знаком [6. P. 141] (цилиндрический корпус с продольными ребрами и большой петлей сверху). То есть писатель обращается к многозначности этого символа, проявляющейся наиболее ярко в сцене разоблачения, когда вымышленный и неявный признак королевской власти окончательно сменяется на реальный.

В этой же сцене разговора короля и сакса Тургенев отмечает одного из представителей монаршего рода, которого называет Седрик и к которому он относит принадлежность Ричарда:

«Nor am I ignorant of thy claim to the crown through thy descent from Matilda, niece to Edgar Atheling, and daughter to Malcolm of Scotland» [3. P. 407].

*«Знаю также, на чем основаны твои права на корону: ты потомок Матильды, а она была племянницей Эдгара Атлинга и дочерью шотландского короля *Малькольма*»* [4. С. 516].

Карандашной чертой писатель подчеркивает имя *Malcolm*, и в этом также есть своя закономерность. Тургенев обозначает в тексте Вальтера Скотта присутствие Шекспира, делая зримой параллель, которую автор провел к пьесе «Макбет». Названный король Малкольм оказывается одним из исторических героев шекспировской трагедии. Именно с убийства его отца, короля Дункана, начинаются кровавые злодеяния Макбета, и именно он (вместе с Макдуфом) свергает тирана, а затем восходит на престол. Русский писатель, погрузившийся в конце 1830-х – начале 1840-х гг. в мир Шекспира, легко угадывает эту отсылку.

Чуть ниже он все в той же манере выделяет небольшое выражение из обращения короля к Седрику:

«I will not dispute my title with thee, noble Thane, – said Richard calmly, – but I will bid thee look around thee, and see where thou wilt find another to be put into the scale against it» [3. P. 407].

*«Я не буду спорить с тобой о моих правах, благородный тан, – сказал Ричард спокойно, – но попрошу тебя *оглянуться вокруг* и сказать, кого же ты теперь можешь выставить мне соперником»* [4. С. 516].

Само по себе оно не отличается какой-либо сложностью в лексическом или семантическом плане, но в определенном ему контексте появляется дополнительное значение. Это хорошо видно рядом с ответной фразой Седрика, которого возмутили слова Ричарда и вызвали в нем гнев. Выражение «оглянуться вокруг себя» для него оказалось равносильно оскорблению и злобной насмешке, поскольку «вокруг» никого не осталось, а сам он – практически

единственный представитель своего племени, и сейчас ему приходится хоронить «последнего отпрыска саксонских королей» [4. С. 516]. Возникшая двусмысленность могла стать поводом к серьезному конфликту, но была сглажена примирительным тоном Ричарда.

Еще одно подчеркивание, сделанное на этой же странице, относится к слову *nidering* в речи короля:

«I require of thee, as a man of thy word, on pain of being held faithless, man-sworn, and *nidering*, to forgive and receive to thy paternal affection the good knight, Wilfred of Ivanhoe» [3. P. 407].

«Итак, на основании данного тобою слова и под страхом обвинения в вероломстве и *клятвопреступлении* прошу, чтобы ты простил доброго рыцаря Уилфреда Айвенго и снова даровал ему свою родительскую любовь» [4. С. 517].

Случай выделения этого слова можно было бы отнести к формальному, т.е. к стремлению писателя отыскать его верный эквивалент. Тем более что и сам автор дал здесь пояснение: пометив его звездочкой, ниже, в виде постраничной сноски, Скотт кратко расшифровал: *infamous* (постыдный, низкий, бесчестный). Однако на определение *nidering*, имеющее саксонское происхождение [7. P. 173], романист ранее (в гл. XIV – речь Локсли) уже обращал внимание читателя и характеризовал его (тоже в сноске) как самый «позорный эпитет» (*disgraceful epithet*) в среде саксов [3. P. 130]. В результате то, что Тургенев выделил это яркое слово именно в заступнической речи Ричарда, косвенно говорит о внимании писателя к несправедливости отношения строптивого Седрика Сакса к своему сыну, представленной в оценке исторического персонажа.

Следующие пометы Тургенева фиксируют его сосредоточенное и непрерывное внимание на протяжении нескольких страниц подряд. Они практически полностью охватывают действие все в том же замке Конингсбург, концентрируясь на мотиве мнимой смерти или неожиданного воскрешения, главным лицом которого является Ательстан.

Сначала писатель не очень аккуратно ставит карандашом знак вопроса поверх слов Седрика, рядом с именем Ровены:

«*The Lady Rowena must complete two years' mourning, as for a betrothed husband – all our Saxon ancestors would disown us we were to treat of a new union for her ere the grave of him she should have wedded – him, so much the most worthy of her hand by birth and ancestry – is yet closed*» [3. P. 408].

«Знай, что леди Ровена два года будет ходить в трауре по своему нареченному. Все наши саксонские предки отказались бы от нас, если бы мы вздумали говорить о другом союзе, еще не успев опустить в могилу того, с кем она должна была соединиться, кто и знатностью

и родом своим был несравненно достойнее ее руки, нежели ты» [4. С. 517].

Очевидно, интерес писателя вызвал саксонский обычай длительного ношения девушкой траура по умершему жениху. Но одновременно с этим в тургеневском вопросе можно усмотреть естественное недоумение читателя, вызванное сумасбродным решением отца Айвенго на два года разлучить давно влюбленных друг в друга Ровену и собственного сына. Это решение в реальности не было подкреплено, поскольку Ательстан являлся нареченным Ровены лишь в фантазии самого Седрика, желавшего соединить последних представителей саксонских королей и предъявить права на английский престол.

Далее в романе следует полная юмора сцена неожиданного появления Ательстана, которого еще совсем недавно усердно отпевали монахи. Здесь Тургенев отмечает авторскую метафору, которой описано облачение героя: «*garments of the grave*» (одежда из могилы). Затем он вчитывается в «потрясающий (ужасающий) эффект», который произвело на окружающих появление Ательстана. На большом текстовом пространстве [3. P. 408–409] им были оставлены многочисленные пометы карандашом, но графит в этих местах почти утрачен или полустерт и едва различим, поэтому можно говорить лишь о явных пометках. Однако и они в своей совокупности являются достоверным свидетельством читательского интереса Тургенева. В поле его пристального внимания попал также рассказ Ательстана о своем избавлении от коварных монахов, которые задумали нажить на похоронах живого рыцаря.

Наконец, последняя явная помета Тургенева на страницах романа относится к восклицаниям «воскрешшего» героя, который опровергает кажущуюся слушателям занимательность произошедшей с ним истории и произносит угрозу своим мучителям:

«Have patience, noble Athelstane, – said the King, – take breath – tell your story at leisure – be-shrew me but such a tale is as well worth listening to as a romance.

Ay, but by the rood of Bromeholm, there was no romance in the matter! – said Athelstane. – A barley loaf and a pitcher of water – that they gave me, the niggardly traitors, whom my father, and I myself, had enriched, when their best resources were the fitches of bacon and measures of corn, out of which they wheedled poor serfs and bondsmen, in exchange for their prayers – the nest of foul ungrateful vipers – barley bread and ditch water to such a patron as I had been! I will smoke them out of their nest, though I be excommunicated!» [3. P. 410].

«Погодите, благородный Ательстан, – сказал король, – переведите дух и рассказывайте спокойней. Будь я проклят! Но ваш рассказ стоит того, чтобы его послушать как роман.

Ну, – сказал Ательстан, – клянусь бромхольским крестом, нет ничего похожего

на роман! Краюха ячменного хлеба да кувшин воды – вот все, что они давали мне, скаредные прохвосты; мой отец и я обогатили их, раньше их доходов только всего и было, что копченое сало да мерка зерна, которые они вымогали у рабов и крепостных за свои молитвы, – гнездо гнусных, неблагодарных гадюк! Ячменный хлеб и вода из канавы такому благодетелю! Ну, погдите, я их выкурю из гнезда, пусть даже отлучают меня от церкви!» [4. С. 519].

Выделение Тургеневым этого фрагмента примечательно с позиции интереса писателя к авторскому изображению синтеза комического и трагического в повседневности. Именно такой особенностью характеризуется патетичная речь Ательстана, в которой рассказ о «голодной смерти» оборачивается описанием и перечислением обильной простой еды.

В результате все пометы и пометки на преимущественно последних страницах романа, не смотря на свою немногочисленность, дают возможность реконструировать общую логику тургеневского интереса и определить активный круг его внимания. Первое чтение «Айвенго» на языке оригинала, видимо, стало для писателя не столько открытием новых образов или сюжетов, сколько проникновением в индивидуальную авторскую систему письма. Тургенев знакомится с творческой манерой Скотта: умением объемно вплести комические элементы в пафосно-героическую атмосферу действия, сочетать историческое и художественное (в том числе опираясь на преемственный опыт Шекспира), смелостью иронического тона, мастерством речевых характеристик.

Впечатление, произведенное на Тургенева романом Вальтера Скотта во время чтения, позже значимо проявилось в его собственной творческой интерпретации усвоенных тем, мотивов и образов. Этот процесс художественной рецепции составляет два далеко отстоящих друг от друга этапа: во-первых, рассказ «Жид», за отсутствием автографа приблизительно датированный 1846 г., и, во-вторых, повесть «Несчастливая», написанная в 1868 г.

Рассказ «Жид», одним из рецензентов которого был хорошо знакомый Тургеневу А.В. Никитенко, появился без подписи автора (заменена на астроним) в предпоследнем номере журнала «Современник» (№ 11) за 1846 г. Создание и публикация рассказа оказываются обрамлены двумя оперными постановками, тематически ему близкими и вошедшими в непосредственное поле зрения автора. В декабре 1845 г. на сцене Большого театра Петербург впервые принимал произведение О. Николаи «Тамплиер» (Il Templagio). Основой либретто для него стал роман «Айвенго»: история любви рыцаря-храмовника к еврейской девушке. А в марте 1847 г. в Берлине состоялась премьера оперы Ф. Галеви «Жидовка» (La Juive). Либретто было написано Э. Скрибом, который также обратился к роману Скотта (и драме Г. Лессинга «Натан Мудрый»). Обе постановки Тургенев наблюдал лично, о чем замечал в своих дневнике³ и письме⁴, а главные партии в них – Ревекки и Рахили исполнила близкая ему Полина Виардо.

Оперы Николаи и Галеви вслед за «Айвенго» отвечали размышлениям писателя о судьбе еврейского народа и специфике личности отдельных его представителей, что уже в 1820-е гг. постепенно становилось предметом неоднозначной рефлексии в русской литературе [10]. Центром художественной разработки этих тем для Тургенева в 1840-е гг. стал рассказ «Жид», обделенный критическим и исследовательским вниманием. Проблематику этого лаконичного произведения, принадлежащего раннему периоду творчества писателя, определяли по-разному: с одной стороны, психология героя-рассказчика («подвалы психики») [11. С. 83], с другой – «физиология смерти» [12. С. 65]. Кроме того, А.Н. Дубовиков и Е.Н. Дунаева в кратком комментарии к рассказу однозначно заявляют, что нет «никаких данных об источниках сюжета» [13. С. 577]. Однако, по точному замечанию Р.Ю. Данилевского, «в фундамент небольшого тургеневского рассказа заложен большой материал мировой культуры» [14. С. 64]. Главным «материалом культуры» здесь для Тургенева стал именно недавно им прочитанный роман Вальтера Скотта, который и позволяет установить проблемное поле творческих поисков молодого автора.

По примеру английского романиста Тургенев предметом художественной рефлексии избирает отца-еврея и его дочь, оказавшихся в условиях социально-исторического и нравственно-психологического кризиса. Исаак из Йорка и Ревекка находятся в положении между молотом и наковальней, которое обусловлено непримиримым столкновением двух враждующих лагерей – хозяев англосаксов и захватчиков норманнов, равно не терпящих присутствия в стране «сынов Иудеи»:

«Норманны, саксонцы, датчане, британцы, как бы враждебно ни относились они друг к другу, сходились на общем чувстве ненависти к евреям и считали прямой религиозной обязанностью всячески унижать их, притеснять и грабить» [4. С. 94].

Это противостояние также связано с междоусобной войной, представленной в борьбе принца Джона против своего брата короля Ричарда. Сам Исаак проговаривает сложность и опасность ситуации, в которой ему приходится существовать:

«...что касается Ричарда Львиное Сердце, мне лучше попасть в лапы идумейского льва, чем в его руки, если только он узнает о моих денежных сделках с его братом» [4. С. 322].

Точно таким же образом меж двух огней вынуждено живут тургеневские Гиршель и Сара. Подобно Вальтеру Скотту, относящему действие к концу XII в. (после третьего крестового похода), русский писатель обращается к исторической хронике России и помещает своих героев в национально значимое время и пространство – Отечественная война 1812 г. и Заграничные походы русской армии. Семья Гиршеля невольно оказывается в середине военного противо-

стояния русских и французов. При этом Тургенев, присваивая герою роль комиссионера и посредника, по-своему учитывает совершенно реальный факт – помощь еврейского населения на захваченных противником территориях [15. С. 69–84].

Для русской армии – солдат и офицеров кирасирского полка, стоявшего под Данцигом, Гиршель является исполнителем разных «безделок», он «доставал нам вина, съестных припасов» [8. Т. 4. С. 109]. Его практическая функция этим ограничена и не имеет сколь-либо серьезного значения. Тургенев не наделяет героя той весомостью, что определена у Скотта: сила и

В. Скотт

«Она была удивительно хорошо сложена, и восточный наряд не скрывал ее фигуры. Желтый шелковый тюрбан шел к смуглому оттенку ее кожи; глаза блестели, тонкие брови выгибались горделивой дугой, белые зубы сверкали, как жемчуг, а густые черные косы рассыпались по груди и плечам, прикрытым длинной сямаррой из пурпурного персидского шелка с вытканными по нему цветами всевозможных оттенков, спереди прикрепленной множеством золотых застежек, украшенных жемчугом...» [8. Т. 4. С. 107].

Красавица-еврейка, появляясь в повествовании, постепенно переносит на себя вес читательского внимания. Мотив поразительной (поражающей) красоты «молодой жидовки», завладевающей всем существом героя, Тургенев прямо берет у Скотта. Его Сара производит на Николая Ильича точно такое же действие, что и Ревекка на Бриана де Буагильбера. Она заставляет пребывать юношу в молчаливом оцепенении, оставляя лишь возможность восхищенного созерцания. «Молча стоял перед испуганной Ревеккой» и храмовник, пришедший к своей узнице за выкупом, который «должен быть выплачен красотой и любовью» [4. С. 271–272].

Героиня Тургенева, соблазняя офицера, потворствует плану своего отца получить от него как можно больше денег ввиду его недавнего выигрыша. Это вновь намеренно обытовляет значение персонажа по сравнению с его позицией в романе «Айвенго». В оболыщении храмовника Ревекка неповинна: «хищным Брианом де Буагильбером» [4. С. 319] завладела страсть при однажды увиденной красоте. Непричастна она и к ростовщическим делам своего отца: Скотт подчеркивает, что девушка «была не в силах подражать его угодливости и низкопоклонству, потому что трусость была чужда ее душе» [4. С. 270]. Однако Тургенев сохраняет в своем рассказе свойственную Ревекке нравственную чистоту, ясно показывая, что Сара исполняет отведенную ей роль не по своей воле. Находиться в положении искусительницы и торговать своей красотой – для нее это не привычное дело, а мука, что хорошо видно по ее «дикому» поведению во время свидания с корнетом. Нерешительные, робкие движения точно свидетельствуют о стыдливости: «боялась глядеть на меня и неровно дышала», «дрожавшие, холодные пальцы», «проворно отодвинулась» [8. Т. 4. С. 111–112]. Особенно явно проступает

влияние принца Джона стоят в непосредственной зависимости от средств богатого купца-еврея из Йорка. Но Гиршель оказывается спасителем человека в бытовом плане: он избавляет молодого корнета от тоски и скуки походной жизни, представляя ему на любовные прекрасную незнакомку. Описание Сары при первом ее появлении выполнено по канве портрета, возвращенного Вальтером Скоттом. Определяющими признаками внешнего изображения обеих девушек становятся смуглая кожа, густые черные волосы и белые зубы; очевидным сходством в подчеркнута восточном облике обладают и детали одежды:

И.С. Тургенев

«Она скинула свой плащ и села. На ней был короткий, спереди раскрытый казакин с серебряными круглыми резными пуговицами и широкими рукавами. Густая черная коса два раза обвивала ее небольшую головку; я сел подле нее и взял ее смуглую, тонкую руку <...> в одно мгновение сверкнули во мраке белки ее больших и длинных глаз и маленькие, ровные, блестящие зубки. Она немного противилась, но как будто боялась глядеть на меня и неровно дышала. Я любовался ее восточным профилем» [4. С. 111].

скромная природа Сары во время попыток Николая Ильича поцеловать ее, нарушить незримую, но необходимую для девушки дистанцию:

«Ну, теперь я тебя поцелую.

– Нет, пожалуйста, пожалуйста, – пролепетала она испуганным и умоляющим голосом.

<...> Я не выдержал и проворно поцеловал ее в щеку. Она вскочила и в один прыжок очутилась у входа палатки» [8. Т. 4. С. 113].

Прорывающаяся мольба в голосе девушки – это не только проявление ее страха и взывание к нравственным чувствам офицера, но и сознание того, что сама она также помнит о своей чести, в том числе религиозной (хотя прямо об этом Тургенев не говорит), и готова ее отстаивать. Далее это подтверждается ее решительным намерением покинуть палатку корнета. Точно также Ревекка выказывает готовность ценой жизни спастись от настойчивости де Буагильбера: «...распахнула решетчатое окно, выходящее на верхнюю площадку башни, вспрыгнула на парапет и остановилась на самом краю, над бездной» [4. С. 275].

Сходство между Сарой и Ревеккой наблюдается не только в сознании своей чести, но также и в понимании своего достоинства. Это чувство Вальтер Скотт называет «горделивой скромностью», он говорит, что девушка, «как бы подчиняясь неблагоприятным обстоятельствам, в которые ставила ее принадлежность к презираемому племени», в то же время «сознавала себя достойной более высокого положения» [4. С. 270]. Подобным же образом у Тургенева Сара, понимая силу религиозных предрассудков, пользуется той властью красоты, в которой оказывается корнет. Униженная гордость проявляет себя в кокетстве уже не по принуждению. Это хорошо показано в тот мо-

мент, когда девушка не разрешает юноше поцеловать себя, но позволяет, даже требует от него дотронуться губами до своей руки:

«Если хочешь... вот, – сказала она после некоторого молчания и поднесла свою руку к моим губам.

Я не совсем охотно поцеловал ее. Сара опять рассмеялась» [8. Т. 4. С. 112].

Этот картинный жест раскрывает тихую игру, которую затеяла девушка, – ухаживание кавалера за прекрасной дамой. Покорность, изъясняемая корнетом, и ощущение своей власти над ним, хотя и мимолетной, доставляют Саре невинное, почти детское удовольствие. И она продолжает эту игру во влюбленность: «А покажите-ка себя, – сказала она. Я нагнулся к ней. Сара положила руки ко мне на плечи, начала разглядывать мое лицо, хмурилась, улыбалась...» [8. Т. 4. С. 113].

Истинное душевное состояние Сары во всей полноте проявилось во время второй «оплаченной встречи» с корнетом. Уговоры отца заставили девушку вновь прийти в лагерь русского полка и сыграть роль обольстительной девы Востока. В этот раз Сара не в силах ни как-то отреагировать на ухаживания русского офицера, ни подавить внешнего проявления внутренней муки – личное горе полностью ею завладевает:

«Я вскочил, обнял ее... прикоснулся губами до ее лица... Оно было холодно как лед. Я едва мог различить ее черты... Я усадил ее, стал перед ней на колени, брал ее руки, касался ее стана... Она молчала, не шевелилась и вдруг громко, судорожно зарыдала. Я напрасно старался успокоить, уговорить ее... Она плакала навзрыд... Я ласкал ее, утирал ее слезы; она по-прежнему не противилась, не отвечала на мои расспросы и плакала, – плакала в три ручья» [8. Т. 4. С. 114].

Две сменяющиеся сцены свидания русского и еврейки контрастны по отношению друг к другу. Перемена чувств происходит и у каждого из ее участников. Если в начале девушка пыталась казаться любезной и следовать плану отца, то далее искусственная веселость сменяется естественной печалью, вызванной страданием. Точно так же меняется и настрой юноши: очарованный знакомством с Сарой и одновременно раздосадованный дикостью ее поведения он позже оказывается не менее поражен ее холодностью и слезами. Показательно в этом плане его собственное замечание: «Сердце во мне перевернулось» [8. Т. 4. С. 114].

Поступок самого Гиршеля, который как бы торгует своей дочерью («Красавица! такой нет красавицы нигде. А денег мне теперь пожалуете?») [8. Т. 4. С. 114], полностью противоречит убеждениям Исаака из Йорка. Герой Скотта скорее допустил бы смерть Ревекки, чем позволил бы ей находиться в руках другого мужчины, тем более иноверца. Показательна его реакция на сообщение Фрон де Бефа о том, что дочь

еврея приставлена служанкой к храмовнику: «Вопль, вырвавшийся из груди Исаака при этих словах рыцаря, отозвался во всех углах свода и так изумил обоих сарацин, что они невольно выпустили из рук несчастного еврея» [4. С. 255]. В то же время Тургенев не делает из Гиршеля абсолютно беспринципного и безнравственного отца: не случайно он показывает (предельно кратко) картину нищеты и бедствия, которая частично должна служить ему своеобразным оправданием. Писатель вводит минимальные приметы жизни Гиршеля и его семьи: «маленький, старенький домик», «безобразная, растрепанная жидовка», «три курицы и утка», «сено, солома, мучные кули» [8. Т. 4. С. 115]. Все это попадает в поле внимания рассказчика именно в момент разорения евреев, когда солдаты пытаются пожить их небольшим хозяйством. Подобным набегам в период военной кампании они, вероятно, нередко подвергаются как со стороны русских, так и со стороны французов.

Оправдать свой поступок перед корнетом несколько раз пытается и сам Гиршель. С одной стороны, всем своим поведением он ясно дает понять молодому офицеру, что не оставит с ним Сару совсем наедине. Еврей «нехотя повиновался» приказу выйти из палатки, «осторожно высовывал голову из-под» ее края, «появился у входа палатки и погрозил» дочери, «опять выставил свою курчавую головку» [8. Т. 4. С. 111–113]. С другой – Гиршель несколько раз проговаривает это оправдание: в первых, когда Николай Ильич хочет проводить девушку до дома («А нельзя, нельзя, никак нельзя-с, – торопливо возразил жид. – Ай, ай, никак нельзя-с» [8. Т. 4. С. 114]), а во-вторых, перед своей гибелью («Я хотел ваших денег, ваше благородие, нужно сознаться, денежек... но я ни за что...»; «Я не отхожу от палатки») [8. Т. 4. С. 122].

Отношения между еврейской девушкой и русским офицером отдаленно напоминают сюжетное положение Ревекки и Айвенго. Героиня Вальтера Скотта влюбляется в спасителя своего отца и вынуждена скрыть возникшее в ней чувство, сознавая его «незаконную» природу ввиду существующих предрассудков. Любовь Ревекки не остается совсем безответной: раненый рыцарь, за которым она ухаживала, при первом взгляде на «красивые черты и блестящие глаза» [4. С. 324] своего врача испытал «почтительное восхищение и даже нежность» [4. С. 324]. Но точно следуя законам средневекового времени, автор не позволяет развиваться чувствам Айвенго, который «был слишком искренним католиком». Узнав, что прекрасная девушка «не более как бедная еврейка», он сменил нежность и восхищение на «холодное и не очень глубокое чувство признательности» [4. С. 324]. Эта перемена, лишившая Ревекку «заслуженного благородного преклонения», заставила ее почувствовать унижение, а также принять его на счет своего народа [4. С. 325].

Тема любви Сары и корнета в рассказе Тургенева лишь робко намечена и не получает полноценного развития. Первые встречи очевидным образом оставляют след на каждом из них. Влюбленность офицера, точно так же, как и у Скотта, возникшая из восхи-

ценного впечатления, стремительно развивается («По ночам спал я довольно плохо: мне все мерещились черные влажные глаза, длинные ресницы; мои губы не могли забыть прикосновенья щеки, гладкой и свежей, как кожица сливы») [8. Т. 4. С. 114] и грозит вылиться в более серьезное чувство – особенно после того, как юноша спас семью от разграбления солдатами (здесь очевидная отсылка к избавлению Исаака от расправы крестоносцев). Но новые обстоятельства, в ходе которых Николай Ильич узнает, что Сара – это дочь Гиршеля и «его сообщница» [8. Т. 4. С. 122], не дают этому случиться. Нарастающим образом движутся и чувства девушки: знакомство с корнетом, несмотря на страх и напускную веселость, вызывает в ней интерес, а случай со спасением заставляет ее отнестись к нему уже с большей искренностью и доверием («Она с улыбкой посмотрела на меня») [8. Т. 4. С. 115]. Перемена в ее отношении проявлена в самостоятельном решении прийти к нему на свидание. Но дальнейшее движение чувства оказывается невозможным.

Союз Ревекки и Айвенго невозможен из-за существующих между ними глубоких религиозных разногласий. От прямоты подобных причин Тургенев отказывается, ориентируясь на историческую ситуацию, в которой сказывается общее лицепрятное представление о лукавой природе еврея-фактора и еврея-шпиона⁵. Любовная тема, не будучи одной из центральных в сюжетном развитии рассказа, далее уходит на задний план, уступая место случайно разыгравшейся драме.

На глазах корнета разворачивается трагедия человеческого существования, связанная с униженным положением польского еврея, исходом которого становится смертная казнь. В этом плане финал тургеневского рассказа точно перекликается с заключительными главами «Айвенго», где муки Ревекки достигают пика в момент ее приговора к публичному сожжению за «нечестивую веру», к тому же орудующую «колдовством».

В рассказе «Жид» Гиршель обвиняется в шпионаже в пользу французов, за что наказан повешением. Его судьба решена полковым генералом, который по своей натуре был «честным и добрым», но вместе с тем «строгим исполнителем правил службы» [8. Т. 4. С. 118]. Этот «человек немецкого происхождения» символизирует для бедного еврея непреклонную и неотвратимую волю рока. Рассказчик делает важное замечание в характеристике генерала: он «исполнение долга ставил выше сострадания» [8. Т. 4. С. 118]. Эта фраза является скрытой цитатой из текста романа Вальтера Скотта. Практически теми же словами английский автор характеризует грессмейстера Бомануара, который «от природы <...> не был ни жестоким, ни даже суровым» [4. С. 453], но именно он произносит суд над Ревеккой. Еврейская девушка, кротостью ответа и нежностью голоса пробудила у собравшейся толпы чувство жалости, которому не поддался один лишь судья. Эту напускную жестокость Скотт объясняет тем, что грессмейстер признавал «особой заслугой подавлять в себе всякие чувства, когда речь шла об исполнении того, что он считал своим долгом» [4. С. 448] (the suppression of each feeling of humanity

which could interfere with his imagined duty, was a virtue of itself) [3. P. 351].

Но Тургенев не ограничивается тем, что, как и английский романист, констатирует в генерале перевес чувства долга над гуманностью. Вслед за Вальтером Скоттом он позволяет проявиться – перед униженными мольбами Гиршеля – и нравственному колебанию в строгом судье, которое маркируется способностью сострадать:

«Сообразно законов повесить еврея, – проговорил он протяжно и с видом человека, принужденного скрепя сердце принести свои лучшие чувства в жертву неумолимому долгу, – повесить!» [8. Т. 4. С. 120].

Точно так же приносит в жертву «свои лучшие чувства» Бомануар, и происходящая в нем внутренняя борьба находит отражение во внешнем облике: «суровые черты его лица как будто смягчились» [4. С. 453]. Но это реакция не на мольбу о пощаде, к которой Ревекка по природе своей не способна, а на ее мужество – она защищалась «с удивительным присутствием духа и редкой отвагой». Грессмейстер и сам признается, что испытывает жалость, которую, по его словам, можно приписать «естественной скорби сердца» [4. С. 453].

Производя одинаковый эффект на своих судей, Ревекка и Гиршель по-разному ведут себя в сцене приготовления и ожидания казни. Глядя на устройство будущей смерти, герой Тургенева «замахал руками, присел и зарыдал», «он рыдал, как ребенок» [8. Т. 4. С. 120]. У героини Вальтера Скотта на лице «запечатлелось трогательное выражение смелости и покорности судьбе» [4. С. 531]. Оба автора при этом дают четкое представление об «орудии» казни. В «Айвенго» оно описано достаточно подробно и реально:

«На противоположном конце ристалища стоял врытый в землю столб; вокруг него лежали дрова, между которыми оставался проход в роковой круг для жертвы, предназначенной к сожжению. К столбу были привинчены цепи, которыми должны были ее привязать. Возле этого ужасного сооружения стояло четверо чернокожих невольников» [4. С. 526].

А в случае с тургеневским рассказом виселица «собирается» по вскользь упоминаемым деталям и все же предстает в не менее явственном виде: вахмистр вернулся «с веревкой в руках» [8. Т. 4. С. 120], «в поле, на дороге к одинокой березе, виднелась группа солдат» [8. Т. 4. С. 121], «потащили к березе», «надели петлю» [8. Т. 4. С. 123].

Важное наблюдение делает рассказчик Тургенева, когда передает психологию переживаний Гиршеля. Он замечает, что «вместо обыкновенного, жидовской натуре свойственного, тревожного испуга на лице его изобразилась страшная, предсмертная тоска». Это гнетущее чувство, захватившее еврея, он позже расшифровывает: «мучительная тоска разлуки с жизнью, дочерью, семейством» [8. Т. 4. С. 120]. В этом свойстве проявлено стремление автора поэти-

зировать предсмертное ощущение героя, представить его в плане вненациональном, общечеловеческом. Такое понимание драмы Гиршеля рознит русского писателя с позицией Скотта, который в подобных обстоятельствах, напротив, на первый план выдвигает именно национальное достоинство Ревекки – «потомка великого рода» [4. С. 474], противостоящее заблуждениям суеверных христиан. Но при этом именно принимаемая Тургеневым у Скотта поэтизация придает образу Ревекки нравственную и эстетическую привлекательность.

Гиршель умирает не как «обыкновенный жид», не с чувством жалостливого себялюбивого страха, а с сознанием того, что жизнь кончена, и он оставляет в ней без защиты свою семью. Его последние мысли и переживания сходны с состоянием другого тургеневского героя – задавленного подрядчика Максима из рассказа «Смерть», в котором проявлены те же отчаяние и тоска по оставляемому дому.

Ожидание казни и связанное с ним у каждого из героев ощущение смерти составляют в рассказе Тургенева важный трагический элемент. Ему, по концепции автора, очевидным образом противопоставлен элемент комический, реализующийся преимущественно во второй половине повествования, когда готовится «эшафот» для осужденного. Кажущееся противоестественным в таком положении соединение двух разнонаправленных свойств отмечает сам рассказчик: корнета приводит в негодование смех солдат, которые «стали в кружок и, представьте, господа! смеялись, смеялись над бедным Гиршелем!» [8. Т. 4. С. 122]. Непонятная в первое время способность человека в трагическую минуту предаваться веселости позже получает свое объяснение: мучительная тоска «выражалась у несчастного жиды такими странными, уродливыми телодвижениями, криками, прыжками, что мы все улыбались невольно, хотя и жутко, страшно жутко было нам» [8. Т. 4. С. 123]. Такие острые противоречия в образе Гиршеля – носителя страдания и одновременно источника смеха поставлены Тургеневым с ориентацией на особенности шекспировского изображения человека, где трагизм неизменно соседствует с комизмом, что позволяет верно передать «физиономию жизни»⁶. Очевидно, у Тургенева синтез этих антонимичных категорий опирался в том числе на тематически связанную с его рассказом комедию «Венецианский купец» [18]. Закон амбивалентности чутко усвоил у Шекспира и его верный «ученик» Вальтер

В. Скотт

«Разбойник, негодяй! – вскричал еврей <...>. – Ничего тебе не дам! Ни одного серебряного пенни не увидишь от меня, пока не возвратишь мне дочь честно и без обиды! <...> Мне все равно! – воскликнул Исаак, доведенный до отчаяния поруганным чувством родительской любви. – Делай со мной что хочешь. Моя дочь – поистине кровь и плоть моя, она мне в тысячу раз дороже моего тела, которое ты угрожаешь истерзать. Не видать тебе моего серебра! Ни одной серебряной монетки не дам тебе, назарянин, хотя бы от этого зависело спасение твоей окаянной души, осужденной на гибель за преступления» [4. С. 257].

Скотт. Через него же в роман «Айвенго» проникает трагикомическое единство: автор по примеру своего предшественника ввел в сюжетную структуру произведения образ шута – Вамбы, явно наследующего традицию этого амплуа у «мудреца», сопровождающего короля Лири.

Особой выразительностью отличается и поведение Сары, которая, отчаянно признавая свое бессилие, вынуждена наблюдать за тем, как подготавливается казнь ее отца. Привязанность девушки к родителю, ее живая связь с ним подобны тому крепкому дочернему чувству, что вложил Лессинг в образ Рэхи. А масштаб душевных терзаний, испытываемых дочерью Натана от сознания того, что она может лишиться отца, который вдруг сделался чужим по крови («И этого отца... Нет, я не в силах! / Для сердца нужен воздух, воздух...») [17. С. 441], имеет у Тургенева точно такие же проявления. Из трагедии Лессинга исходил и Вальтер Скотт, моделируя свою пару отца и дочери, но он не привел их нравственно-психологическую связь к предельному свойству (этому мешают личное достоинство Ревекки и ее любовь к Айвенго). От немецкого просветителя наследовал английский автор и образ яростного храмовника, доводя до абсолюта его страстную природу.

Терзания тургеневской Сары являются словно зеркальным отражением страданий вальтерскоттовского Исаака: оба мучаются от мысли грозящей их родным опасности (Гиршель – казнь, Ревекка – поругание). Муки Сары Тургенев передает в постоянном изменении с нарастающим драматизмом: отыскивая путь к спасению отца и упрасывая корнета о помощи, она «отчаянно ломала руки», твердила «задыхающимся голосом», «как безумная посмотрела», «простонала», «схватила обеими руками себя за голову и побежала стремглав в поле», «судорожно схватилась» [8. Т. 4. С. 121–122]. В точно такой же напряженной градации чувств находится Исаак, он также «ломает себе руки в смертельной тоске» [4. С. 256] и просит у Фрон де Бефа пощады для своей дочери, даже предлагая себя в качестве искупительной жертвы:

«Порази меня своим кинжалом, изжарь на этом огне, но только пощади дочь мою, отпусти ее с честью, без обиды» [4. С. 256].

Сходным образом и венчаются муки героев – «страстным порывом» ненависти в сознании «полной беспомощности»:

И.С. Тургенев

«...лицо ее покрылось легкой краской, глаза за-сверкали, она протянула руки.

– Так будьте же вы прокляты, – закричала она по-немецки, – прокляты, трижды прокляты, вы и весь ненавистный род ваш, проклятием Дафана и Авирона, проклятием бедности, бесплодия и насильственной, позорной смерти! Пускай же земля раскроется под вашими ногами, безбожники, безжалостные, кровожадные псы...» [8. Т. 4. С. 123].

Именно «поруганное чувство любви» – отца к дочери и дочери к отцу пытаются, подобно шекспировскому королю Лиру, отстоять герои Вальтера Скотта и Тургенева. Драматизм Шекспира присутствует в каждой из этих сцен, причем английский писатель не случайно приводит к главе, в которой происходит все действие, эпиграф из «Венецианского купца». Он цитирует строки, передающие метание мысли Шейлока: между жадой золота и любовью к дочери. У Исаака подобно раздвоению не случается, хотя он до этого и торгуется со своим истязателем, но лишь за собственную жизнь, пытаясь «продать» (выкупить) ее как можно дешево. Мотив «выкупа» возникает и у Тургенева – обезумевший Гиршель вдруг допускает кощунственную мысль обменять свою жизнь на честь дочери: «Но теперь, если вы меня спасете, – проговорил жид шепотом, – я прикажу – я... понимаете?... все... я уж на все пойду...» [8. Т. 4. С. 122]. Однако далее это «предложение» так и остается фантазией старика, доведенного практически до безумия в ожидании смерти. Наконец, если Вальтер Скотт развязку семейной драмы лишает полноты трагического звучания, поскольку страдания его героя случайно прерываются дальнейшим ходом романских событий, то Тургенев ведет линию шекспировского трагизма до конца и завершает мучения Сары казнью ее отца.

В результате, следуя за английским романистом, а также учитывая опыт Шекспира и Лессинга, Тургенев размышляет об общечеловеческой природе «униженного племени». Выбирая в качестве заглавия рассказа экспрессивно-оценочный этноним, писатель будто бы задает уничижительно-отрицательный план читательского восприятия. Но его позиция оказывается по-вальтерскоттовски сложной и объективной, стремящейся к основам гуманного восприятия.

Вальтер Скотт, как всеведущий автор, прямо высказывает свою точку зрения. Он дает наглядно проявиться существовавшему в легендарное время и

«темные века» предрассудкам, которые не потеряли свою силу и в современности. Открыто называя ненависть к евреям свойством «суеверных и невежественных простолудинов» [4. С. 74], романист противопоставляет унижению одной нации самообман и суеверную жестокость двух других. Кроме того, английский автор самим героям-евреям дает возможность оправдать себя, высказать боль всего народа.

Тургенев действует с той же целью, но несколько иным способом, во многом ориентируясь на традицию Н.В. Гоголя в «Тарасе Бульбе»⁷. Практически лишая себя перед читателем откровенного голоса, он самим изображением, в котором действительные вещи называются своими именами (а слово «жид» и родственные ему формы: «жидовка», «пожидовски», «жидовский» употребляются в тексте рассказа, включая название, ровно пятьдесят раз, в отличие от троекратного «еврей»), дает понять силу и последствия человеческих заблуждений. Признавая очевидные недостатки, он вписывает еврея и его семью в стихию обыкновенного – обыденный мир, где человеческая драма разворачивается на каждом шагу и имеет собственную значимость. Это тот метод изображения обыкновенного человека, который идеально воплотился в очерковой книге «Записки охотника»⁸.

Таким образом, библиотека Тургенева открывает неизвестный факт рецепции писателем в 1840-е гг. творчества Вальтера Скотта вообще и романа «Айвенго» в частности. Этот этап в своей совокупности представляет интерес к эпической природе романа и главным его составляющим: трагикомическому синтезу и концепции историзма. Те же основания Тургенев возьмет для рассказа «Жид» – по следам прошедшего чтения писатель объемно и двойной тональностью воссоздает драму обыкновенной личности в условиях «проблемных поисков», исторического перелома.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. работы Д.С. Гутмана [1] и Э.М. Жилияковой [2].

² Здесь и далее пометы, сделанные И.С. Тургеневым на страницах романа «Айвенго», переданы курсивом.

³ Запись о событиях 1845 г.: «Самое счастливое время моей жизни. – Возвращение к зиме. 19 / 31 декабря Templagio – первый поцелуй...» [8. Т. 11. С. 199].

⁴ Из письма к П. Виардо от 4 января 1848 г.: «Итак, вы дебютировали в “Жидовке”. Уже одно это название “Жидовка” вызывает во мне уйму лиц и воспоминаний: г-на Крауса, с его зубами, налезавшими друг на друга, зубоскальством и пальцами свинцового цвета; г-на Ланге, такого медоточивого, такого выдержанного, такого растроганного собственными заслугами, супругов Пиль-о-Ни, толстого г-на де Далмаги, и т.д., и т.д.» [9. Т. 1. С. 381].

⁵ Ср. у А.С. Пушкина в дневниковой записи о встрече с Кюхельбекером: «Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели, и с виду настоящий жид – я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений» [16. С. 20–21].

⁶ «... наш великий комик Мартынов <...> недавно с большим успехом попытался выступить в роли почти трагической; я не мог удержаться, чтобы не пойти расцеловать его в его ложе; это было поистине откровением. У всех великих артистов непременно должны быть натянуты в луке обе эти тетивы; ведь они стремятся воспроизводить жизнь – где комическое и трагическое переплетены еще более, чем в драмах Шекспира» [9. Т. 4. С. 406].

⁷ Посреди объемного уничижительно-пренебрежительного описания еврейского населения, служащего характеристике «тяжелого XV века», «тогдашнего грубого века», Гоголь предоставляет Янкелю возможность выразить свою боль и боль своего народа: «... все, что ни есть недоброго, все валится на жида; потому что жид всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид» [5. С. 152]. Это душевное излияние прямо идет от шекспировского Шейлока, в страстной гневно-исповедальной речи произносящего: «Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколеть – разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать – разве мы не смеемся? Если нас отравить – разве мы не умираем?» [17. С. 52]. Эти же слова Вальтер Скотт предпосылает в качестве эпиграфа главе V, где впервые в романе появляется фигура Исаака – в доме Седрика.

⁸ Очевидные следы чтения «Айвенго» обнаруживаются, например, в рассказе «Хорь и Калиныч». Представленное здесь устройство кухни помещика Пеночкина по своим деталям и комической характеристике прямо соотносимо с описанием пира принца Джона (гл. XIV).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутман Д.С. Тургенев и Вальтер Скотт // О традициях и новаторстве в литературе. Уфа, 1976. С. 83–93.
2. Жилиякова Э.М. Шотландские страницы. Эхо Вальтера Скотта в русской литературе XIX века. Очерки. Томск, 2014. 290 с.
3. Scott W. *Ivanhoe*. Paris, 1835. (Baudrys collection of ancient and modern british novels and romances) // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1886.
4. Скотт В. Айвенго // В. Скотт. Собрание сочинений : в 20 т. М.; Л., 1962. Т. 8. 569 с.
5. Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Н.В. Гоголь. Полное собрание сочинений : в 14 т. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 39–172.
6. A New Dictionary of Heraldry / ed. by S. Friar. Sherborne: Alphabooks, 1987. 384 p.
7. Webster N. A Dictionary of the English Language / ed. by N. Webster. London, 1828. Vol. 2. 929 p.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т.; Сочинения : в 12 т. М., 1978–1986.
9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т.; Письма : в 18 т. М., 1982 (издание продолжается).
10. Вайскопф М.Я. Семья без уроды. Образ еврея в литературе русского романтизма // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 76–99.
11. Шаталов С.Е. Художественный мир И.С. Тургенева. М., 1979. 311 с.
12. Гитлиц Е.А. Структура и смысл рассказа Тургенева «Жид» // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 57–67.
13. Дубовиков А.Н., Дунаева Е.Н. Комментарий <к рассказу «Жид»> // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т.; Сочинения : в 12 т. М., 1980. Т. 4. С. 577–579.
14. Данилевский Р.Ю. Рассказ И.С. Тургенева «Жид» в культурно-историческом контексте // Спасский вестник. 2002. № 9. С. 57–65.
15. Гинзбург С.М. Отечественная война 1812 г. и русские евреи. СПб., 1912. 204 с.
16. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л., 1964. Т. 8. 596 с.
17. Лессинг Г.Э. Наган Мудрый // Г.Э. Лессинг. Драмы. Басни в прозе. М., 1972. С. 275–458.
18. Шекспир У. Венецианский купец // У. Шекспир. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1993. Т. 5. С. 5–104.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 октября 2020 г.

***Ivanhoe* by Walter Scott in the Creative Perception of Ivan Turgenev. Article One**

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 5–15.

DOI: 10.17223/15617793/460/1

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Emma M. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Keywords: Ivan Turgenev; Walter Scott; “The Jew”; *Ivanhoe*; Ivan Turgenev’s personal library; Shakespeare.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00219: I.S. Turgenev and the Issues of West European Literature (On the Materials of the Writer’s Library).

In the article, on the material of Ivan Turgenev’s library and his short story “The Jew”, the issue of reading and creative perception is examined. Turgenev’s perception of *Ivanhoe* by Walter Scott is in the focus. The research attention is developing from the interpretation of several Turgenev’s notes left in the English version of the novel to the analysis of the creative perception of the images of Isaac and Rebecca, which became the ideological and semantic basis of “The Jew”. The reading of *Ivanhoe* in the original in the early 1840s became for the writer a penetration into Scott’s individual writing system. Turgenev’s few notes indicate that he became acquainted with Scott’s creative manner: the ability to voluminously weave comic elements into the pathetic-heroic atmosphere of action, the combination of historical and artistic material, the boldness of the ironic tone, and the mastery of speech characteristics. The reader’s perception of Scott’s novel was soon replaced by its creative interpretation, as a result of which “The Jew” appeared. Following the example of the English novelist, the object of Turgenev’s artistic reflection is a Jewish father and his daughter, who find themselves in a socio-historical and moral-psychological crisis — the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army. There is an obvious similarity between Scott’s Rebecca and Turgenev’s Sarah: from the elements of the external description and the details of the portrait to the moral and psychological characteristics. The two young girls are especially united by the sense of pride and the awareness of their dignity, which clearly manifest themselves in the moments of danger that threatens them. Besides, the relationship between the Jewish girl and the Russian officer in Turgenev’s story vaguely resembles the situation of Rebecca and *Ivanhoe*. But the love line in “The Jew” does not develop in full. Considering William Shakespeare’s and Gotthold Lessing’s experience, following Walter Scott, Turgenev reflects on the universal nature of the “humiliated tribe”. The Russian writer depicts the psychology of the experiences of the Jew Girshel, accused of spying for the French. In the tradition of objectivity and epic literature, inherited from Scott, Turgenev draws a tragic line related to the position of an ordinary person. But, unlike the English novelist, Turgenev brings the torment of the character to the highest limit – the death penalty. At the same time, the Russian writer explicates sharp contradictions in the image of his character that turns out to be a carrier of suffering, on the one hand, and a source of laughter, on the other. This shows Turgenev’s orientation on the features of Shakespeare’s image of a person, in which the tragic invariably coexists with the comic. Walter Scott sensitively learned the law of ambivalence from Shakespeare, too.

REFERENCES

1. Gutman, D.S. (1976) Turgenev i Val’ter Skott [Turgenev and Walter Scott]. In: *O traditsiyakh i novatorstve v literature* [On tradition and innovation in literature]. Vol. 4. Ufa: [s.n.]. pp. 83–93.
2. Zhilyakova, E.M. (2014) *Shotlandskie stranitsy. Ekho Val’tera Skotta v russkoy literature XIX veka. Ocherki* [Scottish pages. Echo of Walter Scott in the Russian literature of the 19th century. Essays]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Orel United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325. Scott, W. (1886) *Ivanhoe*. Paris, 1835. (Baudry’s Collection of Ancient and Modern British Novels and Romances).
4. Scott, W. (1962) *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [Collected works: in 20 volumes]. Translated from English. Vol. 8. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
5. Gogol, N.V. (1937) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete works: in 14 volumes]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 39–172.
6. Friar, S. (ed.) (1987) *A New Dictionary of Heraldry*. Sherborne: Alphabooks.
7. Webster, N. (ed.) (1828) *An American Dictionary of the English Language. Vol. 2*. New York: S. Converse.
8. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.; Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes; Works: in 12 volumes]. Moscow: Nauka.

9. Turgenev, I.S. (1982–cont.) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.; Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes; Letters: in 18 volumes]. Moscow: Nauka.
10. Vayskopf, M.Ya. (1997) Sem'ya bez uroda. Obraz evreya v literature russkogo romantizma [A family with no black sheep. The image of a Jew in the literature of Russian Romanticism]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 28. pp. 76–99.
11. Shatalov, S.E. (1979) *Khudozhestvennyy mir I.S. Turgeneva* [The literary world of I.S. Turgenev]. Moscow: Nauka.
12. Gitlits, E.A. (1990) Struktura i smysl rasskaza Turgeneva “Zhid” [The structure and meaning of Turgenev’s story “The Jew”]. In: Mostovskaya, N.N. & Nikitina, N.S. (eds) *I.S. Turgenev: Voprosy biografii i tvorchestva* [I.S. Turgenev: Issues of biography and creativity]. Leningrad: Nauka. pp. 57–67.
13. Dubovikov, A.N. & Dunaeva, E.N. (1980) Kommentariy <k rasskazu “Zhid”> [Commentary <to the story “The Jew”>]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.; Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes; Works: in 12 volumes]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 577–579.
14. Danilevskiy, R.Yu. (2002) Rasskaz I.S. Turgeneva “Zhid” v kul'turno-istoricheskom kontekste [I.S. Turgenev’s “The Jew” in a cultural-historical context]. *Spasskiy vestnik*. 9. pp. 57–65.
15. Ginzburg, S.M. (1912) *Otechestvennaya voyna 1812 g. i russkie evrei* [The Patriotic War of 1812 and Russian Jews]. St. Petersburg: Razum.
16. Pushkin, A.S. (1964) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete works: in 10 volumes]. Vol. 8. Leningrad: Nauka.
17. Lessing, G.E. (1972) *Dramy. Basni v proze* [Dramas. Fables in Prose]. Translated from German. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 275–458.
18. Shakespeare, W. (1993) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works: in 8 volumes]. Translated from English. Vol. 5. Moscow: Iskusstvo. pp. 5–104.

Received: 31 October 2020

С.В. Волошина, М.А. Толстова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОРОГА» В УСТНЫХ РАССКАЗАХ СИБИРЯКОВ

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Описывается концепт «дорога», функционирующий в устных рассказах и воспоминаниях жителей Сибири как трансграничного региона. Выявляются когнитивные признаки концепта, формальные и содержательные трансформации в его структуре. Определено, что дорога – это место, по которому происходит передвижение, способ локализации и достижения чего-либо. Это значимый фрагмент картины мира сибиряков, который имеет социально-политическое, экономическое, коммуникационное, культурно-историческое значение.

Ключевые слова: дорога; концепт; Сибирь; трансграничье; трансграничный регион; устная речь сибиряков; языковая картина мира.

Усиление процессов миграции и глобализации в современном мире ставит вопросы размывания и сохранения идентичности любого народа. Особенно это актуально для трансграничных регионов, где всегда проходили миграционные процессы, на территории которых постоянно наблюдается движение, динамика социокультурных, коммуникационных изменений при сохранении определенных констант. Проследить эту динамику, трансформации и сохранение культурных, языковых особенностей, как представляется, можно через исследование ментальных структур, подверженных изменениям в зависимости от времени, пространства, культуры и т.д., на их роль в данном исследовании предлагается концепт. Наиболее интересным в этом отношении видится концепт «дорога», с одной стороны, отражающий национально-культурную, локальную, региональную специфику, ее константы, с другой стороны, подверженный трансформациям: в его содержании находится динамика, движение, изменения, которые происходят на какой-либо территории, это неотъемлемая часть представлений о миграции и трансграничности регионов.

Дорога занимает важное место в культуре многих народов. Феномен дороги изучался историками, этнографами, философами, литературоведами, лингвистами и т.д. Так, концепт «дорога» рассмотрен в русской культуре [1], описаны особенности сборов и проводов в дорогу, принятых у башкир [2], образ Сибири и сибирские дороги в XIX в. [3], проанализирована репрезентация концепта «путь-дорога» в литературе народов Западной Сибири [4] и др. Т.Б. Щепанская в монографии «Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.» вводит понятие «культура дороги», под которой понимается комплекс этнических традиций – обычаев и норм поведения, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижениями. Сюда входят материальная культура (придорожные жилища, дорожная одежда и снаряжение, пища, средства передвижения), духовная (обряды и представления), соционормативная (статусы и нормы поведения дорожных людей, структуры сообществ), т.е., по существу, все стороны образа жизни, который народная традиция последовательно противопоставляет домашнему, тем самым являя собой сочетание двух взаимодополняемых комплексов: «доро-

ги» и «дома» [5. С. 8–9]. Это представляется важным при изучении понятия трансграничности в целом и Сибири как трансграничного региона, в котором одновременно на протяжении нескольких веков сосуществовало местное население, добровольные и вынужденные переселенцы, для которых размывалось понятие дома и важное место в их жизни отводилось дороге.

Концепт «Дорога» анализировался лингвистами на материале разных языков: русского [6], осетинского [7], чувашского [8], китайского [9], хантыйского [10], казахского [11], кельтских [12], изучался по данным ассоциативных экспериментов на материале русского и немецкого языков [13] и др.

Большее освещение в лингвистической науке получил концепт «путь» [14–16]. Дорога рассматривается как один из основных лексических репрезентантов концепта «путь». По мнению Ю.Н. Караулова и Н.В. Уфимцевой, «путь / дорога» входит в семантическое поле (гештальт) «жизнь» [14, 15]. В.В. Красных отмечает, что «любые проявления человека, его жизнедеятельность, сама жизнь метафорически осмысливаются как путь / дорога» (цит. по: [16. С. 13]). В смысловой структуре концепта «путь» актуализируются оппозиции «свой – чужой», «дом – вне дома», «обжитое – неосвоенное пространство», «правда – ложь», «жизнь – смерть» и др. [16]. В ряде работ как отдельный концепт выделяется понятие «путь-дорога» [17–20]. Отметим, что концепт «путь» изучался лингвистами также на диалектном материале [21, 22].

В настоящей статье концепт «дорога» рассматривается как феномен сибирской культуры и как фрагмент картины мира сибиряков. Данное исследование является частью комплексного, междисциплинарного изучения Сибири как пространства трансграничья, территории уникальной в географическом, климатическом, этническом, историческом, языковом отношении. Сибирь – это огромная часть северной Евразии, в связи с этим пути сообщения играют ключевую роль, здесь существовали и существуют крупнейшие в мире магистрали: Великий сибирский тракт, Чуйский тракт, Северный морской путь, железнодорожная магистраль – Транссиб и т.д.

Обращение к концепту «дорога» обусловлено тем, что это один из концептов, в репрезентации которого

наиболее ярко прослеживаются и реализуются смыслы, отражающие, особенности трансграничного региона, его специфику и интеграцию Сибири в мировое пространство. С одной стороны, трансграничность региона определяется его географическим положением, историей и народами, проживающими и живущими сейчас в Сибири, с другой стороны, история региона и его культурные, климатические особенности, трансграничные характеристики влияют на людей, их мировосприятие, речь и жизненный уклад. Это взаимовлияние прослеживается и при изучении концепта «Дорога».

Основным источником материала являются тексты Томского диалектного корпуса [23], записанные в результате диалектологических экспедиций с 1940-х гг. по 2019 г. на территории распространения старожильческих говоров Среднего Приобья, данные Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби [24], Вершининского словаря [25], Полного словаря диалектной языковой личности [26]. В качестве дополнительного материала привлечены воспоминания и устные рассказы очевидцев и свидетелей раскулачивания и ссылки в Нарымский край, изданные в книге «Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян» [27], вышедшей в 2014 г. в Издательстве Томского государственного университета, а также материалы проекта «Сибиряки вольные и невольные», опубликованные на сайте Томского областного краеведческого музея¹. Дополнительные материалы использованы с целью выявления региональной специфики реализации концепта в языковом сознании разных социальных групп.

Таким образом, в статье анализируются тексты, различающиеся авторством: а) записанные от жителей среднеобского бассейна, являющихся носителями русских старожильческих говоров; б) тексты людей, подвергшихся репрессиям и отбывавших ссылку на территории Сибири.

Для данного исследования принципиальным является совмещение разных подходов к анализу концепта в силу специфики материала, а также сложности изучаемого концепта и его номинативной плотности.

Как отмечает Ю.С. Степанов, концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [28. С. 43]. Концепт, как и в ряде лингвистических работ, рассматривается как элемент языковой картины мира (см., например, [29–31]), являющейся, в свою очередь, составной частью концептуальной картины мира: именно «язык – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления» [32. С. 14].

В работе используется метод моделирования, который реализуется через описание номинативного поля концепта «дорога», включающего в себя как прямые номинации самого концепта (ядро номинативного поля), так и номинации его отдельных когнитивных признаков, раскрывающих его содержание и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля) [32]. Таким

образом, описание концепта «дорога» проводится при помощи выявления номинаций дороги и его репрезентантов – слов разных частей речи. В исследуемом материале выбирались контексты с лексемой *дорога* и ее дериватами, а также единицами, являющимися компонентами представлений о дороге; затем анализировались их сочетаемость, системные связи (полисемия, синонимия, антонимия), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний, на основании этого при помощи приема интерпретации и контекстуального анализа определялись когнитивные признаки, реализуемые в разных дискурсивных практиках. Когнитивный признак – это минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельную черту или признак концепта [33. С. 52]. Описание семантики единиц номинативного поля позволяет, на наш взгляд, представить содержание концепта в том виде, в котором он отражен и зафиксирован в языке.

Ключевым репрезентантом концепта является лексема *дорога* и ее синоним *путь*: *Сколь просили, чтоб дорогу через деревню сделали; Через Косогорова идёт путь, сорок километров до города; Вышел из дома каким-то путём; Там чё, там в стороне, а тут-то на пути* [стоит памятник] [34. С. 106].

В словарях русского литературного языка [35. С. 432–433] и сибирских диалектных словарях [25. Т. 2. С. 151; [26. С. 255] представлены следующие значения слова *дорога*:

1. Полоса земли, служащая для езды и ходьбы; Место, пространство, по которому происходит передвижение, сообщение. / След в виде полосы, оставляемый кем-, чем-л. движущимся.
2. Место для прохода, проезда. || *перен.* Доступ куда-л., возможность проникнуть куда-л.
3. Путешествие, поездка.
4. Направление, путь следования. || *перен.*; с определением. Направление деятельности, путь развития.
5. *Перен.*; с определением. Средство к достижению чего-л.
6. *Проезд*, стоимость проезда.

Наряду с указанными лексемами в исследуемом материале концепт репрезентируется мотивированными от слова *дорога* и *путь* единицами: *дорожка* (*ум.-ласк. к дороге*); *бездорожье*; *раздорожица* / *раздорожница* (перекресток), *дорожный* (взятый в дорогу), *дорожный* (посыльный); *дорожник* (специалист по строительству и эксплуатации дорог), *придорожник* (печенье, которое изготавливается в дороге) и *путевой*, *путёвка* и др.: *Она [вода] когда больша идёт, через дорожку перельётся, и перелив называется; Бездорожье. Он по карте до сошейной дороги написал, де какие пункты; Я дорогу укажу, чтоб на эту раздо'рожицу пришёл сын; На дороге кормушки деревя'нны – йет дорожная кормушка; Дорога гла'вна, большая, по которой обозы шли. Доро'жны ходили. Доро'жны – люди эт, посылали их куда, или с обозами, или они; Нету машин у Кольки Аникина. А они это... ну, людей вывозить в лес не на чем. Эти, дорожники, дают машину, но опять бензина нету; А так путевой [лист] не принимают; Она вот по туристической путевке ездила в Фергану, там была у него.*

В вербализации концепта также участвуют как общерусские, так и локальные: просторечные и диалектные слова, называющие дороги в соответствии с их разнообразными признаками: **тракт, большак, трасса, малышня дорога, сошейка, зимник, летник, просека, гать, тропа, гравийка, развилка, росстань, буй** и т.д., а также слова разных частей речи и словосочетания, в значении которых содержится сема «дорога»: **движение, позёмка, такси, таксист, шлагбаум / шлагбант, запас** (продукты питания, взятые с собой в дорогу), **торный** (гладкий ровный (о дороге)), **заезжий двор** (трактир при дороге, постоялый двор), **узловой** (являющийся местом скрещения, схождения чего-л. (дорог, путей и т.д.), **забочный** (находящийся в стороне от тракта, дороги), **ухабистый, проселочный, занесенный, переметенный, тормознуть, трелевать** (подвозить спиленный лес с места заготовки к дорогам), **ехать, везти, гнать, плыть, гатить** (делать гать, прокладывая дорогу через болото или топкое место), **гравировать, асфальтировать, замести, занести** (засыпать), **застыть** (подмерзнуть, покрыться льдом (о дороге), **зablудиться, гонять гоньбу** (устар. перевозить пассажиров, почту, товары; то же, что гонять ямщину, ходить в дорогу) и др.

Лексемы *дорога, путь* употребляются в многочисленных устойчивых сочетаниях, среди которых отметим некоторые конструкции:

– **давать дорогу** (ездить с обозом): *Ямщину гоняли, в Томскую ходили. На пятнадцати, на двадцати лошадях ходили. В зиму три-четыре дороги давали;*

– **заламывать доро'гу** (заваливать дорогу, делать ее непроезжей): *Дружка заламывает дорогу. Потешно было. Попотчевали вином и пропустят;*

– **заслонять дорогу**: *Ванька пошёл, отбил двенадцать часов и стал спускаться с колокольни, когда видит: перед ним стоит какое-то привидение в белом. Ванька попросил не заслонять дорогу. «Если это бы человек, он послушался бы», – думает Ванька, взял и толкнул его, оно полетело;*

– **застилать дорогу**. В похоронном обряде: бросать пихтовые ветки вслед за гробом, предохраняя себя от новых похорон: *Ну, говорят, дорогу застилают. [Чтобы мягко было?] Нет, застилают дорогу, чтобы большие покойников не было;*

– **пойти по плохой дороге** (начать вести предсудительный образ жизни): *Я ему говорю: «Сережа, убери сыночка, а то пойдёт по плохой дороге»;*

– **(не) пойти по пути** ((не) избрать верное направление в жизни): *Девочка тоже не пошла по пути: восемнадцатый год, а толку нету;*

– **ходить (пойти) в дорогу, ходить по дорогам** (принимать участие в товарном извозе): *А он три коня купил молоденьких, погрузился, а тут ешо четыре ли, пять ли (это свои кони) и пошёл в дорогу; Большая была, шестнадцати годов, братья по дорогам ходили, отце'дова товар повезут в Иркутск;*

– **ехать дорогой**: *Рекой, дорогой ехали. Так же как сейчас и бегали, и всяко. С горы громытня' идёт;*

– **хоронить на дорогу** (подстилать под гроб ковёр, половик). *На дорогу хоронить будем, на машину постелем;*

– **всю дорогу** (все время): *Она всю дорогу у нас учительницей работала;*

– **туды и дорога** (того и заслуживает кто-л., нечего жалеть): *Я говорю: «Ты поезжай [в больницу], чё, умирать ли чё ли собрался, ли голодовку ли объявил?». А он: «Ай!» Я говорю: «Ты же умрёшь». – «Туды' и дорога, от такой жизни».*

В речевой практике сибиряков номинации дорог связаны с их разными характеристиками. Так контекстуальный анализ материала позволил выявить, что языковую объективацию получают следующие когнитивные признаки:

1. Размер дороги и ее значение. В исследуемом материале имеются представления о дорогах и изменение их номинаций на протяжении всего XX в. По данным Сибирской Советской энциклопедии (Новосибирск, 1929. Т. 1.), колесные дороги в Сибири на тот момент делились на две основные группы: дороги государственного (тракты) и местного значения (все остальные, связывающие отдельные населенные пункты, районы, а также проходящие внутри сел и т.д.) [36]. Такое деление дорог находит отражение и в исследуемых текстах: *Пал Андреич, мой дедушка был сослан из Перми царём. Отец лет до двенадцати с ним пожил, надо было послать учиться. <...> Вот закупит лошадей купец и по Иркутскому тракту ездил с товарищами на Восток. Отец ездил двадцать один раз. Потом забрали в армию; От нас в восьми кило'метрах Московский тракт. Я махонька была, а помню: в Россию всё обозы едут, везут чё-то; Раньше была дорога. Там русской могильник. Шчас Пыжинска дорога. По Лужинской дороге. Дрова возили через Куина'к. Там отло'го во'зеро было. В Томску так и ходили по станка'м истана'вливались.*

В номинациях дорог по этому признаку находят отражение широкие и узкие, большие и небольшие дороги.

Широкая грунтовая непроселочная дорога имеет следующие наименования: **большая дорога, большак, тракт / трахт, трахтовая дорога, шоссе, соша, сошейка, шошейка, соше'ная дорога, трасса**: *Ямщиш'ну тоже возили. У нас в маленьких деревнюшках не было, а по Обе' трахтовая дорога; Большая дорога – большак, трахт; Иркутский трахт, раньше трахт, це'час сошой называют; Когда кула'чки были, то их ссылали. Сестра была у меня, замуж в Каиштакове вышла. А он кулак. И в тайгу сослали. Вот тут берёз не было. Сошейку руками копали, дадут тебе столько-то. Ранетци не вызревают, краснеют; Сошейна дорога – та больша'; Прямо из дверей по полям дорога была. Шошейки не было. Когда шошейка прошла, тогда и поездов не стало; А там как раз трасса идёт, новая которая, это с Щиро'кова, с Чирока' щас открывается, дорогу будут асфальтировать.*

Небольшие дороги, соединяющие села, проходящие в стороне от трактов, получили номинации **просёлочная дорога, малышня дорога**: *Та трактова'я дорога, а та просёлочная; Мирска' дорога или трахт, была малышня дорога; Та больша' дорога, тоё малышня дорога.*

Узкие пешеходные дороги называются **дорожка**, **тропа**: *Други' пошли, а я на улисе был, слышу такой выстрел. Шли мы по тропинке, толсто дерево свалили; И дорожка говорят и тропинка говорят. Вот этой дорожкой там иди и будет тебе... Это-то есть поговорка такая. Тропинка если узенька и дорожка говорят; возвышенный край дороги – бровка: Ногу прошлого'д сломала. Упала на бровку на эту. Ну это, асфальтировано-то, а повыше; Бровка – это тропинка, это узкая дорожка.*

Наличие большой дороги, тракта имело особое значение для жителей близлежащих сел и деревень, поскольку вокруг дороги выстраивалась жизнь людей: возможность обмена товарами, их покупка, продажа: *Ох, и трудно было. Но здесь хоть на тракту' жили, так кусок хлеба выменять можно было; Путь прям на Ары'шеву, спас, а там трахт, а после доро'га На Ары'шеву, Жи'риву, на Ма'евку, а там трахт шёл. [смотрит в окно] Эт Ванька, что ль? Куды' эт он? трахт от То'мского до Иркутского. Чаи возили. Ямишы'на была. Лоша'дья сила возила. Подрядчики были, они от себе' нанимали. Меняют. Станки' по тридцать пять-сорок вёрст были. Тридцать пять станко'в ды Иркутского. По пиися'т лошадей набирали. Я не ходил, в некрута'х был. Круго'м Байкала машина прошла; Хресяны возили хлеб в город.*

2. Использование дороги в зависимости от времени года. Сложные природно-климатические условия Сибири отражаются и в номинациях дорог. Отсутствие дорог в летнее время по разным причинам (болота, разделение населенных пунктов реками, сезонность проведения работ в какой-л. местности и т.п.) может быть восполнено зимой путем строительства временных дорог.

Выделяются следующие наименования: **летник** – дорога, по которой ездят летом: *С палками и пошли мы не летником, а зимником; Летником – много, а зимником семь вёрс; Это вот летником через ча'ску прямая дорога; зимник, зимняк* – дорога, по которой ездят зимой: *Зимник называется, зимник, зимой. По дороге на лошадаках, машин-то не было. Это машины появились уже в шестидеся'тых годах там, две-три машинки. Там больше-больше, так вот в сельпо там, наверно, одна была в станице и тут, очень. То'ко на лошадаках, по зимнику; Зимой ездим, в основном, по зимнику. Болота' замерзают. На саях по снегу ездить легко; Туда зимняком сокращенный путь, ближе зимой; лёд-дорога, ледя'нка* – ледяная дорога, специально устраиваемая для облегчения перевозок по ней в зимнее время: *Дровни накатывают на лёд-дороге, возют, а ночью поливают; Ледянка* – дороги ледяные. *Трахт поливают, чтоб легко везти было; Раньше ледянка была (лёд был в канаве), по ней сани с лесом возили, сразу три-четыре воза; Коней ислещишут – ледянки делают. И так возят, без ледянок; уброд* – занесённая снегом дорога: *Уброд – перемётённая дорога; гололёд, гололедица, наст*: *А ещё ломала одну руку. Зимой в магазин пошла. А гололёд. Вот и поскользнулась. Ой, думала помру, так больно было; А когда долго стоит, дня два-три, то гололёдица, устал я аж; А это гололедица. Это у нас называют. Она сдела'тся как льдом, ну вот гололедица.*

Не знаю, где чарым, а у нас это называют гололедица. Чир – нет. А наст, наст быват. Наст, а это наст вот такой буют: снегу много, дож пойдёт, дож пойдёт. Снег распустит. Совсем сделатся как мягкий такой, а потом как сделатся мороз, и вот это называется у нас наст, по этому снегу иди куда хочешь. Он застынет, он сде'латся, ослабнет, а потом сде'латся мороз, у нас это наст называ'тся. Иди куда хочешь по ём; чарым – плотный верхний слой снега: По чарыму еду; Пухлый снег говорят, если крепкий – чары'мом зовут, идишь – не поваливается, или чир – на лыжах ходить плохо.

Кроме рассмотренных лексических единиц концепт «дорога» вербализуют и другие имена существительные и глагольные формы, номинирующие погодные условия, состояния (как правило, в зимнее время), связанные с ними признаки дорог или действия человека: *Позёмка* – это ветер переметает дорогу, наметает гребешок – кучками снежок; *Была такая, пурга поднялась ночью, страшная пурга все дороги замело, там снегу вот так навалило, с полметра, больше. А как раз поехали эти обозы наши <...> сено повезли; [во время лесного пожара] Но мы уже были так: значит, печка, в печку уже посуду сло'жили, выкопали ямы, свой скарб какой был там, всё это в яму сло'жили, а мы с детьми отливали дорогу. Вот по цепочке отливали дорогу, чтобы огонь не перешёл это; А... этот аэропорт был там на горе тогда' старый. Его всегда заносило. И вот мы там ждали, с лопатами ходили, чистили всё. Только очистим, ветер всё занесёт; Это через дорогу передёрнет буран снегом и опять сровняет; Ехали с сеном, и поднялась буря, и бураном нам дорогу перемело, и ехать нам трудно.*

3. Место прокладывания дороги – признак, который актуализируется в рассказах сибиряков, поскольку отражает особенности регионального природного ландшафта: Сибирь – обширный географический регион, обладающий большим количеством труднодоступных, труднопроходимых мест (тайга, болота, возвышенности), что не могло не отразиться на номинациях дорог.

Данный признак репрезентируются следующими лексемами: **просека** – очищенная от деревьев полоса в лесу, служащая границей участка, дорогой: *От нас просека до озера была; Потом пошёл пешком в тайгу, а там просека и в меня опять выстрелили и попали в ногу; грязка* – переезд в грязном низком месте: *Вы пройдите через грязку, а потом сядете в машину. Грязка* – это переезд такой в болотистом жидком месте, где всегда скапливается вода в дождливую погоду, в тенистых местах. *Сегодня мы переезжали. Или в болотистых местах, или в низинах, где сток воды. Не обязательно болото. Где проезжая дорога, но только грязное место. Грязь может быть по дороге, а здесь скопление воды; гать* – настил из брёвен для проезда через болото или топкое место: *Гать* – дорога через болото. *А вы шли, разве не видели загатённо место, как с гривы спустились, сюды', к деревне? Гать? Это если как из Шегарки едете по берегу – это, значит по гате. Болото было, но'нче гравием засыпано; взвоз* – дорога в гору: *С яру высока, а*

с лугов невысока, медленно ходила, взвозы это где ездили, за сеном поедут, яр крутой там где копают они его, говорят взвоз крутой какой. У Анги берега крутые были, взвоз копали тоже; еланная дорога – дорога в возвышенном не затопляемом водой ровном месте, покрытом лиственным лесом: Лошадей пасти по еланной дороге.

Деревянный настил по бокам улицы обозначается лексемами тротуар / тротувар, протуар, тротуарчик, мостик (тротуар из досок): «Топотил» говорят, когда ходят вечером по тротуару, топаят, вот и топотня. Дома сидишь и слышишь – топотня на улице; Мос раньше, протуарам зовут; К избушечке протуары; Протуары молодёжь забивают; Мостик под окошком помой; А щас уже везде делают асфальт. Большое это дело. Да и по тротуарам можно ходить. Хоть и грязьны тротуарчики, но не по грязи же идёшь.

Специальное обозначение получают дороги в лесу. Тропой, тропиной, тропинкой, тропкой, тропочкой, постёжской, ступняком (тропинка в глухом лесу) называется узкая пешеходная дорожка, протоптанная людьми или животными: Сделала зверь тропы. Ишь ходит тропа'; В лесу есь дорога в Нелю'бино. Тропа, тропинки протоптали люди, один прошёл, другой – и она так отаптовается; Пётли тоже ставишь. Вот смотришь, тропа и выбира'ишь место между двумя деревьями, только чтоб узкое место было. Петлю ставишь, он бежит и попадает прямо в неё. Когда в петлю попадает, дёрнет и он сразу повиснет туда; Стёпа, Стёпа, Стёпочка, Где пройдёт – там тропочка. Где наступит – ямочка, Распахнется поляночка (частуш.).; Ступняк – тропинки в глухом лесу; Тропина, тропинка – место, где растёт ягода в согре; Тропочка, постёжка; Толопой называется зверина тропы в лесу: Как белку ловить, толопы делали. Это тропы, всё равно; Толопа – узко место, где сходятся болотья, и на материке бывает: лоси ходят, медведи, раз прошёл, два прошёл – тропинка маленька... толопа – про зверей, тропа зверей. Переходом – место в лесу, по которому проходят лисы: След, если у лисы – переход, а зайцы – тропа его; Где лиса ни биват, обязательно пройдёт по этому месту, это называется переход.

Тропа, на которой охотник подстерегает зверя, также имеет свою номинацию: Сторожка – это тропа, где ты зверя стережёшь; На сторожку спустится, он его тогда' и убива'т, прижима'т в сторожке в этой.

Дорога в лесу имеет особое значение, поскольку это система ориентиров, знаний, правил, связанных с целью его посещения (сбор дикоросов, трав, охота): Тоды' полей было очень мало и народу-то было мало. Сколько народу было? А сейчас всю землю исковыряли, сейчас эти экспедиция. А тайгу всю поизрезали, поизмолולי. Сейчас вот эти дороги, где на охоту я ходил, ни за что не пойду. Там всё позавалёно, всё изрыто. Там про'секов понаделано чёрт знает ско'ко, куда она идёт, откуда она идёт? Дорога одна или тропинка одна – ты её знаешь. Куда ты ни ушёл, ты уже придёшь. А щас только по компасу. А потом и не пролезешь, там такой бурелом. Да потом после это-

го всё выросло такая трава, что с головой уходишь; А когда' солнце, мы... Компас не вытаскиваем никогда' – по солнцу идём. [А как по солнцу ориентироваться?] Ну так она же, знаешь идёшь, на юг идёшь, идёшь, повернулся. Ты же знаешь, что с севера шёл. Там круг сделаешь и опять идёшь, и опять на север, и всё опять на своё, куда тебе надо. А когда' нет – по компасу, пасмурно – то'ко компас. А когда' вот года, я ж там ско'ко двадцать пять лет ходил, так у меня даже – у, я тут был. Дерево заметное там, вижу, что кедр' знакомая, осина вот такая рогатая там, знакомая. Так что это... тайгу я как пять пальцев знаю. Могу хоть куда вас увести.

В лесу дорога / тропа является в том числе важным знаком для человека, позволяющим судить о наличии животных, выяснить место их обитания, она же становится местом действия охоты: Вот когда он начинает бегать, он тропи'ть одной дорогой ходит всегда, потому что когда' снегу много нападёт, он тонет, ему неудобно бегать. И вот он делает одну тропу, и ходит по ней. Там поку'шат, там, ищет себе пищу по этой тропе. Когда' охотник пришел, «ага», тропы, значит, заяц здесь ходит. Ставит петлю, отрезает проволочку, примерно длино'й, делает кружок, затягивает его и за чё-нибудь привязывает, за палочку; когда' он бежит попадает в эту петлю.

4. Вид транспорта, способ передвижения по дороге – когнитивный признак, демонстрирующий, с одной стороны, особенности регионального ландшафта, с другой стороны, репрезентирующий фактор темпоральности (появление новых номинаций и исчезновение устаревших): трактовая (такая, по которой передвигаются тракторы (о дороге), конская, гужевая, машинная, санная, тележница, лыжня, лыжня (=лыжня), по реке, по воде: На поле трактовая дорога идёт. Тракторы частят; А в город ездили только конской дорогой. Ничё не было, только конская дорога была. Вот, если кто на коне поехал, какой старик, или на быке (коней потом забрали), и вот мы это идём сзади; Машины ходят, дорога маши'нна. А раньше ко'нская дорога, на лошадях ездили дак; Ну, наверно, называли санная дорога, на санях зимой. Санная дорога, не назовётся же колёсная дорога, колёсница или полозница, не слышала; Тележница – колёсная дорога: Телеги были двухколёсные. Не было ни ломовых, ни кошевых, а так верхом до Парабели...; Сначала пришла советская власть, потом колчаковцы. Они ужезжали в Тюмень по Оби; Тогда-то пароходы ходили по Кете. Колёсные. Я плавала на пароходе сквозь до Томска, до Бийска. А ишас самолёты, железная дорога; Рыбачила я. Ездим на лодке по Кете. Почему, другой раз плывёт прямо, ну по воде едешь; нас там та же местность. Я там выросстал. Это <шестьдесят> километров по реке; – Сейчас я уже отказался от репетиторства, потому что я тройку и восьмерку путаю, девятку, шестёрку и ноль путаю, а показатель степеней вообще не вижу, поэтому иногда и прочитать некоторое... – но дыжню видишь. На соревнованиях, везде. Самый старейший у нас ходит.

Название дорог в зависимости от транспорта, который по ней ездит, позволяет выделить в качестве репрезентантов исследуемого концепта названия транспортных средств: **автобус, машина, троллейбус, трамвай, самолет, телега, паром, обласок, лодка, моторка, парход, теплоход, лошадь, поезд** и т.д.: *Ну, а это, мы пойдём на покос, вот дорогой, дорогой, пешком же ходили, а ехать на обласке', на моторке. У нас моторки не было, на обласке'. Там через речку перейдёшь, и на покос пешком всё ходили.*

5. Материал, из которого сделана дорога: **асфальт, гравийка, гравийная, деревянная, железная, чугунная / чугунная дорога** и др.: *Это щас там гравийка, хотя бы гравийка от трассы. Ну в деревне там асфальт, а тут гравийка. А раньше гравийки не было, дощ прошёл, грязи'на, вот так во'т едешь два часа, эти двадцать километров; А дороги же были просто гравийные, и поднималась пыль, и пыль поднималась выше крыши, и вот стоит эта... эта пыль; До Борисова тридцать кило'метров, до Панфилово тридцать – вот и весь разгон. Да каки' дороги – деревянные дороги; Кто с веру приехал, не знали железной дороги – звали чугунной; Ямишынна была, когда не проведена была чугунна дорога; Много... давно же ещё, когда Крэсс работал губернатором, при нём же говорили, что будут строить мост, и железнодорожный мост построят, и железная дорога будет проведёна где-то там...; А везли-то ее [вазу], а железные дороги только-только провели, но она у нас была далеко, почти восемьдесят семь километров, почти девяносто – станция Рубцовск, ближе не было...*

Кроме того, в исследуемом материале встречаются рассказы, в которых информанты сообщают о дорогах, сделанных из деревянных чурок, кирпича: *В пидеся'тых годах тут чурка была, вот по Советской улице чурки были. Ну чурку пилат вот такую, стоя ставят, и всё плотненько, вся улица была в чурках. Я сам ещё в армии, когда призывали меня... Я, правда, ну на комиссию надо было, я по этой вот по чурке ходил. Идёшь так топ-топ-топ ноги и все чурки так... [И так дорога?] Да вот это щас нету, а... [По ней и ездили?] ну, ездили и машины, и на лошадаках, ну на лошадаках большие. Тут одна машина в то время была; Дороги из чурочек после войны. Кото'ры, может, сгнили; В тридцатые годы уже сломали, доломали в конце войны. Дорогу из кирпича строили.*

6. Качество дороги. В сочетании со словом «дорога» используются прилагательные, называющие качества дорог, содержащие их оценку: **хорошая**: *Вот такая корова была. А эта вот коровка была, она из любого снега вывезет свой воз, перепряжём, тогда по хорошей дороге эта идёт; **отличная**: *Всю ночь, сутками идут машины. Дорога отличная; **чистая**: *Сам Нарым был чистый, дороги чистые; **торная** (ровная): *Там торна дорога через завод; Тольк от Колпашева торна'я дорога пойдёт, и то гор до лешего там, а тут и гор до черта', наму'чаився; **широкая**: *Дороги из чурочек после войны. Которы, может, сгнили. Никаки раньше дороги не делали. Всё вручну' делали. Таперь широкие дороги; **плохая**: *Плоха дорога была, топь была... престраши'тельна; Дороги плохи******

*были, невозможно ездить хлеб возить. Я им предло'жил: давайте навозок сделаем. Там только два коня; **грязная**: Грязны' дороги были, на Алтае сроду не было <протувару>; **узенькая**: *Просека. – Раньше дороги-то не было, проруб-то. Узенька дорога была; **колдобашная** (о дороге: с выбоинами, ямами, залитыми водою): Плохую дорогу называют колдобашной дорогой, така' дорога с выбоинами да с грязью, с водой; **колорытная, ямистая, неровная, ухабистая**: *Колоты'рная дорога, я'мистая. Это неровная дорога, уха'биста; **изломанная**: *Снега' больши', дорога изломанная; Лошадь ишла', ещё эти, нечищена дорога была.****

Ровная дорога называется **торок**: *Есь так по торку хорошо идут, а переметельник попал, он полоз режет; **бездорожьем** обозначается отсутствие или недостаток удобных для езды дорог: Он [вездеход] по лесу лазит. Он в цели'к идет, по бездорожью; Он эту арбу наладёт и прёт тонны две. Это не у нас, что так: бездорожье.*

Следует отметить, что высказывание **нет дороги** является многозначным: с одной стороны, оно обозначает отсутствие дороги, с другой стороны – ее наличие, но плохого качества: *Дорога шибко плоха? На лодке приехали? На какой? На моторке? Сколько заплатили? Дороги нету нынче. Шибко плоха стала. Автобус не ходит. Мос[т] провалился; Школа у нас в Нестеро'вой школа была, пять кило'метров, до четырёх классов, а потом в Новосе'льцево. [Вы пешком ходили?] Пешко-ом, а ишо' по льду, дороги-то не было. А ты'чки с той стороны наставили, и с другой. [Что это?] Ты'чки наставят, а это пихты', пихтовы ты'чки наставят, чтоб дорогу видно было. И вот ходили, пять кило'метров мы ходили, с этой с Нестеро'вой до Нестеро'вой.*

7. Направление дороги: **прямая**: *Это вот летником через ча'ску прямая дорога; **непрямая дорога, вилюшка**: Непрямая дорога – вилюшка значит.*

Перекрёсток / перехрёсток, росстань / расстань, раздорожица, раздорожница, развилка, вилка: *Три дороги в ра'зны стороны – это называлось «росста'нь». Это по-ра'нешнему. [Только у вас так называли?] Нет, почему. По всему, как говорится... по всему свету. Вот, где, говорит? – на росстанье. Или вот так вот доро'га, и там доро'га. Где, говорит? – на перекрёстке. Это уже, и щас уже... не'которы уже... познакомились с этим, при'няли это дело; Можно назвать раздоро'жница. Есь и перехрёски. Может, там ра'сстань называют, а у нас раздоро'жница; Румынские обвозы ко'тются, валются с горы. Войска с обвозами. Перехрёсток, дорога на Севастополь; А там Ки'словки расстань: одна дорога в Картамы'шеву, друга – в Кисловку; Раздорожница – это одна дорога туда, а друга сюда. Вот трахт, а в другу сторону другой трахт. Это раздорожница; Вилка – по одной – в одно место приедешь, по другой – в другое. Это вилка.*

Отворотка, отворот, заворот, заворотка, повёрток – поворот дороги; ответвление от неё: **Отворотка** – одна дорога идёт, другая в сторону, вот и говорили отворотка. **Отворотка** или **заворотка** всё равно; Где дорог сворачивает – **отворот**; Дорога

большая, а с этой дороги уходят отвороты, тропинка; Поворот дороги – свёрток. Кто как скажет. По-вёрток. С этой дороги куда-нибудь ехать, за сеном ли едет – одна прямая дорога, а тут повёртки; У охотников были дорожки, дорога – прямая, а изгиб назывался заворотка. «Я, – grit, – видел его в первом завороте или во вторым».

Стрелка – место между дорогами, расходящимися в разные стороны: Здесь улица идёт и там улица идёт – стрелка получа'тся.

Кольцовка – кольцевая дорога: Кольцовка – это дорога кольцевая. Из Кривоше'ина в Молча'ново, потом снова в Кривоше'ино, так и ездил, и кольцовка дорога называется.

Объездная дорога: Это сейчас есь объездная дорога.

8. Дорога как неотъемлемая часть миграционных процессов, происходящих на территории Сибири на протяжении всей ее истории. Дорога в данном случае воспринимается зачастую как испытание и преодоление трудностей.

Данный признак не имеет особых номинаций дороги, отличающихся от общерусских, однако в рассказах ссыльных о переселении в Сибирь используются неопределенно-личные конструкции без активного субъекта, указывающие на обстоятельства, не зависящие от человека. В этих конструкциях используются глаголы, в значении которых есть компонент «передвижение по дороге»: знали, погнали, везли, повезли, попёрли, загрузили, скидали, а также лексема, выражающие оценку этого пути: Потом стали у нас все отбирать, все наши дома разбивали, а нас, как собак, погнали куда-то, мы даже не знали куда. Пока знали нас, многие поумирали в дороге от голода и от давки; Но мама рассказывала, что была очень тяжелая дорога ссылки. Загрузили их, скидали, как говорится, на баржу. Эту баржу причалили в Парабели, сбросили их на берег. Куда хочешь – туда и иди, что хочешь – то и делай. Каким-то образом они добрались до Малой Пашины; Приехали в Томск, на Первый Томск, а нас повезли не через весь Томск, чтоб на главные улицы не попасть, а разгрузили лошадей, везли лошадей <...> это мы были первые кулаки в тридцатом году, а которых в тридцать первом везли, тех старались везти летом, доведут до Томска, на пароходик и тю-тю, и попёрли куда, и вот вниз, в общем, весь, Парабель, Каргасок, и так далее и так далее, нас повезли.

Рассказы о дороге к месту ссылки, новому месту поселения характеризуются детализацией, событийностью, антропоцентричностью (в центре событий всегда находится человек). В них репрезентируется эмоциональное восприятие дороги: дорога к месту поселения переживалась тяжело физически и морально, была долгой, сопровождалась болезнями, смертями: [А как родители в Первомайке оказались? Их сослали или как? Или они сами?] А-а они по'се поехали в са'нях, и на дороге у их сильно болели, тиф ещё, ещё такая боле'зь. И вот там которые у нас умерли, родная сестра, двоюродная сестрёнка умерла. И вот ехали подводой. И они доехали до Первомайки, до Асино. <...> На сани погрузили малышей, укутав оде-

ялами и подушками. Родственников, остававшихся там, даже не подпускали попрощаться. В Барнауле к нам присоединился отец. Целые обозы или с «кулацкими» семьями. За дорогу немало детей умирало, их оставляли, не схоронив... В Гришкино в те годы находился детский дом. Много детей было сюда привезено тех, кто был оставлен в пути родителями в надежде, что их подберут и они выживут; Приняв решение переселяться, дедушка Игнатий, наверное, и не предполагал, на какие тяготы они пошли, да еще с маленькими детьми, что тысячу раз могли погибнуть в скитаниях. Собравшись в путь, они сначала доехали из Тюмени до Томска на поезде, в «телячьем вагоне», затем до Колпашево плыли на пароходке. Дальше пароход не пошел, потому что близилась осень. Тогда они купили лодку и поплыли вниз по Оби на веслах. На большой воде, где впадает река Чулым, во время бури лодку залило водой, и они чуть не утонули.<...> Наконец, они приплыли в село Парабель, наняли лошадей, сложили имущество на волокуши (у чалдонов телег не было), и доехали до деревушки Вялово, где зимовали у старожилы Бронникова Кузьмы Алексеевича. <...> Отец часто вспоминал, как они ехали: «Дороги не было, только тропинка, под гору спускались, на гору поднимались. Иногда воз тащили чуть не на себе». Одновременно с ними, но другим путем, через Каинск и болота, прибыли семьи еще одних староверов².

9. Строительство, прокладывание и обслуживание дорог. Данный признак имеет важное значение в Сибири в силу особых климатических и географических условий. Он отражается, с одной стороны, при помощи определений, которые используются в сочетании с лексемой **дорога**: торная, проторенная и др., с другой стороны, показательными в этом отношении являются глагольные формы: делать, строить, вести, выкладывать, гатить, стелить, гравировать, асфальтировать, вымостить, торить, пробивать, чистить, накачивать и др.: Мы, вот и то, доротдел, в Нестеро'во, забыла это-то сказать, на конях возили, дорогу делали, канаву чистили, и возили; Кода' первую дорогу строили, всё сносили. Деревни, церкви, монастыри. Всё подряд сносили. Она шестьсот кило'метров; На Бакча'р специа'льно ведут дорогу; У нас с Катайги здесь были, чистили дорогу. Придут в баню, говорят: «Бабушка, ты на чём-нибудь дай»; Зимой дорогу торят, чтоб лошади не тонули. Её зимником называют; Ну. Снегу там, деревья поломало! «Муравей» мы завели с Вовкой, с Ильичём, вот с этим поэтом-то – поехали, ну блин как-то, Миша, ехали потом как снег больше, больше, он пошёл пешком...ну дорогу чистить поехали, пробивать дорогу, хлеб то всё, продукты, вина, фрукты надо было тогда!...; И вот бежишь со своей этой сумчонкой, значит, дорога переметённая, рано, темно <...>Но когда в обед идёшь, тогда уже дорогу маленько накатают, уже как бы нормально...; ...работал на дорогах, делал насыпи. Выемки делал на дороге; Я говорю: «Давай звони в горисполком, в исполком. Идти не могу, – я говорю, – давайте, чтобы нам хоть как-то выложили дорогу»; Их заставили стелить дорогу из бревёшек; Пойдёшь вот, уже вес-

на, грязи такой не было. А в то-от время... Ну всё равно это же вот гравируют дорогу, она поднимается и поэтому всё; А там как раз трасса идёт, новая которая, это с Широкова, с Чирока' щас открывается, дорогу будут асфальтировать; Кирпичом тем-то дорогу вымостили.

10. Дорога как фактор формирования различных социальных связей, сообществ и дополнительный стимул к экономической деятельности (промыслам, предпринимательству и т.п.). Этот когнитивный признак выражает прежде всего главное назначение дорог – связывать один населенный пункт с другими. В зависимости от размера дороги и от того, что она связывает: село и город, село и другое село и т.п., могут различаться возможности для сельских жителей. Так, дорога между двумя селами могла быть для жителей одного села дорогой к лесу, для жителей другого села – дорогой в школу, к остановке: [А в Арышево отсюда была дорога какая-то?] Только зимой, а летом нет, вброд ходили. А раньше, тётка рассказывала, мост делали. Вот я не знаю, может и они собирались делали, но наши делали, потому что наш бор был там, туда ездили и по шишки, и по грибы. Вот как грибы поспели, всегда отсюда ехали на конях, а как переехать же?! Песок был раньше. Брод был, он менялся. Они ходили сюда к нам. И семёновские на остановку, чтобы уехать. Там же не было как сейчас в Больше-Дорохово. Все ездили через нашу деревню туды', ну в ту сторону.

Наличие дороги, ее появление позволяло сельским жителям: продавать и обменивать дикоросы, рыбу и другую продукцию в городе и у дороги рядом с селом, а также покупать товары: *И в Томск ходили пешком из Тызыра'чево. И в город пешком, шишио' и возили на са'ночках мясо. Ой-ой-ой, какую чушку. Всё пешком, моя хорошая; А в город ездили только конской дорогой. Ничё не было, только конской дорога была. Вот, если кто на коне поехал, какой старик, или на быке (коней потом забрали), и вот мы это идём сзади. В корзинки сыпем эту ягоду, наберемся, наедимся с неделю и в погреб ставим, чтоб на холоде. А туда поедем там её продадим. То гребёлочку, то ленточку. Больше ничё. Или хлеба. Как-то продавали кра'дучу хлеб. Нигде хлеба не было. И вот так мы. Оттуда опять продали и опять с этим же этим, идём пешком. Туда и оттуда; На базар в город ездили. [Сколько ехать? Долго было?] Ну на коне то тогда конечно, наверно. Тогда вот уж мы как стали жить, ездили тоже на коне. Вот до Кола'ровой поедем, там в Кола'ровой передохну'т кони, и потом опять утром, чтоб раньше уж это... запрягали, уезжали. Мы уже, всё возили. Летом огурцов много садили, огурцы возили, картошку возили; В зиму рыбу все поймают, летом ягод наготовят, орех. Как только дорога становится, на коня'х всё везут в Томск. А в Томске различны продукты берут – сахар там, крупы.*

11. Дорога как показатель освоённости Сибири, цивилизации и благоустройства. Этот когнитивный признак проявляется в сопоставительных конструкциях «раньше... теперь», «нынче... раньше» и т.п., в которых сравниваются условия жизни в том или ином

населенном пункте до и после появления дороги: *Никаки' раньше дороги не делали. Всё вручну' делали. Тапе'рь широкие дороги; [А как сейчас живётся в посёлке? Что-нибудь меняется?] Ну дак сейчас дорогу сделали, а то раньше не пройдёшь было. А дорогу вот, и техника ходит, а ни одной тележки гравия не высыпали. Тротуары настелили тут нынче, а то и грязь всё. Плохо в Зырянке. Много у'лицев. Вчера ра'диво слушали. Председателю попало, всем попало: и без воды, и без дороги, и без тротуаров; Нонче дороги сделали, тротуар построили; заботу проявили сельский совет. Женщину поставили – вот и хорошо, намного лучше стало.*

12. Дорога как опасное место. Данный когнитивный признак проявляет религиозную составляющую традиционной культуры и в то же время актуализирует оппозицию «свой / чужой», представляя пространство дома как известное, безопасное, свое, а пространство дороги – неизвестное, опасное, чужое: *А я три молитвы знаю наизусть, ну «Отче наш», «Живые помощи» и «Богородицу». И я их всегда читаю. Я их всегда читаю, читаю в дороге; Кода' у меня сын был в аварии, меня готовили к похоронам его, ну и это, я ночью встала на колени и просила Пресвятую Мать Богородицу и Иисуса Христа, чтоб Бог спас. И никуда не ходила. И на' люди ходить молиться – это тоже дразнить Бога. Вот щас говорим какие катастрофы, а вот раньше, это-то тётка-то моя и говорила: «Придёт время, Бог разгне'вается». Вот он щас и разгн... Ну, знаете чё, в машинах своего иконки делают, статуэтки делают.*

13. Дорога как способ локализации. При объяснении, где находится какой-то объект, происходило какое-либо событие, как добраться до того или иного места и т.п.; информанты в качестве адреса могут называть не точное наименование деревни, улицы, номер дома, а использовать в качестве ориентира дорогу: *Дети дружили и родители тоже дружили, и вся вот эта улица. И вот... по дороге, по дороге возле дома, ну щас... они застроились это... муж сестры; И так я ушла, и ушла, вы знаете в какую профессию? В связь. <...> В связь, но через дорогу от школы; Тут зубной, а вот через дорогу санаторий, блин, забыла; А это когда едешь в Томск, вот эти вот, как его... кафе это стоит нерусские там, а напротив туда дорога уходит в Берёжино, там шесть по-моему километров, она сильная была бабушка, сильная была бабушка, но уже состарилась.*

14. Дорога как объект суеверий, обрядов. В высказываниях сибиряков находят отражение мифологические представления и суеверия, связанные с осмыслением человеком окружающего мира и своего места в этом мире. Это проявляется в системе примет, которые надо непременно соблюдать, если хочешь получить результат своей деятельности: *Это было вот когда женщина или мужчина переходит дорогу, вот говорят, чёрная кошка – то же самое, перебежит дорогу, не повезёт. Утром рано, если идёшь куда, и женщина или мужчина с пустыми вёдрами перейдут тебе дорогу, то тоже не повезёт; [А баба с пустыми вёдрами, например?] Вот, вот, вот. [Тоже, да?] Тоже. Через дорогу если перешла или так идёт*

попала встре'чу, значит всё, бесполезно. И дома чё забудешь, куда поедешь, вора'чиваешься – тоже признама, говорится, что нельзя; Прида'но было, ага. Ну, приехали в Новосе'льцево, тут останавливали, ишо подавали дорогой, это как закон: подашь стопку и поедешь дальше.

Рассмотренные когнитивные признаки показывают, что во многих случаях среди номинаций дорог, их признаков, действий, связанных с ними, встречаются общерусские лексемы с идентичным значением в литературном языке и в диалекте. Вместе с тем более детализированным оказывается сельское восприятие мира, в котором присутствует больше номинаций (диалектных единиц: *сошейка, взвоз, росстань, обласок, уброд* и т.д.), отражающих более детальное членение мира, а также признак региональности, сибирскую специфику, связанную с географическими, климатическими факторами. Кроме этого, многие единицы, репрезентирующие концепт «дорога», включают несколько когнитивных признаков. Например, в следующем контексте представлены такие когнитивные признаки, как: материал, из которого сделана дорога, дорога как показатель цивилизации, качество дороги, транспорт, направление: *А ещё я хочу рассказать такой факт. Это сейчас есь объездная дорога. И есть мост. А вот в те годы в шестьдесят... до восьмидесят по-моему девятого тракт на север проходил только мимо нас, по той улице, где мы жили, и через Обь ходил паром. И вот паром с той стороны, с Томска приплывёт сюда, машины поехали одна за одной, и в основном все на север, и все мимо нас. А дороги же были просто гравийные, и поднималась пыль, и пыль поднималась выше крыши, и вот стоит эта... эта пыль. Пока паром с этого берега идёт на тот и загружается и везёт сюда – пыль оседает. И снова идёт колонна машиц и снова пыль.* Отдельные же лексемы также могут совмещать сразу несколько когнитивных признаков, например, *паром*, сочетает в себе такие признаки, как транспорт, способ передвижения, фактор формирования социальных связей и т.д.

Средства репрезентации концепта «дорога» и их реализация в контекстах показывают, что ситуация пребывания на / в дороге, как правило, моделируется в языке с помощью следующих составляющих: присутствует **субъект** (человек, животное, транспортное средство), который может быть эксплицирован или нет, **действие**, связанное с передвижением по дороге, прокладыванием, поиском дороги и т.п., которое также может быть выраженным или не выраженным, **объект**, который везут по дороге, а также **обстоятельства**, при которых происходит действие: время года, суток, место назначения и т.п.: *У нас, это, лесом было тропинка, мы (субъект) лесом (обстоятельства) ходили (действие); Это (субъект) сутки, наз'но, четверо (обстоятельства), наверно, ехали (действие), субъект не выражен). До Томска груза' (объект) возили (действие), всё то'ко на лошадакх, всё на лошадакх (обстоятельства).*

Большинство анализируемых текстов оформлено в речевом жанре автобиографического рассказа или воспоминания, в них встречаются фрагменты, в которых отражается важность, значимость дороги в жизни

человека. Так, отметим факты из жизни людей, связанные с дорогой:

1) рождение в дороге: *Вон был сосланный, как их ссылали, вон дорогой даже родился; Настасья в город поехала да по дороге и родила. Раньше женщины рожали прямо на дорогах, завернут в подол, да принесут;*

2) дорога в школу: *Да, и притом надо к полдевятому в школу. Мы вставали в шесть часоу. А идти, ну, щас здесь дорога, а раньше, ну, опять же не такие дороги. У нас, это, лесом было тропинка, мы лесом ходили. Ну, страшиовато всё равно, мы же малыньки были всё равно. Иногда тоже такое приходилось слышать, что волки ходят. Ну и пойдёшь как от начала деревни и, кто ходит, всех стучишь и так компанией пойдёшь. Вот так учились; Представляете, там, где сейчас эти дороги всё, там поле же, и там было колхозное поле. И вот бежишь со своей этой сумчонкой, значит, дорога перемётённая, рано, темно, едет какой-нибудь такой на кошёвке на лошади. Бежишь, бежишь, так вот прицепишься на задние эти полозья и так держишься. Если добрый дяденька, то он просидит и всё. А если есть такие, вот так ещё бичом, бич в руках, вот так ещё бичом раз взад, чтобы попасть, чтобы могли упасть, чтобы в смысле больше к нему не сесть. Вот так от. Прибежим, и проучишься, а потом уже, это утром, а в обед уже светло идёшь. Но когда в обед идёшь, тогда уже дорогу малынько накатают, уже как бы нормально. Вот, а утром, конечно, было тяжеловато. А ещё бежишь, и ноги мёрзнут, коленки мёрзнут. Ну не буду показывать, девчонки, у меня коленки обе вот так от обожжённые, потому что прибежишь, замёрзли, тут всё мёрзло <...> Ну вот так от все десять лет я и бегала, пока школу не закончила;*

3) дорога в училище / университет / институт: *Поехала я, поступила. Тогда же на пароходе, чух-чух-чух, чух-чух-чух. Не видели эти пароходы? Вот идёт этот пароход, колёса с правой, с левой стороны, по воде, чух-чух-чух-чух-чух. <...> Это двое суток, на этом, где-нибудь там, в трюме, за, в уголке вот так прижмёшься и сидишь, пока приедешь туда. Ну, в общем, приехала я в Томск;*

4) свадьба: *Поедут, высватают... Потом поезжаньы – десять-пятнадцать лошадей, в кошёвках. Потом в церкву поедут, потом обратно. Там надевают венец;*

5) дорога на фронт: *он все пути к Ленинграду отсе'к, а потом нас чужой части придали и пошли мы по Ладожскому озеру. Пошли четыре тысячи, а пришли двадцать человек – всех побило дорогой; Через день нас, около 150 человек, отправили в долгий путь до Новосибирска. ...Путь оказался очень долгим, с недельными остановками. Поэтому до места назначения добрались лишь 15 марта. Уж по каким причинам, нам неизвестно, но вместо Сталинградского фронта высадились под Батайском Ростовской области. ...Голодные и мокрые, все в грязи – как пришли, так и упали и только к утру «оклемались». Сказалось двухмесячное болтание в вагонах, во время которого потеряли всю набранную ранее физическую форму.*

6) дорога и работа: *Женился и уехал в Тайгу, там работал на железной дороге, потом по болезни уволился; В дорогу ходил.* Сыновья подошли, сыновья стали ходить;

7) смена места жительства, переезд: *Как вышла за'муж, так и пошло кочу'яца наша жизнь! Юрочка <тогда? тогда?> народи'лся. Потом мы в Шерстоби'тово уехали. В Шерстоби'тово у меня Элочка народилась. Шерстоби'тово – было большое тогда село. Потом я уехала отсюда зимним путём;*

8) смерть: *Повезли, дорогой помер.*

В структуру этих автобиографических рассказов и воспоминаний может включаться речевой жанр рассказа о случае, связанном с потерей дороги или каким-то событием, что в очередной раз доказывает значимость дорог в жизни человека: *Поехал я к таёжному озеру, да потерял тропинку. Глядь – широка дорога-тележница. Глядь – по'нжа. И конь ходил, след свежий. Глядь – воронья слета'тся. Думаю, медведь наехал. Пошёл смотреть, чё де'ется. Одну понжу перешёл, гляжу – кочка здорова. Думаю, таких кочек не быва'т. Охнул, а медведь рядом смотрит на меня, рот такой разинул. Думал я, закричу, медведь таёжный, мож убежит. А он нет. Солнце-то далеко, надо умета'тся; И отправили её в Чигару' на машине, а тогда' дороги... цас-то, видишь, асфальт, а тогда же дороги были, знаешь, какие страшные. Её отправили, она же в больнице работала секретарём, секретарь. Ага, ну и вот, отправили её в Чигару, а до Чигары тридцать пять кило'метров. На машине, кочки, её как туда протрясло и обратно. Приехала и на второй день родила мёртвого мальчика. Мальчик хоро-о-ошенький. Я плакал, кода' хоронил его, да. Вот таки', девчонки, дела.*

Вместе с обозначением важности дорог в отдельные периоды жизни человека интересным представляется и метафорическое осмысление жизни в целом как дороги, пути: *Убилась искала фотографию, есть*

маленькая фотография, где полгода я, мама ему отправляла на фронт туда, вот, тут я немножко отступление сделаю от дальнейшей дороги. В этом смысле устойчивое выражение *всю дорогу* является синонимичным выражениям *всю жизнь, всё время*: *Она всю дорогу у нас учительницей работала; «Будешь это, куда-то устроишься, будешь работать, чё ты будешь всю дорогу в этом колхозе».*

Таким образом, концепт «Дорога» – это хорошо разработанный фрагмент картины мира жителей Сибири, о чем свидетельствует наряду с имеющимися общерусскими наименованиями большое количество региональных номинаций дорог, устойчивых сочетаний с лексемой *дорога*, метафорических и прагматических смыслов. Дорога – значимый фрагмент картины мира сибиряков, отражающий пространственно-временные характеристики жизни людей, репрезентирующий оппозицию «свой / чужой», имеющий социально-политическое, экономическое, коммуникационное, культурно-историческое значение: с одной стороны, это место, по которому происходит передвижение, езда, место для прохода; способ локализации, позволяющий отразить расположение населенного пункта, объекта и т.п., с другой стороны, это способ достижения чего-либо. Дорога одновременно является местом и временем, которое проводит человек в этом пространстве. Константным остается также представление о сложности прокладывания, обустройства, обслуживания дорог в Сибири в связи с географическим положением и климатическими условиями. Формальные (изменение номинаций дорог, устаревание выражений, появление новых устойчивых сочетаний и лексем) и содержательные (появление новых дорог, переосмысление, деидеологизация дорожных пространств, связанная с репрессивной политикой государства и т.д.) трансформации в структуре концепта обусловлены временем (сменой эпох), политическим, экономическим факторами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сибиряки вольные и невольные. URL: <https://сибиряки.онлайн/>

² В 1928 г. родители отца Потрепалов Игнатий Фомич и Евгения Михайловна (девичья фамилия Федоровская) с тремя сыновьями – Елизвием, Федотом и Афанасием (младшему было всего четыре года) – переселились для сохранения старой веры и по ряду других причин к единовременцам в более глухие и отдаленные места – в Нарымский край. Одной из причин была боязнь раскулачивания (Сибиряки вольные и невольные. URL: <https://сибиряки.онлайн/>).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабыкина Н.Н. Концепт дороги в русской культуре // Actual scientific research : материалы XXXVII Междунар. науч.-практ. конф. Астрахань : Научный центр «Олимп», 2018. С. 405–406.
2. Баязитова Р.Р. Сборы и проводы в дорогу в традиционной культуре башкир // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 191–196.
3. Коршунков В.А. «Дорога – Сибирь!»: образ Сибири и сибирские дороги в XIX веке // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию Новосиб. гос. пед. ун-та (17–19 нояб. 2010 г.) / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2010. С. 153–157.
4. Куликова И.М. Реализация концепта пути-дороги в современной этнической литературе Западной Сибири // Paradigmata poznani. 2016. № 2. С. 41–45.
5. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
6. Ипполитов О.О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж : Изд. Воронеж. гос. ун-та, 2003. 20 с.
7. Гацалова Л.Б., Парсниева Л.К. Лексикографическая репрезентация концепта «ФЭНДАГ» («ДОРОГА») в осетинском языке // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 301.
8. Карпова Н.С. Концепт «Дорога» во фразеологических единицах чувашского языка // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2014. № 3 (83). С. 92–96.
9. Чан Сяной. Сопоставительный анализ концепта «Дорога» на материалах русского и китайского языков // Вопросы гуманитарных наук. 2018. № 4 (97). С. 49–52.

10. Каксин А.Д. Лексические средства репрезентации концепта «Дорога, путь» в хантыйском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29, № 3. С. 390–397.
11. Насырова А.Б., Ермекова Ж.Т. Этнокультурные особенности концепта «Дорога-Жол» // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. II Междунар. симп. 2018. С. 278–284.
12. Михайлова Т.А. Дороги, которые мы выбираем: о реализациях понятия № 67 «дорога» базового списка Сводеша в кельтских языках // Вопросы языкознания. 2019. № 5 С. 101–119.
13. Бондар Т.Г. Лингвокультурные особенности концепта «Дорога» / «Bahn» по данным ассоциативных экспериментов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 45–49.
14. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 191–206.
15. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 207–219.
16. Дрыга С.Г. Концепт «Путь» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 23 с.
17. Пыстина О.В. Семантическое поле «путь / дорога» в картине мира носителя языка: на материале автобиографического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 27 с.
18. Ипполитов О.О. Концепт «Путь-дорога» в русской концептосфере // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 269–271.
19. Беспалова О.Е. Содержание концепта путь / дорога по данным лексикографического исследования // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 17. С. 30–32.
20. Островская К.З. Концепт ПУТЬ-ДОРОГА как эквивалент концепта ИСПЫТАНИЕ в концептосфере народной волшебной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-3 (90). С. 579–583.
21. Гынгазова Л.Г. «Концепт “Путь” в картине мира языковой личности диалектоносителя» // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке : материалы Всерос. науч. конф. науч. трудов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 69–75.
22. Тапехина В.А., Харламова М.А. О «выборе» дороги-пути в диалектном словаре нового типа // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: труды и материалы Междунар. конф. : в 2 т. Казань : Изд-во КФУ, 2017. С. 215–218.
23. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. Томск, [б. г.]. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 15.08.2020).
24. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / Том. гос. ун-т, 1964–1983. URL: <http://losl.tsu.ru/dialect-dictionary> (дата обращения: 20.10.2019).
25. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
26. Полный словарь диалектной языковой личности / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1. А–З. 358 с.
27. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шпилиной; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 199 с.
28. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
29. Зубарева Г.С. Концепт как основа языковой картины мира // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 3. С. 46–51.
30. Громенко М.В. Анализ концепта как элемента языковой картины мира и интерпретации человека в этом мире // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2015. № 5 (18). С. 149–151.
31. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М. : Филол. факультет МГУ, 1996. 245 с.
32. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика // Учебное издание. М. : АСТ: «Восток-Запад». М., 2007. 226 с.
33. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж : Истоки, 2004. 80 с.
34. Словарь синонимов сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.Э. Гавар, М.А. Толстова; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 456 с.
35. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988. Т. 1. А–Й. 1985. 696 с.
36. Лаппо Д., Макиров А. Дороги колёсные // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск : Сиб. краевое изд-во, 1929. Т. 1. А–Ж. С. 842–848.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 октября 2020 г.

The Representation of the Concept “Road” in Oral Stories of Siberians

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 16–28.

DOI: 10.17223/15617793/460/2

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Keywords: road; concept; Siberia; cross-border region; oral speech of Siberians; linguistic worldview.

The study is performed under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The article describes the concept “road” as represented in oral stories of Siberians. This investigation is part of a comprehensive, interdisciplinary study of Siberia as a cross-border area. The research materials are: texts of the Tomsk Dialect Corpus, which were recorded during dialectological expeditions from the 1940s to 2019 in the areas where old-timer Middle Ob region dialects are spoken; information from dialect dictionaries, memoirs and oral stories of eyewitnesses and witnesses of dekulakization and exile to the Narym region; materials of the project “Free and Non-Free Siberians” published on the website of the Tomsk Regional Museum of Local Lore. A concept is a unit of consciousness that is represented by means of a language. The article uses a modeling method that is implemented through the description of the nominative field of the concept “road”, which includes both direct nominations of the concept itself and nominations of its individual cognitive features. Among the units that represent the concept “road”, there are: the word *road* and its synonym *way*, their derivatives, as well as words that name roads in accordance with their various characteristics, words of different parts of speech and phrases that contain the seme “road”: *traffic, taxi, taxi driver, turnpike, country road, to go, to swim, to get lost*, and many others. The contextual analysis of the material revealed that the following cognitive features receive language objectification: 1) the size of the road and its importance, 2) the use of roads depending on the time of year, 3) place of laying the road, 4) the kind of transport and method of travel, 5) the material from which the road is made, 5) the quality of the road 6) the direction of the road, 7) the road as an integral part of migration processes, 8) construction, laying and maintenance of roads, 9) the

road as a factor in the formation of different social ties, communities and an additional reason for economic activity (crafts, entrepreneurship, etc.), 10) the road as an indicator of the development of Siberia, civilization and improvement, 11) the road as a dangerous place, 12) the road as a way of localization, 13) the road as an attribute of superstitions, rituals. Siberians' autobiographical stories and memoirs contain fragments that reflect the importance and significance of the road in human life. Facts from people's life connected with the road are: birth on the road, road to school/university/institute, wedding, work, moving, death. The road is a significant fragment of the Siberians' worldview; it reflects the spatial and temporal characteristics of people's lives, representing the "friend/foe" opposition. Formal (changes in road categories, obsolescence of expressions, new stable combinations and lexemes) and substantive (new roads, reinterpretation, de-ideologization of road spaces associated with the repressive policy of the state, etc.) transformations in the structure of the concept are due to time (change of epochs) and to political and economic factors.

REFERENCES

1. Babykina, N.N. (2018) [The concept of road in Russian culture]. *Actual Scientific Research*. Proceedings of the International Conference. Astrakhan: Nauchnyy tsentr "Olimp". pp. 405–406. (In Russian).
2. Bayazitova, R.R. (2019) Preparing for the journey and seeing off in the traditional Bashkir culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 59. pp. 191–196. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/59/25
3. Korshunkov, V.A. (2010) ["Road: Siberia!": The image of Siberia and Siberian roads in the 19th century]. *Obrazy Rossii, ee regionov v istoricheskom i obrazovatel'nom prostranstve* [Images of Russia, its regions in the historical and educational space]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk. 17–19 November 2010. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 153–157. (In Russian).
4. Kulikova, I.M. (2016) Realizatsiya kontsepta puti-dorogi v sovremennoy etnicheskoy literature Zapadnoy Sibiri [Implementation of the concept of a path-road in modern ethnic literature of Western Siberia]. *Paradigmata poznani*. 2. pp. 41–45.
5. Shchepanskaya, T.B. (2003) *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv.* [The culture of road in the Russian mythological tradition of the 19th–20th centuries]. Moscow: Indrik.
6. Ippolitov, O.O. (2003) *Ob "ektivatsiya kontsepta "doroga" v leksiko-frazeologicheskoy sisteme yazyka* [Objectification of the concept "road" in the lexico-phraseological system of the language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
7. Gatsalova, L.B. & Parsieva, L.K. (2012) The Lexicographical Representation of the Concept "Faendag" ("Road") in the Ossetian Language. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 5. p. 301. (In Russian).
8. Karpova, N.S. (2014) Concept "Road" in Phraseological Units of the Chuvash Language. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*. 3 (83). pp. 92–96. (In Russian).
9. Chang Xiangyu. (2018) Sopostavitel'nyy analiz kontsepta "Doroga" na materialakh russkogo i kitayskogo yazykov [Comparative analysis of the concept "Road" on the materials of the Russian and Chinese languages]. *Voprosy gumanitarnykh nauk*. 4 (97). pp. 49–52.
10. Kaksin, A.D. (2019) Lexical Means of Representation of a Concept "Road, Way" in the Khanty Language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 29 (3). pp. 390–397. (In Russian). DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-3-390-397
11. Nasyrova, A.B. & Ermekova, Zh.T. (2018) [Ethnocultural features of the concept "Road-Zhol"]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian language in the multicultural world]. Proceedings of the International Symposium. Simferopol: Arial. pp. 278–284. (In Russian).
12. Mikhaylova, T.A. (2019) The Roads We Take: Realizations of the Concept No. 67 'Road' From Swadesh 100-Word List in Celtic. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 5 pp. 101–119. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0006287-4
13. Bondar, T.G. (2013) Lingvokul'turnye osobennosti kontsepta "Doroga" / "Bahn" po dannym assotsiativnykh eksperimentov [Linguocultural features of the concept "Road"/"Bahn" according to the data of associative experiments]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 4 (79). pp. 45–49.
14. Karaulov, Yu.N. (2000) Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noy seti [Indicators of national mentality in the associative-verbal network]. In: Ufimtseva, N.V. (ed.) *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. pp. 191–206.
15. Ufimtseva, N.V. (2000) Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Language consciousness and the image of the world of the Slavs]. In: Ufimtseva, N.V. (ed.) *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. pp. 207–219.
16. Dryga, S.G. (2010) *Kontsept "Put'" v russkoy yazykovoy kartine mira* [The concept "Way" in the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.
17. Pystina, O.V. (2009) *Semanticheskoe pole "put' / doroga" v kartine mira nositelya yazyka: na materiale avtobiograficheskogo diskursa* [The semantic field "way/road" in the picture of the world of a native speaker: on the material of autobiographical discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
18. Ippolitov, O.O. (2012) The Concept 'Way-Road' in Russian Conceptosphere. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*. 11. pp. 269–271. (In Russian).
19. Bespalova, O.E. (2013) Soderzhanie kontsepta put' / doroga po dannym leksikograficheskogo issledovaniya [The content of the concept path/road according to lexicographic research]. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera*. 17. pp. 30–32.
20. Ostrovskaya, K.Z. (2018) The Concept Put'-Doroga (Way) as an Equivalent of the Concept Ispytanie (Test) in the Conceptual Sphere of the Folk Fairy Tale. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology: Theory and Practice*. 12-3 (90). pp. 579–583. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-12-3.32
21. Gyngazova, L.G. (2005) Kontsept "Put'" v kartine mira yazykovoy lichnosti dialektonositelya [The concept "Path" in the world picture of the language personality of the dialect speaker]. *Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i v nauke o yazyke* [New Russia: new phenomena in language and in the science of language]. Conference Proceedings. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 69–75.
22. Tapekhina, V.A. & Kharlamova, M.A. (2017) [On the "choice" of a road-path in a dialect dictionary of a new type]. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika* [Baudouin de Courtenay and world linguistics]. Proceedings of the International Conference. In 2 vols. Kazan: Kazan Federal University. pp. 215–218. (In Russian).
23. Tomsk State University Laboratory of General and Siberian Lexicography. (n.d.) *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/corpus>. (Accessed: 15.08.2020).
24. Tomsk State University. (1964–1983) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the Ob river basin]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/dialect-dictionary>. (Accessed: 20.10.2019).
25. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
26. Ivatntsova, E.V. (ed.) (2006) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete dictionary of dialect language person]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
27. Chernyak, E.I. (ed.) (2014) *Kak my zhili: vospominaniya i ustnye svidetel'stva tomskikh krest'yan* [How we lived: memoirs and oral testimony of Tomsk peasants]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.

29. Zubareva, G.S. (2011) Concept as a Basis for Linguistic Picture of the World. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika – Bulletin MSRU. Series: Linguistics*. 3. pp. 46–51. (In Russian).
30. Gromenko, M.V. (2015) Analiz kontsepta kak elementa yazykovoy kartiny mira i interpretatsii cheloveka v etom mire [Analysis of the concept as an element of the language picture of the world and the interpretation of person in this world]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya*. 5 (18). pp. 149–151.
31. Kubryakova, E.S. (ed.) (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow: Philological Faculty of Moscow State University.
32. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: “Vostok-Zapad”.
33. Rudakova, A.V. (2004) *Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika* [Cognitology and cognitive linguistics]. Voronezh: Istoki.
34. Blinova, O.I. (ed.) (2016) *Slovar' sinonimov sibirskogo govora* [Dictionary of synonyms of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
35. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
36. Lappo, D. & Makerov, A. (1929) Dorogi kolesnye [Rolling roads]. In: Azadovskiy, M.K. (ed.) *Sibirskaya Sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet encyclopedia]. Vol. 1. Novosibirsk: Sib. kraevoe izd-vo. pp. 842–848.

Received: 30 October 2020

В.Б. Зусева-Озкан

ИЗОБРАЖЕНИЕ АМАЗОНОК В «ПОДВИГАХ ВЕЛИКОГО АЛЕКСАНДРА» М.А. КУЗМИНА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Исследуется образ амазонок в романе М.А. Кузмина «Подвиги Великого Александра», их репрезентация сопоставляется с описаниями из основных литературных и исторических претекстов. Устанавливается, что, повторяя ряд «общих мест», Кузмин вводит новые элементы снижающего характера, выстраивая негативный вектор изменений образа. Показано, как этот вектор соотносится с мировоззрением Кузмина и предшествующим случаем изображения женщины-воительницы в его творчестве (в поэме «Всадник»).

Ключевые слова: амазонки; дева-воительница; Псевдо-Каллисфен; мистерия; фемининность; гендер.

Эта статья посвящена исследованию гендерно неоднозначного образа девы-воительницы в творчестве М.А. Кузмина. Фигура воительницы в разных ее вариантах (амазонка, валькирия, удалая поляница, царь-девица, Жанна д'Арк и др.) вообще довольно часто появляется в литературе русского модернизма, причем как у авторов-мужчин, так и женщин: назовем здесь хотя бы Д.С. Мережковского, В.Я. Брюсова, А.А. Блока, А. Белого, Н.С. Гумилева, Е.И. Замятина, с одной стороны, Н.Г. Львову, М.И. Цветаеву, С.Я. Парнок, М.Е. Лёвберг, Л. Столицу, А.А. Баркову с другой.

Согласно нашей гипотезе, востребованность этого образа связана с началом существенных преобразований гендерного порядка на рубеже веков [1. С. 29–38]: образ воительницы оказывается своего рода «пробным камнем» этих изменений, поскольку в нем начинается размываться, медленно и с трудностями отступать бинарное и комплементарное противопоставление полов, характерное для огромного периода гендерной истории. Однако, хотя фигура эта появляется часто и, как правило, играет важную роль в художественной системе ряда авторов и произведений, само ее освещение оказывается весьма сложным, многогранным. В основном она предстает как персонаж этически амбивалентный и гораздо реже оценивается с точки зрения эстетической, особенно в негативном духе. В этой статье нас будет интересовать именно такой, весьма редкий, случай.

Воительница появляется в творчестве Кузмина, насколько нам известно, дважды, причем эти два явления почти синхронны, – в поэме «Всадник» и в романе «Подвиги Великого Александра»; оба произведения созданы буквально друг за другом, в 1908 г. В связи с этим не удивительно, что образ девы-воина и его авторская оценка не претерпевают больших изменений, несмотря на смену «антуража» действия. О «Всаднике» мы уже подробно высказывались ранее [2], так что здесь ограничимся лишь некоторыми соображениями по ходу анализа романа.

«Подвиги Великого Александра» были впервые опубликованы в № 1–2 журнала «Весы» за 1909 г. Этот роман, потребовавший от Кузмина огромной подготовительной работы и обильного чтения художественных текстов и научной литературы («В РТ¹ –

множество подготовительных материалов... в списке книг, прочитанных в июле, – работы В.М. Истрина, А.Н. Веселовского и А.Я. Гаркави об Александре Македонском, а также “Moralia” Плутарха» [3. С. 603]), как принято считать, написан в традиции так называемых «александрий» [4, 5], т.е. средневековых романов об Александре Великом, изначально базировавшихся на эллинистической «Истории Александра Великого» Псевдо-Каллисфена. Но, по нашему мнению, Кузмин в первую очередь опирался именно на Псевдо-Каллисфена, а не на средневековые повествования, о чем свидетельствуют трактовки ряда событий, последовательность эпизодов и сама тональность повествования, которая, как это свойственно Кузмину, балансирует между полюсами мистериальности и тонкой иронии.

Как писал Е.А. Костюхин, «в античности складываются две традиции повествований об Александре Македонском: историческая и литературная. <...> В литературных произведениях об Александре Македонском использован в основном тот же материал, что и в исторических трудах о нем. Но история в данном случае служит лишь фоном <...> На первое же место выступают иные проблемы – философские и этические» [6. С. 6–7]. Так, в Псевдо-Каллисфеновом романе (автор, разумеется, условен) «Александр предстает не только царственным владыкой, но и борцом за идею, естествоиспытателем, одаренным полководцем» [6. С. 27]. М.Е. Грабарь-Пассек называет это произведение «философско-мистической повестью», ибо одна из его ведущих тем – состязание человека в силе и смелости с богами: «<...> и в рассказах о попытках Александра проникнуть в тайны моря и небес, дойти до края мира в “стране тьмы” и узнать будущее от говорящих деревьев скрыта одна общая мысль – о его стремлении выйти за пределы того, что достижимо для человека» [7. С. 181]. Мистериальные элементы – путь Александра к познанию тайн бытия, поиски им бессмертия, взаимоотношения с судьбой, богоподобие героя – составляют, несомненно, важнейшую сторону и кузминского повествования. Помня обо всем сказанном, обратимся непосредственно к эпизоду встречи Александра с амазонками, которая происходит в главе второй книги четвертой «Подвигов...».

Отметим, что, в основном придерживаясь в передаче этого эпизода версии Псевдо-Каллисфена, Кузмин делает и некоторые нововведения. Прежде всего, разница состоит в форме подачи: в роман Псевдо-Каллисфена включено множество писем и отрывков из них; в том числе и история встречи Александра с амазонками подана в виде писем. В письме Александра к Олимпиаде в третьей книге романа изображается сказочное племя воительниц, создавших собственное государство. Они характеризуются как красивые, рослые, сильные, отличающиеся сообразительностью и остроумием, т.е. описаны явно положительно. Об их образе жизни читатель узнает из их ответного письма к Александру: «Сильнейшие и правящие из амазонок Александру желают здравствовать. Мы написали тебе для сведения до нашего прихода на нашу землю, чтобы ты не возвратился бесславно. А письмом нашим сообщаем тебе сведения о нашей стране и о нас самих, ведущих суровую жизнь. Мы живем за Амазонкой рекой посредине. Окружность нашей земли простирается на год пути, а река не имеет начала. Вход к нам один. Мы, живущие здесь, – вооруженные девицы в числе 270 000; у нас нет ни одного существа мужского пола, а мужчины живут за рекой, владея тамошней землей. Мы ежегодно совершаем праздник коненебия, принося жертвы Зевсу, Посейдону, Гефесту, Аресу в течение 30 дней. Те из нас, которые желают соединиться с ними, остаются у них на несколько дней; все рожденные дети женского пола вскармливаются ими, но по достижении семи лет они переводят их к нам. Когда неприятели предпринимают поход на нашу землю, мы выступаем на конях, в количестве 120 000, а остальные охраняют остров. Мы приходим навстречу к границе, а за нами следуют мужчины, выстроившись в тылу. Если которая из нас на войне получит рану, то пользуется почетом вследствие нашей храбрости и, увенчанная, остается приснопамятною; если же которая падает на войне защищаясь, то близкая ей получает немалую сумму денег. Если кто привезет на остров тело врага, то за это дается в награду золото, серебро и пожизненное продовольствие. Таким образом, мы ратоборствуем за нашу славу. Если мы одолеем неприятелей или они обратятся в бегство, то им остаются на вечные времена стыд и позор; а если они победят нас, то окажутся победителями женщин. Итак, смотри, царь Александр, чтобы с тобою не случилось того же. Подумай и отпиши нам – и найдешь нашу рать на границах. Будь здоров» [8. С. 245–249]. Заканчивается эта история вполне мирно: и Александр изначально в своем письме сообщал амазонкам, что хочет не воевать с ними, а лишь посмотреть их страну, и амазонки в итоге не вступают с ним в военное противостояние и даже присоединяют свой полк к его войску.

У Кузмина эпизод с амазонками, как и весь текст романа, дан в аукториальном повествовании от 3-го лица. О своих обычаях амазонки рассказывают не в письме Александру, а лично, придя в его лагерь. Но второе отличие в передаче этого эпизода еще важнее, ибо связано не с последовательно проводимой на всем протяжении текста линией (так, Кузмин в принципе отказывается от писем), а является сугубо индивиду-

альным, «точечным»: если у Псевдо-Каллисфена амазонкам дается весьма положительная характеристика, то Кузмин, напротив, не жалеет красок для создания самого неприглядного образа: «...пришла сотня высоких мужеподобных женщин, с выжженными правыми грудями, короткими волосами, в мужской обуви и вооруженных пиками, стрелами и пращами. Говорили они грубыми, хриплыми голосами и пахли козлиным потом» [9. С. 200]. Хотя некоторые элементы соответствуют тексту-источнику («высокие») и другим повествованиям об амазонках («с выжженными правыми грудями»), Кузмин добавляет отсутствующие в них детали, призванные вызвать отвращение читателя и показать этих женщин как «ухудшенный», «сниженный» вариант мужчины: «мужеподобие», короткие волосы, «грубые, хриплые голоса» и, конечно, запах «козлиного пота». Даже если предположить, что именно этот эпизод Кузмин излагает не по Псевдо-Каллисфену, нам неизвестны такие трактовки истории Александра, в которых амазонки были бы представлены подобным образом.

Напротив, в других вариантах истории Александра встречается более «романтизированный» эпизод его встречи с амазонками. Так, историки Квинт Курций Руф и Диодор Сицилийский приводят эпизод, когда царица амазонок Фалестрис является к Александру с целью зачать от него ребенка. Курций: «...с Гирканией граничило племя амазонок, населяющих поля Темискиры вдоль реки Термодонта. У них была царица Талестрис <...> Желая видеть царя, она выступила за пределы своего царства и <...> послала Александру известие, что прибыла царица, страстно желающая видеть его <...> она приблизилась в сопровождении 300 женщин; увидев царя, она соскочила с коня, держа в правой руке 2 пики. Одежда амазонок не полностью покрывает тело; левая половина груди обнажена; все остальное закрыто, но одежда, подол которой они связывают узлом, не опускается ниже колен. Они оставляют только одну грудь, которой кормят детей женского пола, правую же грудь они выжигают, чтобы было удобнее натягивать лук и бросать копье. Без всякого страха Талестрис смотрела на царя <...> она, не колеблясь, призналась, что хочет иметь от него детей, ибо она достойна того, чтобы наследники царя были ее детьми: ребенка женского пола она оставит у себя, мужского – отдаст отцу. <...> Страсть женщины, более желавшей любви, чем царь, заставила его задержаться <...> В угоду ей было затрачено 13 дней. Затем она отправилась в свое царство...» (VI, 5: 24–32) [10. С. 122–124]. Примерно такой же рассказ встречаем в «Исторической библиотеке» Диодора – только здесь Александр наделен большим энтузиазмом: «Когда он вернулся в Гирканию, к нему явилась царица амазонок, по имени Фалестрида <...>. Она отличалась красотой и физической силой и славилась среди своего племени мужеством. Оставив войско у границ Гиркании, она прибыла с 300 амазонками в воинском вооружении. Царь, изумленный необычайным явлением и достойным видом женщины, спросил Фалестриду, что ей надобно. Она ответила, что желает иметь ребенка: он превзошел всех мужчин своими подвигами, она же выделяется среди женщин силой и мужеством;

дита, рожденное от родителей, которые превосходят прочих людей, конечно, будет первым в мире по доблести. Александр пришел в восторг, принял царицу и, проведя с ней 30 дней, отпустил домой с богатыми дарами» (XVII, 77: 1–3) [11. С. 320–321].

В рассказе Квинта Курция Руфа и Диодора (особенно у последнего) амазонки описаны не только как воинственные, но и весьма привлекательные женщины, и встреча Александра с их царицей имеет эротический характер. В то же время нельзя не отметить, что это репродуктивная и отчасти даже евгеническая любовь, имеющая целью рождение ребенка и основанная на представлении о равносильности избранного героя и героини (мотив, типичный для сюжетов с участием воительницы), у которых должен родиться особый ребенок, «первый в мире по доблести».

В дальнейшем это предание о Фалестрис и Александре все более романтизировалось. Так, у Рудольфа Эмского, которого повествователь у Кузмина называет одним из своих предшественников [9. С. 169], царица амазонок Талистрия становится прекрасной дамой Александра. Он рыцарски ей служит; «военное государство амазонок в этой поэме превратилось в любовный двор, сад любви» [6. С. 39].

С большой вероятностью галломан Кузмин был также знаком с обработкой этой истории французским поэтом С.Ш. Леконтом в цикле «Свадьба амазонки» («*Les noces de l'Amazone*», перв. публ. 1901 [12]). В июне 1906 г. в литературном приложении к газете «Слово» была опубликована рецензия А. Блока на книгу стихов Леконта «Кровь Медузы», вышедшую первым изданием в 1905 г. и вторым в 1906 г. и содержащую, в частности, этот цикл. Блок уделяет ему специальное внимание: «Целиком нам понравились больше других “*Les noces de l'Amazone*” (особенно первое из трех стихотворений: “*Le défi*”)...» [13. С. 197], – что является дополнительным аргументом в пользу знакомства с ним Кузмина. Леконт трансформирует сюжет, взятый из «Исторической библиотеки» Диодора (к которому отсылает эпиграф), воспроизводя традиционную – сводящуюся к брачному состязанию² – схему сюжета с участием воительницы. В первом стихотворении героиня бросает вызов Александру, грозя ему, что «орлы Тавра понесут в тишине» его «героические останки к отеческому трону» («*Les aigles du Tauros porteront en silence / Ta dépouille héroïque au trône paternel*» [15. P. 65]). Второе стихотворение, целиком представляющее собой описание кровавого поединка, завершается появлением «колеблющейся» богини Победы, не знающей, кому отдать первенство – «бронзовой амазонке» или «золотому завоевателю». Третье открывается неожиданным жестом героини, убедившейся в непревзойденном героизме противника и, как минимум, его равносильности ей самой: она бросает оружие и доспехи и сдается на милость Александру, более того – называет себя его рабыней, счастливой «жить и служить» («*vivre et servir*») в его шатре, как Брисеида в шатре Ахилла; при этом она обещает ему совместный поход на «пылающий Восток», где, захватив «дворцы Авроры», «амазонка, послушная хозяину, которого обожает», приручит для его колесни-

цы «коней Солнца» («*Là-bas, lorsque vainqueurs de l'orient vermeil, / Nous entrerons, armés, aux palais de l'Aurore, / L'Amazone, docile au maître qu'elle adore, / Domptera pour ton char les chevaux du Soleil*» [15. P. 69]). Речь, таким образом, идет о своего рода «небесном браке», который и совершается в четвертом стихотворении цикла, где Александр милостиво принимает мольбу воительницы [16].

Как видим, все это чрезвычайно далеко от версии Кузмина в «Подвигах Великого Александра». В целом, описывая встречу с амазонками и ее результат по Псевдо-Каллисфену³ (т.е. сводя ее к желанию царя познакомиться с обычаями амазонок и получить от них воинский отряд, что и происходит), он далеко отходит от своего источника в их характеристике, выводя амазонок крайне непривлекательными. Более того, даже во фрагмент, описывающий занятия и образ жизни амазонок от их же лица, Кузмин вставляет некоторые элементы, отсутствующие в названных источниках: «Живем мы, царь, по ту сторону реки, одни девы, управляемы старшей девицей; пасем стада, обрабатываем волну и сражаемся одни без мужчин; никому не подвластны; каждый год ходим за реку на праздник Дия Гефеста и Посейдона; которая из нас хочет сделаться матерью, остается здесь с избранным ею мужем, пока не родит; потом возвращается домой; мужа она вольна не помнить или через год снова вернуться к тому же. Рожденного мальчика возвращает отцу, девочку же, по истечении семи лет, переправляют на женскую сторону реки. На битву отправляются две трети всех дев; остальные же карают страну. Если пленный от нас бежит, позор ложится на всех амазонок. Царица тебя целует и шлет нас помогать тебе в брани» [9. С. 201].

Кузмин всячески снижает героический, воинственный аспект образа амазонок – в частности, описывая их пастушеские занятия («пасем стада, обрабатываем волну», т.е. овечью шерсть), не упомянутые в других источниках, где их быт представлен как быт военного лагеря. Если у других авторов рядом с амазонками упоминаются кони как важнейшие для них животные (у того же Псевдо-Каллисфена сказано, что на войну женщины «выступают на конях»), то у Кузмина их замещают связанные не с военным, а с мирным и бедным, далеким от роскошества бытом овцы и козы (амазонки, напомним, пахнут у него «козлиным потом»). Если у Псевдо-Каллисфена большая часть рассказа амазонок посвящена описанию их военных обычаев, причем речь идет о «ратоборстве за <...> славу», то у Кузмина, напротив, этот аспект их жизни описан минимально, зато большую часть рассказа амазонок занимают их репродуктивные обычаи. Наконец, амазонки у Псевдо-Каллисфена ведут за собой в бою мужчин («Мы приходим навстречу к границе, а за нами следуют мужчины, выстроившись в тылу»), т.е. иерархически стоят выше них, а не являются мужененавистницами, в принципе исключившими мужчин из своего общества (социальный порядок в государстве амазонок предстает инвертированным по отношению к патриархатной культуре, а не «урезанным»), что Кузминым отмечается⁴.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, какое место занимает параграф, посвященный встрече Александра с амазонками, в составе целого. Как и у Псевдо-Каллисфена, он следует за эпизодом с царицей Кандакией, но, в отличие от текста-источника, после него идет эпизод с Горгоной, у Псевдо-Каллисфена вообще отсутствующий, однако имеющий место в Александрии русских хронографов, с содержанием которой Кузмин был знаком, как следует из его рабочей тетради. Примечательно, что интересующий нас эпизод оказывается между двумя историями женских домогательств к герою. Эпизод с Кандакией изменен Кузминым таким образом, что Кандакия пытается соблазнить Александра, чего у Псевдо-Каллисфена не было: «...женщина обвила его шею руками и целовала в уста, шепча нежные слова страсти, и расплела длинные черные косы, сняла свою узкую белую одежду, и, нагая, теснила царя до того, что тот воскликнул, хватаясь за меч: “Оставь, безрассудная, Александра ли думаешь ты погубить?!” Откинувшись назад смуглым станом, царица сквозь смех сказала: “Александр, Александр! против жены меч обнажил!”» [9. С. 200]. А в следующем за встречей с амазонками эпизоде Александра «зовет на похоть» дева Горгона.

Как уже говорилось выше, такого эпизода нет у Псевдо-Каллисфена, но есть в русской Александрии; как пишет Е.А. Костюхин, «из древнего сказания о Тесее (sic! – В. З.-О.)⁵ через новогреческие сказки перекочевала в Александрию Горгона-Медуза, от взгляда которой в жилах застыла кровь. <...> Горгония стала мужелюбивой: она пыталась обольстить и Александра, но посланный к ней волхв обманул кудесницу и отрубил ей голову» [6. С. 46]. Кузмин явно заимствует эту сцену отсюда⁶ – с той разницей, что Горгону побеждает у него не посланный царем волхв, а сам Александр: «...всех звала на похоть: гадов, зверей и людей – и всех умерщвляла одним своим видом. В полночь Александр был разбужен зычным, но полным неги и страсти воплем <...> будто все прошлые и грядущие любовницы слили в один этот голос обещания неведомых ласк и сладкие угрозы; как вой тигрицы, ищущей далекого самца, разносился клич по темным пространствам: “Александр, Александр, тебя одного жажду я, приди, уголи меня! Царь бесстрашный!..” Александр послал волхва с покрывалом навстречу неистой деве. Услышав ту близкою, он произнес, приближаясь пятками вперед: “Я – Александр! Закрой твой лик покрывалом, чтобы мне не погибнуть”. И когда, молча, тяжело дыша, дева схватила его руками за плечи, он, быстро повернувшись, отрубил ей голову...» [9. С. 201–202].

Таким образом, Кузмин, не пересказывая эпизод с Фалестрис по Курцию и Диодору, самым размещением истории амазонак между эпизодами женских домогательств к Александру, т.е. посредством контекстуализации, имплицитно воссоздает ее эротический подтекст. Но, напомним, амазонки изображены у него крайне непривлекательно, да и две другие истории соблазнения характеризуются неудачей женщин (или, точнее, существ женского пола, ибо Горгона не вполне антропоморфна) и их эротической инициати-

вы и крайним отвращением, проявленным Александром. Это отвращение так велико, что в первом случае царь даже прибегает к угрозе оружием, а во втором – непосредственно к убийству. Добавим, что в романе присутствует и третья типологически родственная история – с супругой Александра Роксаной, которая, вопреки всем текстам-источникам, «пробыла девой к большой своей досаде».

Прощаясь с уходящим в очередной поход Александром, «королева походила по комнате и вновь обратилась к супругу: “Что слава? не дым ли? Вам нужно бы иметь сына, как достойного наследника”. И она опустила на пол у ног героя. Александр <...> вымолвил: “Госпожа, вышей мне победную мантию, приноси жертвы богам, нам же оставь решать наши мужские дела”. Король вышел быстрым шагом из покоев королевы <...> Роксана <...> села за шитье, роняя злые, скупые слезы» [9. С. 189]. Роксана, подобно амазонкам, изображена как женщина, стремящаяся прежде всего к репродуктивной любви или, по крайней мере, скрывающая за ней свою похоть⁷, и, подобно всем женщинам романа, за исключением, быть может, только матери Александра, как существо крайне непривлекательное (см., например, такую характеристику, как «широкое, ярко нарумяненное лицо») и злобное, способное лишь губить истинно высокое; так, отравление Александра у Кузмина отчасти приписано ей.

Как и другие женщины романа, она еще и существо довольно примитивное, близкое к природе. Так, амазонки пахнут козлом, а Горгона и сама является частью природы. Что же касается Кандакии, то не случайно в описании чудес ее страны большое внимание уделено ехиднам, чье половое поведение как бы оказывается символической параллелью к поведению царицы – активному, а не нормативно пассивному; женская сексуальность здесь представлена как убийственная для мужчин: «Устроив торжественный пир, Кандакия повела гостей осматривать город, золотые яблоки <...> великанов и злое племя ехидн. Самка ехидны обладает скважиною не шире игольного уха, так что, только съедая мужнино лоно, может зачать» [9. С. 199]. Все это совершенно согласуется с описанным в научной литературе гендерным порядком модернизма, в рамках которого фемининность отождествляется с природой, причем природой опасной, угрожающей и сексуализированной; как пишет, например, К. Эконен, «оппозиция культуры и природы воплощается в оппозиции маскулинного и фемининного, причем фемининная природа и телесность связываются с немотой, а маскулинная рациональность и абстрактность обозначают активность» [1. С. 43]⁸.

Получается, что женщины и «женскость», или фемининность, представлены в романе с эссенциалистских (поскольку женщины и категория фемининности уравниваются: амазонки по крупному счету мало чем отличаются у Кузмина от других женщин) и, говоря прямо, мизогинных позиций. Это, однако, не означает, что Александр у Кузмина не знает любовного чувства: следуя отчасти за источниками (прежде всего, за историческими), но очень сильно заостряя их, Кузмин

делает своего героя адептом мужской любви. Более того, он наделяет его исключительным и совершенным чувством к его «другу» Гефестиону: так, в Области мрака, куда зашел в своих чудесных путешествиях Александр, «гонимые дико посмотрели на короля и, протянув руки вперед, разом возопили: “Знал ли, царь Александр, ты любовь?” Король перевел глаза свои на Гефестиона и медленно повторил: “Знал ли я любовь?”» [9. С. 190].

Кузмин не придумывает этого персонажа – см., например, у Курция: «Это был самый любимый из друзей царя...» (III, 12: 16) [10. С. 43]; у Диодора: «Александр любил Гефестиона <...> Когда кто-то из друзей сказал, что Кратер любит царя ничуть не меньше, чем Гефестион, Александр воскликнул: “Кратер любит царя, а Гефестион Александра”. Когда мать Дария при первой встрече с Александром, по незнанию поклонившаяся в землю Гефестиону, как царю, смутилась от своей ошибки, Александр сказал ей: “Не беспокойся, мать! Он ведь тоже Александр”» [11. С. 344] и пр. Таким образом, у Кузмина были основания сделать этого персонажа другом и возлюбленным Александра. Но чего в исторических источниках нет, несмотря на сведения о предпочтении, оказывавшемся Александром Гефестиону, так это возвышенной и совершенной любви, соединяющей этих героев у Кузмина. Нет в источниках и женоненавистничества, которым отличается у него Александр; хотя у Юстина, например, царь в принципе представлен человеком высоко целомудренным, он способен любить женщину. Между тем у Кузмина женщины и их домогательства предстают как то, что нужно преодолеть и отбросить, чтобы остаться верным совершенной любви.

Примечательно, что сюжетная схема «Подвигов Великого Александра» в большой степени повторяет «Всадника» [2]: сюжет поэмы – это мистериальный сюжет, где принципиально важно сохранение героем чистоты для достижения сакрального центра – не случайно Всадник, явившись к Амуру, воплощению Любви, говорит: «я путь прошел, не запятнавши ризы» [22. С. 211], а еще раньше, в разговоре со жрицей, восклицает: «И голос дев, прелестный, но случайный, / Не в силах совратить с тропы необычайной» [22. С. 209]. Но то же самое можно сказать и об Александре: для него Любовь оказывается тождественна Гефестиону, а женские домогательства, в том числе собственной жены, он упорно отвергает. Даже и женские типажи романа очень близки тем, что более абстрактно представлены во «Всаднике»: амазонки соответствуют Браманте, Роксана – идиллической героине, Кандакия и отчасти Горгона – таинственной жрице «ночной Матери». Более того, как мы говорили в начале этой статьи, сюжет «Подвигов Великого Александра» – это, по сути, сюжет «философско-мистический», каковым он был уже и у Псевдо-Каллисфена.

В связи с поэмой «Всадник», где герой обретает Амура («райскую розу») в подземелье замка и спасает его, напрашивается к сопоставлению гностический миф о пещере с жемчужиной. Как писал С.С. Аверинцев о гностическом гимне «Песнь о Жем-

чужине» из апокрифических «Деяний апостола Фомы», «царевич, герой песни, т.е. один из “сынов света”, ради искупительной миссии сходящий во мрак, должен спуститься с гор <...> “Востока”, миновать “рубежи Майшана” и “земли Вавилона” <...> и вступить во мрак “Египта”, т.е. дольного мира, дабы возволить из власти Змия таинственную Жемчужину: частицу света, заточенную во мраке» [23. С. 420]⁹. Очень важны и другие совпадения: гимн «напоминает человеку: ты – царский сын на чужбине, не забывайся, не поддавайся ни робости, ни унынию, ни пустому довольству. Поэма дает таинственный образ зеркала, в котором человеку является высший лик его же души, – и сама хочет быть таким зеркалом». Но ведь все это можно отнести и к Александру, который путешествует во все упомянутые земли¹⁰. Как Всадник видит Амура в подземелье, после чего обретает райское блаженство, так и Александр говорит о своей любви к Гефестиону не где-нибудь, а в Области мрака, причем за ней следует «обитель блаженных», куда царь прибывает один. Встречающий его в этой обители отрок поразительно напоминает Амура из «Всадника»: «...из густой чащи вышел нагой отрок с высоким копьем, на конце которого желтел чудесный топаз. Нежным голосом, как горлица, он сказал: “Царь Александр, это – обитель блаженных; сюда никто не может ступить живым, ни даже ты, дошедший до этого места, куда не заходила человеческая нога. Будь радостен, ты скоро сюда придешь...”» [9. С. 191]. Из этого следует, что, пройдя все испытания, Александр завершит свой путь фактически в раю (который в романе однажды прямо упоминается) или, по крайней мере, среди блаженных. Упорство в достижении цели (ср. гимн о жемчужине) отличает Александра в высшей степени – например, в главке «Ропот солдат» в ответ на бунт войска «король долго молчал, подняв глаза к розовеющим тяжелым облакам; наконец звонко и далеко разнесся его голос: “Оставайтесь или возвращайтесь домой, – дело ваше. Я пойду и без вас, хотя бы один”» [9. С. 191]. Таким образом, Александр у Кузмина предстает не только как великий завоеватель и мудрец, как сын Солнца, в соответствии с историческими и литературными источниками, но и как мистериальный герой, ищущий собственной души, которая обретается в совершенной любви.

В этой гомозротической мистерии женщинам, разумеется, места нет. Тогда же, когда Кузмин стилизует мистирию с непосредственным участием женщины, как в «Комедии о Евдокии из Гелиополя, или Обращенной куртизанке» (1907), женский персонаж вписывается в традиционнейшую для фемининного гендерного дисплея схему «от блудницы к святой» (стадия «блудницы», очевидно, по Кузмину, почти неизбежна для женщины или, по крайней мере, «блудница» скрыта в любой женщине до поры до времени). Амазонки же, опрокидывающие гендерные стереотипы, оказываются чуть ли не самым презираемым Кузминым женским типом – как подделка под драгоценнейшее.

Итак, воспроизводя ряд касающихся амазонок «общих мест» исторических и литературных источников (описание образа жизни, некоторые сюжетные

моменты, традиционные топосы, включая мотив репродуктивной любви), Кузмин с помощью целого ряда приемов – от художественной детали до «указания на место» (весьма скромное) в системе персонажей – исподволь вносит изменения в устоявшийся образ воительницы, явственно снижая его. Важно, что в «Подвигах Великого Александра» этот негативный вектор изменений выстраивается не только в этической плоскости, как это было во «Всаднике», но и в плоскости эстетической. В поэме Кузмин, стилизуя Ариосто, был в большой степени ограничен в своей характеристике воительницы Браманты ариостовой системой координат, так что внешность героини вполне отвечает канонам рыцарской поэмы: она хороша собой и не мужеподобна; единственное, что сближает ее внешность с мужской, – это рыцарские латы. «Подвиги Великого Александра» стали более «воинственной» декларацией мизогинии¹¹: женщины здесь не только не могут быть объектом совершенной любви, ибо они ее недостойны и их чувства так или иначе ограничены, – они просто предстают в крайне непривлекательном виде. И если во «Всаднике» три воплощения отвергаемой героем женской любви не равноправны друг другу, но выстроены иерархиче-

ски – от низшего к высшему, причем отношения, которые предлагает герою Браманта, оказываются самым «худшим» типом любви («любовью-ненавистью»), то в романе такая иерархизация, по нашему мнению, отсутствует, и амазонки предстают лишь как один из женских типов, а отношения с ними – как один из вариантов явственно «несовершенной» любви. Тем самым Кузмин как бы «снимает» специфику образа амазонки и, шире, воительницы вообще. Если у других авторов русского модернизма воительница противопоставлена другим, «нормальным», «обычным» женщинам (особенно явно это у М. Цветаевой), то Кузмин отказывает ей в какой-либо исключительности.

Примерно через год Кузмин напишет статью «О прекрасной ясности» (1909, публ. 1910), где будет настаивать на обязанности прозы быть «ясной» и «логичной». Представляется, что в «Подвигах Великого Александра» он достиг цели «дать миру свою стройность» [26. С. 5]: автор здесь предельно «логичен в замысле, в постройке произведения» [26. С. 6], так что его предпочтения и идиосинкразии тоже выразились настолько отчетливо, насколько это возможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РТ – рабочая тетрадь Кузмина (РО ИРЛИ. Ф. 172. № 32).

² Как писал В.М. Жирмунский, «среди наиболее архаических и универсально распространенных отметим <...> воинские состязания <...> между женихом и невестой, богатырской девой (германские сказания о Брюнхильде и Зигфриде, среднеазиатские – об Алпамыше и др.). <...> Победенная героем воинственная красавица обычно становится возлюбленной или женой своего победителя и после этого теряет свою богатырскую силу» [14. С. 28–29].

³ За исключением ситуации обмена письмами, что отмечалось выше, и, следовательно, вынося за скобки хитрость амазонок: напав на них, Александр в любом случае оказался бы в дураках (победив всего лишь женщин или, тем более, будучи побежден ими).

⁴ Мужененавистничество приписывается амазонкам и в рассказе Кузмина «Ванина родинка», где пренебрежение мужчинами современной дамой названо «амазонским»: «Лишенные чрезмерного фанатизма матери, и дочери смутно разделяли эти амазонские взгляды, и в доме Комаровых и прославлялось, и воспевалось, и утверждалось лишь вечно-женское, как перл единственный создания. Мужчины могли только получать жалование <...> но вы бы несказанно удивили и оскорбили этих милых дам, спросив, например: “красив ли соседний реалист?” Это было бы неслыханно. Такой вопрос, когда есть сонм подруг и, наконец, три розы!?” [17. С. 187–188]. Очевиден здесь и эстетический угол зрения, восходящий к Платону и, в частности, к диалогам «Пир» и «Федр», где мужская любовь и красота выступают первой ступенью к познанию красоты как таковой.

⁵ На самом деле речь, конечно, должна идти о Персее.

⁶ Подробно о Горгонии см.: [18. С. 230–233].

⁷ Ср. также историю об испытании Александром воды, где и «два часа не продержалась крепость единственной чистой девушки» [9. С. 197], которая, оставшись на минуту без надзора, отдалась первому попавшемуся солдату.

⁸ См. также о связи женщины с природой, телесностью и сексуальностью в истории культуры: [19–21].

⁹ «Деяния» активно публиковались и изучались в конце XIX – начале XX в., а Кузмин с самого раннего периода своего творчества интересовался гностическими сочинениями [24. С. 47]. Кроме того, Кузмин читал по-гречески, так что его знакомство с «Деяниями» более чем вероятно.

¹⁰ Ср., в частности: «Пройдя Мидию и Армению, безводными пустынями достигнул король Евфрата, источники которого скрыты в чудесном Раю» [9. С. 185]; «Я покорил Европу и Азию, древний Египет и чудесную Индию, – юг, восток, запад и север; я смирил великих царей; я прошел всю землю от края до края; я был в царстве мрака и видел обитель блаженных. Теперь покорю я стихии, легкий воздух и текучую влагу, я – Александр, сын ливийского бога» [9. С. 195–196].

¹¹ Ср. суждение Л.Г. Пановой о романе Кузмина «Крылья» 1906 г.: «Воинственной эстетики (“Крыльев” – В. З.-О.) делало не только настояние на том, что геи – самый ценный плод на древе человечества, но и сопутствующее ему женоненавистничество» [25. С. 26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М., 2011.
2. Зусева-Озкан В.Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма. Брадаманта у Л. Ариосто и Браманта у М. Кузмина // Русская литература. 2016. № 1. С. 124–133.
3. Кузмин М. Дневник 1908–1915 / предисл., подг. текста и ком. Н.А. Богомолова, С.В. Шумихина. СПб., 2005.
4. Панова Л.Г. Игры с Брюсовым: Александр Великий в творчестве Кузмина // Новое литературное обозрение. 2006. № 2. С. 222–240.
5. Антипина И.В. Концепция человека в ранней прозе Михаила Кузмина : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
6. Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
7. Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.
8. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч. 1: Греческие писатели (продолжение) // Вестник древней истории. 1947. № 3(21). С. 235–315.
9. Кузмин М.А. Стихи и проза. М., 1989.

10. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М., 1993.
11. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. XVII // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М., 1993. С. 276–347.
12. Leconte S.-Ch. Les Noces de l'Amazone // Mercure de France. 1901. № 137. P. 374–379.
13. Блок А.А. Sébastien Charles Leconte. Le Sang de Méduse. Paris, 1906. Mercure de France, deuxième édition // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2003. Т. 7. С. 195–197.
14. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.; Л., 1962.
15. Leconte S.-Ch. Le Sang de Méduse. Paris, 1905.
16. Зусева-Озкан В.Б. К вопросу о круге чтения А.А. Блока: «Les Noces de l'Amazone» С.Ш. Леконта // Динамическая поэтика / Поэтическая динамика : сб. ст. к юбилею Дины Махмудовны Магомедовой. М., 2019. С. 213–220.
17. Кузмин М.А. Ванина родинка // Кузмин М.А. Проза : в 9 т. Berkeley, 1984. Т. 3. С. 181–208.
18. Истрин В.М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
19. Sixous H., Clément C. The Newly Born Woman. Minneapolis, 1986.
20. Battersby Ch. Gender and Genius: Towards a Feminist Aesthetics. London, 1989.
21. Felski R. The Gender of Modernity. Cambridge; Massachusetts; London, 1995.
22. Кузмин М.А. Стихотворения. СПб., 1996.
23. Аверинцев С.С. От берегов Евфрата до берегов Босфора. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии от Р. Х. // Аверинцев С.С. Собрание сочинений. Переводы: Многоценная жемчужина. Киев, 2006. С. 397–446.
24. Богомолов Н.А., Малстад Дж. Михаил Кузмин. М., 2013.
25. Панова Л.Г. М.А. Кузмин // Русская литература XX века: 1930-е – сер. 1950-х гг. / под ред. М. Липовецкого (Лейдермана) et al : в 2 т. М., 2014. Т. 2. С. 23–47.
26. Кузмин М. О прекрасной ясности (Заметки о прозе) // Аполлон. 1910. № 4. С. 5–10.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 октября 2020 г.

The Representation of the Amazons in *The Exploits of Alexander the Great* by Mikhail Kuzmin

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 29–36.

DOI: 10.17223/15617793/460/3

Veronika B. Zuseva-Özkan, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Keywords: Amazons; woman warrior; Pseudo-Callisthenes; mystery; femininity; gender.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10100.

The article considers the construction of the image of the Amazons by Mikhail Kuzmin in his romance *The Exploits of Alexander the Great*. The analysis of the romance in this aspect is performed in comparison with Kuzmin's long poem "The Horseman", which was written almost at the same time (both works were created in 1908) and in which another woman warrior appears. The aim of the study is to reveal the characteristics of the figures of female warriors in Kuzmin's work and to determine their place in the artistic whole. The analysis is conducted at the boundary of historical and literary methodology, comparative and gender studies. The study has found that the relationship of *The Exploits of Alexander the Great* with its prototexts (literary, in particular with the Hellenistic *Alexander Romance* by Pseudo-Callisthenes, and historical, for example, the histories of Alexander's deeds by Quintus Curtius Rufus and Diodorus Siculus) is such that Kuzmin mainly follows their event chains but makes new semantic accents. This shift in emphasis is due to the fact that the plot of the romance, same as of the poem "The Horseman", becomes that of the mystery where the hero embarks on a journey towards the secrets of being, towards immortality and perfect love. Kuzmin creates the homoerotic mystery where there is no place for women, including the Amazons who do not follow any gender stereotypes and defy all "normative" representations of femininity. Moreover, the type of "masculine woman" is despised by Kuzmin, who is generally known for his misogyny, twice as much as the type of a "normative woman" since he deems it the poor imitation of a man. Hence is the fact that Kuzmin in many ways brings down the heroic, belligerent aspect of the Amazons' image, in particular, while describing their pastoral lifestyle (not mentioned in the sources where their life is represented as that of a military camp) and focusing instead on their reproductive customs. Though Kuzmin reproduces a number of traditional topoi concerning the Amazons, he also introduces new elements and, in so doing, modifies the archetypal figure of the female warrior. He totally rejects the usual "romanticizing" of the Amazons. It is also very characteristic that this negative vector of change is built not only in the ethical (as is the case of "The Horseman") but also in the aesthetic field. While in "The Horseman" three incarnations of the woman's love, rejected by the hero, are ranked from lowest to highest, and the relationship with the woman warrior is deemed the worst type of love (since it is "love-hate"), this hierarchy does not seem to exist in the romance: the Amazons appear simply as one of female types and the relationship with them as a variant of the decidedly "imperfect" love. Thereby, Kuzmin relieves the specificities of the image of the Amazon and the female warrior in general. While in the works of other Russian Modernist writers the woman warrior is opposed to the other, "normal", women, Kuzmin denies her any exceptionalism.

REFERENCES

1. Ekonen, K. (2011) *Tvoret, sub'ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, Woman: Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism]. Moscow: NLO.
2. Zuseva-Ozkan, V.B. (2016) Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma. Bradamanta u L. Ariosto i Bramanta u M. Kuzmina [The warrior virgin in the literature of Russian modernism. Bradamante by L. Ariosto and Brahman by M. Kuzmin]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 124–133.
3. Kuzmin, M. (2005) *Dnevnik 1908–1915* [Diary of 1908–1915]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.
4. Panova, L.G. (2006) Iгры s Bryusovym: Aleksandr Velikiy v tvorchestve Kuzmina [Games with Bryusov: Alexander the Great in Kuzmin's works]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 2. pp. 222–240.
5. Antipina, I.V. (2003) *Kontseptsiya cheloveka v ranney proze Mikhaila Kuzmina* [The concept of person in early prose by Mikhail Kuzmin]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
6. Kostyukhin, E.A. (1972) *Aleksandr Makedonskiy v literaturnoy i fol'klornoy traditsii* [Alexander the Great in the literary and folklore tradition]. Moscow: Nauka.

7. Grabar'-Passek, M.E. (1966) *Antichnye syuzhety i formy v zapadnoevropeyskoy literature* [Ancient plots and forms in Western European literature]. Moscow: Nauka.
8. Latyshev, V.V. (1947) Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. Ch. 1: Grecheskie pisateli (prodolzhenie) [Ancient writers' news about Scythia and the Caucasus. Part 1: Greek writers (continued)]. *Vestnik drevney istorii*. 3(21). pp. 235–315.
9. Kuzmin, M.A. (1989) *Stikhi i proza* [Poems and prose]. Moscow: Sovremennik.
10. Quintus Curtius Rufus. (1993) *Istoriya Aleksandra Makedonskogo. S prilozheniem sochineniy Diodora, Yustina, Plutarkha ob Aleksandre* [The History of Alexander. With works by Diodorus, Justin, Plutarch about Alexander]. Moscow: Moscow State University.
11. Diodorus Siculus. (1993) Istoricheskaya biblioteka. Kn. XVII [Library of History. Book XVII]. In: Quintus Curtius Rufus. *Istoriya Aleksandra Makedonskogo. S prilozheniem sochineniy Diodora, Yustina, Plutarkha ob Aleksandre* [The History of Alexander. With works by Diodorus, Justin, Plutarch about Alexander]. Moscow: Moscow State University. 276–347.
12. Leconte, S.-Ch. (1901) Les Noces de l'Amazone. *Mercure de France*. 137. pp. 374–379.
13. Blok, A.A. (2003) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 7. Moscow: Nauka. pp. 195–197.
14. Zhirmunskiy, V.M. (1962) *Narodnyy geroicheskiy epos* [Folk heroic epic]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
15. Leconte, S.-Ch. (1905) *Le Sang de Méduse*. Paris: [s.n.].
16. Zuseva-Ozkan, V.B. (2019) K voprosu o krughe chteniya A.A. Bloka: "Les Noces de l'Amazone" S.Sh. Lekonta [On the question of A.A. Blok's circle of reading: "Les Noces de l'Amazone" by S.Ch. Leconte]. In: *Dinamicheskaya poetika / Poeticheskaya dinamika* [Dynamic poetics/Poetic dynamics]. Moscow: IWL, RAS. pp. 213–220.
17. Kuzmin, M.A. (1984) *Proza: v 9 t.* [Prose: in 9 vols]. Vol. 3. Berkeley: Berkeley Slavic Specialities. pp. 181–208.
18. Istrin, V.M. (1893) *Aleksandriya russkikh khronografov: Issledovanie i tekst* [The Alexandria of Russian Chronographs: Study and Text]. Moscow: v Universitetskoy tipografii.
19. Cixous, H. & Clément, C. (1986) *The Newly Born Woman*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
20. Battersby, Ch. (1989) *Gender and Genius: Towards a Feminist Aesthetics*. Indiana University Press.
21. Felski, R. (1995) *The Gender of Modernity*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
22. Kuzmin, M.A. (1996) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
23. Averintsev, S.S. (2006) *Sobranie sochineniy. Perevody: Mnogotsennaya zemchuzhina* [Collected Works. Translations: A pearl of great value]. Kyiv: Dukh i litera. pp. 397–446.
24. Bogomolov, N.A. & Malmstad, J. (2013) *Mikhail Kuzmin*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
25. Panova, L.G. (2014) M.A. Kuzmin. In: Lipovetskiy, M. et al. (eds) *Russkaya literatura XX veka: 1930-e – ser. 1950-kh gg.: v 2 t.* [Russian literature of the twentieth century: 1930s – mid-1950s: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Akademiya. pp. 23–47.
26. Kuzmin, M. (1910) O prekrasnoy yasnosti (Zametki o proze) [On excellent clarity (Notes on prose)]. *Apollon*. 4. pp. 5–10.

Received: 02 October 2020

С.В. Мурзина, Е.Г. Новикова

ОБРАЗ ГАРИБАЛЬДИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\19.

Впервые системно собран, описан и проанализирован основной массив высказываний Ф.М. Достоевского, посвященных его современнику, лидеру итальянского Рисорджименто Джузеппе Гарибальди. Осуществлен опыт реконструкции образа итальянского политического деятеля в творчестве русского писателя как в социокультурном контексте России 1860–1870-х гг., так и в аспекте актуальной политической проблематики Рисорджименто. Показано, что Достоевский обращался к образу Гарибальди на протяжении всего творчества.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; Дж. Гарибальди; А.Г. Достоевская; Рисорджименто; «Петербургские сновидения в стихах и прозе»; «Зимние заметки о летних впечатлениях»; «Двойник»; «Подросток»; «Дневник писателя».

Джузеппе Гарибальди – один из самых ярких политических деятелей европейской истории середины – второй половины XIX в., национальный герой Италии, один из лидеров Рисорджименто, главным политическим завоеванием которого стало объединение страны и нации.

Сложные, зачастую противоречивые события Рисорджименто находились в центре европейского политического внимания. Уже в 1856 г. французские газеты писали: «Вся Европа сейчас занята только итальянским вопросом <...> Проблема Италии стала актуальней восточного вопроса» [1. С. 193–194].

В свою очередь, в России «...в 1860 г. не было ни одного номера русской газеты или журнала без статьи об итальянских событиях и о Гарибальди. Ежедневно в газетах излагались новые подробности его биографии, его взаимоотношений с Кавуром и Виктором-Эммануилом» [2. С. 270]. Характерно, что в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» Ф.М. Достоевского чиновник, вообразивший себя Гарибальди, впервые узнал о нем из газет: «вычитал он что-то случайно в подвернувшейся на столе газете» [3. С. 72].

Журнал братьев Достоевских «Время» сразу же активно включился в этот общий процесс осмысления актуальных итальянских событий. В центре «Политического обозрения» самого первого номера журнала 1861 г. – именно Гарибальди, его биография, его политическая деятельность, наконец, его исключительная личность: «В минуту опасности он отдавал приказания, одушевлял свое войско и дрался впереди всех с неустрашимостью истинного героя» [4. С. 28]. «Триумфальное шествие Гарибальди <...> к Неаполю» [4. С. 28] вписано здесь в общеевропейский контекст как истинная «жизнь»: «Вся Европа следила за этим шествием с самым напряженным любопытством. Деятельность производит на умы неодолимое очарование. Где действие, там жизнь <...> И деловой человек, и государственный муж, и простой работник, и поэт – в то время принимались за свое дело не иначе как с мыслью: что-то делает Гарибальди? Что он потом станет делать?» [4. С. 28].

В этом же номере «Времени» были опубликованы «Петербургские сновидения в стихах и прозе» Достоевского [5], где сам писатель также обращается к Гарибальди. Одно из «сновидений» повествователя –

рассказ о бедном чиновнике, в котором «образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей» [3. С. 72].

Так, Достоевский, стремясь быстро и активно проявить себя в новой российской действительности начала 1860-х гг. и организовав для этого журнал «Время», входит в нее, если можно так выразиться, с именем Гарибальди на устах. Гарибальди в первом номере «Времени» – и в художественном произведении писателя, и в «Политическом обозрении».

В настоящее время степень изученности темы «Достоевский и Гарибальди» невелика, исследователи к ней обращаются пока только для постановки и изучения отдельных вопросов, связанных с Достоевским и с восприятием Гарибальди в России в целом [6–10 и др.]. В данной работе впервые сделана попытка системно собрать и изучить материалы русского писателя, посвященные Гарибальди. Актуальность исследования обусловлена современными представлениями о Достоевском как об оригинальном политическом мыслителе [11–15 и др.], чьи взгляды востребованы и в современной политике [16, 17 и др.], а также общей проблематикой российско-итальянских взаимоотношений.

Как уже было сказано выше, первое обращение Достоевского к имени Гарибальди зафиксировано в его «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» 1861 г.

«Приснилось мне недавно вот что: жил-был один чиновник, разумеется в одном департаменте. Ни протеста, ни голоса в нем никогда не бывало; лицо вполне безгрешное» [3. С. 71], – так начинает Достоевский свою историю о чиновнике-Гарибальди, сразу же при этом прямо указывая на гоголевскую традицию «Записок сумасшедшего»: «Никогда-то он почти ни с кем не говорил и вдруг начал беспокоиться, смущаться, расспрашивать всё о Гарибальди и об итальянских делах, как Поприщин об испанских...» [3. С. 72]. «Старые знакомые стучатся иногда в мою дверь» [3. С. 71], – специально подчеркивает это писатель. Рядом с гоголевским образом маленького человека – чиновника вполне закономерно возникает тема Невского проспекта: «Ходил мой чудак сторбившись, смотрел в землю, и когда, бывало, возвра-

щаясь к себе на Петербургскую, он попадал на Невский, то, наверное, на Невском никогда не являлось существа покорнее и безответнее» [3. С. 71]. А также – собственно «поприщинская» тема сумасшествия: «его отвезли в сумасшедший дом» [3. С. 72].

Путь и судьба гоголевского / петербургского чиновника – сумасшествие, именно это важно здесь Достоевскому. Поэтому в сновидениях его повествователю являются «вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники» [3. С. 71]. И такой современной, актуальной «фантастикой» России начала 1860-х гг. становится образ Гарибальди: «И вот в нем образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди».

Но и в гоголевских «Записках сумасшедшего» – не только «Испания», но и «Италия»: «струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия» [18. С. 195]. Здесь, в знаменитом финале «Записок сумасшедшего», несчастный Поприщин умоляет о помощи и спасении: «Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят!» [18. С. 195].

«Ему нет места на свете! его гонят!» – это можно было бы сказать и о герое Достоевского. Изначальная суть его личности – смирение, терпение, молчание: «ни протеста, ни голоса в нем никогда не бывало; лицо вполне безгрешное»; «упорно молчал, опустя глаза в землю и что-то пришепечывая, как будто замаливал у Господа свои прегрешения» [3. 71–72]. Далее следует вполне ожидаемая тема петербургского чиновника как маленького и несчастного человека: «Дома у него была <...> ворчунья жена, с шестерыми детьми. И когда все дома просили хлеба, рубашек и обуви, он сидел себе в уголку у печки, не отвечал ни слова, писал казенные бумаги или упорно молчал <...> И когда слезы, попреки и терзанья дошли наконец до последней степени, бедняк вдруг поднял голову и проговорил, как Валаамов осел, но проговорил так странно, что его отвезли в сумасшедший дом. И могло же ему войти в голову, что он – Гарибальди!» [3. 71–72].

В это же время начиная с 1860 г. Достоевский несколько лет перерабатывал повесть «Двойник» (переработка будет закончена только в 1866 г. и станет каноническим вариантом произведения). В «Черновых набросках к предполагавшейся переработке повести» под названием «В Голядкина» содержится несколько записей, объединенных именем Гарибальди, которые разворачиваются в набросок некоей специальной сюжетной линии (которая в окончательном варианте произведения отсутствует):

«Обвинение Голядкина в том, что он Гарибальди.

<...> Головоломное известие, во-1-х, о Гарибальди, а во-2-х, о кислороде и водороде.

<...> О появлении в городе знаменитого в городе разбойника Гарибальди.

В Голядкине видно, как человек путается, потому что, кроме администрации, никто ничего не знает. (Ну что, если вот Гарибальди, а я о нем ничего не знаю.)

Справляется о Гарибальди в разных министерствах. Секрет-с. За гривенник достает адрес: статский советник в отставке, в Кирпичном переулке, № 31.

Идет в Кирпичный переулок, ждет. Лакей выпроваживает» [19. С. 435–436].

Безусловно, наброски этого микросюжета требуют специального анализа в контексте творческой истории повести «Двойник». Но вполне очевидно то, что, одновременно с «Петербургскими сновидениями в стихах и прозе», в этих набросках к новому «Двойнику» также возникает тема Гарибальди в России, Гарибальди в Петербурге («о появлении в городе знаменитого в городе разбойника Гарибальди»), и в него вновь потенциально может превратиться петербургский чиновник, причем здесь – даже в двух вариантах, это и сам Голядкин («обвинение Голядкина в том, что он Гарибальди»), и некий «статский советник в отставке». Восприятие этим типом героя Достоевского Гарибальди как «флибустьера и нарушителя естественного порядка вещей» продолжается и в этих набросках: «разбойник».

Самоидентификация героя «Петербургских сновидений в стихах и прозе» как Гарибальди, когда он после своего глубокого терпения и смирения заговорил «как Валаамов осел, – это бунт. «Это бунт, – тихо и потупившись проговорил Алеша» [20. С. 223], прежде чем Иван Карамазов начал пересказывать ему свою поэму о великом инквизиторе. А проблематика великого инквизитора также восходит, в частности, к гоголевским «Запискам сумасшедшего»: «не попался ли я в руки инквизиции, и тот <...> не есть ли сам великий инквизитор» [18. С. 193], «сегодня великий инквизитор пришел в мою комнату» [18. С. 194] и пр.

Если измученный маленький человек Гоголя только молит о спасении, подчеркнуто продолжающий его традицию герой Достоевского оказывается способным на бунт. О Гоголе и Достоевском много писал В.В. Розанов в своей классической работе, посвященной именно великому инквизитору, в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария»: «Вся литература наша после Гоголя обратилась к проникновению в человеческое существо <...> Достоевский прежде всех других заговорил о жизни, которая может биться под самыми душными формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых невозможных условиях» [21. С. 52–53].

Бунт маленького человека Достоевского против сложившегося мироустройства, когда «весь Божий мир скользил перед ним и улетал куда-то, земля скользила из-под ног его» [3. 72], фиксируется именем Гарибальди. В российской культуре начала 1860-х гг. сформировалось устойчивое представление о Гарибальди как о «вселенском радетеле униженных и угнетенных ¹» [6. С. 78], эти контексты и определили динамику гоголевского образа маленького человека до чиновника-Гарибальди в произведении Достоевского.

«Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова, – проникновенно сказал Иван. – Можно ли жить бунтом, а я хочу жить» [20. С. 223]. Герой Достоевского, осознав себя Гарибальди, осознает себя также «преступ-

ником», «флибустьером», «нарушителем естественного порядка вещей»: «И вот в нем образовалась мало-помалу неотразимая уверенность, что он-то и есть Гарибальди, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей. Сознав в себе свое преступление, он дрожал день и ночь» [3. С. 72]; «в одно утро он вдруг бросился в ноги его превосходительству: виноват, дескать, сознаюсь во всем, я – Гарибальди, делайте со мной что хотите!..» [3. С. 72]. Бунт героя-Гарибальди Достоевского, обозначившись и состоявшись, одновременно с этим, практически мгновенно, превращается в акт покаяния, в акт признания своего греха, признания сущностной греховности природы человека, который должен «замаливать у Господа свои прегрешения».

Так это самое первое обращение Достоевского к Гарибальди уже оказалось связанным с глубинным формированием таких сущностных проблем его творчества, осмысление которых пройдет через всю его жизнь и которые до сих пор остаются актуальными (см., например: [17]).

К началу 1860-х гг. относится также следующая запись Достоевского в <Записной книжке 1860–1862 гг.>: «NB. Французы бы не пошли против Гарибальди» [22. С. 155].

В этой «Записной книжке» есть раздел, озаглавленный «Чернышевскому», в котором Достоевский сделал ряд заметок, посвященных определенным публикациям в журнале «Современник».

В частности, политический обзор Н.Г. Чернышевского «Октябрь 1860» в «Современнике» [23. С. 295–327] был посвящен «Итальянским делам» [23. С. 295]. Здесь Чернышевский анализирует стратегии Гарибальди и Кавура² по отношению к Риму, который в это время находился под патронажем Франции, в нем и некоторых других итальянских городах были размещены «французские гарнизоны» [23. С. 321] с целью сохранения «клерикального управления» [23. С. 320] Италией, которое поддерживал Наполеон III. Опираясь в своем анализе на целый ряд европейских изданий, русский мыслитель утверждает, что «Гарибальди напрасно приписывают намерение идти на французов» [23. С. 319], «Гарибальди хотел действовать в этом вопросе не вооруженною силою, а нравственным влиянием, хотел довести французов до того, чтобы они добровольно удалились из Рима» [23. С. 319].

Достоевский, активно полемизируя с Чернышевским по целому ряду вопросов³, по поводу итальянских событий пишет следующее: «Если кто с вами согласен, что Кавур был человек довольно дюжинный, так это мы» [22. С. 154]. Чернышевский, сравнивая политические действия Гарибальди и Кавура, утверждал, что «ловкий Кавур» [23. С. 318] только воспользовался «программой <...> провозглашавшейся» [23. С. 318] Гарибальди. Вот что пишет по этому поводу Достоевский: «Если кто мог негодовать вместе с вами, что такая дюжинная душа властвует над всеми, вопреки гениальным, из умения воровски пользоваться гениальными мыслями, так это мы» [22. С. 155]. «Дюжинной душе» «вороватого» Кавура Достоевский противопоставляет «гениальность», «гени-

альные мысли» – человека, в котором без труда узнается Гарибальди. Поэтому далее в своей реплике «NB» Достоевский усиливает еще один аспект личности Гарибальди, его особое «нравственное влияние» [23. С. 319], его «неодолимое очарование» [4. С. 28] для всей Европы того времени, именно поэтому, по мысли русского писателя, «французы бы не пошли против Гарибальди».

Таков диапазон изображения Гарибальди, заданный в самых первых упоминаниях о нем Достоевского начала 1860-х гг., – это и политический деятель, который борется за «униженных и оскорбленных», и «гениальная» личность, представление о которой связано с вопросами истинно нравственной позиции человека. В целом же на этом первом этапе Гарибальди представлен у Достоевского в основном простой фиксацией имени и крайне лаконичными (хотя достаточно сложными по своему смыслу) определениями: «я – Гарибальди» / «он Гарибальди», «флибустьер», «нарушитель естественного порядка вещей», «разбойник», «гений», «гениальные мысли».

В 1862 г. Достоевский впервые выехал в Европу, и творческим результатом поездки стали «Зимние заметки о летних впечатлениях», опубликованные также во «Времени» в 1862 г. Размышления о Гарибальди здесь были продолжены.

Если в 1860–1861 гг. основным источником информации о деятельности Гарибальди были для Достоевского газеты и журналы, то теперь он впервые окунулся в европейскую жизнь как очевидец. На основании этого реального жизненного опыта в «Зимних заметках...» впервые был создан художественный образ итальянского политического деятеля. В произведение вошло описание разговора о Гарибальди, в котором участвовали итальянцы и французы (а также русской писатель – как молчаливый, но внимательный слушатель). Общий смысл этого разговора в контексте произведения Достоевского – создание «опыта» [24. С. 74] о буржуазной Европе, самым ярким воплощением которой, по мысли писателя, стала французская буржуазия. Меркантильному французскому буржуа он противопоставляет здесь яркий образ итальянского национального героя [9. С. 39].

«Сидел я раз за одним табльдотом – это уж было не во Франции, а в Италии, но за табльдотом было много французов. Толковали о Гарибальди. Тогда везде толковали о Гарибальди. Это было недели за две до Аспромонте⁴. Разумеется, говорили загадочно <...> Общий смысл разговора был тот, что Гарибальди затеял дело рискованное, даже неблагоразумное; но, конечно, высказывали это мнение с недоговорками, потому что Гарибальди – человек до того всем не в уровень, что у него, пожалуй, и выйдет благоразумно даже и то, что по обыкновенным соображениям выходит слишком рискованным. Мало-помалу перечисляли его качества – приговор был довольно благоприятный для итальянского героя.

– Нет, я одному только в нем удивляюсь, – громко проговорил один француз <...>

Разумеется, все с любопытством обратились к оратору.

Новое качество, открытое в Гарибальди, должно было быть для всех интересным.

– В шестидесятом году, некоторое время, в Неаполе, он пользовался неограниченной и самой бесконтрольной властью. В руках у него была сумма в двадцать миллионов казенных денег! В этой сумме он никому не давал отчета! Он мог взять и утаить сколько угодно из этой суммы, и никто бы с него не спросил! Он не утаил ничего и сдал правительству все счетом до последнего су. Это почти невероятно!!

Даже глаза его разгорелись, когда он говорил о двадцати миллионах франков.

Про Гарибальди, конечно, можно рассказывать все что угодно. Но сопоставить имя Гарибальди с хаптурками из казенного мешка – это, разумеется, мог сделать только один француз.

И как наивно, как чистосердечно он это проговорил. За чистосердечие, разумеется, все прощается, даже утраченная способность понимать и чувствовать настоящей чести» [24. С. 83–84].

Именно личность Гарибальди – в центре этого описания, он предстает здесь «итальянским героем», «человеком» совершенно особого «уровня», человеком «чести». Так, в «Зимних заметках...» тема его гениальности и высоких нравственных качеств была не только продолжена, но развернута в два специальных небольших сюжета: в сюжет его обсуждения итальянцами и французами и в сюжет его пребывания у власти в Неаполе; на этом сложном двойном разнородном основании рождается у Достоевского художественный образ итальянского полководца.

Обращает на себя внимание та точность, с которой Достоевский описывает политическую деятельность Гарибальди: «Это было недели за две до Аспромонте». В 1864 г. уже в журнале «Эпоха», активно полемизируя с А.А. Краевским и его газетой «Голос», писатель напоминает о позиции этого издания по отношению к Гарибальди: победа знаменитой «гарибальдийской тысячи» над генералом Франческо Линди при Калатафими в 1860 г. была описана в нем неточно и предвзято, в том числе само местечко было названо «Кастельфидардо». Достоевский здесь резко возражает против этих «последних штучек» [25. С. 20] А.А. Краевского. Все это свидетельствует о том, что сам Достоевский в 1860-е гг. внимательно следил за сложными перипетиями политической борьбы Гарибальди и стремился быть в курсе последних событий итальянского Рисорджименто.

В 1867 г. супруги Достоевские уехали в Европу (чтобы прожить там долгие четыре года); к этому периоду относятся три случая упоминания Гарибальди в письмах писателя.

Одно из них вновь свидетельствует о пристальном внимании Достоевского к политической деятельности и судьбе Гарибальди. В письме к С.А. Ивановой от 1 (13) января 1868 г. Достоевский упоминает поражение Гарибальди при Ментане 3 ноября 1867 г.: «разбитие Гарибальди» [26. С. 253, 462].

А в 1867 г. Достоевскому довелось увидеть Гарибальди лично. Впечатления русского писателя вошли как в его письма, так и в воспоминания А.Г. Достоевской.

В августе этого года супруги Достоевские для постоянного проживания выбрали Женеву. В конце августа – начале сентября в городе проходил конгресс Лиги мира и свободы – одно из крупных политических мероприятий, связанных с формированием I Интернационала. В нем принял участие и Гарибальди. «Я сюда попал прямо на *Конгресс Мира* (здесь и далее курсив Ф.М. Достоевского. – Е.Н.), на который приехал и Гарибальди. Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5 000 слушателей, то невыразимо!» [26. С. 224], – пишет Достоевский в письме к С.А. Ивановой от 29 сентября (11 октября) 1867 г. Из письма А.Н. Майкову от 3 (15) сентября того же года: «Видел и Гарибальди. Он мигом уехал» [26. С. 217].

Сами супруги Достоевские посетили заседание Конгресса 30 августа (11 сентября), и свое общее впечатление писатель выразил в уже приведенном выше письме С.А. Ивановой: «...что эти господа, – которых я в первый раз видел не в книгах, а наяву, – социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5 000 слушателей, то невыразимо!» [27. С. 155–156]. Судя по всему, впечатления русского писателя и итальянского политического деятеля об этом Конгрессе совпали: Гарибальди «мигом уехал», потому что, встреченный самым пышным образом, в конечном счете не нашел общего языка с его организаторами.

Если в этих письмах Достоевского только упоминается его имя, то развернутый рассказ о Гарибальди в Женеве 1867 г. содержится в воспоминаниях А.Г. Достоевской, сначала – в ее «Дневнике 1867 г.» [27], затем – в поздних, составленных на его основе, но существенно отредактированных «Воспоминаниях» 1910-х гг. [28]. В сущности, описание Гарибальди в текстах А.Г. Достоевской – это еще один развернутый образ итальянского полководца, созданный пусть не самим Достоевским, но в ближайшем круге его авторитетного влияния.

Подробный рассказ о Гарибальди в Женеве и об отношении к этому событию супругов Достоевских дан в «Дневнике 1867 г.», в «Воспоминаниях» же представлен гораздо более сокращенный и схематизированный вариант. «Сравнение расшифрованного «Дневника» за 1967 год и соответствующих ему по времени страниц воспоминаний позволяет судить о том, каким образом переделывались Анной Григорьевой записи непосредственные, по горячим следам <...> Именно поэтому «Дневник» в чем-то более достоверный мемуарный документ» [30. С. 17]. Эти размышления ученых, подготовивших «Воспоминания» к печати, самым непосредственным образом могут быть отнесены к описанию Гарибальди.

Приведенные далее записи из «Дневника 1867 г.» датированы 8–9 сентября / 27–28 августа 1867 г.: «Сегодня день приезда Гарибальди <...> Народ попадался толпами, все спешили смотреть на разные депутации, которые отправляются встречать Гарибальди на железную дорогу. Собраться назначено было ровно в 5 часов <...> Я пошла домой, а Федя читать газеты. Сговорились, что он скоро придет <...> Я сидела дома все время, пока на мосту Монблан не показалась

депутация. Тогда я тоже пошла и вышла на улицу Монблан <...> Улица Монблан очень широкая, но она была решительно наполнена народом до невозможности, особенно много было ребятишек и, как я заметила, они-то больше всех и суетились, когда началась процессия. Окна здешних 5- и 6-этажных домов были заняты дамами в нарядах и мужчинами. Мне было ужасно скучно ходить по улице одной и я, право, жалела, что не было со мной Федей <...> Наконец шествие кое-как пошло, и за депутациями ехал в открытой коляске в 4 лошади и с жокеем впереди Гарибальди. Издали, когда я увидела его лоб, мне показалось, что это Федя, так у него лоб похож на лоб Гарибальди. Наконец, показался и он, одетый в красный камзол и в полосатом плаще, с серой шляпой, которою он махал во все стороны. Какое у него доброе, прекрасное лицо, лет ему 55, мне кажется, он с лысиной. Но что за доброе, милое, простое лицо, должно быть, он удивительно добрый и умный человек <...> Когда народ несколько отхлынул, я отправилась домой и пришла гораздо раньше Федей и всех наших хозяек, которые, как потом говорили, отправились слушать речь, которую говорил Гарибальди с балкона дома президента <...> Когда воротился Федя, я начала бранить, зачем он за мной не зашел <...> я его (Гарибальди. – Е.Н.) видела очень близко, так что отлично могла рассмотреть его благородное лицо.

<...> Мы решились сегодня пораньше идти, чтобы до обеда прогуляться по городу <...> Мы, пообедав, пошли искать библиотеку и по дороге встретили Гарибальди, который ехал вместе с президентом в коляске из конгресса. За ним и перед ним бежала толпа мальчишек, а он предобродушно раскланивался» [30. С. 242–244].

«Воспоминания»: «В начале сентября 1867 года в Женеве состоялся Конгресс мира, на открытие которого приехал Джузеппе Гарибальди. Приезду его придавали большое значение, и город приготовил ему блестящий прием. Мы с мужем тоже пошли на rue du Mont-Blanc, по которой он должен был проезжать с железной дороги. Дома были пышно убраны зеленью и флагами, и масса народу толпилась на его пути. Гарибальди, в своем оригинальном костюме, ехал в коляске стоя и размахивал шапочкой в ответ на восторженные приветствия публики. Нам удалось увидеть Гарибальди очень близко, и мой муж нашел, что у итальянского героя чрезвычайно симпатичное лицо и добрая улыбка» [29. С. 188–189].

Незадолго до этого события в письме А.Н. Майкову из Женевы от 16 (28) августа 1867 г. Достоевский следующим образом описывает Анну Григорьевну: «В характере Анны Григорьевны оказалось решительное антикварство (и это очень для меня мило и забавно). Для нее, например, целое занятие пойти осматривать какую-нибудь глупую ратушу, записывать, описывать ее (что она делает своими стенографическими знаками и исписала 7 книжек⁵)» [26. С. 205]. Можно предположить, что именно это «антикварство» подвигло Анну Григорьевну принять участие во встрече Гарибальди и подробно описать ее в «Дневнике». Достоевский с ней не пошел, он предпочел пойти в местную библиотеку чи-

тать последние газеты (в которых, очевидно, тема Гарибальди занимала не самое последнее место). В «Воспоминаниях» – не так, здесь описано, как супруги Достоевские вместе пошли встречать Гарибальди «на rue du Mont-Blanc, по которой он должен был проезжать с железной дороги».

Судя по «Дневнику», главное первое впечатление А.Г. Достоевской о Гарибальди – его удивительное лицо: «какое у него доброе, прекрасное лицо <...> что за доброе, милое, простое лицо, должно быть, он удивительно добрый и умный человек <...> благородное лицо». Безусловно, возникает вопрос о том, вправде ли была Анна Григорьевна в «Воспоминаниях» приписать это свое впечатление о Гарибальди и Достоевскому: «мой муж нашел, что у итальянского героя чрезвычайно симпатичное лицо и добрая улыбка». Думается, ответить на этот вопрос можно положительно. В «Дневнике 1867 г.» А.Г. Достоевская самым подробным образом описывает, в том числе, и те споры, недоразумения, противоречия, которые возникали между молодыми супругами в этот первый год их совместной жизни, и какие-либо расхождения по поводу Гарибальди, если бы они были, она должна была бы зафиксировать. Косвенным ответом на этот вопрос также может стать ее поразительное сравнение внешности Гарибальди и Достоевского: «Издали, когда я увидела его лоб, мне показалось, что это Федя, так у него лоб похож на лоб Гарибальди». Как однажды заметил писатель в письме к А.Н. Макову из той же Женевы, «я красавец <...> в глазах Анны Григорьевны – и серьезно, я Вам скажу!» [26. С. 278]. Во внешности и Гарибальди и Достоевского Анна Григорьевна увидела доброту, ум, благородство, то же самое, по ее словам, увидел и сам русский писатель в «итальянском герое».

При этом в описании реальной случайной встречи супругов Достоевских с Гарибальди, которая произошла на второй день пребывания его в Женеве, есть один новый акцент – его простодушие: «он предобродушно раскланивался». Далее простодушие Гарибальди станет одним из важнейших его качеств и как человека, и как политика в описании Достоевского: «Этот последний вопрос никогда не влезает в такие головы, как у Гарибальди. Они так простодушно веруют...» [31. С. 69]; «И дела великие легки при таком простодушии» [31. С. 69]; «...Гарибальди, человек простодушнейший до странности <...> может быть, очень честолюбивый, но непременно гениальный» [32. С. 282]. Можно предположить, что основу этого восприятия Достоевским Гарибальди как «человека простодушнейшего» составило то первое и единственное личное впечатление о нем, которое и запечатлела А.Г. Достоевская в «Дневнике 1867 г.».

О «простодушии» Гарибальди Достоевский писал, в частности, в подготовительных материалах к «Подростку» 1874 г. в «Заметках, планах, набросках. 11 (23) июля – 7 (19) сентября 1874)». При этом вновь, как это было с повестью «Двойник», упоминания о нем так и останутся в черновых материалах и не войдут в окончательный текст романа несмотря на то, что Гарибальди здесь посвящен фрагмент, значительный как по объему, так и по своим смыслам.

Источники представлений о Гарибальди расширяются далее: к газетам, журналам и личным впечатлениям добавились «Записки» [33] («Мемуары» [34]) итальянского политического деятеля.

«*Записки Гарибальди*». «Вы, – говорит он правительствам и государям, – творцы интернационалки и революции, потому что вы противитесь истине и человеческому братству»⁶. Экономическая система Гарибальди сводится вся к следующему: «Каким образом избежать опасности? Ничего нет легче: стоит только, чтоб потребляющие теперь за пятьдесят человек потребляли бы только как двадцать пять».

«– Таких убеждений человеку легко жить на свете. Таких экономических правил можно надеть сколько угодно, но как их исполнить? Этот последний вопрос никогда не влезает в такие головы, как у Гарибальди. Они так простодушно веруют в совершенные пустяки, что удивление берет, как они могут иметь влияние.

– Чистым великим характером. Тем, что служили провозвестниками великой идеи.

– Так, уступая, Гарибальди, в противоположность всем революционерам, не нажился и отверг миллионы, предлагавшиеся ему правительством Италии! Но все-таки согласитесь, что сей храбрый генерал и честный человек *мыслию не орел*.

– Он был защитник[ом] великой идеи всю свою жизнь.

– Видите ли-с, эти люди легко веруют, а потому им и жизнь легка.

– А дела великие?

– И дела великие легки при таком простодушии.

Замечание.

NB. Разговоры Подроска с НИМ вначале имеют иногда следующую форму:

– А что вы думаете о Гарибальди?

– А что вы думаете вообще о женщинах?

– А что вы думаете о будущей жизни? и т.д.

Т.е. все такие бессвязно-поспешные внезапные вопросы (также и с Витей при первом свидании). Как будто Подросок спешит, чтоб не забыть задать вопросы, о которых он про себя *уже много прежде думал* и которые его очень интересуют» [31. С. 69–70].

Подобно описанию разговора о Гарибальди в «Зимних заметках о летних впечатлениях» в Италии, данный текст о Гарибальди также организован как диалог. Судя по «Замечанию», это были подготовительные материалы к тем обширным диалогам, которые вели Аркадий Долгорукий и Версилов и в которых исходная позиция вопрошания всегда принадлежала Подроску. И тема Гарибальди важна для него здесь так же, как темы «будущей жизни» и «женщин», это темы, «о которых он про себя уже много прежде думал».

Причем в разговоре о Гарибальди этот общий диалогический подход усилен и обострен до прямой полемики двух разных точек зрения. Можно предположить, что начинает этот разговор Аркадий, Версилов же отвечает ему и выказывает свою позицию по отношению к итальянскому полководцу.

Думается, именно Подросок в начале данного фрагмента обращается к «Запискам» Гарибальди, специально сосредоточившись на его политической и «экономической системе», которую он воспринимает как «совершенные пустяки», потому что «как их исполнить?». Отсюда следует его вывод о том, что Гарибальди «мыслию не орел». Этой характеристике экономической программы Гарибальди Версилов противопоставляет иной подход к нему – подход в масштабе «великой» человеческой личности: «чистый великий характер», «дела великие», «провозвестник великой идеи», «защитник великой идеи всю свою жизнь».

В определенной степени Аркадий с ним согласен, он также называет Гарибальди «храбрым генералом и честным человеком», он вспоминает об известном бескорыстии итальянского героя; следует напомнить, что именно бескорыстие явилось основной темой разговора о нем и в «Зимних заметках о летних впечатлениях». И в конечном счете на основании этого сложного сочетания личностного и политико-экономического подхода к Гарибальди Аркадий делает вывод о его «простодушии» и как человека, и как политика.

В сущности, Версилов повторяет здесь представления Достоевского о Гарибальди 1860-х гг., в вопрошаниях и утверждениях же Аркадия намечается новая проблематика этого образа – более специальная проблематика его политической и экономической программы.

Именно политическая составляющая образа Гарибальди, осмысление специфики и исторического значения его политической деятельности актуализировалась у Достоевского в 1870-е гг., о чем свидетельствуют последние случаи обращения к нему в подготовительных материалах к «Дневнику писателя». В них также ярко проявилась уже обозначенная ранее тенденция использования имени и образа Гарибальди в основном в черновых материалах – без введения его в окончательный текст произведения («Двойник», «Подросток»). Это полностью относится к упоминанию Гарибальди в материалах «Дневника писателя».

В 1876 г. в <Записной тетради 1876–1877 гг.> для «Дневника писателя» имя Гарибальди введено в развернутый фрагмент размышлений писателя, посвященных франко-прусской войне, падению Наполеона III и французской монархии в целом и победившей Французской республике:

«Garibaldi; la république avant la France»⁷.

Воевали две равносильные державы, и не пришел бы помогать Гарибальди. Но кончился Наполеон, и настала республика, и Гарибальди пришел помогать молодой республике и республиканцам <...>

Франция очень-таки не сочувственно смотрела <...> на подвиги Гарибальди и сказала “jamais”⁸. Франция очень покойна была в то время. Разве стала считать себя более зрелой, чем прежде? Это смешно. Общество было недовольно Наполеоном, эпоха смешанная, а в первую революцию Франция, основанная во Франции, гордилась собой и действительно считала себя зреее. А уж при Наполеоне-то I как гордились собою все 2/3 или даже 3/4 его царствования, до

тех пор, пока буржуазное восхищение поддалось наконец разочарованию, а вместе с тем и проснулись подавленные революционные силы» [32. С. 253–254].

Достоевский пишет здесь о решении Гарибальди, на фоне падения Наполеона III и провозглашения Французской республики, возглавить в 1870–1871 гг. Вогезскую армию в продолжающейся войне Франции с Пруссией. Этот эпизод из его политической жизни Достоевский отчетливо и недвусмысленно интерпретирует именно как поддержку «молодой республики и республиканцев»: «Garibaldi; la république avant la France». Так впервые в творчестве Достоевского Гарибальди предстает одним из лидеров революционно-го движения в Европе – и только.

В свою очередь, из «Вариантов» к «Дневнику писателя» за 1874 г. следует, что имя Гарибальди возникает у Достоевского, как кажется сначала, в совершенно неожиданном контексте «восточного вопроса»: «внизу листа наброски: ”1. Гарибальди и проч.”» [35. С. 308]. Эта отметка писателя относится к главе «III. Продолжение предыдущего», которая начинается следующим образом: «Мне даже очень досадно, что я должен был так распространиться. Если б возможна была когда-нибудь война Франции с Турцией и при этом заволновались бы принадлежащие Франции мусульмане, алжирские арабы, то неужели вы думаете, что французы не усмирили бы их тотчас же самым энергическим образом?» [35. С. 127].

Как показывает <Записная тетрадь 1876–1877 гг.> для того же «Дневника писателя» 1876 г., действительно, Гарибальди и «восточный вопрос» объединены в сознании Достоевского – и объединены категорией личности; личность политического деятеля – по-прежнему в центре внимания писателя. А именно здесь он сопоставляет Гарибальди и генерала М.Г. Черняева, возглавившего в 1876 г. сербскую армию в борьбе православных славян против владычества Османской империи: «Черняева можно сравнить разве с Гарибальди, человеком простодушнейшим до странности, а тоже, может быть, очень честолюбивым, но непременно гениальным. Но Гарибальди не сам начал, а пошел по инициативе Кавура, а Черняев сам начал. (Объединение Италии, объединение славян.) Правда, уж то, что Гарибальди примкнул к Кавуру, показывает его гениальность <...> Правда, Гарибальди только пошел за Кавуром, а Черняев все сам начал, но...» [32. С. 282].

Как известно, Достоевский восхищался М.Г. Черняевым и его деятельностью по «объединению славян», именно так квалифицировал писатель и сам «восточный вопрос» в целом: «восточный вопрос <...> есть и славянский вместе» [36. С. 30].

В данном фрагменте Достоевский вновь возвращается к вопросу о соотношении двух лидеров национального объединения Италии, Гарибальди и Камилло Бенсо ди Кавура, фактически противоречия самому себе начал 1860-х гг. Если в <Записной книжке 1860–1862 гг.> в разделе «Чернышевскому» он утверждал, что «дюжинная душа» Кавура «властвует над всеми, вопреки гениальным, из умения воровски пользоваться гениальными мыслями» Гарибальди, то теперь он пишет: «Но Гарибальди не сам начал, а

пошел по инициативе Кавура <...> Правда, Гарибальди только пошел за Кавуром». Думается, такое смещение акцентов было предпринято Достоевским, чтобы подчеркнуть исключительно самостоятельную позицию М.Г. Черняева: возглавить военную борьбу сербов против турецкого владычества было его собственным политическим решением, которое на первом этапе расходилось даже с дипломатическими решениями Российской империи по этому поводу.

В общем же данный текст организован плодотворным сопоставлением Гарибальди и М.Г. Черняева. Они оба, с точки зрения Достоевского, стремились к реализации соотносимых между собой историко-политических задач национального объединения: «объединение Италии, объединение славян». И их личностные качества, по мысли Достоевского, также соотносимы между собой – это гениальность, простодушие и честолюбие.

Итак, можно утверждать, что «гениальность» и «простодушие» – это сущностные качества личности Гарибальди, по Достоевскому, он возвращается к ним снова и снова.

В целом к имени и образу Гарибальди Достоевский обращался на протяжении двух десятилетий, начиная с 1860 г. и заканчивая 1876 г. Произведения Достоевского, связанные с именем Гарибальди, – это «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Двойник», «Подросток», «Дневник писателя», а также письма 1867–1868 гг. При этом следует подчеркнуть одну важную особенность обращения к Гарибальди в творчестве писателя: только в двух произведениях начала 1860-х гг., в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» и в «Зимних заметках о летних впечатлениях», его образ представлен в опубликованном каноническом тексте; во всех остальных произведениях 1860–1870-х гг. (второй вариант «Двойника», «Подросток», «Дневник писателя») обращение к нему предпринимается исключительно в подготовительных материалах. Образ Гарибальди в творчестве Достоевского важен, но часто «скрыт», зачастую он выполняет функции некоего «подтекста», смыслы и значение которого для основного текста нуждаются в дальнейшем исследовании.

Весь комплекс указанных материалов свидетельствует о том, что Достоевский был хорошо осведомлен о событиях и обстоятельствах, связанных с именем Гарибальди и с итальянским Рисорджименто в целом. Источниками этого знания для писателя послужили европейские и российские газеты и журналы, «Записки» итальянского политического деятеля, наконец, случайная личная встреча с ним в 1867 г.

Изображение Гарибальди разворачивается у Достоевского в широком диапазоне от простого называния имени до яркого художественного образа (свой вклад в создание образа Гарибальди внесла также А.Г. Достоевская). И при всем внимании к его политической деятельности, в конечном счете, в образе Гарибальди Достоевского доминируют личностные категории и характеристики, он определяется представлением писателя об уникальном масштабе личности «итальянского героя».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обращает на себя внимание данная формулировка исследователя, вполне соотносимая с формулой Достоевского «униженные и оскорбленные»; этот роман был написан в тех же 1860–1861 гг. и впервые был опубликован в журнале «Время» в 1861 г.
- ² Камилло Бенсо ди Кавур (1810–1861) – итальянский политик, сыгравший важную роль в объединении Италии; противостоял Гарибальди в вопросах стратегии и тактики объединения страны.
- ³ См.: «Вы хотите, чтоб вас не слушали, а слушались» [22. С. 154]; «Плоды не едят на картине» [22. С. 155]; др.
- ⁴ Сражение 29 августа 1862 г. у горы Аспромонте, проигранное Гарибальди; он был тяжело ранен и взят в плен; в октябре этого же года амнистирован.
- ⁵ Напомню, что именно эти стенографические записи А.Г. Достоевской и составили ее «Дневник 1867 г.».
- ⁶ «Пусть подумают, как улучшить человеческое существование, а не служат эгоизму, высокомерию, упрямству привилегированных классов <...> когда доведенный до отчаяния народ <...> готов смести их с дикой яростью, вполне оправданной, ибо это следствие той ненависти, что поселяли сами тираны» [34. С. 291–292].
- ⁷ Гарибальди; республика прежде Франции (фр.).
- ⁸ Никогда (фр.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Галло М. Джузеппе Гарибальди / гл. ред. Л. Григорян. Ростов н/Д : Феникс, 1998. 480 с. (серия «След в истории»).
2. Якубович И.Д. Примечания // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1979. Т. 19. С. 262–279.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1979. Т. 19. 359 с.
4. [Разин А.Е.] Обзор главнейших политических событий за весь минувший год // Время. Журнал литературный и политический. СПб. : Тип. Э. Праца, 1861. № 1. С. 25–32.
5. [Достоевский Ф.М.] Петербургские сновидения в стихах и прозе // Время. 1861. С. 1–22.
6. Панарин С.А. Гарибальди в России: траектория образа // История и современность. 2013. № 2 (18). С. 75–106.
7. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861–1863 / гл. ред. Е.Г. Павловская. М. : Наука, 1972. 316 с.
8. Альтман М.О. По вехам имен / гл. ред. Л.В. Васильева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 282 с.
9. Новикова Е.Г. Рим и Неаполь Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура : альманах. СПб. : Серебряный век, 2009. Вып. 26. С. 35–42.
10. Курган М.Г. Ф.М. Достоевский и Италия (биографический, имагологический и рецептивный аспекты) : дис. ... магистра филологии. Томск, 2016. 133 с.
11. Roazen Paul. Political Theory and the Psychology of the Unconscious: Freud, J.S. Mill, Nietzsche, Dostoevsky, Fromm, Bettelheim and Erikson. Open Gate Press, 2000. 185 p.
12. Trepanier Lee, Avramenko Richard. Dostoevsky's Political Thought. Lexington Books, 2013. 254 p.
13. McReynolds Susan. Aesthetics and Politics: The Case of Dostoevsky // Literary Imagination. 2002. Vol. 4, Is. 1. P. 91–104.
14. Schmid Ulrich. Heidegger and Dostoevsky: Philosophy and Politics // Dostoevsky Studies, New Series. 2011. Vol. XV. P. 37–45.
15. Вировец С.В. Споры о политике Англии и Франции на страницах русских журналов 1860–1862 гг. и позиция журнала братьев Достоевских «Время» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 21–27.
16. Щербинин А.И. У истоков холодной войны: контрверза Ф.М. Достоевского и Х. Арендт в вопросе о всемирном значении славянской идеи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 445. С. 78–81.
17. Алоэ Стефано. Великий инквизитор и этико-политическая жизнь Италии «эпохи Берлускони». Из журналистских и философских дебатов // Достоевский и журнализм / под ред. В.Н. Захарова, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. С. 361–379. (Dostoevsky Monographs; вып. 4).
18. Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 6 т. М. : ГИХЛ, 1952. Т. 3. 317 с.
19. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 1. 518 с.
20. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14. 511 с.
21. Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития / сост., вступ. ст. В.В. Ерофеева; коммент. О. Дарка. М. : Искусство, 1990. 605 с. (История эстетики в памятниках и документах).
22. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1980. Т. 20. 432 с.
23. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : ГИХЛ, 1950. Т. 8. 699 с.
24. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 5. 406 с.
25. Достоевский Ф.М. Каламбуры в жизни и в литературе // Эпоха. Журнал литературный и политический, издаваемый семейством М. Достоевского. СПб. : Тип. Э. Праца, 1864. № 10. С. 20–32.
26. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1985. Т. 28, кн. 2. 616 с.
27. Новикова Е.Г. «Nous serons avec le Christ». Роман Ф.М. Достоевского «Идиот». Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. 244 с.
28. Достоевская А.Г. Дневник 1867 г. / изд. подгот. С.В. Житомирская. М. : Наука, 1993. 453 с. (серия «Литературные памятники»).
29. Достоевская А.Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста, прим. С.В. Белова, В.А. Туниманова. М. : Правда, 1987. 544 с.
30. Белов С.В., Туниманов В.А. А.Г. Достоевская и ее воспоминания // Достоевская А.Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста, прим. С.В. Белова, В.А. Туниманова. М. : Правда, 1987. С. 5–40.
31. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 16. 441 с.
32. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1982. Т. 24. 521 с.
33. Гарибальди И. Записки : в 3 ч. СПб. : Тип. Л. Демиса, 1860. 461 с.
34. Гарибальди Дж. Мемуары. М. : Наука, 1966. 468 с. (Серия «Литературные памятники»).
35. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1981. Т. 23. 425 с.
36. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1983. Т. 25. 470 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 июня 2020 г.

The Image of Garibaldi in Fyodor Dostoevsky's Works

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 37–45.

DOI: 10.17223/15617793/460/4

Svetlana V. Murzina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skrasnikova12@gmail.com

Elena G. Novikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Keywords: Fyodor Dostoevsky; Giuseppe Garibaldi; Anna G. Dostoevskaya; Risorgimento; *Petersburg Dreams in Verse and Prose*; *Winter Notes on Summer Impressions*; *The Double*; *The Adolescent*; *A Writer's Diary*.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\19.

The study is the first to collect, describe and analyze the main body of Fyodor Dostoevsky's comments related to Giuseppe Garibaldi. The image of the Italian political figure is reconstructed in the creative works of the Russian writer. The image is analyzed from historical and political perspectives of the nineteenth-century Russia (1860–1870) and the Italian Risorgimento. The relevance of the study is due to the modern perception of Dostoevsky as an original political thinker and the wide context of Russian-Italian relations. Giuseppe Garibaldi is one of the most distinguished political figures in the European history of the middle of the second half of the 19th century. He is a national hero of Italy, one of the leaders of the Risorgimento whose main political achievement was unification of the country and nation. Dostoevsky repeatedly referred to Garibaldi during two decades, from 1860 to 1876. Dostoevsky's creative works related to the image of Garibaldi are as follows: *Petersburg Dreams in Verse and Prose*, *Winter Notes on Summer Impressions*, *The Double*, *The Adolescent*, *A Writer's Diary*, as well as his letters of 1867 and 1868. The way Garibaldi's image is reflected in Dostoevsky's creative writing is worth noting: Garibaldi is mentioned only in final versions of two works of the beginning of the 1860s, i.e. *Petersburg Dreams in Verse and Prose* and *Winter Notes on Summer Impressions*; in the works of the 1860s–1870s (*The Double*, *The Adolescent*, *A Writer's Diary*), Garibaldi is mentioned only in preliminary drafts, not in the final canonical versions of the works. Garibaldi's image is of particular importance in Dostoevsky's creative writing; however, it is often “hidden” being not explicit, but implicit textual evidence. All the mentioned materials show that Dostoevsky was aware of the events and circumstances related to Garibaldi and the Italian Risorgimento as a whole. He received the information from European and Russian newspapers and journals, Garibaldi's *Notes*, and, finally, an occasional face-to-face meeting with him in 1867. Garibaldi's image is created in different ways: Dostoevsky simply mentions his name or creates a vivid artistic image (A.G. Dostoevskaya also contributed to shaping Garibaldi's image). With all the attention that Dostoevsky paid to Garibaldi's political activity, the image that he finally created in his works stands out for personal features and traits associated with the unique personality of the “Italian hero”. According to Dostoevsky, “genius” and “open-heartedness” are the essential features of Garibaldi's personality.

REFERENCES

- Gallo, M. (1998) *Dzhuzeppe Garibal'di* [Giuseppe Garibaldi]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Yakubovich, I.D. (1979) Primechaniya [Notes]. In: Dostoevskiy F.M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Vol. 19. Leningrad: Nauka. pp. 262–279.
- Dostoevskiy, F.M. (1979) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Vol. 19. Leningrad: Nauka.
- Razin, A.E. (1861) Obzor glavneyshikh politicheskikh sobyitiy za ves' minuvshiy god [Review of the main political events for the entire past year]. *Vremya. Zhurnal literaturnyy i politicheskoy.* 1. pp. 25–32.
- [Dostoevskiy, F.M.] (1861) Peterburgskie snovideniya v stikhakh i proze [Petersburg dreams in poetry and prose]. *Vremya.* 1. pp. 1–22.
- Panarin, S.A. (2013) Garibal'di v Rossii: traektoriya obraza [Garibaldi in Russia: the trajectory of the image]. *Istoriya i sovremennost'.* 2 (18). pp. 75–106.
- Nechaeva, V.S. (1972) *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh "Vremya". 1861–1863* [M.M. and F.M. Dostoevsky's “Vremya”. 1861–1863]. Moscow: Nauka.
- Al'tman, M.O. (1975) *Po vekham imen* [By milestones of names]. Saratov: Saratov State University.
- Novikova, E.G. (2009) Rim i Neapol' F.M. Dostoevskogo [Rome and Naples in F.M. Dostoevsky's works]. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. Is. 26. St. Petersburg: Serebryanyy vek. pp. 35–42.
- Kurgan, M.G. (2016) *F.M. Dostoevskiy i Italiya (biograficheskiy, imagologicheskiy i retseptivnyy aspekty)* [F.M. Dostoevsky and Italy (biographical, imagological and receptive aspects)]. Philology Master's Diss. Tomsk.
- Roazen, P. (2000) *Political Theory and the Psychology of the Unconscious: Freud, J.S. Mill, Nietzsche, Dostoevsky, Fromm, Bettelheim and Erikson*. Open Gate Press.
- Trepanier Lee & Avramenko, R. (2013) *Dostoevsky's Political Thought*. Lexington Books.
- McReynolds, S. (2002) Aesthetics and Politics: The Case of Dostoevsky. *Literary Imagination.* 4 (1). pp. 91–104.
- Schmid, U. (2011) Heidegger and Dostoevsky: Philosophy and Politics. *Dostoevsky Studies, New Series.* XV. pp. 37–45.
- Virovets, S.V. (2020) Disputes About the Politics of England and France on the Pages of Russian Magazines of 1860–1862 and the Position of the Dostoevsky Brothers' Magazine Vremya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 451. pp. 21–27. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/451/3
- Shcherbinin, A.I. (2019) At the dawn of the Cold War: F. M. Dostoevsky vs H. Arendt in the question about the world value of the Slavic idea. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy. Sociology and Political Science.* 445. pp. 78–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/445/10
- Aloe, S. (2013) Velikiy inkvizitor i etiko-politicheskaya zhizn' Italii “epokhi Berlusconi”. Iz zhurnalistskikh i filosofskikh debatov [The Grand Inquisitor and the Ethical and Political Life of Italy in the “Berlusconi Era”. From journalistic and philosophical debates]. In: Zakharov, V.N., Stepanyan, K.A. & Tikhomirov, B.N. (eds) *Dostoevskiy i zhurnalizm* [Dostoevsky and journalism]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 361–379. (Dostoevsky Monographs. Is. 4).
- Gogol, N.V. (1952) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Vol. 3. Moscow: GIKhL.
- Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 14. Leningrad: Nauka.
- Rozanov, V.V. (1990) *Nesovmestimye kontrasty zhitiya* [Incompatible contrasts of life]. Moscow: Iskusstvo.
- Dostoevskiy, F.M. (1980) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 20. Leningrad: Nauka.
- Chernyshevskiy, N.G. (1950) *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete works: in 15 volumes]. Vol. 8. Moscow: GIKhL.
- Dostoevskiy, F.M. (1973) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1864) Kalambury v zhizni i v literature [Puns in life and literature]. *Epokha.* 10. pp. 20–32.
- Dostoevskiy, F.M. (1985) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 28. Book 2. Leningrad: Nauka.
- Novikova, E.G. (2016) “Nous serons avec le Christ”. *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [“Nous serons avec le Christ”. F.M. Dostoevsky's “The Idiot”]. Tomsk: Tomsk State University.
- Dostoevskaya, A.G. (1993) *Dnevnik 1867 g.* [Diary of 1867]. Moscow: Nauka.
- Dostoevskaya, A.G. (1987) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Pravda.
- Belov, S.V. & Tunimanov, V.A. (1987) A.G. Dostoevskaya i ee vospominaniya [A.G. Dostoevskaya and her memories]. In: Dostoevskaya, A.G. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Pravda. pp. 5–40.
- Dostoevskiy, F.M. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 16. Leningrad: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 24. Leningrad: Nauka.
- Garibaldi, G. (1860) *Zapiski: v 3 ch.* [Notes: in 3 parts]. Translated from Italian. St. Petersburg: Tip. L. Demisa.
- Garibaldi, G. (1966) *Memuary* [Memoirs]. Translated from Italian. Moscow: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 23. Leningrad: Nauka.
- Dostoevskiy, F.M. (1983) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 25. Leningrad: Nauka.

Received: 23 June 2020

Н.А. Седова

СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ)

Рассматривается содержание словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях русского языка советского периода. Выявляются типологические признаки предметов одежды как основания для сравнения содержания словарных дефиниций. Путем сопоставительного анализа содержания словарных дефиниций доказывается, что они являются источником информации о советской повседневности: определяются зоны пространства советской повседневности, о которых эксплицируется информация, объективированная информация содержательно структурируется.

Ключевые слова: толковый словарь; советская повседневность; одежда; словарная дефиниция; описание одежды; сопоставительный анализ.

Данное исследование представляет собой опыт рассмотрения толкового словаря как источника информации о советской повседневности, в частности о такой ее предметной сфере, как одежда. Предпринятое исследование имеет междисциплинарную природу, поскольку использует методологические наработки лингвосомиотики, антропологической и когнитивной лингвистики.

Начиная со второй половины XX в. в связи со сменой исследовательской парадигмы в гуманитарных науках одним из основных объектов их изучения становится человек как участник экономических, социальных, общественно-политических, культурных и коммуникативных процессов. Фокус внимания ученых-гуманитаристов перемещается с общества, глобальных и масштабных событий – революций, войн, политической борьбы и прочего – на микромир человека, обыденные и бытовые «вещи», которые его окружают и в которые он погружен. Интерес к сфере человеческой обыденности способствует появлению в гуманитарных исследованиях такой предметной области, как феномен повседневности.

Теоретико-методологическая база изучения феномена повседневности формировалась в недрах зарубежной и отечественной истории, культурологии, антропологии, социологии, философии, этнографии, семиотики, в работах таких исследователей, как П. Бергер, М. Блок, Ф. Бродель, П. Бурдьё, Г. Гарфинкель, Э. Гуссерль, Т. Лукман, А. Людке, Л. Февр, А. Щюц, А.Я. Гуревич, Л.Г. Ионин, И.Т. Касавин, Г.С. Кнабе, Н.Н. Козлова, М.М. Кром, В.Д. Лелеко, Ю.М. Лотман, И.Б. Орлов, Ю.А. Поляков, Н.Л. Пушкарёва, С.П. Щавелёв, Н.Л. Чулкина, И.Ф. Янушкевич [1. С. 8–29; 2. С. 6].

В течение последнего десятилетия феномен повседневности являлся востребованным объектом исследований отечественных историков (Л.А. Сазонова, 2009; А.А. Рогач, 2009; Н.В. Чаус, 2011; Т.Б. Бармина, 2010; А.В. Мордвинцева, 2010; Н.В. Обрезкова, 2011; Н.И. Баишев, 2016; С.Д. Багдасарян, 2017; В.М. Кореньюк, 2017), философов (С.Н. Боголюбова, 2009; И.В. Албаева, 2010; И.П. Полякова, 2011) и культурологов (Т.В. Глазкова, 2009; И.А. Манкевич, 2011). Лингвисты также не обошли вниманием сферу повсе-

дневности. В рамках лингвистических исследований можно говорить о двух подходах к изучению данного феномена: лингвокультурологическом и лингвосомиотическом. В соответствии с первым подходом информация о повседневной практике и субъективном опыте обрабатывается, структурируется и подводится под определенные единицы знания – концепты, фрагменты языковой картины мира и др. [3–5]. Второй подход базируется на позиционировании сферы повседневности как особого рода семиотической системы, пространство которой формируется с помощью комплекса вербальных и невербальных знаков [1, 6].

Анализ некоторого количества определений повседневности, раскрывающих ее сущность с точки зрения онтологического подхода – «бытовые навыки, свойственные человеку в его обыденной жизни, привычки, совокупность материальных вещей и духовных понятий, которые он использует практически каждодневно» [7. С. 117]; «совокупность привычных социальных взаимодействий, укладов жизни, правил обихода, это – ткань человеческих отношений» [8. С. 9]; «процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» [9. С. 122], – позволяет выделить следующие интегральные признаки повседневности:

- 1) безусловная необходимость для каждого человека;
- 2) повторяемость, доходящая до цикличности / ритмичности времени и обыденных событий;
- 3) замкнутость;
- 4) консервативность обыденных начал жизни и форм культуры;
- 5) усредненность, соразмерность «рядовому человеку»;
- 6) массовидность распространения обыденных феноменов;
- 7) отнесенность к частной жизни, приватному, противопоставленность публичному, официальному, институционализированному [10. С. 15–17].

По мнению С.Б. Кожевникова, повседневность «имплицитно обладает смысловыми структурами, схемами регламентации, системами оценок и предпочтений» [11. С. 37–38], что делает возможным ее

рассмотрение как организованной системы, поддающейся структурированию и теоретическому описанию. К настоящему времени исследователями феномена повседневности разработаны варианты теоретической модели / семиосферы / концептосферы повседневности.

Так, В.Д. Лелеко считает, что теоретическая модель повседневности должна включать вещно-предметный ряд, событийный ряд и набор сценариев поведения, повседневных ритуалов, предполагающих гендерную и возрастную дифференциацию [12. С. 100].

Е.В. Плетнёва описывает фрагменты русской и французской языковых картин мира, метафорически отражающих повседневность в пределах понятийных сфер «Гастрономия», «Костюм», «Интерьер» [4].

Модель мира повседневности носителей русского языка, по мнению Н.Л. Чулкиной, формируется совокупностью констант-концептов повседневности, которые занимают ядерное или периферийное положение в языковом сознании русских. Автор считает, что концептосфера повседневности в сознании носителей русского языка включает такие концепты, как дом / жилище (квартира, кухня, дача); семья; работа, учеба; отдых, досуг, развлечения; социальные роли, маски (начальник); «вещный мир» (предметы мебели); типичные ситуации (пребывание дома / на работе / на отдыхе, в транспорте, в школе, поездка на дачу, работа на даче и пр.) [5. С. 132–232].

Н.И. Курганова, моделируя концептосферу повседневности, считает, что процесс ее структурирования «должен осуществляться на основе *параметров*, соразмерных человеку и человеческой жизни» [3. С. 89]. К последним, по мнению автора, относятся временная ось; пространственная ось; тип отношений между людьми, различными социальными и профессиональными группами; витальные потребности, а модель концептосферы выглядит следующим образом:

1. Временная ось: СЕМЬЯ, ШКОЛА, РАБОТА.
2. Пространственная ось: ДОМ, РОДИНА, МИР.
3. Ось взаимоотношений: СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, ЧУЖИЕ.
4. Ось витальных ценностей: ДОМ / ЖИЛИЩЕ, ОДЕЖДА, ЕДА [3. С. 89].

И.А. Манкевич отмечает, что «без особых оговорок к “повседневному” можно отнести только то, без чего человек не может обойтись ни дня без потерь для себя в физическом, интеллектуальном и нравственном отношениях. <...> Но в общем случае – это воздух, еда, одежда, дом, общение с внешним миром» [2. С. 53].

С.В. Воробьёва, изучая способы представления концептосферы повседневности в английской лингвокультуре эпохи позднего Средневековья, констатирует, что концептуальное пространство повседневности состоит из двух уровней – макро- и микросреды. Макросреда повседневности отражает отношения человека с внешним миром и репрезентируется концептами WORK, LEISURE, WAR, FAITH; микросреда (внутриличностный и внутрисемейный мир человека) – концептами HOME, CLOTHES, FOOD [1].

Анализ точек зрения на содержательное наполнение сферы повседневности позволяет выделить в ее структуре предметно-вещную, деятельностно-

событийную и личностно-функциональную составляющие. На вещно-предметном уровне сферы повседневности типичным и обязательным предстает такой элемент, как одежда, поэтому ее выбор как предметной сферы исследования считаем очевидным и обоснованным.

Р. Барт указывает на существование трех ипостасей одежды: одежда-образ, отображенная на фотографиях или рисунках; одежда-описание – одежда, описанная, преображенная в речь; реальная одежда, являющаяся моделью, прототипом для первых двух видов [13. С. 24–25]. Изучение описания одежды как «технического средства, служащего для иллюзорного превращения вещей в язык» [13. С. 29], позволяет проследить, как язык участвует в оязыковлении «вещной» картины мира на уровне такого сегмента, как вестиментарная система.

Процесс и результат вербализации мира вещей и вестиментарной системы как его части зафиксирован в таких текстовых источниках, как периодические издания; источники личного происхождения / эго-документы (дневники, письма, мемуары, свидетельства, воспоминания современников и очевидцев событий); тексты художественной литературы и фольклора; устные свидетельства, интервью и пр. [14. С. 54–55; 15. С. 19–24; 16. С. 24–31]. Вышеприведенный перечень источников можно расширить, включив в него такой вид текста, как толковый словарь. Традиционно он считается необходимой эмпирической базой лингвистических исследований, выполненных в русле системно-структурного подхода. Однако смена научной парадигмы в лингвистике предоставила возможность рассматривать его не просто как способ фиксации основных понятийных сфер действительности, но и как квант информации, средство хранения и трансляции накопленных и обработанных человеком знаний об окружающем мире, результат вербальной концептуализации мировоззренческих категорий и культурно-исторических реалий. «Каждый толковый словарь отражает свое время. Описывая лексический состав языка определенной эпохи, словари отражают и ее философию, идеологию, совокупность этических ценностей, присущих носителям языка в период создания каждого из них. Каждая новая эпоха, связанная со значительными общественно-политическими и экономическими изменениями, требует своих словарей <...>» [17. С. 54].

Известно, что толковый словарь представляет собой корпус словарных статей, каждая из которых обычно состоит из таких информативных зон, как лексический вход, грамматическая информация, стилистические пометы, дефиниция, языковые иллюстрации. В части передачи информации о мире вещей наиболее открыты такие зоны, как стилистические пометы, языковые иллюстрации и дефиниции, эксплицирующие семантическое содержание лексем.

Словарные дефиниции наименований одежды в толковых словарях русского языка советского периода находятся в центре предпринятого исследования и выступают его объектом. Предмет – качественно-количественное содержание словарных дефиниций наименований одежды в толковых словарях русского

языка советского периода. Целью исследования является экспликация информации о советской повседневности на уровне такого элемента, как одежда, путем сопоставительного анализа качественного и количественного содержания словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях русского языка советского периода.

При выполнении исследования основными методами были такие, как метод лексикографического анализа (для выявления качественно-количественного содержания словарных дефиниций наименований одежды); дифференциальный анализ, предполагающий методику сопоставлений (для сопоставительного анализа качественно-количественного содержания словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях); метод интерпретации (для авторского истолкования и объяснения результатов сопоставительного анализа качественно-количественного содержания словарных дефиниций наименований одежды).

Источниковой базой исследования выступают толковые словари русского языка, изданные в советский период отечественной истории: Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (СУ) [18], Словарь современного русского литературного языка в 17 т. (БАС) [19], Словарь русского языка в 4 т. (МАС) [20], Словарь русского языка С.И. Ожегова (СО) [21]. В ряде случаев для сопоставительного анализа привлекается словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. «Новые слова и значения» (НСЗ-60) [22].

Материалом исследования являются 479 субстантивных лексем, именующих 160 предметов одежды, которые отобраны методом сплошной выборки из вышеуказанных толковых словарей. Лексема отбиралась при наличии в словарной дефиниции инвариантной лексемы-маркера *одежда* (например, *юбка* – «женская *одежда*, облегающая фигуру от талии книзу» [20. Т. 4. С. 773] (*юбка* ← *одежда*); *куртка* – «короткая верхняя *одежда* на застежке» [21. С. 316] (*куртка* ← *одежда*)) или лексем, отстоящих от инвариантной лексемы *одежда* на расстоянии одного шага в родо-видовой цепочке: *костюм*, *кофта*, *куртка*, *пальто*, *перчатка*, *платье*, *рубашка*, *штаны*, *шуба*, *чулок* (например, *ветровка* – «*куртка* из плотной ткани для защиты от ветра» [21. С. 81] (*ветровка* ← *куртка* ← *одежда*); *рукавица* – «род *перчаток* с одним пальцем (для большого пальца руки); варежки» [20. Т. 3. С. 739] (*рукавица* ← *перчатка* ← *одежда*); *сарафан* – «3. Легкое женское *платье* без рукавов» [19. Т. 13. С. 185] (*сарафан* ← *платье* ← *одежда*)).

Таким образом, аналитическая логика работы, основанная на сопоставительном анализе словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях советского периода, позволяет из горизонтальной плоскости исследования одного словаря переместиться в вертикально-хронологическую плоскость, проследить изменчивость / неизменяемость содержательного наполнения словарных дефиниций наименований одежды в разных словарях и на этой основе реконструировать устойчивые зоны или трансформации пространства

повседневности советского человека на уровне тех сфер, которые коррелируют с одеждой.

Словарная дефиниция рассматривается нами как разновидность описания предметов одежды, как результат вербализации вестиментарного кода. В ней, с одной стороны, отражается упрощенное представление о предмете одежды, содержащее указание на небольшое количество отобранных типологических признаков, с другой – это количество признаков является достаточным, чтобы идентифицировать предмет одежды и отличить его от другого.

Словарные дефиниции наименований одежды в толковых словарях аккумулируют типологические признаки, характеризующие предметы одежды с разных сторон:

- субъект ношения (*по возрасту*: взрослый / ребенок; *по полу*: мужчина / женщина);
- функциональное назначение (защита от дождя / защита от пыли / защита от ветра);
- сфера использования (гражданская / форменная / рабочая / домашняя / праздничная / спортивная);
- материал изготовления (*по составу*: хлопок / шерсть / мех / кожа / парусина / бархат / трикотаж / сукно / полотно; *по структуре*: легкий / плотный / жесткий / тонкий / мягкий; *по цвету*: красный, белый, хаки, серый, синий с белым; *по рисунку*: в клетку / в полоску);
- особенности фасона (*по силуэту*: узкий / широкий / облегающий / свободный / в талию / сборчатый; *по длине*: выше колен / до колена / выше бедра / до середины икры; *по наличию деталей и отделки*: застежка / манжеты / воротник / карманы / без рукавов / бретели / пояса);
- способ изготовления (шитая / вязаная / стеганая);
- способ ношения (самостоятельный предмет одежды / часть ансамбля одежды);
- положение по отношению к другой одежде (верхняя / нижняя).

При сопоставительном анализе изменения качественного и количественного наполнения словарных дефиниций наименований одежды наиболее четко обнаруживаются на уровне таких типологических признаков одежды, как «Сфера использования одежды», «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)», «Особенности фасона одежды».

Типологический признак «Сфера использования одежды», а точнее его качественно-содержательное наполнение, информирует о том, в какой сфере она используется и для какого вида деятельности предназначена, например:

– *футболка* – «тонкая трикотажная спортивная рубашка с отложным воротником и короткими рукавами» [18. Т. 4. С. 1126]; «спортивная трикотажная рубашка с отложным воротником» [19. Т. 16. С. 1601]; «трикотажная спортивная рубашка» [20. Т. 4. С. 588]; «спортивная трикотажная рубашка с рукавами» [21. С. 856];

– *халат* – «2. Одежда такого покроя, обычно домашняя, для больных и т.п. 3. Широкая одежда такого покроя, надеваемая во время работы поверх обычного платья» [18. Т. 4. С. 1130]; «3. Производственная одежда свободного покроя, надеваемая во время ра-

боты поверх обычного платья» [19. Т. 17. С. 13]; «2. Одежда, обычно *домашняя или производственная*, запахивающаяся спереди или сзади» [20. Т. 4. С. 590]; «*домашняя и рабочая* одежда, запахивающаяся или застегивающаяся сверху донизу...» [21. С. 857];

– *фрак* – «род сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [18. Т. 4. С. 1112]; «*парадный* сюртук с вырезанными спереди полами и длинными фалдами сзади» [19. Т. 16. С. 1546]; «род *парадного* сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [20. Т. 4. С. 582]; «род *парадного* сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [21. С. 855].

Интерпретация. Результаты анализа словарных дефиниций наименований одежды, в которых актуализируется типологический признак «Сфера использования одежды», позволяют реконструировать круг основных сфер повседневной деятельности советского человека: работа (халат); спорт (майка, плавки, тенниска, трусы, футболка); дом (пеньюар, пижама, тужурка, халат); выход в свет (наряд, фрак). Исходя из количества номинируемости реалий, можно предположить, что популярным видом досуговой деятельности советского человека являлся спорт. Самой низкой номинативной плотностью характеризуется такая сфера использования одежды, как выход в свет. В качестве парадной, праздничной одежды позиционируется лишь фрак. К слову, в словарях имеется лексема *наряд*, которая именует праздничную, нарядную одежду недифференцированно, обобщенно: наряд – «одежда (преимущественно женская), костюм; то, во что рядятся, наряжаются» [18. Т. 2. С. 418]; «одежда, то, во что одеваются (лучшая, праздничная)» [19. Т. 7. С. 468]; «то, во что наряжаются; одежда» [20. Т. 2. С. 391]; «2. Красивая, нарядная одежда» [21. С. 390]. Тема праздника хотя и присутствует в языковом сознании советского человека, однако детально не осмысливается. Возможно, праздничное времяпрепровождение было не популярно, не одобрялось в обществе, для него не было поводов, на него не оставалось времени.

Анализ качественно-содержательного наполнения типологического признака «Сфера использования одежды» в лексикографическом описании предметов одежды, являющихся элементом военной формы основных частей вооруженных сил Советского государства (военнослужащих и моряков), объективирует оппозицию военная – гражданская одежда. Наименования военной одежды составляют относительно большую группу лексических единиц (бушлат, гимнастерка, китель, матроска, мундир, тельник / тельняшка, форменка, френч, шинель):

– *бушлат* – «*матросский* балахон из парусины» [18. Т. 1. С. 211]; «род верхней одежды *моряков*, куртка особого покроя» [19. Т. 1. С. 714]; «*матросская* суконная куртка» [20. Т. 1. С. 128];

– *гимнастерка* – «род верхней рубашки с прямым воротом, принятой в *войсках* как *форменная* одежда» [18. Т. 1. С. 560]; «верхняя рубашка с прямым воротом, принятая как *военная форменная* одежда» [19. Т. 3. С. 102]; «верхняя рубашка из плотной ткани с прямым воротом, принятая как *военная форма*» [20. Т. 1. С. 310]; «верхняя рубашка из плотной ткани,

обычно с прямым стоячим воротом, принятая в Советской армии до 1969 г. как *военная форменная* одежда» [21. С. 134];

– *френч* – «куртка *военного* образца с четырьмя нашитыми снаружи большими карманами, носимая с ременным поясом» [18. Т. 4. С. 1117]; «*военная* куртка в талию с четырьмя накладными карманами и хлястиком сзади» [19. Т. 16. С. 1563]; «куртка *военного* образца в талию с четырьмя наружными накладными карманами и хлястиком сзади» [20. Т. 4. С. 584]; «куртка *военного* образца в талию, с четырьмя большими накладными карманами (на груди и боках)» [21. С. 855].

Интерпретация. Высокая номинативная плотность военной сферы использования одежды (ни одна другая сфера использования одежды (досуг, праздник, работа и пр.) не номинирована в такой степени) и видовое разнообразие форменной одежды – куртка (бушлат, китель, форменка, френч), рубашка (гимнастерка, матроска, тельник / тельняшка), пальто (шинель) – свидетельствуют о детальном осмыслении этого фрагмента действительности, а значит, о важности данной сферы для Советского государства и общества: на уровне государственных интересов военная сфера и соответственно военные «профессии» являются стратегически важными / данные «профессии» популярны и востребованы в советском обществе / данные «профессии» являются почетными.

Анализ количественного содержания лексикографического описания одного предмета одежды в разных словарях на уровне типологического признака «Сфера использования одежды» фиксирует процессы трансформации словарных дефиниций за счет появления или, напротив, элиминации данного типологического признака, объективируя изменение сферы использования одежды в действительности.

Так, в БАС и более поздних словарях в словарной дефиниции лексемы *фрак* появляется новый типологический признак – «парадный», указывающий на изменение статуса фрака с точки зрения сферы использования: из повседневной одежды он превращается в парадную, в то время как в СУ сфера использования этого предмета одежды не была дифференцирована:

– *фрак* – «род сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [18. Т. 4. С. 1112]; «*парадный* сюртук с вырезанными спереди полами и длинными фалдами сзади» [19. Т. 16. С. 1546]; «род *парадного* сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [20. Т. 4. С. 582]; «род *парадного* сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [21. С. 855].

Противоположная тенденция наблюдается в отношении словарной дефиниции лексемы *мундир*, которая именует предмет одежды, изначально носившийся как парадный. В словарных дефинициях МАС и СО наблюдается элиминация типологического признака, актуализирующего сферу использования одежды:

– *мундир* – «военная или гражданская *форменная парадная* одежда с золотым или серебряным шитьем» [18. Т. 2. С. 279]; «форменная, обычно *парадная*

одежда» [19. Т. 6. С. 1386]; «военная или гражданская форменная одежда (для верхней части тела)» [20. Т. 2. С. 311]; «военная или гражданская форменная одежда» [21. С. 367].

В более поздних лексикографических источниках (ср. БАС – МАС, СО) в словарных дефинициях лексем *майка* и *тенниска* изменяется количество типологических признаков в сторону уменьшения: утрачивается признак, указывающий на специальную, узкую сферу использования этих предметов одежды:

– *майка* – в СУ лексема отсутствует; «летняя спортивная трикотажная рубашка без рукавов» [19. Т. 6. С. 500]; «трикотажная рубашка без рукавов и воротника с большим вырезом» [20. Т. 2. С. 216]; «трикотажная, обычно нижняя, рубашка без рукавов и воротника (первоначально спортивная)» [21. С. 337];

– *тенниска* – в СУ лексема отсутствует; «спортивная рубашка с короткими рукавами, обычно трикотажная» [19. Т. 15. С. 278]; «легкая верхняя рубашка с короткими рукавами, обычно трикотажная» [20. Т. 4. С. 353]; «легкая верхняя рубашка с короткими рукавами, обычно трикотажная» [21. С. 792].

Интерпретация. Изменение количественного состава словарных дефиниций объективирует трансформации экстралингвистической природы, происходящие в мире людей, общества, в частности появление новых потребностей, изменение жизненного уклада советского человека и т.п.

Так, ускорение темпа и ритма жизни, появление новых видов деятельности могли стать причиной деактуализации особого фасона фрака (который, к слову, со временем не поменялся), ставшего непригодным к ежедневной носке, из разряда повседневной одежды перешедшего в разряд парадной – одежды, надеваемой по особому случаю.

В отношении словарной дефиниции лексемы *мундир* примечательно, что одновременно с типологическим признаком «Сфера использования одежды» из нее исчезает типологический признак «Особенности фасона одежды (по наличию деталей и отделки)» – указание на декоративное украшение мундира золотым и серебряным шитьем. Возможно, получив более скромное внешнее оформление, лишившись декоративных элементов, мундир демократизировался, оставшись форменной военной или гражданской одеждой, но для повседневной носки.

Деспециализация, расширение сферы использования спортивной одежды репрезентирует социальные новации: спорт перестает быть приоритетной сферой досуговой деятельности советских людей / данные предметы одежды по причине их практичности и удобства начинают надевать не только для занятий спортом, но и для повседневной носки / меняются модные тенденции в одежде: появляется спортивный стиль.

Типологический признак «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)» наполнен информацией о гендерной маркировке одежды и в словарных дефинициях эксплицируется лексемами *мужской* и *женский*.

В более поздних лексикографических источниках (МАС и СО) в словарных дефинициях лексем *куртка*

и *брюки* сопоставительный анализ их количественного содержания фиксирует элиминирование типологического признака, указывающего на гендерную принадлежность данных предметов одежды – только для мужчин. Если в словарной дефиниции гендерная принадлежность предмета одежды не актуализирована, то по умолчанию он может носиться представителями обоих полов:

– *куртка* – «короткая верхняя мужская одежда, застегивающаяся наглухо» [18. Т. 1. С. 1555]; «короткая, наглухо застегивающаяся верхняя мужская одежда» [19. Т. 5. С. 1880]; «короткая, наглухо застегивающаяся верхняя одежда» [20. Т. 2. С. 154]; «короткая верхняя одежда на застежке» [21. С. 316];

– *брюки* – «верхняя мужская одежда нижней половины тела, штаны» [18. Т. 1. С. 195]; «верхние мужские штаны общепринятого покроя» [19. Т. 1. С. 659]; «верхняя одежда, покрывающая ноги и нижнюю часть туловища» [20. Т. 1. С. 119]; «верхние штаны» [21. С. 66].

Интерпретация. Утрата словарной дефиницией типологического признака «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)» репрезентирует исчезновение строгой закреплённости предмета одежды за определенным субъектом ношения по гендерному признаку – мужчиной или женщиной, что может свидетельствовать как об изменениях в обществе, имеющих отношение к субъекту ношения одежды (перераспределение функциональной нагрузки на представителей полов в советском социуме в сторону повышения общественного статуса женщин, стирание различий между социальным положением и имиджем мужчины и женщины (ср.: брюки как символ маскулинности)), так и об изменениях, имеющих отношение к предмету одежды (изменение модных стандартов и трансформация модных тенденций в советском костюме как важнейшем элементе материальной культуры). Куртка и брюки как предметы одежды становятся универсальными, появляются в повседневном гардеробе и советских женщин.

Типологический признак «Особенности фасона одежды» актуализирует информацию о внешней форме предмета одежды, которая определяется кроем деталей и отделкой. Следует отметить, что данный типологический признак по сравнению с рассмотренными выше в меньшей степени соотносится с миром человека и характеризует предмет одежды как «вещь в себе». Вместе с тем сопоставительный анализ словарных дефиниций некоторых лексем все же позволяет эксплицировать информацию экстралингвистической природы.

Качественно-содержательное наполнение типологического признака «Особенности фасона одежды (по длине)» несет информацию о длине предмета одежды (выше колен / до колена / выше бедра / до середины икры и пр.), а при сопоставительном анализе словарных дефиниций – об изменении фасона одежды на уровне длины:

– *бикини* – в СУ, БАС, МАС лексема отсутствует; «женский купальный костюм, состоящий из бюстгалтера и трусов, не закрывающих бедра» [22. С. 72]; «женский купальный костюм: узкий бюстгалтер и плавки, не доходящие до талии» [21. С. 53];

– *шорты* – в СУ лексема отсутствует; «брюки до колен» [19. Т. 17. С. 1509]; «брюки выше колен» [20. Т. 4. С. 726]; «род коротких (*не доходящих до колен*) брюк» [21. С. 896].

Интерпретация: Изменение длины указанных предметов одежды обнаруживает тенденцию к увеличению / уменьшению обнаженных участков тела человека, что может репрезентировать появление новых веяний в моде (пляжной, досуговой, спортивной), а также изменение эстетических и морально-нравственных норм общества в плане укрепления / ослабления пуританских взглядов, образа или уклада жизни путем ее наполнения новыми видами деятельности.

В соответствии с лексикографическим описанием бикини 60-х гг. XX в. отличается от более позднего варианта этого предмета одежды высотой нижней части, которая в словарной дефиниции СО «подросла» на несколько сантиметров по вертикальной оси тела человека: предмет одежды, «не закрывающий бедра», воспринимается как более откровенный и смелый, чем предмет одежды, «не доходящий до талии».

Фасон шорт по длине, напротив, меняется в сторону укорачивания: до колен – выше колен – не доходящий до колен.

В словарных дефинициях лексемы *комбинезон* меняется качественно-содержательное наполнение типологического признака «Особенности фасона одежды (по наличию деталей и отделки)»:

– *комбинезон* – «производственный костюм, представляющий собой комбинацию куртки и брюк у авиаторов, шахтеров и др.» [18. Т. 1. С. 1419]; «производственный костюм, представляющий собой соединение куртки и брюк» [19. Т. 5. С. 1225]; «костюм, представляющий собой соединение куртки и брюк» [20. Т. 2. С. 81]; «костюм, представляющий собой соединение верхней части одежды и брюк» [21. С. 287].

Интерпретация. Если в более ранних словарях (СУ, БАС, МАС) в качестве верхней части комбинезона позиционировалась только куртка, то в СО его верхняя часть представлена недифференцированно, значит, в ее качестве могли выступать различные виды плечевых изделий – блузка, жилет, майка, рубашка, футболка. Разнообразие фасонов и многообразие вариантов конструирования комбинезона может свидетельствовать о трансформациях, имеющих место как в мире людей (появление новых потребностей и видов деятельности у членов общества), так и в мире одежды (появление новых модных практик).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Сопоставительный анализ качественного и количественного содержания словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях русского языка советского периода является способом экспликации информации о советской повседневности в тех ее зонах, которые в большей степени коррелируют с одеждой. Таких зон выделяется две – «Уклад и образ жизни советских людей» и «Социальные взаимодействия в советском обществе».

Содержательную основу словарных дефиниций наименований одежды составляют типологические признаки одежды, которые характеризуют ее с разных сторон и в разной же степени соотносятся с экстралингвистическими данными: одни интровертивны в том смысле, что содержат характеристику предмета одежды как «вещи в себе», другие, наоборот, «развернуты» к действительности и миру людей, общаются с ними, динамично реагируют своим качественным и количественным наполнением на изменения в реальности, а значит, являются источниками информации о ней. К последним относятся такие типологические признаки, как «Сфера использования одежды», «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)», «Особенности фасона одежды».

Сопоставительный анализ наполнения словарных дефиниций наименований одежды на уровне вышеперечисленных типологических признаков демонстрирует как устойчивость содержания словарной дефиниции, что эксплицирует представление о типизированных повседневных практиках, так и трансформацию лексикографического описания на уровне качественно-содержательного наполнения типологических признаков одежды или их количества, что репрезентирует динамические процессы в пространстве советской повседневности в тех ее зонах, которые соотносятся со сферой одежды.

Информацию о такой зоне пространства повседневности, как «Уклад и образ жизни советских людей», формируют словарные дефиниции наименований одежды с типологическими признаками «Сфера использования одежды» и «Особенности фасона одежды». В результате сопоставительного анализа их качественного и количественного содержания эксплицируется информация о зоне «Уклад и образ жизни советских людей» следующего порядка:

– определяются основные сферы повседневной деятельности советского человека (одежда для работы, спорта, дома, выхода в свет);

– выделяются приоритетные сферы деятельности, значимые для советского человека, общества и государства (высокая номинативная плотность и видовое разнообразие одежды для военной и спортивной сфер);

– отмечается изменение жизненного уклада советских людей за счет появления новых потребностей и видов деятельности, ускорения темпа и ритма жизни (расширение или изменение сферы использования одежды, демократизация сферы использования одежды, опрощение ее внешнего вида);

– наблюдаются изменение модных тенденций, появление, зарождение новых стилей и модных практик в одежде (расширение сферы использования одежды, изменение фасона, появление новых конструкций одежды);

– имеет место изменение эстетических и морально-нравственных норм советского общества (варьируется характеристика одежды по таким признакам, как длинная / короткая, открытая / закрытая).

Информация о зоне «Социальные взаимодействия в советском обществе» формируется словарными дефинициями наименований одежды с типологическим при-

знаком «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)». Их анализ объективирует следующую информацию о данной зоне советской повседневности:

– отмечается изменение социального взаимодействия между субъектами гендерных отношений путем перераспределения социально-функциональной нагрузки на представителей полов в советском социуме (расширение гендерной маркировки одежды);

– имеют место изменение модных тенденций, появление, зарождение новых стилей и модных практик в одежде (расширение гендерной маркировки одежды).

Толковый словарь как средство описания предметных форм объективирует результаты вербализации мира вещей и мира человека и является источником информации о них. Интерпретация результатов анализа словарных дефиниций наименований одежды в толковых словарях русского языка советского периода подтверждает наличие связи сферы советской повседневности как микроуровня жизни человека с

макроуровнем – жизнью Советского государства (идеологией, культурой, эстетикой, уровнем развития технологий и пр.) и обусловленность первого вторым.

Опыт изучения вестиментарного кода, вербализованного толковыми словарями, позволяет получить информацию более глубокую, чем можно было предположить, а именно «восстановить трудноуловимую и эмоционально подвижную атмосферу времени, понять совершенно конкретные импульсы общественного поведения» [23. С. 14]. Лексикографическое описание предметов одежды является источником информации не только о собственно костюме как важнейшем элементе национальной материальной культуры, традициях ношения одежды, модных тенденциях в одежде, но и о процессах, напрямую не связанных с миром одежды, происходящих в социальной сфере, свидетельствующих об образе жизни и видах деятельности людей, эстетических и моральных стереотипах, появлении новых потребностей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Словарь современного русского литературного языка в 17 т.

МАС – Словарь русского языка в 4 т.

НСЗ-60 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг.

СО – Словарь русского языка С.И. Ожегова

СУ – Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева С.В. Репрезентация концептосферы EVERYDAY LIFE в английской лингвокультуре позднего средневековья : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 170 с.
2. Манкевич И.А. Репрезентация повседневности в текстах русской культуры : информационно-коммуникационный аспект : дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2011. 455 с.
3. Курганова Н.И. Обыденное знание россиян и французов через призму ассоциативных полей // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург : Изд-во Урал. федерал. ун-та им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2010. Т. 85, № 6-1. С. 85–92.
4. Плетнёва Е.В. Метафора повседневности в русской и французской языковых картинах мира («Гастрономия», «Костюм», «Интерьер») : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 280 с.
5. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских : Лингвокультурологическое описание. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Янушкевич И.Ф. Лингвосомиотика англосаксонской культуры : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 492 с.
7. Артановский С.Н. За порогом повседневности : культура необычного // Культура и личность : сб. ст. / ред. С.Н. Иконников, Г.В. Скотникова. СПб. : СПбГУКИ, 2006. С. 117–122.
8. Пушкарёва Н.Л. История повседневности : предмет и методы // Социальная история : ежегодник, 2007. М. : РОССПЭН, 2008. С. 9–54.
9. Ионин Л.Г. Повседневность // Культурология. XX век: энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб. : Университетская книга, 1998. Т. 2. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/index.htm> (дата обращения: 27.05.2019 г.).
10. Касавин И.Т., Шавелёв С.П. Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 432 с.
11. Кожевников С.Б. Аксиология повседневности. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2003. 246 с.
12. Лелеко В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа : дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2002. 321 с.
13. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
14. Багдасарян С.Д. Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа : устойчивость традиций и противоречия преобразований : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2017. 869 с.
15. Виниченко И.В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века : женский костюм в моделях одежды и бытовой практике. Омск : Омск. гос. ин-т сервиса, 2010. 234 с.
16. Орлов И.Б. Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
17. Шмелькова В.В. Языковая динамика в русской лексикографии XX века // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 3. С. 54–58.
18. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия» (т. 1); ОГИЗ (т. 1); Гос. изд-во иностр. и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940.
19. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
20. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1991. 918 с.
22. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. М. : Сов. энциклопедия, 1971. 543 с.
23. Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. М. : Искусство, 1986. 206 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 марта 2020 г.

Dictionary Definitions of Explanatory Dictionaries as a Source of Information about Soviet Everyday Life (On the Example of Clothes Vocabulary)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 46–54.

DOI: 10.17223/15617793/460/5

Natalia A. Sedova, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: sedova2006@mail.ru

Keywords: explanatory dictionary; Soviet daily life; clothes; dictionary definition; clothing description; comparative analysis.

The aim of this article is to explicate information about Soviet everyday life through a comparative analysis of the content of the dictionary definitions of the names of one piece of clothing in different explanatory dictionaries of the Russian language of the Soviet period. To achieve the aim, the following research methods were used: the lexicographic analysis of dictionary definitions of clothes names in explanatory dictionaries, the comparative analysis of the qualitative and quantitative content of dictionary definitions of names of one item of clothing in different explanatory dictionaries, and the interpretation of the results of the comparative analysis of dictionary definitions of clothing names. The material of the research was the explanatory dictionaries of the Russian language published in the Soviet period of Russian history: *The Explanatory Dictionary of the Russian Language* edited by D.N. Ushakov, *The Dictionary of Modern Russian Standard Language in 17 Volumes*, *The Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes*, *S.I. Ozhegov's Dictionary of the Russian Language*. 479 nominal lexemes, naming 160 items of clothing, were selected from these dictionaries. Dictionary definitions of the names of one item of clothing from different dictionaries were compared by such typological features of clothing as “scope of use”, “subject wearing the item (by gender)”, “features of clothing style”. In the course of the comparative analysis, attention was paid to the qualitative and substantive content of the dictionary definitions of clothing names and the number of meaningful elements in their composition. As a result of the analysis, the authors have been identified dictionary definitions of clothing names whose content does not change in different dictionaries and dictionary definitions whose content transforms in terms of quality or quantity of its elements. The interpretation of the results of the comparative analysis of clothes vocabulary definitions allows reconstructing ideas about stable phenomena and dynamic processes in the zones of Soviet everyday life that are more closely related to the sphere of clothing. There are two such zones: (1) the style and way of life of Soviet people and (2) social interactions in Soviet society. The structuring of the information about Soviet everyday life, extracted from dictionary definitions, indicates the existence of a connection between the sphere of Soviet everyday life as a micro-level of human life with the macro-level – the life of the Soviet state. The lexicographic description of clothing items is a source of information not only about the costume as an element of national material culture, the traditions of wearing clothing, fashion trends in clothing, but also about the processes that are not directly related to the world of clothing, occurring in the social sphere, indicating the way of life and types of people’s activities, aesthetic and moral stereotypes, the emergence of new needs.

REFERENCES

1. Vorob'eva, S.V. (2012) *Reprezentatsiya kontseptosfery EVERYDAY LIFE v angliyskoy lingvokul'ture pozdnego srednevekov'ya* [Representation of the EVERYDAY LIFE concept sphere in the English linguaculture of the late Middle Ages]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
2. Mankevich, I.A. (2011) *Reprezentatsiya povsednevnosti v tekstakh russkoy kul'tury: informatsionno-kommunikatsionnyy aspekt* [Representation of everyday life in the texts of Russian culture: an information and communication aspect]. Culturology Dr. Diss. St. Petersburg.
3. Kurganova, N.I. (2010) Common Knowledge of Russian and French Through the Alembic of Associative Fields. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 85 (6-1). pp. 85–92. (In Russian).
4. Pletneva, E.V. (2006) *Metafora povsednevnosti v russkoy i frantsuzskoy yazykovykh kartinakh mira (“Gastronomiya”, “Kostyum”, “Inter'er”)* [Metaphor of everyday life in Russian and French language pictures of the world (“Gastronomy”, “Suit”, “Interior”)]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
5. Chulkina, N.L. (2007) *Mir povsednevnosti v yazykovom soznanii russkikh: Lingvokul'turologicheskoe opisanie* [The world of everyday life in the linguistic consciousness of Russians: A linguoculturological description]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo LKI.
6. Yanushkevich, I.F. (2009) *Lingvosemiotika anglosaksonskoy kul'tury* [Linguosemiotics of Anglo-Saxon culture]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
7. Artanovskiy, S.N. (2006) *Za porogom povsednevnosti: kul'tura neobychnogo* [Beyond the Threshold of Everyday Life: Culture of the Unusual]. In: Ikonnikov, S.N. & Skotnikova, G.V. (eds) *Kul'tura i lichnost'* [Culture and Person]. St. Petersburg: Saint Petersburg State Institute of Culture. pp. 117–122.
8. Pushkareva, N.L. (2008) *Istoriya povsednevnosti: predmet i metody* [The history of everyday life: subject and methods]. In: *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik, 2007* [Social history: yearbook, 2007]. Moscow: ROSSPEN. pp. 9–54.
9. Ionin, L.G. (1998) *Povsednevnost'* [Everyday life]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya. XX vek: entsiklopediya: v 2 t.* [Culturology. 20th century: encyclopedia: in 2 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Universitetskaya kniga. [Online] Available from: <http://psylib.org.ua/books/levit01/index.htm>. (Accessed: 27.05.2019).
10. Kasavin, I.T. & Shchhavelev, S.P. (2004) *Analiz povsednevnosti* [Everyday life analysis]. Moscow: Kanon+.
11. Kozhevnikov, S.B. (2003) *Aksiologiya povsednevnosti* [Everyday life axiology]. Krasnodar: Kuban State University.
12. Leleko, V.D. (2002) *Prostranstvo povsednevnosti kak predmet kul'turologicheskogo analiza* [The space of everyday life as a subject of culturological analysis]. Culturology Dr. Diss. St. Petersburg.
13. Barthes, R. (2003) *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System. Articles on the semiotics of culture]. Translated from French. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
14. Bagdasaryan, S.D. (2017) *Sel'skaya povsednevnost' na Yuge Rossii v epokhu nepa: ustoychivost' traditsiy i protivorechiya preobrazovaniy* [Rural everyday life in the South of Russia during the NEP era: the stability of traditions and the contradictions of transformations]. Abstract of History Dr. Diss. Novochechekassk.
15. Vinichenko, I.V. (2010) *Sovetskaya povsednevnost' 50-kh – sereдины 60-kh gg. XX veka: zhenskiy kostyum v modelyakh odezhdy i bytovoy praktike* [Soviet everyday life in the 1950s – mid-1960s: women's costume in clothing models and everyday practice]. Omsk: Omsk State Institute of Service.
16. Orlov, I.B. (2010) *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow: HSE.
17. Shmel'kova, V.V. (2010) *Yazykovaya dinamika v russkoy leksikografii XX veka* [Language dynamics in the Russian lexicography of the twentieth century]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – Vestnik RUDN. Education Issues: Languages and Speciality*. 3. pp. 54–58.
18. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya: OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i natsional'nykh slovaryey.

19. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian standard language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1991) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Kotelova, N.Z. & Sorokin, Yu.S. (eds) (1971) *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh gg.* [New words and meanings. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the '60s]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
23. Knabe, G.S. (1986) *Drevniy Rim – istoriya i povsednevnost'* [Ancient Rome: history and everyday life]. Moscow: Iskusstvo.

Received: 20 March 2020

Л.В. Хачатурян

«НЕЕВКЛИДОВА ГЕОМЕТРИЯ» РУКОПИСИ: ЦИФРОВОЙ АРХИВ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

*Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 19-18-00353,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».*

Отражены современные тенденции создания цифровых ресурсов по истории русской литературы XX в., прослеживаются судьба архива Михаила Булгакова и возможности работы с его рукописным наследием в режиме онлайн. На примере фонда М.А. Булгакова в ИРЛИ РАН рассматривается первый этап создания цифрового архива писателя, цитируются ранее недоступные архивные материалы из собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома.

Ключевые слова: архивные материалы; цифровой архив; русская литература XX в.; рукописное наследие Михаила Булгакова; рабочая тетрадь; театральная альбом.

Литературный архив писателя XX в. напоминает айсберг. Блестящая надводная часть, несколько десятков постоянно тиражируемых произведений, хорошо знакома всем. И темная подводная, во много раз превышающая по объему «публикационный стандарт» – записные книжки, черновые и рабочие тетради, известные лишь узкому кругу исследователей.

Применительно к литературному творчеству, любая прижизненная публикация, будь то газетная заметка или собрание сочинений, – не более чем еще одна фиксация текста. Возможно – новый этап в работе, возможно – вынужденный шаг назад, если при подготовке автор связан цензурой или требованиями редактора. Может быть, поиск заработка или просто вежливость. Завершенный текст может создать только реальная, а не декларируемая «смерть автора» – воля писателя о публикационной судьбе произведения *post mortem*. Своего рода текст вне любых жизненных обстоятельств, над обстоятельствами.

Реалии литературного процесса XX в. внесли свои коррективы. «Последняя воля» автора не всегда могла быть установлена, и еще менее – выполнена. Как ни парадоксально, в этом случае беловой и черновой автографы произведения менялись местами. Беловой автограф был предназначен для текущей печати, неизбежно проходящей цензуру. Непубликуемый черновой автограф, отражавший весь процесс создания текста вне цензуры и самоцензуры (она происходила при переходе к беловику), оставался в архиве. Чаще всего – в записной книжке или альбоме, адресованных автором самому себе и, косвенно, текстологам будущего, задача которых – впервые опубликовать произведение полностью. Тогда, когда это станет возможно.

В архивах, музеях и библиотеках находится бесценное литературное наследие XX в., большая часть которого до сих пор не изучена. К сожалению, ученые далеко не всегда могут получить доступ к этим источникам. Более того, даже информация о составе и содержании фондов нередко также остается «закрытой». Отсутствие единого справочного аппарата затрудняет составление исчерпывающей библиографии, необходимой при подготовке академического собрания сочинений. Не меньшей проблемой для исследо-

вателей является разобщенность рукописных коллекций: архивы находятся не только в разных городах, но и в разных странах. Наконец, даже преодолев значительные пространства, специалист часто вынужден изучать в читальном зале не оригиналы, а почти нечитаемые микрофотокопии рукописей.

Решить эти проблемы может создание специальных объединенных электронных архивов, когда на интернет-сайте или портале размещается вся информация о рукописях, независимо от того, где территориально они находятся. Наиболее полно задачам научно-исследовательской работы отвечают электронные ресурсы «второго поколения» – цифровые архивы, позволяющие не только оперативно отбирать источники, но и работать с полностью идентичной подлиннику электронной копией документа. Размещенные на сайте цифровые копии предоставляют ученому уникальную возможность изучить рукопись, не выходя из своего кабинета: познакомиться с особенностями почерка, последовательностью черновых и беловых редакций, авторскими пояснениями.

Нередко именно работа с электронными изображениями позволяет восстановить, казалось бы, невозполнимые лакуны в рукописном тексте. Лучший пример тому – оцифровка личной библиотеки писателя, который, как правило, «продолжает» размышлять над своими уже опубликованными произведениями, оставляя пометы на страницах книг. Графическая обработка цифровых копий подобных изданий дает исследователю шанс «проявить» следы затертого или осыпавшегося карандаша либо выцветших чернил и прочесть неразборчивый фрагмент.

Цифровой архив превращает текст из рукописного раритета в объект электронной публикации. Становясь частью электронного архива, источник приобретает новое качество – мобильность. Независимо от научной квалификации исследователя и состояния оригинала рукописи, любой пользователь интернета получает прямой доступ к его электронной копии: может его изучать, уточнять, цитировать в своих работах и распространять ссылки на источник¹. Ученый перестает быть антикваром, единственным обладателем текста. Все выложенные в интернет рукописи в равной степени доступны всем. На новом уровне

профессионализм исследователя проявляется не в элитарном знакомстве с кругом источников, закрытых для всех остальных, а исключительно в качестве работы с ними. На первый план выходит не авторитет первой публикации, а уровень подготовки текста и научного комментария.

Процесс создания цифрового архива – это серьезная научно-исследовательская работа. Отбор материалов невозможен без работы текстологов. Источником текста может быть не только рукопись (хотя диапазон здесь огромен: от чернового или белого автографа до гранок с авторской правкой или рукописной книги), но в той или иной степени дневниковая запись, маргиналии (как, например, знаменитая бунинская правка на полях собрания сочинений), газетная статья, фрагмент письма.

Как и реальный архив, электронное собрание позволяет увидеть источник в литературном или бытовом контексте – набросок рассказа вместе с письмом, в которое он был вложен, первые варианты стихотворений вместе с соответствующими им по времени дневниковыми записями. Работая над электронным архивом, ученый воссоздает историю текста во всей ее полноте. Он продвигается от нескольких строчек в записной книжке или подчеркнутой цветным карандашом фразы (возникновение замысла) к рабочим тетрадям, письмам, дневникам, рисункам. Затем следуют черновые автографы, еще очень далекие от окончательного варианта (другое название, другие персонажи), опять письма и дневники, и наконец первый беловик (один из многих), а дальше, в зависимости от судьбы произведения, гранки или рукописная книга.

* * *

В 2014 г. был создан один из крупнейших цифровых архивов по истории русской литературы – портал «Автограф. XX век» [2]. «Автограф» – междисциплинарный проект, появившийся на стыке двух научных дисциплин: источниковедения и текстологии. В сфере источниковедения «Автограф» руководствуется этическим кодексом архивиста, сформулированным еще в 1920-е гг. и до сих пор не реализованным в полной мере на практике. Суть его можно выразить короткой формулой: предоставить текстологу наиболее полную информацию в наиболее удобной для него форме. Именно эти возможности открывает для ученых «Автограф», позволяя масштабировать раритетную рукопись на рабочем столе персонального компьютера, одним кликом мыши открыть ту или иную редакцию, план, набросок, оригиналы которых находятся в разных хранилищах, а нередко – и в разных городах. Цифровая текстология использует растровое изображение рукописи, информативно превосходящее даже самую точную транскрипцию белого автографа. Если же мы говорим о черновых записях, а от них естественным образом продвигаемся к рабочим тетрадям, записным книжкам и дневникам, то разрыв между транскрибируемой информацией и фактически присутствующей в автографе становится все существеннее. Именно поэтому так важно предоставить специалисту возможность читать текст «так, как он написан» – во всей полноте контекстных связей.

Концепцию проекта наиболее точно сформулировал его первый руководитель – В.Е. Багно. «В полном соответствии с теорией Тойнби “Вызов – Ответ” проект “Автограф”. Электронный архив русской литературы” оказался в высшей степени современным “ответом” на все новые вызовы все новой современности. Наш “ответ” – попытаться привить любовь к автографам тем, кто по природе своей открыт не к новому или к старому, а к вечному. Тем, кто способен оценить нетленную красоту рукописи и, быть может, увидев, какие огромные преимущества дают объединенные архивы, сделает шаг к гуманитарному знанию» [3. С. 229].

Начав с пяти сайтов поэтов Серебряного века («Иннокентий Анненский», «Андрей Белый», «Борис Пастернак», «Федор Сологуб», «Марина Цветаева») и сравнительно небольшого количества оцифрованных рукописей (две тысячи страниц), к 2020 г. портал более чем вдвое увеличил число сайтов-персоналий (сейчас их двенадцать) и в десять раз – представленный цифровой контент. Нынешний совокупный объем портала – 20 тыс. электронных изображений. С 2015 по 2018 г. были созданы сайты «Александр Блок», «Владимир Маяковский», «Велимир Хлебников», «Николай Гумилев», «Валерий Брюсов», «Константин Бальмонт». В 2019 г. работа над электронным архивом продолжилась в НИУ ВШЭ. «Автограф» перешел на следующую ступень: от рубежа XIX–XX вв. к архивам советской эпохи – рукописям 1920–1930-х гг. Первым среди новых стал сайт «Михаил Булгаков» [4].

Среди литературных архивов XX в., пожалуй, самая противоречивая судьба выпала наследию Булгакова. При жизни писателя архив бережно хранился сначала самим Булгаковым, потом его вдовой, Еленой Сергеевной Булгаковой, с полным пониманием той ценности, которую представляет и каждая страница, и архив в целом. В результате был создан огромный, взаимосвязанный и фактически комментированный комплекс рукописей, альбомов, переписки, изобразительных материалов. В конце 1950-х гг. Е.С. Булгаковой было принято решение относительно дальнейшей судьбы архива. Архив был разделен на две неравные части (архив Булгакова-прозаика и архив Булгакова-драматурга) и передан в два разных хранилища: Пушкинский Дом (фонд № 369) и Государственную библиотеку Ленина (фонд № 562).

В Пушкинский Дом в 1958–1966 гг. поступил театральный архив Булгакова. Здесь хранятся рукописи пьес «Дни Турбиных» (первое название «Белая гвардия»), «Бег», «Мольер», «Александр Пушкин» («Последние дни»), «Дон Кихот», инсценировок и либретто «Мертвые души», «Война и мир» – от черновых набросков в тетрадях до завизированных Реперткомом текстов и суфлерских экземпляров. Собрание пьес дополняют материалы, связанные с их постановкой (выписки из протоколов заседаний художественного совета, журнала репетиций, планы спектаклей), а также переписка драматурга с соавтором и режиссерами: В.В. Вересаевым, К.С. Станиславским, В.И. Немировичем-Данченко, В.Э. Мейерхольдом, И.А. Пырьевым. Жемчужина архива – составленные

самим Булгаковым театральные альбомы с его замечаниями на полях.

К булгаковскому собранию Пушкинского Дома практически «примыкают» фонды РГАЛИ, отражающие историю текста с другой, официальной, стороны. В РГАЛИ нет фонда Булгакова, но собрание в целом не менее велико. Это рукописи пьес из фондов Главреперткома, Союза писателей, Комитета по делам искусств, издательств, театров и журналов – летопись запретов, согласований, вынужденных правок и отказов исправлять.

Начиная с 1966 г. Е.С. Булгакова передавала в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина (ныне РГБ) архив Булгакова-прозаика. В первую очередь рукописи его главных романов – «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита», а также дневниковые записи и собственный архив Е.С. Булгаковой. К сожалению, до настоящего времени описи этого огромного фонда не опубликованы и вызывают полемику исследователей².

Первым шагом на пути создания цифрового архива Михаила Булгакова стала электронная публикация описи материалов Пушкинского Дома [12]. Располагая этой информацией, ученые уже сейчас могут заполнить лакуны в своих исследованиях, указав точный архивный шифр цитируемых материалов, а затем, по мере создания объединенного цифрового архива, составить представление о всем комплексе наследия Булгакова.

Переходя к размещенным на портале материалам, в первую очередь необходимо упомянуть рукописи пьес. Здесь, в хронологическом порядке, почти полностью представлены этапы работы Булгакова. От пьесы «Дни Турбиных» (первая редакция под названием «Белая Гвардия», 1925 – машинопись 1926 г. с разрешением Реперткома и позднейшими пометами Е.С. Булгаковой) к пьесам «Бег» (от редакций 1928 до окончательного варианта 1937 г.) и «Последние дни» (первая редакция «Александр Пушкин», окончательный вариант с визой Реперткома). Крайне интересны рабочие тетради с инсценировками романов «Мертвые души» (черновой автограф с правкой и белой с дарственной надписью Е.С. Булгаковой, 1930) и «Война и мир» (наброски инсценировки и либретто). В них можно увидеть не только правку, но и заметки Булгакова о своей работе: «Работу над инсценировкой “Войны и Мира”³ Льва Толстого я начал 24 сентября 1931 г. <...> Но потом, увы, я бросил эту работу и возобновил ее только сегодня 22.XII.31» [13. Л. 1, 1 об.].

Рукописи пьес органично дополняют материалы о постановках. На сайте собраны сведения о режиссерском замысле, планы репетиций, записи обсуждений пьес и протоколы заседаний художественного совета, выписки из заседаний Главреперткома, рецензии и программы. Очень важна творческая переписка Булгакова с его соавторами и режиссерами: письма В.В. Вересаева, К.С. Станиславского, И.В. Немировича-Данченко, И.А. Пырьева. Именно эти материалы будут сопоставлены с документами из фондов РГАЛИ на втором этапе работы электронного архива.

* * *

Без преувеличения, самой ценной частью архива можно назвать собрание театральных альбомов. Булгаков создал особый жанр авторского альбома. Обычно в альбоме писателя находятся только рецензии на его работы – вырезки из газет и журналов, иногда дополненные его собственными замечаниями на полях. Например, знаменитое бунинское собрание газетных вырезок. Театральные альбомы Булгакова сделаны иначе. Используя все доступные ему материалы (письма, эскизы декораций, вставки в пьесы, режиссерские замечания, афиши, программы, и конечно, рецензии), Булгаков создал авторскую версию сценической истории своих пьес⁴. Так, в театральном альбоме, посвященном мхатовской постановке пьесы «Дни Турбиных», можно найти и эскиз обложки журнала «Россия» с единственным прижизненным изданием романа «Белая гвардия» в СССР, и «оригинал» письма Ксаверия Ильчина к Сергею Максудову [15. Л. 1 об.], и знаменитую афишу «Театрального романа» [15. Л. 10]. Но самое существенное – это маргиналии Булгакова, в котором он пояснял происходящие события и комментировал «метаморфозы» собственного текста. «Итак, к началу сезона пьеса имела три заглавия: 1. Белая Гвардия / 2. Семья Турбиных / 3. Дни Турбиных»⁵ [15. Л. 11]. В цифровом архиве находятся восемь театральных альбомов, посвященных пяти постановкам: «Дни Турбиных», «Бег», «Мольер», «Последние дни», «Дон Кихот». Альбомы второй половины 1930-х гг. были завершены уже Е.С. Булгаковой.

Жанровое своеобразие «булгаковского альбома», который очень условно можно назвать документированной или даже автодокументированной сценической историей, «текстом в тексте или текстом о тексте» [16. С. 39], пока еще мало исследовано, хотя изучение структуры альбома и авторской мотивации может прояснить специфику создания автодокументального романа, а также развитие сюжета «театральный альбом» – «Театральный роман». К театральным альбомам исследователи почти не обращались, в лучшем случае – чтобы установить тот или иной факт творческой биографии Булгакова или отношение к нему критики [17]. Именно так «прочитывает» первый булгаковский альбом из собрания Пушкинского Дома А.Н. Смелянский [18]. В монографии «Михаил Булгаков в Художественном театре» он фактически публикует переписку между Б.И. Вершиловым (прототип режиссера Ксаверия Борисовича Ильчина из «Театрального романа») и самим драматургом (в романе – Максудов) [18. С. 61–63]:

«3 апреля 1925 года Булгаков получает записку от режиссера МХАТ Бориса Ильича Вершилова. На бланке Второй студии карандашом изложена интригующая просьба прийти в театр и поговорить о “ряде дел”, могущих быть “любопытными” театру и автору.

26 мая 1925 года, едва познакомившись, Вершилов пишет Булгакову о будущей пьесе как о решенном деле: “Как обстоят наши дела с пьесой, с “Белой гвардией”? Я до сих пор нахожусь под обаянием Вашего романа. Жажду работать Ваши вещи. По моим расчетам, первый акт “нашей” пьесы уже закончен”».

Если мы сравним полный текст апрельского письма Вершилова к Булгакову с «письмом» режиссера

Ильчина к драматургу Максудову, то получится следующая картина:

Театральный альбом	«Театральный роман» («Записки покойника»)
<p>Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич, Крайне хотел бы с Вами познакомиться и переговорить о ряде дел, интересующих меня, а может быть, быть любопытными и Вам. Если Вы свободны, был бы рад встретиться с Вами завтра вечером 14 апреля в помещении Студии. Если заняты, не откажите позвонить по телефону в Студию (3-69-42) или в театр «Габима» (2-41-35), я буду вечером завтра, в субботу, часа в 3–4. С приветом, Б.И. Вершилов [15. Л. 4. Вклейка 1]</p>	<p>Глубокопочитаемый Сергей Леонтьевич, До крайности хотел бы познакомиться с Вами, а равно также переговорить по одному таинственному делу, которое может быть очень и очень небезынтересно для Вас. Если Вы свободны, я был бы счастлив встретиться с Вами в здании Учебной сцены Независимого Театра в среду в 4 часа. С приветом К. Ильчин [19. Т. 5. С. 310]</p>

По точному замечанию Смелянского, «театральный человек» [18. С. 399] Булгаков создает «нетеатрального» и уязвимого Максудова, замкнутого в мирке «пароходства». «Лирический герой писателя не знает “когорты дружных” и Гриши Айвазовского. Он не осведомлен о том, что Независимым театром управляют двое директоров, которые не разговаривают друг с другом с 1885 года. Он понятия не имеет о том, что такое “средняки”, “предбанник”, “Сивцев Вражек”. Не понимает, каким могуществом обладает

пароль “назначено”. Ему неизвестно, что такое “накладка” и производное от него понятие “наложить”». [18. С. 398]. Именно поэтому Булгаков меняет Студию и театр «Габима» на понятные и Максудову, и «нетеатральному» читателю «учебную сцену» и «Независимый театр».

Тем же путем можно реконструировать реальную хронологию работы М.А. Булгакова над пьесой («Белая гвардия» – «Братья Турбины» – «Дни Турбиных») и сопоставить ее с «хроникой» Максудова.

Театральный альбом	«Театральный роман» («Записки покойника»)
<p>19 января 1925 г. начинается работа над пьесой. 3 апреля приходит письмо Б.И. Вершилова. 31 августа – чтение пьесы во МХАТе. Начинается обсуждение пьесы. 4 сентября – встреча с М.Г. Комиссаровым (подписан договор). Премьера намечена на март 1926 г., большая сцена. Начинаются бесконечные обсуждения и исправления пьесы. Январь 1926 г. – начало репетиций. В мае пьеса перенесена на следующий сезон. В августе 1926 г. появляется афиша.</p>	<p>С января по конец апреля 1925 г. пишет пьесу «для себя». В конце апреля приходит письмо Ксаверия Ильчина. С апреля по август Максудов пишет пьесу для Независимого театра. В сентябре подписан договор. В сентябре-октябре 1925 г. появляется афиша. В тот же день – встреча с Фомой Стрижом.</p>

Время в романе сжато. Работа над пьесой занимает полтора года у драматурга Булгакова и меньше года (десять месяцев) у его alter-ego. Кульминацией и «Театрального романа», и театрального аль-

бома становится появление афиши, в котором «Братья Турбины» («Черный снег») буквально поставлены в один ряд с признанными шедеврами мировой драматургии.

Театральный альбом	«Театральный роман» («Записки покойника»)
<p>Сухово-Кобылин А.В. – Смерть Тарелкина Эсхил – Прометей Шекспир – Отелло Бомарше – Свадьба Фигаро Булгаков М. – Братья Турбины [Л. 10. Вклейка 4]</p>	<p>Эсхил – «Агамемнон» Софокл – «Филоклет» Лопе де Вега – «Сети Фенизы» Шекспир – «Король Лир» Шиллер – «Орлеанская дева» Островский – «Не от мира сего» Максудов – «Черный снег» [19. Т. 5. С. 359]</p>

Мимо этой афиши, предлагавшей приобрести абонемент на новый театральный сезон МХАТ 1926/1927 гг. (в романе – «Репертуар, намеченный в текущем сезоне»), прошли советские писатели, и именно она

стала коротким триумфом Максудова: «Но не прошло и пяти минут, как я был вознагражден за свое ожидание. В потоке шедших к театру я отчетливо разглядел крупную голову Егора Агапенова. Шел он к театру с

целой свитой, в которой мелькнул Ликоспастов с трубкой в зубах и неизвестный с толстым приятным лицом <...> Не знаю, как описать то, что произошло с Ликоспастовым. Он первый задержался и прочел. Улыбка еще играла на его лице, еще слова какого-то анекдота договаривали его губы. Вот он дошел до “Сетей Фенизы”. Вдруг Ликоспастов стал бледен и как-то сразу постарел. На его лице выразился неподдельный ужас. <...> Агапёнов сказал: “Афиш, афиш,” – и стал чертить в воздухе четырехугольник». [19. Т. 5. С. 359–360].

Сценической истории «Дней Турбиных» посвящено четыре альбома Булгакова. В дальнейшем еще раз изменилось название пьесы. В альбоме появился прототип «Волкодава» (В. Чернояров, автор фельетона «Сборная команда»), как и сам фельетон, вырезанный из журнала «Новый зритель» [15. Л. 10. Вклейка 5].

Дальше – реальная советская пьеса, «роль» которой в романе сыграли «Монмартские ножи» Измаила Бондаревского, ее постановка в юбилейном 1927 г. и запрещение «Турбиных».

Сейчас, чтобы проследить все это, достаточно зайти на портал «Автограф» и открыть кликом мыши тот или иной альбом. К сожалению, постепенно сам портал превращается в «архив-невидимку». «Автограф» предоставляет ученому точную архивную ссылку на документы, однако сам он не цитируется в научных работах, и до сих пор его существование известно лишь узкому кругу академических ученых. Тем не менее именно экстерриториальный доступ постепенно становится наиболее удобной, а иногда и просто единственной возможностью изучения «неевклидовой геометрии» булгаковской рукописи [5. С. 13].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В этом отношении оптимальным источником становится «интегрированный» текст, находящийся в непосредственной связи с опубликованной в интернете цифровой копией рукописного автографа [1. С. 335].
- ² Здесь можно назвать работы Л.М. Яновской [5], С.В. Житомирской [6] и М.О. Чудаковой [7]. Сведения о «театральном» архиве М.А. Булгакова в НИОР РГБ, РО ИРЛИ РАН, ОР РНБ и РГАЛИ и пьесе «Дни Турбиных» приведены в статьях М.В. Мишуровской [8], Я.С. Лурье [9, 10] и К.Н. Кириленко [11].
- ³ Сохранено авторское правописание заглавных букв.
- ⁴ Сценическая история здесь рассматривается как коллективная работа над пьесой автора и театра. См. выступление П.А. Маркова на публичном диспуте, посвященном пьесе «Дни Турбиных» (1927): «Когда я смотрю на “Дни Турбиных”, когда я вспоминаю ту работу, которую проделал театр, то, что пережила труппа, когда она этот спектакль работала, я говорю: этим все ошибки оправданы, ибо этим спектаклем театр сделал такой внутренний ход, такой внутренний шаг, которого он никогда не забудет» [14. С. 291].
- ⁵ Сохранены авторская орфография и пунктуация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов Н.А., Гайдук В.Л. Валерий Брюсов: Дневник 1890 г./ предисл. Н.А. Богомолова, подгот. текста и прим. В.Л. Гайдук и Н.А. Богомолова // Studia Literaria. 2020. Т. 5, № 2.
2. Портал Автограф. XX век. URL: <http://literature-archiv.ru>
3. Четвертый круглый стол «Текст как DATA»: Рукопись в цифровом пространстве // Русская литература. 2019. № 4.
4. Сайт «Михаил Булгаков». URL: <http://bulgakov.literature-archiv.ru>
5. Яновская Л.М. Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: ПРОЗАиК, 2013.
6. Житомирская С.В. Еще раз об архиве Булгакова // НЛЮ. 2003. № 5.
7. Чудакова М.О. О «закатном романе» Михаила Булгакова. История создания и первой публикации романа «Мастер и Маргарита». М., 2019.
8. Мишуровская М.В. «Дни Турбиных» М.А. Булгакова в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. К истории первых изданий пьесы в СССР, в России и за рубежом // История и архивы. 2017. № 3. С. 90–97.
9. Лурье Я.С. Рукописи М.А. Булгакова в Пушкинском Доме // Творчество Михаила Булгакова: Исследования, материалы, библиография. Л., 1991. Кн. 1.
10. Лурье Я.С. Булгаков в работе над текстом «Дней Турбиных» // Проблемы театрального наследия Булгакова: сб. науч. тр. Л., 1987.
11. Кириленко К.Н. Театральное наследие Булгакова в ЦГАЛИ СССР // Проблемы театрального наследия М.А. Булгакова: сб. науч. тр. Л., 1987. С. 144–146.
12. Опись фонда «М.А. Булгаков». РО ИРЛИ РАН Ф. 369. Оп. 1 // Сайт «Михаил Булгаков». URL: http://bulgakov.literature-archiv.ru/ru/inventory_ru (дата обращения: 28.09.2020).
13. «Война и мир». Инсценировка М.А. Булгакова. РО ИРЛИ РАН. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 206. // Сайт «Михаил Булгаков». URL: <http://bulgakov.literature-archiv.ru/ru/content/voyna-i-mir-inscenirovka-ma-bulgakova> (дата обращения: 28.09.2020).
14. Марков П.А. В Художественном театре: Книга завлита / предисл. М.Л. Рогачевского. М.: ВТО, 1976.
15. Альбом постановки пьесы «Дни Турбиных». 1925–1927. РО ИРЛИ РАН. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 75 // Сайт «Михаил Булгаков». URL: <http://bulgakov.literature-archiv.ru/ru/content/albom-postanovki-pesy-dni-turbinyh-1925-1927> (дата обращения: 28.09.2020).
16. Тороп П. Проблема интертекста // Текст в тексте. Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981. Вып. 567.
17. Грознова Н.А. М. Булгаков и критика его времени (по материалам булгаковских альбомов) // Творчество Михаила Булгакова: исслед. и материалы. СПб., 1994. Кн. 2. С. 5–73.
18. Смелянский А.М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М.: Искусство, 1989.
19. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: ЗАО Центр-полиграф, 2004.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 ноября 2020 г.

The “Non-Euclidean Geometry” of the Manuscript: Mikhail Bulgakov’s Digital Archive

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 55–60.

DOI: 10.17223/15617793/460/6

Liubov’ V. Khachatryan, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: lhachatryan@hse.ru

Keywords: archival materials; digital archive; Russian literature of 20th century; Mikhail Bulgakov’s manuscripts; workbook; theatrical album.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00353.

The article examines the problem of access to archival sources, many of which are currently closed for research due to a number of reasons, including epidemiological ones. The author sees the solution to the problem in creating special unified electronic archives, in which all information about manuscripts is placed on the Internet site or portal, regardless of where they are located geographically. In the author's opinion, electronic resources of the "second generation" meet the most complete tasks of scientific research: digital archives that allow not only quickly selecting sources, but also working with an electronic copy of the document identical to the original. Regardless of the scientific qualification of the researcher and the state of the original, any Internet user gets direct access to the electronic copy: they can study it, clarify it, quote it in their works and distribute links to the source. On the material of the "Autograph. The 20th-Century. Digital Archive of Russian Literature" portal, the author describes the process of creating a digital archive as a research work that is located at the junction of two Humanities disciplines: source studies and textual studies. In the course of the research, the author turns to the new materials of the portal – the digital archive of Mikhail Bulgakov. The author gives a detailed description of the history of the writer's archival collections in various organizations (Institute of World Literature, RAS; Russian State Library; Russian State Archive of Literature and Arts), as well as a description of research works of the past decade on Bulgakov's artistic heritage. During the writer's lifetime, the archive was kept by Bulgakov himself, then by his widow, Elena Bulgakova, with a full understanding of the value that the collection as a whole represents. As a result, a huge, interconnected and actually commented complex of manuscripts, albums, correspondence, and visual materials was created. Then the archive was divided into two unequal parts (the Bulgakov-prose writer archive and the Bulgakov-playwright archive) and transferred to two different repositories: the Pushkin House (Fund 369) and the Lenin State library (Fund 562). The Bulgakov collection of the Pushkin House is "adjacent" to the Russian State Archive of Literature and Arts funds, which reflect the history of the text based on the materials of organizations (Glavrepertkom, archival funds of theaters, magazines and publishing houses). The author further describes the materials from the Mikhail Bulgakov Fund at the Institute of World Literature, RAS, presented on the "Autograph. The 20th-Century" portal. The author cites unpublished (or published with notes) sources from the least studied part of the archive – the collection of theater albums. Comparing the theater album devoted to the stage history of the play *The Days of the Turbins* (*The White Guard*, *The Brothers Turbins*) and the text of *Theatrical Novel (A Dead Man's Memoir)*, the author infers that the album is a kind of a autodocumentary source of the novel, clarifying many controversial points in its interpretation. The genre nature of this type of album requires a separate study. In conclusion, the author emphasizes that the ideal material for such research can be the digital archive of Mikhail Bulgakov.

REFERENCES

1. Bogomolov, N.A. & Gayduk, V.L. (2020) Valery Brusov. Journal Entries of 1890 (Foreword by N.A. Bogomolov, Preparation of the Text and Notes by V.L. Gayduk and N.A. Bogomolov). *Studia Literarum*. 5 (2). (In Russian). DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-3-328-357
2. *Autograph. The 20th-Century. Digital Archive of Russian Literature Portal*. [Online] Available from: <http://literature-archive.ru>
3. Khachatryan, L.V. (2019) Text as Data: Manuscripts in the Digital Space Fourth Round Table Discussion. *Russkaya literatura*. 4. (In Russian). DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-228-230
4. *Mikhail Bulgakov Website*. [Online] Available from: <http://bulgakov.literature-archive.ru>.
5. Yanovskaya, L.M. (2013) *Poslednyaya kniga, ili Treugol'nik Volanda* [The last book, or Woland's Triangle]. Moscow: PROZAIK.
6. Zhitomirskaya, S.V. (2003) Eshche raz ob arkhive Bulgakova [Once again about Bulgakov's archive]. *NLO – New Literary Observer*. 5.
7. Chudakova, M.O. (2019) *O "zakatnom romane" Mikhaila Bulgakova. Istoriya sozdaniya i pervoy publikatsii romana "Master i Margarita"* [About Mikhail Bulgakov's "sunset romance". The history of the creation and first publication of the novel "The Master and Margarita"]. Moscow: Eksmo.
8. Mishurovskaya, M.V. (2017) "Days of the Turbins" by Mikhail Bulgakov in Archives of Moscow and Saint Petersburg. To the History of First Editions of the Play in the USSR, Russia and Abroad. *Istoriya i arkhivy – History and Archives*. 3. pp. 90–97.
9. Lur'e, Ya.S. (1991) Rukopisi M.A. Bulgakova v Pushkinskom Dome [M.A. Bulgakov's manuscripts in the Pushkin House]. In: Groznova, N.A. & Pavlovskiy, A.I. (eds) *Tvorchestvo Mikhaila Bulgakova: Issledovaniya, materialy, bibliografiya* [Mikhail Bulgakov's oeuvre: Research, materials, bibliography]. Book 1. Leningrad: Nauka.
10. Lur'e, Ya.S. (1987) Bulgakov v rabote nad tekstom "Dney Turbinykh" [Bulgakov working on the text of "Days of the Turbins"]. In: Ninov, A.A. (ed.) *Problemy teatral'nogo naslediya Bulgakova* [Problems of Bulgakov's theatrical heritage]. Leningrad: LGITMiK.
11. Kirilenko, K.N. (1987) Teatral'noe nasledie Bulgakova v TsGALI SSSR [Bulgakov's theatrical heritage in the Central State Archive of Literature and Arts of the USSR]. In: Ninov, A.A. (ed.) *Problemy teatral'nogo naslediya Bulgakova* [Problems of Bulgakov's theatrical heritage]. Leningrad: LGITMiK. pp. 144–146.
12. Manuscript Department of the Institute of World Literature. Fund 369. List 1. *Opis' fonda "M.A. Bulgakov"* [Inventory of the fund "M.A. Bulgakov"]. [Online] Available from: http://bulgakov.literature-archive.ru/ru/inventory_ru. (Accessed: 28.09.2020).
13. Manuscript Department of the Institute of World Literature. Fund 369. List 1. Item 206. "Voyna i mir". *Inszenirovka M.A. Bulgakova* ["War and Peace". Staging by M.A. Bulgakov]. [Online] Available from: <http://bulgakov.literature-archive.ru/ru/content/voyna-i-mir-inszenirovka-ma-bulgakova>. (Accessed: 28.09.2020).
14. Markov, P.A. (1976) *V Khudozhestvennom teatre: Kniga zavlit* [In the Art Theater: The literary director's book]. Moscow: VTO.
15. Manuscript Department of the Institute of World Literature. Fund 369. List 1. Item 75. *Al'bom postanovki p'esy "Dni Turbinykh". 1925–1927* [Album of the play "Days of the Turbins". 1925–1927]. [Online] Available from: <http://bulgakov.literature-archive.ru/ru/content/albom-postanovki-pesy-dni-turbinykh-1925-1927>. (Accessed: 28.09.2020).
16. Torop, P. (1981) Problema interteksta [The problem of intertext]. *Tekst v tekste. Trudy po znakovym sistemam*. XIV (567).
17. Groznova, N.A. (1994) M. Bulgakov i kritika ego vremeni (po materialam bulgakovskikh al'bomov) [M. Bulgakov and criticism of his time (based on the materials of Bulgakov's albums)]. In: Buznik, V.V. & Gorznova, N.A. (eds) *Tvorchestvo Mikhaila Bulgakova: issled. i materialy* [Mikhail Bulgakov's oeuvre: studies and materials]. Book 2. Leningrad: Nauka. pp. 5–73.
18. Smelyanskiy, A.M. (1989) *Mikhail Bulgakov v Khudozhestvennom teatre* [Mikhail Bulgakov at the Art Theater]. Moscow: Iskusstvo.
19. Bulgakov, M.A. (2004) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works: in 8 volumes]. Moscow: ZAO Tsentr-poligraf.

Received: 01 November 2020

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

В.В. Бровкин

О РОЛИ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ МОНАРХИЙ

Установлено, что теории греческих философов о царской власти не оказали существенного влияния на формирование неограниченных монархий в период раннего эллинизма. Влияние греческой философии было ограниченным и проявилось в критике философами общественно-политического устройства Греции, что подготовило почву для образования эллинистических монархий. Автор заключает, что греческие философы способствовали формированию просвещенного характера правления отдельных эллинистических царей.

Ключевые слова: Платон; Аристотель; учение о царской власти; демократия; олигархия; неограниченная монархия; эллинистические цари.

В одной из наших предыдущих статей мы рассматривали вопрос о влиянии образования эллинистических монархий на греческую философию [1. С. 212–222]. В данной работе мы хотим взглянуть на этот вопрос с другой стороны. Нас интересует влияние греческой философии на формирование того типа государства, который станет господствующим в эпоху эллинизма. Речь идет о неограниченной монархии с чертами восточной деспотии. В вопросе о происхождении абсолютизма в государствах – преемниках империи Александра Македонского существует несколько точек зрения. Во-первых, это версия о восточном происхождении абсолютизма, суть которой сводится к тому, что «деспотическая власть отвечала природе тех обществ, которые Александр завоевал и которые стали основными составными частями эллинистического мира» [2. С. 97]. Согласно еще одной точке зрения, самодержавное правление эллинистических царей происходило не только из политических традиций завоеванных народов, но и являлось результатом естественного развития монархического государственного устройства в условиях походов Александра и войн диадохов. Политические теории греческих философов не оказали прямого влияния на становление эллинистических монархий [3. Р. 62–63, 75–76]. Сторонники другой точки зрения полагают, что важную роль в формировании неограниченной власти в эллинистических монархиях сыграла греческая философская мысль [4. С. 46]. Высказывается мнение о том, что «идея абсолютной монархии, которую воплотили в жизнь эллинистические правители, коренилась в греческих представлениях о законных правах, на которые могла претендовать незаурядная личность» [5. Р. 34]. Подчеркивается, что в распространении идеи о законных правах выдающейся личности на царскую власть важную роль сыграли поэты и философы.

Для прояснения интересующего нас вопроса необходимо решить следующие задачи. Во-первых, следует выявить основные черты эллинистических монархий; во-вторых – рассмотреть представления греческих философов IV в. до н. э. о царской власти; в-третьих – проанализировать отношение греческих философов IV в. до н. э. к общественно-политическому устройству Греции и основным видам государственного

устройства; в-четвертых – установить влияние греческих философов на отдельных эллинистических правителей; в-пятых – рассмотреть социально-исторические факторы формирования эллинистических монархий.

Приступая к исследованию вопроса о влиянии греческой философии на формирование эллинистических монархий, в первую очередь необходимо выявить отличительные черты этих государств. Что они собой представляли? Как отмечают А. Экстайн и Ф.У. Уолбанк, эллинистические царства обладали рядом отличительных черт, которые позволяют ученым рассматривать эти государства в качестве отдельной категории или разновидности монархии [3. Р. 63–64; 6. Р. 248–253]. К числу этих черт относятся: неограниченная власть монарха и его обожествление, узурпация власти как главный источник происхождения режима, опора на армию и ярко выраженный милитаризм, подчеркивание всеми царями своей связи с Александром, общая для всех политическая организация с наличием столичных городов, царского двора, института друзей царя, огромного бюрократического аппарата [6. Р. 379–384]. Мы полагаем, что самой главной чертой, которая бросала вызов традиционному политическому устройству Греции, была неограниченная власть царя. Идея неограниченной царской власти шла вразрез с республиканскими традициями греческих полисов. Власть законов в полисах противостояла воля монарха в эллинистических царствах. Как отмечает Э. Бикерман, «эллинистический правитель сам был воплощением “закона”. Политическая доктрина эпохи на разные лады повторяла основополагающую идею, что *basileus* (“царь”) – это “одушевленный закон”» [7. С. 13].

Власть эллинистических царей основывалась не на законе, а на силе и военно-политическом могуществе. Природу правления эллинистических царей хорошо раскрывает один фрагмент из словаря Суды: «Не происхождение и не законность дает людям монархии, а способность командовать армией и мудро управлять государством, как это было с преемниками Филиппа и Александра. Ибо родной сын Александра не получил помощи от своего родства с ним из-за своего слабого характера, в то время как те, кто никоим образом не были связаны, стали царями практически над всем

обитаемым миром» [3. Р. 63; 8. Р. 214]. Еще Александр Македонский убедительно продемонстрировал, что не намерен считаться ни с какими законами и традициями. Диадочи же придали этой форме правления законченный вид. Приведем несколько ярких примеров, подтверждающих неограниченный характер власти эллинистических монархов. Как пишет Э. Бикерман, «когда Селевк I уступил свою жену Стратонику, от которой уже имел ребенка, своему сыну Антиоху I, он оправдывал этот беспрецедентный жест принципом “известным всему миру”, что “царское решение всегда справедливо”» [7. С. 13]. Еще одним примером, демонстрирующим полное господство воли монарха над всеми законами и обычаями в эллинистических царствах, является заключение брака между Птолемеем II и Арсиной II. Г. Бенгтсон отмечает, что «брак брата и сестры, происходивших от одних отца и матери, был невиданным явлением для греков и македонян, он явился для них неслыханным скандалом» [9. С. 145]. Совершенно не считался с обычаями и законами Деметрий Полиоркет. Он открыто придерживался полигамии. Также, будучи уверен в своей исключительности и превосходстве, Деметрий поразил греческий мир тем, что разбил свою ставку на Афинском акрополе и справлял празднества в Парфеноне с гетерами и флейтистками [9. С. 113, 116]. Еще одним доказательством неограниченной власти эллинистических монархов является их обожествление. Инициатива обожествления царей иногда исходила от народа и являлась благодарностью за выдающиеся заслуги. Но чаще эллинистические цари по собственной инициативе обожествляли себя и своих предков [10. С. 639–641]. Таким образом, наше дальнейшее исследование будет связано с прояснением вопроса об отношении греческих философов к неограниченной царской власти.

Ключевыми фигурами в греческой философии IV в. до н. э. были Платон и Аристотель. Их главные политические сочинения сохранились, и теме царской власти в них уделяется достаточно большое внимание. Учение Платона о царской власти на первый взгляд может показаться несогласованным. В III книге диалога «Законы» Платон выступает сторонником умеренной царской власти. В качестве примера философ приводит Спарту, в которой царская власть была сильно ограничена институтом двойной царской власти, советом старейшин (герусией) и эфорами. В Спарте «царская власть, возникнув из смеси надлежащих частей, была умеренной и, сохранившись сама, оказалась спасительной и для других» [11. Ч. 2. С. 175]. Платон осуждает теорию и практику концентрации всей власти в одних руках. По его мнению, это развращает власть и ведет к тирании. Примерами этого служат истории древних царей, которых погубило чрезмерное стремление стоять выше установленных законов. Поэтому, согласно Платону, «не надо устанавливать законами могущественные и несмешанные власти, принимая во внимание, что государство должно быть свободным, разумным и дружественным самому себе» [11. Ч. 2. С. 176]. Последнее же достигается путем смешения черт монархии и демократии. От демократии в хорошем государстве должны быть ос-

нованные на свободе и равенстве отношения между правителями и подчиненными. От монархии должно быть добровольное подчинение власти и законам.

Вместе с тем у Платона имеются и другие рассуждения, в которых он оправдывает неограниченную царскую власть, а также выступает сторонником идеи создания идеального государства с помощью просвещенного царя или тирана. В диалоге «Политик» Платон доказывает, что государственной муж, обладающий знанием, в своей деятельности должен руководствоваться искусством, не заботясь о предписаниях [11. Ч. 2. С. 72]. Платон имеет в виду то, что истинный царь стоит выше любых законов и обычаев. Платон даже оправдывает любые насильственные действия царя, поскольку все они непременно совершаются на благо государства. Вот его слова: «И пусть они очищают государство, казня или изгоняя некоторых, во имя его же блага, пусть уменьшают его население, выводя из города подобно пчелиному рою колонии, или увеличивают его, включая в него каких-либо иноземных граждан, пока это делается на основе знания и справедливости и государство по мере сил превращается из худшего в лучшее, мы будем называть такое государственное устройство... – единственно правильным» [11. Ч. 2. С. 62].

В IV книге «Законов» Платон развивает мысль о том, что самый простой и быстрый способ создания идеального государства – это преобразование единоличного правителя с неограниченной властью. Судя по всему, даже несмотря на неудачный опыт в Сиракузах, Платона до конца дней не покидала вера в возможность радикальных политических реформ в условиях просвещенной тирании. Весьма показательны следующие слова философа: «Если у человека величайшая власть соединяется с разумением и рассудительностью, возникают наилучший государственный строй и наилучшие законы – иного не дано» [11. Ч. 2. С. 198–199]. К вышесказанному следует добавить, что интерес Платона к царской власти сохранился и у его учеников. В частности, в диалоге «Минос», который считается псевдо-платоновским и написанным в период раннего эллинизма, автор утверждает, что цари являются истинными знатоками справедливости и законов. На этом основании делается вывод о том, что хорошим законодателем может быть только царь [12. С. 587].

На наш взгляд, говоря о неограниченной власти монарха, Платон имеет в виду идеального законодателя и правителя. Неслучайно, по мысли Платона, морально и интеллектуально совершенный монарх возвышается над всеми законами и установлениями. Он сам источник справедливых законов. Однако в реальной жизни такие цари – большая редкость. В основном Платон упоминает древних царей из истории и мифологии. В «Законах» Платон указывает на то, что люди не испытывают доверия к единоличной власти по той причине, что «монарх должен стремиться и быть в состоянии управлять добродетельно и со знанием дела, справедливо и честно уделяя каждому свое, а не бесчестить, убивать и причинять зло любому, кому он вздумает» [11. Ч. 2. С. 75]. Согласно

Платону в реальной жизни единоличные правители в силу своего несовершенства и соблазнов часто встают на путь тирании. Поэтому в этих условиях монархический строй должен быть умеренным, а власть монарха – ограниченной.

Взгляды Аристотеля о царской власти представлены в III книге «Политики». Во-первых, согласно определению Аристотеля, монархическое правление является властью одного в интересах всего государства. Монархию Аристотель относит к числу справедливых видов государственного устройства. Далее Аристотель выделяет пять разновидностей монархии, но особое внимание уделяет «всеобъемлющей царской власти, которая состоит в том, что царь правит всем по собственной воле» [13. С. 480]. Согласно Аристотелю основанием для неограниченной царской власти может быть только исключительное превосходство монарха в добродетели. В этом случае для граждан и для всего государства ничем не ограниченное, полновластное правление монарха будет справедливым и правильным. Но для государств, в которых имеется равенство среди граждан, «полновластное господство одного над всеми не является ни полезным, ни справедливым» [13. С. 483]. На наш взгляд, Аристотель рассматривает неограниченную монархию скорее в качестве гипотетического государственного устройства, а не реально существующего. Аристотель не приводит примеров подобного государственного устройства и говорит о нем лишь как о чем-то возможном. Следует добавить, что идею о добродетельном царе развивал еще один крупный философ IV в. до н. э., ученик Аристотеля Теофраст. В сохранившемся фрагменте Теофраста говорится о том, что царь должен править, опираясь на закон, а не на силу [14. Р. 249]. Таким образом, можно сказать, что в работах ведущих политических философов IV в. до н. э. монархическое государственное устройство получает очень высокую оценку. Но это касается только умеренной царской власти, которая опирается на закон, и неограниченной царской власти, основанной на исключительной добродетели монарха.

Мы полагаем, что теории Платона и Аристотеля о царской власти не оказали значительного влияния на формирование эллинистических монархий. Между политическими теориями философов и политическим устройством эллинистических монархий пролегла пропасть. У философов и эллинистических царей были совершенно разные представления о природе царской власти. Платон и Аристотель были убеждены, что высшим предназначением истинного царя является забота о добродетели граждан. Главный интерес эллинистических монархов был связан с военно-политическим могуществом. Тем не менее идеи Платона и Аристотеля о неограниченной монархии как наилучшем государственном устройстве могли выступать в качестве дополнительного аргумента в пользу эллинистических царств.

Перейдем к решению третьей задачи. С вопросом о том, что греческие философы думали о царской власти, тесно связан вопрос о том, что они думали о той политической системе, которая сложилась в Греции накануне образования эллинистических монархий. Из

источников нам известно, что основными видами государственного устройства в Греции в V–IV вв. до н. э. были демократия и олигархия. В частности, Аристотель в «Политике» отмечает, что, несмотря на существование нескольких видов государственного устройства, «главными... по-видимому, являются два – демократия и олигархия» [13. С. 491].

Первым философом, кто подробно рассмотрел демократию и олигархию, был Платон. В VIII книге «Государства» и в диалоге «Политик» Платон подвергает резкой критике эти виды государственного устройства. В олигархическом государстве не считаются с законами. В нем ценят не добродетель, а богатство. Олигархический строй поддерживается за счет применения вооруженной силы и запугивания. В олигархическом государстве существует жесткое противостояние между бедными и богатыми. Также Платон подвергает критике олигархического человека. Олигарх отличается любовью к деньгам и почестям, скупостью [11. Ч. 3. С. 396–404]. Примечательно, что критическое описание олигархического человека встречается не только у Платона, но и у Теофраста. В «Характерах» Теофраст дает такую характеристику приверженцу олигархии: это властолюбивый и корыстолюбивый человек, а также противник народовластия и черни [15. С. 35–36]. Что касается демократии, то у нее, согласно Платону, недостатки еще более серьезные, чем у олигархии. В демократическом государстве не обязательно участвовать в политической деятельности. Это ведет к тому, что граждане могут не исполнять своих гражданских обязанностей, что крайне пагубно сказывается на положении дел в таком государстве. При демократическом государстве ценится не добродетель, а умение расположить к себе толпу. Поэтому в таком государстве у власти находятся демагоги. Демократического человека отличает склонность к порокам и распушенности [11. Ч. 3. С. 405–411].

Серьезной критике основные виды государственного устройства подверг Аристотель. По его мнению, демократия и олигархия являются отклонениями от правильных государственных устройств – политии и аристократии. Несправедливость демократии и олигархии заключается в том, что власть большинства бедных или меньшинства богатых принимает законы только в интересах своей правящей группы, нисколько не заботясь об интересах всего государства. А это представляет прямую угрозу существованию государства. Одна из главных проблем демократии и олигархии, согласно Аристотелю, заключается в том, что при этих государственных устройствах среди граждан преобладают или бедные, или богатые. Стабильность же и прочность в государстве, по мнению Аристотеля, обеспечивают граждане со средним достатком. Как отмечает философ, «в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде» [13. С. 508]. Такие государства страдают от политической нестабильности и внутренних конфликтов. В результате обе эти крайности ведут государство к гибели.

У демократии, как полагает Аристотель, имеется еще один серьезный недостаток. В демократических

полисах к числу граждан и, соответственно, к власти допускаются ремесленники и поденщики. Но представители этих групп населения в силу своей деятельности не могут упражняться в добродетели и не имеют досуга [13. С. 454, 495–496]. Это приводит к тому, что при демократическом устройстве в управлении государством участвуют люди, не причастные к добродетели. Для Аристотеля с его представлением о государстве как общении свободных людей ради прекрасной жизни это неприемлемо. Философ не скрывает, что «наилучшее государство не даст ремесленнику гражданских прав» [13. С. 453].

В то же время у Платона и Аристотеля при внимательном изучении их текстов обнаруживается и немало положительных высказываний о демократии и олигархии. Как это следует понимать? На наш взгляд, Платон и Аристотель критиковали прежде всего крайние формы демократии и олигархии. То есть те разновидности демократического и олигархического устройства, которые утвердились в греческих полисах в IV в. до н. э., в разгар кризиса полисной системы. К умеренной демократии и олигархии философы относились в целом положительно. Это особенно хорошо заметно в III книге «Законов» Платона и в V книге «Политики» Аристотеля. В «Законах» Платон говорит о двух основных видах государственного устройства – монархии и демократии. Все остальные виды государственного устройства являются различными сочетаниями первых двух. По мнению Платона, самая большая беда, которая может произойти с демократическим государством, – это господство полной свободы. Согласно Платону, свобода ведет к нежеланию подчиняться родителям, правителям и законам. Полная свобода ведет к распухлости и утрате страха перед законом. В результате государство ослабевает и гибнет. Платон убежден, что свобода в демократическом государстве ради его же блага должна быть ограничена. Как пишет философ, благодаря умеренному демократическому устройству, при котором граждане подчинялись законам, Афины одержали победу в неравной борьбе с персами. Но Афины во времена Платона уже не являлись образцом умеренной демократии, город отличался самым свободным государственным строем. В качестве примера государства с самым деспотическим строем Платон приводит Персию. Ключевую мысль Платон формулирует следующим образом: «Если ввести и там и тут некоторую умеренность, в одном из них ограничить власть, а в другом свободу, тогда... в них наступит особое благополучие, если же довести рабство или свободу до крайнего предела, то получится вред и в первом, и во втором случае» [11. Ч. 2. С. 187].

Представление Аристотеля о добродетели как середине между крайностями получает у него развитие и в области политической мысли. Аристотель усматривает прямую связь между стабильностью государства и преобладанием в нем граждан со средним достатком. В таком государстве всегда будет умеренный государственный строй. На страницах «Политики» Аристотель неоднократно повторяет следующую мысль: «Очевидно, средний вид государственного строя наилучший, ибо только он не ведет к внутрен-

ним распрям; там, где средние граждане многочисленны, всего реже бывают среди граждан группировки и раздоры» [13. С. 509]. То, что Аристотель одобрял умеренное демократическое и олигархическое устройства, хорошо видно из его рассуждений о разновидностях государственного строя. Аристотель отмечает, что каждый основной вид государственного устройства (монархия, аристократия, полиция, демократия, олигархия, тирания) подразделяется на несколько разновидностей. Дойдя до демократии, Аристотель пишет, что всего существует пять ее видов. Самый лучший вид демократии – это тот, при котором поддерживается всеобщее равенство перед законом [13. С. 496]. Самый худший – тот, при котором властвует не закон, а простой народ. В данном государстве решающее значение имеют не законы, а постановления народного собрания. В таком государстве влиянием обладают демагоги, которые управляют мнением народной массы, а все лучшие граждане изгоняются или истребляются. Аристотель полагает, что такой крайний вид демократии даже сложно назвать государственным строем, поскольку в нем отсутствует власть закона [13. С. 497]. Что касается олигархии, то, согласно Аристотелю, всего существует четыре ее вида. Самый крайний вид олигархии – это тот, при котором властвует не закон, а должностные лица и при этом должности передаются от отца к сыну [13. С. 498].

Таким образом, на наш взгляд, позиция Платона и Аристотеля в отношении к основным видам государственного устройства в целом совпадала. Она заключалась в жесткой критике крайних форм олигархии и демократии, но одновременно с этим – в защите их умеренной разновидности. Многочисленные предложения, которые Платон и Аристотель высказывали в своих сочинениях на счет укрепления демократии и олигархии, говорят о том, что они не являлись такими утопистами и политическими идеалистами, какими их порой представляют в литературе. Платона и Аристотеля объединяла вера в то, что у традиционной полисной системы есть будущее.

Мы полагаем, что для Платона и Аристотеля одна из задач в области политической мысли заключалась в разработке предложений, направленных на оздоровление демократии и олигархии. Платон в «Законах» и Аристотель в «Политике» стремились вскрыть те недостатки, которые разрушали греческие полисы изнутри, и предложить действенные способы их устранения. То, что в их политических сочинениях критика демократии и олигархии значительно преобладает над положительными высказываниями об этих видах государственного строя, объясняется известными историческими обстоятельствами. В условиях кризиса полисной системы олигархия и демократия приняли крайние формы, и это не замедлило сказаться на отношении к ним со стороны философов. Для нашего дальнейшего исследования важно зафиксировать следующее. В условиях господства крайних форм демократии и олигархии в Греции в IV в. до н. э. их критика Платоном и Аристотелем вполне могла способствовать ослаблению доверия в греческом обществе к существовавшей в это время политической системе.

А это, в свою очередь, можно рассматривать в качестве одного из факторов, которые подготавливали почву для формирования эллинистических монархий.

Софисты, киники и киренаики также способствовали ослаблению основ общественно-политического устройства Греции. Критика полисных ценностей представителями этих философских направлений не только свидетельствовала о глубоком кризисе полисной системы в IV в. до н. э., но и одновременно способствовала этому процессу. Софисты подрывали нравственные основы политики, критиковали законы и общественные установления, выступали с критикой религиозных представлений и моральных норм, отстаивали идею о равенстве всех людей по природе, тем самым отвергая рабство и положение о превосходстве эллинов над варварами [16. С. 113–119]. С еще более жесткой критикой в отношении общественных установлений и моральных норм выступали киники. Отстаивая космополитизм и стремление к автаркии, киники постарались разорвать все связи с полисом [17. С. 129, 134]. Крайним индивидуализмом отличались киренаики, для которых на первом месте было стремление к чувственным удовольствиям [18. С. 119–120]. Все эти философские школы вносили свой вклад в дело размывания и ослабления полисных устоев. Полисный патриотизм и служение интересам государства для киников и киренаиков ничего не значили. Всем своим учением и образом жизни они открыто заявляли о пренебрежении к политическим традициям.

Откровенная дискредитация философами традиционного общественно-политического устройства Греции и критика основных видов государственного устройства расчищали путь и создавали благоприятные условия для создания новой политической реальности. Формированию неограниченных монархий не могло не способствовать те разочарование и недовольство, которые усиливались в греческом обществе в отношении существовавшей политической системы. И не последнюю роль в усилении этих настроений сыграла греческая философия.

Перейдем к решению следующей задачи нашего исследования. Рассмотрим вопрос о влиянии греческих философов на отдельных эллинистических царей. Из источников нам известно, что греческие философы поддерживали тесные отношения со многими эллинистическими правителями. Аристотель был воспитателем Александра Македонского. Ксенократ поддерживал отношения с Александром, Антипатром, Полиперхонтом. Деметрия Фалерского связывали тесные отношения с Кассандром и Птолемеем I Сотером. Стратон из Лампсака был воспитателем Птолемея II Филадельфа. Антигон Гонат дружил с Зеноном Китийским, Клеанфом, Персеем Китийским, Менедом из Эретрии, Бионом Борисфенским. Феодор Безбожник был послом Птолемея I. Онесикрит участвовал в походе Александра, а позднее был замечен при дворе Лисиаха. Анаксарх поддерживал дружеские отношения с Александром. Греческие философы занимались воспитанием эллинистических царей, выступали в качестве их советников и послов, участвовали в политической деятельности на стороне тех или иных диадохов.

К сожалению, в силу серьезных пробелов в источниках наше знание о взаимоотношениях греческих философов и эллинистических правителей весьма ограничено. Тем не менее отдельные сведения проливают свет на этот вопрос, и мы можем сделать некоторые выводы. Как было показано в одной из наших статей, влияние Аристотеля на политические взгляды Александра было минимальным [19. С. 149–159]. По всем ключевым политическим вопросам взгляды Аристотеля и Александра резко расходились. Речь идет о государственном строе, методах правления, градостроительстве, отношениях между греками и варварами. Тем не менее мы согласны с Й. Уэрдингтоном в том, что, несмотря на различия в политических взглядах, Аристотель оказал определенное влияние на Александра. Аристотель привил своему ученику любовь к философии и наукам. Александра отличала жажда знаний. Й. Уэрдингтон полагает, что Александр разделял мнение Аристотеля о том, что «только эксперименты и наблюдения могут продвигать научную мысль» [20. Р. 96]. В частности, с этим связан тот факт, что в походах Александра сопровождали некоторые философы и натуралисты, которые собирали сведения о географии, животном и растительном мире.

Очевидно, что значительное влияние школа Аристотеля оказала на правителя Египта Птолемея I Сотера. Создание крупнейшего научного центра в Античности – Александрийского музея и библиотеки – безусловно, было заслугой Птолемея. Но не в последнюю очередь это стало возможным благодаря общению Птолемея с видными перипатетиками. Об участии Деметрия Фалерского в создании Музея хорошо известно. Но, вполне вероятно, идей создания научного центра Птолемей заразился еще до похода Александра в Азию. Й. Уэрдингтон предполагает, что «увлечение Птолемея аристотелевской философией и его учением является признаком того, что Аристотель обучал его вместе с молодым Александром» [21. Р. 140]. Расцвет Музея пришелся на период правления сына Птолемея I Птолемея II Филадельфа. В это время в Музее работали выдающиеся греческие ученые, а библиотека стремительно пополнялась новыми папирусными свитками. Известно, что одним из учителей Птолемея II был Стратон из Лампсака, будущий схолярх Ликия. Для Птолемея II, как и для его отца, было характерно правление в духе просвещенной монархии. Совпадение это или нет, но именно в философии перипатетиков получила значительное развитие идея о просвещенном монархе-благодетеле. Упоминается, что у Стратона было даже сочинение «О царь-философе» [18. С. 204].

Еще одним знаменитым эллинистическим правителем, тесно связанным с греческой философией, был Антигон Гонат. Сообщается, что он являлся большим ценителем греческой философии и среди его друзей было немало известных философов. По мнению Г. Бенгтсона, на молодого Антигона большое влияние оказал Менедом из Эретрии, который привил своему ученику высокие моральные качества [9. С. 174]. В дальнейшем Антигон сблизился с основателем Стои Зеноном Китийским и тот приобщил его к стоической

философии. Г. Бенгтсон полагает, что отличавшие Антигона чувство долга и представление о царской власти как «славной службе» были следствием стоического воспитания [9. С. 175–176]. Впрочем, не все исследователи соглашались с мнением о дружбе Зенона с Антигоном. Э. Эрскин полагает, что Зенон не испытывал симпатии по отношению к Антигону и Македонии [22. Р. 83–84]. По мнению Э. Эрскина, версию о близких связях между основателем Стои и македонским царем активно продвигал Персей Китийский с целью оправдать свое участие в политике на стороне Антигона [22. Р. 82]. Кроме этого, как считает Э. Эрскин, версия о дружбе философа и царя выглядит неубедительно по причине неоднократных отказов Зенона на приглашения Антигона посетить Македонию [22. Р. 80]. Мы не склонны подвергать сомнению представление о дружбе между Зеноном и Антигоном по двум причинам. Во-первых, согласно источникам, Антигон Гонат действительно был выдающимся монархом, обладавшим неоспоримыми достоинствами. Поэтому в дружеских отношениях с таким благородным правителем для знаменитого философа не было ничего постыдного или предвзятого. Во-вторых, Антигон питал неподдельный интерес к философии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что у македонского царя сложились добрые отношения с Зеноном и другими философами. Таким образом, в лице Александра, Птолемея I, Птолемея II, Антигона Гоната мы имеем эллинистических монархов, которые испытали положительное влияние со стороны греческой философии. Оно проявилось в формировании просвещенного характера правления этих царей, а также в воспитании у них высоких моральных качеств.

Нам осталось рассмотреть социально-исторические факторы формирования абсолютизма в эллинистических монархиях. Речь идет прежде всего о влиянии древневосточных деспотий. Природу власти в эллинистических монархиях подробно рассматривает В. Эренберг. По его мнению, восточный деспотизм оказался естественной и единственно возможной формой правления для преемников Александра Македонского. Объясняется это тем, что на Востоке господствовала многовековая традиция монархического правления в его абсолютной форме: «Это было неограниченное правление человека, который, по особой милости богов или, как воплощение самого Бога в Египте, стоял на высоте, недостижимой для любой прослойки населения, действительно превыше всех человеческих стандартов» [23. Р. 159]. Только войдя в эту традицию, как считает В. Эренберг, македонские и греческие цари смогли прочно утвердиться над землями Востока.

Говоря о связи между абсолютизмом древневосточных деспотий и эллинистических монархий, мы не можем обойти стороной мнение, которое резко контрастирует с традиционной точкой зрения. А. Экстайн заявляет о том, что абсолютизм персидских царей «был на самом деле греческой фантазией» [6. Р. 247]. В действительности цари Персии сталкивались с могущественной аристократией, и их правление было ограничено традициями и обычаями [6. Р. 247]. Но греков это не интересовало, поскольку они

смотрели на всех варваров сверху вниз и считали, что народы, находившиеся под властью персов, не знали никакого другого правления, кроме деспотии. Противопоставление свободных греческих полисов персидской деспотии являлось очень важным представлением в политическом сознании древних греков, особенно после греко-персидских войн. А. Экстайн отмечает, что данное представление было частью греческой идеологии [6. Р. 247].

Мы частично разделяем обе точки зрения. С одной стороны, мы согласны с традиционной точкой зрения о том, что на формирование абсолютизма в эллинистических монархиях оказали влияние политические и культурные традиции тех народов, которые были под властью Александра и его преемников. С другой стороны, мы согласны с А. Экстайном в том, что это влияние не стоит преувеличивать. На наш взгляд, формирование абсолютизма в эллинистических монархиях было в значительной степени обусловлено характером образования этих государств и их этническим составом. Греко-македонские завоеватели были на Востоке в явном меньшинстве, и, вероятно, только очень сильная и неограниченная власть могла сохранить их господствующее положение и контролировать огромные пространства, населенные различными народами и племенами. Выскажем предположение, что именно абсолютная власть эллинистических монархов выступала в качестве той главной скрепы, которая не давала вырваться наружу внутренним противоречиям в этих государствах и удерживала их от распада.

Подведем итоги. Как показало наше исследование, греческая философия не оказала прямого и значительного влияния на формирование неограниченной власти в эллинистических монархиях. Учения греческих философов о царской власти существенно отличались от того типа власти, который был характерен для эллинистических монархий. Ведущие политические философы IV в. до н. э. Платон и Аристотель были сторонниками двух видов монархии: умеренной, в которой царская власть ограничена законом, и неограниченной, основанной на исключительной добродетели царя. В эллинистических монархиях неограниченная власть царя изначально была связана с военно-политическим могуществом. В то же время мы выяснили, что греческая философия оказала опосредованное влияние на формирование неограниченных монархий в период раннего эллинизма. Это влияние заключалось в критике и дискредитации философиями общественно-политического устройства Греции и основных видов государственного устройства полисов – демократии и олигархии. Тем самым греческие философы невольно способствовали ослаблению полисной системы и образованию неограниченных монархий. Кроме этого, греческие философы оказали влияние на формирование просвещенного характера правления отдельных эллинистических царей. Как мы установили, главную роль в формировании неограниченных монархий в период раннего эллинизма сыграли древневосточные политические традиции, а также характер образования эллинистических царств и их этнический состав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровкин В.В. Греческая философия и образование эллинистических монархий // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 2. С. 212–222.
2. Маринович Л.П. Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М. : Наука, 1990. С. 86–102.
3. The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. VII, part I: The Hellenistic World / F.W. Walbank, A.E. Astin (eds). Cambridge University Press, 2008. 655 p.
4. Левек П. Эллинистический мир. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 252 с.
5. Koester H. History, Culture, and Religion of the Hellenistic Age. Second Edition. Walter de Gruyter, New York; Berlin, 1995. 409 p.
6. Eckstein A.M. Hellenistic Monarchy in Theory and Practice // A Companion to Greek and Roman Political Thought / K. Balot Ryan (ed.). Wiley-Blackwell, 2009. P. 247–265.
7. Бикерман Э. Государство Селевкидов. М. : Наука, 1985. 264 с.
8. Suda Lexicon: ex recognitione Immanuelis Bekkeri. Berolini, typis et impensis G. Reimeri, 1854. 1158 p.
9. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М. : Наука, 1982. 391 с.
10. Бровкин В.В. Критика религии в ранней эллинистической философии // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13, вып. 2. С. 637–647.
11. Платон. Сочинения в четырех томах / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во СПб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. 730 с.
12. Платон. Собрание сочинений в четырех томах М. : Мысль, 1994. Т. 4. 831 с.
13. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегр.; общ. ред. А.И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
14. Sinclair T.A. A History of Greek Political Thought (Routledge Library Editions: Political Science. Vol. 34). London : Taylor & Francis Group, 2012. 345 p.
15. Феофраст. Характеры. Ленинград : Наука, 1974. 123 с.
16. Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. М. : Наука, 1979. 263 с.
17. Нахов И.М. Философия киников. М. : Наука, 1982. 223 с.
18. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд., испр. М. : Мысль, 1986. 571 с.
19. Бровкин В.В. Аристотель и политика Александра Македонского // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 3. С. 149–159.
20. Worthington I. By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford University Press, 2014. 388 p.
21. Worthington I. Ptolemy I: King and Pharaoh of Egypt. New York : Oxford University Press, 2016. 253 p.
22. Erskine A. The Hellenistic Stoa: Political Thought and Action. Second Edition. London : Bristol Classical Press, 2011. 233 p.
23. Ehrenberg V. The Greek State. New York : W.W. Norton, 1964. 457 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 17 мая 2020 г.

On the Role of Greek Philosophy in the Formation of Hellenistic Monarchies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 61–68.

DOI: 10.17223/15617793/460/7

Vladimir V. Brovkin, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: drakar@ngs.ru

Keywords: Plato; Aristotle; theory of kingship; democracy; oligarchy; absolute monarchy; Hellenistic kings.

The article deals with the question of the influence of Greek philosophy on the formation of Hellenistic monarchies. According to one point of view, theories of Greek philosophers on kingship played an important role in the formation of absolutism in the Hellenistic monarchies. It is believed that it is in the classical Greek philosophy that the ideas on absolute monarchy as the best state structure and on the legal rights of an outstanding person to royal power were developed. In the course of the study, the author infers that Greek philosophy did not have a significant impact on the formation of absolutism in Hellenistic monarchies. The Greek philosophers' doctrines of kingship were significantly different from the type of power that was characteristic of the Hellenistic monarchies. Leading political philosophers of the IV century BC Plato and Aristotle were supporters of two types of monarchy: a moderate monarchy in which the royal power is limited by law and an absolute monarchy based on the exceptional virtue of the king. In the Hellenistic monarchies, the unlimited power of the king was originally associated with military-political power. At the same time, the author finds that Greek philosophy had an indirect influence on the formation of absolute monarchies in the period of early Hellenism. This influence consisted in the fact that Greek philosophers criticized the sociopolitical system of Greece and the main types of polity of the state – democracy and oligarchy. Plato and Aristotle sharply criticized extreme forms of oligarchy and democracy in their works. At the same time, as the author has established, philosophers were supporters of moderate democracy and oligarchy. The sophists, the cynics and the Cyrenaics also actively criticized the values and traditions of polis. Thus, Greek philosophers unwittingly contributed to the weakening of the polis and the formation of absolute monarchies. The author has also found that Greek philosophers influenced the formation of the enlightened character of the rule of individual Hellenistic kings. Philosophers contributed to the upbringing of high moral qualities in the Hellenistic kings. This influence was especially evident in Alexander the Great, Ptolemy I Soter, Ptolemy II Philadelphus and Antigonus II Gonatas. In the final part of the article, the author comes to the conclusion that the main role in the formation of absolute monarchies in the period of early Hellenism was played by the ancient Eastern political traditions, as well as by the nature of the formation of Hellenistic kingdoms and their ethnic composition.

REFERENCES

1. Brovkin, V.V. (2018) Greek Philosophy and the Formation of the Hellenistic Monarchies. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – Siberian Journal of Philosophy*. 16 (2). pp. 212–222. (In Russian). DOI: 10.25205/2541-7517-2018-16-2-212-222
2. Marinovich, L.P. (1990) Aleksandr Makedonskiy i stanovlenie ellinizma [Alexander the Great and the Formation of Hellenism]. In: Koshelenko, G.A. et al. *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Hellenism: Economics, Politics, Culture]. Moscow: Nauka. pp. 86–102.
3. Walbank, F.W. & Astin, A.E. (2008) *The Cambridge Ancient History*. Second Edition. Vol. VII. Part I: The Hellenistic World. Cambridge University Press.
4. Leveque, P. (1989) *Ellinisticheskiy mir* [The Hellenistic World]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
5. Koester, H. (1995) *History, Culture, and Religion of the Hellenistic Age*. Second Edition. New York; Berlin: Walter de Gruyter.

6. Eckstein, A.M. (2009) Hellenistic Monarchy in Theory and Practice. In: Ryan, K.B. (ed.) *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Wiley-Blackwell. pp. 247–265.
7. Bickerman, E. (1985) *Gosudarstvo Selevkidov* [The State of the Seleucids]. Translated from French. Moscow: Nauka.
8. Suidas. (1854) *Suidae Lexicon: ex recognitione Immanuelis Bekkeri*. Berolini: typis et impensis G. Reimeri.
9. Bengtson, H. (1982) *Praviteli epokhi ellinizma* [Rulers of the Hellenistic Age]. Translated from German. Moscow: Nauka.
10. Brovkin, V.V. (2019) The critics of religion in early Hellenistic philosophy. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 13 (2). pp. 637–647. (In Russian).
11. Platon. (2007) *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected works in four volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Izd-vo Olega Abyshko.
12. Plato. (1994) *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected works in four volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
13. Aristotle. (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Translated from Old Greek by A.I. Dovatur. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
14. Sinclair, T.A. (2012) *A History of Greek Political Thought* (Routledge Library Editions: Political Science. Vol. 34). London: Taylor & Francis Group.
15. Theophrastus. (1974) *Kharaktery* [Characters]. Translated from Old Greek. Leningrad: Nauka.
16. Nersesyants, V.S. (1979) *Politicheskie ucheniya Drevney Gretsii* [Political doctrines of Ancient Greece]. Moscow: Nauka.
17. Nakhov, I.M. (1982) *Filosofiya kinikov* [Philosophy of the Cynics]. Moscow: Nauka.
18. Diogenes Laertius. (1986) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Translated from Old Greek. 2nd ed. Moscow: Mysl'.
19. Brovkin, V.V. (2017) Aristotel' i politika Aleksandra Makedonskogo [Aristotle and the Politics of Alexander the Great]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – Siberian Journal of Philosophy*. 15 (3). pp. 149–159.
20. Worthington, I. (2014) *By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire*. Oxford University Press.
21. Worthington, I. (2016) *Ptolemy I: King and Pharaoh of Egypt*. New York: Oxford University Press.
22. Erskine, A. (2011) *The Hellenistic Stoa: Political Thought and Action*. Second Edition. London: Bristol Classical Press.
23. Ehrenberg, V. (1964) *The Greek State*. New York: W.W. Norton.

Received: 17 May 2020

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА: К КОНТУРАМ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00298А.

Рассматриваются изменения жизненного мира под влиянием виртуализации, обуславливающей становление новой парадигмы жизнедеятельности. Анализ проводится путем сопоставления значимых коннотаций жизненного мира с онтологическими, антропологическими, аксиологическими его преломлениями вследствие сращенности с виртуальной средой. Анализ конкретизируется рассмотрением воздействия сетевых компьютерных игр на сознание человека. Обосновывается амбивалентная оценка виртуализации жизненного мира.

Ключевые слова: жизненный мир; характеристики виртуализации жизненного мира; парадигма; ценность; игра.

Виртуальная реальность, которая традиционно оценивается как дополненная и расширенная, вызывает системные изменения всех сфер существования человека. Она влияет на организацию времени и пространства, предлагает альтернативную версию реальности, погружает человека в иные, ирреальные отношения. Проникая в основания жизненного мира, она становится настоящим «здесь и сейчас» живущих людей. В условиях цифровой эры трансформируется как смысловая сфера, так и само наполнение жизненного мира. Его интенсивная виртуализация свидетельствует о том, что тотальность повседневной жизни преодолена. Происходит либо отрыв индивида от опыта повседневного реального бытия, либо, напротив, опыт повседневного существования превращается в «серфинг» по просторам Всемирной паутины. В силу этого анализ трансформаций жизненного мира становится остро актуальным как в отношении поиска значимых ориентиров современного существования, так и в направлении описания контуров новой парадигмы.

В соответствии с нашей исследовательской позицией понимание специфики процесса виртуализации жизненного мира опирается на два необходимых условия. Во-первых, это определение стартовой линии или точки отсчета, которой, на наш взгляд, может послужить семантика концепта «жизненный мир», как она представлена в историко-философском контексте мыслителями XX в. Во-вторых, это использование методологической квадриги, нацеленной на многофакторный анализ в координатах: объектность, процессуальность, проектность и среда, которая является эффективным инструментом изучения виртуализации жизненного мира.

Первая линия ведет к обнаружению целого спектра смысловых коннотаций концепта «жизненный мир»¹. С опорой на концептуальную разработку Э. Гуссерля выявляется базовая онтологическая характеристика жизненного мира, обозначающая все существующее «в непосредственной достоверности опыта» до всех физиологических, психологических, социологических и прочих определений [1. С. 446]. Ключевым здесь оказывается маркер «непосредственной достоверности опыта». Жизненный мир – это «само собой разумеющимся образом существующий, постоянно созерцательно преданный мир» [1. С. 453], донаучные, субъективные структуры опыта, отличающиеся осознанностью и смыслообразованием.

По мнению исследователей, Э. Гуссерль использовал это понятие для разграничения повседневного мира существования субъекта и математизированного, физикалистски определенного, рационализированного предметного мира. Жизненный мир «представлял собой исходные, непроблематичные и взаимосвязанные структуры сознания, характеризующиеся целостностью и стабильностью» [2. С. 8]. Но не только исходные и непроблематичные структуры сознания выступают значимыми элементами жизненного мира. Стоит подчеркнуть, что уже М. Мерло-Понти обращает внимание на фактор жизненного опыта, благодаря которому происходит первичное открытие мира. В поисках основания естественного единства с миром он оборачивается к телу как «вещи, где я живу», и одновременно как «чувствующей вещи», которая является проводником в мир и закрепляет человека в мире [3. С. 265]. Отметим, также, что первоначальная онтологическая сращенность жизненного мира и субъекта была воспринята и М. Хайдеггером. Согласно его позиции, «прояснение бытия в мире показало, что не “бывает” ближайшим образом и никогда не дано голого субъекта без мира» [4. С. 139–140]. Однако в жизненном мире необходимо еще увидеть и «повседневное бытие-друг-с-другом» [4. С. 146], не существующее без со-присутствия других людей.

Традицию понимания жизненного мира как повседневного, как «систему взаимных социальных отношений, стоящих в них акторов» [5. С. 125–126] продолжил А. Шюц. Причем у Шюца повседневность с самого начала «предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению» [6. С. 130]. Особенно важно то, что, говоря о верховной реальности повседневной жизни, А. Шюц упоминает о некоторых «конечных областях смысла» или «квазиреальностях», которые также могут получить «акцент реальности». Он имеет в виду «мир сновидений, мир грез и фантазий, особенно мир искусства, мир религиозного опыта, мир научного созерцания, игровой мир ребенка и мир безумия» [7. С. 18, 19]. Мыслитель полагает, что, осуществляя переход от одной реальности к другой, мы изменяем наше внимание по отношению к реальности: «...то, что раньше казалось реальностью, когда мы направляли на нее внимание, теперь может измеряться другой линейкой и оказыва-

ется нереальным или квазиреальным, но в специфической форме настоящей нереальности, реальность которой можно восстановить» [7. С. 34]. Тем самым в рассуждениях Щюца о квазиреальностях и их взаимоотношениях с верховной реальностью повседневной жизни можно усмотреть проект соотношения виртуальной и производящей ее (константной) реальности.

Весомые дополнения к расшифровке семантики жизненного мира присутствуют в контексте размышлений Ю. Хабермаса. Жизненный мир предстает в значении «фона коммуникативных действий» [8. Т. 6. С. 5]. Он соотносим с процессами взаимопонимания, наполнен коммуникацией и противостоит жизни отдельного сознания. На наш взгляд, в интерпретации Ю. Хабермаса жизненный мир не только оформляется посредством реконструкции дотеоретического знания, которым обладает говорящий субъект, и не просто предстает как горизонт, образующий контекст понимания, обсуждения и интерпретации. По мере «развития, усложнения и дифференциации общества жизненный мир трансформируется в сторону значительной рационализации, превращаясь в одну из подсистем общества. Это сопровождается, с одной стороны, обеднением культуры и частной жизни, которые все в большей степени вбирают в себя ориентиры и требования рынка. С другой стороны, укорененностью в жизненном мире индивидов системных механизмов институционализации социального пространства [9. С. 17]. Таким образом, согласно выводам Ю. Хабермаса, ведущей тенденцией становится рационализация жизненного мира, в то время как изначально жизненный мир предшествует объективирующей научной рефлексии, а по сему принимается как нечто данное, не обремененное ношей рефлексивного анализа. Подчеркнем, что Гуссерль в «Логических исследованиях» не только постулирует его первичность, но и говорит о «необходимости проведения редукции по отношению к науке с целью восстановления мира повседневной жизни, выступающего как совокупность первичных, фундирующих интенций, которые должны раскрыть процессы возникновения из них различных систем знания, в том числе позитивных наук, наделить их чисто человеческим содержанием» [10. С. 253].

В поздней работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию» Гуссерлем выделяются значимые характеристики жизненного мира, состоящие в следующем. Во-первых, это мир конкретной жизни субъекта, полагающий возможность бесконечного опыта: «мир, данный нам в нашей конкретно мирской жизни как действительный мир, с открытой бесконечностью возможного опыта...» [11. С. 167]. Здесь открытая бесконечность опыта потенциально предполагает некое разнообразие мысленных формообразований бытия. Она может быть сопряжена как с выходом на конструирование возможных миров, так и обыденным употреблением некоего сослагательного наклонения: «а если бы...». Во-вторых, по мнению Гуссерля, этот мир предан научному познанию, он имеет донаучные значения. Иными словами, он как первое в себе бытие включает в себя все воз-

можные идеи универсального бытия, в него внедрено как рациональное целеполагание, так и пестрое многообразие регионов обыденного бытия. В-третьих, жизненный мир является источником смыслов и значимостей; пред- и вненаучный жизненный мир является «живительным источником всех самых утонченных смыслообразований» [11. С. 172]. Это свидетельствует о том резервуаре, который может составить смысловую сферу как реального, так и желаемого, мысленно проектируемого существования. В-четвертых, тело человека всегда присутствует в процессе восприятия любой конкретной вещи. Тем самым показания телесности, «каждая деятельная вариация», Я-функционирующее в модусах видеть, слышать, воспринимать, нести, толкать и прочее во многом определяют координаты жизненного мира со всеми проблемами «случайной фактичности». При этом важно подчеркнуть, что «естественный интерес к жизни удерживается только в сфере жизненного мира...» [1. С. 447]. В-пятых, жизненный мир предстает как замкнутое в себе субъективное, «существующего своим [особым образом], функционирующего в любом опыте, в любом мышлении, в любой жизни, т.е. повсюду и непрерывно, и все же ни разу не ставшего предметом рассмотрения, не постигнутого и не понятного» [1. С. 454]. Это свидетельствует об уникальности индивидуального жизненного мира каждого индивида, наличии персональной значимости событий, его наполняющих.

Вопрос о том, утратило ли понятие «жизненный мир» в его гуссерлианской экспликации свое значение в современную информационную эпоху, имеет ряд ответов. Так, И.Т. Касавин, противопоставляя жизненные миры современного человека и субъекта в его классическом традиционном понимании, приходит к выводу, что жизненный мир утрачивает смыслы, которые вкладывал в это понятие Э. Гуссерль. «Обнаруживается историческая изменчивость жизненного мира» [2. С. 8]. Произошло постмодернистское разрушение субъективности, которую наделили иррациональными и бессознательными характеристиками, сравнив с ризомой. Жизненный мир оказался вынесенным вовне человеческой субъективности. Со ссылкой на Н. Лумана можно сказать, что мир стал ареной коммуникативных процессов, в которых исчезают рефлексия и понимание [12]. Подобная интерпретация, по сути, маркирует трансформированные качества жизненного мира, обусловленные современной социокультурной ситуацией. Действительно, жизненный мир в координатах современности вобрал в себя и риск, и неопределенность, и хаосомность. При всей нестабильности и стрессогенной коммуникативности он пронизан императивом каждодневного выбора. Для него свойственно снятие ограничений, наложенных традициями, языковой, национальной и стратовой принадлежностью. Дают о себе знать такие особенности современного существования, как изменения привычного ритма жизни, иная организация пространства и времени, стремление к мультизадачности, мгновенная реакция и инет-поглощенность. Все эти сдвиги во многом обусловлены развитием глобальных информационно-коммуникативных про-

цессов, шестым технологическим укладом, при котором технологии, проникая во все поры существования человека, опережают возможности своего осмысления. Бесспорно, современное наполнение жизненного мира во многом отлично, однако, заметим, что в гуссерлианской его характеристике, полагающей возможность бесконечного опыта, можно усмотреть некое онтологическое преддверие конституирования возможных виртуальных миров.

Ж. Бодрийяр был прав, утверждая, что «все перемещается в сферу виртуального» и что «в наши дни виртуальное решительно берет верх над актуальным» [13]. Вторая линия исследования предполагает поиск эффективных методологических инструментов для анализа трансформаций жизненного мира в процессе его виртуализации. Опорой здесь является принцип социокультурной детерминации, позволяющий подойти к изучению явления с точки зрения причин и условий, его обуславливающих. Однако эффективной инновационной методологической стратегией является многофакторный анализ, включающий в себя квадригу, координатами которой являются объектность, процессуальность, проектность и среда. В рамках данного многофакторного анализа объектность нацелена на выявление паттернов и фракталов реальности, имеющих место в прошлом, но позволяющих проследить динамику изменений в настоящем и будущем. Подчеркнем, что подход со стороны объектных характеристик дает возможность выявить то константное, что свойственно жизненному миру, причем как в отношении тех или иных свойств реальности, так и с учетом типичных паттернов поведения. Вторым методологическим компонентом квадриги является процессуальность, которая указывает на разворачивание, динамику и трансформации, весьма ощутимые в процессе виртуализации жизненного мира. Третье, составляющее квадригу, проектное измерение свидетельствует о конструировании своеобразной «метареальности», о возможности альтернативных конфигураций будущих состояний. Проектное измерение связано как с переносом имеющихся характеристик, так и с предпочтениями, потребностями и субъектным выбором тех или иных специфических траекторий построения собственного жизненного мира. И, наконец, преимущество средового подхода состоит в том, что он позволяет в широком диапазоне различных взаимодействий локализовать историческое пространство-время и учесть как макромасштаб, так и микромасштаб событий, включающих в себя все спецификации вплоть до национального образа мира.

Использованная методологическая стратегия, способствующая изучению трансформации жизненного мира, вскрывает такие совокупные эффекты виртуализации жизненного мира, которые заставляют отказаться от прежних стереотипов, привычных способов освоения жизненного континуума, порождают иные установки и образцы поведения, другими словами, приводят к формированию новой парадигмы. При этом новая парадигма демонстрирует все необходимые атрибуты собственного воспроизводства и функционирования. Ее онтология включает в себя системообразующие связи «невидимого слоя современно-

сти» – социальности Сети, в которой главным ресурсом является информация, а новым видом коммуникации становится сетевое содействие или взаимодействие. И если ранее за информацией закреплялось понятие четвертой власти, то теперь она воспринимается еще и в значении ресурса, необходимого для самовывживания. Среди особенностей новой парадигмы важно подчеркнуть и другую новацию. Импульс регуляций присваивают себе Big data, которые оцениваются современными исследователями как «технологический макротренд по трансформации социальных действий в онлайн-овые количественные данные» [14]. Этот так называемый даннологический поворот эксплуатирует укоренившееся в обыденном сознании представление, что «данные говорят сами за себя». Таким образом, развитие социума рассматривается как движимое большими данными.

Виртуальную парадигму жизненного мира характеризует произвольное обращение со свойствами «стандартного времени», «игра» с его необратимостью. Многозадачная активность рушит привязанность к реальности, помещает индивида в лоно имитаций и симуляций, обеспечивая тем самым уход от острых проблем повседневности. Символическим маркером новой парадигмы является специфический язык инет-коммуникации с широко употребляемыми смайликами, гифками, картинками, интернет-сленгом и пр. Как способ передачи мыслей и чувств он семантически ограничен, отражает лишь поверхностные и примитивные пласты мировосприятия и демонстрирует высокую степень рефлексивного отчуждения. Однако именно он выступает доступным ресурсом индивидуально-личностного и группового общения и является визиткой виртуализированного жизненного мира. Как нами было показано ранее, культурные практики, ставящие во главу угла словесность, скатываются на периферию. В радикальном случае речь может идти не просто о социальной незрелости, но и об утрате способности к существованию в реальной культуре, о девальвации значения подлинного личностного общения, о стремлении к полной виртуализации образа жизни и трактовке действительности как рудиментарной формы существования [15. С. 105].

Новой парадигме соответствует иная система ценностей, отражающая претендующие на устойчивость значения дигитального мира. Они становятся ориентирами современной личности и демонстрируют отличия встающих перед ней задач. Так, виртуальная свобода предполагает неограниченную вариативность идентификации, ибо цифровая личность может как присвоить себе любую, избранную ею личину, так и неоднократно ее поменять. Индивидуальная компетентность приобретает характер конвергентной, т.е. объединенной с возможностями, Сети. Однако в силу того что информация, находящаяся в Сети, не становится автоматически личностным знанием и рефлексивно освоенным опытом, субъект выступает в роли «просмотрщика контента». Он лишь арендует, но не усваивает знания. К трансформированным ценностям может быть причислена персональная защищенность, равно как и ценность активной предметно-практической деятельности. Производная от нее цен-

ность самовыражения сводится к онлайн-активности, успех которой связан с количеством лайков и подписчиков. Сам «эскейп», или погружение в сферу виртуального, присваивает себе статус альтернативной ценности, генерируя другую антиценность виртуального мира – солипсизм.

На наш взгляд, преломление жизненного мира вследствие его сраженности с виртуальной средой становится тем более очевидными, чем более детально осмыслена его специфика в поле онтологических, антропологических и аксиологических трансформаций. Так, онтологические изменения особо ощутимы в силу того, что процессы виртуализации надстраивают над естественной природной средой и второй «очеловеченной» природой еще одну (виртуальную) сферу, средоточием которой становится объективация иллюзий, визуализация образов и желаемых моделей существования. Порой имитация прекрасных мест заставляет забыть о природе, физически действительном естественном мире. Происходит замещение бытия его виртуальными аналогами, игнорирующими конкретные факты и состояния, создающими иную экспозицию реальности. Виртуальная реальность, являясь, по сути, производной реальностью, проникает в порождающую ее («первичную») реальность, подчиняет ее себе и тем самым детерминирует жизненный мир повседневного бытия.

«Беспокойщей очевидностью» становится тот факт, что в XXI в. степень насыщения приватной жизни возможностями, предоставляемыми интернетом, становится предельной. Эффекты, предлагаемые виртуальными технологиями, встраиваясь в повседневную жизнь, становятся конструкторами жизнедеятельности человека. Они задают **новые социокоды, противостоящие индивиду как превосходящая его сила**. В исследованиях ученых поднимается тема о приобщении всей социальной жизни к категории «цифровое», о смещении социальных и гуманитарных исследований к информационной индустрии [16]. Действительно, инфосфера, пропитавшая все поры современного существования и породившая новый тип социальности – социальность Сети, демонстрирует уникальную сопричастность к инфособытиям, что во многом изменяет конфигурации жизненного мира. Он наполняется иной, виртуальной фактичностью, имеющей квазионтологический статус. Все больше дает о себе знать так называемый цифровой критерий существования, гласящий: «Если событие не отражено в Сети, следовательно, оно не существует». И это, пусть гротескно, но свидетельствует о новых компонентах жизненного мира, в котором процессы виртуализации и цифровизации приобретают детерминирующее значение. Примечательно и то, что в новой парадигме жизненного мира имитационный и симулятивный характер виртуализации оценивается как нечто данное и само собой разумеющееся.

Важно подчеркнуть, что виртуализованный жизненный мир «заселен» новыми формами коллективной субъектности, участвующей в инет-коммуникации. Широко распространена форма сетевого сообщества – «краудсорсинг», указывающая на сетевое содействие всех желающих, зачастую высту-

пающих анонимно под никами. Другая разновидность сетевого содействия – ноосорсинг – фиксирует ресурс профессиональных сообществ [17]. Однако фактом остается то, что потребность непосредственного взаимодействия лицом к лицу, живые межличностные контакты сокращены до минимума. Коммуникация пользователей сети выступает самодостаточным ресурсом. Виртуализация жизненного мира предлагает вариативные репрезентации самого себя. А «цифровая личность» не является прямым отражением собственного «я» (self), это искусственно созданный конструкт, при котором человек конструирует вовсе иную личность в онлайн-мире, приписывает себе черты, которыми в реальности не обладает [18].

Весомые антропологические трансформации, происходящие вследствие виртуализации жизненного мира, связаны с актуальным запросом на совершенствование «цифровых навыков». Именно цифровые навыки обеспечивают доминирующую практику современных взаимодействий. Они позволяют «выносить» свою субъективность, то самое «Я-функционирующее в модусах видеть, слышать и воспринимать» на просторы Всемирной паутины. Появившееся понятие «конвергентность субъектности» указывает на взаимопроникновение и симбиоз цифровых навыков индивида и ресурсов Сети. Действительно, цифровой мир навязывает свои условия в распределении активности индивидов, задает иные стандарты поведения. Вместе с тем отметим, что «цифровые навыки» молодой генерации обеспечивают по большей части лишь «аренду знания», нежели его личностное освоение. А инет-меседжи, ставшие распространенным языком общения, отнесены к предрациональному – нижнему, пограничному уровню сознательности. При том что, согласно расхожему мнению, в Сети субъект раскрывает свои границы, тем не менее, поглощенный черной дырой монитора Homo solus (человек одинокий) в реальности оказывается такой же «совершенно в себе замкнутой субъективностью» подобно той, о которой писал Э. Гуссерль.

Аксиологический срез проблемы выявляет размытие ценностных координат мировосприятия. Оформляются новые критерии успеха и новые формы мотивации. Они связываются с числом фолловеров, стремлением оставить свой «сетевой след», привлечь и удержать внимание подписчиков. Даже статус ученого сведен к метрике «сетевого успеха» и поставлен в зависимость от наукометрических данных. По мнению западных исследователей, вся система моральных норм и принципов может оказаться вычисляемой в измерении информационных технологий [19]. Утвердилась новая норма существования в виртуальном мире, вбирающая в себя негласное требование «двойного обновления». Согласно выводам Миллера, субъект цифрового мира связан необходимостью быть в курсе событий в «двойном» смысле слова: обновлять систему посредством собственного контента и быть в курсе обновлений, которые сделали другие. От этого «двойного обновления» зависит другой «ценностный» маркер – положение в сетевой группе. Миллер считает, что контент уже не занимает главного положения, важна сеть взаимосвязей в

сетевой группе (фолловеры, лайки). Такая форма культурного самовыражения обуславливает острую необходимость сортировать, группировать базу данных своих контактов и отслеживать свое место в ней, постоянно маркируя свое присутствие [20].

Вместе с тем нескончаемый серфинг по Сети череват не просто усталостью. Под воздействием перехода к быстрому экранному чтению и спроецированному на схватывание разрозненных фрагментов клиповому восприятию информации значительно деформируются когнитивные ценности понятийного мышления и смыслообразования. Меткое замечание, что чтение становится процессом «пропускания лишнего», отражает сложившиеся инет-практики. Для так называемых скитальцев сети или просмотрщиков контента характерен перескок с одной темы на другую, им сложно сконцентрировать внимание на объемных текстах, выявить значимую идею, причинно-следственную связь, объединять отрывочную информацию в единое целое. Их характеризует стремление найти готовые информационные ресурсы.

Тем не менее оценка виртуализации жизненного мира амбивалентна. Аргументы по поводу плюсов и минусов этого процесса многочисленны. Очевидно, что положительные эффекты связаны с ускорением всех транзакций, с «прерывом» рутинной монотонности повседневного бытия, увеличением многообразия контактов и связей, построением внутренних программ жизнедеятельности и конструированием моделей, отвечающих глубинным потребностям. В этом качестве виртуальные технологии приближают к распознаванию скрытых желаний индивида, способствуют воплощению попытки овладеть жизненной ситуацией, получить лучшие условия существования и выверить стратегии жизнедеятельности. Виртуализация социальной реальности предлагает развивающие ресурсы, ресурсы досуга и отдыха, дает возможность нового опыта межличностной коммуникации и реализации творческого потенциала. Представители концепции расширенного познания / мышления (the extended cognition / mind) уверены, что современные виртуальные технологии позволяют расширить возможности человеческого мозга. Так, согласно взглядам Э. Кларка, разум человека регулярно вовлекает в свое поле целый ряд устройств (ручка, записная книжка, телефон и др.) Логично предположить и дальнейшее включение новых технологий в процесс взаимодействия человека с миром. Человеческий разум с необходимостью будет дополняться технологическими достижениями, в связи с чем Э. Кларк предлагает термин «EBEs» («electronic brain enhancements»), т.е. «электронные расширения возможностей мозга» [21]. Совершенно очевидно, что масштабный объем компьютерной памяти и возможности интеллектуальных систем, во многом превосходящие естественные возможности человека, оцениваются как весомое преимущество.

С другой стороны, релятивизация образа мира, расколотость индивидуального Я, эффектно предъявляемые стратегии успеха, обремененные последующим разочарованием, а также различные формы зависимостей составляют негативные эффекты виртуализации. К негативам причисляется неоправданность

прогрессистских ожиданий, что именно процессы виртуализации, осуществляющие переход к доминированию символических форм и не привязанные непосредственно к материально-физической стороне существования, обеспечат воспроизводство социальности и расцвет подлинной человечности. Медики бьют тревогу, так как очевидными становятся уменьшение концентрации внимания, снижение способности к аналитической деятельности, ухудшение зрения. Воздействие виртуализованного мира токсично в силу того, что страдает человеческая телесность, которая оказывается выключенной из процессов виртуальных взаимодействий. Человек может общаться, писать, играть, читать, просматривать, т.е. заниматься тем или иным видом активности, не предполагающим непосредственного участия тела в виртуальном пространстве. Уже разобран на цитаты вывод Н. Журавского, гласящий, что физическое тело – это запрещенный эффект в интернете [22].

И хотя уже сейчас фиксируется своеобразная ностальгия по «настоящей реальности», все «рго & сонга» в оценках виртуализации жизненного мира фрактально отражены в «конкурентной борьбе» онлайн-взаимодействий и реальных взаимодействий. Фактом остается то, что цифровой мир стимулирует стремительное распространение паттернов поведения, ориентированных на сетевое взаимодействие. Они включают в себя онлайн-общение, онлайн-книжки, фильмы онлайн, онлайн-развлечения и игры, равно как и онлайн-образование вкупе с онлайн-медициной. В силу этого правомерен подход, моделирующий трансформацию жизненного мира с учетом тематизации того или иного конкретного типа воздействия сетевых структур на сознание человека. В частности, можно обратиться к анализу воздействия компьютерных игр, имея в виду, что и Гуссерль, как свидетельствуют исследователи, стремился «вывести из игры» все конкретные, обусловленные тем или иным временем данности жизненного мира [23. С. 177]. Э. Финк – ученик и последователь Э. Гуссерля, также рассматривал игру как способ понимания человеческого бытия, охватывающий всю человеческую жизнь [24]. В настоящее время обращенность к виртуальной игре в поисках спецификаций новых способов освоения мира правомерна еще и потому, что именно игра оценивается как «арифметика социальных отношений» [25]. Человек играющий – homo ludens – предстает внутренним измерением человека умелого – homo faber. Вместе с тем именно в игре дают о себе знать имитационные модели существования вне их утилитарного значения. Повседневное предстает как освобожденное от объективных обстоятельств, сопровождаясь сознанием «иноного бытия». Подражание, цепочка похожих действий, которым игра может придать характер инверсии (т.е. «начать все сначала»), случайные направления активности и динамика постоянного выбора проникают в основания виртуализованного жизненного мира. «Медиаиндустрия, как отмечают исследователи, задает потенциальные сценарии жизни, где все жизненные события переживаются как реально-нереальные игрища, задают стандарты поведения, иные технологии предъявления самого себя» [26. С. 9].

Сопоставляя жизненный мир в традиционном понимании и «жизненный мир» в интерпретации воздействия сетевых компьютерных игр на сознание индивида, необходимо иметь в виду следующее. Согласно выводам М.А. Антипова, традиционное понимание жизненного мира характеризует следующее: напряжение сознания, проявляющееся во внимании к жизни; отсутствие сомнения в реальности внешнего мира; «осмысленная спонтанность, основанная на проекте и характеризующая намерение вызвать желаемое положение дел посредством действий, вторгающихся во внешний мир»; особая форма испытывания Я; признание Я как элемента интерсубъективного мира коммуникации и социального действия; особая временная перспектива; «наличие уверенности в собственной смертности и сопоставление с этим своих жизненных проектов» [27. С. 69].

Однако перечисленные характеристики жизненного мира изменяются при вовлеченности в сетевые компьютерные игры. 1. Ослабляется внимание к жизни, поскольку сознание игрока захватывает виртуальный мир игры. 2. Реальность замещается виртуальным игровым миром. 3. Подвергается сомнению осмысленность действий геймера в игровой ситуации, поскольку осмысленность действий зависит от жанра игры. (Менее осмысленными являются действия в шутере, в то время как, например, в квесте или стратегии игроку приходится обдумывать совершаемые действия.) 4. Целостность Я может быть нарушена, поскольку человек начинает отождествлять себя с игровым персонажем, что может повлечь отчуждение как от самого себя, так и от социальных ролей в реальном мире. 5. Геймер оказывается в особом виртуальном пространстве коммуникации игроков, которое отличается особыми правилами и этикой. 6. Для геймера объективное и субъективное время дополняются еще одним типом временных отношений, а именно игровым временем, которое имеет такие свойства, как динамичность, событийная наполненность и наполняемость возможностями, сжатость. 7. Смертность игрового персонажа, с которым идентифицирует себя геймер, является относительной, потому что во всех играх имеется возможность сохранения игры и воскрешения героя. В итоге можно говорить о «переходе геймера от реального жизненного мира к игровому жизненному миру» [27. С. 70]. Этот переход может быть временным и ситуативным, существующим только в процессе игры, а может стать невозвратным, если игрок окажется настолько погруженным, втянутым в виртуальное игровое пространство и зависим от него, что произойдет переключение реального жизненного мира на виртуальный мир игры.

Таким образом, обобщая выявленные особенности виртуализации жизненного мира, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, виртуализация жизненного мира, сопровождаемая новыми социокодами и трансформацией системы связей и отношений, рождает амбивалентное к ней отношение. Ускорение всех транзакций, использование многообразных ресурсов, предлагаемых интернетом, расширение объема памяти приветствуются представителями цифровой эры. Однако расколотость индивидуального Я, неоправданность ожиданий, порожденных стратегиями виртуального успеха, рост различных форм зависимостей оцениваются как ее негативные эффекты. Во-вторых, онтологическая проекция виртуализации жизненного мира указывает на конструирование «иного бытия», нежели «обыденная жизнь» с весомыми темпоральными изменениями и новым видом цифрового отчуждения, свидетельствующим о замещении фактической реальности ее виртуальными аналогами. Участие масс-медиа, рекламы, шопинг-индустрии, новостных каналов и прочих, направленных на подчинение взаимосвязи фактов тем или иным манипулятивным целям, а также создание квазисобытий релятивизируют сам «порядок» реальности. В-третьих, антропологические трансформации, привнесенные процессом виртуализации жизненного мира, отличаются гибридным характером. Новая социальность Сети, сопровождаемая такими видами распределенного взаимодействия, как «краудсорсинг» и «ноосорсинг», а также такие типы субъектности, как «просмотрщики контента», «скитальцы сети», сосуществуют с реально действующими индивидами и физическими материальной организацией социума. Новый алгоритм виртуальной индивидуализации, обусловленный запросом на цифровые навыки, обеспечивающие существование в цифровом мире, не отменяет потребность глубинного развития понятийного мышления. В-четвертых, аксиологические трансформации свидетельствуют об изменении ценностных координат, оформлении новых критериев успеха, форм мотивации и норм существования в цифровом мире. Утверждается самодостаточность сетевой коммуникации, «ценностный» маркер «двойного обновления» дополняется ориентацией на положение в сетевой группе. Современные мобильные устройства не только берут на себя функции навигатора в жизненном мире, но еще и маркируют статусные отличия индивидов, косвенным образом свидетельствуя о социальном неравенстве. Виртуальная активность рушит привязанность к реальности. Однако доминирование символических форм, не связанных с реально-физической стороной существования, не в состоянии обеспечить воспроизводство социальности и расцвет подлинной человечности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Имеются в виду не только концептуальные исследования жизненного мира в контексте историко-философской традиции, в частности Э. Гуссерлем, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггера, Г. Гадамером, Ю. Хабермасом, А. Шюцем, П. Бергером и Н. Луманом, Ж. Бодрийаром, но также и выводы современных отечественных исследователей, в число которых входят И. Касавин, М. Антипов, М. А. Базаров, В. Бодрова, А. Войскунский, В. Волков, Е. Емченко, Т. Лешкевич, Д. Мартынов, О. Новикова, Ю. Резник, Ж. Тощенко, В. Федотова и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с.
2. Касавин И.Т. Мир науки и жизненный мир человека // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. V, № 3. С. 5–11.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Наука; Ювента, 1999. 602с
4. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 509 с.
5. Щюц А. Смысловая структура повседневного мира. М. : Изд-во Института Фонда «Общественное мнение», 2003. 390 с.
6. Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. Т. 2. С. 120–136.
7. Щюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34.
8. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2010. № 1. С. 3–14.
9. Лешкевич Т.Г., Корытко М.Е. Жизненный мир и теория коммуникативной рациональности // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. № 1. С.16–22
10. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. М. : Академический проект, 2011. 253 с.
11. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176.
12. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
13. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3. С. 10–37.
14. Журавлёва Е.Ю. Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 50–59. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2040&Itemid=52 (дата обращения: 21.11.2019).
15. Лешкевич Т.Г. Цифровые трансформации эпохи в проекции их воздействия на современного человека // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 103–109.
16. Ruppert E., Law J., Savage M. 'Reassembling Social Science Methods: The Challenge of Digital Devices', Theory, Culture & Society, Special Issue on The Social Life of Methods. 2013. № 30 (4). P. 22–46.
17. Войскунский А.Е. Распределенность содействия в информационном обществе // Государство и граждане в электронной среде. 2017. Вып. 1. С. 308–314.
18. Mehdizadeh S. Self-Presentation 2.0: Narcissism and Self-Esteem on Facebook // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2010. № 13 (4). P. 357–364. URL: <http://doi.org/10.1089/cyber.2009.0257>
19. Sullins J. Information Technology and Moral Values. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition) / E.N. Zalta (ed.). 2018. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/it-moral-values/>
20. Miller V. New Media, Networking and Phatic Culture. Convergence – The International Journal of Research into New Media Technologies. 2008. Vol. 14, № 4. P. 387–400.
21. Clark A. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. Oxford, England : Oxford University Press, 2004. 240 p.
22. Zurawski N. Virtual ethnicity. Studies on identity, Culture and the Internet. 2000. URL: <http://www.uni-muenster.de/PeaCon/zurawski/ve.html>
23. Мотрошилова Н.В. Учение о жизненном мире и «кризис европейского человечества» // История философии: Запад–Россия–Восток (кн. 3: Философия XIX–XX в.). М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. 448с.
24. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в Западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 357–403.
25. Эльконин Д.Б. Психология игры. М. : Книга по требованию, 2013. 228 с.
26. Новикова О.Н. Виртуализация жизненного мира человека в игровых практиках современности // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 12. С. 9–13.
27. Антипов М.А. Категория «жизненный мир» в интерпретации воздействия сетевых компьютерных игр на сознание индивида // Kultura, psychologie a člověk. Sociologie člověka. 2016. № 1. С. 68–71.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 сентября 2020 г.

Virtualization of the Lifeworld: To the Contours of a New Paradigm

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 69–76.

DOI: 10.17223/15617793/460/8

Tatiana G. Leshkevich, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Leshkevicht@mail.ru

Olga V. Kataeva, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: olgakataeva@sfdedu.ru

Keywords: lifeworld; virtualization of lifeworld; paradigm; value; game.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00298A.

The article discusses the changing of the lifeworld under the influence of virtualization, the dominant tendency of the modern digital era. The main aim is to analyze the transformations of the lifeworld in the virtualization of human being, which determines the formation of a new sociocultural paradigm. The authors solve a twofold problem. Firstly, the semantic connotations of the concept “lifeworld” are restored from the point of view of the historical and philosophical tradition. A significant place is given to the conceptual analysis of the positions of E. Husserl, M. Heidegger, A. Schütz, J. Habermas and others. Secondly, they reveal the ontological, anthropological and axiological refractions of the lifeworld due to its fusion with the virtual environment. The methodological strategy is based on the potential of multivariate analysis, which includes a quadriga that combines objectivity, processuality, projectivity and environmental characteristics. The specific features of a virtualized lifeworld are analyzed taking into account the findings of both modern Western researchers: J. Sullins, S. Mehdizadeh, V. Miller, A. Clark, and Russian ones: M. Antipov, A. Voiskunsky, V. Volkov, I. Kasavin, N. Motroshilova, D. Martyanov, N. Smirnova, Zh. Toshchenko, V. Fedotova et al. The focus is on such phenomena of the virtualized lifeworld as “content viewers”, “digital skills”, knowledge rental, “double update”. In describing the contours of the new paradigm, attention is drawn to the replacing of being with its virtual counterparts, creating quasi-events that accompany the constitution of a “different order” of reality. The authors substantiate an ambivalent assessment of the virtualization of the lifeworld, taking into account its positive and negative effects. An analysis of the transformations of the lifeworld in modern conditions is concretized by considering the impact of networked computer games on human consciousness, and shows a decrease in the meaningfulness of actions, the violation of identity and the illusion of the denial of mortality. The authors come to the conclusion that the virtualization of the lifeworld sets other sociocodes, transforming the entire system of connections and relations. Its ontological projection indicates the construction of a “different being” rather than an “everyday life” with

significant temporal changes and a new kind of digital alienation. Anthropological transformations are caused by the emergence of a new form of sociality – the sociality of the network, a request to improve digital skills that ensure existence in the digital world. A digital person is associated with the need for a “double upgrade” and can position a completely different identity. Axiological transformations testify to the deformation of conceptual thinking, to the design of new criteria for success and forms of motivation, to the self-sufficiency of network communication.

REFERENCES

- Husserl, E. (2005) Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. In: *Izbrannye raboty* [Selected works]. Translated from German. Moscow: Izdatel'skiy dom “Territoriya budushchego”.
- Kasavin, I.T. (2005) Mir nauki i zhiznenny mir cheloveka [The world of science and the human lifeworld]. *Epistemologiya & filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. V (3). pp. 5–11.
- Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Translated from English. St. Petersburg: Nauka; Yuventa.
- Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and time]. Translated from German. Kharkiv: Folio.
- Schütz, A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira* [The Semantic Structure of the Life-World]. Translated from English by G.S. Batygin. Moscow: Izd-vo Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”.
- Schütz, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniya [The structure of everyday thinking]. Translated from German. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 120–136.
- Schütz, A. (2003) O mnozhestvennosti real'nostey [On multiple realities]. Translated from English. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 3 (2). pp. 3–34.
- Habermas, J. (2010) From the Pictures of the World to Life World (Von Den Weltbildern Zur Lebenswelt). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya – Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 1. pp. 3–14. (In Russian).
- Leshkevich, T.G. & Koryt'ko, M.E. (2013) Life World and Theory of Communicative Rationality. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of the Caucasus*. 1. pp. 16–22. (In Russian).
- Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Translated from German. Vol. I. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Husserl, E. (1992) Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Introduction to phenomenological philosophy]. Translated from German. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 7. pp. 136–176.
- Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The reality of the mass media]. Moscow: Praksis.
- Baudrillard, J. (1994) Voyny v zalive ne bylo [The Gulf War Did Not Take Place]. Translated from German. *Khudozhestvennyy zhurnal*. 3. pp. 10–37.
- Zhuravleva, E.Yu. (2018) “Calls Technologies ‘Big Data’ for the Modern Social Sciences and Humanities”. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 9. pp. 50–59. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2040&Itemid=52. (Accessed: 21.11.2019). (In Russian). DOI: 10.31857/S004287440001353-3
- Leshkevich, T.G. (2019) Digital Transformation of the Era in the Projection of Their Impact on the Modern Man. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 439. pp. 103–109. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/439/12
- Ruppert, E., Law, J. & Savage, M. (2013) ‘Reassembling Social Science Methods: The Challenge of Digital Devices’. *Theory, Culture & Society, Special Issue on The Social Life of Methods*. 30 (4). pp. 22–46.
- Voyskunskiy, A.E. (2017) Allocation of assistance in information society. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede – State and Citizens in the Electronic Environment*. 1. pp. 308–314. (In Russian).
- Mehdizadeh, S. (2010) Self-Presentation 2.0: Narcissism and Self-Esteem on Facebook. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 13 (4). pp. 357–364. DOI: 10.1089/cyber.2009.0257
- Sullins, J. (2018) Information Technology and Moral Values. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Winter 2018 Edition. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/it-moral-values/>.
- Miller, V. (2008) New Media, Networking and Phatic Culture. *Convergence – The International Journal of Research into New Media Technologies*. 14 (4). pp. 387–400.
- Clark, A. (2004) *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. Oxford, England: Oxford University Press.
- Zurawski, N. (2000) *Virtual ethnicity. Studies on identity, Culture and the Internet*. [Online] Available from: <http://www.uni-muenster.de/PeaCon/zurawski/ve.html>.
- Motroshilova, N.V. (1998) Uchenie o zhiznennom mire i “krizis evropeyskogo chelovechestva” [The doctrine of the lifeworld and the “crisis of European humanity”]. In: Motroshilova, N.V. & Rutkevich, A.M. (eds) *Istoriya filosofii: Zapad–Rossiya–Vostok* [History of philosophy: West – Russia – East]. Book 3. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina.
- Fink, E. (1988) Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya [The basic phenomena of human existence]. Translated from English. In: Popov, Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v Zapadnoy filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow: Progress. pp. 357–403.
- El'konin, D.B. (2013) *Psikhologiya igry* [The psychology of play]. Moscow: Kniga po trebovaniyu.
- Novikova, O.N. (2016) Virtualization of the Person's Lifeworld in the Gaming Practices of Modernity. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 12. pp. 9–13. (In Russian).
- Antipov, M.A. (2016) Kategoriya “zhiznenny mir” v interpretatsii vozdeystviya setevykh komp'yuternykh igr na soznanie individa [The category “lifeworld” in the interpretation of networked computer games' impact on the consciousness of an individual]. *Kultura, psichologie a člověk. Sociologie člověka*. 1. pp. 68–71. (In Russian).

Received: 03 September 2020

Е.В. Масланов, А.М. Фейгельман

НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ИНТЕРФЕЙС КАК МЕХАНИЗМ ПРОИЗВОДСТВА НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00187.

Коммуникационные платформы – важный элемент современной системы коммуникации в интернете. Они рассматриваются авторами как информационно-коммуникационные гибриды, формирующиеся на основе пересечения технических, социальных и когнитивных практик. Пространство коммуникации в них формирует интерфейс. Сделан вывод, что именно интерфейс конструирует коллективное неявное знание, активно используемое в коммуникации участниками интернет-коммуникации.

Ключевые слова: интернет; интернет-коммуникация; социальные сети; интерфейс; неявное знание.

Введение

Развитие современных средств коммуникации, формирование новых способов взаимодействия между людьми ставит вопросы о возможности использования различных типов знания при активном взаимодействии с новыми информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ). Подобное взаимодействие предполагает освоение определенного набора инструментов и практик. Обычно подразумевается, что указанные инструменты и практики базируются на знаниях, которые могут быть представлены в явном виде. Однако это относится лишь к способам взаимодействия с «машиной», которая позволяет получить доступ к новым ИКТ, например коммуникационным платформам. При этом взаимодействие в пространстве подобных платформ обладает спецификой, которая может быть связана с использованием неявного знания. Для выявления этой специфики предпринято несколько шагов. Сначала рассмотрено функционирование коммуникационной платформы как «гибрида», формирующего пространство коммуникации пользователей. После этого показаны специфика интерфейсов в подобных пространствах и их отличие от инструментов. На конкретных примерах выявлена специфика функционирования интерфейсов различных коммуникационных платформ и формируемых ими специфических жизненных миров пользователей. Анализ этого материала даст возможность показать, что интерфейсы имеют отношение к формированию неявного знания пользователей. В результате будет показано, что он выступает условием производства «коллективного неявного знания» в пространствах коммуникационных площадок в сети Интернет.

Коммуникационные платформы в интернете как «гибриды»

Развитие современных технологий связано с внедрением в повседневную жизнь новых ИКТ, создающих различные пространства коммуникации. «Медиа есть сообщение», – справедливо отмечал М. Маклюэн [1. С. 9], но в случае ИКТ оно есть не только сообщение, но и «машина», существующая в форме «гибрида» [2, 3], включающего различные технологические

и социальные элементы, соединяющие в себе техническое и человеческое. В этом случае гибрид – это «ассоциация множества материальных и нематериальных элементов, приобретающий свои свойства не в силу изначальной целостности, а благодаря индивидуальности каждого ингредиента и их специфических отношений, конфигураций» [4. С. 31]. Специфика ИКТ-«гибридов» состоит в том, что они не просто соединяют в себе набор очень различных элементов, но и участвуют в своем производстве и поддержке себя в актуальном состоянии. Типичным примером такого ИКТ-«гибрида» является коммуникационная платформа в интернете, позволяющая различным людям взаимодействовать друг с другом. Она включает в себя действия множества акторов, существующих в различных регистрах: действия программистов и различных участников коммуникационной платформы; строчки программного кода; множество серверов; коммуникационные устройства отдельных пользователей; провода и электромагнитные волны, дающие возможность передавать сигнал; контент, существующий на платформе [5, 6]. Платформа существует и как специфическое пространство действий пользователей, и как пространство регулирования этих действий. Она не только метафорически может быть описана как дискурсивное пространство производства смысла, но и вполне реально оказывается «гибридом», организующим деятельность и создающим пространство коммуникации своих участников.

Пространство коммуникации в ИКТ-«гибриде»

В ИКТ-«гибриде» пространство коммуникации всегда существует как определенная технологически сформированная данность. Пользователи, оказавшиеся в этом пространстве, неизбежно ограничены специфическими характеристиками платформы, которые определяют их действия. Однако эти ограничения формируют лишь внешние характеристики пространства ИКТ-«гибрида». Подобно физическим законам или особенностям рельефа, они создают «сцену», на которой происходит взаимодействие между различными акторами коммуникации, и формируют определенные механизмы взаимодействия. Пространство ИКТ-«гибридов» требует от пользователей не только

нахождения в нем, оно должно быть им «обжито» и обустроено его действиями. Без этих действий подобные пространства оказываются безжизненными мирами, в которых, казалось бы, созданы условия для активного взаимодействия, но само взаимодействие так и не было запущено.

Наличие интерфейса – важная особенность пространства ИКТ-«гибридов». Флориан Крамер и Мэтью Фуллер выделяют пять значений понятия «интерфейс». Для нас актуально понимание интерфейса как символических маркеров, которые в сочетании с оборудованием, соединяющим пользователя и машину, «делает программное обеспечение доступным для пользователя» [7. Р. 149], т.е. как пользовательского интерфейса. Он может включать в себя множество текстовых, аудиовизуальных и иных компонентов. В результате развития подобных интерфейсов «сетевые и программные художники продемонстрировали, как аудиовизуальные языки компьютерного управления (пользовательские интерфейсы) могут быть площадкой для субъективных, иронических и эпистемологических сбоев, экспериментов и критики» [7. Р. 152]. В итоге интерфейс может быть уподоблен инструментам, которыми пользуются различные группы людей. Он является «подручным» средством [8], которое может быть использовано в деятельности. В том случае, если оно работает правильно и понятно, мы принимаем его как должное, но как только что-то вызывает наше непонимание и раздражение, мы замечаем инаковость подобного средства. Могло бы показаться, что интерфейсы (пользовательские интерфейсы) в ИКТ-гибридах, а в особенности в рамках работы коммуникационных площадок, оказываются просто инструментами или средствами для взаимодействия с другими инструментами.

Интерфейс vs инструмент

Описание интерфейса как «подручного» средства, которое может оказаться исключенным из привычного функционирования, показывает нам важное отличие интерфейса ИКТ-«гибрида» от материальных средств, с которыми мы обычно взаимодействуем в повседневном существовании в мире оффлайна. Как показал М. Хайдеггер, их специфика заключается в том, что они оказываются связанными с огромным набором других средств, реализуемых нами практик и с культурой в целом. «Одного средства, – пишет философ, – строго говоря, не “бывает”. К бытию средства всегда принадлежит целое средств, где оно может быть этим средством, какое оно есть» [8. С. 68]. В чем-то они определяют наши практики, в чем-то наши практики определяют их. Однако они всегда встроены в структуру мира. Находясь в его структуре, в большинстве случаев они не могут кардинально изменить его. Лишь в том случае, когда средства превращаются в «техническое», они могут раскрывать потаенность мира, что приводит к изменению мира, в котором существует человек [9]. В результате оказывается, что средства, различные инструменты, хотя обычно и являются техническими приспособлениями, но все же не есть «технические» в хайдеггеровском смысле.

При этом «техническое» всегда, с одной стороны, основывается на средствах, а с другой стороны, связано с уже существующим. Техническое раскрывает потаенность того, что уже есть.

Основываясь на подобной аналитике, можно утверждать, что интерфейс ИКТ-«гибридов», с одной стороны, не совсем средство, а с другой – как бы парадоксально это ни звучало, не несет в себе «технического». Он не раскрывает никакой потаенности. Он оказывается самой структурой мира, которая дана пользователю. Именно интерфейс создает для пользователя возможность действовать в рамках ИКТ-«гибрида» и позволяет ему реализовывать различные поведенческие и исследовательские стратегии. В результате сам мир пользователя во многом конструируется благодаря интерфейсу. Лишь через него он может вступить во взаимодействие с «окружающей действительностью» ИКТ-«гибрида» или другими пользователями, формировать и преобразовывать коммуникационное пространство. В отсутствие интерфейса пользователь не обладает доступом к цифровому миру, для него он может существовать лишь как отдельная картинка или просто набор символов, но это не мир, в котором он может проявить свою субъектность.

Пользователь, ориентируясь на возможности интерфейса, создает различные подходы к самостоятельному формированию нового коммуникационного пространства. Однако интерфейс в этом случае выступает не только как помощник, но и как преграда, которая не позволяет ему совершить любые преобразования. Он не только позволяет пользователю определенным образом взаимодействовать с миром ИКТ-«гибрида», но и формирует его привычки и способы поведения в цифровом мире. Поэтому интерфейс становится изначально заданной структурой «мира», в котором он должен посредством себя же как набора «подручных» средств формировать у пользователя специфический набор поведенческих реакций, позволяющих ему адекватно действовать в рамках мира ИКТ-«гибридов». Интерфейс есть структура цифрового мира, дающая возможность создавать «подручные» средства. В этом случае интерфейс выступает структурой, которая позволяет формировать «жизненный мир» пользователя и вырабатывает его поведенческие привычки. Рассмотрим в рамках case-study примеры того, как различный интерфейс позволяет формировать стратегии поведения пользователей, а вместе с ними и различные «жизненные миры».

Case-study: интерфейс коммуникационных платформ как механизм формирования жизненного мира пользователя

В социальных сетях на январь 2019 г. насчитывалось 3,48 млрд пользователей. Из них 3,26 млрд заходят туда с мобильных устройств. В среднем пользователи проводят в соцсетях чуть больше двух часов [10]. Это означает, что социальные сети прочно пронизывают жизненный мир современного человека в самых глубинных его основаниях. Смартфон всегда в кармане, на столе, под подушкой: несколько движе-

ний пальцами – и перед субъектом открываются коммуникативные горизонты, почти неслыханные для человека досетевой эры.

Все социальные сети предоставляют своим пользователям возможности завести собственный профиль, обмениваться сообщениями, а также различным фото-, видео и аудиоконтентом. Часто на этом базовом принципе сходство и заканчивается. Многообразие социальных сетей, их популярность у различных аудиторий демонстрируют тот факт, что все они по-разному выполняют функции, которые на социальные сети возлагает пользователь. Для дальнейшего анализа следует эти функции выделить:

1. Коммуникативная – благодаря социальным сетям индивиды получают больше возможностей для общения, знакомства и обмена информацией с другими людьми.

2. Рекреативная – контент социальных сетей содержит игры, видео, фотографии, музыку и другие материалы, которые позволяют индивиду скрасить досуг, отвлечься от работы или проблем и т.д. Кроме того, сама коммуникация в рамках соцсетей, чтение заметок друзей об их повседневной жизни, может служить в качестве развлечения.

3. Саморепрезентация – социальные сети фактически позволяют создавать отдельную от человека идентичность, отражающую его (часто идеализированное) представление о самом себе. Отсюда особое значение, которое играют соцсети в жизни подростков, сталкивающихся с кризисом идентичности в период взросления. Интернет-пространство позволяет им конструировать и осознавать самих себя, отвечать на вопрос «кто я?» и с «кем я?» [11. Р. 26], заводить дружеские связи, участвовать в жизни субкультур и т.д. Также соцсети предоставляют пользователю площадку для репрезентации своей творческой индивидуальности. Художники, фотографы, писатели, поэты самых разных статуса и уровня профессионализации выкладывают в соцсети свои произведения, рассчитывая на реакцию публики – хотя бы в виде лайков и перепостов.

4. Интегративная – социальные сети формируют или дополнительно скрепляют сообщества, объединенные по какому-либо признаку: субкультурному, национальному, религиозному, политическому и т.д.

5. Гносеологическая – социальные сети являются важным (а для некоторых пользователей едва ли не единственным) источником информации о мире. Данная функция не ограничивается новостной повесткой дня. Соцсети полны и образовательного контента, который они репрезентируют нередко удачнее, чем специализированные порталы, учебники, базы данных и т.д.

Удивительно, но самая популярная социальная сеть Facebook может более-менее полностью выполнять лишь часть из этих функций. Интерфейс соцсети идеально подходит для группового обсуждения любых вопросов – от выборов президента до особенностей приготовления того или иного блюда. Удобство этого достигается за счет введенной в 2013 г. системы «ветвей» комментариев, когда каждый комментарий позволяет развернуть под ним отдельную беседу

между пользователями. Благодаря этому общение под постами пользователей становится более рациональным, нюансированным и менее хаотичным. Высказать свое отношение к той или иной реплике возможно и с помощью эмодзи, что упрощает коммуникацию, делает ее еще более интуитивной – хотя и лишает ее важных нюансов, которые может выразить только письменное сообщение.

Удобный интерфейс группового общения сочетается в Facebook с тяжеловесностью интерфейса личных сообщений. Не помогло даже вынесение мессенджера соцсети в отдельное приложение – пользователи предпочитают пользоваться альтернативными программами вроде WhatsApp, Viber и т.д. Разумеется, Facebook Messenger обгоняет многих своих конкурентов, но лишь потому, что идет в связке с сверхпопулярным детищем Марка Цукерберга. Отсюда следует простой вывод: чем тяжеловесней интерфейс, тем чаще человеку приходится дистанцироваться от него, тем чаще он превращается в «сломанное» средство, выбивающееся из интуитивно понятных структур жизненного мира. Такая дистанция, однако, не столько толкает субъекта на изменение окружающей реальности, сколько заставляет его искать более легкие и совершенные способы взаимодействия в интернет-пространстве.

Интерфейс самой популярной российской социальной сети – VK (вконтакте), напротив, способствует личному общению – как дружескому, так и деловому. Пользователь легко может приложить к сообщению почти любой контент – аудио, видео, фото, текстовый документ, а потом найти его в случае необходимости. Эта функция по-новому раскрывается в рамках постов на странице пользователя VK или в сообществах, которые ведут участники соцсети. Пользователь может создавать посты, сочетающие в себе самые разные материалы – аудио, видео, фото, текст. Отсюда – настоящий расцвет в VK различных просветительских сообществ по той или иной тематике.

Сообщества, посвященные живописи, активно выкладывают «альбомы» с десятками и сотнями репродукций. Музыкальные «паблики» делятся треками – часто редкими и труднодоступными. Исторические сообщества делятся книгами по определенным проблемам или историческим периодам. Чаще всего, вне зависимости от тематической направленности сообществ, их посты включает в себя несколько разных типов контента – например, текст и музыку, текст аннотации с прикрепленным к нему файлом книги и т.д. За счет интуитивно доступного интерфейса загрузка и репрезентация подобного материала могут быть доступны почти любому более-менее владеющему компьютерной грамотностью человеку. То же самое касается и адресата подобных сообщений, который может просто пролистать ленту новостей дальше или, наоборот, заинтересоваться и увеличить иллюстрацию, начать слушать музыку, скачать и открыть книгу или просто внести понравившийся пост в закладки. И все это с помощью нескольких движений пальцами.

Интуитивным образом построено взаимодействие и производство контента и в социальной сети

Instagram, которая почти на равных соперничает с Facebook за внимание пользователей. Популярность этой социальной сети базируется на примате визуальной информации, характерной в целом для современной культуры. Instagram прекрасно вписывается в структуры современного капитализма, где реклама и маркетинг во многом базируются на визуальных образах. Сверхбыстрые темпы современной жизни все меньше способствуют чтению длинных текстов и все больше акцентируют внимание на яркой, «цепляющей» картинке. Современная массовая культура, во многом вышедшая из кино и фотографии, зиждется на визуальном контенте. Визуальный контент рассчитан на более молодую аудиторию, которая ревниво следит за трендами и готова тратить деньги, чтобы им соответствовать. Поэтому именно Instagram становится сегодня главной площадкой для всех, кто претендует на статус селебрити, определяющей или как минимум транслирующей актуальные тренды, ценности, поведенческие и потребительские стратегии. Господство фото- и видеоконтента в новых медиа заставляет современных исследователей говорить о развитии «визуальных сетей» (visual networking) [12. Р. 12]. Визуальный контент, однако, был бы невозможен без интерфейса, чья визуализация стремится к максимальной эргономичности и интуитивности понимания. Такой интерфейс позволяет коммуникационной платформе безболезненно встроиться и в модные тенденции, и в жизненный мир индивида.

Потребность визуально ухватить мгновение, быть в тренде «здесь и сейчас» отражает жанр сториз, доступный во многих социальных сетях, но наибольшее значение имеющий как раз в Instagram. Сториз – это фото или видео, которое может быть отредактировано пользователем и выложено в социальной сети. Специфика сториз в том, что через сутки она исчезает из общего доступа. В отличие от обычных фото и видео, «навсегда» остающихся в профиле пользователя, сториз – жанр более легкий, удобный для схватывания мимолетного настроения, фиксации случайных наблюдений за окружающим миром и в этом смысле менее ответственный, расширяющий простор для творчества. Просмотр сториз позволяет подключиться к жизненному миру другого человека (коммуникация) и продемонстрировать свой (саморепрезентация) – с целью получения внимания, одобрения в виде ответных реакций, просмотров и т.д. Сториз идеально подходит для репрезентации стиля жизни (lifestyle), через который субъект формирует свой образ в собственных глазах и в глазах окружающих. Легкомысленность подобного «сетевое» конструирования обманчива – часто она скрывает за собой экзистенциальный проект в подлинно сартрианском смысле [13. Р. 99].

Создание собственного образа с помощью сторис облегчается встроенной функцией редактирования фото- и видеоконтента. Редактор максимально упрощен, но в то же время предоставляет достаточно средств, чтобы почувствовать себя начинающим журналистом, фотографом или даже медиахудожником. Такой эффект достигается за счет интуитивного понимания интерфейса со стороны пользователя, который почти сразу начинает чувствовать себя в нем как

рыба в воде. И это касается не только Instagram, но и любой другой социальной сети, которая пытается сделать фильтры между «виртуальным» и «реальным» максимально прозрачным, формируя гибридное пространство, с легкостью захватывающее жизненный мир современного человека.

Интерфейс различных социальных сетей формирует специфические жизненные миры пользователей, в которых он выступает регулятивным элементом, позволяющим реализовывать различные стратегии поведения. Одновременно благодаря интерфейсу незаметно формируются особые навыки и привычки пользователей, без которых осуществление этих стратегий было бы невозможно.

Виды неявного знания

Анализ кейсов показывает, что одно из важнейших условий успешности создания мира ИКТ-«гибридов» – формирование у пользователей привычек и навыков взаимодействия с интерфейсом. В этом случае особую актуальность приобретает создание условий для развития у них интуитивного понимания возможностей, которые они могут использовать в рамках коммуникационной платформы, формирование специфического набора знаний. Идея интерфейса как инструмента позволяет нам обратиться к концепции неявного знания, разработанной М. Полани [14]. Он исходит из того, что все наши знания могут быть разделены на две группы. К первым относятся те, которые представлены в явном виде. Это знание, которое может быть передано другим с помощью набора определенных символов. Для его освоения необходимо лишь следовать инструкциям и совершенно не обязательно непосредственно получать его в процессе совместной работы с другими людьми. Оно может быть описано на основе алгоритма. Ко второму типу относится неявное знание, которое нельзя передать при помощи набора определенных символов и алгоритмов. Оно может быть усвоено только в процессе непосредственной деятельности и обучения, «учиться на примере» [14. С. 87]. При ответе на вопрос, «используется ли в процессе взаимодействия с интерфейсом неявное знание», ответ кажется очевидным. Использование интерфейса связано с использованием алгоритмов. Каждый из пользователей мог бы прочитать «руководство пользователя» и опираться на знания, полученные в нем для осуществления своих коммуникативных целей. Поэтому взаимодействие с интерфейсом связано не с неявным знанием, а со знанием, которое может быть представлено в явном виде. Однако вопрос может быть немного сложнее.

Г. Коллинз в своей работе «Неявное и явное знание» [15] выделяет несколько уровней неявного знания. Первое – это «относительное» неявное знание. К нему относится такое знание, которым обладают отдельные люди и, в принципе, они могли бы о нем рассказать в явной форме, но в целом его проще освоить на практике, чем на основе рассказа. К нему может относиться, например, знание о том, где лежат какие-то вещи или специфические секреты мастерства при изготовлении различных предметов. В этом случае

«неявное знание» можно было бы алгоритмизировать. Это потребовало бы затраты огромного количества временных ресурсов и четкой фиксации огромного числа параметров, которые зачастую далеко не очевидны, но принципиально эта задача, по мнению Коллинза, решаема. Второй тип – «соматическое (somatic) неявное знание». Это знание, которое мы получаем в процессе освоения различных навыков управления как своим телом, так и принятием решений на основе подобных навыков. Обучение езде и езда на велосипеде – типичный пример этого типа неявного знания [12. Р. 99]. Лишь в процессе обучения мы можем научиться езде на велосипеде, никакое описание того, каким образом необходимо сохранять баланс и не упасть, не поможет. Однако и это знание может быть представлено в форме алгоритма, который позволит создавать роботов, способных передвигаться на велосипеде и при этом сохранять баланс. В этом случае тот факт, что мы усваиваем какое-то знание лишь в процессе обучения, вовсе не гарантирует, что мы не можем его представить в форме набора алгоритмов, на основании которых другие это знание усвоят и реализуют в своей деятельности. Обычно под неявным знанием понимают именно эти две его формы, которые, в принципе, могут быть представлены в явном виде.

Г. Коллинз выделяет еще одну форму неявного знания – «коллективное неявное знание» (collective tacit knowledge). Именно оно является специфической человеческой способностью, которая отличает человека от других форм жизни, ведь люди «обладают уникальной способностью воспринимать правила окружающего общества – правила, которые меняются от места к месту, от обстоятельств к обстоятельствам и от времени к времени» [15. Р. 124]. В этом случае неявное знание, по мнению исследователя, заключено в языке и культурных правилах, которые мы можем усваивать в процессе своей деятельности. Для Коллинза «принципиальная особенность языка состоит в том, что он одновременно является социальным институтом», отмечает О.Е. Столярова, и «социальной практикой или просто практикой, потому что и практика, и словоупотребление всегда социальны, а социум представляет собой практики словоупотребления» [16. С. 45]. Именно этот тип неявного знания позволяет нам взаимодействовать с другими людьми, которые усваивают подобный же набор языковых и культурных правил.

Казалось бы, что все эти правила могут быть описаны в явном виде, подобная задача, к примеру, ставится перед исследованиями антропологов. Однако «коллективное» неявное знание обладает двумя важными особенностями. (1) С одной стороны, сама необходимость антропологического исследования предполагает, что в определенном социуме существует набор правил, которые в явном виде в этом обществе не артикулированы, но которым следуют члены этого общества. Изначально для членов данного общества антропологи – «злоумышленники», «не люди, призраки, невидимки» [17. Р. 412]. Для описания этих знаний необходимо освоить как язык общности, так и способы поведения, лишь после этого антрополог

сможет попытаться «интерпретировать» правила и каким-либо образом их описать. Но это описание ему приходится делать не на языке изучаемой общности, а на языке другой (своей) общности, что, с одной стороны, ведет к искажениям, а с другой стороны, не даст применить описываемые правила на практике. В этом случае алгоритмизированное описание правил оказывается неточным, и не позволяет нам их применять, что отличается от ситуации при описании «относительного» и «соматического» неявного знания. Применяться они могут только в процессе непосредственной деятельности. (2) С другой стороны, эти правила позволяют формировать новые правила, которые отличаются от предшествующих. Именно поэтому существующие в обществе правила могут меняться не только от территории к территории, но и от времени ко времени. Они включают в себя механизмы порождения и трансформации используемых правил и общественной жизни. Типичным примером подобной трансформации выступает процесс изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада [18].

Аргументы (1) и (2) позволяют говорить о том, что важной особенностью «неявного коллективного знания» становятся его социальная природа и возможность его формирования и применения в процессе различных социальных взаимодействий. К примеру, поведение водителей, едущих в плотном потоке автомобилей, регулируется правилами дорожного движения, но само их применение требует от водителей постоянного изобретения на данном участке дороги коллективно принимаемых способов поведения, которые позволяют не попасть в аварию. В этом случае они опираются на правила дорожного движения, существующие в данном обществе и языковые конвенции и принятые в данном обществе правила порождения правил. Если один из участников знаком с правилами дорожного движения, но не знаком с правилами порождения правил, он может создавать опасность для других участников дорожного движения.

Интерфейс как механизм производства «коллективного неявного знания»

Данная классификация неявного знания позволяет по-новому посмотреть на ИКТ-«гибриды», в особенности связанные с осуществлением коммуникационных процессов. «Относительное» неявное знание всегда присутствует в ИКТ-«гибридах» в явном виде. Ведь действия в нем требуют осуществления определенного набора алгоритмов. Даже если для пользователей они являются интуитивно понятными, они все равно могут быть описаны в явном виде в различных источниках. «Соматическое» неявное знание пока в них вообще не представлено, ведь человек не имеет специфического опыта телесного нахождения в подобных пространствах. Хотя, конечно же, в рамках разработки различных пространств «виртуальной реальности» можно представить существование набора «вселенных», в которых пользователь сможет получить «соматическое» неявное знание, возможно, отличающееся от получаемого за пределами «виртуаль-

ной реальности». Однако даже в столь экзотичных случаях «соматическое неявное знание» будет опираться на набор существующих алгоритмов, прописанных программистами в программном коде.

Проведенный в разделе case-studies анализ интерфейсов различных социальных платформ показал, что каждый из них формирует специфическую среду общения, свой мир. При этом интерфейс оказывается структурой, которая (а) является набором специфических знаковых маркеров, алгоритмов и устройств, (б) позволяющих пользователям определенным образом удовлетворять свои потребности. Однако в рамках формирования коммуникационных ИКТ-«гибридов» интерфейс, к помощи которого всегда прибегали вполне конкретные пользователи, оказывается механизмом формирования их коллективного опыта взаимодействия в данном пространстве. В каждом случае это позволяет формировать специфические правила коммуникации, а сам он выступает механизмом, при помощи которого эти правила создаются и изменяются. В этом случае интерфейс, который сам является в явном виде описанным алгоритмом, позволяет производить не только структуры мира, но и набор реализуемых пользователями практик. Благодаря ему можно также создавать правила порождения практик, которые самим интерфейсом предусмотрены не были, ведь создаваемые правила опираются на используемые различными участниками платформ коммуникативные стратегии. Описание же практик формирования коммуникативных стратегий требует нового языка, отличного от языка описания интерфейса. В итоге интерфейс может быть представлен как «машина» по производству «коллективного неявного знания», поз-

воляющего трансформировать опыт участников коммуникативных платформ. Удобный для производства «коллективного неявного знания» интерфейс помогает развиваться коммуникационной платформе и создавать новые значения и ценности, тогда как плохо воспринимаемый интерфейс может вести к ее исчезновению.

Заключение

В результате можно констатировать, что неявное знание оказывается одним из важнейших элементов коммуникации в пространстве ИКТ-гибридов. Оно связано с использованием интерфейса, который позволяет формироваться специфическим областям опыта пользователей. Интерфейс становится структурой, которая не только обеспечивает участие в работе коммуникационных платформ, но и формирует вокруг них особый «жизненный мир». При этом интерфейс позволяет создавать механизмы трансформации опыта пользователей и дает им возможность самостоятельно формировать правила поведения и решения задач, которые формируются в процессе их коммуникационного взаимодействия, т.е. создавать специфические условия для производства «коллективного неявного знания». В результате именно интерфейс определяет, каким образом может быть сконструировано пространство ИКТ-«гибрида» и вырабатывает своеобразный механизм формирования договоренностей о возможных способах изменения правил поведения на платформе и конструирования подходов к ее развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешнее расширение человека / пер. с англ. В. Николаева. М. : Кучково поле, 2011. 464 с.
2. Latour B. We Have Never Been Modern. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993. 157 p.
3. Law J. After Method. Mess in Social Science Research. London and New York : Routledge, 2004. 200 p.
4. Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей. Сборник статей под редакцией В. Вахштайна. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 7–39
5. Tiwana A., Konsynski B., Bush A.B. Research Commentary – Platform Evolution: Coevolution of Platform Architecture, Governance, and Environmental Dynamics // Information Systems Research. 2010. Vol. 21, № 4. P. 675–687.
6. Baldwin C.Y., Woodard C.J. The architecture of platforms: a unified view // Gawer A. (ed.) Platforms, Markets and Innovation. Cheltenham, UK • Northampton, MA, USA : Edward Elgar, 2009. P. 19–45
7. Cramer F., Fuller M. Interface // Fuller M. (ed.) Software Studies. A Lexicon. Cambridge, MS : The MIT Press, 2006. P. 149–153.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Бибихина. СПб. : Наука, 2002. 451 с.
9. Хайдеггер М. Вопрос о технике / пер. В.В. Бибихина // Время и бытие. Статьи и выступления. СПб. : Наука, 2007. С. 306–330.
10. Chaffey D. Global social media research summary. URL: <https://www.smartinsights.com/social-media-marketing/social-media-strategy/new-global-social-media-research/> (дата обращения: 19.10.2019)
11. Weber S. Imaging, Keyboarding, and Posting Identities: Young People and New Media Technologies // Buckingham D. (ed) Youth, Identity, and Digital Media. Cambridge, MA : The MIT Press, 2008. P. 25–48.
12. Cinque T. Changing Media Landscapes. Australia : Oxford University Press, 2015. 288 p.
13. Qi J., Monod E., Fang B., Deng S. Theories of Social Media: Philosophical Foundations // Engineering. 2018. Vol. 4. P. 94–102.
14. Полани М. Личностное знание. На пути к подкритической философии / пер. с англ., общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. М. : Прогресс, 1985. 344 с.
15. Collins H. Tacit and Explicit Knowledge. Chicago; London : The University of Chicago Press, 2007. 200 p.
16. Столярова О.Е. Третья волна исследований науки как философское обоснование STS // Логос. 2018. Т. 28, № 5. С. 29–52.
17. Geertz C. Deep Play: Notes on the Balinese Cockfight // The Interpretation of Cultures. Selected essays by Clifford Geertz New York : Basic Books, 1973. P. 412–453.
18. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетическое и психогенетическое исследование. Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / пер. А.М. Руткевич. М.; СПб. : Университетская книга, 2001. 332 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 13 июля 2020 г.

Tacit Knowledge in Internet Communication: Interface as a Machine for Tacit Knowledge Production
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 77–83.
DOI: 10.17223/15617793/460/9

Evgeniy V. Maslanov, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: evgenmas@rambler.ru

Artem M. Feigelman, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: artf1986@gmail.com

Keywords: Internet; Internet communication; social networks; interface; tacit knowledge.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-311-00187.

The article aims to analyze the use of tacit knowledge in Internet communication. The authors note that the use of new information and communication technologies and communication platforms plays a special role in modern Internet communication. To identify the specifics of the formation of Internet communication, the authors consider communication platforms as “hybrids”, which include actions of many actors existing in different registers: actions of programmers and various participants in the communication platform; lines of program code; many servers; communication devices of individual users; wires and electromagnetic waves, making it possible to transmit a signal; content that exists at the platform. On this basis, the authors infer that platform users participating in communication are always limited by the mechanisms of its functioning. The analysis of the functioning of interfaces, carried out on the basis of the concept of instrumentality by M. Heidegger, made it possible to conclude that interfaces act not only as tools. They become structures that allow the formation of the users’ “lifeworld”, as well as their behavioral habits. This conclusion was confirmed by a study of the functioning of such communication platforms as Facebook, VK, Instagram. A case study showed that the most important condition for the successful creation of ICT “hybrids” is the formation of user habits and skills of interaction with the interface. As a result of the analysis, the authors infer that the use of tacit knowledge plays a special role in this process. In the analysis of this knowledge, the authors rely on M. Polanyi’s concept and its development in G. Collins’s works that specify “relative” implicit knowledge, “somatic implicit knowledge” and “collective tacit knowledge”. The authors reveal the specifics of the use of implicit knowledge in Internet communication. As a result, they infer that “relational” implicit knowledge is always present in ICT “hybrids” in an explicit form. At this stage of technological development, “somatic” tacit knowledge is not represented in hybrids at all because a person does not yet have a specific experience of being physically in such digital spaces. However, based on the analysis of communication platforms, it can be concluded that the interface can be represented as a “machine” for the production of “collective tacit knowledge”, which allows transforming the experience of participants in Internet communication. A convenient interface for the production of “collective tacit knowledge” helps users to create new meanings and values, while a poorly perceived interface forces users to look for other ways of Internet communication. Hence, the authors conclude that the interface in communication platforms forms the mechanisms for transforming user experience and enables them to independently establish rules of behavior and problem solving within the framework of Internet communication, that is, to create specific conditions for the production of “collective tacit knowledge”.

REFERENCES

1. McLuhan, M. (2011) *Ponimanie media. Vneshnee rasshirenie cheloveka* [Understanding the media. The extensions of man]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo pole.
2. Latour, B. (1993) *We Have Never Been Modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Law, J. (2004) *After Method. Mess in Social Science Research*. London; New York: Routledge.
4. Vakhshayn, V. (2006) Sotsiologiya veshchey i “povorot k material’nomu” v sotsial’noy teorii [Sociology of things and the “turn to the material” in social theory]. in: Vakhshayn, V. (ed.) *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of things]. Moscow: Izdatel’skiy dom “Territoriya budushchego”. pp. 7–39
5. Tiwana, A., Konsynski, B. & Bush, A.B. (2010) Research Commentary – Platform Evolution: Coevolution of Platform Architecture, Governance, and Environmental Dynamics. *Information Systems Research*. 21 (4). pp. 675–687.
6. Baldwin, C.Y. & Woodard, C.J. (2009) The architecture of platforms: a unified view. In: Gawer, A. (ed.) *Platforms, Markets and Innovation*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar. pp. 19–45.
7. Cramer, F. & Fuller, M. (2006) Interface. In: Fuller M. (ed.) *Software Studies. A Lexicon*. Cambridge, MS: The MIT Press. pp. 149–153.
8. Heidegger, M. (2002) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. St. Petersburg: Nauka.
9. Heidegger, M. (2007) *Vremya i bytie. Stat’i i vystupleniya* [Time and Being. Articles and speeches]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka. pp. 306–330.
10. Chaffey, D. (2020) *Global social media research summary*. [Online] Available from: <https://www.smartinsights.com/social-media-marketing/social-media-strategy/new-global-social-media-research/>. (Accessed: 19.10.2019).
11. Weber, S. (2008) Imaging, Keyboarding, and Posting Identities: Young People and New Media Technologies. In: Buckingham, D. (ed) *Youth, Identity, and Digital Media*. Cambridge, MA: The MIT Press. pp. 25–48.
12. Cinque, T. (2015) *Changing Media Landscapes*. Australia: Oxford University Press.
13. Qi, J., Monod, E., Fang, B. & Deng, S. (2018) Theories of Social Media: Philosophical Foundations. *Engineering*. 4. pp. 94–102.
14. Polanyi, M. (1985) *Lichnostnoe znanie. Na puti k podkriticheskoj filosofii* [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress.
15. Collins, H. (2007) *Tacit and Explicit Knowledge*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
16. Stolyarova, O.E. (2018) The Third Wave of Science Studies as a Philosophical Justification for STS. *Logos*. 28 (5). pp. 29–52.
17. Geertz, C. (1973) *The Interpretation of Cultures. Selected essays by Clifford Geertz*. New York: Basic Books. pp. 412–453.
18. Elias, N. (2001) *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskoe i psikhogeneticheskoe issledovanie* [The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations]. Vol. 1. Translated from English by A.M. Rutkevich. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

Received: 13 July 2020

А.Ю. Нестеров, А.И. Демина

ВООБРАЖЕНИЕ В СЕМИОТИКЕ ТВОРЧЕСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А.

Конкретизируется роль воображения в творческом акте. Творчество определяется как порождение нового, проективная семиотическая деятельность в обратном процессе познания порядка. Результатом исследования стало определение «нового» в виде конкретизации того или иного правила семиозиса на той или иной ступени репрезентации и воображения в виде специфического способа работы интуиции с памятью, связанного с процедурой дополнения реальности, обеспечения избыточности в применении семантики и синтаксиса.

Ключевые слова: творчество; воображение; интуиция; проективный семиозис; трёхакт.

Введение

Процессы творчества суть процессы порождения нового. Концептуальная рамка творческих процессов определяется базисной онтологией и реестром качественных границ. Онтология позволяет различить реальное как существующее в рамках применения тех или иных правил и ирреальное как несуществующее вследствие противоречия в определении того или иного уровня. Реестр качественных границ определяет возможное как то, что мыслимо и осуществимо при определенных конфигурациях правил, и невозможное как то, что остается невысказанным и неосуществимым в силу неснимаемой противоречивости задающих его правил. Порождение нового, как правило, связано с разожжением невысказанного и невозможного, с процедурами негации как способами учета реальности человеческим сознанием. Семиотика творчества анализирует процесс порождения нового как создание новых конфигураций правил в проективной деятельности. Под последними понимаются семантические, синтаксические и прагматические правила чувственного восприятия, рассудка и разума. Существенной теоретической проблемой в анализе творчества остается воображение, понимаемое в кантовском смысле в качестве среды появления и осуществления нового.

Понятие воображения

Классическое определение воображения – «способность представления (образования, удержания и произвольного воспроизведения) образа предмета в отсутствие самого предмета, существующего либо реально, либо только в представлении» [1]. До Канта воображение, в отличие от памяти, рассматривалось в качестве низшей душевной функции [2. С. 16] и не находилось в центре внимания философов. В своей схеме познания Кант помещает воображение между чувственностью и рассудком, определяя способность воображения как способность к синтезу чувственных восприятий: «Синтез вообще <...> есть исключительно действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой функции души; без этой функции мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко осознаем ее. Однако задача свести этот синтез к понятиям есть функция рассудка, лишь благодаря которой он до-

ставляет нам знание в собственном смысле этого слова» [3. С. 109]. В «Критике способности суждения» появляется дихотомия продуктивного и репродуктивного воображения: «Поскольку в суждении вкуса воображение должно рассматриваться в его свободе, оно берется не как репродуктивное, подчиненное законам ассоциации, а как продуктивное и самостоятельное (как источник произвольных форм возможных созерцаний); и хотя при схватывании данного предмета чувств оно связано с определенной формой игры (как в полете фантазии), все-таки вполне можно понять, что предмет может дать ему именно такую форму, которая содержит соединение многообразного, какое воображение, будь оно свободно предоставлено самому себе, создало бы в согласии с закономерностью рассудка вообще» [4. С. 110]. Этот тезис развивается Кантом в «Антропологии с прагматической точки зрения», где продуктивное воображение определяется как предшествующее опыту, а репродуктивное – как воспроизводящее. Однако, как отмечает С.Л. Катречко, несмотря на то, что продуктивное воображение может претендовать на роль творческого, Кант «категорически отрицает эту возможность», утверждая, что воображение никогда не способно «породить такое чувственное представление, которое до этого никогда не было дано нашей чувственной способности» (цит. по: [5. С. 12]).

С другой стороны, В.В. Васильев показывает, что проблема творческого воображения у Канта является в первую очередь терминологической: вслед за Локком он лишает воображение творческих функций только относительно «простых идей», которые не могут быть представлены, если не были до этого даны в ощущении. Творческую же способность относительно сложных идей он не отрицает, что находит свое подтверждение во влиянии философии Канта на формирование немецкого романтизма [6].

Различение продуктивного и репродуктивного воображения становится после Канта общим местом, развиваясь, например, в учении Гегеля. Гегель говорит о трех ступенях силы воображения: воспроизводящей, ассоциирующей и продуктивной. Воспроизводящее воображение «заставляет образы вступать в сферу наличного бытия», «имеет характер чисто формальной деятельности»; ассоциирующее – «от-

носит» образы друг к другу и, «таким образом, поднимает их до всеобщих представлений». Продуктивное есть ступень, «на которой интеллигенция отождествляет свои всеобщие представления с тем, что есть особенного в образе, и тем самым дает им образное наличное бытие. Это чувственное наличное бытие имеет двоякую форму – символа и знака; так что эта третья ступень охватывает символизирующую и означающую фантазию, каковая составляет уже переход к памяти» [7. С. 288].

В XX в. категория воображения активно изучается в психологии. Наиболее полное и системное определение воображения дает С.Л. Рубинштейн: «воображать – это преобразовать» [8. С. 366]. Специфичным для воображения является «сознание известной свободы» по отношению к прошлому опыту. Он определяет воображение в узком смысле как присущую только человеку способность преобразования действительности в сознании: «Всякое воображение порождает что-то новое, изменяет, преобразует то, что нам дано в восприятии» [8. С. 368]. Преобразование может различаться по степени новизны и по тому, «насколько воображение придерживается ограничительных условий, от которых зависит осмысленность и объективная значимость его творений» [8. С. 368], при этом ценность воображения определяется Рубинштейном по тому, насколько оно учитывает существенные стороны действительности. Рубинштейн различает уровни, формы и виды воображения, а также приемы, по которым совершается преобразование действительности в воображении. Так, в зависимости от уровня сознательности и активности личности различается степень произвольности воображения (от самопроизвольности сновидений до сознательной творческой деятельности, или пассивное и активное воображение); в зависимости от степени оригинальности различаются воспроизводящее, трафаретное и творческое, преобразующее воображение; в зависимости от характера образов – конкретное и абстрактное; по характеру отношения к действительности – «бездеятельная мечтательность» и «действенное воображение» [8. С. 370–371]. Исходя из деятельностного подхода, согласно которому воображение формируется в процессе творческой деятельности, Рубинштейн различает столько видов воображения, «сколько имеется специфических, своеобразных видов человеческой деятельности, – конструктивное, техническое, научное, художественное, живописное, музыкальное и т.д. Все эти виды воображения, формирующиеся и проявляющиеся в различных видах творческой деятельности, составляют разновидность высшего уровня – творческого воображения» [8. С. 371]. В качестве типичных способов преобразования действительности в воображении Рубинштейн называет комбинирование, акцентирование и типизацию.

Современная психология изучает воображение с позиций нейробиологии. Воображение затрагивает все пять чувств, однако в основном изучаются нейробиологические механизмы визуального воображения. Существует гипотеза о том, что произвольное формирование зрительных образов основано на комбинации различной информации, полученной из долговремен-

ной памяти. На основе этой гипотезы была предложена модель формирования визуальных образов: обратная зрительная иерархия («It is hypothesized that voluntary mental imagery is based on combinations of information retrieved from stored memory. Accordingly, a very simple yet intuitive model of functional voluntary imagery has been proposed as depicted in Fig. 1: a reverse visual hierarchy») [9. P. 625]. Изучаются также различные виды произвольного воображения: от синестезии и зрительных галлюцинаций до флешбеков при ПТСР, а также спектр его развития от афантазии (психофизическое состояние, при котором человек не может осознанно создавать ментальные образы) [10] до гиперфантазии.

Воображение как среда проективного семиозиса

Мы исходим из того, что в каждом акте репрезентации человек имеет дело с полным семиотическим кругом, движение по которому может осуществляться в двух направлениях: от объекта к субъекту – и тогда идет речь о рецептивном семиозисе – и от субъекта к объекту – в этом случае мы говорим о проективном семиозисе. Соотношение рецепции и проекции в каждом конкретном случае можно определить через аналогию с соотношением фигуры и фона, где фигура определяется в зависимости от задачи, на которой фокусируется внимание. Семиозис подразумевает осуществление трех типов правил: прагматических, синтаксических и семантических, работающих как в случае рецепции, так и в случае проекции, на трех ступенях – чувственного восприятия, рассудка и разума. Каждое из правил допускает ту или иную неопределенность, которая возникает «вследствие ограничения правилом той или иной области содержания сознания» (см.: [11. С. 32]).

Воображение определяется нами как один из способов снятия неопределенности, т.е. ситуации знания о незнании в случае рецептивной деятельности и незнания о знании в случае проективной. Воображение есть среда проективного семиозиса, обнаруживаемая в способности сознания «дополнять реальность» (С. Лем), т.е. использовать избыточное количество семантических и синтаксических правил в ситуациях обозначения. Дополнение может осуществляться на трех уровнях: чувственного восприятия, рассудка и разума.

Воображение как дополнение восприятия. Неопределенность на уровне чувственного восприятия связана со знанием о его физиологической обусловленности. Соответственно воображение как снятие неопределенности на уровне чувственного восприятия может быть рассмотрено в широком смысле – как дополнение реальности через создание чувственных впечатлений, образов реальности, представлений, и в узком смысле – как создание таких впечатлений, раздражители для которых отсутствуют (галлюцинации, призраки, голоса, фантомные боли). В первом случае мы говорим о воображении как среде в семантическом смысле. В синтаксическом смысле на уровне восприятия воображение может быть рассмотрено как сумма правил создания и преобразования образов,

выявленных психофизиологией. Прагматикой, т.е. условиями возможности, в этом случае выступает, с одной стороны, разрешающая способность органов чувств, с другой – условия и возможности высшей нервной системы, отвечающие за восприятие. Так, например, галлюцинации могут возникать при раздражении или поражении вторичных зон коры головного мозга, поскольку они синтезируют зрительные раздражения и организуют их в определенные системы [12. С. 139].

Пример сложного взаимодействия органов чувств и функций коры головного мозга – явление «ложной слепоты», ставшее широко известным после выхода одноименного научно-фантастического романа Питера Уотса («Blindsight»). При ложной слепоте органы чувств (зрение) функционируют, однако в связи с нарушением работы зрительной коры зрение субъективно отсутствует, при этом сохраняется способность к самостоятельным передвижениям и описанию предметов, которая субъективно воспринимается как «угадывание». Существуют исследования, демонстрирующие влияние на зрение диссоциативного расстройства личности [13]. Описан случай, в котором пациентка с диссоциативным расстройством личности потеряла зрение в результате травмы (была диагностирована кортикальная слепота). Впоследствии при терапии личностного расстройства зрение одной из десяти личностей начало восстанавливаться, при этом при переключении личностей зрение пропадало, что подтверждалось на ЭЭГ отсутствием электрических откликов на визуальную стимуляцию. Таким образом, делается вывод о возможности психогенной слепоты, которая подавляет зрительную информацию на ранних стадиях и неотличима от органических повреждений зрения («We assume a top-down modulation of activity in the primary visual pathway as a neural basis of such psychogenic blindness, possibly at the level of the thalamus. VEPs therefore do not allow separating psychogenic blindness from organic disruption of the visual pathway. In summary, psychogenic blindness seems to suppress visual information at an early neural stage») [13].

Вопрос о роли биологических факторов, т.е. о роли органов чувств в работе сознания, «биосоциальная проблема», стал предметом многолетней дискуссии между Д.И. Дубровским и сторонниками Э.В. Ильенкова [14, 15]. Речь идет о так называемом Загорском эксперименте, который пролил свет на проблему слепоглухонемоты и роль социальных и биологических факторов в формировании личности. Д.И. Дубровским была убедительно показана невозможность элиминации биологических факторов из проблемы сознания.

Набор контуров воображения, таким образом, очерчивается возможностями восприятия субъекта, а само воображение, по мнению Канта, выступает как связывание рассудочной структуры с чувственными формами. На уровне чувственного восприятия встает вопрос о произвольной и непроизвольной формах воображения, поскольку здесь мы по большей части имеем дело с неосознаваемыми процессами. Мы полагаем, что воображение в том или ином виде всегда

участвует в акте репрезентации, поскольку обеспечивает связность и целостность актов восприятия, рассудка и разума. Однако оно может иметь неосознаваемую (непроизвольную) или осознаваемую (произвольную) форму. В самом общем смысле, когда мы имеем дело с непроизвольным воображением, мы говорим о естественном, когда с произвольным – об искусственном. Таким образом, произвольное воображение возникает как необходимый элемент творческого, проективного акта. Если в ситуации рецептивной работа воображения на уровне чувственного восприятия является неосознаваемой и составляет первый этап процесса познания, то в проективном семиозисе дополнение восприятия (снятия неопределенности) происходит в третьем «акте», при решении задачи материального воплощения, т.е. при реализации полного технического объекта.

Воображение как дополнение рассудка. Дополнение явлений чувственного восприятия фактами языка переводит нас на уровень воображения как дополнения рассудка. На уровне семантического правила рассудка дополнение происходит за счет того, что объектов, постулируемых языком, семантически больше, чем фиксируется органами чувств. Соответственно, пользуясь языком, мы всегда имеем дело с рассудочным уровнем воображения, однако в случае естественного языка – с его непроизвольной формой. Синтаксически воображение – индуктивное обобщение на основании языковых схем, вторичные моделирующие системы, поэтические языки. В данном случае мы опираемся на разграничение Ю.М. Лотманом естественных языков, искусственных языков и вторичных моделирующих систем. Он определяет вторичные моделирующие системы как «семиотические системы, построенные на основе естественного языка, но имеющие более сложную структуру» [16. С. 21], имея в виду миф, религию, и в первую очередь – искусство: «Искусство – вторичная моделирующая система» [17. С. 21]. «Поскольку сознание человека есть сознание языковое, все виды надстроенных над сознанием моделей – и искусство в том числе – могут быть определены как вторичные моделирующие системы. Итак, искусство может быть описано как некоторый вторичный язык, а произведение искусства – как текст на этом языке» [17. С. 22]. Сходное понятие – «вторичная семиологическая система» – вводит Р. Барт в работе «Миф сегодня»: «Миф представляет собой особую систему, и особенность эта заключается в том, что он создается на основе некоторой последовательности знаков, которая существует до него; миф является вторичной семиологической системой. Знак (то есть результат ассоциации, концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означаемым во второй системе» [18].

Спецификой вторичных моделирующих систем является особый тип связей между синтаксисом и семантикой. Как было показано на примере художественного языка, его семантика определяется синтаксисом, т.е. значение знака определяется его местом в синтаксической структуре текста [19. С. 37]. Знаки вторичной моделирующей системы не обладают прямой корреспондентской связью с реальным опытом

восприятия субъекта, соответственно, требуют воображения в качестве условия возможности не только их создания, но и восприятия. Данное положение дел описывается понятиями «точки неопределенности» художественного текста Р. Ингардена или «пустые места», «лакуны» текста В. Изера [19. С. 38].

Прагматика воображения на уровне рассудка определяется соотношением выразимого и невыразимого. Сама среда воображения в структуре рассудка задает границу между тем, какие сегменты памяти фиксируются в логико-грамматических конструкциях, а какие нет. Как и на уровне чувственного восприятия, имея дело с использованием естественного языка в коммуникации или в процессе познания, мы сталкиваемся с работой произвольного воображения. Произвольная форма, т.е. необходимость сознательного усилия, возникает на уровне проекции – во втором акте изобретения – этапе создания конструкции, схемы, плана или, в случае художественного произведения, собственно текста.

Воображение как дополнение интеллекта. С произвольным воображением мы сталкиваемся в первую очередь на уровне разума. Вообще произвольность, т.е. осознанность, подразумевает работу разума, поскольку разум связан со способностью к самопознанию, к рефлексии. Именно на уровне разума происходит переход от рецептивной к проективной деятельности. Вслед за П.К. Энгельмейером мы обозначаем этот момент перехода, изменения вектора семиозиса как интуицию, «пересборку опыта» субъекта. Сам Энгельмейер относил интуицию к первому акту изобретения, т.е. к сфере творческой работы разума: «Деятель первого акта, творчество, догадка (интуиция) существенно отличается от деятеля второго акта – методического мышления» [20. С. 16]. Встает вопрос о разграничении воображения и интуиции. Н.О. Лосский, автор одной из фундаментальных работ, посвященных интуиции, «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» определяет интуицию как «*непосредственное видение, непосредственное созерцание предмета познающим субъектом*» [21. С. 137], причем условием такого созерцания, условием возможности интуиции выступает «органическое единство мира» [21. С. 150]. Воображение также подразумевает «созерцание», наглядность и целостность образа. И.И. Лапшин, напротив, декомпозирует интуицию, относя воображение к одному из ее элементов: «Полагаю, что не существует никакой творческой интуиции как особого творческого акта, который не разлагался бы без остатка на описанные мною переживания чуткости (т.е. памяти на чувства ценности или значимости известных образов, мыслей или движений), пронизательности (т.е. умения пользоваться теми же чувствами ценности в комбинационной работе воображения, мышления и двигательных процессов) и чувства целостной концепции (т.е. опять же способности учуять по эмоциональным подголоскам сродство между собою образов, мыслей или движений, организуемых нами в направлении известной конечной цели)» [22. С. 219]. Марио Бунге, говоря об интуиции в науке, отмечает, что этим понятием задается комплекс познавательных способностей, в

том числе воображение: «К наиболее частым словоупотреблениям термина “интуиция” в современной научной литературе относятся: быстрое восприятие, воображение, сокращенное аргументирование и здравое суждение» [23. С. 94].

Если содержание понятия интуиции исчерпывается переходом от рецепции к проекции, то последний может быть конкретизирован и доопределен как переход от произвольного к произвольному воображению. В таком случае интуиция – применение шаблона памяти в среде воображения.

Воображение выступает условием возможности изобретения, первый акт творчества начинается именно с воображения, реализующегося на уровне разума. Проективная деятельность в целом обеспечивается тем, что разум фиксирует проблему, или, в других терминах, потребность, желание, которые порождаются неполнотой (в онтологическом смысле) или неопределенностью (в гносеологическом). Решение проблемы – это всегда создание нового, осуществляемое за счет сдвига границ возможного / действительного, мыслимого / немислимого. Воображение возникает как реакция на неполноту (неопределенность), как потребность синтеза, восстановления целостности системы. Таким образом, прагматика воображения на уровне разума определяется границей рефлексии мыслимого и немислимого, возможного и невозможного (см. подробнее: [11, 24]). Синтаксическое правило для разумного воображения реализуется в том, каким образом элементы памяти рекомбинируются, «пересобираются», чтобы понять самое себя, т.е. в структуре рефлексии. Синтаксис воображения, фантазии, рефлексии требует внешней инстанции наблюдателя, Другого, для того чтобы оказаться осознанным или проявленным: в этом причина появления интуиции как понятия, обозначающего процесс пересборки опыта, именно поэтому интуиция традиционно выводится за рамки рациональности, связывается с мистическим чувством, «абсолютом» и прочими неподдающимися формализации категориями. В результате синтаксической рекомбинации, вызванной переходом от рецепции к проекции, своего рода «перемены мест», возникает новая семантика, новое содержание сознания, новые идеи, образы, происходит дополнение реальности идеальными сущностями, которые требуют сначала называния, выражения на уровне языка, а затем могут быть воплощены в материальном субстрате (см. подробнее: [25]).

Заключение

Воображение определяется нами как специфический способ работы интуиции с памятью, связанный с процедурой дополнения, достраивания действительности, т.е. обеспечения избыточности в применении семантики и синтаксиса. Воображение возникает как способ снятия неопределенности в проективном и рецептивном семиозисе, с максимальной полнотой выражающийся в исполнении семантического правила разума и рассудка. Испол-

нение семантического правила чувственного восприятия подразумевает создание нового искусственного объекта, т.е. переход от воображаемого к действительному в акте творчества. Интуиция по-

нимается как переход от произвольного воображения к произвольному, толчок к осознанию правил семиозиса и снятию их неопределенности на каждой ступени репрезентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никулин Д.В. Воображение // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH754ea85445942f65080a75> (дата обращения: 15.06.2020).
2. Вунд В. Фантазия как основа искусства. СПб. : Издание т-ва М.О. Вольфа, 1914.
3. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо, 2013. 736 с.
4. Кант И. Критика способности суждения. М. : Искусство, 1994. 367 с.
5. Катречко С.Л. Как возможно творческое воображение? // Воображение в свете философских рефлексий: Кантовская способность воображения / отв. ред. С.Л. Катречко. 2-е изд. М. : ЦГИ, 2015. С. 11–26.
6. Васильев В.В. К вопросу о продуктивном воображении в философии Канта // Воображение в свете философских рефлексий: Кантовская способность воображения / отв. ред. С.Л. Катречко. 2-е изд. М. : ЦГИ, 2015. С. 29–34.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М. : Мысль, 1977. 471 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002.
9. Pearson J. The human imagination: the cognitive neuroscience of visual mental imagery // Nature Reviews Neuroscience. 2019. 20 (10). P. 624–634. DOI: 10.1038/s41583-019-0202-9
10. Zeman A., Dewar M., Della Sala S. Lives without imagery – Congenital aphantasia // Cortex. DOI:10.1016/j.cortex.2015.05.01
11. Нестеров А.Ю. Типы неопределенности в рецептивном и проективном семиозисе // Философия науки. 2020. № 2 (85). С. 28–44.
12. Лурья А.Р. Основы нейропсихологии : учеб. пособие. М. : Академия, 2003. 384 с.
13. Strasburger H., Waldvogel B. Sight and Blindness in the Same Person: Gating in the Visual System // PsyCh Journal. 2015. № 4 (4). P. 178–185. DOI: 10.1002/pchj.109
14. Слепоглухонмота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. 2-е изд., доп. / ред., предисл. и прил. Д.И. Дубровский. М. : ИИнтелл, 2018. 194 с.
15. Дубровский Д.И. Проблема сознания: Теория и критика альтернативных концепций. М. : ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
16. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Ленинград : Просвещение, 1972.
17. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970.
18. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1994. С. 72–130. URL: http://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 15.06.2020).
19. Нестеров А.Ю. Проблема определения понятия «фантастическое» // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 35–41.
20. Энгельмейер П.К. Творческая личность и среда в области технических изобретений. СПб. : Образование, 1911. 116 с.
21. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М. : Республика, 1995. 400 с.
22. Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. 1922. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000886/index.shtml> (дата обращения: 18.06.2020).
23. Бунге М. Интуиция и наука. М. : Прогресс, 1967. 188 с.
24. Нестеров А.Ю. Исполнение в семиотике техники // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 111–118.
25. Нестеров А.Ю. Семантические стратегии преодоления неопределенности интерпретации (на примере рецептивной эстетики и философии техники) // Философия науки. 2019. № 3 (82). С. 142–153.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 октября 2020 г.

Imagination in the Semiotics of Creativity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 84–89.

DOI: 10.17223/15617793/460/10

Alexander Yu. Nesterov, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: aynesterow@yandex.ru;

Anna I. Demina, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: ademina83@gmail.com

Keywords: creativity; imagination; intuition; projective semiosis; three-act.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00462 A.

The research analyzes the concept of imagination set in the context of semiotics of creativity. It specifies the essence of this concept from the point of pragmatic, syntactic and semantic rules applied in imaginative thinking. The objectives of the research are to explicate the history of the concept of imagination; to define the role of imagination in the projective semiosis of reason, mind and perception; to identify the relationship between imagination and intuition in the creative act. The material of the research is the history of forms of philosophical and psychological reflection on “imagination”, “intuition”, “creativity” from I. Kant, G.W.F. Hegel, P.K. Engelmeyer, F. Dessauer, S.L. Rubinstein and up to the latest semiotics of creativity and technology. The research method is semiotic modeling, representing any phenomenon as a sign in receptive and projective semiosis, realizing as a complex, organized representation of contents in the substrates of sensory perception, mind and reason. In the receptive processes (in the acts of cognition and understanding), the order of representation is determined by the ascent from the reality to the concept: sensory perception, mind, reason. In projective processes (in acts of creativity, technology, interpretation, practice, etc.), the order of representation is reversed: from the concept (phantasm, image) to its logical-grammatical construction and to its physical embodiment in the form of an artifact. The study is built as an expansion and substantiation of the thesis that imagination is, firstly, the environment for the implementation of semiosis, and, secondly, it is one of the ways to remove uncertainty that arises both in reception and in projection. As an environment, imagination is revealed as a condition for the possibility of applying rules in the substrates of reason and mind and is defined as the sphere of the thinkable and imaginable, but impossible in the physical world. The uncertainty, in the epistemological sense, means the situations of knowledge about not knowing for receptive processes and not knowing about knowledge for projective processes. Removing the uncertainty, the imagination is revealed as an addition to reality within the framework of the semantic, syntactic and pragmatic rules of sensory perception, mind and reason. The analysis of imagination, as an addition to perception, is illustrat-

ed by the data of experimental psychology, in particular, the Zagorsk Experiment; as an addition to the mind by the concept of secondary modeling systems or semiological systems by Yu.M. Lotman and R. Barthes; as an addition to the reason by a comparative analysis of the concepts of intuition and imagination. The study concludes that the functional definition of imagination as an addition to reality at the levels of reason, mind and perception is justified both in the context of the theory of creativity, adhering to the model of “three-act”, and in the context of semiotic ontology itself.

REFERENCES

1. Nikulin, D.V. (n.d.) Voobrazhenie [Imagination]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. [Online] Available from: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH754ea85445942f65080a75>. (Accessed: 15.06.2020).
2. Vund, V. (1914) *Fantaziya kak osnova iskusstva* [Fantasy as the basis of art]. St. Petersburg: Izdanie t-va M.O. Vol'fa.
3. Kant, I. (2013) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
4. Kant, I. (1994) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. Translated from English. Moscow: Iskusstvo.
5. Katrechko, S.L. (2015) Kak vozmozhno tvorcheskoe voobrazhenie? [How is creative imagination possible?]. In: Katrechko, C.L. (ed.) *Voobrazhenie v svete filosofskikh refleksiy: Kantovskaya sposobnost' voobrazheniya* [Imagination in the light of philosophical reflections: Kant's ability of imagination]. 2nd ed. Moscow: TsGI. pp. 11–26.
6. Vasil'ev, V.V. (2015) K voprosu o produktivnom voobrazhenii v filosofii Kanta [On productive imagination in Kant's philosophy]. In: Katrechko, C.L. (ed.) *Voobrazhenie v svete filosofskikh refleksiy: Kantovskaya sposobnost' voobrazheniya* [Imagination in the light of philosophical reflections: Kant's ability of imagination]. 2nd ed. Moscow: TsGI. pp. 29–34.
7. Hegel, G.W.F. (1977) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
8. Rubinstein, S.L. (2002) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter.
9. Pearson, J. (2019) The human imagination: the cognitive neuroscience of visual mental imagery. *Nature Reviews Neuroscience*. 20 (10). pp. 624–634. DOI: 10.1038/s41583-019-0202-9
10. Zeman, A., Dewar, M. & Della Sala, S. (2015) Lives without imagery – Congenital aphantasia. *Cortex*. DOI:10.1016/j.cortex.2015.05.01
11. Nesterov, A.Yu. (2020) Types of Uncertainty in Receptive and Projective Semiosis. *Filosofiya nauki – Philosophy of Science*. 2 (85). pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.15372/PS20200203
12. Luriya, A.R. (2003) *Osnovy neyropsikhologii* [Fundamentals of neuropsychology]. Moscow: Akademiya.
13. Strasburger, H. & Waldvogel, B. (2015) Sight and Blindness in the Same Person: Gating in the Visual System. *PsyCh Journal*. 4 (4). pp. 178–185. DOI: 10.1002/pchj.109
14. Dubrovskiy, D.I. (ed.) (2018) *Slepoglukhonemota: istoricheskie i metodologicheskie aspekty. Mify i real'nost'* [Deafmutism with blindness: historical and methodological aspects. Myths and Reality]. 2nd ed. Moscow: Intell.
15. Dubrovskiy, D.I. (2019) *Problema soznaniya: Teoriya i kritika al'ternativnykh kontseptsiy* [The Problem of Consciousness: Theory and Critique of Alternative Concepts]. Moscow: LENAND.
16. Lotman, Yu.M. (1972) *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of the poetic text. The structure of the verse]. Leningrad: Prosveshchenie.
17. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text]. Moscow: Iskusstvo.
18. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Izdatel'skaya gruppa “Progress”; “Univers”. pp. 72–130. [Online] Available from: http://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt_with-big-pictures.html. (Accessed: 15.06.2020).
19. Nesterov, A.Yu. (2007) Definition of the Notion of Fantastic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 35–41. (In Russian).
20. Engel'meyer, P.K. (1911) *Tvorcheskaya lichnost' i sreda v oblasti tekhnicheskikh izobreteniy* [Creative personality and environment in the field of technical inventions]. St. Petersburg: Obrazovanie.
21. Losskiy, N.O. (1995) *Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya* [Sensual, intellectual and mystical intuition]. Moscow: Respublika.
22. Lapshin, I.I. (1922) *Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii: Vvedenie v istoriyu filosofii* [Philosophy of Invention and Invention in Philosophy: An Introduction to the History of Philosophy]. [Online] Available from: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000886/index.shtml>. (Accessed: 18.06.2020).
23. Bunge, M. (1967) *Intuitsiya i nauka* [Intuition and Science]. Translated from English. Moscow: Progress.
24. Nesterov, A.Yu. (2018) “Execution” in the Semiotics of Technology. *Gumanitarnyy vektor – Humanitarian Vector*. 13 (3). pp. 111–118. (In Russian).
25. Nesterov, A.Yu. (2019) Semantic Strategies of Getting Over Uncertainty of Interpretation (the Case of Receptive Aesthetics and Philosophy of Technology). *Filosofiya nauki – Philosophy of Science*. 3 (82). pp. 142–153. (In Russian). DOI: 10.15372/PS20190308

Received: 03 October 2020

А.С. Петракова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В НАТУРАЛИСТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ

Раскрыта сущность натуралистического подхода к процессу идентификации личности. Показано, что основой отождествления выступает индивидуальная потребность субъекта в самоопределении и самоузнавании. В результате исследования автором установлено, что итогом процессов отождествления становится идентичность как качество, отражающее внутренний мир индивида, его систему ценностей и смысловых ориентиров, и как отношение тождества индивида обществу по ряду признаков.

Ключевые слова: идентификация; идентичность; индивидуальность; социокультурный контекст; психологизмы личности.

Понимание процессов идентификации и самоидентификации личности позволяет анализировать феномен индивидуальности, опираясь на социальный и внутриличностный контексты бытия индивида; осознавать факторы и условия формирования идентичности; оценивать возможности внешнего влияния на процессы отождествления.

Проблема формирования идентичности была актуальной для человечества во все времена. Об этом свидетельствует тот факт, что философы изучали вопросы установления тождества со времен греко-римской Античности. Однако в современном глобализующемся мире начала XXI столетия проблемы формирования идентичности получают новое звучание. Это связано, во-первых, с широкой дифференциацией научного знания, раскрывающей различные аспекты конструирования тождества, во-вторых – с усложнением системы общественных отношений, обусловленной тотальной включенностью человека во множество социальных процессов благодаря современным средствам коммуникации. Разработка натуралистической теории идентификации, учитывающей современные тенденции развития социума, может стать основанием для дальнейшего исследования процессов отождествления и показать перспективные направления развития гуманитарного знания. Основным предположением в ней является то, что источник процесса формирования идентичности – это в первую очередь индивидуальная потребность в самоузнавании, реализуемая посредством психических процессов; при этом изменения социального контекста существования личности воздействуют на ход и результат их протекания.

Описанием процессов отождествления личности с другими, ей подобными, а также с качествами объектов внешнего мира занимались исследователи в различных социально-философских дисциплинах. Так, проблема тождества рассматривалась в социальной онтологии с позиций сущности человека в контексте его существования в универсуме. У Платона идентификация – это «подражание», в ходе которого «меняется и наружность, и голос, и духовный склад» [1. С. 177]. У Аристотеля, в свою очередь, это средство обеспечить «совместное жительство» с социумом и реализовать свою социальность [2. С. 454]. У Дж. Локка идентификация – это осознание своей общности с другими по признаку сверхъестественно-

го происхождения души, ее свойств, качеств [3. С. 265]. Дж. Дьюи, Т.В. Счастливая, К.В. Патырбаева, А.Э. Страдзе, О.А. Васильева и другие представляют идентификацию как целенаправленное действие, в основе которого лежит задача путем включенности в различные формы социальной активности установить свою тождественность социальной группе [4; 5; 6. С. 18; 7; 8].

В социальной гносеологии вопросы отождествления решались через конструирование познавательной активности индивидов. У Бенедикта Спинозы идентификация не носит личностный характер, а нацелена на осмысление свойств и качеств объектов мира, одним из которых может быть сам индивид [9. С. 53]. У Д. Юма речь идет исключительно о самоидентификации, которая представлена как процесс постижения «идеи Я» [10. С. 296]. Ш.Л. Монтескье мыслит идентификацию как познавательный процесс, инициированный личностью и направленный на установление свойств и качеств предметов внешнего мира с учетом физических законов человеческого существования, рационального мышления и эмоционально-чувственной сферы [11. С. 401]. Р. Декарт под идентификацией понимает форму познания, в соответствии с которой разум направляется на исследование вещей внешнего мира [12. С. 249–250]. Сама способность к идентификации рассматривается философом как факт наличия здравомыслия. Л. Фейербах в самом общем виде мыслит идентификацию как познание индивидом «своего рода, своей сущности» [13].

В социальной аксиологии внимание философов было акцентировано на ценностном содержании сознания как отражения социально значимых элементов бытия. Так, у Сократа результатом идентификации становится формирование представлений об основных смысловых категориях, таких как справедливость, истинность, любовь, добродетель и пр. [14. С. 125]. Эпиктет рассматривал идентификацию как процесс нравственного преобразования человека, а идентичность предлагал исследовать, оценивая человеческие поступки [15. С. 59–61]. Еще дальше идет Т. Гоббс, утверждая, что идентификация сама по себе – это уже утверждение ценности личности не только по отношению к себе самой, но и по отношению к другим [16. С. 67].

Особый интерес представляет натуралистическое понимание сущности отождествления. Ученые, рабо-

тающие в данном направлении, видят источником процесса формирования идентичности исключительно индивидуальную потребность в самоузнавании, реализуемую посредством психических процессов, хотя и при воздействии внешних условий.

З. Фрейд пишет в основном о самоидентификации, называя ее психическим процессом установления взаимосвязей между нашими Я, Сверх-Я и Оно, так как при его осуществлении «мы сравниваем его [Я] с психическим процессом другого человека [Оно], поскольку так легче его изучить, отделяя от собственных сознательных явлений» [17. С. 428]. Опираясь на понимание проблемы идентификации и самоидентификации личности З. Фрейда, Э. Эриксон также детерминирует самоидентификацию как «наблюдение», «отражение», «узнавание» [18. С. 27–31], в ходе которого индивид, восприняв социокультурные паттерны в поведении других, затем личностно интерпретировал их и нашел в этих интерпретациях возможность использования применительно к себе.

У Дж. Марсии идентификация – это длительный процесс поиска себя в других, реализуемый во взаимодействии с миром [19. Р. 7–28]. У А.Н. Леонтьева идентификация – это проекция образов предметов окружающей среды в сознании индивида, сначала воспринятых, а затем реконструированных с учетом личностной индивидуальности [20. С. 14–30].

А.В. Петровский исследует самоидентификацию через концепцию Я как процесс сопоставления Я-реального и Я-зеркального [21. С. 139–141].

Г.В. Иойлева под самоидентификацией понимает процесс разработки модели собственного Я, иными словами, того, как Я видит само себя [22].

Особняком в вопросах идентификации и самоидентификации личности стоит теория С.Л. Рубинштейна, постулирующего, что отождествление – это психический процесс, в котором заключена рациональная и эмоциональная компоненты [23. С. 47]. Первая реализуется через процессы познания и мышления, вторая – через эмоциональные переживания рациональных действий. В результате идентичность может быть вовсе не тождественна личности в виду интерпретационных искажений, а также индивидуальных мотивов, потребностей и интересов.

У Е.Л. Доценко идентификация представляет собой соотношение Я с Другими по социальным и ценностным признакам [24. С. 67–68]. Э. Гуссерль признает под идентификацией «отношение являющейся персоны Я к внешне являющейся вещи» [25. С. 135–136], а под самоидентификацией – отношение переживания явления вещи в самом себе по отношению к собственному Я. У С.А. Зелинского идентификация – это процесс психического переживания отождествления себя с «системой норм и запретов, накопленных цивилизацией» [26. С. 64]. И.И. Кравченко идентификацию мыслит как «процесс коллективизации», в ходе которого «происходит превращение индивидуальных, чувственных, человеческих качеств сознания на всех уровнях в общественные явления» [27. С. 22].

Таким образом, теоретико-методологическая основа исследования обусловлена спецификой его объекта и предмета и опирается на следующие методы:

- системного анализа;
- сравнительного анализа;
- синтеза и абстрагирования;
- комплексного, межпредметного исследования, особо эффективного при изучении не- и слабо систематизированной информации.

Идентичность как результат процесса идентификации отражает включенность личности в конкретный социальный контекст, так как позволяет определить ее качества по национальному, религиозному, гражданскому, половому, возрастному и иным признакам. Результатом процессов отождествления становятся внутренний мир индивида, его система ценностей и смысловых ориентиров. Процессы идентификации обусловлены психическими составляющими человеческой сущности, обуславливающими конечные формы интерпретации всего того, что индивид воспринимает извне.

Пользуясь концепцией «Я», предложенной З. Фрейдом, стоит согласиться с исследователем в том, что идентификация возможна благодаря содержанию в Сверх-Я образов, отражающих опыт предыдущих поколений (культурные традиции, нормы, ценности и проч.), превратившихся в установки личности. Содержание Сверх-Я детерминирует деятельную направленность личности, которая при формировании Я уже подсознательно знает, из чего ей исходить и к чему стремиться. Поскольку Сверх-Я является результатом воздействия на личность того социального контекста, в котором она существует, можно предположить, что внешние манипуляционные вмешательства в процессы идентификации вполне возможны [17. С. 426]. При самоидентификации индивид исследует свое бессознательное в качестве Другого, а затем пытается вписать его в ограничения, установленные Сверх-Я. Отсюда осознание своего Я (идентичность), которое идет через конструктивное соединение первобытных посылов с усвоенными еще предками социальными ограничениями, утверждающего собственную уникальность.

Подобно фрейдовской идее Сверх-Я, Г. Лебон вводит понятие души народа (нации) и потому рассматривает идентификацию как процесс соотношения себя со своим историческим прошлым через усвоение и личностное преломление культурных паттернов [28. С. 34–65].

Следует отметить, однако, что личность усваивает многие культурные паттерны критически, а именно: оценка происходит посредством уже сформированных стереотипов. Это позволяет говорить об индивидуальности протекания процессов идентификации применительно к каждой личности.

Таким образом, процессы идентификации и самоидентификации происходят на протяжении всей жизни, на каждом ее этапе при выстраивании суждений и усвоении стереотипов значение имеют референтные группы. Однако здесь важно не столько усвоенное, сколько личностно-интерпретированное из усвоенного [18. С. 27].

Важным моментом в процессах идентификации является способность индивида коммуникативно взаимодействовать с внешней средой и с самим собой.

Процесс отождествления сам по себе является деятельностью и одновременно инициирует познавательную деятельность по отношению к внешнему миру. Кроме того, в результате идентификации ее субъект мыслится в различных пространственно-временных категориях, что дает ему возможность проектировать собственную деятельность [21. С. 139].

При самоидентификации коммуникация осуществляется между субъектом и объектом, заключенными в индивиде, в результате которого последний сам для себя приобретает ценность, выраженную через знакомость основных элементов. Знаки несут в себе коммуникативный аспект, посредством которого становятся предметами осмысления индивида [29. С. 33]. Коммуникация же с самим собой, репрезентирующая Я для самого себя, служит цели «произвольного и непроизвольного самовыражения» [29. С. 35–36].

Идентификацию и самоидентификацию сопровождают как процессы рациональные, так и эмоциональные [22]. При осуществлении самоидентификации информация о себе, получаемая в результате установления тождества, индивидом приравнивается к знанию о самом себе, но в процессе ее получения индивид сначала воспринимает себя тем или иным образом, ощущает собственную самость и самое ее наличие, затем анализирует то, что воспринял и ощутил, а потом творчески достраивает. На протяжении всего описанного алгоритма действий человек испытывает эмоции по поводу себя и самого процесса самоотождествления, которые также искажают результаты его мыслительной деятельности. В результате идентичность может быть вовсе не тождественна личности в виду интерпретационных искажений, а также индивидуальных мотивов, потребностей и интересов [23. С. 47].

Современная техногенная цивилизация позиционирует себя в сознании людей как единственный оплот разума и рациональности, а потому средством самоидентификации называет интроспекцию – «разнообразие и до некоторой степени спонтанность процессов, посредством которых Я (Эго) переводит “внешнее” во “внутреннее”, предполагает... существование внутреннего измерения, отличного и даже антагонистичного “внешним” нуждам» [30]. Идентичность необходима человеку как условие осознания внутренней свободы при отсутствии свободы внешней, ограниченной давлением социальности; как основа для «интеллектуального и эмоционального отказа “следовать вместе со всеми”» [30]. В то же время само понятие тождества предполагает максимальную схожесть с другими индивидами, дающую возможность быть включенным в социальные общности и признаваться их частью. Процессы идентификации и самоидентификации личности подвержены внешним манипуляционным воздействиям, направленным на изменения идентификационных оснований бытия индивида, что даст возможность проектировать индивидуальные практики и управлять ими [24. С. 67; 26. С. 14].

Манипуляционные воздействия на идентификационный фундамент личности являются возможными преимущественно по двум причинам. Во-первых, естественное стремление манипулятора реализовать собственные цели путем формирования у индивидов

ложной общности по ряду системообразующих социальных признаков. Во-вторых, стремление самих индивидов установить идентичность с некой социальной группой, так как принадлежность к ней может стать одним из факторов успешности и позволить решить ряд собственных проблем. «Став адептом “своего” сообщества, приняв его доктрину, человек извлекает немало преимуществ и для себя» [24. С. 69].

При кажущейся схожести индивида с одновременно многими представителями различных социальных образований в нем реализуется стремление к самобытности, непохожести на других, воплощенное в утверждении собственной индивидуальности, чему и служит механизм отождествления [31. С. 25].

Концептуально проблемами идентификации и самоидентификации занимается Э. Эриксон, используя в своих трудах методологию психоанализа, предложенную З. Фрейдом. Эриксон согласен с Фрейдом в том, что самоидентификация – это «узнавание», а не «то, чего упорно ищут» [18. С. 28]. Факторами формирования идентичности автор считает психосоциальные кризисы, которые сопровождают процесс онтогенеза личности. Идентичность, словами Э. Эриксона, – «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности» [18. С. 27]. Подобно Фрейду Эриксон видит основанием самоидентификации историческое прошлое своего народа, нации, государства. Но, в отличие от З. Фрейда, Эриксон уже классифицирует идентичность на личностную и культурную. Процесс самоидентификации протекает преимущественно неосознанно, как психический импульс, а его суть заключена, во-первых, в оценке себя с точки зрения собственной и позиций других, во-вторых, в сравнении суждений индивида и других о нем.

В дополнение к концепции Э. Эриксона Дж. Марсия предлагает ситуативную методику измерения идентичности. У автора самотождество – это «гипотетическая психологическая структура», проявляющая себя через типичные способы решения человеком возникающих перед ним проблем [19. Р. 7–28]. Критериями сформированности идентичности Дж. Марсия обозначил «принятие обязательств в сферах профессии и идеологии» [32].

Еще дальше Дж. Марсия идет Э. Уотерман, обозначая самоидентификацию процессом формирования психической структуры, обладающей набором элементов. Среди них цели, ценности, убеждения, способствующие проявлению себя в главных жизненных системах: профессии, религии, политике, социальной среде [6. С. 18].

Э. Эриксону и Дж. Марсии вторит Д. Мид, заявляя, что нашу идентичность определяет опыт.

В отличие от Э. Эриксона Д. Мид детализирует понятие прошлого в контексте исследования процессов самоидентификации и детерминирует его как неизменное (в значении того, что было нельзя переписать) и одновременно постоянно изменяемое (здесь два аспекта понимания, как нам видится: во-первых, представления о прошлом с течением времени у людей постоянно меняются, во-вторых, проживание настоящего заставляет возвращаться к прошлому, которое показывает разную значимость тех или иных

своих аспектов в контексте проживаемой в тот или иной момент времени ситуации). В концепции Д. Мида, индивид учится интерпретировать себя, только воспринимая то, как к нему относятся другие люди.

Объединяющим началом в теории Д. Мида и Э. Эриксона является признание обоими важности коммуникации, посредством которой в процессе самоидентификации осуществляется взаимодействие с самим собой и с внешним миром, а также само существование окружающей реальности. Таким образом, в процессе самоидентификации «модель действий и коммуникации с окружающим миром (Я-другие) переносится во внутренний план сознания и является основой для мышления» [33. С. 34].

А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и А.В. Петровский акцент делают на деятельностном аспекте процессов идентификации. Если у А.Н. Леонтьева и Э. Эриксона, самоотождествление – это процесс активного самоузнавания и самоосмысления, то А.В. Петровский усматривает в этом еще один важный момент. Самоидентификация не только представляет собой деятельность, она еще и инициирует ее по отношению к внешнему миру. В результате постепенного включения индивида в систему социальных связей и отношений посредством деятельностного обучения он приобретает самосознание, т.е. осознание того, кто он есть, проецируемое им на его дальнейшую активность.

В отличие от И. Гофмана, рассматривающего коммуникативные аспекты идентификации и самоидентификации как само собой разумеющееся, Л.С. Выготский постулирует, что самоидентификация возможна лишь благодаря мыслительной и речевой деятельности индивида, осуществляемой исключительно под влиянием историко-культурного контекста его существования. Мышление и речь как средства коммуникации у Л.С. Выготского объединены «в значении слова» [34. С. 262]. Л.С. Выготский отвергает ассоциативное значение слова, которое рассматривает его как константу, как связь между предметом, называемым словом, и его качеством, в значении слова заключенном. Напротив, Л.С. Выготский говорит о том, что значение слова меняется вместе с тем, как трансформируются представления о предмете в коллективном сознании в процессе социальной практики. В результате одни и те же слова в разное историческое время начинают обозначать разное.

Концепция С.Л. Рубинштейна, в определенном смысле, консолидирует позиции А.Н. Леонтьева, Э. Эриксона, Д. Мида, с одной стороны, и А.В. Петровского – с другой, показывая, что соотнесение себя с собой в собственном сознании продиктовано потребностью, но при этом сопряжено с самопознанием и, одновременно, с эмоциональным переживанием самоузнавания, реализующегося в результате субъективно-когнитивной деятельности.

Особняком среди рассматриваемых позиций стоит концепция Э. Гуссерля, понимающего процессы самоидентификации исключительно в аспекте формирования и деятельности сознания. Самоидентификация протекает у философа многоступенчато. Во-первых, она есть отражение психических переживаний, к которым относятся «акты восприятия, образы фантазии и

отражения, акты понятийного мышления, предположения и сомнения, радости и горести, надежды и опасения, желания и воления и т.п.» [25. С. 133]. Во-вторых, самоидентификация реализуется через восприятие телесного и психического образов индивида, переживание которых ведет к «осознанию единства сознания» [25. С. 135]. Помимо рассмотренных, Э. Гуссерль вводит также термин «чистое Я» [25. С. 147], которое выступает субъектом по отношению к переживаниям предыдущих субъективных образов восприятия. Чистое Я рассматривается философом в качестве процесса бытия, которое не может быть предметом, поскольку является отправной точкой всякого самоотождествления. Таким образом, самоидентификация проявляется в установлении тождества трех Я: как отражения совокупности переживаний всего воспринятого, как опредмеченности себя во внешнем бытии и утверждение бытия внутреннего «чистого Я».

Среди современных российских исследователей есть те, кто, подобно Дж. Марсии, рассматривает процессы самоидентификации как результат формирования и последующей трансформации самосознания. В частности, И.И. Кравченко, А.И. Матвеева и другие утверждают, что самосознание – это «рефлексия, верификация, естественное продолжение сознания на всех его уровнях» [27. С. 21], которое дает возможность строить концепты окружающей реальности и самого себя. Идентичность суть результат работы самосознания, посредством которого человек становится как бы вписанным в социокультурную действительность и может осуществлять жизнедеятельность в различных ее формах [35].

Таким образом, натуралистические концепции идентификации и самоидентификации личности многообразны по широте подходов и методик. Согласно их социально-философскому осмыслению в большей части исследований речь идет не об идентификации, а преимущественно о самоидентификации, где личность формирует тождество сама с собой. В целом же исследования показывают, что идентичность содержит в себе индивидуальное принятие и преломление культурных паттернов, позволяющие личности активно действовать в реальности своего бытия, а потому тождество – величина не постоянная, а динамично меняющаяся под влиянием внешних социальных и внутренних психологических процессов. Самоидентификацию можно исследовать в рамках формирования самосознания, без которого потребность в самоузнавании не могла бы быть реализована. Важным аспектом исследования процессов идентификации и самоидентификации личности является ее коммуникативная сторона. Самотождество возможно лишь посредством интеракции индивида с самим собой и внешним миром, инструментами которого являются мышление и речь, реализуемые в знаково-символьных категориях.

Кроме того, идентификация – сама по себе деятельность, нацеленная на внутренний мир личности, реализуемая посредством самовосприятия, самозерцания и репрезентации себя, а также инициирующая деятельность индивида, нацеленную на удовлетворение личностных и социальных потребностей.

Более того, идентификация и самоидентификация – это процессы, при определенных условиях управляемые извне посредством манипуляции, в результате личность подсознательно идентифицирует себя с тем образом, который укладывается в социальные ожидания и приносит, благодаря подобной конформности, определенные выгоды.

Таким образом, синтез и обобщение имеющихся концепций по вопросам сущности идентификации убедительно доказывают, что в ее основе лежит по-

требность в самоузнавании, понимании и утверждении собственной самости, что дает прочный фундамент индивиду для дальнейшей организации собственной жизнедеятельности. Однако, опираясь на психологизмы личности, идентификация все же испытывает на себе существенное влияние изменений социальной реальности. Результатом внешних воздействий может стать трансформация идентификационных оснований и, как следствие, кардинальное изменение представлений о самом себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Диалоги. Кн. 2. М. : Эксмо, 2008. 1360с.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.
3. Локк Дж. Сочинения в трех томах. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
4. Дьюи Дж. Школа и общество. М., 1924. URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/_02_Dewey_J_The_School_and_Society.htm (дата обращения: 15.02.2020).
5. Счастливая Т.В. Труд и проблема сущности человека // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-i-problema-suschnosti-cheloveka/viewer> (дата обращения: 20.01.2020).
6. Патырбаева К.В., Козлов В.В. и др. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты. Пермь : Перм. гос. нац.-исслед. ун-т, 2012. 250 с.
7. Страдзе А.Э. Социальная активность: позиционирование в социальном пространстве // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/5/sociologiya/stradze.pdf; (дата обращения: 26.02.2020).
8. Васильева О.А. Субъективность как инструмент политического доминирования // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnost-kak-instrument-politicheskogo-dominirovaniya/viewer> (дата обращения: 12.02.2020).
9. Спиноза Бенедикт. Избранное. Минск : Попурри, 1999. 592 с.
10. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск : Попурри, 1998. 720 с.
11. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 800 с.
12. Декарт Р. Сочинения в 2 т. / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М. : Мысль, 1989. Т. I. 654 с.
13. Фейербах Л. Сущность христианства. URL: http://socialistica.lenin.ru/txt/f/feuerbach_1.htm (дата обращения: 26.02.2020).
14. Платон. Сочинения в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во СПб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1. 632 с.
15. Беседы Эпиктета. М. : Ладомир, 1997. 312 с.
16. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Собрание сочинений : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. 732 с.
17. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. М. : Совр. гуманист. академия, 2007. 528 с.
18. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 86 с.
19. Marcia J.E. Identity and Psychosocial Development in Adulthood // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2002. № 2 (1). P. 7–28.
20. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Книга по требованию, 2012. 130 с.
21. Петровский А.В. Что мы знаем и чего не знаем о себе? М. : Педагогика, 1988. 160 с.
22. Иойлева Г.В. Мышление (динамика мысли) как основополагающий фундамент сознания // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/9/philosophy/iioyleva.pdf (дата обращения: 19.02.2020).
23. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003. 512 с.
24. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо; Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
25. Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с.
26. Зелинский С.А. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик. СПб. : Издательско-торговый дом «СКИФИЯ», 2008. 248 с.
27. Кравченко И.И. Политика и сознание // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 14–27.
28. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет, 1995. 320 с.
29. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
30. Маркузе Г. Одномерный человек // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5440/5443> (дата обращения: 29.02.2020).
31. Канетти Э. Масса и власть. М. : Ad Marginem, 1997. 527 с.
32. Татарко С.А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии // Психологическая диагностика. 2009. № 1. URL: <http://scipeople.ru/publication/67368/> (дата обращения: 20.01.2020).
33. Белик А.А. Теория «Я» Дж.Г. Мида и психологическая антропология // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 31–43.
34. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.; Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. 326 с.
35. Матвеева А.И. Принципы формирования мировоззренческих идеалов личности: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-formirovaniya-mirovozzrencheskih-idealov-lichnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz-1/viewer> (дата обращения: 10.02.2020).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 13 июля 2020 г.

Constructing the Processes of a Person's Identification and Self-Identification Within a Naturalistic Approach

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 90–96.

DOI: 10.17223/15617793/460/11

Anna S. Petrakova, Novorossiysk Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia (Novorossiysk, Russian Federation). E-mail: anvsch@mail.ru

Keywords: identification; identity; individuality; sociocultural context; personality psychologisms.

Issues of identity formation affect the essential foundations of human being in the world. The identification processes carried out by a person allow him/her to self-determine in society, to understand his/her own place in the structure of social relations and the

purpose of his/her life. To date, science has no unambiguous understanding of the essence of identification. In this regard, this article is aimed at identifying the bases and factors of the processes of identification. In this study, the author mainly used a naturalistic approach to the understanding of the processes of identification, since it offers the basis for identification to consider the individual need of a person for self-determination. Based on the methods of comparative analysis, synthesis, generalization and abstraction, the basic concepts on the problem of identification were compared, the general and the specific in the points of view of various authors were identified, which contributed to a more thorough and detailed study of the phenomenon of identification. Identification is a process of interaction with the external, mainly social environment, during which a person identifies with objects and phenomena of the external world. The basis of identification, as shown by the study of most of the concepts available in science, is the human need for self-recognition. It is this need that initiates the process itself. However, in the course of identification, the sociocultural context plays a crucial role, in which a person recognizes oneself in others by searching for common foundations of being. In turn, self-identification allows comparing the components of oneself with each other via thought communication. In unity, the processes of identification and self-identification form the identity of a person, both to oneself and to society. Identity initiates behavioral manifestations. In itself, it is unstable, since it is influenced by the external social environment. Identification can occur both for several reasons, and for many. Moreover, the sense of identity can be both actual, based on the analysis of the qualities of objects of the external world and their comparison with their own characteristics, and fictitious, formed as a result of inspiring the individual to be convinced of similarity. In the latter case, we are talking about manipulation. Identity is a prerequisite for the successful socialization of an individual, as it allows not only identifying identity with society, but also realizing its integrity and isolation from it. All this allows a person to function and develop harmoniously. The materials of the article are of practical value, since they can be used as a theoretical and methodological basis for the further development of the problem of personal identification in the framework of socio-philosophical or wider humanitarian research.

REFERENCES

1. Plato. (2008) *Dialogi* [Dialogues]. Translated from Old Greek. Book 2. Moscow: Eksmo.
2. Aristotle. (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in four volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 376–644.
3. Locke, J. (1988) *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in three volumes]. Translated from English. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
4. Dewey, J. (1924) *Shkola i obshchestvo* [The School and Society]. Translated from English. [Online] Available from: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Dewey/02_Dewey_J_The_School_and_Society.htm. (Accessed: 15.02.2020).
5. Schastlivaya, T.V. (2013) Labour and Human Being Nature. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-i-problema-suschnosti-cheloveka/viewer>. (Accessed: 20.01.2020). (In Russian).
6. Patyrbaeva, K.V. et al. (2012) *Identichnost': sotsial'no-psichologicheskie i sotsial'no-filosofskie aspekty* [Identity: socio-psychological and socio-philosophical aspects]. Perm: Perm State University.
7. Stradze, A.E. (2013) Social activity: positioning in the social space. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 5. [Online] Available from: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/5/sociologiya/stradze.pdf. (Accessed: 26.02.2020). (In Russian).
8. Vasil'eva, O.A. (2013) Subjectivity as an Instrument of Political Domination. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 8. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnost-kak-instrument-politicheskogo-dominirovaniya/viewer>. (Accessed: 12.02.2020). (In Russian).
9. Spinoza, B. (1999) *Izbrannoe* [Selected works]. Translated from Dutch and Latin. Minsk: Popurri.
10. Hume, D. (1998) *Traktat o chelovecheskoy prirode* [A Treatise of Human Nature.]. Translated from English. Minsk: Popurri.
11. Montesquieu, Ch.-L. (1955) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from French. Moscow: Gospolitizdat.
12. Descartes, R. (1989) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 volumes]. Translated from French. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
13. Feuerbach, L. (2020) *Sushchnost' khristianstva* [The essence of Christianity]. Translated from German. [Online] Available from: http://socialistica.lenin.ru/txt/f/feuerbach_1.htm. (Accessed: 26.02.2020).
14. Plato. (2006) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Izd-vo Olega Abyshko.
15. Epictetus. (1997) *Besedy Epikteta* [Discourses of Epictetus]. Translated from Old Greek. Moscow: Ladomir.
16. Hobbes, T. (1991) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected works: in 2 vols]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
17. Freud, S. (2007) *Vvedenie v psichoanaliz: lektzii* [Introduction to psychoanalysis: lectures]. Translated from German. Moscow: Sovr. gumanit. akademiya.
18. Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Translated from English. Moscow: Progress.
19. Marcia, J.E. (2002) Identity and Psychosocial Development in Adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2 (1). pp. 7–28.
20. Leont'ev, A.N. (2012) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Kniga po trebovaniyu.
21. Petrovskiy, A.V. (1988) *Chto my znaem i chego ne znaem o sebe?* [What do we know and what we don't know about ourselves?]. Moscow: Pedagogika.
22. Ioyleva, G.V. (2015) Thinking (Thought Dynamics) as a Pivotal Basis of Consciousness. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 9. [Online] Available from: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/9/philosophy/ioyleva.pdf. (Accessed: 19.02.2020). (In Russian).
23. Rubinshteyn, S.L. (2003) *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world]. St. Petersburg: Piter.
24. Dotsenko, E.L. (1997) *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow: CheRo; Moscow State University.
25. Husserl, E. (2005) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Translated from German. Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego".
26. Zelinskiy, S.A. (2008) *Manipulyatsii massami i psichoanaliz. Manipulirovanie massovymi psikhicheskimi protsessami posredstvom psichoanaliticheskikh metodik* [Manipulating crowds and psychoanalysis. Manipulation of mass mental processes through psychoanalytic techniques]. St. Petersburg: Izdatel'sko-torgovyy dom "SKIFIYA".
27. Kravchenko, I.I. (2006) Politika i soznanie [Politics and Consciousness]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 11. pp. 14–27.
28. Le Bon, G. (1995) *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples and Masses]. Translated from French. St. Petersburg: Maket.
29. Goffman, E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Translated from English. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.
30. Marcuse, H. (2012) *Odnomernyy chelovek* [One-dimensional man]. Translated from English by A. Yudin. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5440/5443>. (Accessed: 29.02.2020).
31. Canetti, E. (1997) *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem.
32. Tatarko, S.A. (2009) Izmerenie identichnosti v ramkakh statusnoy modeli Dzh. Marsii [Measuring identity in the framework of J. Marcia's status model]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 1. [Online] Available from: <http://sciepeople.ru/publication/67368/>. (Accessed: 20.01.2020).

33. Belik, A.A. (2011) G. Mead's Theory of "Self" and Psychological Anthropology. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 1. pp. 31–43. (In Russian).
34. Vygotskiy, L.S. (1934) *Myshlenie i rech'*. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and speaking. Psychological studies]. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekonom. izd-vo.
35. Matveeva, A.I. (2011) Principles of Formation of Worldview Ideals of the Person: Social and Philosophical Analysis. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 5. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-formirovaniya-mirovozzrencheskih-idealov-lichnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz-1/viewer>. (Accessed: 10.02.2020). (In Russian).

Received: 13 July 2020

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 342.724

А.А. Ашмарина, А.Е. Цымбалова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СТРУКТУРА КЛЮЧЕВЫХ МИНИСТЕРСТВ КОРОЛЕВСТВА ИСПАНИИ ПО БОРЬБЕ С РАСИЗМОМ, КСЕНОФОБИЕЙ И ДРУГИМИ ВИДАМИ ДИСКРИМИНАЦИИ

Рассматриваются структурно-функциональные особенности трех ключевых министерств Королевства Испании, непосредственно задействованных в сфере борьбы с различными видами дискриминации и нетерпимости. К данным ведомствам стоит отнести Министерство внутренних дел, Министерство труда, миграции и социального обеспечения, а также Министерство президентства по связям с судами и вопросам равноправия. Изучаются различные аспекты их взаимодействия, а также ряд программ, реализуемых в этой сфере в последние годы.

Ключевые слова: расизм; ксенофобия; борьба с дискриминацией; преступление на почве ненависти; министерства; программа; Королевство Испания.

Статья посвящена рассмотрению таких актуальных в современной Европе явлений как дискриминация и нетерпимость, подразумевающих различные формы нарушений прав человека и отсутствие уважения к убеждениям других людей. Актуальность работы заключается в том, что дискриминация и нетерпимость различных видов являются наиболее сложными для выявления ввиду многогранности и отсутствия ограниченных конкретных черт и признаков их проявления, поэтому важным аспектом является анализ деятельности государства, в данном случае Королевства Испании, в области противодействия дискриминации и нетерпимости. Кроме того, подобные явления постепенно набирают силу в европейских государствах в связи с наплывом большого количества мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки в период миграционного кризиса в Европе в 2015 г., что также стимулирует научный интерес к исследованию государственной политики в борьбе с проявлениями дискриминации и нетерпимости.

Авторы ставят перед собой цель раскрыть особенности деятельности государственных институтов Испании в сфере противодействия и превентивных мер в отношении проявлений различных видов дискриминации и нетерпимости. Для реализации данной цели используются такие общенаучные методы, как: анализ для выделения ключевых направлений деятельности министерств и их всестороннего изучения; сравнение для выявления общих и особенных функций каждого из органов; обобщение для определения наиболее характерных направлений борьбы с дискриминацией в Испании. В качестве основного подхода выбран институциональный, так как он позволяет наиболее удачно раскрыть особенности взаимодействия и функционирования ключевых ведомств, задействованных в борьбе с расизмом и ксенофобией.

В ходе работы авторы опирались на такие источники, как официальные электронные ресурсы государственных структур Испании: Министерства труда, миграции и социального обеспечения, Министерства президентства по связям с судами и вопросам равноправия, Совета по распространению идей равноправия и борьбой с дискриминацией по расовым и этни-

ческим признакам, Министерства юстиции, МВД Испании, Испанской обсерватории по вопросам расизма и ксенофобии. Помимо анализа структурных особенностей данных министерств, представленный в виде диаграмм и схем на сайтах, детально рассмотрена деятельность этих органов. Для этой цели привлечены различные программы, планы и отчеты в которых нашли свое отражение основные мероприятия, принимаемые для борьбы с разными видами дискриминации. Кроме того, источниковую базу исследования составляет законодательная база Королевства по вопросам борьбы с дискриминацией и нетерпимостью, а также соглашения Испании с международными организациями, которые занимаются данными вопросами.

Борьбой с дискриминацией по расовому и этническому признаку в Испании занимается целый ряд институтов и организаций как на государственном, так и на автономном и городском уровнях, но в рамках данной статьи хотелось бы сосредоточить внимание на деятельности трех ключевых органов: Министерство внутренних дел, Министерство труда, миграции и социального обеспечения и Министерство президентства по связям с судами и вопросам равноправия.

В рамках Министерства президентства по связям с судами и вопросам равноправия одним из ведущих органов, задействованных в этой сфере, является Государственный секретариат по вопросам равенства, возглавляемый на настоящий момент Соледад Мурильо. Значительную часть своей работы она посвятила вопросам социальной мобильности женщин в сферах здравоохранения, занятости и экономики. В функционал Государственного секретаря входит: разработка политики правительства в отношении равенства и предотвращение всех форм дискриминации, искоренение всех форм насилия, координация и контроль политики государственной администрации в отношении равного обращения, налаживание сотрудничества с администрациями автономных сообществ. Кроме того, госсекретарь предлагает и разрабатывает нормы, меры и действия по поощрению принципа равенства и недискриминации.

Важно упомянуть роль С. Мурильо в реализации политики борьбы с трудовой дискриминацией сов-

местно с соответствующими органами Министерства труда, миграции и социального обеспечения, а также взаимодействие с органами Министерства иностранных дел и Европейского союза, в рамках которого Государственный секретарь осуществляет мониторинг международных соглашений о равенстве. В его функции также входит контроль за организацией и участием Испании в международных саммитах и мероприятиях, кроме того, подготовка докладов и совещаний по вопросам равенства. Государственный секретарь вносит вклад в разработку и реализацию политики занятости Сообщества, в частности Европейской стратегии 2020 [1]. Соледад Мурильо активно сотрудничает с Институтом по проблемам женщин и равных возможностей, который является автономным органом при Министерстве, а также с правительственной делегацией по гендерному насилию. Большое внимание С. Мурильо уделяет вопросу самореализации женщин в современном мире. В сентябре 2018 г. была проведена встреча по обсуждению поддержки предпринимательства женщин в цифровую эпоху [2]. Кроме того, в сентябре на встрече с представителями женских ассоциаций был предложен пакт против гендерного насилия [3]. Таким образом, деятельность госсекретаря в данный момент сфокусирована, в значительной степени на отстаивании позиции гендерного равноправия.

В 2011 г. при Министерстве президентства по связям с судами и вопросам равноправия было создано Главное управление по равноправию и возможностям (*Dirección General para la Igualdad de Oportunidades*) [4]. Управление возглавляет Игнасио Сола. Среди основных функций данного управления можно выделить: развитие и повсеместное распространение принципа равенства и борьбу с дискриминацией; создание, разработку и координацию различных программ по искоренению дискриминации на государственном уровне, а также сотрудничество с автономными сообществами и другими государственными и частными учреждениями; реализацию докладов и исследований, анализ статистических данных в сфере борьбы с дискриминацией, а также взаимодействие по этим вопросам с другими министерскими департаментами, государственными и частными институтами на международном, национальном, региональном и локальном уровнях; оказание помощи жертвам дискриминации; создание механизмов для совместной деятельности по обучению работников общественных администраций. Особое внимание уделяется сфере образования, где дискриминационные процессы проявляют себя наиболее ярко. Немаловажным аспектом является функция координации и проведения государственной политики в рамках ключевых программ Европейского союза.

Следующим органом, активно работающим в выше обозначенной сфере, является Совет по распространению идей равноправия и борьбе с дискриминацией по расовым и этническим признакам (*Consejo para la promoción de la igualdad de trato y no discriminación de las personas por el origen racial o étnico*), созданный в 2007 г., действующий как коллегиальный орган Главной общественной администра-

ции государства и формально относящийся к Главному управлению по равноправию. Предпосылкой к созданию подобной структуры явилось утверждение органами Европейского союза Директивы 2000/43 ЕС [5]. Статья 13 данного документа обязала каждое государство – член ЕС сформировать специальные органы, которые контролировали бы вопросы, связанные с проявлением расовой и этнической дискриминации. Власти Испании интегрировали директиву в национальную законодательную базу в конце 2003 г. Об этом свидетельствует Закон 62/2003 от 30 декабря об административных фискальных мерах и социальном заказе [6]. Глава 3, раздел 2 данного закона посвящены обсуждению необходимости соблюдения «принципа равного обращения и недискриминации». Статья 33 обозначила необходимость создания коллегиального органа, объединяющего в себе министерства и государственные организации, деятельность которых так или иначе связана с обеспечением равенства по этническому и расовому признаку.

Деятельность Совета регулируется рядом нормативных документов: Королевский указ 1262/2007 от 21 сентября – регламентирует состав, полномочия и режим работы Совета по поощрению равного обращения и недискриминации по признаку расы или этнического происхождения [7], Королевский указ 1044/2009 от 29 июня, который изменяет Королевский указ 1262/2007 от 21 сентября [8], Приказ SSI / 1075/2013 от 4 июня о назначении г-на Фернандо Рей Мартинеса Председателем Совета по поощрению равного обращения и недискриминации лиц по расовому или этническому происхождению [9]. В 2014 г. организация была переименована в Совет по ликвидации расовой или этнической дискриминации и была фактически прикреплена к автономному Институту по проблемам женщин и равных возможностей [10].

В состав Совета входят: администрации регионального уровня, такие как Генеральный технический секретариат Министерства юстиции, Главное управление внутренней политики МВД, Генеральный технический секретариат Министерства развития, Главное управление территориальной оценки и сотрудничества Министерства образования, культуры и спорта, Генеральный секретариат иммиграции и эмиграции Министерства занятости и социального обеспечения, Главное управление по обслуживанию семьи и детей Министерства здравоохранения, социальной политики и равноправия. Кроме того, в рамках Совета действует ряд местных администраций, профсоюзы, деловые организации и автономные сообщества, которые представлены Главным управлением социальных служб и помощи наркоманам Автономного сообщества Андалусия, Главным управлением по вопросам равенства, женщин и молодежи Автономного сообщества Кантабрия, Институтом женщин Кастилии – Ла Манча, Женским институтом Эстремадура.

Основной целью Совета является соблюдение и продвижение принципа равного обращения и недискриминации людей по расовому и этническому признаку в сфере здравоохранения, образования, занятости и обучения, социальных услуг и т.д. Работа организации имеет определенную структуру: пленарное заседа-

ние, члены которого принимают стратегические решения, постоянная комиссия, осуществляющая подготовку к пленарным заседаниям, а также четыре рабочих группы, которые занимаются консультацией пленума и контролем действий в сфере законодательства, обработки и передачи информации, составление исследований и отчетов, помощь жертвам дискриминации.

Совет осуществляет целый ряд важных и разнообразных функций. Во-первых, Совет занимается обработкой запросов жертв дискриминации и их консультированием. Во-вторых, одной из основных функций является активное содействие мерам, способствующим равному обращению и искоренению дискриминации. В этой сфере Совет разрабатывает предложения и рекомендации по решению обозначенных вопросов. Здесь необходимо отметить следующие аспекты: предварительный анализ существующих правил в данной области, предоставление консультаций и подробной информации о существующей антидискриминационной практике, продвижение и распространение знаний с помощью учебных мероприятий, а также налаживание механизмов сотрудничества и обмена информацией с соответствующими организациями и структурами различного уровня и, наконец, выдвижение инициатив и рекомендаций по внедрению и развитию планов и программ борьбы с дискриминацией. В-третьих, в функции Совета входит строгая ежегодная отчетность перед Министерством по вопросам равноправия [11].

В целом деятельность Совета можно проследить по его рабочим программам. Одна из подобных программ была составлена на период 2013–2015 гг. Согласно рабочему плану действия Совета были сконцентрированы на пяти основных направлениях [12]:

- помощь жертвам дискриминации (развитие службы помощи жертвам дискриминации, работа над расширением деятельности службы, в том числе поиск ресурсов для пострадавших);

- исследования, доклады, рекомендации (подготовка отчетов о формировании новых законопроектов или инструментов государственной политики, связанных с продвижением принципа равного обращения, выдвижение собственных экспертных рекомендаций по искоренению дискриминации);

- сотрудничество, обучение, просвещение (широкое распространение информации о деятельности Совета в обществе, взаимодействие со СМИ и распространение положительной информации об этнических и расовых меньшинствах, обучение принципу равного обращения, подготовка образовательных материалов о равном обращении и недискриминации);

- институциональное направление (углубление взаимодействия с организациями и другими ключевыми агентами для борьбы с дискриминацией);

- улучшение внутреннего взаимодействия между различными структурами [13].

В числе планируемых мероприятий на 2014 г. были указаны рекомендации по борьбе с расизмом в ходе избирательных кампаний, расширение участия Совета в деятельности международных организаций, отстаивающих права человека, развитие социальных сетей организации, проведение ряда учебных меро-

приятий. Однако после декабря 2013 г. деятельность Совета была фактически заморожена, вплоть до 2018 г., когда новым Председателем был избран Анхелес Соланес. Соланес отметил нарастающую потребность общества в возобновлении работы Совета как одного из ключевых агентов продвижения борьбы с расизмом и ксенофобией и указал на необходимость углубления сотрудничества между его членами [14]. Он также представил собственные разработки по правовым аспектам мультикультурализма, миграционной политики, равенства и разнообразия, гражданства и т.д. Присутствовавший на встрече Генеральный директор по вопросам равноправия и разнообразия Игнасио Сола подтвердил готовность министерства бороться с дискриминацией, особенно в современных условиях, когда, по словам директора, все больше внимания в обществе уделяется вопросам расизма и ксенофобии.

Еще одним ключевым ведомством, непосредственно задействованным в вопросах борьбы с разными формами дискриминации, является Министерство труда, миграции и социального обеспечения (Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social). В рамках данного Министерства основным органом, отвечающим за работу с мигрантами, является Главный секретариат иммиграции и эмиграции, в него входят Секретариат по вопросам миграции, Секретариат социального обеспечения и Секретариат по вопросам занятости. В контексте выбранной темы наибольший интерес представляет Секретариат по вопросам миграции, к которому относятся Главное управление по вопросам интеграции и гуманитарной помощи (Dirección General de Integración y Atención Humanitaria), Главное управление по вопросам миграции (Dirección General de Migraciones) и Постоянная миграционная обсерватория (Observatorio Permanente de la Inmigración) [15].

Главное управление по вопросам интеграции и гуманитарной помощи состоит из целого ряда подразделений, отвечающих за отдельные аспекты взаимодействия с иммигрантами. Данное ведомство отвечает за планирование, развитие и управление национальной системой комплексного приема и интеграции лиц, ищущих убежища, беженцев и других лиц, пользующихся международной защитой, лиц без гражданства и лиц, находящихся под режимом временной защиты. Решает вопросы, связанные с распределением государственных субсидий и сотрудничает с государственными и частными организациями в этой сфере, разрабатывает и управляет программами, связанными с возвращением эмигрантов, воссоединением семей, а также приемом и интеграцией легальных трудовых мигрантов. Отвечает за руководство и осуществляет мониторинг деятельности центров временного проживания иммигрантов и приютов для беженцев [16].

Испанская Обсерватория по вопросам расизма и ксенофобии (Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia – Oberaxe) была учреждена в соответствии со статьей 71 закона «О правах и свободах иностранцев в Испании и их социальной интеграции» от 11 января 2000 г. В настоящий момент входит в состав Главного управления по вопросам интеграции и гуманитарной помощи [17].

Обсерватория выполняет следующие функции: сбор и анализ информации об актах расизма и ксенофобии с целью выяснения текущей ситуации и последующего прогноза ее развития; распространение принципа равных возможностей и борьба с дискриминацией, а также противодействие расизму и ксенофобии; сотрудничество и координация с определенными государственными и частными институтами на государственном и международном уровне в сфере предотвращения и искоренения расизма и ксенофобии.

В своей деятельности Обсерватория руководствуется Всесторонней стратегией борьбы с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и другой связанной с ними нетерпимостью, утвержденной Советом министров 4 ноября 2011 г. Появление данной Стратегии было обусловлено как этнической неоднородностью Испании, так и международными обязательствами, принятыми в этой сфере. Интересно отметить, что в период с 2010 по 2013 г. Испания была членом Совета по правам человека [18].

С 2007 г. Обсерватория периодически публикует отчеты, в которых анализируются результаты опросов об отношении к иммиграции, что позволяет проследить определенную динамику и закономерности. Опросы проводит Центр социологических исследований по заказу Главного секретариата иммиграции и эмиграции [19]. Кроме того, на сайте Обсерватории можно найти большое количество материалов, посвященных преступлениям, совершенным на почве ненависти, таких как ежегодные отчеты о подобных преступлениях в Испании, мероприятия, проводимые для борьбы с ними, и нормативно-правовая база, регулирующая эти вопросы [20].

Что касается конкретных проектов, в которых была задействована Обсерватория, следует отметить «Тренинг по выявлению и регистрации расистских инцидентов (FIRIR)». Цель этого проекта состояла в том, чтобы улучшить подготовку сотрудников правоохранительных органов в вопросах равного обращения и борьбе с расовой или этнической дискриминацией посредством выявления и регистрации инцидентов в этой сфере. Проект был софинансирован Европейским Союзом в рамках Программы борьбы с дискриминацией и реализован в 2012 г. в тесном сотрудничестве между министерствами, органами и силами безопасности, а также неправительственными организациями.

Итогом деятельности данного проекта стала публикация «Руководства», в котором содержалась подробная информация о регистрации случаев расизма или ксенофобии, перечислялись действия полиции, необходимые для выявления этих инцидентов и дальнейшей работы с ними. Было подготовлено 165 инструкторов, которые, в свою очередь, обучили более чем 22 000 сотрудников Гражданской гвардии, Корпуса национальной полиции, Автономной полиции Страны басков, Каталонии и Наварры и местной полиции. Кроме того, содержание данного тренинга было включено в учебный процесс школ подготовки и повышения квалификации сотрудников органов правопорядка [21].

В период с 2017 по 2019 г. Обсерватория выступала координатором в проекте «Близкая полиция против расизма, ксенофобии и других форм нетерпимости». Наряду с Испанией в нем участвовали такие европейские страны, как Латвия, Эстония, Португалия, Италия, Финляндия, Болгария и Великобритания. Европейский союз осуществлял финансирование данного проекта в рамках программы «Права, равенство и гражданство» Генерального директората юстиции Европейской комиссии, принятой в 2016 г. Основная цель и идея проекта состояли в том, что именно муниципальная полиция поддерживает гораздо более тесные отношения с местным сообществом и лучше знает его особенности и проблемы, что может иметь ключевое значение для информирования о случаях расизма, ксенофобии и других форм нетерпимости и их предотвращения.

По итогам деятельности было подготовлено сравнительное исследование, в котором были проанализированы лучшие практики по борьбе с расизмом, ксенофобией и другими видами дискриминации, реализованные в странах – участницах проекта. Была создана Программа по взаимному обмену опытом и обучению для местных властей и в особенности полиции, а также подготовлено методическое руководство, включающее рекомендации и определяющее основные направления деятельности [22].

Кроме того, Обсерватория совместно с Главным управлением по вопросам интеграции и гуманитарной помощи участвуют в таком крупномасштабном проекте, как «Дискурс ненависти, расизма и ксенофобии: механизмы оповещения и скоординированные действия (ALRECO)», одобренном Европейской комиссией в рамках реализации программы «Права, равенство и гражданство (REC)», специально предназначенной для национальных органов власти.

Срок реализации проекта рассчитан на два года – с 1 ноября 2018 г. по 31 октября 2020 г. Финансирование проекта составляет 262 97390 евро, из которых ЕС вносит 210 37500 евро (80%). Целью проекта являются повышение эффективности государственных органов в сфере выявления, анализа, мониторинга и оценки фактов разжигания ненависти в интернете, а также разработка общих стратегий борьбы с расизмом, ксенофобией, исламофобией или антисемитизмом [23].

В рамках деятельности данной Обсерватории стоит отметить Ресурсный центр по борьбе с дискриминацией (Centro de Recursos Antidiscriminación – CREADI), оказывающий юридическую, психологическую, консультативную, информационную и посредническую помощь жертвам расизма и ксенофобии [24]. Кроме того, Обсерватория координирует деятельность национального контактного пункта Европейской миграционной сети. Это способствует более эффективному взаимодействию на европейском и международном уровне при подготовке отчетов и предоставлении статистических данных [25].

К органам антидискриминационной политики относится также Главное подразделение по вопросам интеграции и институциональных отношений (Subdirección General de Integración y Relaciones

Institucionales), подчиняющееся непосредственно Главному управлению по вопросам интеграции и гуманитарной помощи Министерства труда, миграции и социального обеспечения. Оно способствует распространению и реализации политики, направленной на борьбу с дискриминацией и создание равных возможностей посредством проведения программ при участии неправительственных организаций, локальных учреждений и дотаций из Европейского фонда интеграции, Европейского социального фонда и Европейского фонда беженцев [26].

И завершая анализ ключевых министерств Королевства Испании, занимающихся противодействием расизму и ксенофобии, стоит рассмотреть Министерство внутренних дел. Данное министерство имеет достаточно разветвленную и сложную структуру, поэтому хотелось бы подробнее остановиться на основных секретариатах, задействованных именно в сфере борьбы с различными формами дискриминации.

На настоящий момент пост министра внутренних дел занимает уроженец города Бильбао Фернандо Гранде-Марласка Гомес [27]. Основными функциями министра являются разработка и реализация государственной политики в сфере общественной безопасности, формирование условий для реализации основных прав человека, а также осуществление командования силами государственной безопасности. Министерство подвергалось неоднократной реструктуризации, последний закон, закрепляющий его структуру и функции, был принят 27 июля 2018 г. [28].

Одним из руководящих органов является Кабинет министра, который контролирует деятельность канцелярии и координирует отношения между институтами, в том случае когда необходимо прямое вмешательство министра внутренних дел [29]. Министру непосредственно подчиняется Служба связи, директор которой является официальным представителем МВД. Кроме того, Служба осуществляет и согласовывает общественную и информационную деятельность отдельных служб департамента взаимодействует со средствами массовой информации, распространяет общую информацию отдела, отвечает за наполнение контента официального сайта [30].

Секретариат государственной безопасности и Секретариат заместителя министра внутренних дел являются ключевыми органами, подчиняются непосредственно министру внутренних дел и контролируют деятельность всех остальных учреждений. В свою очередь, Секретариату государственной безопасности подчиняются Главное управление полиции, Главное управление Гражданской гвардии, Главный секретариат по пенитенциарным учреждениям, Главное управление по международным отношениям и делам иностранцев. К Секретариату заместителя министра внутренних дел ведомственно относятся: Главное управление по внутренней политике, Главное управление по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям, Главное управление по оказанию помощи жертвам терроризма, Главное управление безопасности дорожного движения и Технический кабинет. Кроме того, Министерству внутренних дел подчиняются Национальный центр координации борьбы про-

тив терроризма, Национальная школа гражданской обороны, Национальный центр информации и документации и Европейский центр социальных исследований чрезвычайных положений [29].

Рассматривая функции Секретариата государственной безопасности в целом, стоит отметить, что он отвечает за создание условий для соблюдения основных прав и свобод человека, особенно в отношении свободы и личной безопасности; осуществляет командование силами государственной безопасности, координацию и мониторинг их деятельности; управляет международным полицейским сотрудничеством; отвечает за взаимодействие с Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (ЕКПП); осуществляет полномочия в сфере административных наказаний.

Следует подчеркнуть особую роль такого вспомогательного и консультативного органа, как Кабинет координации и исследований, входящий в состав Секретариата государственной безопасности. Он отвечает за подготовку инструкций, генеральных и оперативных планов по защите безопасности граждан; собирает статистические данные о преступности и подготавливает отчеты, разрабатывает план учебных мероприятий для сотрудников органов безопасности; координирует деятельность Национальной полиции, Гражданской гвардии и автономных полиций, направленных на защиту наиболее уязвимых групп населения. Данный отдел также выступает в роли испанского Центра европейской полицейской академии, поддерживает связи с аналогичными центрами Европейского союза и других стран, развивает сотрудничество с университетами [31].

В свою очередь, в 2018 г. в рамках Кабинета координации и исследований Секретариата государственной безопасности было создано отдельное Национальное управление по борьбе с преступлениями на почве ненависти. Данное подразделение занимается сбором и анализом информации для дальнейшей разработки общественных инициатив, которые позволяют предотвратить и искоренить преступления на почве ненависти, а также обобщением передового опыта в этой сфере на национальном и международном уровнях. Подготавливает и публикует исследования и доклады об общей ситуации с преступлениями на почве ненависти для выявления тенденций и закономерностей. Способствует взаимодействию органов национальной и региональной безопасности, а также других государственных и частных организаций, в том числе с международными структурами. Разрабатывает и внедряет основные принципы, которыми должны руководствоваться сотрудники правоохранительных органов в выявлении и расследовании инцидентов, которые могут быть квалифицированы как преступления на почве ненависти [32].

Особый интерес в связи с выбранной темой исследования представляет Главное управление по международным отношениям и делам иностранцев. Данное управление включает в себя Главное подразделение по международной полицейской кооперации и Главное управление по иммиграции и делам ино-

странцев. Если рассматривать функции управления в целом, то оно отвечает за международный аспект деятельности министерства и взаимодействие министра с властями других правительств в рамках их полномочий, продвигает и обсуждает проекты, финансируемые европейскими фондами и международными организациями.

Главное подразделение по международной полицейской кооперации отвечает за координацию международного полицейского сотрудничества, определяющей программы действий технических органов МВД, существующих в дипломатических миссиях, а также их внутреннюю структуру и бюджет. Главное управление по иммиграции и делам иностранцев, входящее в состав Главного управления по международным отношениям и делам иностранцев, руководит участием представителей Министерства в группах и комитетах Совета ЕС, осуществляет мониторинг выполнения решений сообщества, взаимодействует с властями других государств в сфере своей компетенции, согласовывает действия с Министерством иностранных дел и сотрудничества [33].

Секретариат заместителя министра внутренних дел является вторым по важности органом, отвечающим за координацию деятельности нижестоящих отделов и решение кадровых вопросов, он контролирует электоральные процессы в пределах своей компетенции, регистрирует политические партии и занимается вопросами их финансирования, взаимодействует с представителями Правительства, осуществляет политику в сферах безопасности дорожного движения, гражданской обороны и защиты населения в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Кроме того, секретариат оказывает помощь и поддержку жертвам терроризма [34].

Важным органом, действующим в рамках Секретариата заместителя министра внутренних дел, служит Главное управление по оказанию помощи жертвам терроризма, основными задачами которого являются: оказание помощи и поддержки жертвам терроризма, связанной с комплексной защитой и сотрудничеством с различными государственными органами, а также информирование граждан о полномочиях МВД. В состав данного управления входят Главное подразделение по оказанию помощи жертвам терроризма и гражданам. В функции первого входит: сотрудничество с ассоциациями, фондами и другими государственными и частными учреждениями, целью которых является привлечение внимания к жертвам терроризма; взаимодействие с соответствующими органами центральной исполнительной власти по вопросам оказания помощи и поддержки жертвам терроризма для обеспечения полной защиты потерпевших; взаимодействие с отделениями судов и прокуратур по данным вопросам.

Главное подразделение по оказанию помощи жертвам терроризма и гражданам занимается информированием жертв терроризма относительно возможности получения государственной помощи; управлением и координацией деятельности информационных бюро и ведением базы данных; решением вопросов о

предоставлении компенсации лицам, пострадавшим от террористических актов; документальной и технической поддержкой информбюро, содействием обмену информационными материалами между ними и распространению публикаций и других средств массовой информации [35. С. 93].

Свою роль в отстаивании принципа недискриминации играет и Межведомственная комиссия по делам иностранных граждан (Comisión Interministerial de Extranjería) [36], которая действует при Министерстве внутренних дел. Данный орган действует в качестве коллегиальной структуры. В отличие от Совета по ликвидации расовой или этнической дискриминации, основной функцией Комиссии является обсуждение, анализ всех инициатив и предложений, исходящих от остальных департаментов министерств, чья деятельность связана с иммиграцией и работой с иностранными гражданами. Кроме того, структура осуществляет информирование всех департаментов по вышеозначенным вопросам. Важной задачей Комиссии представляется мониторинг и разработка мероприятий не только в рамках Европейского Союза, но и в других международных организациях, впрочем, интересы Испании занимают не последнее место в деятельности данного органа. Председателем комиссии является Секретарь по вопросам иммиграции и эмиграции.

Проанализировав структурно-функциональные особенности ключевых министерств Испании, действующих в области противодействия различным видам нетерпимости, можно сказать, что данной теме действительно уделяется довольно пристальное внимание. Связано это не только с тем, что такие проблемы существуют и признаются в испанском обществе, но и с международными обязательствами, взятыми на себя Испанией в этой сфере. Касается это не только соответствующих конвенций и соглашений, но и некоторых программ, которые финансируются Европейским союзом, например «Дискурс ненависти, расизма и ксенофобии: механизмы оповещения и скоординированные действия (AL-RE-CO)». Появление такого интересного коллегиального органа, как Совет по ликвидации расовой и этнической дискриминации, было связано непосредственно с Директивой ЕС, предписывающей странам-членам создать орган, занимающийся вопросами расовой и этнической дискриминации. Равно как и Всесторонняя стратегия борьбы с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией, была утверждена в период, когда Испания была членом Совета по правам человека.

Несмотря на то что у всех министерств есть такие общие направления деятельности, как налаживание более тесного взаимодействия с гражданским обществом и улучшение его информированности о различных формах дискриминации и нетерпимости, а также дальнейших действиях, в случае возникновения подобных инцидентов каждому из них присуща некоторая специфика. Министерство президентства по связям с судами и вопросам равноправия занимается довольно широким спектром вопросов от гендерного равноправия до предоставления равных возможностей пожилым людям и людям с

ограниченными возможностями в экономике, образовании, здравоохранении, политике и т.д. В рамках Министерства труда, миграции и социального обеспечения осуществляется основная работа по взаимодействию с мигрантами, лицами, ищущими убежища, беженцами, лицами без гражданства и лицами, находящимися под режимом временной защиты. Взаимодействие включает в себя как накопление, систематизацию и анализ информации об отношении принимающего общества к мигрантам и возникающим в этой сфере проблемам, так и опрос самих мигрантов.

Обсерватория по вопросам расизма и ксенофобии действует как связующее звено между Министерством труда, миграции и социального обеспечения и Министерством внутренних дел, участвуя в различных проектах, направленных на подготовку сотрудников правоохранительных органов для более эффективного выявления и работы с преступлениями на почве ненависти и инцидентами дискриминации различных видов. Министерство внутренних дел максимально задействовано в практическом аспекте защиты наиболее уязвимых групп населения, а также борьбы с преступлениями на почве ненависти. В период активной террористической деятельности ЭТА большое значение имело Главное управление по оказанию помощи жертвам терроризма. И соответственно с целью более эффективного взаимодействия всех этих министерств действуют такие коллегиальные органы, как Межведомственная комиссия по делам иностранных

граждан и Совет по ликвидации расовой или этнической дискриминации.

Исходя из анализа, проведенного в данной работе, можно сделать вывод: дискриминация – многоаспектное явление, последствия которого затрагивают не только отдельных индивидов или группы, в отношении которых она проявляется, но и косвенно влияют на общество и социально-политический климат в целом. По этой причине антидискриминационные меры являются обязательными для осуществления комплексной государственной политики. На государственном уровне в Испании действует целая разветвленная сеть институтов и организаций, занимающихся вопросами предотвращения и борьбы с проявлениями дискриминации, где ключевую роль играют три Министерства, подробно рассмотренные в данной статье. Все это реализуется с опорой не только на локальную законодательную базу, но на международные договоры и соглашения с международными организациями, функционал которых включает в себя борьбу с проявлениями различных форм нетерпимости. Развитая институциональная структура и внедрение новых специализированных организаций повышают эффективность государственных мер Испании в борьбе с дискриминацией и нетерпимостью. Кроме того, большое количество проектов по борьбе с расизмом и ксенофобией, ежегодно получающих финансирование со стороны государства и ЕС, также свидетельствуют о том, что этой сфере уделяется весьма пристальное внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Real Decreto 816/2018, de 6 de julio, por el que se desarrolla la estructura orgánica básica del Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes e Igualdad. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2018-9464> (дата обращения: 03.12.2019).
2. La secretaria de Estado de Igualdad inaugura un encuentro de mujeres líderes en innovación digital // Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes e Igualdad. Martes 11 de septiembre de 2018. URL: <https://www.mpr.gob.es/igualdad/Paginas/2018/110918-innovacion.aspx> (дата обращения: 03.12.2019).
3. La secretaria de Estado de Igualdad se reúne con las asociaciones de mujeres para abordar las medidas del Pacto de Estado contra la violencia de género // Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes e Igualdad. Viernes 7 de septiembre de 2018. URL: <https://www.mpr.gob.es/igualdad/Paginas/2018/070918asociacionesdemujer.aspx> (дата обращения: 03.12.2019).
4. Real Decreto 1887/2011, de 30 de diciembre, por el que se establece la estructura orgánica básica de los departamentos ministeriales // Boletín Oficial del Estado. 2011. № 315. Sec. I. P. 146675.
5. Directiva 2000/43/CE del Consejo, de 29 de junio de 2000, relativa a la aplicación del principio de igualdad de trato de las personas independientemente de su origen racial o étnico // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ES/TXT/?uri=CELEX%3A32000L0043> (дата обращения: 03.12.2019).
6. Ley 62/2003, de 30 de diciembre, de medidas fiscales, administrativas y del orden social // Noticias Jurídicas. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l62-2003.html (дата обращения: 03.12.2019).
7. Real Decreto 1262/2007, de 21 de septiembre, por el que se regula la composición, competencias y régimen de funcionamiento del Consejo para la Promoción de la Igualdad de Trato y no Discriminación de las Personas por el Origen Racial o Étnico // Boletín Oficial del Estado. URL: http://www.igualdadynodiscriminacion.igualdad.mpr.gob.es/elConsejo/antecedentes/pdf/rd_1262_2007.pdf (дата обращения: 03.12.2019).
8. Real Decreto 1044/2009, de 29 de junio, por el que se modifica el Real Decreto 1262/2007, de 21 de septiembre, por el que se regula la composición, competencias y régimen de funcionamiento del Consejo para la Promoción de la Igualdad de Trato y no Discriminación de las Personas por el Origen Racial o Étnico // Boletín Oficial del Estado. URL: http://www.igualdadynodiscriminacion.igualdad.mpr.gob.es/elConsejo/antecedentes/pdf/rd_1044_2009.pdf (дата обращения: 03.12.2019).
9. Orden SSI/1075/2013, de 4 de junio, por la que se nombra Presidente del Consejo para la Promoción de la Igualdad de Trato y no Discriminación de las Personas por su Origen Racial o Étnico a don Fernando Rey Martínez // Boletín Oficial del Estado. 2013. № 142. Sec. II.A. P. 45071.
10. Ley 15/2014, de 16 de septiembre, de racionalización del Sector Público y otras medidas de reforma administrativa // Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2014/09/17/pdfs/BOE-A-2014-9467.pdf> (дата обращения: 03.12.2019).
11. Real Decreto 1262/2007, de 21 de septiembre, por el que se regula la composición, competencias y régimen de funcionamiento del Consejo para la Promoción de la Igualdad de Trato y no Discriminación de las Personas por el Origen Racial o Étnico // Boletín Oficial del Estado. 2007. № 237. P. 40190.
12. Plan de trabajo plurianual 2013–2015 // Consejo para la Eliminación de la Discriminación Racial o Étnica. URL: http://www.igualdadynodiscriminacion.igualdad.mpr.gob.es/elConsejo/actividades/pdf/plan_2013_2015.pdf (дата обращения: 03.12.2019).
13. Programa anual de actividades 2014 // Consejo para la promoción de la igualdad de trato y no discriminación de las personas por el origen racial o étnico. URL: http://www.igualdadynodiscriminacion.igualdad.mpr.gob.es/elConsejo/actividades/pdf/Progr_anual_2014_ aprobado_VF.pdf (дата обращения: 03.12.2019).
14. Secretaría de Estado de Migraciones. Organización administrativa // Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/inmigracion/index.htm> (дата обращения: 03.12.2019).

15. Dirección General de Integración y Atención Humanitaria. Organización administrativa // Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/inmigracion/contenido/OM99.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
16. Dirección General de Inclusión y Atención Humanitaria // Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/misssm/organigrama/migraciones/contenido/OM99.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
17. Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia // Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/inmigracion/contenido/OM77a.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
18. Comprehensive Strategy against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and related Intolerance. Ministry of Labour and Immigration. Deputy Directorate General for Administrative Information and Publications: Madrid, 2011.
19. Análisis de la situación // Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/analisis/index.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
20. Incidentes y delitos de odio. Ejes prioritarios // Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/delitosodio/index.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
21. Fuerzas y cuerpos de seguridad. Proyecto «Formación para la Identificación y Registro de Incidentes Racistas» (FIRIR) // Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/coordinacion/index.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
22. Proyecto Proximity // Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/ffecs/proximity/index.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
23. ALRECO // Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/delitosodio/alreco/index.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
24. Funciones // Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. Ministerio de Empleo y Seguridad Social. URL: <http://www.oberaxe.es/funciones/> (дата обращения: 03.12.2019).
25. Observatorio Permanente de la Inmigración // Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. URL: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/inmigracion/contenido/OM77b.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
26. Subdirección General de Integración de los Inmigrantes // Ministerio de Empleo y Seguridad Social. URL: <http://www.empleo.gob.es/es/organizacion/inmigracion/contenido/OM16.htm> (дата обращения: 03.12.2019).
27. Fernando Grande-Marlaska Gómez // Ministerio del Interior. URL: <http://www.interior.gob.es/es/el-ministerio/ministro/biografia> (дата обращения: 03.12.2019).
28. Real Decreto 952/2018, de 27 de julio, por el que se desarrolla la estructura orgánica básica del Ministerio del Interior // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2018-10755> (дата обращения: 03.12.2019).
29. Organigrama // Ministerio del Interior. URL: <http://www.interior.gob.es/es/el-ministerio/organigrama>
30. Oficina de Comunicación // Ministerio del Interior. URL: <http://www.mir.es/MIR/estorganica/estructura/ministro/oris.html> (дата обращения: 03.12.2019).
31. Secretaría de Estado de Seguridad // Ministerio del Interior. URL: <http://www.interior.gob.es/es/el-ministerio/funciones-y-estructura/secretaria-de-estado-de-seguridad> (дата обращения: 03.12.2019).
32. Instrucción num. 1 /2018 De la Secretaría de Estado de Seguridad, por la que se crea la Oficina Nacional de lucha contra los delitos de odio. Secretaría de Estado de Seguridad. Ministerio del Interior. 05.02.2018. URL: https://comafomacion.es/wp-content/uploads/2018/03/OFICINA-NACIONAL-LUCHA-CONTRA-DELITOS-DE-ODIO_1.pdf (дата обращения: 03.12.2019).
33. Dirección General de Relaciones Internacionales y Extranjería // Ministerio del Interior. URL: <http://www.interior.gob.es/es/el-ministerio/funciones-y-estructura/secretaria-de-estado-de-seguridad/direccion-general-de-relaciones-internacionales-y-extranjeria> (дата обращения: 03.12.2019).
34. Subsecretaría del Interior // Ministerio del Interior. URL: <http://www.interior.gob.es/estructura-organica-87/subsecretaria-del-interior-1193> (дата обращения: 03.12.2019).
35. Цымбалова А.Е. Этнополитическая безопасность Королевства Испания: концепции, институты и технологии : дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2013. 197 с.
36. Real Decreto 511/1992, de 14 de mayo, por el que se crea la Comisión Interministerial de Extranjería. URL: <https://boe.vlex.es/vid/comision-interministerial-extranjeria-228651743> (дата обращения: 03.12.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 22 сентября 2020 г.

The Kingdom of Spain's Key Ministries of on Combating Racism, Xenophobia and Other Types of Discrimination: Activities and Structures

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 97–106.

DOI: 10.17223/15617793/460/12

Alexandra A. Ashmarina, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: al.west@yandex.ru

Anna E. Tsymbalova, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: tsymbalova.n@gmail.com

Keywords: racism; xenophobia; anti-discrimination; hate crime; ministries; program; Kingdom of Spain.

The article focuses on the study the structural and functional characteristics of three departments: the Ministry of Labor, Migration and Social Security; the Ministry of Internal Affairs; and the Ministry of the Presidency for Relations with Courts and Equality Issues, because these ministries directly control and regulate activities in the field of combating discrimination and intolerance. The aim of the article is to study the structure and various aspects of cooperation between these ministries, with particular attention to the implementation of special programs to combat various types of discrimination. The article was prepared using original sources, such as official electronic resources of the key ministries and institutions, regulatory documents, draft programs on combating discrimination and intolerance, agreements between Spain and international organizations. The plans and reports of the police, which reflect the main measures taken to combat racism and xenophobia, were analyzed. The study is based on an institutional approach, which allows carrying out a comprehensive analysis of the activities of Spanish public institutions and organizations in the field of combating discrimination and intolerance at the state, autonomous and city levels. The study employed the general scientific methods of analysis to highlight the key areas of activity of the ministries and to study them comprehensively, comparison to identify the general and specific functions of each of the organs, and generalization to identify the most common directions of anti-discrimination policy in Spain. In the course of the study, the authors develop the thesis that discrimination is a multidimensional phenomenon, the consequences of which affect not only individuals or groups, suffering from discrimination, but also, indirectly, society and the sociopolitical climate in general. Anti-discrimination measures are obligatory for the implementation of a comprehensive public policy, but, despite the presence of common functionality, the key ministries involved in this area have their own specifics. As a result of the study, the au-

thors come to the conclusion that Spain has an extensive network of institutions and organizations dealing with the prevention and fight against various types of intolerance and discrimination. This network operates based not only on the local legislative basis, but also on international treaties and agreements with international organizations. The well-developed institutional structure and the introduction of new specialized organizations increase the effectiveness of government's measures. The large number of projects to combat racism and xenophobia, which annually receive funding from the state and the EU, indicate that this area is receiving very close attention.

REFERENCES

1. Boe.es. (2018) *Real Decreto 816/2018, de 6 de julio, por el que se desarrolla la estructura orgánica básica del Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes e Igualdad*. [Online] Available from: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2018-9464>. (Accessed: 03.12.2019).
2. Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes e Igualdad. (2018) *La secretaria de Estado de Igualdad inaugura un encuentro de mujeres líderes en innovación digital*. [Online] Available from: <https://www.mpr.gob.es/igualdad/Paginas/2018/110918-innovacion.aspx>. (Accessed: 03.12.2019).
3. Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes e Igualdad. (2018) *La secretaria de Estado de Igualdad se reúne con las asociaciones de mujeres para abordar las medidas del Pacto de Estado contra la violencia de género*. [Online] Available from: <https://www.mpr.gob.es/igualdad/Paginas/2018/070918asociacionesdemujer.aspx>. (Accessed: 03.12.2019).
4. *Boletín Oficial del Estado*. (2011) Real Decreto 1887/2011, de 30 de diciembre, por el que se establece la estructura orgánica básica de los departamentos ministeriales. 315. Sec. I. p. 146675.
5. EUR-Lex. (2000) Directiva 2000/43/CE del Consejo, de 29 de junio de 2000, relativa a la aplicación del principio de igualdad de trato de las personas independientemente de su origen racial o étnico. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ES/TXT/?uri=CELEX%3A32000L0043>. (Accessed: 03.12.2019).
6. Noticias Jurídicas. (2003) *Ley 62/2003, de 30 de diciembre, de medidas fiscales, administrativas y del orden social*. [Online] Available from: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/l62-2003.html. (Accessed: 03.12.2019).
7. *Boletín Oficial del Estado*. (2007) Real Decreto 1262/2007, de 21 de septiembre, por el que se regula la composición, competencias y régimen de funcionamiento del Consejo para la Promoción de la Igualdad de Trato y no Discriminación de las Personas por el Origen Racial o Étnico. [Online] Available from: http://www.igualdadynodiscriminacion.igualdad.mpr.gob.es/elConsejo/antecedentes/pdf/rd_1262_2007.pdf. (Accessed: 03.12.2019).
8. *Boletín Oficial del Estado*. (2009) Real Decreto 1044/2009, de 29 de junio, por el que se modifica el Real Decreto 1262/2007, de 21 de septiembre, por el que se regula la composición, competencias y régimen de funcionamiento del Consejo para la Promoción de la Igualdad de Trato y no Discriminación de las Personas por el Origen Racial o Étnico. [Online] Available from: http://www.igualdadynodiscriminacion.igualdad.mpr.gob.es/elConsejo/antecedentes/pdf/rd_1044_2009.pdf. (Accessed: 03.12.2019).
9. *Boletín Oficial del Estado*. (2013) Orden SSI/1075/2013, de 4 de junio, por la que se nombra Presidente del Consejo para la Promoción de la Igualdad de Trato y no Discriminación de las Personas por su Origen Racial o Étnico a don Fernando Rey Martínez. 142. Sec. II.A. p. 45071.
10. *Boletín Oficial del Estado*. (2014) Ley 15/2014, de 16 de septiembre, de racionalización del Sector Público y otras medidas de reforma administrativa. [Online] Available from: <https://www.boe.es/boe/dias/2014/09/17/pdfs/BOE-A-2014-9467.pdf>. (Accessed: 03.12.2019).
11. *Boletín Oficial del Estado*. (2007) Real Decreto 1262/2007, de 21 de septiembre, por el que se regula la composición, competencias y régimen de funcionamiento del Consejo para la Promoción de la Igualdad de Trato y no Discriminación de las Personas por el Origen Racial o Étnico. 237. p. 40190.
12. Consejo para la Eliminación de la Discriminación Racial o Étnica. (2013) *Plan de trabajo plurianual 2013–2015*. [Online] Available from: http://www.igualdadynodiscriminacion.igualdad.mpr.gob.es/elConsejo/actividades/pdf/plan_2013_2015.pdf. (Accessed: 03.12.2019).
13. Consejo para la promoción de la igualdad de trato y no discriminación de las personas por el origen racial o étnico. (2014) *Programa anual de actividades 2014*. [Online] Available from: http://www.igualdadynodiscriminacion.igualdad.mpr.gob.es/elConsejo/actividades/pdf/Progr_anual_2014_ aprobado_VF.pdf. (Accessed: 03.12.2019).
14. Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. (2019) *Secretaría de Estado de Migraciones. Organización administrativa*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/inmigracion/index.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
15. Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. (2019) *Dirección General de Integración y Atención Humanitaria. Organización administrativa*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/inmigracion/contenido/OM99.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
16. Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. (2019) *Dirección General de Inclusión y Atención Humanitaria*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/missm/organigrama/migraciones/contenido/OM99.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
17. Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. (2019) *Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/inmigracion/contenido/OM77a.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
18. Ministry of Labour and Immigration. (2011) *Comprehensive Strategy against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and related Intolerance. Ministry of Labour and Immigration*. Madrid: Deputy Directorate General for Administrative Information and Publications.
19. Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. (2019) *Análisis de la situación*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/analisis/index.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
20. Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. (2019) *Incidentes y delitos de odio. Ejes prioritarios*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/delitosodio/index.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
21. Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. (2019) *Fuerzas y cuerpos de seguridad. Proyecto "Formación para la Identificación y Registro de Incidentes Racistas" (FIRIR)*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/coordinacion/index.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
22. Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. (2019) *Proyecto Proximity*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/ffccs/proximity/index.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
23. Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia. (2019) *ALRECO*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/oberaxe/es/ejes/delitosodio/alreco/index.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
24. Observatorio Español del Racismo y la Xenofobia & Ministerio de Empleo y Seguridad Social. (2019) *Funciones*. [Online] Available from: <http://www.oberaxe.es/funciones/>. (Accessed: 03.12.2019).
25. Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. (2019) *Observatorio Permanente de la Inmigración*. [Online] Available from: <http://www.mitramiss.gob.es/es/organizacion/inmigracion/contenido/OM77b.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
26. Ministerio de Trabajo, Migraciones y Seguridad Social. (2019) *Subdirección General de Integración de los Inmigrantes*. [Online] Available from: <http://www.empleo.gob.es/es/organizacion/inmigracion/contenido/OM16.htm>. (Accessed: 03.12.2019).
27. Ministerio del Interior. (2019) *Fernando Grande-Marlaska Gómez*. [Online] Available from: <http://www.interior.gob.es/es/el-ministerio/ministerio/biografia>. (Accessed: 03.12.2019).
28. Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. (2018) *Real Decreto 952/2018, de 27 de julio, por el que se desarrolla la estructura orgánica básica del Ministerio del Interior*. [Online] Available from: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2018-10755>. (Accessed: 03.12.2019).
29. Ministerio del Interior. (2019) *Organigrama*. [Online] Available from: <http://www.interior.gob.es/es/el-ministerio/organigrama>. (Accessed: 03.12.2019).

30. Ministerio del Interior. (2019) *Oficina de Comunicación*. [Online] Available from: <http://www.mir.es/MIR/estorganica/estructura/ministro/oris.html>. (Accessed: 03.12.2019).
31. Ministerio del Interior. (2019) *Secretaría de Estado de Seguridad*. [Online] Available from: <http://www.interior.gob.es/es/el-ministerio/funciones-y-estructura/secretaria-de-estado-de-seguridad>. (Accessed: 03.12.2019).
32. Ministerio del Interior. (2018) *Instrucción num. 1 /2018 De la Secretaría de Estado de Seguridad, por la que se crea la Oficina Nacional de lucha contra los delitos de odio*. *Secretaría de Estado de Seguridad*. 05.02.2018. [Online] Available from: https://comaformacion.es/wp-content/uploads/2018/03/OFICINA-NACIONAL-LUCHA-CONTRA-DELITOS-DE-ODIO_1.pdf. (Accessed: 03.12.2019).
33. Ministerio del Interior. (2019) *Dirección General de Relaciones Internacionales y Extranjería*. [Online] Available from: <http://www.interior.gob.es/es/el-ministerio/funciones-y-estructura/secretaria-de-estado-de-seguridad/direccion-general-de-relaciones-internacionales-y-extranjeria>. (Accessed: 03.12.2019).
34. Ministerio del Interior. (2019) *Subsecretaría del Interior*. [Online] Available from: <http://www.interior.gob.es/estructura-organica-87/subsecretaria-del-interior-1193>. (Accessed: 03.12.2019).
35. Tsymbalova, A.E. (2013) *Etnopoliticheskaya bezopasnost' Korolevstva Ispaniya: kontseptsii, instituty i tekhnologii* [Ethno-political security of the Kingdom of Spain: concepts, institutions and technologies]. Political Science Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
36. Boe.vlex.es. (1992) *Real Decreto 511/1992, de 14 de mayo, por el que se crea la Comisión Interministerial de Extranjería*. [Online] Available from: <https://boe.vlex.es/vid/comision-interministerial-extranjeria-228651743>. (Accessed: 03.12.2019).

Received: 22 September 2020

А.С. Бурнасов, К.Г. Муратишина

УЧАСТИЕ МНОГОСТОРОННИХ БАНКОВ В ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации,
контракт № 02.А03.21.0006.*

Анализируется участие многосторонних банков в инфраструктурных проектах на пространстве Центральной Азии в контексте реализации интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» и инициативы «Пояс и путь». Рассмотрены примеры конкретных проектов и особенности функционирования банков как акторов международных отношений.

Ключевые слова: многосторонние банки; Центральная Азия; международная интеграция; международное сотрудничество.

Интеграционные процессы, глобализация, региональное и межрегиональное сотрудничество – современные тенденции международного взаимодействия, реализующиеся во всем мире. У крупных проектов интеграции и сотрудничества имеются конкретные инициаторы, практически в каждом случае можно выявить выгодоприобретателей того или иного процесса. При этом институты и в целом механизмы сотрудничества демонстрируют разную эффективность, да и методики их оценки существуют разные: от подсчета простых количественных показателей (число участников организации или неформальной инициативы, объем их взаимной торговли и т.д.) до определяемых с большей сложностью, но одновременно имеющих большую информативность: например, изменение структуры экспорта, развитие обрабатывающей промышленности, подъем уровня жизни граждан государства – члена организации или проекта и т.д. В конечном счете, при грамотной стратегии реализации и в случае постановки в центр внимания задач технологического подъема экономики и человеческой безопасности, интеграционные проекты могут и должны работать на устойчивое развитие.

Цель данной статьи – проанализировать содержание проектов по строительству и модернизации инфраструктуры в Центральной Азии, реализуемых на средства международных банков – Евразийского банка развития (ЕАБР) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ); оценить функционирование этих институтов, сравнить приоритеты, а также потенциальную значимость их проектов для развития региона Центральной Азии.

Современное развитие международных отношений в Центральной Азии характеризуется влиянием институционализации интересов международных акторов. В качестве ключевых трендов, ведущих к институционализации международного сотрудничества в Центральной Азии, можно обозначить жесткую конкуренцию за ресурсы; конфликты в сфере ресурсопользования; внедрение в национальные экономики иностранного капитала и иностранных транснациональных акторов. Ограниченность базовых ресурсов и обострение конкурентной борьбы за них приводит к изменениям не только экономических правил поведе-

ния акторов международных отношений, но и конкуренции на уровне инфраструктурных проектов. Международное финансовое сотрудничество тоже можно рассматривать в контексте институционализации интересов акторов международных отношений на принципах стратегического партнерства и выявления особенностей формирования системы нормативных, структурных и конструктивных регуляторов, которые влияют на формирование целей и интересов акторов международных отношений. Ведущие государства стремятся к тому, чтобы их собственные правила и процедуры стали универсальными, а другие страны, не желая терять рынки или источники финансовых ресурсов, соглашаются с их условиями. Проводниками интересов ведущих государств становятся многосторонние банки, которые можно классифицировать как международные межправительственные региональные экономические организации.

С точки зрения типологизации [1] Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Евразийский банк развития следует отнести к третьей волне многосторонних банков. Их создание было вызвано произошедшим в мировой экономике после мирового экономического кризиса 2008 г. перераспределением экономической мощи. Страны, вышедшие из него с меньшими потерями, прежде всего, Китай, начали формировать картину глобального экономического роста. Недовольство стран, относимых к категории развивающихся, ограниченной ролью в глобальном управлении обусловило создание новых финансовых институтов, параллельных имеющимся.

Перейдем к рассмотрению непосредственно деятельности банков. ЕАБР – региональный банк развития, созданный правительствами России и Казахстана в 2006 г. В настоящее время в качестве его участников помимо учредителей числятся четыре государства-члена: Армения, Белоруссия, Киргизия и Таджикистан. Другие государства и международные организации могут стать его членами, подписав учредительное соглашение [2]. Согласно Стратегии ЕАБР он является многосторонним банком развития, содействующим углублению интеграционных процессов между экономиками государств-участников. Банк фокусирует свою деятельность на финансировании проектов с

сильным интеграционным эффектом и национальных проектов развития, выстраивании сотрудничества с «якорными» клиентами. Ему приходится вести деятельность в условиях уменьшения инвестиционной активности корпоративного сектора, девальвации национальных валют, волатильности процентных ставок, низких темпов роста в экономиках стран-участников. Банк традиционно придерживается консервативной политики управления ликвидностью, что позволяет ЕАБР иметь международные рейтинги выше суверенного рейтинга РФ. Крупнейшими странами банковских операций являются Казахстан (41,4% текущего инвестиционного портфеля) и Россия (39,2%). В 2013–2017 гг. на первом месте среди сфер размещения инвестиций стояли энергетика, транспорт и инфраструктурные объекты (48% портфеля), на втором месте – горнодобывающая промышленность, металлургия, машиностроение, химическая промышленность (26%). Стоит отметить и проекты в финансовом секторе (до 21%). Все эти проекты могут укреплять интеграционный потенциал, прежде всего за счет обеспечения экспортно-импортных операций [3].

Инфраструктурные проекты, повышающие транспортно-коммуникационную связанность стран и регионов – ключевые для ЕАБР. Особое внимание уделяется объединению кооперационных связей и выстраиванию совместных технологических цепочек. Инвестиции в машиностроение, которое является основой экономики развитых стран, составляют менее 5%, однако показателен и важен сам факт того, что они присутствуют. Большинство крупных проектов реализуется ЕАБР в России и Казахстане. В Казахстане банк с 2010 г. финансирует проект модернизации Экибастузской ГРЭС-2, закупку оборудования для добычи угля в Экибастузском каменноугольном бассейне (ТОО «Богатырь комир»), строительство ветряной электростанции в Акмолинской области, разработку месторождения урана СП «Заречное» и создание автомобильного пункта пропуска «Нуржолы» на автодороге «Алматы-Хоргос» международного транзитного коридора «Западная Европа – Западный Китай». Также ЕАБР финансирует российско-казахстанский проект поставки железорудного сырья Соколовско-Сарбайского горно-производственного объединения (Казахстан) на Магнитогорский меткомбинат. В 2018 г. в Киргизии ЕАБР открыл кредитную линию «Айыл банку» в рамках программы поддержки малого и среднего бизнеса и финансирует поставки сырья, комплектующих и компонентов для проектов Российско-Киргизского фонда развития [4]. В конечном счете инфраструктурные проекты сотрудничества могут и должны способствовать развитию евразийской интеграции на пространстве ЕАЭС.

АБИИ – международная финансовая организация, созданная по инициативе Китая. Ее структура была окончательно оформлена в 2016 г. По соглашению [5] о создании банка соучредителями выступили 57 государств на пространстве от Западной Европы до Австралии. Крупнейшими по объему вложений соучредителями стали Китай, Индия, Россия, Германия и Южная Корея [6]. Государства, желающие получить кредитное финансирование, подают в него заявки с

полным обоснованием своих проектов. Далее проходит рассмотрение и обсуждение заявок и либо принятие, либо отказ в выделении средств.

АБИИ успел поддержать следующие инфраструктурные проекты в Центральной Азии: реконструкцию дороги от Душанбе до таджикско-узбекской границы (27,5 млн долл.) [7] и реконструкцию Нурекской ГЭС (60 млн долл.) [8]. Оба проекта реализуются в Таджикистане – стране, которая является одним из крупнейших должников Китая. Заемщиком в обоих случаях является Министерство финансов Республики Таджикистан. Кроме денег АБИИ часть суммы в обоих проектах составляет софинансирование (в первом случае – от Европейского банка реконструкции и развития [9], во втором – от Международной ассоциации развития и, в наименьшей степени, от ЕАБР [10]). В документах, размещенных на сайте АБИИ, нигде не указана ставка кредитов. Можно судить о ней только по косвенным признакам: например, в случае с Нурекской ГЭС приводятся данные о том, что для оправдания проекта Республике Таджикистан придется повышать тарифы на электроэнергию внутри страны на 15% ежегодно до 2022 г. Долг нужно выплатить до 2025 г. Для выплаты страна будет вынуждена, возможно, брать новые кредиты. Но Таджикистан уже накопил огромные долги Китаю, и выплатить их все пока нет никакой возможности [11]. Результатом этого и других методов китайской политики уже стали обеспечение зависимости и лояльности этой центрально-азиатской страны, а также ориентация ее экономики на взаимодействие с КНР [12]. Также следует отметить, что АБИИ является одним из инструментов реализации КНР инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), поскольку непосредственно предоставляет кредитное финансирование для инфраструктурных проектов.

Имея опыт сотрудничества с другими многосторонними банками развития, Китай сумел использовать свое взаимодействие с ними с максимальной для себя выгодой: с помощью полученных крупных займов и кредитов решал важные задачи социально-экономического развития, создал в том числе индустрию инфраструктурного планирования и строительства, перенял ценный опыт осуществления крупномасштабных проектов в рамках многосторонних банков развития. В то же время, став второй крупнейшей в мире экономикой и аккумулировав внушительные финансовые ресурсы, позволяющие самому выступать в качестве крупного кредитора, Китай демонстрирует нежелание отказаться от займов многосторонних банков развития, продолжая оставаться крупным заемщиком Международного банка реконструкции и развития, Азиатского банка развития и других структур [1]. Совмещение Китаем во взаимодействии с многосторонними банками развития двух функций – заемщика и кредитора – позволяет Пекину, с одной стороны, брать крупные займы на весьма выгодных условиях и решать собственные задачи развития, а с другой стороны, предоставляя кредиты другим странам, укреплять свое влияние на международной арене.

Для стран ЕАЭС участие в ОПОП представляет интерес, прежде всего, с точки зрения развития транзитных контейнерных перевозок. В настоящее время, например, в товарообороте России и Китая преобладает морской транспорт: на него приходится 77% всего объема перевозок. На сухопутные перевозки через российско-китайскую границу приходится всего 21% грузов, а на транзит через Центральную Азию – лишь 2% [13]. В то же время именно контейнерные грузоперевозки являются фактически единственно возможным способом транспортировки товаров в евразийском транзите. Нереализованный потенциал контейнеризации связан с инфраструктурными ограничениями. В частности, в ЕАЭС существует проблема недоинвестирования в контейнерные логистические хабы и нехватки мощностей малой и средней механизации для обработки грузов. Для Казахстана необходима расшивка «узких» мест транспортно-логистической инфраструктуры, для чего необходимо строительство современных контейнерных терминалов. Это лишь часть проблем, которые стоят перед ЕАЭС. Повышение эффективности сухопутных транспортных коридоров в контексте Большой Евразии могло бы повысить эффективность торговли и создать многочисленные возможности для производства, а также различные цепочки поставок. Это имеет особое значение для стран и регионов, не имеющих выхода к морю (все страны Центральной Азии и часть регионов РФ). Таким образом, страны ЕАЭС заинтересованы не только в реализации трансевразийского транзитного потенциала, но и в новых производственных возможностях для внутренних регионов.

Однако у этой стратегии есть и оборотная сторона. Аналитики Евразийского банка развития указывают на постоянный рост в последние годы транзита через ЕАЭС железнодорожного контейнерооборота между Китаем и ЕС (практически все транспортные потоки составляет именно экспорт из Китая в ЕС, тогда как обратная загрузка контейнеров – в десятки раз меньше). Отмечается и то, что контейнерооборот может возрасти в случае увеличения мощностей пунктов пропуска [14]. Однако для технологического развития экономик стран особых плюсов это не сулит, поскольку они как бы привыкают работать транзитерами и не прилагают особых усилий для модернизации своей экономики, диверсификации ее структуры, промышленного роста. На этом фоне показательна заинтересованность стран ЕАЭС в тесном экономическом сотрудничестве с другим крупным внешним актором – Евросоюзом. ЕС остается крупнейшим торговым партнером для ЕАЭС. Страны ЕАЭС заинтересованы в росте европейских инвестиций, трансфере технологий из ЕС и стабильности спроса со стороны ЕС на российские и казахстанские энергоносители. Сам ЕАЭС является третьим по величине торговым партнером Евросоюза (после США и Китая), а потому ЕС может быть заинтересован в либерализации торговли с ЕАЭС и стабильности поставок энергоносителей из ЕАЭС [13].

Сравнивая деятельность многосторонних банков, нельзя не отметить следующую тенденцию: если АБИИ кредитует строительство дорог и объектов

энергетики, то ЕАБР заметно больше вкладывается в производство и в проекты, содействующие промышленной кооперации евразийских государств. Несомненно, для долгосрочного экономического развития могут быть ценны все направления, но проекты, поддержанные ЕАБР, представляются более значимыми на текущий момент, в реальном времени, для решения имеющихся экономических задач. Кроме того, они в той или иной мере способствуют евразийской интеграции.

Если рассматривать вопросы безопасности инфраструктурных проектов для окружающей среды и социума, то в случае АБИИ, несмотря на заявленные приоритеты устойчивого развития [15, 16], в целом у инфраструктурной стратегии Китая за рубежом имеются серьезные репутационные издержки вследствие несоблюдения стандартов защиты окружающей среды в реализованных проектах [17, 18]. Это означает, что полностью доверить банку и доминирующему в нем государству либо государствам самим определять стандарты своей деятельности и самим оценивать их – тупиковый путь, а гораздо эффективнее разрабатывать международные механизмы контроля и экспертизы крупных проектов и обязательного согласования и контроля их на разных уровнях в обществе той страны, где они проводятся.

На долгосрочное устойчивое развитие способны, как представляется, работать только те инфраструктурные проекты многосторонних банков, которые а) реально необходимы стране или организации; б) рассчитаны с учетом ее экономических особенностей и возможностей; в) подразумевают не мгновенную краткосрочную выгоду, а формирование некоего добротного долгосрочного результата, который будет способствовать социально-экономическому и технологическому развитию конкретной территории; г) основаны на принципах человеческой безопасности, устойчивого рационального природопользования и защиты окружающей среды.

Эффективность инфраструктурных проектов, поддерживаемых многосторонними банками развития, зависит от многих факторов: финансовых условий, роста национального благосостояния и плотности реальных экономических связей. Одним из главных факторов эволюции многосторонних банков развития в Центральной Азии явился экономический кризис. Зачастую во время кризиса растет уровень протекционизма, что может оказывать некоторое сдерживающее влияние на региональную экономическую интеграцию. Но в то же время необходимость справляться с общими вызовами делает кризис конструктивным стимулом для интеграционных проектов. К задаче усиления интеграционных эффектов активно подключаются региональные организации. Необходимость роста экономики стран содействует формированию спроса на эффективные региональные международные организации.

В этом контексте важны приоритеты многосторонних банков как региональных экономических организаций. Если говорить об АБИИ, то, как показывает изучение этого вопроса, банк готов вкладываться

ваться пока лишь в проекты, связанные со строительством, причем на условиях, которые отнюдь нельзя назвать льготными и прозрачными. Что касается ЕАБР, то, хотя информация о ставках его кредитов в открытом доступе также не представлена, в целом его проекты в Центральной Азии, по крайней мере, достаточно разносторонни, направлены на социально-экономическую модернизацию конкретных стран ЕАЭС и, что очень важно, поддерживают развитие производственной кооперации между ними и могут оказывать влияние на развитие интеграционных связей. С этой точки зрения, ЕАБР можно считать эффективным институтом, действующим в контексте интеграционного сотрудничества ЕАЭС.

Важным условием устойчивого долгосрочного развития на пространстве Центральной Азии является построение международного сотрудничества на основе эффективных проектов, которые должны характеризоваться глобальной конкурентоспособностью. В противном случае интенсивное взаимодействие экономик означает лишь консервацию имеющихся производственных цепочек или рост неформальной / нерегулируемой торговли. А наиболее важной представляется необходимость оценки любых проектов и моделей сотрудничества с точки зрения того, способствуют ли они социально-экономическому развитию стран, безопасности человека и окружающей среде и развивают ли позитивные сценарии региональной интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексюткина Я.В. Функциональные изменения участия Китая в многосторонних банках развития: от заемщика к кредитору // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13, № 1. С. 80–98. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-05
2. Соглашение об учреждении ЕАБР // Официальный сайт ЕАБР. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/893/soglashenie-ob-uchrejdennii-banka.pdf> (дата обращения: 22.09.2019).
3. Стратегия ЕАБР // Официальный сайт ЕАБР. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/298/UTVERZHDENNAYA-STRATEGIYA-EABR-NAPERIOD-S-2018-PO-2022-GOD.PDF> (дата обращения: 22.09.2019).
4. Инвестиции Евразийского банка развития: кто в выигрыше? // Официальный сайт ЕАБР. URL: <https://eabr.org/press/news/investitsii-evraziyskogo-banka-razvitiya-kto-v-vyigryshe-2/> (дата обращения: 22.09.2019).
5. Articles of Agreement // AIB official website. URL: <http://www.aiib.org/uploadfile/2015/0814/20150814022158430.pdf> (дата обращения: 23.11.2015).
6. Россия стала третьим по количеству акций государством – учредителем АБИИ // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 29.06.2015.
7. Tajikistan: Dushanbe-Uzbekistan Border Road Improvement Project // AIB official website. 24.06.2016. URL: <https://www.aiib.org/en/projects/approved/2016/tajikistan-border-road.html> (дата обращения: 01.03.2018).
8. Tajikistan: Nurek Hydropower Rehabilitation Project, Phase I // AIB official website. 15.06.2017. URL: <https://www.aiib.org/en/projects/approved/2017/nurek-hydropower-rehabilitation-project.html> (дата обращения: 01.03.2018).
9. Dushanbe-Uzbekistan Border Road Improvement Project Document // AIB official website. URL: https://www.aiib.org/en/projects/approved/2016/_download/tajikistan/document/approved_project_document_tajikistan_border_road_improvement.pdf (дата обращения: 01.03.2018).
10. Nurek Hydropower Rehabilitation Project Phase I Document // AIB official website. URL: https://www.aiib.org/en/projects/approved/2017/_download/tajikistan/document/document_nurek-hydropower-rehabilitation-project.pdf (дата обращения: 01.03.2018).
11. Панфилова В. Внешний долг может стоить Таджикистану территориальной целостности // Независимая газета. 30.08.2017. URL: http://www.ng.ru/cis/2017-08-30/6_7063_tajikistan.html (дата обращения: 01.03.2018).
12. Таджикистан стал меньше торговать со странами СНГ // Deutsche Welle. 12.08.2013. URL: <http://m.dw.com/ru/таджикистан-стал-меньше-торговать-со-странами-снг/a-17013081> (дата обращения: 27.06.2016).
13. Евразийский экономический союз должен «стоять на двух ногах» // Официальный сайт ЕАБР. URL: <https://eabr.org/press/news/evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-dolzhen-stoyat-na-dvukh-nogakh/> (дата обращения: 22.09.2019).
14. Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС. СПб. : Центр интеграционных исследований, 2018. 74 с.
15. Energy Sector Strategy: Sustainable Energy for Asia // AIB official website. 2017. URL: <https://www.aiib.org/en/policies-strategies/strategies/sustainable-energy-asia/index.html> (accessed: 22.09.2019).
16. Environmental and Social Framework // AIB official website. 2016. URL: <https://www.aiib.org/en/policies-strategies/framework-agreements/environmental-social-framework.html> (accessed: 22.09.2019).
17. Tracy E.F., Shvarts E., Simonov E., Babenko M. China's new Eurasian ambitions: the environmental risks of the Silk Road Economic Belt // Eurasian Geography and Economics. 2017. Vol. 58, Is. 1. P. 56–88. DOI: 10.1080/15387216.2017.1295876
18. Зуенко И. От Дэна до моста в Гонконг. Как откат стал двигателем китайской экономики // Carnegie.ru. 06.03.2019. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78507?fbclid=IwAR1nv8iFYNRmLquSseH8EIQBV5wrwIM1CDk3yObyAvVcxqaybbfJj1pdyY> (дата обращения: 08.03.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 25 сентября 2020 г.

Multilateral Banks' Participation in Infrastructure Projects of the Eurasian Economic Union and in the Belt and Road Initiative in Central Asia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 107–111.

DOI: 10.17223/15617793/460/13

Alexander S. Burnasov, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: burnasov@mail.ru

Ksenia G. Muratshina, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Keywords: multilateral banks; Central Asia; international integration; international cooperation.

The work was supported by Act 211 Government of the Russian Federation, contract № 02.A03.21.0006.

This article analyses the infrastructure projects in Central Asia, which are being financed by two major international organisations, two multilateral banks: the Eurasian Development Bank (EDB) and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). The article aims to evaluate the activity of these two institutions in the region and to compare their priorities and the probable efficiency

of their projects for the development of Central Asian countries. The choice of the region for the study is conditioned by the fact that Central Asian states are Russia's close neighbours, and the whole region is characterised by its critical strategic value for Russia's foreign policy. The methodology of the study is based on the use of discourse analysis of the organisations' documents, accessible for public: agreements, plans, reports, project-related documentation. In addition, the authors have monitored and analysed the relevant news archives of Russian and foreign mass media. The article consequently analyses the typology of both organisations through the lens of the international integration studies, the institutional structure of the EDB and the AIIB, the specific features of their functioning as international relations actors, and the actual infrastructure projects financed by these institutions in Central Asia. The study demonstrates that the policies and the priorities of the two international banks differ considerably. While the Asian Infrastructure Investment Bank prefers to finance the construction of roads and energy infrastructure, the Eurasian Development Bank remarkably credits production more and finances projects aimed at the industrial cooperation of Eurasian countries. Obviously, in the view of the long-term development, all areas of infrastructure expansion are worth financing; however, one can note that projects, approved by the EDB, can be characterised as more significant both at the present stage and in the long-term perspective. In addition, they contribute to the development of regional economic cooperation and Eurasian integration. If we look at the environmental and social safety of the infrastructure projects, the activities of the AIIB, regardless of its declarations on sustainable development, bear certain risks due to the existing cases of violation of environmental rules by the bank's founder and major operator – the People's Republic of China – in its infrastructure projects abroad. This circumstance highlights the critical importance of elaboration of national and multilateral mechanisms of control and inspection of major international infrastructure projects, as well as the necessity to fulfill the obligation of demanding their approval by the citizens of the recipient countries.

REFERENCES

1. Leksytina, Ya.V. (2018) Functional Changes in China's Participation in Multilateral Development Banks: From Borrower to Creditor Status. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika – International Organisations Research Journal*. 13 (1). pp. 80–98. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-05
2. Eurasian Development Bank. (2006) *Soglashenie ob uchrezhdenii EABR* [Agreement establishing the EDB]. [Online] Available from: <https://eabr.org/upload/iblock/893/soglashenie-ob-uchrezhdenii-banka.pdf>. (Accessed: 22.09.2019).
3. Eurasian Development Bank. (2018) *Strategiya EABR* [The EDB Strategy]. [Online] Available from: <https://eabr.org/upload/iblock/298/UTVERZHDENNAYA-STRATEGIYA-EABR-NA-PERIOD-S-2018-PO-2022-GOD.PDF>. (Accessed: 22.09.2019).
4. Eurasian Development Bank. (2019) *Investitsii Evraziyskogo banka razvitiya: kto v vyigryshe?* [Investments of the Eurasian Development Bank: Who Wins?]. [Online] Available from: <https://eabr.org/press/news/investitsii-evraziyskogo-banka-razvitiya-kto-v-vyigryshe-2/>. (Accessed: 22.09.2019).
5. Asian Infrastructure Investment Bank. (2015) *Articles of Agreement*. [Online] Available from: <http://www.aiib.org/uploadfile/2015/0814/20150814022158430.pdf>. (Accessed: 23.11.2015).
6. *Pul's planety – Aziya* ITAR-TASS. (2015) Rossiya stala tret'im po kolichestvu aktsiy gosudarstvom – uchreditelem ABII [By the number of shares, Russia became the third state founding the AIIB]. 29 June.
7. Asian Infrastructure Investment Bank. (2016) *Tajikistan: Dushanbe-Uzbekistan Border Road Improvement Project*. [Online] Available from: <https://www.aiib.org/en/projects/approved/2016/tajikistan-border-road.html>. (Accessed: 01.03.2018).
8. Asian Infrastructure Investment Bank. (2017) *Tajikistan: Nurek Hydropower Rehabilitation Project, Phase I*. [Online] Available from: <https://www.aiib.org/en/projects/approved/2017/nurek-hydropower-rehabilitation-project.html>. (Accessed: 01.03.2018).
9. Asian Infrastructure Investment Bank. (2016) *Dushanbe-Uzbekistan Border Road Improvement Project Document*. [Online] Available from: https://www.aiib.org/en/projects/approved/2016/_download/tajikistan/document/approved_project_document_tajikistan_border_road_improvement.pdf. (Accessed: 01.03.2018).
10. Asian Infrastructure Investment Bank. (2017) *Nurek Hydropower Rehabilitation Project Phase I Document*. [Online] Available from: https://www.aiib.org/en/projects/approved/2017/_download/tajikistan/document/document_nurek-hydropower-rehabilitation-project.pdf. (Accessed: 01.03.2018).
11. Panfilova, V. (2017) Vneshniy dolg mozhet stoit' Tadjikistanu territorial'noy tselostnosti [External debt can cost Tajikistan territorial integrity]. *Nezavisimaya gazeta*. 30 August. [Online] Available from: http://www.ng.ru/cis/2017-08-30/6_7063_tajikistan.html. (Accessed: 01.03.2018).
12. Deutsche Welle. (2013) *Tadjikistan stal men'she trgovat' so stranami SNG* [Tajikistan began to trade less with the CIS countries]. 12 August. [Online] Available from: <http://m.dw.com/ru/tadjikistan-stal-men'she-torgovat'-so-stranami-sng/a-17013081>. (Accessed: 27.06.2016).
13. Eurasian Development Bank. (2017) *EvrAziyskiy ekonomicheskiy soyuz dolzhen "stoyat' na dvukh nogakh"* [The Eurasian Economic Union must "stand on both legs"]. [Online] Available from: <https://eabr.org/press/news/evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz-dolzhen-stoyat-na-dvukh-nogakh/>. (Accessed: 22.09.2019).
14. Center for Integration Studies. (2018) *Transportnye koridory Shelkovogo puti: potentsial rosta gruzopotokov cherez EAES* [Transport corridors of the Silk Road: the potential for growth in freight traffic through the EAEU]. St. Petersburg: Center for Integration Studies.
15. Asian Infrastructure Investment Bank. (2017) *Energy Sector Strategy: Sustainable Energy for Asia*. [Online] Available from: <https://www.aiib.org/en/policies-strategies/strategies/sustainable-energy-asia/index.html> (accessed: 22.09.2019).
16. Asian Infrastructure Investment Bank. (2016) *Environmental and Social Framework*. [Online] Available from: <https://www.aiib.org/en/policies-strategies/framework-agreements/environmental-social-framework.html> (accessed: 22.09.2019).
17. Tracy, E.F., Shvarts, E., Simonov, E. & Babenko, M. (2017) China's new Eurasian ambitions: the environmental risks of the Silk Road Economic Belt. *Eurasian Geography and Economics*. 58 (1). pp. 56–88. DOI: 10.1080/15387216.2017.1295876
18. Zuenko, I. (2019) *Ot Dena do mosta v Gonkong. Kak otkat stal dvigatelem kitayskoy ekonomiki* [From Deng to the bridge to Hong Kong. How the rollback became the engine of the Chinese economy]. [Online] Available from: <https://carnegie.ru/commentary/78507?fbclid=IwAR1nv8iFYNRmLqSseH8EIQBV5wrwIM1CDk3yObyAvVcxqaybbfJl1pdvY>. (Accessed: 08.03.2019).

Received: 25 September 2020

ТЕХНОПОЛИТИКА В СТРАНАХ ИБЕРОАМЕРИКАНСКОГО РЕГИОНА

В процессе активного взаимодействия политики и инновационных технологий в последние десятилетия зародилось новое явление, которое получает все более четкие очертания в наши дни и именуется технополитикой, претендуя получить статус отдельной прикладной дисциплины. Авторы данного исследования ставят перед собой задачу рассмотреть примеры функционирования технополитики в странах ибероамериканского региона, включающего в себя страны с большим количеством интернет-пользователей и одним из самых высоких уровней политического участия.

Ключевые слова: киберактивизм; технополитика; ибероамериканский регион; Испания; Латинская Америка; политическое участие; политическая коммуникация.

Новые средства коммуникации, которые появились и стремительно распространились в последние десятилетия и качество и количество которых в обозримом будущем только возрастает, окончательно и бесповоротно изменили способы общения людей, их самоорганизации, информирования, управления, а вместе с тем и манипуляции. Сфера политики, включающая в себя все вышеперечисленные аспекты, не стала исключением. И если политика «верхов», как сверхинерционный механизм, с трудом реагирует на все происходящие в обществе изменения, то политика «низов» активно пользуется всеми достижениями в информатике. Как невозможно представить себе Французскую революцию без Гутенберга, так невозможно рассуждать о движении 15-м в Испании или «арабской весне» без учета влияния интернета в целом и социальных сетей в частности на политическое участие граждан.

Политическое участие является деятельностью, направленной на изменение или принятие политического решения, включающей в себя как процесс потребления информации, так и протестные действия. Участие граждан в политической жизни может пониматься как некий континуум, последовательность этапов, своего рода лестница [1], или как совокупность стратегий, которые позволяют рассматривать демократию с точки зрения прагматики [2].

В наибольшей степени формированию гражданской позиции и демократических ценностей способствует совещательное участие. Данный вид участия имеет ряд положительных эффектов: а) способствует развитию гражданской культуры, укреплению социальных ценностей и увеличивает законность концептуальных рамок демократических процессов; б) способствует развитию толерантности, эмпатии и включает в себя различные точки зрения, приводя к равновесию интересы большинства и меньшинства, защищая права последних; в) упрощает понимание аргументов и предпочтений противоположной стороны и позволяет открыть сознание к восприятию аргументов оппонентов, особенно при условии, что общение происходит при личном контакте; д) увеличивает вероятность сотрудничества, подчеркивая взаимосвязь между личным и коллективным интересом [3]. Совещательное участие, развивающееся в рамках интернет-сообщества, еще больше расширяет границы полезных дискуссий, результатом которых должны становиться поистине демократические инициативы.

«Включенность в интернет-сообщество политических акторов позволяет максимально расширить их причастность к значимой политической информации, а следовательно, их участие в политике становится более интенсивным и организованным» [4]. Сетевая политика, таким образом, позволяет гражданам и общественным объединениям добиваться от правительства принятия адекватных решений и контролировать процесс их исполнения. Прозрачность информации и, как следствие, рост доверия граждан к государственному управлению позволяют вывести общество из состояния политической апатии и приблизиться к реальной демократии. Участие граждан имеет ключевое значение в развитии демократического процесса, поскольку обогащает знания и расширяет информационное поле касательно реальных проблем граждан, а также обеспечивает лучший контроль за деятельностью руководящих органов и позволяет переместить мощь новых акторов политических процессов на институциональный уровень. В свою очередь это ведет не только к большему равенству и справедливости, но также способствует более эффективному и качественному осуществлению управленческой деятельности [5].

На интернет-платформы выносятся практические вопросы, преобразуя простое участие в дискуссии в некий ориентир для государства для развития гражданских свобод и осуществления социальных перемен [6]. Таким образом, можно сказать, что участие граждан в политике станет в будущем неизбежным и обеспечит ее эффективность.

Влиянию международной сети Интернет на политическое участие граждан посвящено немало научных трудов, преимущественно на английском языке. Среди них исследования С. Коулман [7], П. Норрис [8], М. Дженсен [9] и др. Из исследований зарубежных авторов следует выделить совместную работу шведского социолога А. Брада и его соотечественника теоретика СМИ Я. Зодеркевиста «Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма» [10]. Среди отечественных ученых основательно данный вопрос был рассмотрен Г.Л. Акоповым [4]. В своей монографии «Политика и интернет» он детально рассматривает историю взаимопроникновения политического дискурса и инновационных технологий в России. Кроме того, данной проблеме были посвящены труды М.Г. Анохина [11], Н.С. Бухарина и В.В. Цыганова [12], М.С. Вершинина [13], М.Н. Грачёва [14], А.И. Соловьёва [15] и др. В то же самое

время следует заметить, что вопросу влияния интернета на политику в странах ибероамериканского региона незаслуженно уделено недостаточно внимания, учитывая количество пользователей интернетом в Испании и Латинской Америке, а также высокую активность испаноговорящих политиков и простых граждан в сети. Авторы данного исследования ставят перед собой задачу рассмотреть опыт осуществления политики в рамках инновационных технологий в ибероамериканском регионе с целью всестороннего описания новой модели выстраивания отношений между политической элитой и обществом. Несмотря на то что опыт подобных исследований предпринимался такими зарубежными учеными, как Э. Андуйса [16], Дж. Баррат [17], Р. Рубио [18], в отечественной социологии и политологии данная тема не была затронута.

Гипотезой данного исследования является предположение, что электронные социальные платформы, включающие соцсети и приложения, позволяют сделать деятельность партий и политиков более прозрачной, превращаясь тем самым в важные инструменты общения с избирателями и место проведения предвыборных кампаний. Всемирная паутина превратила политику в двусторонний процесс, в котором отныне не только власть выдвигает инициативы на рассмотрение народа, но и граждане высказывают власти свои предложения и требуют быть услышанными.

Технополитика как новый способ социализации

Бытует мнение, что для того, чтобы сказать, что та или иная страна функционирует в условиях общества информационных технологий, процент пользователей должен составлять не менее 10% от общего количества взрослого населения. По данным социологических исследований, опубликованных на портале ONTSI, в Испании 7 из 10 человек в возрасте от 16 до 74 лет и старше выходят в интернет ежедневно, что составляет 25 миллионов человек. Среди населения с начальным образованием 46,4% еженедельно используют интернет [19].

Портрет среднестатистического испанского пользователя интернета могут дополнить следующие данные: 92,1% пользователей предпочитают выходить в интернет через смартфон; 54,5% испанских интернет-пользователей утверждают, что постоянно подключены к интернету; 70% пользователей используют интернет два и более часов в сутки; 47% пользователей утверждают, что не смогли бы жить без интернета в своем телефоне – каждая четвертая покупка совершается через интернет [20].

Учитывая современные условия пандемии, нельзя не отметить, что интернет-трафик значительно увеличился. Доступ к интернету стал предметом первой необходимости. Люди по всему миру, оказавшись в условиях самоизоляции, вынуждены учиться, работать, делать покупки, общаться между собой, используя цифровые технологии.

Примечательно, что 80% испанцев ежедневно пользуются социальными сетями. Социальные сети оказывают большое влияние на современное обще-

ство. Они являются неотъемлемой частью коммуникационного процесса. Посредством смартфонов и планшетов люди все время находятся на связи, получают информацию и делятся ей. Многие узнают о том, что происходит в мире не благодаря новостным телевизионным и радиопередачам, а именно благодаря социальным сетям. Интернет-платформы помогают людям не только быть в курсе последних мировых событий, но и организовывать различные площадки для обмена мнениями, проведения конгрессов и конференций.

Согласно исследованиям The Global State of Digital, проведенным Hootsuite We Are Social в 2019 г. (www.hootsuite.com), 52% всего населения нашей планеты пользуется теми или иными социальными сетями. То есть больше половины жителей планеты зарегистрированы в Facebook, Instagram, регулярно просматривают YouTube и переписываются в WhatsApp. По данным Hootsuite, Facebook – король социальных сетей, не первый год находится на первом месте по количеству активных пользователей в мире (2,271 миллиарда). Приложение Telegram приобрело внезапную популярность и занимает лидирующую позицию среди мессенджеров в Аргентине, Коста-Рике, Венесуэле и Эквадоре. YouTube с 1,900 млрд человек и WhatsApp с 1,500 млрд из года в год занимают второе или третье место. За ними следуют FB Messenger (1,300 млрд), WeChat (1,083 млрд) и Instagram (1,000 млрд), Twitter (326 млн), LinkedIn (303 млн), Skype (300 млн), Snapchat (287 млн) замыкают топ 10 самых популярных социальных сетей в мире.

Испаноязычные сайты занимают четвертое место среди общемировых социальных платформ. Из 131,5 млн жителей Мексики 67% являются активными пользователями социальных сетей, из них 64% заходят в сеть через мобильные устройства. Самые популярные платформы в этой латиноамериканской стране – YouTube (95%) и Facebook (93%). Twitter в Мексике занимает пятое по популярности место (57%).

В Чили Facebook (82%), WhatsApp (78%), YouTube (74%) делят между собой пьедестал. Twitter используют 1,53 млн жителей страны. Snapchat и LinkedIn также насчитывают большое количество пользователей.

Из 45 млн аргентинцев 76% заходят чаще всего в YouTube (93%), Facebook (91%) и в WhatsApp (91%). 16 млн аргентинцев подписаны на Instagram, 4,2 млн пользуются Twitter. Время, проведенное жителем Аргентины в сетях, составляет в среднем 3,5 часа в день.

В Испании 60% от общего числа жителей проводят в социальных сетях в среднем полтора часа в день. Самый высокий коэффициент вовлеченности у подписчиков Facebook (24 млн). На втором месте в Испании находится Instagram (15 млн). Третье место занимает Twitter (6,01 млн).

Массовое распространение смартфонов, имеющих практически круглосуточное и повсеместное подключение к интернету, привело к появлению «карманной политики». Другими словами, телефон позволил человеку находиться внутри политического процесса,

моментам реагировать на внутренние политические течения. Экран телефона превратился в платформу для социализации и обмена информацией. Приложения типа WhatsApp, таким образом, призваны объединить людей по интересам для решения тех или иных вопросов. Незаменимым инструментом становится телефон и в руках политических активистов, предоставляя возможность создания оперативных групп по тематическому или территориальному принципу. Приложения позволяют моментально вынести вопрос на обсуждение, рассмотреть его в группе заинтересованных лиц без надобности организации собраний или совещаний, без долгой переписки по электронной почте и принять решение с тем, чтобы перейти к реализации идеи. Совмещение текста, эмодзи, изображений и видео в мобильном дискурсе делает его более динамичным и увлекательным. Использование приложений с целью осуществления политики приводит и к выявлению лидеров в группах. Таким образом, политика создается в режиме реального времени.

Интернет становится инструментом не столько политики, поскольку современное поколение Y на всех континентах разочаровано в политике и не склонно в большинстве своем отождествлять себя с какой-либо партией, сколько инструментом гражданского саморегулирования. Это поколение настроено критично-скептически к большинству традиционных политических инициатив, оно разрозненно в своих принципах, стремлениях и желаниях, его представители скорее могут сформулировать, чего они не хотят, чем о чем мечтают. В силу демографических процессов именно поколение миллениалов, людей, не мыслящих себя вне передовых технологий, в ближайшие годы будет решать будущее всего человечества.

Во многих странах наблюдается поколенческий процесс фрустрации, состоящий в том, что старшее поколение политиков, находящихся у власти, не способно противостоять вызовам современности, из-за чего вынуждено страдать молодое поколение избирателей. Волна недовольства является двигателем создания новой политической культуры, которая базируется на современных технологиях. Пора признать, что новая политика, выходящая за рамки радаров консерваторов, уже существует. Возможность стать сопричастным к политическим процессам активизирует общественное самосознание избирателей и возвращает реальное наполнение термину «демократия». Открытое и динамичное участие всех заинтересованных лиц в политике делает ее мобильной. Технополитика – это новый способ социализации людей, объединенных общими интересами, это признание лидеров, вносящих реальный вклад в решение проблемы, это внимание не только к глобальным вопросам, но и к личным, это возможность оценивать локальный вопрос широким кругом участников и наоборот.

Технополитика – это тактическое и стратегическое использование цифровых технологий в процессе организации и участия в разного рода политических событиях и процессах. Эта парадигма способствует изменению традиционной связи между политикой и обществом, установлению прямых, без каких-либо

посредников отношений путем адаптации новых языковых норм и подходов в общепринятой межинституциональной коммуникации. Ставя целью развитие демократии и модернизацию политики, технополитика модифицирует формы восприятия и методы освещения политических процессов.

В современном мире, связанном глобальной сетью, граждане с выходом в сеть обладают возможностью самоорганизоваться, объединиться для участия в каком-либо событии или для защиты интересов и продвижения идеи, распространить предложение и оказать влияние на других членов общества. Человек погрузился в киберпространство, он никогда не останется без связи, овладевает навыками и умениями благодаря возможности в любой момент подключиться к сети. Традиционные структуры власти, политические и коммерческие организации транслируют свои идеи миллионам граждан по всему миру, извлекая выгоду, напрямую или косвенно заставляя нас реагировать: одобрять или же протестовать сначала виртуально, а затем и в реальном мире.

Политика в сети широко распространена и контролируется. В часто разочарованном и хорошо информированном обществе современный пользователь интернета с помощью особых технологий из пассивного гражданина превращается в человека, требующего и критикующего, активно участвующего в политическом процессе, способного менять действительность.

Инструменты участия, которые обеспечивала представительная демократия, благодаря политическим и профсоюзным организациям больше недостаточны для эффективного функционирования современного гражданского и политического общества. Граждане уже не могут просто ждать следующих выборов, они предпочитают вмешиваться, сотрудничать, принимать решения. Интернет превратился в динамичную благодатную экосистему для полноценного гражданского участия, и не только потому, что привнес новые возможности в традиционные методы, но и потому что способен генерировать собственную особую динамику с помощью своих участников. Это не что иное, как технология, используемая для принятия решений.

Цифровой след, оставляемый людьми в социальных сетях осознанно или случайно, создает виртуальный образ, информирующий об их вкусах, интересах, круге общения и даже мыслях. Технополитика позволяет лучше понять интересы людей и особенности поведения, в отличие от традиционных условий политического общения и привычной нам демоскопии. Технополитика открывает новые горизонты и территории социальной сферы, так как, соприкасаясь с людьми и их интересами, наглядно демонстрирует тот факт, что эти интересы гораздо важнее для политического участия, чем экономические, образовательные и общественно-трудовые условия [21].

Не формирование особых условий и отношений, а интерес и личные предпочтения – главное измерение в современной политической концепции.

В течение долгого времени политика существовала благодаря средствам массовой коммуникации.

Взаимосвязь и взаимозависимость политических партий и СМИ наглядно демонстрировалась всем читателям, и все долгое время верили, что то, что не появляется на обложках журналов, не существует. Тем не менее некоторое время назад ситуация изменилась. Возникновение социальных сетей, кризис традиционных медиа создал необычайный феномен в восприятии современным человеком информации. Сейчас быстрое, без посредников и купюр распространение новостей упрощает рост самоопределения граждан в политике, способствует проведению децентрализованных, более креативных предвыборных кампаний.

Причина считать технополитику одним из факторов политической модернизации заключается не только в развитии технологий для упрощения и увеличения возможности политического участия и ведения дискуссий, но и в уникальной способности превращения сторонников, посредников или избирателей в активистов, динамично влияющих на принятие решений, побуждающих к действию, борьбе, нацеленных на результат. Технополитика освободила людей от ожидания, она динамично стимулирует к созданию, инновациям. Человек больше не инструмент, а главное действующее лицо в политике, активный и эмоционально сильный актер, способный на многое.

Очевидно, что сложившаяся ситуация приводит к членению политического дискурса на дискурс политической элиты и политический дискурс масс – принципиально новое явление, позволяющее отражать реальность путем, отличным от традиционных СМИ, создавая альтернативное видение социальных и экономических процессов. В ситуации, когда политики откладываются сотрудничать с гражданами, рождается новая политика, которую выстраивают люди посредством интернета. Политика создается в режиме реального времени. Таким образом, партии потеряли исключительную привилегию проводить политику, а СМИ утратили привилегию ее освещать.

Однако все больше политиков и партий активно включаются в процесс общения, организуемый в интернет-пространстве, дабы быть или казаться ближе своим избирателям, оперативнее реагировать на изменения общественного мнения, получать моментальный отклик на любую агитационную инициативу. «Политические интернет-коммуникации способствуют налаживанию диалога власти и общества, публичности и большей открытости в деятельности власти, установлению обратной связи политической элиты с интернет-сообществом и народом в целом» [4. С. 3]. Так, испанские партии Equo и Podemos в свое время начали использовать приложение Appgree, которое позволяет создавать группы любого размера, объединяющие людей по различным тематикам, и выступать любому участнику с любой инициативой, которая моментально может оцениваться, обрастать комментариями, критикой, встречными предложениями. Мнение участника группы, которое находит больше всего положительных откликов, принимается как единственно верное, что значительно упрощает процесс принятия решений и достижения компромиссов. Подобный проект не является уникальным. Партия пиратов Германии в свое время пользовалась дис-

куссионной платформой Liquidfeedback, которая в соответствии с принципами делегативной (жидкой) демократии предоставляет право каждому из участников обсуждения делегировать свой голос другому человеку, которого он считает более компетентным в данном вопросе. В Аргентине молодая партия Partido de la Red разработала аналогичную платформу Democracia OS для обмена мнениями.

Очень часто в момент проведения предвыборной кампании кандидаты имеют ограниченное количество времени на телевидении, чтобы представить избирателю свою программу и привлечь на свою сторону. Так, Жаиру Болсонару, представителю партии ультраправого толка, согласно избирательному закону, было дано 9 секунд в день на предвыборную агитацию. Его политические оппоненты, представители традиционных партий, имели минуты. Facebook, платформа, необычайно популярная в Бразилии, помогла будущему президенту с 8 миллионами подписчиков донести идеи до народа и выиграть выборы. WhatsApp также внес свою лепту в эту победу, ведь 90% бразильцев используют этот мессенджер для обсуждения политики.

Появившись на политической арене Испании, партия Vox стала третьей политической силой в парламенте и смогла войти в региональное правительство. Страница Vox на YouTube появилась 15 января 2014 г. спустя неделю после страницы Podemos. В настоящее время у Vox 255 000 подписчиков, у Podemos – 97 000. Видео, выкладываемые Vox, собирают более миллиона просмотров. Короткие видео, четкие и ясные сообщения «Испания-главное!», «Защита Испании» привлекают все большее внимание избирателя и манипулируют его сознанием. Многие новости, которыми делится партия на всех платформах, чаще всего можно найти на сайте casoaislado.com – странице ультраправых сил, созданной в апреле 2017 г., распространявшей новости ксенофобного содержания о неприязни к мигрантам.

В последние годы все большую популярность набирает социальный новостной сайт Reddit, который позволяет пользователям сети размещать на своей странице информацию – повод для дискуссии. По посещаемости сайта, по разным источникам, это около 700 миллионов человек в месяц, можно судить о глобальности данного проекта. Испанская партия Podemos также открыла свой проект в рамках Reddit. Часто обвиняемая в популизме, данная испанская партия действительно стремится строить свой дискурс без определенной строгой идеологической оси, а скорее по принципу детской энциклопедии, которая содержит ответы на многочисленные вопросы избирателей. Ответы эти всегда удовлетворяют сторонников партии, поскольку собственно и принадлежат им, будучи собранными из таких приложений, как Reddit, а также Loomio и Titanpad. Таким образом, мы сталкиваемся с принципиально новым способом осуществления политики: перед принятием какого-либо решения, перед тем как предоставить право голоса, предоставляется возможность обсудить ту или иную инициативу, дабы исключить последующее массовое недовольство и так постоянно разочарованного и кри-

тически настроенного электората. Для современного избирателя важно не проголосовать, а высказать свое мнение и чтобы его мнение было услышано.

Вертикаль власти, зацементированная, казалось бы, на века, начала давать трещины под натиском разрозненных, неконтролируемых требований новых, свободных от идеологических стереотипов избирателей. Коллективный разум, высказывающий себя посредством социальных сетей, требует быть услышанным. Он заставляет выйти из зоны комфорта «традиционных» политиков, защищенных от общества временными рамками бюрократии и мнениями экспертов. Теперь они должны реагировать на вызовы реальности немедленно и самостоятельно. Наступает эра так называемой контролируемой политики, находящейся под колпаком сетевого наблюдения 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Собственная социальная сеть Sonico (друзья на связи) в Аргентине, в Испании – сеть Tuenti, кубинская Cubared, Orkut в Бразилии представляют миллионам пользователей возможность взаимодействия, обсуждения и продвижения своих идей. В этих группах организуются дискуссии или голосования по каким-либо вопросам, и каждый участник может высказать свою точку зрения, подвергнуть сомнению и критическому анализу мнения оппонентов. Преимущество социальных сетей перед традиционными средствами массовой информации заключается в возможности моментального реагирования и управления коммуникацией в режиме реального времени.

Говоря об электронных каналах общения политиков с избирателями, нельзя не отметить растущую роль эмодзи в новом технодискурсе. Их популярность объясняется тем, что современное общество все больше предпочитает визуальную информацию аргументированному тексту. В этом отношении эффективность эмодзи бесспорна: с их помощью легко, удобно и быстро можно передать эмоции и чувства, на описание которых ушло бы немало чернил. Им присуща добрая доля цинизма и иронии, что делает их еще более популярными среди простых людей. Эмодзи, по сути, являются выражением любви человека к знакам, его тяги к аббревиатурам, анаграммам и различного вида кодам. Двигаясь по спирали, человечество ушло от иероглифов к буквам, а теперь снова стремится вернуться от слов к символам. Преимущества эмодзи перед языком в плане массовой коммуникации очевидны: они обладают универсальностью (понятны носителям разных языков и культур), их использование сводит к минимуму процент возможного недопонимания между участниками коммуникации, они просты в использовании и требуют минимального ментального усилия для расшифровки, экономят время общения и объем передаваемого материала.

«Все люди по природе [своей] стремятся к знанию; признаком [этого] служит влечение к чувственным восприятиям. Ведь и помимо нужды, восприятия сами по себе служат предметом влечения; больше же всех других [мы любим] восприятия через органы зрения. И в самом деле, мы выбираем зрительные ощущения, едва ли не предпочтительно перед всеми

другими, не только тогда, когда нам предстоит [что-либо] делать, но и не имея в виду никакого дела. А это потому, что из [всех] чувств это именно больше всего доставляет нам сведений и обнаруживает много различий» [22. С. 28].

Роль визуального мышления в современном обществе сложно переоценить. В момент принятия решений человек старается прибегнуть к логическому мышлению, но это не всегда приводит к позитивному результату. В этот момент на помощь приходит ментальная карта, которая призвана визуализировать интересующий человека вопрос. Доказано, что визуализация мыслительного процесса помогает людям систематизировать хаотично хранящийся в сознании материал с тем, чтобы установить в нем иерархические или причинно-следственные связи. Посему визуализация была взята на вооружение политтехнологами и постоянно присутствует в политическом дискурсе современных общественных деятелей.

Кроме того, разработчики приложений уже работают над анимацией эмодзи, что означает, что в ближайшем будущем политический текст получит не только мощную графическую поддержку, но и анимационную, что определенно позволит более эффективно канализировать внимание избирателей на определенном отрезке информационного сообщения. Визуализация политического дискурса в свете развития современных технологий имеет огромные перспективы.

На рубеже веков социальные сети превратились в один из основных инструментов влияния на политическую ситуацию во всех странах мира. Facebook, Telegram, Youtube, Livejournal, Twitter, взаимодействуя между собой, стали причиной возникновения революционных настроений, приведших к «цветным революциям». Путем вбрасывания определенной информации создается протестный дискурс, формируются определенные настроения, что в результате выливается в «Twitter-революцию» (термин, принятый СМИ для описания революций и протестов, координация которых происходит через популярные социальные сети). Так, в 2009 г., перед выборами в Молдавии, путем массовой рассылки сообщений в Facebook и создания специальных хештегов в Twitter были организованы протестные группы. Спустя некоторое время похожая ситуация наблюдалась в Иране. После проведения выборов, результаты которых подверглись сомнению, в сети была развернута кампания против действующей власти. Правительство попыталось заблокировать службу отправки смс и мобильный интернет, но оппозиция организовала резервные ретрансляторы и wi-fi передатчики, что позволило использовать Twitter как основной информационный канал. В 2011 г. в Египте был свергнут режим Хосни Мубарака, находившегося у власти с 1981 г., путем совместных действий Twitter и Facebook.

Коммуникативный характер современных революций привел к популяризации ненасильственных переворотов, что не может не вызывать опасений, ведь социальные сети с огромным потенциалом несут в себе большую опасность, поскольку оказывают влияние на неокрепшие умы, так как основной категори-

ей их пользователей является молодежь. Люди в возрасте 18–25 лет интересуются только теми ресурсами, на которые они подписаны, и как следствие у них формируется одностороннее представление о политической, экономической и социальной ситуации в мире, упуская из вида общую картину в целом. Данная однобокость восприятия действительности препятствует диалогу и адекватности реакции на доводы оппонентов и способствует радикализации взглядов.

Взаимопроникновение политики и интернета началось еще в двухтысячных. В наши дни благодаря новым технологиям кандидаты и политические представители в государственных и региональных институтах имеют свои собственные аккаунты в социальных сетях, которые помогают донести до граждан информацию о своей профессиональной деятельности. Начиная с президентской кампании 2008 г., благодаря которой Барак Обама выиграл выборы и которая основывалась на диалоге с электоратом в социальных сетях и эффективном использовании Youtube и Facebook, многие политики во всем мире, последовав его примеру, стали использовать подобные каналы для связи со своими избирателями. Успех Обамы был настолько велик, что к следующим выборам демократы решили готовиться основательно и заранее. За два года до всеобщего голосования в Чикаго был создан секретный штаб, состоящий из высококлассных математиков и аналитиков, задачей которых являлось выявление путем анализа личных страниц пользователей Facebook их интересов, политических пристрастий и другой информации. Результатом стал невиданный ранее объем данных, до мелочей описывающий всю массу потенциальных избирателей 44-го президента США. Исходя из этих данных и была сформирована агитационная стратегия, которая, как известно, принесла положительный результат. Эта новая стратегия нашла свое отражение и в Twitter, который в последние годы стал действенным средством для выражения гражданской позиции многих политиков, журналистов и обывателей во всех уголках планеты.

Появившись в 2006 г. в качестве научно-исследовательского проекта (Twitter revolution) для организации протестов, через несколько лет Twitter превратился в один из самых посещаемых мировых платформ. В 2008 г. новость о задержании и последующем освобождении Люка Гейтса (американского студента, задержанного в Египте) явилась толчком для развития данной информационной площадки благодаря всего одному твиту, опубликованному в сети. В 2009 г. появляется Twitter на испанском языке и превращается в третью по значимости социальную сеть, используемую для распространения информации. Вскоре в словаре Collins появляются новые термины, характерные исключительно для Twitter. Слово «twit» используется и как существительное и как глагол во многих языках мира. Фоловить (подписываться на аккаунты или выражать одобрение), ретвитнуть (повторно процитировать сообщение в социальной сети), реплай (реакция пользователя на твит другого аккаунта), хэштег (слово или набор слов, который служит для выделения определенных тем в социаль-

ной сети и обозначается значком решетки), твипл (активный пользователь социальной сети, которой посвящает много свободного времени) и многие другие понятия стали неотъемлемой частью жизни информационно-ориентированного современного общества. С каждым годом число твитов (коротких сообщений, к которым можно прилагать различные ссылки и изображения) растет, и в результате данная платформа приобретает все больший масштаб, охватывая широкие слои населения.

В 2011 г. Twitter стал основным механизмом выражения протестных настроений в Испании. Новости мирового масштаба, распространяемые в Twitter, как например, новость о смерти Усамы Бен Ладана в мае 2011, новость о землетрясении и цунами в Японии в том же году, позволили привлечь новых пользователей и превратить своих подписчиков в онлайн-корреспондентов. Легкость и скорость передачи ответа или публикации комментария позволяют установить особую связь как с незнакомыми людьми, так и с хорошо известными, обладающими общими интересами.

Twitter, как другие социальные сети, облегчает участие граждан в политической жизни. Только люди получают самые свежие новости непосредственно из твитов других участников без цензуры и искажений. Стать ближе к людям, используя их профили, напрямую донести свои мысли до избирателей, услышать их желания и критику можно только зайдя в сеть.

В отличие от Facebook, где можно выбирать, с кем делиться информацией, Twitter является открытой платформой, где невозможно скрыться от критики. Не секрет, что за несколько месяцев до выборов профили кандидатов посещаются в два раза чаще, чем обычно, и активность кандидатов в сети более заметна, чем раньше. Ведь политические лидеры посредством интернета общаются не только со своими избирателями, но и с оппонентами. Но как показывает статистика, к концу избирательной кампании кандидаты становятся менее активными.

По данным Twitter, на долю Латинской Америки приходится четвертая часть пользователей платформы в мире. В настоящее время практически 70% глав государств и правительств из более чем 190 стран – членов ООН имеют свои учетные записи. У некоторых лидеров имеется по несколько аккаунтов. Например, президент Венесуэлы Николас Мадуро зарегистрировал сразу 5 аккаунтов на испанском, английском, французском, арабском и португальском языках, и число его подписчиков приближается к 4 миллионам. Он является одним из самых влиятельных мировых лидеров, число ретвитов которого достигло 5 тысяч. Его предшественник Уго Чавес также продвигал идеи, выражал свои чувства и общался с оппонентом в сети. Так, в марте 2010 г. в своей программе «Alo Presidente» он заявил о создании профиля в Twitter @ChavezCandanga, который в последствии собрал 2,5 миллиона подписчиков. В сети Чавес и его команда объявляли о своих политических действиях и решениях, касающихся как внутренней, так и внешней политики, отвечали на комментарии соотечественников.

В эпоху глобализации для современного мирового сообщества свойственно стремление к интеграции, взаимодействию, более глубоким контактам между индивидами, организациями и странами. В силу постоянного развития всех отраслей науки и техники не будет преувеличением сказать, что мы живем в обществе, основанном на знаниях, обществе высоких технологий. Данное понятие подразумевает и даже выводит на первый план такую немаловажную составляющую постиндустриального общества, как преобладание высоких технологий, в основе которых лежат последние достижения науки. Информация начинает носить глобальный характер, и границы государств перестают препятствовать движению информационных потоков. Попытки сдержать свободное информационное вещание выливаются в серьезные проблемы технологического характера для того субъекта, который стремится ввести ограничения. Значительно возрастают технические возможности эккаунтинга (сбор информации), анализа, хранения, транзита и доступа к информации, в том числе политической, в чем немалую роль играют социальные сети. Возрастает воздействие информационных технологий абсолютно на все сферы деятельности человека, активизируются процессы децентрализации общества. Наблюдается формирование новых видов деятельности: приобретает популярность профессия блогера, пишущего на разные темы, особенно на политические, таким образом, идет процесс формирования новых трудовых ресурсов за счет увеличения числа занятых в информационной сфере.

В условиях формирования информационного общества происходит поэтапное упрощение процесса эккаунтинга и передачи информации, что приводит к развитию ряда тенденций:

- постепенно растет численность группы людей, имеющих возможность участвовать в выработке и принятии решений, имеющих существенную политическую значимость;

- формируются технологические условия для постепенного сокращения неравенства возможностей граждан в политической сфере – особую роль здесь играют социальные сети. Новые технологии существенным образом воздействуют на экономические, социальные и политические сферы общества в двух противоположных направлениях:

- сохранение баланса в общественных структурах и как результат – тенденции стабилизации политической жизни;

- расшатывание общественных структур и как следствие – возможное нарушение равновесия общества.

Социальные сети становятся инструментом, способным глобально преобразовать современную политическую систему, превратив каждого пользователя в актора политического процесса, имеющего возможность влиять на принятие политических решений. Развитие интернета представляет собой глубинную модификацию информационного пространства. Современные активные пользователи сетей являются свидетелями и участниками процесса невиданного ранее перехода из виртуального мира в мир принятия реальных и осязаемых решений.

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью утверждать, что мы находимся в активной, растущей фазе технopolитики (Антони Гутьеррес-Руби), которая в будущем призвана кардинально изменить способы самоорганизации общества, а вместе с тем и способы управления им. Речь идет о принципиально новой политике и об электронном политическом дискурсе, который необходимо уже сейчас начинать строить политикам, желающим оставаться на одной волне со своими избирателями. Неизбежные социальные процессы, происходящие в обществе под воздействием развития инновационных коммуникационных технологий, заставляют политиков по-другому выстраивать свой дискурс, становясь более открытыми для избирателей. Изменить способ осуществления политики стало бы для многих шагом к тому, чтобы изменить и саму политику. Особенно сейчас, когда весь мир, оказавшись в условиях вспышки коронавируса, изменился до неузнаваемости и масштаб происходящего кризиса требует внесения значительных изменений в процессы принятия и реализации политических решений.

Активная вовлеченность в электронный политический процесс жителей стран ибероамериканского региона позволяет надеяться на то, что это создаст условия для плодотворного диалога между гражданами и институтами власти. Интернет постепенно превращается из инструмента общения в рычаг давления на государственные органы, в рупор демократии, дающий гражданам возможность быть услышанными. Данная тема, очевидно, является перспективной для научных исследований.

Особенности политической интернет-коммуникации в отдельных странах ибероамериканского региона являются малоизученной темой, требующей углубленного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arnstein S.R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35, № 4. P. 216–224.
2. Fung A. Varieties of participation in complex governance // Public Administration Review. 2006. Vol. 66. P. 66–75.
3. Delli Carpini M., Cook F.L., Jacobs L.R. Public Deliberation, Discursive Participation, and Citizen Engagement: A Review of the Empirical Literature // Annual Review of Political Science. 2004. Vol. 7, № 1. P. 315–344.
4. Акопов Г.Л. Политика и Интернет. М. : ИНФРА-М, 2019. 202 с. DOI: 10.12737/4155
5. Maiz R. Deliberacion e inclusion en la democracia republicana // Revista Espanola de Inverstigaciones Sociologicas. 2006. Vol. 103. P. 1–38.
6. Escobar O. Democracia participativa y elaboracion colaborativa de politicas: la experiencia de Escocia // VIII Congreso GIGAPP. URL: <http://www.gigapp.org/index.php/video-media/425-dr-oliver-escobar-en-sesion-plenaria-democracia-participativa-y-elaboracion-colaborativa-de-politicas-la-experiencia-de-escocia> (Access date: 10.08.2020).
7. Coleman S., Gotze J. Bowling Together: Online Public Engagement in Policy Deliberation. London : BT & Hansard Society, 2001. P. 1–48.

8. Norris P., Curtice J. If you build a political website, will they come? The Internet and political activism in Britain // *International Journal of Electronic Government Research*. 2006. Vol. 2, № 2. P. 1–21.
9. Jensen M., James D. Civil Society and Cyber Society: The Role of the Internet in Community Associations and Democratic Politics // *The Information Society*. 2007. Vol. 23. P. 39–50.
10. Бард А., Зодерквист Я. *Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб. : Изд-во Стокгольм. школы экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 254 с.
11. Анохин М.Г., Павлютенкова М.Ю. Информационно-коммуникативные технологии в политике // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 40–52.
12. Буханрин С.Н., Цыганов В.В. *Методы и технологии информационных войн*. М. : Академический проспект, 2007. 384 с.
13. Вершинин М.С. *Политическая коммуникация в информационном обществе*. СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2001. 256 с.
14. Грачёв М.Н. *Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития*. М. : Прометей, 2004. 252 с.
15. Соловьёв А.И. *Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи* // *Полис*. 2004. № 2. С. 124–132.
16. Anduiza E., Cantijoch M., Colombo C., Gallego A., Salcedo J. Los usos políticos de Internet en España // *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (Reis)*. 2010. № 129. P. 133–146.
17. Jordi B., Reniu J.M. Democracia electrónica y participación ciudadana. Informe sociológico y jurídico de la consulta ciudadana Madrid Participa, Madrid : Ayuntamiento de Madrid/ScytI/Accenture, 2004. P. 1–73.
18. Rubio R. Internet en la participación política // *Revista de Estudios Políticos*. 2000. Vol. 109. P. 285–302.
19. Perfil sociodemográfico de los internautas (datos INE 2018). URL: <https://www.ontsi.red.es/ontsi/es/content/perfil-sociodemografico-de-los-internautas-datos-ine-2018> (Accessed: 06.08.2020).
20. Cómo es el internauta español. URL: <https://www.merca20.com/como-es-el-internauta-espanol/> (Accessed: 06.08.2020).
21. Antoni Gutiérrez-Rubi – Comunicación Política, Institucional y Empresarial. URL: <https://www.gutierrez-rubi.es> (Accessed: 09.08.2020).
22. Аристотель. *Метафизика* / пер. с гр. П.Д. Перлова, В.В. Розанова. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 22 сентября 2020 г.

Technopolitics in the Ibero-American Region

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 112–120.

DOI: 10.17223/15617793/460/14

Elena V. Kryukova, MGIMO-University, (Moscow, Russian Federation). E-mail: lenakryukova@yandex.ru

Elena A. Savchuk, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elenita2001@mail.ru

Iuliia V. Davtian, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation). E-mail: aurora85@bk.ru

Keywords: cyberactivity; technopolitics; Ibero-American region; Spain; Latin America; political participation; political communication.

In recent decades, the active interaction of innovative technologies and politics has given a rise to a new specific phenomenon – technopolitics. It is acquiring clearer outlines and seeks to obtain the status of a separate applied discipline. Technopolitics includes the whole range of tools used by politicians, political organizations and political strategists within the Internet space in order to collect information about the potential electorate, form a strategy and influence the mood of voters. The main elements of technopolitics are social networks, mobile applications and specialized sites. They become an ideal platform for understanding the mood in society, forming a roadmap on key issues, which allows solving both internal and foreign policy tasks. The authors of this research set the aim to analyze examples of technopolitics functioning in the countries of the Ibero-American region, which includes countries with an impressive number of Internet users and one of the highest levels of political participation. As a result of the research, the authors come to the conclusion that Spain and the countries of Latin America are actively involved in technopolitics, which is proved by the activities of local political organizations that develop their activity in the framework of Internet communications. The creation of social media accounts and own websites is aimed at an active interaction with citizens without the participation of traditional media as an intermediary. Operative response to changes in shades of public opinion allows political parties to timely change the vector of their movement. Citizens' general engagement in technopolitics led to truly revolutionary changes in the hierarchy of the “candidate-voter”, endowing the voter with truly democratic instruments of influencing the government, and thereby increasing the percentage of political participation of citizens disenchanted with the former relations between the institution of power and the people. The Internet has allowed an ordinary person to turn into a real political actor organizing transparent discussions, easily involving a large number of people in solving political issues. People are no longer required to vote within the framework of the proposed alternative, but asked for their opinion. Much of this change is due to the creation of Twitter, a platform opened to discussion of various issues and free from censorship, very popular in the countries of the Ibero-American region.

REFERENCES

1. Arnstein, S.R. (1969) A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Institute of Planners*. 35 (4). pp. 216–224.
2. Fung, A. (2006) Varieties of participation in complex governance. *Public Administration Review*. 66. pp. 66–75.
3. Delli Carpini, M., Cook, F.L. & Jacobs, L.R. (2004) Public Deliberation, Discursive Participation, and Citizen Engagement: A Review of the Empirical Literature. *Annual Review of Political Science*. 7 (1). pp. 315–344.
4. Akopov, G.L. (2019) *Politika i Internet* [Politics and the Internet]. Moscow: INFRA-M. DOI: 10.12737/4155
5. Maiz, R. (2006) Deliberacion e inclusion en la democracia republicana. *Revista Espanola de Inverstigaciones Sociologicas*. 103. pp. 1–38.
6. Escobar, O. (2017) *Democracia participativa y elaboracion colaborativa de politicas: la experiencia de Escocia*. [Online] Available from: <http://www.gigapp.org/index.php/video-media/425-dr-oliver-escobar-en-sesion-plenaria-democracia-participativa-y-elaboracion-colaborativa-de-politicas-la-experiencia-de-escocia>. (Accessed: 10.08.2020).
7. Coleman, S. & Gotze, J. (2001) *Bowling Together: Online Public Engagement in Policy Deliberation*. London: BT & Hansard Society, P. 1–48.
8. Norris, P. & Curtice, J. (2006) If you build a political website, will they come? The Internet and political activism in Britain. *International Journal of Electronic Government Research*. V2 (2). pp. 1–21.
9. Jensen, M. & James, D. (2007) Civil Society and Cyber Society: The Role of the Internet in Community Associations and Democratic Politics. *The Information Society*. 23. pp. 39–50.
10. Bard, A. & Soderqvist, J. (2004) *Netokratiya: novaya pravayashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism]. Translated from English. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg.
11. Anokhin, M.G. & Pavlyutenkova, M.Yu. (1999) Inofrmatsionno-kommunikativnye tehnologii v politike [Information and communication technologies in politics]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Political Science*. 1. pp. 40–52.

12. Bukhanrin, S.N. & Tsyganov, V.V. (2007) *Metody i tekhnologii informatsionnykh voyn* [Methods and technologies of information wars]. Moscow: Akademicheskii prospekt.
13. Vershinin, M.S. (2001) *Politicheskaya kommunikatsiya v informatsionnom obshchestve* [Political communication in the information society]. St. Petersburg: Izd-vo Mikhaylova V.A.
14. Grachev, M.N. (2004) *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political communication: theoretical concepts, models, vectors of development]. Moscow: Prometei.
15. Solov'ev, A.I. (2004) Politicheskii diskurs mediakratii: problemy informatsionnoy epokhi [Political discourse of media practices: problems of the information age]. *Polis – Political Studies*. 2. pp. 124–132.
16. Anduiza, E., Cantijoch, M., Colombo, C., Gallego, A. & Salcedo, J. (2010) Los usos políticos de Internet en España. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (Reis)*. 129. pp. 133–146.
17. Jordi, B. & Reniu, J.M. (2004) *Democracia electrónica y participación ciudadana. Informe sociológico y jurídico de la consulta ciudadana Madrid Participa*. Madrid: Ayuntamiento de Madrid/Scyt/Accenture. pp. 1–73.
18. Rubio, R. (2000) Internet en la participacion politica. *Revista de Estudios Politicos*. 109. pp. 285–302.
19. Ontsi.red.es. (2018) *Perfil sociodemográfico de los internautas (datos INE 2018)*. [Online] Available from: <https://www.ontsi.red.es/ontsi/es/content/perfil-sociodemografico-de-los-internautas-datos-ine-2018>. (Accessed: 06.08.2020).
20. Merca20.com. (2018) *Cómo es el internauta español*. [Online] Available from: <https://www.merca20.com/como-es-el-internauta-espanol/>. (Accessed: 06.08.2020).
21. Antoni Gutiérrez-Rubí Website. (2020) *Comunicación Política, Institucional y Empresarial*. [Online] Available from: <https://www.gutierrez-rubi.es>. (Accessed: 09.08.2020).
22. Aristotle. (2006) *Metafizika* [Metaphysics]. Translated from Greek by P.D. Pervov, V.V. Rozanov. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History.

Received: 22 September 2020

В.С. Слобожникова

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КОРРЕКТИРОВКИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Стремление общественности к корректировке государственно-конфессиональных отношений на рубеже XX–XXI вв. рассматривается в контексте поиска современной Россией собственной модели этих отношений. Автором выявлены факторы и институциональные изменения, которые активизировали общественно-политические практики. Неоднократные неудачные попытки в виде законопроектов и концепций ГКО превратить традиционную религиозность в нормативный субъект общественно-политического пространства представлены как вызов для государства и общественности.

Ключевые слова: постсекулярность; Россия на рубеже XX–XXI вв.; государственно-конфессиональные отношения; сепарационная модель ГКО; кооперационная модель ГКО; Комитет Государственной думы по делам общественных и религиозных организаций; общественно-политические практики; концепции государственно-конфессиональных отношений.

Введение

Проблема взаимоотношений религии и политики в современном мире и России занимает все большее место в интеллектуальном и общественно-политическом пространстве. С позиции этой проблематики современность определяется как данность, характеризующаяся явлениями постсекулярного характера, а постсекулярность в современном социогуманитарном знании соотносится с постмодерном и рассматривается как феномен, вызов, новая эпоха. Постсекулярность в России анализируется в контексте зарубежных исследований, исторического развития мира и России, в связи секулярность – десекулярность – постсекулярность. Расширилось представление о содержании этого явления: от возвращения религий в публичное пространство до присутствия фактора религий, трансцендентного во всех сферах бытия современного социума [1. С. 60].

Среди исследователей проблематики религии и политики в новых условиях следует отметить М.М. Мчедлову и И.В. Кудряшову, которые разрабатывают методологические основы, выходя за границы существующих эпистемологических рамок [2]. В социогуманитарных науках современной России более динамично происходит процесс концептуализации постсекуляризма на основе зарубежных исследований, чем выявление, изучение и анализ его проявлений в нашей стране. Этот вывод можно распространить и на политологические исследования постсекулярности и согласиться с М.И. Богачевым, что авторы преимущественно «используют исторические и теоретические аргументы», недостаточно уделяя внимание эмпирическим данным [3. С. 143].

В условиях постсекулярной реальности вероисповедная политика, государственно-конфессиональные отношения (ГКО) приобретают все большую значимость в силу всепроникающего качества религиозности и активизации религиозных объединений и религиозной общественности. Общемировая практика свидетельствует, что расширение роли религиозных институтов и их экспансия в традиционно светские сферы жизни общества приводит к повышению уровня конфликтности и радикализации сторонников и противников десекуляризации [3. С. 142]. Наличие

подобной тенденции изменения уровня конфликтности общественно-политических практик отмечают исследователи О.Д. Агапов, Э.А. Баторова, М.И. Богачев, С.Н. Лаврентьев, Ю.А. Наговицына, А.Н. Сергеева, А.А. Шевченко, Д. Узланер и в России [1. С. 58–59]. В этих условиях актуализируется необходимость исследования проявлений постсекулярности в общественно-политической жизни страны.

Современная Россия с 1990 г. находится в поиске собственной модели ГКО. Их выстраивание на основе светскости в новейшей истории происходит сложно [4. С. 389–456]. К концу XX в. за короткий промежуток времени Россия освоила либеральную (сепарационную) модель взаимоотношений государства и религиозных конфессий и, получив массу негативных последствий, начала выстраивать новую на основе принципов, закрепленных в Конституции 1993 г. и детализированных в Федеральном Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. [5. Р. 147–154]. В современной научной литературе эта модель ГКО определяется по-разному: идентификационная [6. С. 168], кооперационная [7. С. 321–322].

Стремление общественности к корректировке ГКО на рубеже XX–XXI вв. автором статьи рассматривается с позиции постсекулярных подходов в контексте поиска современной Россией собственной модели этих отношений. Целью проведенного исследования стал анализ общественно-политических практик по изменению дизайна ГКО, наполнению их новыми смыслами в пограничный период преодоления издержек сепарационной модели и формирования новой – кооперационной. Задачи состояли в определении факторов актуализации традиционной религиозности на рубеже XX–XXI вв., раскрытии сути нормативного закрепления традиционной религиозности и выявлении направлений общественно-политических практик по корректировке ГКО. Цель и задачи, определенные автором, реализовывались на основе анализа периодической печати, на страницы которой выливалась общественно-политическая дискуссия, законопроектов, материалов по их обсуждению, современной научной литературы с позиции исторического, неинституционального и сравнительного подходов. В условиях постсекулярности автор обратился к изучению не только институциональной светской и рели-

гиозной составляющих ГКО, но и выявил традиционную религиозность как институцию, вокруг которой разворачивалось общественно-политическое противостояние в стремлении скорректировать религиозную политику государства.

Факторы актуализации традиционной религиозности на рубеже XX–XXI вв.

Рубеж XX–XXI вв., с точки зрения ГКО, интересен разнообразием позиций в общественном мнении, активностью части общественности в стремлении защитить прежние отношения самоустраненности государства от регулирования религиозной сферы, а другой части – наполнить новую, формирующуюся модель конкретным содержанием, которое по-разному трактовалось.

Реализация закона 1990 г. «О свободе вероисповеданий», с одной стороны, привела к религиозному возрождению и увеличению численности религиозных объединений. В истории России впервые полноценно реализовывались свобода совести и свобода вероисповедания, верующим были переданы тысячи культовых зданий, открыты десятки монастырей, духовных учебных заведений, религиозных центров, братств, миссий, церковных журналов и газет. Возросли престиж и уровень доверия общества к религиозным объединениям. В то же время расширились негативные проявления освоения религиозности в условиях абсолютной свободы и бесконтрольности. Произошло вторжение новых, нетрадиционных для России религий и культов, наблюдалась массивная атака иностранных религиозных миссий на традиционный менталитет народов России. Часть из них стремились не к искреннему религиозному возрождению нашей страны, а преследовала разведывательные, коммерческие и другие цели, не связанные с религией. Например, в 1994 г. в стране действовало около 5 тыс. организаций без регистрации своих уставов. Религиозная «пена» включала как экстремистов, так и откровенных авантюристов. Явления в рамках второй тенденции реализации сепарационной модели ГКО явно носили «деструктивный» характер и вызвали особую озабоченность общественности и властей ряда регионов [8. С. 627–628].

Освоение Россией религиозности в 1990-е гг. и поиск новой модели ГКО проходили в сложных социально-политических условиях. Резко падало доверие населения к власти из-за ухудшения социально-экономической ситуации в стране. Усилилась маргинальность идеологической и духовной жизни российского общества. Нарастала политизация религии за счет включенности религиозного фактора в партийное строительство и выборный процесс. Расширялась и нарастала опасность сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма.

Ситуация, сложившаяся в мире и стране, стала серьезным вызовом для государства и общества. Требовалась настоятельная необходимость корректировки религиозной политики, так как власть испытывала дефицит ресурсов, чтобы справиться с кризисом и восстановить управляемость страной, найти дополни-

тельные механизмы усиления доверия населения. Таким ресурсом в решении прежде всего духовных и социальных проблем могли стать религиозные организации. Для этого необходимо было их стимулировать к позитивному участию в общественной жизни России, социальному служению.

На рубеже XX–XXI вв. произошло несколько значимых институциональных изменений, которые активизировали общественно-политические практики в рамках ГКО. В федеральных и региональных органах государственной власти и управления и при них начали формироваться специальные структуры (управления, отделы, комитеты, комиссии, советы), отвечающие за религиозную политику и взаимодействие с религиозными объединениями. На федеральном уровне важными субъектами ГКО стали такие структуры, как отдел по взаимодействию с религиозными организациями Администрации президента, Комитет Государственной думы по делам общественных и религиозных организаций (законотворческая деятельность), Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ (решение конкретных текущих вопросов), Министерство юстиции (регистрация религиозных организаций). При органах власти субъектов РФ создавались межрелигиозные советы, которые стали активно представлять религиозный мир перед светскими властями. Наибольшую активность в этом проявляли представители местных ведущих религиозных организаций [9].

По инициативе Русской православной церкви (РПЦ) в декабре 1998 г. на встрече глав и представителей Московской патриархии, Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ, Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России, Буддийской традиционной сангхи России был образован Межрелигиозный совет России (МСР), который позиционирует себя в качестве общественной организации, объединяющей духовных лидеров и представителей четырех традиционных конфессий России: православия, ислама, иудаизма и буддизма. На официальном сайте организации отмечается: «Целью деятельности МСР является укрепление межрелигиозного и межнационального мира, противодействие использованию религиозных чувств для разжигания межэтнических конфликтов, утверждение в обществе традиционных нравственных ценностей, согласия и стабильности» [10]. Созданный в рамках МСР союз представителей ведущих религий страны, органов государственного управления и общественных сил работает над поиском эффективных методов решения сложных социальных и национально-религиозных проблем.

Процессу активизации и консолидации религиозного сообщества также способствовала необходимость прохождения регистрации в соответствии с требованиями нового законодательства, что вызывало недовольство, особенно у новых религиозных движений.

В начале XXI в. появился еще один важнейший фактор активизации общественно-политических практик. Речь идет о принятии и обнародовании ве-

дущими религиозными организациями общественно-политических доктрин, в которых излагалось их видение ГКО, места и роли религиозных практик в структуре политического процесса России, направлений сотрудничества с государством, социального служения [11. С. 498–525].

В целом в исследуемый период проходило институциональное оформление ГКО, которые с точки зрения структурного дизайна и основных характеристик существуют и сегодня.

Нормативное закрепление традиционной религиозности: за и против

Выявленные факторы актуализации поиска новой модели ГКО свидетельствуют об организационной активности религиозных организаций ведущих религий, поэтому не случайно со второй половины 90-х гг. XX в. в общественно-политическом обиходе все чаще стало использоваться понятие «традиционные религии». Проблема традиционной религиозности не просто актуализировалась, но и стала приобретать общественно-политическое значение. Исходной точкой дискуссии о характере новых ГКО и места в них традиционных религий стало содержание преамбулы ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., в которой зафиксировано признание «особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и уважение «христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [12]. Споры вокруг содержания преамбулы активно продолжились еще на стадии обсуждения законопроекта и продолжаются до сих пор. Для высказанных позиций характерно разнообразие оценок религиозной конкретизации. Одни были убеждены в неправомерности и оскорбительности данных положений в поликонфессиональной стране. Другую крайность представляли те, кто был удовлетворен перечислением конкретных религий и считал, что понятие «традиционные религии» необходимо нормативно закрепить в законе, так как происходит интенсивное освоение традиционной религиозности властью и частью общества.

На рубеже XX–XXI вв. продвижением идеи традиционных религий активно занимался Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной думы РФ. В его состав входили депутаты, которые были убежденными сторонниками необходимости опоры в государственной политике на религиозные организации традиционных религий. К их числу принадлежал и председатель этого Комитета в 1994–2003 гг. В.И. Зоркальцев, который считал религиозные организации «одним из наиболее важных институтов гражданского общества» и в одном из интервью, объясняя религиозную традиционность, заявлял: «...традиционная для России религия – это та религия, которая существует за счет российской паствы, российских ресурсов, имеет российские канонические структуры, российских священников, находится в системе российских зако-

нов. И, безусловно, она должна иметь традиции, оставить след в истории государства» [13].

Комитет в различных формах активно продвигал идею традиционных религий. Например, на парламентских слушаниях в Государственной думе 2001 г., посвященных проблеме законодательного обеспечения государственно-церковных отношений в свете социальной концепции Русской православной церкви, были предложены рекомендации по оптимизации государственно-церковных отношений в направлении изменения законодательства «в сторону закрепления государственных вероисповедных предпочтений в лице “традиционных” конфессий» [14. С. 15].

Сторонники идеи введения в политико-правовое пространство России понятия «традиционная религия» активно пытались реализовать ее в законодательной практике, разработав несколько законопроектов. Специалисты отмечают, что проекты такого рода выдвигались уже с 1993 г. и «неизменно вызывали опасения за сохранность конституционного принципа равенства религиозных организаций перед законом» [15]. Наиболее известными на рубеже веков стали проекты, получившие названия по фамилиям авторов: Шандыбина, Чуева, Глазьева. В ряду этих законопроектов одним из первых стал проект 1999 г. «О традиционных религиозных организациях» депутатов Государственной думы В.И. Шандыбина, В.У. Корниенко, В.А. Лисичкина, С.В. Житинкина [16]. Как свидетельствуют первоисточники, одним из самых настойчивых в реализации идеи юридического закрепления традиционной религиозности в начале XXI в. стал А.В. Чуев, заместитель председателя Комитета. Он предложил несколько вариантов проекта ФЗ «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» (2002) [17] и законопроект «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций» (2003) [18]. В 2003 г. депутатами С.Ю. Глазьевым и А.Н. Белоусовым в Государственную думу также был внесен проект закона «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций» [19].

Как свидетельствуют изучение и сравнение проектов, общим для всех из них было только стремление узаконить традиционную религиозность, конкретизация же понималась и трактовалась по-разному. У депутатов было разное представление о названии субъекта желаемых будущих правоотношений. Так, проект Шандыбина предусматривал нормативное понятие «традиционная религиозная организация» с правовым статусом общероссийской организации [16]. А.В. Чуев во всех законопроектах предлагал различное количество видов традиционных религиозных организаций. Например, в проекте «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» их предусматривалось четыре вида, и распределялись они на две группы. Религиозные организации, зарегистрированные в РФ, могли получить один из трех видов статуса: 1) традиционные религиозные организации народов РФ; 2) традиционные религиозные организации отдельных народов РФ; 3) исторически традиционные религиозные организации. На статус представительства иностранной религиозной органи-

зации могли претендовать только те зарубежные религиозные организации, которые признаны «неотъемлемой частью исторического, духовного и культурного наследия народов соответствующего государства» [17]. В проекте же «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации» предусматривалось только два вида традиционных религиозных организаций: общероссийские и региональные.

Предполагаемое отличие статусов традиционности более значимыми делало критерии отнесения к той или иной категории. В условиях поликонфессиональности именно критерии, по которым религиозные организации могли получить статус традиционных, стали предметом самых острых споров среди сторонников традиционной религиозности. Базовым признаком считалась неотъемлемость исторического, духовного и культурного наследия разных по статусу традиционности религиозных субъектов ГКО. В проектах также учитывалась численность верующих или последователей, выделялись территориальный и временной признаки функционирования религиозной организации.

Например, в проекте Чуева «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» «традиционная религиозная организация РФ» должна была действовать на территории РФ не менее 50 лет и объединять не менее одного миллиона верующих или последователей. «Традиционная религиозная организация отдельных народов РФ» – существовать на территории страны и на территории отдельных ее субъектов не менее 50 лет и насчитывать не менее ста тысяч человек. «Исторически традиционная религиозная организация» – на территории отдельных субъектов РФ или в отдельных местностях не менее 80 лет. Количественный состав верующих и последователей для этого вида не регламентировался [17]. Еще более ограничительные признаки были сформулированы этим депутатом в проекте «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций». Требование к сроку существования для всех увеличивалось до 85 лет [18]. Если 50-летний срок отсылал как минимум к 1952 г., то 85-летний – к 1917 г., году, когда большевики еще не занялись активно атеистической религиозной политикой и в до-революционной России функционировала модель государственной религии в лице православия. Сужался круг претендентов на получение статуса традиционной религиозной организации России и за счет введения положения о необходимости местных организаций, действующих на территории не менее чем в 10 субъектах РФ, хотя по действовавшему и сегодня действующему законодательству для регистрации централизованной структуры достаточно не менее трех местных организаций [12].

При предлагаемой разнице в статусе ни один из проектов А.В. Чуева не называл религиозные организации конкретных конфессий. Этот аспект проблемы традиционной религиозности зафиксирован в проекте Глазьева. В число традиционных религиозных организаций включалась РПЦ со статусом всероссийской, а также «мусульманские, буддистские и иудаистские

религиозные организации в местах традиционного компактного расселения верующих соответствующих конфессий». Подчеркивалось, что именно религиозные организации таких конфессий, как православие, ислам, буддизм и иудаизм, составляют в современной России «неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [19]. Конкретное определение религий, претендующих на статус традиционных, с одной стороны, снимало проблему критериев на федеральном уровне, но с другой – переносило ее на региональный, где местным властям, в том числе и муниципальным, предстояло определиться, является ли их территория местом компактного проживания мусульман, иудеев и буддистов.

Выявленные признаки традиционной религиозности свидетельствуют об очевидном несовпадении мнений по этому вопросу, хотя общим очевидным следствием стало стремление сузить круг религиозных организаций, которые станут опорой власти. Некоторые критики считали, что, например, под предложенные Шандыбиным критерии традиционности подходили только православие и ислам [20]. Глазьев в проекте традиционные религиозные организации обозначил конкретно. Эти предложения противоречили процессам, происходившим в стране. Численность религиозных организаций в РФ неуклонно увеличивалась, как и вероисповедное многообразие [21. С. 185–195]. По сути, законопроекты предполагали уменьшение численности религиозных субъектов, с которыми государство должно было выстраивать отношения, и представляли новое видение прав традиционных религиозных организаций и обязанностей государства перед ними, что кардинально меняло бы характер существовавших ГКО.

Проект Шандыбина предлагал традиционные религиозные организации наделить правом «иметь своих постоянных представителей при федеральных и региональных органах власти по согласованию с ними», и органы государственной власти в рамках своей компетенции могли оказывать эти организациям содействие в их социальной деятельности [16]. В проектах Чуева и Глазьева акцент делался на социальном партнерстве, механизмах его реализации, обязанностях государства. Так, законопроект «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» Чуева предусматривал оказание финансовой поддержки для создания религиозных СМИ, их развитие путем размещения государственных заказов. Предлагалось на безвозмездной основе предоставлять государственные и муниципальные СМИ для освещения деятельности традиционных религиозных организаций «в целях распространения своего вероучения, религиозного образования и воспитания, миссионерской и благотворительной деятельности», в том числе «демонстрации богослужений, религиозных церемоний обрядов и других значимых событий религиозной жизни». Практически полностью освободить от налогов не только сами организации и их структурные подразделения, но также принадлежащие им предприятия; предоставить значительные льготы, если не полное финансирование, в области образования, благотворительности и социального обслуживания [17].

Еще более расширительно трактовались обязательства государства во втором проекте Чуева. Отношения социального партнерства рассматривались как «весь комплекс взаимодействий между органами государственной власти и традиционными религиозными организациями, направленных на социальное, духовное, культурное и нравственное оздоровление общества», в рамках которого государство должно оказывать «содействие... в реализации федеральных, межрегиональных и региональных целевых программ и иных мероприятий в сфере образования, культуры, социального обслуживания и других сферах общественных отношений». Глава 4. «Государство и традиционные религиозные организации» фиксировала 11 основных направлений взаимодействия и достаточно конкретно указывала обязательства государства. Кроме организационной и материальной поддержки, предусматривалось «поэтапное возвращение имущества традиционных религиозных организаций, изъятого у них ранее во внесудебном порядке и находящегося в государственной или муниципальной собственности», и льготное налогообложение для всего круга хозяйственной деятельности [18]. В проекте Глазьева субъектами договоров о социальном партнерстве могли стать только традиционные религиозные организации и органы государственной власти и местного самоуправления. Государство должно было учитывать отличия статусов традиционности. Традиционные религиозные организации имели право на получение государственной поддержки [19]. Из логики этого документа следовало, что договоры о социальном партнерстве на всероссийском общегосударственном уровне могли заключаться только с РПЦ, а региональные органы государственной власти и местного самоуправления наделялись правом устанавливать партнерские отношения с местными мусульманскими, буддистскими и иудаистскими религиозными организациями, признанными традиционными на их территории. Это естественно как минимум сужало пространство использования социального потенциала других конфессий и ранжировало даже ведущие религиозные организации страны.

Видение А.В. Чуевым ГКО предполагало не только институциональные изменения в религиозной составляющей этих отношений, но и государственной. В одном проекте он предлагал создать Федеральную комиссию по поддержке традиционных вероисповеданий, которая наделялась широкими полномочиями и должна была состоять из 20 постоянных членов. 5 из них должны назначаться Государственной Думой, 5 – Советом Федерации, 10 – распоряжением Президента, который 5 членов Комиссии выбирал из кандидатур, представленных от православных, исламских, иудаистских и буддистских организаций [17]. В другом – схематично, без детализации предусматривалось формирование на общегосударственном уровне Совета по поддержке традиционных вероисповеданий при Президенте Российской Федерации, а на региональном – «региональных Советов по поддержке традиционных вероисповеданий, состоящих из представителей региональных традиционных религиозных организаций» [18].

Нормативное закрепление статуса традиционности оказало бы серьезнейшее влияние на светский и религиозный мир России. Во-первых, предлагалось существенно изменить место и роль государства в регулировании религиозного мира. Многие положения проектов противоречили конституционным принципам ГКО, могли привести к их клерикализации. Во-вторых, все религиозные организации делились на две категории: традиционные и нетрадиционные, что противоречило конституционному принципу равноправия. В-третьих, большинство законопроектов предусматривало различия в статусе традиционных организаций, что ранжировало уже мир традиционной религиозности. Выдвигаемые депутатами проекты для светского общества и религиозного мира стали общественно-политической провокацией.

Сама процедура рассмотрения законопроектов предполагает широкое привлечение общественности, подключение средств массовой информации, получение экспертных заключений, писем-поддержек от представителей власти. Авторами и активными сторонниками проводились парламентские слушания, круглые столы, пресс-конференции, давались интервью. В орбиту обсуждения включались эксперты, общественные объединения, религиозные организации. Например, к обсуждению проекта А.В. Чуева «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации» были привлечены такие структуры, как Ассоциация защиты семей и лиц от негативных информационно-психологических воздействий, Фонд развития парламентаризма, Собор православной интеллигенции, Историко-правовая комиссия Русской православной церкви, представители Президента РФ в федеральных округах и др. В СМИ, как печатных, так и электронных, появились самые разные отклики на этот законопроект [22]. Вообще вокруг проблемы введения в политико-правовую практику понятия «традиционная религия» в начале XXI в. развернулась настоящая борьба, а само обсуждение превратилось в общественно и политически значимое явление.

Идея нормативного закрепления традиционной религиозности получила широкое распространение и поддержку как в религиозной среде, так и среди специалистов и общественных деятелей. За несколько лет до внесения собственного проекта на парламентских слушаниях в Государственной Думе (2001 г.) депутат С.Ю. Глазьев обратил особое внимание на следующий момент: «...для того чтобы Россия успешно развивалась, помимо чисто экономических факторов, необходимо сохранение наших традиционных нравственных устоев. И здесь наш главный союзник – традиционные религии, с которыми государство, по моему мнению, должно выстраивать отношения социального партнерства. Государство и традиционные религии имеют не только общее поле деятельности, но и несут в какой-то степени общую ответственность за нравственный климат в обществе» [23].

В ходе дискуссии в пользу нормативного закрепления традиционной религиозности выдвигалась и более конкретная аргументация, которую можно объединить в четыре группы. 1. Это необходимо для «обеспечения

реализации прав граждан на свободу вероисповедания, укрепления основ общественной нравственности, а также в целях осуществления гармоничного взаимодействия между государством и религиозными организациями, являющимися неотъемлемой частью исторического духовного и культурного наследия народов Российской Федерации» [24]. 2. Действующее законодательство не справляется с задачей ограничения деятельности псевдорелигиозных, экстремистских организаций, цели которых весьма далеки от религиозных. В России отсутствуют препятствия для использования государственных ресурсов псевдорелигиозными тоталитарными организациями, которые под различными благовидными предложениями широко используют государственные и муниципальные образовательные заведения для вовлечения в сферу своего влияния молодежи. 3. В обществе созрела новая ситуация, настоятельно требующая снятия излишних барьеров, препятствующих соработничеству Церкви и государства, назрело понимание того, что отделение Церкви от государства как государственного аппарата не означает еще отделения Церкви от общества, более того, такое отделение не принесет обществу ничего, кроме вреда. 4. Понятие «традиционные религии» уже носит правовой характер, так как их названия перечислены в преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., поэтому конкретизация этой категории в законодательстве вполне логична и необходима [25. С. 132–135].

Появились и публикации с развернутым обоснованием проблемы. Так, юрист И.В. Понкин, директор Института государственно-конфессиональных отношений и права, назвал «мифом» светское государство, в котором все религии фактически равноудалены, которое поддерживает фактически равные взаимоотношения со всеми религиозными объединениями в независимости от численности их верующих. Этот миф о «полностью внерелигиозном» государстве навязывается или по незнанию и некомпетентности, или намеренно, из личных идеологических побуждений, к которым можно отнести «нетерпимость к традиционным для России религиям, приверженность к атеистической идеологии и пр.». Необходимость преференций государства крупнейшим религиозным организациям ученый объяснял обязанностью государства содействовать коллективной реализации свободы совести и вторичностью государства по отношению к народу. Он критически оценивал разработанные законопроекты и считал их «не более, чем пиаровскими акциями депутатов», слишком «сырыми» из-за отсутствия конкретики. Сам же специалист в области ГКО предлагал государству выделить перечень религиозных организаций традиционных религий, с которыми возможно расширенное сотрудничество в нескольких вариантах: «на основе системы административных практических решений, на основе заключаемых договоров, на основе комплексного изменения целого ряда законов или на основе отдельного специально принимаемого закона». И.В. Понкин, писал, что сегодня трудно определить, какой из этих вариантов лучше, но наиболее оптимальным считал их комплексное использование [26].

У идеи нормативного закрепления традиционной религиозности были не только сторонники, но и противники. В развернувшейся дискуссии исходной позицией для них стали положения Конституции РФ, согласно которым Россия – светское государство, и религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, поэтому в качестве одного из важнейших аргументов приводилось утверждение об антиконституционной направленности предлагаемых проектов. Противники рассматриваемой идеи также видели ее ущербность с позиции прав человека. С одной стороны, права верующих окажутся производными от прав неких самодовлеющих структур, мало похожих на добровольные объединения граждан, и верующие фактически станут заложниками конфессиональной бюрократии. С другой – такой подход позволит власти использовать религию в политических целях в качестве идеологии для удержания власти, путем некоего «сотрудничества» с конфессиональной бюрократией, делая уже заложниками все общество и каждого человека в отдельности [27].

Подключившиеся к дискуссии исследователи доказывали, что дефиниция «традиционные религии» имеет «культурно-исторический характер», но не «имеет самостоятельного нормативного значения», не может выступать в качестве законодательной функции [20]. Активные противники идеи С.А. Бурьянов и С.А. Мозговой категорично заявляли: «Введение в правовой оборот неопределенного термина “традиционная” конфессия вообще может ввести в заблуждение общество и правоохранительные органы. Сколько времени необходимо религиозному объединению, чтобы стать традиционным? 15, 50, 100 или 1 000 лет? Каких-либо критериев ни в науке, ни в праве не существует» [28]. Вердикт этих активных участников дискуссии был однозначным: правовые критерии религиозной традиционности создать невозможно. Противники идеи также отмечали, что с переходом понятия «традиционные религии» в область права возникает вопрос о списке конкретных религиозных организаций. При этом вполне правомерным считалось употребление понятия «традиционные религии» в религиозноведческом или обыденном обиходе. Критически к идее выделения «традиционных религий» отнесся и А. Верховский, его статья с анализом рассмотренных законопроектов называлась «Битва за привилегии». Именно так этот специалист расценивал стремление наделить некоторые религиозные организации России статусом традиционных [15].

В контексте изучения общественно-политических практик корректировки ГКО необходимо выявить позицию религиозных организаций, так как обсуждаемые законопроекты имели к ним непосредственное отношение, дифференцируя религиозный мир России и углубляя в нем конфликтность, усложняя и так не простые взаимоотношения. На первый взгляд, может сложиться впечатление, что ведущие конфессии выступили на стороне защитников нормативного закрепления традиционной религиозности, но это не так. Например, как свидетельствуют материалы Отдела коммуникации ОВЦС Московского патриархата, РПЦ, считая идею важной, к положительным сторо-

нам отнесла предложение о вводе в законодательство нескольких категорий традиционных религиозных организаций и создании государственного органа. В то же время были отмечены «серьезные недостатки»: отсутствие прописанного правового статуса традиционных религиозных организаций разного уровня; слабая проработанность ряда положений, опасность идеи «поддержки иностранных религиозных организаций». По мнению РПЦ, большая часть разработанных положений не является нормами права, а остается лишь декларативными положениями о сотрудничестве государства с традиционными религиозными организациями [24]. В целом руководители РПЦ никогда прямо не поддерживали проекты, разработанные депутатами Государственной думы. Изучение позиции РПЦ позволяет согласиться с мнением, что в отношении ко всем подобным законопроектам у РПЦ наблюдалась определенная схема: одобрение идеи в целом и конкретные серьезные юридические и содержательные замечания [15].

Резко против идеи выступил председатель Конференции католических епископов РФ. В интервью «Независимой газете» он заявил: «Теперь возникла идея создания еще одного закона о так называемых традиционных религиях. Предложил его депутат Чуев. Я категорически против этого закона. Согласно его проекту мы, католики, может быть, и будем признаны традиционной конфессией... допустим, православный и католик в закон попадут, а протестант – нет. То есть закон о религии, которая должна примирять всех, делит людей на какие-то классы. Стремление сверху руководить свободой совести – это остатки советского периода» [29]. К «остаткам советского периода» религиозные организации даже ведущих конфессий относили и создание специального органа по религиозной политике, их насторожило стремление усилить государственную составляющую в управлении религиозной сферой [30. С. 230–234].

Общественная активность, по сути, «похоронила» рассмотренные проекты. В политико-правовое поле России ввести традиционную религиозность не удалось. После выборов в Государственную думу 2003 г. общественная и законодательная активность в этом направлении снизилась.

Традиционная религиозность в контексте разработки Концепции ГКО

Параллельно с разработкой, выдвижением и обсуждением законопроектов шла работа над концепцией религиозной политики, что можно отнести к стремлению ответить на появление общественно-политических доктрин ведущих религиозных организаций, зафиксировать позицию государства в условиях новых вызовов. В результате объединения усилий общественности и государственных институтов на широкое обсуждение были представлены варианты проектов двух коллективов. Один разрабатывался кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ (условно назовем его «проект РАГС»), другой – Институтом государственно-конфессиональных отношений и пра-

ва и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве (условно назовем его «проект Института»). Есть мнение, что проект РАГС «Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации» создавался по заказу Администрации Президента, а на содержание проекта Института «Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации» повлияли «клерикальные круги, ориентированные на МП РПЦ» [31].

В научной литературе содержание этих проектов рассматривается последовательно, а обсуждение не конкретизируется. Особенность такого подхода объясняется тем, что представленные как альтернативные, проекты одинаковы по сути [32]. В рамках анализа общественно-политических практик необходимо остановиться на позициях критиков по каждому проекту отдельно, так как такой подход позволит сделать вывод о направленности предлагаемых корректировок существовавших ГКО.

Между составителями проектов, заинтересованными лидерами, как светскими, так и религиозными (в обсуждении концепции приняли участие представители РПЦ, а также служители культа других конфессиональных объединений), развернулась настоящая борьба, выплеснувшаяся на страницы СМИ, как светские, так и религиозные.

Критика проекта РАГС велась с двух позиций. Во-первых, в обсуждении активно участвовали сторонники традиционной религиозности, стремящиеся к клерикализации ГКО. До сих пор в интернете под рубрикой «Антицерковные религиоведы» можно прочесть более 10 негативно-критических, ярких и эмоциональных разборов этого проекта религиозными деятелями, философами, юристами. Сам проект назывался «странным эпистолярным опусом», «типичным образчиком воинствующе-советских гонений на религию». Часто повторялось утверждение, что проект составлен атеистами, «адептами воинствующего атеизма», создан в «атеистической парадигме», это «конгломерат из вульгарного атеизма и полицейщины», его суть определялась как «антирелигиозная», «антиисламская», «антиправославная». Возмущение вызвало положение проекта о «равноудаленности государства», о праве религиозных организаций вести только религиозную деятельность, то, что о необходимости учета интересов традиционных конфессий сказано «мимоходом». «Абсурдными и преступными» названы «идеи о социальной адаптации нетрадиционных религий государством» [33]. Даже приведенные выражения свидетельствуют, что критика этого проекта велась некорректно, в уничижительной, нередко в издевательской тональности.

Во-вторых, не устраивал проект и сторонников ГКО сепарационной модели, по которой выстраивались эти отношения в 1990-е гг. Они критиковали разработку РАГС с либеральных подходов, рассматривали выделение традиционных религий с позиции нарушения свободы вероисповедания, воспринимая любые попытки государства регламентировать религиозную сферу как неприемлемые. С их точки зрения, представители традиционных религий и часть обще-

ственности «просто хотят использовать государственный ресурс для нейтрализации своих духовно-экономических конкурентов». Термин «традиционная» конфессия характеризуется неопределенностью, поэтому его введение в правовой оборот «может ввести в заблуждение общество и правоохранительные органы». Выделение этой категории конфессий противоречит Конституции РФ и закрепленным в ней принципам светскости и равенства религиозных организаций [27].

По этим же причинам либеральная общественность выступила и против проекта Института, в котором не просто «мимоходом» отмечались традиционные религии, а предлагалось узаконить и регламентировать привилегии традиционных религий и практику сотрудничества с ними, были приведены критерии, по которым определялась принадлежность к традиционным религиям: количество адептов, исторический вклад в развитие страны и современные действия в качестве созидательной и объединяющей духовной силы российского общества [31]. Критики этого проекта акцентировали внимание на предполагаемом «избирательном партнерстве власти с “традиционными” конфессиями» и осуждали обоснование необходимости правового закрепления критериев определения традиционности религиозных организаций и соответствующего правового статуса таких организаций, расценивая это как стремление заинтересованных кругов «наполнить реальным содержанием и оформить в виде “специальной” концепции» элементы конфессиональных предпочтений, закрепленные в неработающей в нормативном смысле преамбуле Федерального закона 1997 г. [28]. Активно против введения понятий «традиционность», «традиционная религиозная организация» в политико-правовое поле России выступили: Ассоциация христианских церквей «Союз христиан», Центр по исследованию проблем религии и общества Института Европы РАН, полномочный представитель Правительства РФ в Федеральном собрании РФ [31]. «Неприемлемыми» назвали правовое закрепление критериев определения традиционных религиозных организаций лидеры Российского союза евангельских христиан-баптистов [34].

Изучение вариантов рассматриваемых проектов и материалов дискуссии позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, с принципиальной и содержательной точек зрения проекты не были одинаковыми. Проект РАГСa формулировал концепцию с позиции принципов ГКО, заложенных в действовавшем законодательстве, стремился систематизировать ГКО [35] и, с нашей точки зрения, наполнить конкретным содержанием кооперационную модель взаимоотношений в светском государстве. Это вывод подтверждает и сравнение вариантов проекта Концепции 2001 и 2003 гг. [36]. Проект же Института предлагал скорректировать закрепленные законодательно ГКО в сторону традиционной религиозности [37]. Полагаем, что именно этим можно объяснить разный состав религиозных критиков проектов. По этим же причинам оба проекта подверглись жесткой критике со стороны либеральной общественности, которая выступила ак-

тивным противником несовпадающих с их подходами принципиальных основ рассматриваемых документов.

Во-вторых, как показала систематизация критических материалов, с точки зрения общественно-политических практик, у проекта РАГСa было две основных группы критиков (сторонники сепарационной модели ГКО и законодательного закрепления традиционной религиозности), а у проекта Института можно выделить три группы: сторонники сепарационной модели ГКО, представители религий, которые не рассматривали попасть в число традиционных, и защитники основ, сформулированных в действовавшем законодательстве.

Пик дискуссии по проектам концепции религиозной политики приходился на 2001–2002 гг. Спорящие стороны активно пугали общество непредсказуемыми последствиями принятия той или иной концепции. Ни одной из сторон не удалось получить поддержки подавляющего большинства, и в России не появилась Концепция ГКО как нормативный документ, но идеи и стремления остались. Полагаем, что этот факт, особенно резкая критика проекта РАГСa, в определенной степени вдохновили сторонников традиционной религиозности на применение других форм продвижения этой идеи в общественно-политической жизни страны.

Выводы

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. ГКО в России развивались в кризисной ситуации, осложненной вызовами религиозного экстремизма и терроризма. В общественно-политических практиках этого периода можно выделить два основных тренда: 1) Россия – светская страна, и государство рассматривало светскость, как стратегию религиозной политики; 2) кризисность ситуации этого периода актуализировала поиск дополнительных ресурсов и механизмов управления. Сами взаимоотношения государства и религиозных объединений находились в пограничном состоянии отказа от сепарационной модели ГКО и наполнения конкретным содержанием кооперационной модели, ее институциональным оформлением. В рамках этого процесса произошло несколько значимых институциональных изменений, которые активизировали общественно-политические практики в рамках ГКО: формирование в органах государственной власти и управления федерального и регионального уровней структур, отвечающих за религиозную политику; создание Межрелигиозного совета России; перерегистрация религиозных организаций; принятие и обнародование ведущими религиозными организациями общественно-политических доктрин.

В условиях кризиса среди общественно-политических практик активизировались те, которые проблеме традиционных религий не только актуализировали как один из вариантов поиска механизмов восстановления управляемости страны и решения социальных и духовных проблем, но и придали ей общественно-политический характер. Материалы СМИ свидетельствуют, что вокруг предложенных проектов нормативных документов (концепция ГКО, законопро-

ектов) развернулось ожесточенное противостояние. Политики и активная часть общественности предлагали различные варианты использования религиозного ресурса для решения стоящих перед страной проблем. Анализ показал, что данный период представлен разнообразием позиций в общественном мнении, активностью части общественности в стремлении защитить прежние отношения самоустраненности государства от регулирования религиозной сферы, а другой части – скорректировать ГКО в сторону традиционной религиозности. Существующие, законодательно оформленные ГКО подверглись серьезной атаке как со стороны либералов, так и сторонников традиционной религиозности, что наиболее красноречиво подтвердила дискуссия вокруг проектов Концепции ГКО.

Среди субъектов ГКО продвижением идеи традиционных религий на рубеже XX–XXI вв. наиболее активно занимался Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной думы РФ. Сторонники идеи введения в политико-правовое поле традиционной религиозности активно пытались реализовать ее в законодательской практике, разработав несколько проектов. Наиболее известными стали законопроекты, получившие свои названия по фамилиям авторов: Шандыбина, Чуева, Глазьева, в которых предлагалось юридически закрепить традиционную религиозность в различных формулировках и ранжировать сами эти субъекты общественно-политической жизни, правоотношений в основном по критериям длительности функционирования, количества последователей, их исторического, духовного и культурного вклада в развитие страны или отдельных народов и территорий.

Важной стороной предложений по реализации этой идеи было усиление государственной составляющей ГКО, вплоть до создания специального государственного органа по религиозной политике. Проект Концепции ГКО Института государственно-конфессиональных отношений и права и законопро-

екты депутатов Государственной думы свидетельствуют о мощном движении не просто по корректировке существующих ГКО, а о стремлении отказаться от принципа равноправия религиозных организаций, введя их ранжирование.

Последовательными критиками и формирующихся ГКО, и их корректировки в сторону традиционной религиозности выступала либеральная общественность, для которой идеалом была сепарационная модель. Эта модель считалась наиболее приемлемой и частью религиозного мира, особенно среди новых для России религиозных конфессий. Представители государства, специалисты продемонстрировали разнообразие позиций, как и религиозная общественность. В среде ведущих конфессий отношение к нормативному закреплению традиционной религиозности менялось. Во время дискуссии по проектам концепции ГКО представители православия и ислама поддержали эту идею, резко критикуя проект РАГС, систематизирующий существующие ГКО. Проекты же депутатов Государственной думы были раскритикованы, хотя сама идея получила их одобрение. Резко против введения традиционной религиозности в политико-правовое пространство России выступили представители конфессий, которые не были названы в преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г. Проблема нормативного закрепления статусности религиозных организаций взбудоражила религиозный мир и, по сути, его расколола.

Несмотря на мощное наступление, существующие ГКО устояли, а традиционную религиозность сделать нормативным субъектом общественно-политических отношений не удалось. Как и не удалось стране выработать Концепцию религиозной политики. В целом стремление общественности к корректировке ГКО на рубеже XX–XXI вв. происходило в контексте поиска современной Россией собственной модели этих отношений и актуализации освоения традиционной религиозности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слобожникова В.С. Освоение социо-гуманитарными науками России феномена постсекулярности // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности : сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 января 2019 г., Саратов) / [под ред. В.С. Слобожниковой, И.В. Суслова]. Саратов : Саратов. гос. юрид. академия, 2019. С. 53–60.
2. Мчедлова М.М., Кудряшова И.В. Религия и политика: от секуляризации к новым теоретическим координатам исследования // Политика и наука на перекрестке современности: к итогам юбилейного Конгресса РАПН. Ежегодник 2016 / гл. ред. А.И. Соловьев. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 176–194.
3. Богачев М.И. Есть ли связь между религией и политикой? Анализируя опыт Северной Америки и Европы // Полития. 2016. № 4 (83). С. 142–157.
4. Логинов А.В. Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М. : Большая Российская энциклопедия, 2005. 496 с.
5. Slobozhnikova V. Modern Russia is in Search of a Secular Model of Relationships Between Religions and the State // Balkan journal of philosophy. 2014. Vol. 6, Is. 2. P. 147–154.
6. Шахов М.О., Шутова О.С. Государственно-конфессиональные отношения: анализ типологий и «силовая модель» // Полития. Осень. 2003. № 3 (30). С. 158–178.
7. Церковь, гражданское общество и государство // Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов : Поволж. ин-т управления им. П.А. Столыпина, 2013. С. 286–322.
8. История религий в России : учебник. Изд. 2-е, доп. / под общ. ред. О.Ю. Васильевой, Н.А. Трофимчука. М. : Изд-во РАГС, 2004. С. 696.
9. Журавский А., Кырлежев А. Российское государство перед феноменом религиозности. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2003-10-15/54 (дата обращения: 21.08.2018).
10. Официальный сайт Межрелигиозного Совета России. URL: <http://interreligious.ru/> (дата обращения: 17.08.2018).
11. Демократия, управление, культура: проблемное измерение современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2006 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. М. : РОССПЭН, 2007. 551 с.
12. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 7.09.2018).

13. Зоркальцев В.И. Религиозные организации – один из наиболее важных институтов гражданского общества, хотя еще и не очень заметный в России. URL: <http://old.nasledie.ru/persstr/persona/zorkalcev/article.php?art=2> (дата обращения: 28.08.2011).
14. Свобода убеждений, совести и религии в современной России: специализированный информационно-аналитический доклад. М. : Моск. хельсинкская группа, 2007. 272 с.
15. Верховский А. Битва за привилегии. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2003/06/18/bitva_za_privilegii/ (дата обращения: 15.03.2007).
16. Проект Федерального закона № 99048645-2 «О традиционных религиозных организациях». URL: <https://www.lawmix.ru/lawprojects/72596> (дата обращения: 24.07.2018).
17. О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации: проект Федерального закона (подготовлен депутатом Государственной думы РФ А.В. Чуевым). URL: <http://www.atheism.ru/archive/text/340.phtml> (дата обращения: 25.07.2018).
18. Проект Федерального закона «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций». URL: <http://www.atheism.ru/archive/text/1115.phtml> (дата обращения: 25.07.2018).
19. Проект федерального закона «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций». URL: <http://www.atheism.ru/archive/text/1114.phtml> (дата обращения: 24.07.2018).
20. «Традиционные религии» России: к вопросу о терминах. URL: <http://catholicchurch.ru/index.php/topic/1907> (дата обращения: 24.07.2018).
21. Современная российская политическая регионалистика и этнополитика сквозь призму понятий / [Е.С. Дорофеева, И.Н. Коновалов, В.С. Слобожникова, В.А. Труханов]; под ред. В.С. Слобожниковой. Саратов : СГЮА, 2013. 236 с.
22. Проект федерального закона «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации», подготовленный депутатом Государственной Думы ФС РФ А.В. Чуевым. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/law/pr/chu-trad/index.htm (дата обращения: 24.07.2018).
23. Недумов О. Дума не даст Церковь в обиду // НГ-Религии. 2003. 18 июня.
24. Отдел коммуникации ОБЦС МП / Русская линия. URL: http://pravoslavaye.org.ua/index.php?action=fullinfo&r_type=article&id=5619 (дата обращения: 06.01.2007).
25. Чуев А.В. Законодательная поддержка традиционных религий России // Государство и религиозные объединения: концептуальные основы взаимоотношений на примере Центрального федерального округа : материалы науч.-практ. конф. (25 января 2002 года). М. : Летний сад, 2002. С. 132–135.
26. Понкин И.В. Возможен ли и нужен ли закон о религиозных организациях традиционных религий? URL: <http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show.cgi?in=104072618375219&id=205022321165236> (дата обращения: 06.01.2007).
27. Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Предпочтения власти. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2002-02-27/9 (дата обращения: 21.08.2018).
28. Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Цели и методы религиозной политики. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-10-24/6 (дата обращения: 21.08.2018).
29. С советским прошлым еще далеко не покончено. URL: http://www.ng.ru/sodr/2002-03-25/1_kondrusevich.html (дата обращения: 16.10.2018).
30. Перспективы политического развития России: материалы Всерос. науч. конф. Саратов, 19–20 апреля 2007 г. / отв. ред. И.Н. Тарасов. Саратов : Саратов. гос. социал.-эконом. ун-т, 2007. 248 с.
31. Бурьянов С.А. Государственно-церковные отношения против свободы совести и правового государства. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_47.html (дата обращения: 17.08.2018).
32. Фомина М.Н. Размышление о бытии концепции регулирования отношений государства с религиозными объединениями (экскурс в настоящее прошлое) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1 (3). С. 303–309.
33. Сектозащитники, религиоведы, атеисты. URL: <http://www.religioved.narod.ru/religioved/index.htm> (дата обращения: 17.10.2018).
34. Сипко Ю. Две концепции и семь принципов. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-10-10/1 (дата обращения: 21.08.2018).
35. Как выстраивать взаимоотношения власти и конфессий в новом веке. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-06-27/4 (дата обращения: 21.08.2018).
36. Концепция Государственной религиозной политики. Проект кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ, ноябрь 2003 г. URL: <http://www.religioved.narod.ru/religioved/016.htm> (дата обращения: 17.10.2018).
37. О будущих взаимоотношениях конфессий и государства. Дискуссия продолжается. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-08-22/4 (дата обращения: 21.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 19 ноября 2020 г.

Social and Political Practices of Adjusting the State-Religious Relations in Russia at the Turn of the 21st Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 121–132.

DOI: 10.17223/15617793/460/15

Valentina S. Slobozhnikova, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: slvase@mail.ru

Keywords: post-secularity; Russia at the turn of the 21st century; state-religion relations (SRR); separation SRR model; cooperation SRR model; State Duma Committee on Civil Society; public and religious organizations; social and political practices; SRR concepts.

The article analyzes the public desire to adjust the state-religion relations at the turn of the 21st century. It has been provoked by the fact that Russia is still looking for its own model of relations alongside with the development of traditional religiosity. The aim of the study is to identify the forms of social and political practices aimed at changing the state-religion relations existing in the past. The study reflects the results of the periodical press analysis. Lots of periodicals covered social and political discussions of the issue: draft laws and research works within historical, neo-institutional, and comparative approaches. The author identifies significant institutional changes that triggered social and political practices related to SRR at the turn of the 21st century. Special federal and regional agencies responsible for religious policy appeared within the governmental system. The creation of the Interfaith Council of Russia as well as the adoption and publication by the leading religious organizations of their social and political doctrines also fell within the tendency. Social and political practices were unfolding within the two main trends: (1) Russia is a secular country, and the state should consider secularism as a strategy of its religious policy; (2) the crisis typical of the period triggered the search for additional resources and governmental mechanisms. There were disagreements in the public opinion. Some people were actively trying to save and protect the former relations that meant the exclusion of the state from the religious sphere regulation (separation SRR model). Others were proponents of the new cooperation SRR model, but its content was interpreted in different ways. The crisis contributed much to social and political practices which approached the traditional religions problem as one of the options for finding mechanisms to restore control over the country and solve social and spiritual problems. The traditional religions problem became a social and political one. This fact stirred the religious world up and in fact split it apart. The State Duma was one of the bodies involved in state-religion relations. At the turn of the 21st century, its Committee on Public and Religious Organizations was actively promoting

the idea of traditional religions. Those who supported the idea to include the concept “traditional religion” into the political and legal frameworks were trying to implement it in their lawmaking practice. They came out with several bills. The most debatable of them were the ones named after their authors (Shandybin’s bill, Chuyev’s bill, Glazhev’s bill, etc.). There were also drafts of the Religious Policy Concept. The study describes unsuccessful attempts (by bills and SRR concept drafts) to turn traditional religiosity into a normative element of Russian social and political frameworks. It was a big challenge for the state and the public.

REFERENCES

1. Slobozhnikova, V.S. (2019) [The development of the phenomenon of post-secularity by socio-humanitarian sciences in Russia]. *Rossiyskaya obshchestvenno-gumanitarnaya nauka pered vyzovami sovremennosti* [Russian social and humanitarian science in the face of modern challenges]. Proceedings of the International Conference. Saratov. 25–26 January 2019. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 53–60. (In Russian).
2. Mchedlova, M.M. & Kudryashova, I.V. (2016) *Religiya i politika: ot sekularizatsii k novym teoreticheskim koordinatam issledovaniya* [Religion and Politics: From Secularization to New Theoretical Coordinates of Research]. In: Solov’ev, A.I. (ed.) *Politika i nauka na perekrestke sovremennosti: k itogam yubileyenogo Kongressa RAPN. Ezhegodnik 2016* [Politics and Science at the Crossroads of Modernity: Towards the Results of the Jubilee Congress of the Russian Academy of Sciences. Yearbook 2016]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 176–194.
3. Bogachev, M.I. (2016) Is There Connection Between Religion and Politics? Analyzing Experience of North America and Europe. *Politiya – Politeia*. 4 (83). pp. 142–157. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2016-83-4-142-157
4. Loginov, A.V. (2005) *Vlast’ i vera: Gosudarstvo i religioznye instituty v istorii i sovremennosti* [Power and Faith: State and Religious Institutions in History and Modernity]. Moscow: Bol’shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
5. Slobozhnikova, V. (2014) Modern Russia is in Search of a Secular Model of Relationships Between Religions and the State. *Balkan Journal of Philosophy*. 6 (2). pp. 147–154.
6. Shakhov, M.O. & Shutova, O.S. (2003) Gosudarstvenno-konfessional’nye otnosheniya: analiz tipologii i “silovaya model” [State-religion relations: analysis of typologies and the “power model”]. *Politiya – Politeia*. 3 (30). pp. 158–178.
7. Tsybulevskaya, O.I. (ed.) (2013) *Vzaimodeystvie grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva v Rossii: pravovoe izmerenie* [Interaction of civil society and the state in Russia: a legal dimension]. Saratov: Povolzhsky Institute of Management. pp. 286–322.
8. Vasil’eva, O.Yu. & Trofimchuk, N.A. (eds) (2004) *Istoriya religiy v Rossii: uchebnik* [History of religions in Russia: a textbook]. 2nd ed. Moscow: Russian Academy of Public Administration.
9. Zhuravskiy, A. & Kyrlezhev, A. (2003) *Rossiyskoe gosudarstvo pered fenomenom religioznosti* [The Russian state before the phenomenon of religiosity]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2003-10-15/54. (Accessed: 21.08.2018).
10. *Official Website of the Interreligious Council of Russia*. [Online] Available from: <http://interreligious.ru/>. (Accessed: 17.08.2018).
11. Solov’ev, A.I. (ed.) (2007) *Demokratiya, upravlenie, kul’tura: problemnoe izmerenie sovremennoy politiki. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2006* [Democracy, governance, culture: problem dimension of modern politics. Political Science: Yearbook 2006]. Moscow: ROSSPEN.
12. Russian Federation. (1997) *Federal Law “On Freedom of Conscience and on Religious Associations” of September 26, 1997, No. 125-FZ*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/. (Accessed: 7.09.2018).
13. Zorkal’tsev, V.I. (2003) *Religioznye organizatsii – odin iz naibolee vazhnykh institutov grazhdanskogo obshchestva, khotya eshche i ne ochen’ zametnyy v Rossii* [Religious organizations are one of the most important institutions of civil society, although not yet very noticeable in Russia]. [Online] Available from: <http://old.nasledie.ru/persstr/persona/zorkalcev/article.php?art=2>. (Accessed: 28.08.2011).
14. Babushkin, A.V. et al. (2007) *Svoboda ubezhdeniy, sovesti i religii v sovremennoy Rossii: spetsializirovanny informatsionno-analiticheskiy doklad* [Freedom of thoughts, conscience, and religion in modern Russia. Specialized analytic report]. Moscow: Moscow Helsinki Group.
15. Verkhovskiy, A. (2003) *Bitva za privilegii* [The Battle for Privileges]. [Online] Available from: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2003/06/18/bitva_za_privilegii/. (Accessed: 15.03.2007).
16. Lawmix.ru. (2018) *Proekt Federal’nogo zakona № 99048645-2 “O traditsionnykh religioznykh organizatsiyakh”* [Draft Federal Law No. 99048645-2 “On Traditional Religious Organizations”]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/lawprojects/72596>. (Accessed: 24.07.2018).
17. Atheism.ru. (2018) *O traditsionnykh religioznykh organizatsiyakh v Rossiyskoy Federatsii: proekt Federal’nogo zakona (podgotovlen deputatom Gosudarstvennoy dumy RF A.V. Chuevym)* [On traditional religious organizations in the Russian Federation: Draft Federal Law (prepared by A.V. Chuev, a deputy of the State Duma of the Russian Federation)]. [Online] Available from: <http://www.atheism.ru/archive/text/340.phtml>. (Accessed: 25.07.2018).
18. Atheism.ru. (2018) *Proekt Federal’nogo zakona “O sotsial’nom partnerstve gosudarstva i traditsionnykh religioznykh organizatsiy”* [Draft Federal Law “On social partnership between the state and traditional religious organizations”]. [Online] Available from: <http://www.atheism.ru/archive/text/1115.phtml>. (Accessed: 25.07.2018).
19. Atheism.ru. (2018) *Proekt federal’nogo zakona “O sotsial’nom partnerstve gosudarstva i religioznykh organizatsiy”* [Draft Federal Law “On social partnership between the state and religious organizations”]. [Online] Available from: <http://www.atheism.ru/archive/text/1114.phtml>. (Accessed: 24.07.2018).
20. Catholicchurch.ru. (2018) *“Traditsionnye religii” Rossii: k voprosu o terminakh* [“Traditional religions” of Russia: to the question of terms]. [Online] Available from: <http://catholicchurch.ru/index.php/topic/1907>. (Accessed: 24.07.2018).
21. Slobozhnikova, V.S. (ed.) (2013) *Sovremennaya rossiyskaya politicheskaya regionalistika i etnopolitika skvoz’ prizmu ponyatiy* [Modern Russian political regionalism and ethnopolitics through the prism of concepts]. Saratov: Saratov State Law Academy.
22. Cddk.ru. (2018) *Proekt federal’nogo zakona “O traditsionnykh religioznykh organizatsiyakh v Rossiyskoy Federatsii”, podgotovlennyy deputatom Gosudarstvennoy Dumy FS RF A.V. Chuevym* [Draft Federal Law “On traditional religious organizations in the Russian Federation” prepared by A.V. Chuev, a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation)]. [Online] Available from: http://cddk.ru/gos_i_religia/law/pr/chu-trad/index.htm. (Accessed: 24.07.2018).
23. Nedumov, O. (2003) Duma ne dast Tserkov’ v obidu [The Duma will stand up for the Church]. *NG-Religii*. 18 June.
24. Pravoslavie.org.ua. (2007) *Otdel kommunikatsii OVTsS MP* [Communication Department of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate]. [Online] Available from: http://pravoslavie.org.ua/index.php?action=fullinfo&r_type=article&id=5619. (Accessed: 06.01.2007).
25. Chuev, A.V. (2002) [Legislative support of traditional religions of Russia]. *Gosudarstvo i religioznye ob’edineniya: kontseptual’nye osnovy vzaimootnosheniy na primere Tsentral’nogo federal’nogo okruga* [State and religious associations: conceptual foundations of mutual relations on the example of the Central Federal District]. Conference Proceedings. 25 January 2002. Moscow: Letniy sad. pp. 132–135. (In Russian).
26. Ponkin, I.V. (2004) *Vozmozen li i nuzhen li zakon o religioznykh organizatsiyakh traditsionnykh religiy?* [Is it possible and necessary to have a law on religious organizations of traditional religions?]. [Online] Available from: <http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show.cgi?in=104072618375219&id=205022321165236>. (Accessed: 06.01.2007).
27. Bur’yanov, S.A. & Mozgovoy, S.A. (2002) *Predpochteniya vlasti* [Authorities’ preferences]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2002-02-27/9. (Accessed: 21.08.2018).
28. Bur’yanov, S.A. & Mozgovoy, S.A. (2001) *Tseli i metody religioznoy politiki* [Aims and methods of religion policy]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-10-24/6. (Accessed: 21.08.2018).

29. Ng.ru. (2002) *S sovetskim proshlym eshche daleko ne pokoncheno* [The Soviet past is far from done away with]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/sodr/2002-03-25/1_kondrusevich.html. (Accessed: 16.10.2018).
30. Tarasov, I.N. (ed.) (2007) *Perspektivy politicheskogo razvitiya Rossii* [Prospects for the political development of Russia]. Conference Proceedings. Saratov. 19–20 April 2007. Saratov: Saratov State Socio-Economic University.
31. Bur'yanov, S.A. (2002) *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya protiv svobody sovesti i pravovogo gosudarstva* [State-church relations against the freedom of conscience and the rule of law]. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/oz/2002/7/2002_07_47.html. (Accessed: 17.08.2018).
32. Fomina, M.N. (2009) *Razmyshlenie o bytii kontseptsii regulirovaniya otnosheniy gosudarstva s religioznymi ob'edineniyami (ekskurs v nastoyashchee proshlogo)* [Reflection on the existence of the concept of regulating relations between the state and religious associations (excursion into the present of the past)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 1 (3). pp. 303–309.
33. Religioved.narod.ru. (2018) *Sektozashchitniki, religiovedy, ateisty* [Sect defenders, religion scholars, atheists]. [Online] Available from: <http://www.religioved.narod.ru/religioved/index.htm>. (Accessed: 17.10.2018).
34. Sipko, Yu. (2001) *Dve kontseptsii i sem' printsipov* [Two concepts and seven principles]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-10-10/1. (Accessed: 21.08.2018).
35. Ng.ru. (2001) *Kak vystraivat' vzaimootnosheniya vlasti i konfessiy v novom veke* [How to build relationships between power and confessions in the new century]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-06-27/4. (Accessed: 21.08.2018).
36. Religioved.narod.ru. (2003) *Kontseptsiya Gosudarstvennoy religioznoy politiki. Proekt kafedry religiovedeniya Rossiyskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF* [The concept of the state religious policy. Project of the Department of Religious Studies of the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.religioved.narod.ru/religioved/016.htm>. (Accessed: 17.10.2018).
37. Ng.ru. (2001) *O budushchikh vzaimootnosheniyakh konfessiy i gosudarstva. Diskussiya prodolzhaetsya* [On the future relationship of confessions and the state. The discussion continues]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2001-08-22/4. (Accessed: 21.08.2018).

Received: 19 November 2020

ИСТОРИЯ

УДК 069.61(1917/1920)

В.Г. Ананьев

«СТРОИТЕЛЬСТВО МУЗЕЕВ ДОЛЖНО БЫТЬ ОСНОВАНО НА НАУЧНОЙ БАЗЕ»: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МУЗЕЯ В РАНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (грант № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.»).

Рассматривается один из ранних этапов обсуждения вопроса формирования новой концептуальной модели музея, а также соотношения базовых музеологических функций. На основании материалов из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, прежде не привлекавших внимания исследователей, автор показывает, как представители «компетентной силы» принимали взаимосвязь этих функций.

Ключевые слова: музей; музеология; революция; экскурсия.

Революционные события 1917 г. сказались на всех сторонах жизни России. Не могли остаться не затронутыми ими и музеи. Являясь подсистемой общей метасистемы культуры, музей как культурная форма неизбежно оказывается изоморфным этой общей метасистеме, с одной стороны отражая ее закономерности, с другой же – принимая участие в самом их формировании [1. С. 9–22]. В этой связи изменения в области музейного дела – как реализованные, так и оставшиеся на уровне проектов – могут быть весьма значимым маркером общекультурных интенций эпохи и источником для осмысления ее дискурсивных полей.

На первом крупном профессиональном форуме, прошедшем в условиях нового Советского государства – Первой всероссийской конференции по делам музеев, состоявшейся в Петрограде в феврале 1919 г., – в качестве одной из базовых характеристик актуальной ситуации был провозглашен принцип сотрудничества «политической власти и компетентной силы» [2]. Впоследствии рядом исследователей он был положен в основание одной из возможных периодизаций истории музейного дела России как такового [3. С. 30]. Вместе с тем конкретные формы такового сотрудничества и процесс переговоров между двумя сторонами этого симбиоза все еще изучены недостаточно хорошо. Представляется, что обращение к архивным материалам может позволить приблизиться к заполнению данной лакуны.

В данной статье на материалах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН мы постараемся показать, как происходила одна из таких встреч «политической власти и компетентной силы» и как шли их переговоры по одному из самых актуальных для музейного дела вопросов: вопросу о соотношении исследовательских и просветительских функций музея. В соответствии с уровнем развития самого музеологического знания, проходившего в это время период своего развития, который З. Странский определял как эмпирически-описательный [4; 5. С. 39–40], данная проблема рассматривалась не в плане анализа абстрактных парадигм, а через обращение к конкретным формам музейной работы, в которых обозначенные

выше функции и находили свое наиболее полное выражение. Таковыми формами были экспозиционная и экскурсионная деятельность, а также тесно связанная с ними проблема профессиональной подготовки музейных работников.

Непосредственным поводом для данного обсуждения стало постановление Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины от 2 августа 1920 г. об объединении «на научном принципе» Русского музея и Эрмитажа для создания «единого центрального художественно-исторического музея мирового искусства» [6. Л. 1]. Для подготовки проведения этого решения в жизнь была сформирована специальная комиссия, задачей которой было решить вопрос, «в какой степени было бы возможно выполнить эту задачу без существенного нарушения интересов обоих музеев и какие для этого надлежит принять меры» [6. Л. 1]. В состав комиссии вошли как представители «компетентной силы», музейные работники и ученые с дореволюционным опытом, сформировавшиеся в академической среде, так и носители «политической власти», отвечавшие за руководство музейным делом и охрану памятников в структурах нового Советского государства. К числу первых относились академики С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр, первый демократически избранный директор Эрмитажа С.Н. Тройницкий, директор Русского музея А.А. Миллер, хранитель Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН Л.Я. Штернберг. Вторые были представлены заведующим музейным Подотделом Петроградского отдела музеев и охраны памятников искусства и старины С.К. Исаковым, заведующим Петроградским отделением ИЗО Н.Н. Пуниным, председателем Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Г.С. Ятмановым и директором Музея Революции М.Б. Капланом. Всего с 7 по 23 августа 1920 г. состоялось пять заседаний этой комиссии. Председательствовал на всех член-корреспондент РАН, видный антиковед, профессор и в недавнем прошлом ректор Петроградского университета С.А. Жебелев. Очень скоро комиссия вышла за первоначально намеченные проблемные рамки и помимо возможного объединения Эрмитажа и Русского

музея начала обсуждать более общие проблемы музейного дела, что отразилось и в изменении ее наименования. Если в первом протоколе от 7 августа комиссия была обозначена как Комиссия по объединению Русского музея с вновь учреждаемым Музеем мирового искусства [6. Л. 1], то 11 августа ее наименование указано уже иначе – Комиссия по организации центральных музеев [6. Л. 3], а 13, 16 и 23 августа – Комиссия по объединению центральных музеев [6. Л. 6, 10, 12].

Сама по себе идея создания нескольких центральных музеев, каждый из которых был бы посвящен определенному разделу мировой культуры или искусства, вполне соответствовала мировоззренческим основаниям модерности, стремившейся внести упорядочивающую структуру научности в хаос жизни [7]. Показательно, что, докладывая об этом решении Коллегии Совету Эрмитажа 3 августа 1920 г., Тройницкий первым же пунктом отметил, что по мнению Коллегии, «Строительство музеев должно быть основано на научной базе» [8. С. 180]. Идеи такого рода (рассматривать все музейные коллекции как единый фонд для перераспределения на принципах научности) озвучивались уже на конференции 1919 г., были сформулированы в так называемой Московской декларации и оказали определенное влияние на дальнейшее развитие музейного дела России [9]. Возможно, одним из проявлений той же самой модернистской тенденции можно считать и создание Государственного музейного фонда [10]. В данном случае мы можем видеть своеобразное доведение этого принципа до абсурда, так как предполагается создание единого сверхмузея, объединяющего как культуру, так и искусство, как российские, так и зарубежные. С одной стороны, это отвечало заявленному размаху многих начинаний советской власти в области культуры, носивших глобальный характер почти вселенски-утопического масштаба. С другой стороны, объединение зарубежного и российского материала в рамках одного музея соответствовало интернациональному характеру большевистской идеологии, отрицавшему в первые полтора десятилетия после революции само право на артикуляцию национальной специфики. Искусство, как и революция, мыслились в этот период в первую очередь как феномены мировые, а не национальные. Конкретные шаги, необходимые для достижения заявленной цели, в указанной, как и в ряде других случаев, оставались не слишком хорошо продуманными и мыслившимися во многом в парадигме *ad hoc*. Тем важнее, что в этом глобальном размахе объединения внимание собравшихся привлекла одна конкретная проблема из области музейного дела, обсуждавшаяся на нескольких заседаниях комиссии и, следовательно, имевшая особое значение для музейного дела и шире – культуры – рассматриваемого периода.

Обратиться к обсуждению вопроса о взаимосвязи научной, просветительной и преподавательской деятельности музеев членов комиссии побудило то, что, по словам Миллера, прежде чем начинать объединение, следовало бы «выяснить какой фундамент надо закладывать» [6. Л. 5 об.] в основание будущего музея: будь то единый музей мировой

культуры или центральный этнографический музей. Впервые вопрос о взаимосвязи базовых музейных функций был поставлен на заседании 13 августа 1920 г. Направление обсуждению попытался задать председательствовавший Жебелев. Хотя и не имея практически никакого опыта музейной работы, он, тем не менее, в силу области своих научных интересов был тесно связан с изучением памятников материальной культуры Античности и довольно активно вовлечен в музейную жизнь Петрограда рубежа 1910–1920-х гг. [11].

Указывая на значимость направления научно-исследовательской деятельности музеев в сторону их большей систематичности, Жебелев подчеркивал, что в «1-ю очередь в музее должна быть научная деятельность, а просвещение, которое покоится на научной базе, само будет проистекать по различным радиусам» [6. Л. 6]. Преподавательская же работа в музеях не должна дублировать деятельность высших учебных заведений, но скорее быть сосредоточенной на преподавании техники музейного дела, инвентаризации, каталогизации и т.п. [6. Л. 6]. И если первые два пункта предложенной Жебелевым триады скольконибудь существенных дискуссий не вызвали, то третий был принят коллегами отнюдь не однозначно.

Принципиально иную точку зрения высказал по нему неприменный секретарь РАН Ольденбург, отметивший, что «музей не подходящее для того место, так как нельзя одних и тех же людей заставлять повторять одно и то же. Центр дела – в научной и образовательно-воспитательной части и корень его – в распределении музейного материала; многолетний опыт указывает на неправильное направление деятельности в этой области, так как в большей части музеев нет правильного разделения между научными и образовательными коллекциями; для научных работ само собой нужен весь материал, а для экспозиции нужна определенная часть, в определенной обстановке, что не производится ни у нас в России, ни за границей; за исключением небольшого числа заграничных музеев, в них не развита живая перемена в экспозиции» [6. Л. 6–7]. Тем самым на повестку дня был поставлен вопрос о внедрении на практике двучастного метода организации музейного материала, с конца XIX в. активно внедрявшегося в наиболее прогрессивных музеях Западной Европы и Северной Америки. Суть его заключалась в проведении определенного зонирования музейного пространства с выделением основной группы зал для широкой публики, в которой демонстрировался бы базовый нарратив музея (основная линия развития или эволюции того феномена, которому посвящен данный музей), и группы дополнительных зал для специалистов, в которой предлагалось бы более углубленное рассмотрение частей данного нарратива [12]. В этой связи Ольденбург утверждал: «В первую очередь надо обратить внимание, какие коллекции подлежат выставлению к научной обработке, а затем обсуждать вопрос о том, какие должны быть подходы для перемены выставочного материала, какие эволюционные задачи должны быть выявлены» [6. Л. 7].

Безусловно, одной из предпосылок внедрения подобного новшества на практике должно было стать наличие подготовленных музейных работников, которые могли способствовать научной постановке музейного дела. Сама идея специальной музейной профессии начала озвучиваться всего за несколько десятилетий до того; и к началу 1920-х гг. ни в России, ни за рубежом не существовало единства мнений относительно составляющих эту профессию компетенций или методов ее освоения. Как готовить будущего музейного работника и кем он должен быть – эти вопросы были тесно связаны с вопросами организации музея и взаимосвязи его функций [5. С. 174–193]. Вопрос подготовки музейных кадров затронул на заседании комиссии академик Марр, по словам которого, «В отношении же самого музейного деятеля нужно обязательно, чтобы он был в одно и то же время и практик и теоретик, что создает т. образом другой тип деятеля в этой области, чем было до сего времени» [6. Л. 7]. Следует подчеркнуть это внимание к соотношению практических и теоретических аспектов подготовки, и до сих пор не всегда признающееся релевантным для музееведческого образования, и бывшее определенно новаторским для своего времени. Так, показательно, что, например, директор Эрмитажа Тройницкий относительно того, должен ли музейный сотрудник быть теоретиком или практиком, заметил, что «это спорный вопрос, так как разница в этом отношении всегда будет и казалось бы, что музейный деятель больше практик, чем теоретик» [6. Л. 7 об.]. Вероятно, наиболее типичное для своего времени суждение по этому вопросу высказал Штернберг, заметивший, что «для начала необходимо усвоить общее образование в Университете, но на практике сделаться техником можно только в самом музее и в экспедициях» [6. Л. 7 об.]. В данном случае нельзя не отметить четкой корреляции такого подхода самих музейных деятелей с общими установками того этапа в развитии музеологии, который З. Странский определил как эмпирически-описательный. И для Тройницкого, и для Штернберга музейный работник – это в первую очередь специалист в области техники музейного дела, которая может быть освоена непосредственно в процессе работы.

Штернберг же заметил, что нельзя разделять научную и просветительную деятельность музея: «Необходимо иметь перед собой задачу равномерного распределения знаний как для образованной, так и для необразованной части общества и всем должен быть представлен, так сказать, один хлеб; построение музея на научной базе – это теоретическая часть здания, но необходимо, чтобы материал, выставляемый в музеях, сделался удобоусвояемым для широкой публики, чтобы он вызывал не пассивное, а активное к себе отношение» [6. Л. 7 об.]. При этом, однако, в его словах явно звучало стремление «избавить» музеи от той самой просветительской деятельности, перевода ее в сферу ответственности специализированных образовательных структур. В этом Штернберг апеллировал к зарубежному опыту: «за границей учителя, прежде чем вести экскурсию в музей, обязаны сами изучать выставляемый в музее материал; от музейных же дея-

телей нельзя требовать объяснений для публики; т. образом надо обязать педагогов подготавливаться к посещениям музеев, что уже является задачей отдела народного образования совместно с музейным отделом» [6. Л. 7 об.]. Поддержал он и мысль Ольденбурга о том, что «материал должен быть разделен на запасный и выставочный, но не один последний должен быть доступен для обозрения, а также и первый хотя бы для специалиста, что конечно на практике весьма затруднительно» [6. Л. 7 об. Л. 8]. Это направление, связанное с созданием доступных для специалистов открытых хранилищ, будет активно развиваться в 1920–1930-е гг., в частности усилиями Международного бюро музеев – первой в мире международной организации, посвященной проблемам музейного дела [12]. Согласился с этой точкой зрения и Миллер, уточнивший, однако, что «показательная часть не может служить только для просветительной цели <...> выставлению подлежат лишь предметы, которые прошли все стадии изучения, когда каждое сочетание предметов строго продумано» [6. Л. 8].

Резюмируя вышесказанное, Ольденбург выделил два центральных момента: 1) «выставочная часть должна быть построена на биологическом принципе, т.е. мы должны видеть предметы, как мы видим их в жизни, в этнобиологической обстановке»; 2) «резерв музея, его магазин должен быть в виде второго музея <...> Но так как музеи поставлены в необходимость строиться по одной программе, а в данное время по принципу территориальному, то необходимо, чтобы каждый музей имел еще и 3-й отдел, где устраивались бы переменные выставки, напр. письма, обуви, замка и пр. Каждая выставка должна быть описана, описания изданы; затем устраивается следующая очередная выставка». Идею подобных выставок поддержали Миллер, Жебелев и Тройницкий [6. Л. 8 об.].

Так как сама по себе проблема просветительской деятельности музеев вызывала существенные дискуссии, было решено посвятить ее обсуждению еще одно заседание. Встреча, назначенная на 20 августа, не состоялась из-за похорон академика А.А. Шахматова [6. Л. 11 об., 12]. Обсуждение вопроса прошло 23 августа. Фактически, как справедливо заметил С.К. Исаков, оно протекало по двум направлениям: одно было посвящено экспозиции, другое – технике экскурсионного дела [6. Л. 13].

Первым с сообщением о просветительной деятельности музея выступил Штернберг. Повторив то, что уже высказывалось им раньше по этому вопросу, он выдвинул новый тезис – «Все дело популяризации сводится к качеству путеводителей и объяснителей» [6. Л. 12], и попытался развить его, доказывая, что «не может быть двух экспозиций, а лишь один для специалистов, и для интеллигентной публики, и для широкой масс, но использование экспозиционного материала должно быть различно» [6. Л. 12]. В этом с ним был полностью солидарен Жебелев отметивший, что «необходима одна экспозиция и никакой специальной для экскурсий быть не может» [6. Л. 13].

Более компромиссную позицию по данному вопросу занял С.Ф. Ольденбург, указавший на то, что «в вопросах экспозиции должно быть взаимоотношение

между ученым и педагогическим персоналом (Музейный отдел), так же как и при составлении путеводителей» [6. Л. 12 об.]. Он подчеркнул, что «при составлении научной экспозиции есть ряд моментов, когда объяснители могут дать важные указания специалисту», однако «если специалист скажет, что то или иное не приемлемо, то, конечно, педагог должен уступить» [6. Л. 12 об.]. Директор Музея революции Каплан отметил, что зал экспозиции 1) должен «заключать последние выводы науки (научная догма), ее достижения, конечно имея в виду в данную минуту господствующее течение, с известными оговорками»; 2) «должен быть построен по признаку биологическому» [6. Л. 14]. Ольденбург повторил, что «идеалом экспозиции музейных собраний» является трехчленная схема: 1) основная научная выставка; 2) научные склады; 3) ряд изменяющихся выставок для специалистов и широких кругов населения [6. Л. 14]. Таким образом, хотя роль «объяснителей», т.е. экскурсоводов, и признавалась собравшимися значительной, она оказывалась подчиненной по отношению к роли «специалиста», т.е. хранителя, и если тот высказывался против какого-либо экспозиционного решения, «объяснитель» должен был «отступить». Естественно, что обсуждение вопроса не могло не привести к рассмотрению тесно связанной с ним проблемы экскурсионного дела, весьма активно развивавшегося в России рубежа XIX–XX вв.

Вопрос экскурсий как части просветительной работы затронул в своем выступлении Миллер, выделивший три их типа: 1) специальные вместе с лекциями; 2) групповые, т.е. экскурсии, которые обзрывают не весь музейный материал, а известные группы предметов; 3) общего характера, рассчитанные на первую ступень понимания. Руководство первыми двумя не должно лежать на музейном персонале, но он должен принимать участие в подготовке инструкторов [6. Л. 12 об.].

Жебелев привлек внимание к проблеме экскурсионных кадров, поставив вопрос о том, «каковы должны быть руководители экскурсий и где они должны получить свое образование» [6. Л. 13]. По его мнению, необходимо было «создать кадр специалистов, знакомых с требованиями педагогического и музейного характера», причем «организовать подготовку руководителей надлежит в музеях и поручить ее хранителям; по прохождении известного курса могут быть устраиваемы экзамены» [6. Л. 13], а поручать проведение экскурсий самим «музейным деятелям нельзя, так как труд этот ляжет на них непосильным бременем» [6. Л. 13]. Особенно сложной и актуальной проблема подготовки экскурсионных кадров была для провинции, где, по мнению членов комиссии, «руководитель должен быть энциклопедистом» [6. Л. 14]. С одной стороны, это соответствовало тенденциям времени, выразившимся в появлении целого ряда

институтов, направленных на подготовку экскурсионных работников. С другой стороны, стремление поручить подготовку экскурсоводов самим музейным хранителям вновь демонстрировало вторичность просветительской функции для участников обсуждения, имплицитно отрицавших какие бы то ни было ее специфические черты (в ней нет ничего, чего не знал бы хранитель, просветительской деятельностью не занятый).

Завершая заседание, председатель комиссии резюмировал: 1) в отношении экспозиций разногласий не имеется: «экспозиция должна быть построена на научных основаниях»; 2) в отношении каталогов – они должны быть четырех типов: а) научные для специалистов, б) для просвещенной публики, в) путеводители по отделениям, г) по всему музею, 3) в отношении экскурсий – «оставить это дело в руках Музейного Отдела, причем подготовка руководителей должна приобрести систематический научный и музейный характер; привлечь педагогов к этому делу желательно, но принудить их, конечно, нельзя» [6. Л. 14].

Следующее заседание было намечено на 28 августа. Но его протокола уже нет.

Как видим, начав с обсуждения конкретного вопроса, обозначенного новой властью, очень скоро комиссия перешла к рассмотрению более общих вопросов музейного дела. На нескольких своих заседаниях она обсуждала вопрос о соотношении базовых музейных функций: исследовательской и образовательной, причем этот вопрос рассматривался ею не в абстрактном измерении, а через конкретику музейной работы, в частности экспозиционную деятельность. Все собравшиеся признавали важность образовательной деятельности музея, но при этом признавали также и ее подчиненный исследовательской работе характер. Представители новой власти почти не участвовали в этой дискуссии, хотя активно высказывались и дискутировали по другим вопросам, например, по вопросу непосредственного объединения и перераспределения музейных коллекций. Сама работа комиссия вызывала у них если и не повышенный интерес, то определенное внимание. Показательно, например, что среди материалов Ленинградского отделения Государственного музейного фонда сохранились автограф и машинопись протокола первого заседания с рукописной пометой: «С.К. Исакову от Суслова» [13. Л. 139–142]. В целом характер обсуждавшихся вопросов и само содержание обсуждения демонстрируют, что российская музеология проходила в своем развитии в этот период эмпирически-описательный этап. Представители политической власти еще не вмешивались активно в разработку модели идеального музея. Для представителей же «компетентной силы» в качестве базовой музейной функции исследование было важнее, чем образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапанжа О.С. Основы музейной коммуникации. СПб., 2007. 116 с.
2. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 54. Оп. 1. Д. 228.
3. Музейное дело России / отв. ред. М.Е. Каулен. М., 2010. 676 с.
4. Stránský Z. Archeologie a muzeologie. Brno, 2005. 315 s.

5. Менш П. ван. К методологии музеологии. М., 2018. 448 с.
6. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8.
7. Хоффман Д.Л. Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018. 424 с.
8. Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб., 2001. Ч. II. 1920–1926 годы. 880 с.
9. Сундиева А.А. История одной декларации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (1). С. 74–78.
10. Иванов Д.В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб., 2018. 207 с.
11. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Академик С.А. Жебелёв и Государственный Эрмитаж // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2018. Vol. 11, Is. 1. P. 43–70.
12. Ананьев В.Г., Фомкина М.И. Пространство художественных музеев в международных проектах 1920–1930-х гг.: теория практики в музеологической мысли межвоенного двадцатилетия // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 58–72.
13. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 36. Оп. 2. Д. 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 февраля 2020 г.

“Museum Construction Should Be Science-Based”: On the History of the Conceptual Model of the Museum in the Early Soviet Period

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 133–137.

DOI: 10.17223/15617793/460/16

Vitaly G. Ananiev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.ananev@spbu.ru

Keywords: museum; museology; revolution; excursion.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00367.

The 1917 Revolution had a significant impact on all aspects of life in Russia. The museum field also experienced its influence. The new conceptual framework of culture determined the soon formation of a new conceptual model of the museum. Its final codification occurred after the First All-Russian Museum Congress in 1930. However, in order to better understand the specific features of this model, it is necessary to consider its prehistory. Such an understanding is the aim of this article. The author analyzes materials from the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, which has not previously attracted researchers' attention. He uses classical methods of source studies (textology and historical source criticism) and close reading as the main epistemological tool for research. These are materials from the commission established in August 1920 to prepare for the unification of the Hermitage and the Russian Museum into a single Museum of World Art and Culture. The new authorities made this decision on August 2, 1920. The commission included representatives of the academic world and representatives of the new government. The meeting was headed by S.A. Zhebelev, a prominent professor of ancient history. Very soon, the commission turned to the consideration of general issues of the museum. At several of its meetings, it discussed the question of the relationship between basic museological functions: research and education. This issue was not considered in the abstract dimension, but through the specifics of museum work, in particular, of exhibition activities. All the participants recognized the importance of the educational activities of the museum, but at the same time recognized these activities as subordinate to research work. Representatives of the new power almost did not participate in this discussion, although they actively expressed themselves and debated on other issues, for example, on the question of the direct merging and redistribution of museum collections. Another issue that arose in connection with the discussion of museum functions was the issue of training museum professionals. In general, the nature of the discussed issues and the very content of the discussion demonstrate that Russian museology passed through an empirically-descriptive stage in its development during this period. Representatives of the new government did not yet actively intervene in the development of the model of an ideal museum. For representatives of the academic community, research was more important than education as a basic museum function.

REFERENCES

1. Sapanzha, O.S. (2007) *Osnovy muzeynoy kommunikatsii* [Fundamentals of Museum Communication]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University.
2. Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund 54. List 1. File 228.
3. Kaulen, M.E. (ed.) (2010) *Muzeynoe delo Rossii* [Museology in Russia]. Moscow: VK.
4. Stránský, Z. (2005) *Archeologie a muzeologie*. Brno: Masarykova univerzita v Brně.
5. van Mensch, P. (2018) *K metodologii muzeologii* [Towards a Methodology of Museology]. Moscow: Perspektiva.
6. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 2. List 1 (1920). File 8.
7. Hoffman, D.L. (2018) *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskiy sotsializm. 1914–1939* [Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939]. Translated from English. Moscow: NLO.
8. Hermitage. (2001) *Zhurnaly zasedaniy Soveta Ermitazha* [Journals of meetings of the Hermitage Council]. Pt. 2. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha.
9. Sundieva, A.A. (2007) A Declaration History. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 300 (1). pp. 74–78. (In Russian).
10. Ivanov, D.V. (2018) *Revolutsii i kolleksii: Petrogradskoe (Leningradskoe) otdelenie Gosudarstvennogo muzeynogo fonda i Muzey antropologii i etnografii* [Revolutions and collections: Petrograd (Leningrad) branch of the State Museum Fund and the Museum of Anthropology and Ethnography]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, RAS.
11. Anan'ev, V.G. & Bukharin, M.D. (2018) Academician S.A. Zhebelev and State Hermitage. *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 11 (1). pp. 43–70. (In Russian).
12. Anan'ev, V.G. & Fomkina, M.I. (2018) The space of art museums in international projects of 1920–1930: Praxis of Interbellum museology. *Chelovек. Kul'tura. Obrazovanie – Human. Culture. Education*. 2 (28). pp. 58–72. (In Russian).
13. Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg. Fund 36. List 2. File 6.

Received: 04 February 2020

Го Лицзюнь, А.М. Погорельская, С.М. Юн

ПРИОРИТЕТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЭКСПОРТ БЕЛОРУССКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Исследование выполнено в рамках гранта (№ 21000-31911130) Проекта провинции Гуандун (Китай) по реформе преподавания в сфере высшего образования 2019 года (Guangdong Province Higher Education Teaching Reform Project 2019, № 21000-31911130).

Рассматриваются особенности интернационализации высшего образования Республики Беларусь. На основе анализа официальных документов, в том числе международных и межвузовских соглашений, а также статистических данных авторы делают выводы о приоритетности экспорта образовательных услуг в стратегии интернационализации высшего образования Республики Беларусь. Детальному анализу подвергнуты три перспективных географических направления экспорта услуг белорусского высшего образования, определены факторы, привлекающие соответствующих абитуриентов в белорусские вузы, а также даны прогнозы относительно перспектив экспорта белорусских образовательных услуг в соответствующие страны.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования; Республика Беларусь; экспорт образовательных услуг; Туркменистан; Китай; Узбекистан.

Введение

Интернационализация является одной из самых заметных и обсуждаемых тенденций развития систем образования большинства стран в последние десятилетия. Согласно исследованиям западных ученых, прежде всего Дж. Найт [1] и Х. де Вита [2], интернационализация высшего образования имеет два измерения – внешнее и внутреннее. Внешняя интернационализация подразумевает развитие академической мобильности студентов и преподавателей вузов [1], а внутренняя – интеграцию международных и межкультурных составляющих в учебные планы и неформальную жизнь университета [3]. И хотя эти понятия взаимосвязаны, сегодня приоритет во всем мире отдается внешней интернационализации [2. С. 20]. Отчасти такой выбор обусловлен тем, что государство и вузы рассматривают развитие входящей академической мобильности как способ расширения доли образовательных услуг в экспорте страны.

Первенство в исследованиях интернационализации высшего образования принадлежит западным ученым, включая упомянутых выше, а также Ф.Дж. Альтбаха, Б. Лиск, С. Робсон и др. Анализ специфики интернационализации российской системы высшего образования на фоне достижений англоязычных лидеров мирового рынка образовательных услуг проводился отдельными российскими учеными, включая Г.А. Краснову, О.Н. Олейникова, И.В. Налетова, А. Арефьева. Исследования по вопросам особенностей и возможностей интернационализации белорусского высшего образования стали проводиться относительно недавно во многом в связи с реализацией в стране проектов Евросоюза, включая TEMPUS и Erasmus+. Например, среди публикаций последних лет выделяются работы А.В. Рытова, базирующиеся на результатах европейских проектов по модернизации белорусского высшего образования [4]. Однако в целом характерные черты и перспективы интернационализации белорусского высшего образования пока изучены недостаточно, несмотря на возрастающую

активность страны на мировом рынке образовательных услуг.

Актуальность исследования изменений в системе высшего образования Республики Беларусь обусловлена как исторически сложившейся схожестью белорусской и российской систем высшего образования, так и наблюдающимся сходством стратегических приоритетов двух государств в развитии систем высшего образования. Целью исследования стало определение особенностей интернационализации высшего образования Республики Беларусь. Задачи исследования заключались в анализе нормативно-институционального оформления интернационализации высшего образования и оценке географических приоритетов экспорта услуг высшего образования Республикой Беларусь.

Эволюция приоритетов интернационализации высшего образования Беларуси в 1990–2000-е гг.

В конце советского периода существования белорусского высшего образования количество иностранных студентов, обучающихся в 33 вузах республики, составляло порядка 6,8 тыс. (3,8% всех студентов в БССР) [5. С. 91]. В основном, ими были граждане дружественных СССР государств, которые обучались бесплатно, оплачивая только свое проживание [6. Р. 128]. На протяжении 1990-х гг. не предпринималось радикальных реформ в сфере высшего образования, поскольку белорусские власти пытались сохранить элементы советской системы высшего образования в стране. Высшее образования характеризовалось в тот период диверсификацией путем учреждения новых, в том числе частных, вузов, новых факультетов и специальностей. В результате выросло количество и вузов (с 33 в 1990 г. до 59 к 1996 г.), и студентов (со 190 тыс. в 1989/90 учебном году до 445 тыс. в 2011/12 учебном году) [6. Р. 129]. Во многом белорусская система высшего образования в 1990-е гг. оказалась вне зоны строгого контроля государства, который, однако, вернулся в

2000-е гг. К началу 2010-х гг. на наборах в вузы стала сказываться демографическая яма, обусловленная, как и в России, падением рождаемости в 1990-е гг. Конкуренция между вузами за абитуриентов и финансовые средства стала обостряться, поэтому вузам и государству пришлось искать абитуриентов в других местах, в частности за рубежом.

В принятом в 2011 г. Кодексе об образовании было указано, что международное сотрудничество в сфере образования направлено на развитие академической мобильности и участие в международных образовательных мероприятиях (ст. 118). Акцент в нем был сделан на регламентации внешнеэкономической деятельности в сфере образования, особенно входящей академической мобильности, при этом было указано, что участники академической мобильности после окончания срока своей стажировки должны вернуться в государство постоянного проживания (ст. 121) [7]. Таким образом, долгосрочное привлечение иностранцев не только для получения образования, но и для последующей работы в стране, где все еще существует система распределения выпускников вузов, обучавшихся на бюджетной основе, не входило в число приоритетов государства.

В начале 2010-х гг. эксперты объясняли стремление Республики Беларусь в Болонский процесс именно желанием увеличить приток иностранных студентов и соответственно – доходов от экспорта высшего образования. Именно поэтому страна дважды подавала заявку на вступление в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО) – в 2011 и 2015 гг., а также взяла на себя обязательства по выполнению Дорожной карты, предусматривающей проведение структурных реформ в сфере высшего образования в течение трех лет. Однако, добившись вступления в ЕПВО, у официальных властей не осталось стимула выполнять эти требования, и потому процесс реформирования белорусского высшего образования оказался поверхностным и очень затянутым [8. С. 71].

Впоследствии рядом государственных программ на 2016–2020 гг., включая Программу социально-экономического развития Республики Беларусь, Национальную программу поддержки и развития экспорта и программу «Образование и молодежная политика», были поставлены задачи увеличения объемов экспорта образовательных услуг и повышения конкурентоспособности белорусского высшего образования в мировом образовательном пространстве. Последняя должна была быть выполнена за счет достижения такого показателя, как увеличение количества белорусских вузов в мировых рейтингах, в частности, включения 10 белорусских вузов к 2020 г. в 4 000 лучших университетов мира по рейтингу Webometrics и (или) в 1 000 – по рейтингам QS или SIR, а также за счет развития сотрудничества в области реализации образовательных программ с зарубежными вузами и расширения количества участников академической мобильности [9].

В конце 2017 г. было анонсировано принятие Концепции развития экспорта услуг в области образования на 2018–2020 гг. (развитие бренда «Образование в Беларуси»), предусматривавшей достижение таких

индикаторов, как: 1) повышение доли иностранных граждан в общей численности обучающихся; 2) развитие академической мобильности; 3) количество реализуемых договоров о сотрудничестве с зарубежными партнерами [10].

Согласно принятым в 2017 г. Концептуальным подходам к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 г. и на перспективу до 2030 г. задачами страны в сфере высшего образования оказались развитие сетевых форм взаимодействия и повышение конкурентоспособности белорусского высшего образования в мире для увеличения доли экспорта образовательных услуг в ВВП страны. Однако некоторые предусмотренные для достижения этих задач механизмы были слишком узкоспециализированными. Например, они включали создание учебно-методических комплексов по обучению китайскому языку и создание республиканского банка данных эффективного педагогического опыта учителей китайского языка. Среди механизмов, которые предполагалось задействовать до 2030 г., были указаны среди прочего формирование системы мотивации вузов для повышения их позиций в международных рейтингах и укрепление имиджа белорусской системы высшего образования за границей, включая продвижение бренда «Образование в Беларуси». Вдобавок среди механизмов развития международного сотрудничества в сфере образования документом были предусмотрены совершенствование правовой базы сотрудничества с другими странами, диверсификация экспорта образовательных услуг, поддержка ассоциаций иностранных выпускников белорусских вузов, а в перспективе – формирование комплексной системы стимулирования экспорта образовательных услуг [11].

В 2020 г. страна оформила займ в 100 млн евро у Международного банка реконструкции и развития на модернизацию высшего образования в течение 2020–2025 гг. в целях создания инновационной образовательной и научной инфраструктуры в 18 вузах страны, развития новых перспективных специальностей, обновления системы качества высшего образования (внешнего и внутреннего), что, как ожидается, повысит показатели экспорта образовательных услуг. Вдобавок при финансовой и технической поддержке со стороны ЕС, ОЭСР и ряда иных международных организаций в Республике Беларусь в последние годы реализуются множество проектов по интернационализации высшего образования [12].

Помимо нормативного, постепенно развивалось и институциональное оформление институционализации высшего образования. Так, в компетенции Управления международного сотрудничества Министерства образования Республики Беларусь входят разработка соответствующей нормативно-правовой базы, обеспечение координации международной деятельности учреждений образования страны и содействие развитию академической мобильности.

В 1991 г. Министерством был учрежден Центр международных связей, в чьи задачи входит продвижение белорусского образования и оказание поддержки в этом белорусским учреждениям образования путем осуществления программ и проектов,

направленных на развитие международного сотрудничества; организации и проведения международных мероприятий (выставок, тренингов и т.д.); организации в стране и за рубежом туристических и экскурсионно-образовательных программ для знакомства с белорусской и другими культурами. Центр международных связей обслуживает сайт *Study in Belarus*, нацеленный на привлечение иностранных абитуриентов, объяснение им правил поступления и особенностей жизни в Республике Беларусь. Сайт регулярно обновляется и имеет адаптированный для иностранных абитуриентов интерфейс. Среди преимуществ белорусского высшего образования для иностранцев, пропагандируемых сайтом, фигурируют оптимальное соотношение цены и качества, возможности обучения на английском языке, а также возможности изучения русского и белорусского языков и др. Стоимость высшего образования в Республике Беларусь, согласно сайту, например, составляет от 2,5 тыс. долл. в год на дневном отделении, от 1,4 тыс. долл. в год – на заочном, от 1,6 тыс. долл. в год – на подготовительном отделении [13].

Оценивая результаты усилий Республики Беларусь по интернационализации высшего образования, следует отметить, что численность иностранных граждан, получающих высшее образование в Республике Беларусь, значительно сократилось в 1990 – начале 2000-х гг. Однако затем стране удалось достичь заметного их увеличения с 5,4 тыс. человек в 2007/08 учебном году [14. С. 159], до 18,4 тыс. человек в

2019/20 учебном году [15. С. 43], а по некоторым оценкам – до 25,12 тыс. человек [16. С. 5]. При этом уже на протяжении многих лет географическая структура экспорта образовательных услуг остается далеко не самой сбалансированной. В частности, примерно половину иностранных студентов в белорусских вузах с начала 2010-х гг. составляют граждане Туркменистана. Количество российских граждан, которые, как и граждане Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Украины, а сегодня еще и Донецкой и Луганской народных республик, имеют право на получение высшего образования в белорусских вузах на бюджетной основе, сократилось с 2 260 человек (41,6% всех иностранных студентов в Республике Беларусь) в 2007/08 учебном году [14. С.159] до 1 439 человек (7,8%) в 2019/20 учебном году [15. С. 43]. Количество граждан Китая, обучающихся в белорусских вузах, наоборот, выросло за этот период, в 2019/20 учебном году, сравнившись с количеством россиян. В 2019/20 учебном году резко увеличилось количество граждан Узбекистана, получающих образование в вузах Республики Беларусь: с традиционных 0,3% иностранных студентов в стране до 2,2%, или четырех сотен человек. В этой связи авторами будут детально рассмотрены два основных направления экспорта услуг белорусского высшего образования последних лет – туркменское и китайское, а также весьма перспективное в связи с резким скачком популярности у абитуриентов узбекское направление экспорта образовательных услуг (таблица).

Численность студентов – иностранных граждан в вузах Белоруссии в учебном году, чел. [14. С. 159; 15. С. 43]

Учебный год	2007/08	2012/13	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20
Всего	5 426	12 002	13 160	14 144	14 594	15 126	14 635	15 506	18 441
Некоторые страны постсоветского пространства									
Азербайджан	27	265	268	328	404	446	389	325	291
Казахстан	47	118	172	203	256	302	232	210	214
Россия	2 260	1 658	1 749	1 567	1 554	1 594	1 499	1 389	1 439
Таджикистан	15	44	123	243	376	417	455	438	418
Туркменистан	85	6 514	7 863	8 342	8 191	7 911	7 108	7 749	9 788
Узбекистан	16	37	37	43	51	60	72	112	404
Некоторые другие страны									
Индия	436	63	48	77	149	226	340	454	655
Иран	196	208	237	296	489	793	943	797	529
Китай	560	1 146	939	801	722	759	875	1 113	1 435
Ливан	209	154	137	200	255	285	339	440	514
Нигерия	72	242	335	474	497	530	445	371	307
Шри-Ланка	151	244	55	234	228	294	391	581	818

Позиции белорусских вузов в международных рейтингах пока остаются скромными. В частности, лидирует старейший, основанный в 1921 г. и до сих пор сохраняющий элитарный характер, Белорусский государственный университет (БГУ). Он занял 351-ю позицию в рейтинге QS 2020. Еще одним белорусским вузом, попавшим в этот рейтинг, стал Белорусский национальный технический университет (БНТУ), попавший в группу университетов, занимающих 801–1 000-ю позиции в рейтинге. С 2018 г. белорусских вузов в рейтинге не прибавилось, но два указанных тогда занимали позиции выше: 334-ю и 751–800-ю соответственно [17]. В международном

рейтинге SIR, измеряющем исследовательские и инновационные показатели вузов, в 2020 г. оказались три белорусских вуза: БГУ (760-е место), БНТУ (843-е место) и Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (БГУИР, 848-е место), хотя еще в 2010 г. в нем состоял только БГУ (790-е место) [18]. В рейтинге Webometrics 2020 в заветные 4 000 попали шесть белорусских вузов: БГУ (755-я позиция), БНТУ (2 543-я), Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (3 307-я), Гомельский государственный университет Франциска Скорины (3 344-я), Белорусский государственный медицинский университет (3 604-я) и

БГУИР (3 629-я) [19]. Таким образом, стране не удалось добиться значительного увеличения присутствия своих вузов в этих рейтингах и достичь желаемого показателя в 10 вузов в международных рейтингах к 2020 г., поскольку в указанных рейтингах зачастую фигурируют одни и те же белорусские университеты (в частности БГУ, БНТУ и БГУИР).

Количество иностранных студентов и позиции вузов в международных рейтингах представляются наиболее наглядными и прозрачными показателями степени интернационализации высшего образования на сегодняшний день, поскольку оценить другие показатели интернационализации высшего образования Республики Беларусь, например объемы экспорта образовательных услуг или количество реализуемых, а не остающихся на бумаге международных соглашений, представляется весьма сложным.

Географические приоритеты экспорта белорусского высшего образования

Туркменистан с момента обретения независимости стал стабильным «поставщиком» абитуриентов на международный рынок образовательных услуг. Количество туркменских граждан, получающих высшее образование за рубежом, выросло с 4 955 в 1998 г. до 46 223 в 2017 г. [20]. Причинами такой популярности среди туркменских абитуриентов зарубежного высшего образования являются падение уровня качества отечественного образования в 1990–2000-х гг. ввиду непоследовательных реформ в данной сфере, а также отсутствие возможностей у туркменских вузов принять всех желающих. Например, даже после значительного увеличения количества бюджетных мест в туркменских вузах в 2019/20 учебном году предполагалось принять в них чуть более 12 тыс. абитуриентов на бюджетные места и еще 8 тыс. – на платной основе [21]. Однако выпуск в школах в 2020 г. составил не менее 80 тыс. человек, что при прежнем количестве мест в вузах предполагает, что высшее образование в стране смогут получить только 25% выпускников школ [22].

Среди приоритетных для туркменских абитуриентов стран для получения высшего образования следует отметить Россию, где в 2019 г. обучалось порядка 34 тыс. студентов из Туркменистана. Большинство из них (около 90%) обучались на платной основе [23], что свидетельствует об оптимальном соотношении цены и качества российского высшего образования для туркменских абитуриентов. Вдобавок обучение на русском языке пока еще пользуется популярностью в самом Туркменистане, за ним же отправляются абитуриенты в Россию. Аналогичные факторы способствуют и выбору ими абитуриентами белорусских вузов.

Торговые связи между Республикой Беларусь и Туркменистаном довольно слабые: за период с 2000 по 2018 г. доля Туркменистана в белорусском товарном экспорте сократилась с 0,62% экспорта до 0,08%, доля импорта осталась прежней – 0,01% всего товарного импорта в Республику Беларусь [24]. Однако новой тенденцией, отмеченной в 2010-х гг.,

стало превышение доли услуг над долей товаров в общем объеме экспорта Республики Беларусь в Туркменистан. В этой связи, конечно, значительный потенциал для расширения торговли между странами отмечается белорусской стороной в сферах сельского хозяйства, здравоохранения, IT-технологий, науки и образования [25].

Однако последние несколько лет прежде ровные отношения между Республикой Беларусь и Туркменистаном омрачает спор вокруг Гарлыкского горно-обогатительного комплекса, построенного в Туркменистане белорусской компанией «Белгорхимпром». Госконцерн «Туркменхимия», заказавший строительство комплекса, подал иск в Торговую палату Стокгольма, мотивируя его тем, что работы, по мнению туркменских специалистов, выполнены некачественно. В свою очередь белорусская сторона обвинила заказчика в значительной задолженности перед ней [26].

Правовую основу белорусско-туркменского сотрудничества по вопросам высшего образования составляют Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Министерством образования Туркменистана о сотрудничестве в области образования, вступившее в силу в 2009 г.; Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Туркменистана о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях, вступившее в силу в январе 2010 г., а также Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в сфере образования, вступившее в силу в январе 2015 г. Подписано более 20 договоров и соглашений о сотрудничестве между университетами двух стран. В Туркменистане ежегодно с 2014 г. проводится выставка белорусских образовательных услуг «Ярмарка знаний».

Экспорту белорусских образовательных услуг в Туркменистан способствует несколько факторов. Один из них – отсутствие, по мнению туркменских властей, угрозы того, что туркменские студенты, получающие образование в белорусских вузах, сочетающих европейский фасад с советским фундаментом, будут приобщаться к оппозиционным взглядам. Кроме того, уровень подготовки туркменских абитуриентов не позволяет им поступить в западные вузы, но дотягивает до минимальных требований белорусских университетов, где можно обучаться на русском языке и при этом получить отчасти «европейский» диплом.

Политика Туркменистана в последние годы состоит в ужесточении контроля над выездом абитуриентов на учебу за границу. Так, в 2019 г. был учрежден список ведущих зарубежных вузов и специальностей, дипломы которых будут признаваться в Туркменистане. Дипломы зарубежных вузов, не входящих в эти списки (официальные копии которых отсутствуют в открытом доступе), не будут автоматически признаваться в Туркменистане. По неофициальной информации, из белорусских вузов в список попал только БГУ. При этом переводить деньги на учебу за границей туркменских студентов по официальному курсу

родственники смогут только тем, кто обучается по специальностям, и в вузах, указанных в этих списках, за исключением поступивших в зарубежные вузы студентов до 2019 г. [27]. Тем не менее, несмотря на указанные ограничения, приток туркменских студентов в белорусские вузы в 2019/20 учебном году вырос. Пока трудно трактовать этот рост без опоры на данные набора туркменских студентов в белорусские вузы в 2020 г., однако текущая туркменская политика вносит неопределенность в дальнейшее развитие экспорта белорусских услуг высшего образования в Туркменистан.

Китай в течение последних двух десятилетий лидирует по количеству граждан, получающих высшее образование за рубежом. В 2017 г., в частности, более 900 тыс. китайских студентов обучались в зарубежных вузах, в том числе и в белорусских. Однако Республика Беларусь, несомненно, не входит в число наиболее популярных среди китайских студентов стран, включающих США, Великобританию, Австралию, Канаду, Гонконг, Германию, Японию, Сингапур, Новую Зеландию и Францию. В 2018 г., например, доля китайских студентов в Беларуси составила только 0,25% от общего числа китайских студентов за границей [20].

Правовую базу сотрудничества Республики Беларусь и КНР в области образования составляют подписанное в Пекине в октябре 1998 г. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании, а также подписанное в Минске в июле 2000 г. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об ученых степенях. На данный момент Китай и Беларусь подписали в общей сложности 14 документов о сотрудничестве в сфере образования, 8 из которых были заключены после выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г.

Обмен студентами является важным показателем сотрудничества в области высшего образования между КНР и Республикой Беларусь, что поддерживается руководством обеих стран. Так, в июле 2013 г. во время посещения КНР президентом А.Г. Лукашенко лидеры обеих стран подписали Совместную декларацию, в которой объявлялось об установлении всестороннего стратегического партнерства. В декларации подчеркивалось, что необходимо способствовать углублению сотрудничества научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений двух стран с опорой на конкретные программы сотрудничества. В 2015 г. были подписаны Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой и Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики о дальнейшем развитии и углублении всестороннего стратегического партнерства, в которых стороны выразили желание развивать сотрудничество в сферах экономики, науки, образования и культуры.

В сентябре 2016 г. в ходе официального визита А.Г. Лукашенко в КНР в присутствии лидеров двух

стран министрами образования КНР и Республики Беларусь был подписан Меморандум о сотрудничестве между Министерством образования Республики Беларусь и Министерством образования Китайской Народной Республики в области совместной подготовки кадров. Тогда же был принят Комплекс мер по совместному продвижению реализации концепции «Один пояс, один путь» между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики, в котором были определены мероприятия и программы, связанные с гуманитарной областью и подчеркивалась важность сотрудничества в области образования.

В 2018 г. министерства образования КНР и Республики Беларусь определили 2019 г. как «Год образования Беларуси в Китае», в рамках которого страны провели свыше 100 мероприятий. Только за 2019 г. количество подписанных соглашений между вузами двух стран достигло 32, более 40 китайских образовательных делегаций посетили Беларусь, а белорусские делегации посетили Китай более 30 раз. Всего же по состоянию на 2019 г. между университетами двух стран было подписано около 400 соглашений.

Беларусь рассматривается Пекином в качестве европейского опорного пункта инициативы «Один пояс, один путь», в связи с чем сотрудничество между странами было активизировано во многих сферах. В сентябре 2014 г. официально начал свою работу Белорусско-китайский межправительственный комитет по сотрудничеству, в составе которого была учреждена Комиссия по сотрудничеству в области образования. Тогда же в ходе первого заседания Комиссии в Минске обсуждалась законодательная база сотрудничества в области образования, сотрудничество между высшими учебными заведениями, функционирование и перспективы развития Институтов Конфуция в белорусских учреждениях высшего образования, а также был утвержден план сотрудничества на ближайшие годы. Последнее, пятое, заседание Комиссии состоялось в Бресте в мае 2019 г. и было посвящено обсуждению расширения сотрудничества в сфере образования.

Начиная с обмена делегациями ректоров между вузами КНР и Республики Беларусь в 2011–2012 гг. вузы двух стран активизировали свое участие в совместных форумах и выставках. Так, 14 июня 2014 г. в Минске состоялась вторая выставка «Образование в Китае», организованная при посредничестве Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей. В выставке участвовало 17 китайских университетов. 21 мая 2016 г. в г. Гуанчжоу состоялся форум ректоров университетов КНР и Республики Беларусь. 26 июня 2017 г. Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники успешно провел форум ректоров университетов двух стран, основными организаторами которого выступили министерства образования КНР и Республики Беларусь. Форум был посвящен теме «Реализация инициативы “Один пояс, один путь” в сфере образования – объединение образовательного и научного потенциала Беларуси и Китая».

В марте 2017 г. был основан Совместный институт Белорусского государственного университета и

Даляньского политехнического университета. В 2018 г. на базе Белорусского государственного университета был создан Совместный белорусско-китайский исследовательский центр для молодых ученых. Таким образом, расширились формы сотрудничества в области образования и усилилась связь образования с научно-исследовательской сферой. 10 января 2019 г. состоялась церемония открытия Центра изучения Беларуси при Даляньском политехническом университете. Кроме того, был подписан меморандум о сотрудничестве между Центром аттестации переводчиков при Управлении КНР по делам издания и распространения литературы на иностранных языках и Китайско-белорусским межправительственным комитетом по сотрудничеству. Первый же в Китае Центр изучения Беларуси был открыт в 2012 г. при Восточно-китайском педагогическом университете. Всего к 2020 г. было последовательно создано еще 14 таких центров.

Вслед за расширением межвузовского сотрудничества начало расти и количество китайских студентов, которые едут получать образование в Беларусь. К 2019/20 учебному году они составляли 7,8% всех иностранных студентов в белорусских вузах (почти 1,5 тыс. человек). Традиционно большинство китайских студентов в белорусских вузах (свыше 65%) обучаются по программам бакалавриата [15]. Большинство из них стараются поступить в вузы Минска: чаще всего они выбирают БГУ (до 33% от общей численности студентов из Китая в белорусских вузах), БНТУ (второе место), Белорусский государственный технологический университет (БГТУ, третье место) и Белорусский государственный экономический университет (БГЭУ, четвертое место) [28. С. 15].

Привлекательность белорусского высшего образования для студентов из Китая обусловлена как оптимальным соотношением цены и качества, что привлекает иностранных студентов в белорусские вузы в принципе, так и другими причинами, включая стимулирование программ совместной подготовки с вузами КНР. Так, между многими китайскими и белорусскими вузами подписаны соглашения о совместной подготовке специалистов, развиваются механизмы совместного многоуровневого и мультидисциплинарного обучения студентов, которые касаются программ бакалавриата, магистратуры и докторантуры, и различных специальностей, связанных с языками, искусством, механикой и математическим моделированием, физикой (производственная деятельность), мировой экономикой, разработкой программного обеспечения, проектированием сетей, электронной информацией, автомобилестроением, железнодорожным сообщением.

Для экспорта услуг белорусского высшего образования важна поддержка бюджетного обучения для китайских студентов в Беларуси, оказываемая Государственным советом КНР по управлению фондом обучения за границей. С 2015 г. в рамках студенческого обмена между Китаем и Беларусью по стипендиальным программам число студентов выросло с 20 до 40 человек. В настоящее время каждый год по 40

китайских и белорусских студентов отправляются в Беларусь и Китай соответственно на обучение или повышение квалификации за счет государственного бюджета. При поддержке Государственного совета КНР по управлению фондом обучения за границей каждый год в Беларусь едут студенты-бакалавры, студенты краткосрочных курсов обмена, обучающиеся по программам совместной подготовки для магистратуры и докторантуры, соискатели ученых степеней. Ключевыми считаются специальности по сильным в Беларуси фундаментальным дисциплинам и точным наукам (математика, физика, химия, биология), а также техническим специальностям (авиация и космонавтика, машиностроение, ядерная энергетика, судостроение, материаловедение, нефтяная инженерия). Государственный совет КНР по управлению фондом обучения за границей берет на себя оплату обучения, выплату стипендий, а также однократно оплачивает студентам дорогу туда и обратно.

Вдобавок в Китае общество придает получению высшего образования все большее значение. Некоторые молодые люди, которые не смогли сдать всекитайские государственные вступительные экзамены или поступить в желаемое учебное заведение, выбирают обучение в Беларуси, где требования к абитуриентам не так высоки, а качество образования находится на весьма высоком уровне. К тому же белорусское высшее образование в Китае хорошо себя зарекомендовало еще с советских времен, и сегодня продолжается развитие сотрудничества с вузами Европы в рамках Болонского процесса.

Существует, однако, и ряд проблем, препятствующих значительному увеличению притока абитуриентов из Китая в белорусские университеты. Реализация концепции «Один пояс, один путь» способствовала тому, что число китайских студентов в Беларуси стало возрастать по сравнению с ситуацией до 2010 г. Но несмотря на это, доля их в Республике Беларусь невысока. Китайские студенты выбирают в белорусских вузах в основном специальности гуманитарного и социального профиля, среди которых преобладают языковедение и журналистика. Естественные и технические науки, медицина выбираются гораздо реже, что не совсем соответствует приоритетам сотрудничества Китая и Беларуси в области научных исследований и не способствует подготовке кадров именно по тем специальностям, которые необходимы для реализации инициативы «Один пояс, один путь». Кроме того, учитывая степень конкуренции на мировом рынке образовательных услуг и степень обеспеченности белорусских вузов ресурсами, университеты и профильные ведомства Республики Беларусь пока недостаточно интенсивно занимаются популяризацией и продвижением своего высшего образования в Китае. Мало кто в КНР, за исключением отдельных специалистов белорусского языка и посреднических организаций, занимающихся образованием за границей, имеет представление о Республике Беларусь и ее вузах. Из-за этого сравнительно немногие студенты и их родители выбирают эту страну для получения высшего образования. Вдобавок, несмотря на взаимное признание КНР и Республикой Беларусь

документов об образовании и ученых степенях, белорусское высшее образование не копируется на китайском рынке труда. Студенты, получившие образование в Беларуси, имеют гораздо меньшие преимущества по сравнению со студентами, учившимися в развитых странах Европы и Америки. Учитывая указанные плюсы и минусы высшего образования Республики Беларусь для китайских студентов, шансы на значительный рост популярности белорусского высшего образования в Китае невелики.

Узбекистан давно стал крупным «поставщиком» студентов на зарубежные образовательные рынки из-за очень узкого объема предложений, а также недостаточного качества национальной системы образования. По данным ЮНЕСКО, в 2001 г. в вузах зарубежных стран обучалось 11,8 тыс. граждан Узбекистана, в 2010 г. – 24,3 тыс., в 2016 г. – 32,9 тыс. [20]. Основным рынком для граждан Узбекистана стали вузы России, куда они могут поступать как на платные, так и на бюджетные места. Важными факторами привлекательности России для граждан Узбекистана также являются русский язык обучения, большая трудовая миграция из Узбекистана в Россию и возможность трудоустроиться в России после обучения, возможность после окончания российского вуза получить гражданство России в упрощенном режиме, сравнительно высокое качество и невысокая цена образования, безвизовый режим, выделение Узбекистану так называемых квот Россотрудничества.

Часть из представленного списка преимуществ обучения в России была актуальной и для выбора гражданами Узбекистана Белоруссии: русский язык обучения и, сравнительно высокое качество и невысокая цена образования, безвизовый режим. Дополнительными преимуществами Белоруссии по сравнению с Россией являются возможность поступления на программы бакалавриата только на основе собеседования на знание русского языка, более высокий уровень социальной безопасности. Однако статистика обучения иностранных студентов в Белоруссии показывает, что при первом президенте Узбекистана И.А. Каримове количество граждан Узбекистана, обучавшихся в белорусских вузах, было минимальным.

Совсем слабый спрос на белорусское образование среди абитуриентов из Узбекистана выглядел тем более странным на фоне большого потока в вузы Белоруссии абитуриентов из Туркменистана и с учетом сходных моделей экономического развития Белоруссии и Узбекистана. Объяснить это можно длительным искусственным сдерживанием политических, экономических, гуманитарных связей двух стран на фоне имевшей место, по мнению наблюдателей, личной неприязни между президентами Узбекистана и Белоруссии [29]. Примечательно, что объемы белорусского экспорта в 2016 г. в Узбекистан, вторую экономику в Центральной Азии, составляли всего 35,9 млн долл. и были более чем на порядок ниже экспорта Белоруссии в Казахстан (363,9 млн долл.), более чем в 3 раза ниже ее экспорта в Туркменистан (112,8 млн долл.) и даже меньше экспорта в небольшой Кыргызстан (48,7 млн долл.) [30]. Также очень показательным, что при И.А.

Каримове в Белоруссии так и не было открыто посольство Узбекистана, хотя посольство Белоруссии начало работу в Ташкенте еще в феврале 1994 г.

Приход Ш.М. Мирзиёева к власти в 2016 г. снял ключевую проблему в двусторонних отношениях и открыл широкие возможности для развития связей между Белоруссией и Узбекистаном в разных областях. С марта 2018 г. заработало посольство Узбекистана в Белоруссии. 12–14 сентября 2018 г. состоялся официальный визит белорусского президента А.Г. Лукашенко в Узбекистан, с 31 июля по 1 августа 2019 г. – ответный официальный визит в Белоруссию Ш.М. Мирзиёева, в ходе которых были обновлены договорно-правовая основа отношений и механизмы взаимодействия, конкретизированы приоритетные направления и проекты сотрудничества. В частности, по данным узбекской стороны, во время визита президента Узбекистана были подписаны 12 межправительственных и межведомственных документов, 13 соглашений между регионами двух стран, проведены второй Форум межрегионального сотрудничества, национальная выставка «Сделано в Узбекистане», подписаны контракты и соглашения на сумму около 300 млн долл. [31].

13 сентября 2018 г. были подписаны Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Министерством высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан о сотрудничестве в сфере высшего образования, Соглашение между Министерством здравоохранения Республики Беларусь и Министерством здравоохранения Республики Узбекистан о сотрудничестве в области здравоохранения и медицинской науки (данное соглашение содержит пункт о сотрудничестве в области медицинского образования и подготовки медицинских кадров), Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области науки и технологий. 1 августа 2019 г. было подписано Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Узбекистан о взаимном признании документов об образовании, документов об обучении. Оно предусматривает взаимное признание документов о среднем и высшем образовании, выданных с момента вступления соглашения в силу (13 июля 2020 г.), для целей продолжения образования на следующей ступени или уровне [32].

Узбекистан при Ш.М. Мирзиёеве начал системную, амбициозную программу модернизации высшего образования, успешная реализация которой возможна только с привлечением внешних кадровых, финансовых и иных ресурсов. В список приоритетных форм взаимодействия Узбекистана с зарубежными странами в сфере высшего образования входят создание филиалов зарубежных вузов на территории Узбекистана, открытие совместных факультетов и совместных образовательных программ двойного диплома [33. С. 140–141]. Нынешние власти Узбекистана считают уровень высшего образования в Белоруссии достойным для использования, а власти Белоруссии поддерживают развитие межвузовских связей белорусских вузов на узбекском направлении

как еще один способ увеличения экспорта образования. Пункт об организации совместных образовательных программ закономерно был включен в «План практических мероприятий (“Дорожная карта”) по дальнейшему расширению сотрудничества между Республикой Узбекистан и Республикой Беларусь в политической, торгово-экономической, инновационной, культурно-гуманитарной и других сферах» [32].

С 2018 г. в Узбекистане работают совместные факультеты Белорусского государственного педагогического университета и Ташкентского государственного педагогического университета, Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники и Ташкентского университета информационных технологий (ТУИТ) [34]. По данным пресс-службы ТУИТ, в 2018/19 учебном году 195 студентов обучались по совместным образовательным программам трех узбекских вузов с вузами Белоруссии, а с 2019/20 учебного года планировалось начать реализацию совместных образовательных программ совместно с 18 вузами [35]. В 2019 г. был создан филиал Белорусского национального технического университета (БНТУ) в Ташкенте (Белорусско-узбекский межотраслевой институт прикладных технических квалификаций), пока единственный филиал белорусских вузов в Узбекистане.

В результате как общей перезагрузки белорусско-узбекских отношений, так и предприняемых мер по развитию сотрудничества в сфере образования в 2019/20 учебном году имел место кратный рост количества граждан Узбекистана, обучающихся в вузах Белоруссии: 404 чел. по сравнению со 112 чел. в 2018/19 учебном году. Можно уверенно прогнозировать в среднесрочной перспективе дальнейший рост количества студентов из Узбекистана в вузах Белоруссии, чему будет способствовать не только возможность белорусских вузов вести активную профориентационную работу в Узбекистане, но также и, видимо, в намного большей степени активность белорусских вузов в открытии совместных программ с узбекскими вузами. Стандартная модель совместных программ вузов Узбекистана с зарубежными университетами – «2+2» для бакалавриата (первые два года – обучение в Узбекистане) и «1+1» для магистратуры (первый год в Узбекистане).

Полная, систематизированная информация о действующих совместных программах вузов Узбекистана с зарубежными вузами отсутствует в открытом доступе. Однако на официальном канале Министерства высшего и среднего специального образования (МВССО) Узбекистана в социальной сети Telegram в течение лета 2020 г. почти ежедневно выставляется пост с информацией о совместных программах того или иного вуза Узбекистана с указанием вуза-партнера и количества мест набора в 2020 г. [36]. Таким образом на 27 августа 2020 г. была размещена информация по 42 государственным вузам Узбекистана, в том числе по многим ведущим, крупным вузам, и шести относящимся к ним филиалам. Всего на середину августа 2020 г. в Узбекистане, не считая филиалов зарубежных вузов, было 100 вузов, включая 29 филиалов в регионах страны. Следовательно,

доступную информацию МВССО в Telegram можно считать репрезентативной, хоть и не исчерпывающей.

Анализ данных МВССО в Telegram показывает, что основные партнеры вузов Узбекистана по совместным программам – это вузы России и Белоруссии, причем последние не сильно отстают от первых. В 2020 г. у изученных вузов Узбекистана запланирован набор на 2 905 мест по совместным программам бакалавриата с вузами России и на 2 245 мест с вузами Белоруссии; по совместным программам магистратуры – набор на 358 и 176 мест соответственно. С вузами всех остальных стран запланировано набрать 740 бакалавров и 285 магистрантов. Таким образом, по совместным программам бакалавриата доля России в 2020 г. составляет 49,3%, доля Белоруссии – 38,1%.

Среди белорусских вузов самые активные в Узбекистане – это Белорусский национальный технический университет (совокупно набор на 815 мест бакалавриата совместно с 10 вузами Узбекистана) и Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (500 мест бакалавриата совместно с Ташкентским университетом информационных технологий и его 5 филиалами). Если предположить идеальную ситуацию по доступной статистике совместных программ (все совместные программы изученных вузов Узбекистана и Белоруссии обеспечат полный набор в 2020 г., отток во время обучения будет нулевой или минимальный, параметры набора сохранятся в будущем на уровне не ниже 2020 г.) и добавить к ней объем набора в филиал БНТУ (300 чел. на бакалавриат в 2020 г. и не меньше в последующие годы), то совокупно с 2022 г. совместные программы и филиал БНТУ будут добавлять белорусским вузам ежегодно не менее 2 500 иностранных студентов, а узбекское направление станет одним из ключевых (вторым после Туркменистана?) в географии экспорта белорусского образования.

Заключение

Ключевым аспектом интернационализации высшего образования для Беларуси стала возможность наращивания экспорта образовательных услуг. В этой связи интернационализация белорусскими властями воспринимается скорее утилитарно, а преследуемые цели не относятся к обеспечению качества высшего образования. Несмотря на рост количества иностранных студентов, обучающихся в вузах Республики Беларусь, страновая структура экспорта образовательных услуг не диверсифицирована: почти половину этих студентов составляют граждане Туркменистана. Рассмотрев три географических направления экспорта услуг высшего образования Республикой Беларусь, авторы приходят к следующим выводам. Белорусский экспорт образовательных услуг в Туркменистан, который был основным его географическим направлением в течение последних лет десяти, оказывается в настоящее время под вопросом в связи с текущей политикой туркменского руководства по вопросам признания дипломов зарубежных вузов. Поскольку белорусское высшее образование пока не котируется в Китае, можно пред-

полагать, что приток китайских студентов в белорусские вузы в ближайшие годы вырастет, но незначительно. Тем не менее в связи с активизацией сотрудничества с Узбекистаном можно прогнозировать значительный рост популярности белорусского высшего образования среди узбекских абитуриентов, что потенциально сделает этот рынок одним из основных для экспорта белорусских услуг высшего образования.

Таким образом, страновая структура экспорта белорусских образовательных услуг может измениться в

ближайшие годы. Однако существующие преимущества, которые притягивают сегодня абитуриентов из-за рубежа в Республику Беларусь, включая высокий уровень безопасности и стабильности, оказались под вопросом в свете последних политических событий, обусловленных недовольством части белорусской общест-венности результатами президентских выборов 2020 г. В этой связи объемы экспорта образовательных услуг Республики Беларусь в ближайшие годы будут зависеть от развития политической ситуации в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Knight J. Concepts, Rationales, and Interpretive Frameworks in the Internationalization of Higher Education // D.K. Deardorff, H. de Wit, J.D. Heyl, T. Adams (eds). The SAGE Handbook on International Higher Education. Thousand Oaks, CA : Sage, 2012. P. 27–42.
2. Де Вит Х. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 8–34.
3. Leask B. Internationalizing the Curriculum. New York : Routledge, Abingdon, Oxon, 2015.
4. Рыгов А.В. Ключевые аспекты интернационализации высшего образования Республики Беларусь в свете результатов исследования проекта Harmony // «Высшая школа»: наукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2019. № 3. С. 3–8.
5. Ветохин С. Реформирование высшего образования в Республике Беларусь. Минск : РИВШ БГУ, 2001.
6. Gille-Belova O., Titarenko L. Belarus: Higher Education Dynamics and Institutional Landscape in 25 Years of Transformation of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity// J. Huisman, A. Smolentseva, I. Froumin (eds.). Palgrave, 2018.
7. Кодекс Республики Беларусь об образовании // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 13.01.2011. URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 30.08.2020).
8. Погорельская А.М. Выдавая желаемое за действительное, или вступление Беларуси в Болонский процесс // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С.69–74.
9. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 годы // Правительство Республики Беларусь. 2016. URL: <http://www.government.by/ru/solutions/2450> (дата обращения: 02.09.2020).
10. В Беларуси разработана Концепция развития экспорта услуг в области образования на 2018–2020 годы // БЕЛТА, 01.02.2018. URL: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-razrabotana-kontseptsija-razvitija-eksporta-uslug-v-oblasti-obrazovaniya-na-2018-2020-gody-287523-2018/> (дата обращения: 05.09.2020).
11. Приказ Министра Образования Республики Беларусь от 29 ноября 2017 г. № 742 «Об утверждении Концептуальных подходов к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года» // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. URL: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=U617E2847 (дата обращения: 03.09.2020).
12. Международные проекты // Управление международных связей Белорусского государственного университета, 2020. URL: <https://ums.bsu.by/ru/pr/mezhdunarodnye-proekty> (дата обращения: 04.09.2020).
13. Преимущества обучения в Беларуси // Министерство образования Республики Беларусь, 2020. URL: <http://studyinby.com/why-belarus/advantages-of-studying-in-belarus/> (дата обращения: 05.09.2020).
14. Образование в Республике Беларусь. Статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. URL: https://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/obrazovanie/publikatsii_8/index_486/ (дата обращения: 06.09.2020).
15. Образование в Республике Беларусь (2019/2020 учебный год) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. URL: https://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/obrazovanie/publikatsii_8/index_16031/ (дата обращения: 06.09.2020).
16. Образование на европейском уровне // Export of Belarus. Advertising and Information Magazine. 2020. № 1 (23). С. 5–11.
17. QS World University Rankings 2020. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020> (дата обращения: 06.09.2020).
18. SCImago Institutions Rankings. URL: <https://www.scimagoir.com/rankings.php?sector=Higher%20educ.> (дата обращения: 06.09.2020).
19. Belarus // Webometrics. URL: <https://www.webometrics.info/en/Europe/Belarus> (дата обращения: 06.09.2020).
20. Education: Outbound internationally mobile students by host region // UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 30.08.2020).
21. Начался прием документов от абитуриентов в высшие и средние профессиональные учебные заведения // Государственное информационное агентство Туркменистана. URL: <http://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article18806&cat15> (дата обращения: 02.09.2020).
22. Состоялись мероприятия по случаю окончания учебного года // Государственное информационное агентство Туркменистана. URL: <http://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article22752&cat15> (дата обращения: 04.09.2020).
23. Форма N ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета программам магистратуры» // Минобрнауки РФ. 2019. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php> (дата обращения: 02.08.2020).
24. Внешняя торговля Республики Беларусь. Статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск: 2019. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/7a0/7a00fbcc7c4ba0b529e873d099e6afab.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).
25. Туркменистан // Портал информационной поддержки экспорта. URL: <https://export.by/turkmenistan> (дата обращения: 06.09.2020).
26. Беларусь и Туркменистан могут найти компромисс в отношении проекта Гарлыкского ГОК // БЕЛТА. 09.10.2019. URL: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-i-turkmenistan-mogut-najti-kompromiss-v-otnoshenii-proekta-garlyksskogo-gok-365056-2019/> (дата обращения: 06.09.2020).
27. Список вузов, дипломы которых будут признаваться в Туркменистане. URL: <https://www.hronikatm.com/2019/04/uni-list/> (дата обращения: 03.09.2020).
28. Король А.Д., Козадаев К.В. Проведение Года образования Беларуси в Китае: опыт Белорусского государственного университета // Высшая школа: наукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2019. № 6. С. 15–18.
29. Не сразу все устроилось: как развивались отношения Минска и Ташкента. URL: <https://uz.sputniknews.ru/analytics/20180912/9391678/Ot-lyubvi-do-nenavisti-kak-razvivalis-otnosheniya-Minska-i-Tashkenta.html> (дата обращения: 06.09.2020).
30. Экспорт товаров из Республики Беларусь по странам СНГ // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-excel/Oficial_statistika/Godovwe/Export_po_SNG19g.xlsx (дата обращения: 03.09.2020).
31. Постановление «О мерах по дальнейшему расширению и укреплению двустороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и Республикой Беларусь» // Государственное учреждение «Национальный правовой информационный центр “Адолат” при Министерстве юстиции Республики Узбекистан». URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/4664416> (дата обращения: 01.09.2020).

32. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Узбекистан о взаимном признании документов об образовании, документов об обучении. URL: <https://zakonrb.com/npa/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-respubliki-belarus-i01900038> (дата обращения: 05.09.2020).
33. Юн С. Реформа и интернационализация высшего образования Узбекистана при президенте Ш.М. Мирзиёеве // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 139–146.
34. Беларусь и Узбекистан заключили межправительственное соглашение о взаимном признании документов об образовании, документов об обучении // Министерство образования Республики Беларусь, 2019. URL: <https://edu.gov.by/news/belarus-i-uzbekistan-zaklyuchili-mezhpravitelstvennoe-soglashenie-o-vzaimnom-priznanii-dokumentov-ob/> (дата обращения: 05.09.2020).
35. Подписано межправительственное Соглашение о взаимном признании образовательных документов между Узбекистаном и Беларусью // Ташкентский университет информационных технологий имени Мухаммада Ал-Хоразмий, 2019. URL: <https://tuit.uz/ru/post/uzbbelarus> (дата обращения: 07.09.2020).
36. Официальный канал Министерства высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан в социальной сети Telegram. URL: <https://t.me/eduuz> (дата обращения: 08.09.2020).

Статья представлена научной редакцией «История» 14 сентября 2020 г.

Higher Education Internationalization Priorities in the Republic of Belarus and the Export of Belarusian Education

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 138–148.

DOI: 10.17223/15617793/460/17

Guo Lijun, Sun Yat-sen University (Zhuhai, People's Republic of China). E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

Anastasia M. Pogorelskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Sergey M. Yun, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

Keywords: higher education internationalization; Republic of Belarus; educational services export; Turkmenistan; China; Uzbekistan.

The study is supported by the Guangdong Province Higher Education Teaching Reform Project 2019, No. 21000-31911130.

The research is aimed at identifying the peculiarities of higher education internationalization in the Republic of Belarus. The research objectives included the analysis of legislative and institutional sides of higher education internationalization and the evaluation of geographical priorities of higher education services export by Belarus. The research into higher education internationalization was initiated by Western researchers, including J. Knight, H. de Wit, P.G. Altbach, B. Leask, S. Robson, and others. However, the research into Belarusian higher education internationalization has started very recently and mostly covers the results of European projects in higher education conducted in Belarus. Therefore, the peculiarities and prospects of Belarusian higher education internationalization have not yet been considered sufficiently. Having analyzed the legislation in higher education, the authors concluded that the export of higher education became the priority of internationalization. Most policy documents set the aim of increasing the number of international students by improving the positions of Belarusian universities in international rankings and networking with foreign universities. Therefore, it may be concluded that Belarusian authorities interpret higher education internationalization from a very utilitarian point of view. Thus, it is not mainly aimed at improving the quality of higher education. Having considered the international students statistics the authors identified three geographical directions of Belarusian higher education export, namely Turkmenistan (the country providing almost half of international students in Belarus), China (the country of origin for most students receiving education abroad in the world), and Uzbekistan (the country that has significantly increased the number of students coming to Belarus recently). The geographical structure of Belarusian higher education export turned out to be very unbalanced because of the dominance of Turkmen students. However, Belarusian export of higher education to this country is now endangered by Turkmen educational policy hindering the outflow of school-leavers. Since Belarusian higher education has a very low ranking at Chinese labor market, the export of Belarusian higher education to China may grow but for a little only. Taking into account that the educational cooperation with Uzbekistan has activated recently, the export of Belarusian higher education to Uzbekistan is likely to increase within the following several years. Thus, the authors forecast the changes in geographical priorities of Belarusian higher education export. However, the advantages that made international students choose Belarus, namely stability and security, are endangered by the current political situation in the country. Therefore, the future of Belarusian export of higher education depends significantly on achieving fast political settlement.

REFERENCES

1. Knight, J. (2012) Concepts, Rationales, and Interpretive Frameworks in the Internationalization of Higher Education. In Deardorff, D.K., de Wit, H., Heyl, J.D. & Adams, T. (eds) *The SAGE Handbook on International Higher Education*. Thousand Oaks, CA: Sage. pp. 27–42.
2. de Wit, H. (2019) Evolving Concepts, Trends, and Challenges in the Internationalization of Higher Education in the World. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 2. pp. 8–34. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-8-34
3. Leask, B. (2015) *Internationalizing the Curriculum*. New York: Routledge, Abingdon, Oxon.
4. Rytov, A.V. (2019) Klyuchevye aspekty internatsionalizatsii vysshogo obrazovaniya Respubliki Belarus' v svete rezul'tatov issledovaniya proekta Harmony [Key aspects of the internationalization of higher education in the Republic of Belarus in the light of the results of the study of the Harmony project]. *“Vysheyskaya shkola”: navukova-metadychny i publitsychny chasopis*. 3. pp. 3–8.
5. Vetokhin, C. (2001) *Reformirovanie vysshego obrazovaniya v Respublike Belarus'* [Reforming higher education in the Republic of Belarus]. Minsk: Belarusian State University.
6. Gille-Belova, O. & Titarenko, L. (2018) *Belarus: Higher Education Dynamics and Institutional Landscape in 25 Years of Transformation of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity*. Palgrave.
7. Pravo.by. (2011) *Kodeks Respubliki Belarus' ob obrazovanii* [The Code of the Republic of Belarus on Education]. [Online] Available from: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243>. (Accessed: 30.08.2020).
8. Pogorelskaya, A.M. (2017) Wishful thinking: Belarus joining the Bologna process. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 69–74. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/10
9. Government of the Republic of Belarus. (2016) *Gosudarstvennaya programma “Obrazovanie i molodezhnaya politika” na 2016–2020 gody* [The Education and Youth Policy State Program for 2016–2020]. [Online] Available from: <http://www.government.by/ru/solutions/2450>. (Accessed: 02.09.2020).
10. BELTA. (2018) *V Belarusi razrabotana kontseptsiya razvitiya eksporta uslug v oblasti obrazovaniya na 2018–2020 gody* [Belarus has developed a Concept for the Development of Export of Services in the Field of Education for 2018–2020]. [Online] Available from:

<https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-razrabotana-kontseptsija-razvittija-eksporta-uslug-v-oblasti-obrazovanija-na-2018-2020-gody-287523-2018/>. (Accessed: 05.09.2020).

11. Pravo.by. (2017) *Prikaz Ministra Obrazovaniya Respubliki Belarus' ot 29 noyabrya 2017 g. № 742 "Ob utverzhenii Kontseptual'nykh podkhodov k razvitiyu sistemy obrazovaniya Respubliki Belarus' do 2020 goda i na perspektivu do 2030 goda"* [Order of the Minister of Education of the Republic of Belarus of November 29, 2017, No. 742 "On the approval of conceptual approaches to the development of the education system of the Republic of Belarus until 2020 and in the long term until 2030"]. [Online] Available from: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=U617E2847. (Accessed: 03.09.2020).
12. International Relations Department of the Belarusian State University. (2020) *Mezhdunarodnye proekty* [International projects]. [Online] Available from: <https://ums.bsu.by/ru/pr/mezhdunarodnye-proekty>. (Accessed: 04.09.2020).
13. Ministry of Education of the Republic of Belarus (2020) *Preimushchestva obucheniya v Belarusi* [Advantages of studying in Belarus]. [Online] Available from: <http://studyinby.com/why-belarus/advantages-of-studying-in-belarus/>. (Accessed: 05.09.2020).
14. National Statistics Committee of the Republic of Belarus. (2013) *Obrazovanie v Respublike Belarus'. Statisticheskiy sbornik* [Education in the Republic of Belarus. Statistics]. [Online] Available from: https://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie/publikatsii_8/index_486/. (Accessed: 06.09.2020).
15. National Statistics Committee of the Republic of Belarus. (2019) *Obrazovanie v Respublike Belarus' (2019/2020 uchebnyy god)* [Education in the Republic of Belarus (2019/2020 academic year)]. [Online] Available from: https://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie/publikatsii_8/index_16031/. (Accessed: 06.09.2020).
16. *Export of Belarus. Advertising and Information Magazine*. (2020) *Obrazovanie na evropeyskom urovne* [Education at the European level]. 1 (23). pp. 5–11.
17. *QS World University Rankings 2020*. [Online] Available from: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020>. (Accessed: 06.09.2020).
18. *SCImago Institutions Rankings*. [Online] Available from: <https://www.scimagoir.com/rankings.php?sector=Higher%20educ>. (Accessed: 06.09.2020).
19. Webometrics. (2020) *Belarus*. [Online] Available from: <https://www.webometrics.info/en/Europe/Belarus>. (Accessed: 06.09.2020).
20. UNESCO Institute for Statistics. (2020) *Education: Outbound internationally mobile students by host region*. [Online] Available from: <http://data.uis.unesco.org/>. (Accessed: 30.08.2020).
21. State News Agency of Turkmenistan. (2019) *Nachalsya priem dokumentov ot abiturientov v vysshie i srednie professional'nye uchebnye zavedeniya* [Reception of documents from applicants to higher and secondary professional educational institutions has begun]. [Online] Available from: <http://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article18806&cat15>. (Accessed: 02.09.2020).
22. State News Agency of Turkmenistan. (2020) *Sostoyalis' meropriyatiya po sluchayu okonchaniya uchebnogo goda* [Events were held on the occasion of the end of the academic year]. [Online] Available from: <http://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article22752&cat15>. (Accessed: 04.09.2020).
23. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2019) Forma N VPO-1 "Svedeniya ob organizatsii, osushchestvlyayushchey obrazovatel'nuyu deyatel'nost' po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya – programmam bakalavriata, programmam spetsialiteta programmam magistratury" [Form N VPO-1 "Information about the organization that carries out educational activities on educational programs of higher education – bachelor's programs, specialty programs, master's programs"]. [Online] Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php>. (Accessed: 02.08.2020).
24. National Statistics Committee of the Republic of Belarus. (2019) *Vneshnyaya trgovlya Respubliki Belarus'. Statisticheskiy sbornik* [Foreign trade of the Republic of Belarus. Statistics]. [Online] Available from: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/7a0/7a00fbcc7c4ba0b529e873d099e6afab.pdf>. (Accessed: 04.09.2020).
25. Export.by. (2020) *Turkmenistan*. [Online] Available from: <https://export.by/turkmenistan>. (Accessed: 06.09.2020).
26. BELTA. (2019) *Belarus' i Turkmenistan mogut nayti kompromiss v otnoshenii proekta Garlykskogo GOK* [Belarus and Turkmenistan can find a compromise on the Garlyk mining and processing plant project]. [Online] Available from: <https://www.belta.by/economics/view/belarus-i-turkmenistan-mogut-najti-kompromiss-v-otnoshenii-proekta-garlykskogo-gok-365056-2019/>. (Accessed: 06.09.2020).
27. Hronikatm.com. (2019) *Spisok vuzov, diplomy kotorykh budut priznavat'sya v Turkmenistane* [List of universities whose diplomas will be recognized in Turkmenistan]. [Online] Available from: <https://www.hronikatm.com/2019/04/uni-list/>. (Accessed: 03.09.2020).
28. Korol', A.D. & Kozadaev, K.V. (2019) *Provedenie Goda obrazovaniya Belarusi v Kitae: opyt Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Year of Education of Belarus in China: the experience of the Belarusian State University]. *Vysheyshaya shkola: navukova-metadychny i publitsystrychny chasopis*. 6. pp. 15–18.
29. Uz.sputniknews.ru. (2018) *Ne srazu vse ustroilos': kak razvivalis' otnosheniya Minska i Tashkenta* [Not everything worked out right away: how the relations between Minsk and Tashkent developed]. [Online] Available from: <https://uz.sputniknews.ru/analytics/20180912/9391678/Otlyubvi-do-nenavisti-kak-razvivalis-otnosheniya-Minska-i-Tashkenta.html>. (Accessed: 06.09.2020).
30. National Statistics Committee of the Republic of Belarus. (2019) *Ekспорт tovarov iz Respubliki Belarus' po stranam SNG* [Export of goods from the Republic of Belarus across the CIS countries]. [Online] Available from: https://belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-excel/Oficial_statistika/Godovve/Export_po_SNG19g.xlsx. (Accessed: 03.09.2020).
31. Lex.uz. (2019) *Postanovlenie "O merakh po dal'neyshemu rasshireniyu i ukrepleniyu dvustoronnego sotrudnichestva mezhdur Respublikoy Uzbekistan i Respublikoy Belarus'"* [Resolution "On measures to further expand and strengthen bilateral cooperation between the Republic of Uzbekistan and the Republic of Belarus"]. [Online] Available from: <https://www.lex.uz/ru/docs/4664416>. (Accessed: 01.09.2020).
32. Zakonrb.com. (2019) *Soglasenie mezhdur Pravitel'stvom Respubliki Belarus' i Pravitel'stvom Respubliki Uzbekistan o vzaimnom priznanii dokumentov ob obrazovanii, dokumentov ob obuchenii* [Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the Republic of Uzbekistan on the mutual recognition of documents on education, documents on training]. [Online] Available from: <https://zakonrb.com/npa/soglasenie-mezhdur-pravitel'stvom-respubliki-belarus-i-uzbekistan-i01900038>. (Accessed: 05.09.2020).
33. Yun, S. (2019) Reform and internationalization of higher education in Uzbekistan under president Sh. M. Mirziyoyev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 62. pp. 139–146. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/62/16
34. Ministry of Education of the Republic of Belarus. (2019) *Belarus' i Uzbekistan zaklyuchili mezhpravitel'stvennoe soglasenie o vzaimnom priznanii dokumentov ob obrazovanii, dokumentov ob obuchenii* [Belarus and Uzbekistan signed an intergovernmental agreement on the mutual recognition of documents on education, documents on training]. [Online] Available from: <https://edu.gov.by/news/belarus-i-uzbekistan-zaklyuchili-mezhpravitel'stvennoe-soglasenie-o-vzaimnom-priznanii-dokumentov-ob/>. (Accessed: 05.09.2020).
35. Tashkent University of Information Technologies named after Muhammad Al-Khwarizmi. (2019) *Podpisano mezhpravitel'stvennoe Soglasenie o vzaimnom priznanii obrazovatel'nykh dokumentov mezhdur Uzbekistanom i Belarus'yu* [An intergovernmental agreement was signed on the mutual recognition of educational documents between Uzbekistan and Belarus]. [Online] Available from: <https://tuit.uz/ru/post/uzbbelarus>. (Accessed: 07.09.2020).
36. Telegram. (2020) *The official channel of the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the Republic of Uzbekistan*. [Online] Available from: <https://t.me/eduuz>. (Accessed: 08.09.2020).

Received: 14 September 2020

О.Н. Коришнова

РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИНТЕГРАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖЬЯ)

Анализируется проблема поиска этноконфессионального согласия в современном мире. Последняя вытекает из дилеммы глобализации, глобализации, с одной стороны, и сбалансированного функционирования общества и регионов – с другой. Материалом для анализа проблемы служат факты и процессы истории культурных контактов в Поволжье в Средние века и Новое время. Автор использует методы из арсенала ориенталистики, этнологии и регионоведения.

Ключевые слова: мусульманский мир; российская идентичность; Поволжье; глобализация; взаимодействие культур.

В гуманитарной науке признана аксиомой имманентно присущая исламу нераздельность индивидуального и общественного форматов бытия, что предполагает соответствующую внутреннюю идеологическую нагрузку, ментальную специфику и социальные и бытовые коннотации в процессе функционирования мусульманских сообществ. Традиции государств с преобладанием мусульманского населения на практике оказались наиболее устойчивыми, поскольку ислам в повседневной жизни консервативен по отношению к изменениям. Эта черта резонирует с потребностью современного сообщества к упрочению фундамента стабильности, невозможного без такого компонента, как творческое отношение к наследию и традициям.

Ныне вторжение ислама в глобально-планетарные геополитические процессы дрейфует к новым горизонтам не только в связи с демографическими вызовами и увеличением доли мусульман в численности обитателей земного шара. У исламского мира по отношению к глобализации сформировалась особая позиция. Какую роль – информационную, ознакомительную, инновационно-мобилизующую – сыграют регионы России? Насколько исторически обеспечена «подушка безопасности» в этих внутренних «бастионах защиты» и факторах развития?

Влияние мусульманской культуры в Поволжье утвердилось в конце позапрошлого тысячелетия под влиянием арабов, которые, по оценке историков начала XX в., «вносили сюда свою роскошно расцветшую цивилизацию». В результате с IX века восточная часть великой европейской равнины представляла более оживленный характер, чем западная [1. С. 15]. При этом включенность в сферу влияния Волжской Булгарии способствовала торговле с восточными народами и автохтонного населения волжских финнов («немая торговля», описанная арабскими географами IX–X вв.) По данным археологических раскопок, мяряне, жившие по соседству с марицами в междуречье Волги, Унжи и Керженца, были включены в торговлю с дальними странами в наибольшей мере, о чем свидетельствуют артефакты, принадлежавшие волжским булгарам, скандинавам и славянам арабские монеты [2. С. 49]. В этой связи казанский историк М.Г. Худяков констатировал: «Благодаря выгодному географическому положению в узле торговых путей болгары захватили в свои руки посредничество между лесными местностями и иностранными купцами. Че-

рез болгар вывозились меха за границу, и болгары же распределяли ввозные предметы моды и роскоши по всему Волго-Камскому краю» [3. С. 163–164].

Давность и перманентность контактов народов региона сочеталась со своеобразной этнокультурной «конкуренцией» предков татар и русских в их воздействии на финно-угорское население. В свою очередь, древность традиций заимствований в сфере хозяйства и рецепции в культуре, взаимное знакомство, прежде всего через торговлю, увеличивали степень комплиментарности имиджей. По результатам сопоставления культур Руси и Волжской Булгарии Л.Н. Гумилев заключил, что различие между государствами было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, поскольку хозяйственные системы Булгарии и Северо-Восточной Руси были очень похожими – отличия были религиозными. Смешанное население Поволжья, по сути, «...сформировалось как один этнос. Мусульманская часть этого этноса называлась волжские булгары, православная – русские. Но по крови они одни и те же, по способу хозяйства – тоже, по культуре близки. Важна только как характерная отличительная черта, присущая этим частям идеология, то есть та высокая культурная традиция, которая роднила булгар с мусульманским миром, а Русь – с Византией» [4]. Однако «религиозно-мусульманский фанатизм еще не восторжествовал, и вера служила лишь индикатором отличий волжских булгар от славян» [5. С. 56].

О спектре торговых и культурных связей с соответствующей «маркой» красноречиво свидетельствуют предметы импорта из арабского мира, многовекторность места их изготовления подтверждают арабские источники. Ныне аксиоматичным стало признание научно-технологических достижений и трансляторских заслуг арабов в сфере высокой культуры. Культура и наука средневекового арабского мира, как признают и современные западные историки, послужила одним из факторов появления халифата, простиравшегося с VIII в. от Толедо до Кабула. В багдадском Доме мудрости (основан в XI в. халифом Харуном ар-Рашидом) переведены на арабский язык античные тексты. Дамаск стал местом появления первых больниц. В Фесе еще в IX в. создан первый университет – Карауин. Запад обязан средневековому мусульманскому миру сохранением античной мудрости, развитием картографии, медицины, филосо-

фии, математики и оптики [6. С. 95–96]. Арабскими картами пользовался и первооткрыватель Христофор Колумб в своем плавании.

В золотоордынский период на евразийском пространстве произошла этнокультурная консолидация тюркских народов, включая волго-камских татар, а также великорусского этноса. Эти процессы сопровождались в Волго-Уралье взаимодействием цивилизаций и культур, обусловленным веротерпимостью двух средневековых государств Восточной Европы и лежавшим в ее основе географически транзитным характером Руси и Волжской Булгарии. Оба государства выступали посредниками в торговле и культурных контактах Запада и Востока. Проявилась евразийская сущность России и в использовании татарского языка в качестве языка дипломатических контактов с тюрко-мусульманскими государствами, и особым геральдическим знаке Тугры, заимствованном из грамот крымских ханов и османских султанов (характерно для грамот русских царей XVII в.) [7. С. 89].

Колебательные цивилизационные процессы трансформировали субъектность и факторы политической и культурной гегемонии. Обширный мусульманский мир в XVI–XVIII вв. постепенно погрузился в стагнацию, и немалую роль в отставании турок как доминантной в тот период политической силы сыграло неограниченное господство религии. В то время как Запад пережил научную революцию и Реформацию, в ученом арабском мире было отвергнуто изучение философии, книги жгли, а вольнодумцев преследовали. Это было реализацией установки имамов, будто изучение греческой философии несовместимо с Кораном. Сопротивлялся мусульманский мир и книгопечатанию (искусство каллиграфа почиталось выше ремесла печатника) [6. С. 113]. Ослабление Османской империи и алгоритмы российской истории предопределили специфику исторических процессов в северном мусульманском анклав Поволжья.

Присоединение края к Московии ознаменовало веху в панорамном процессе складывания поликонфессиональной России. Превращение в имперское государство с присоединением Казани получило мощный дополнительный импульс геополитической экспансии с вытекающими процессами культурной ассимиляции. Нерусские, неправославные народы («инородцы») встали перед вызовом угрозы этноконфессионального культурного бытия и сохранению своей идентичности. Опыт государственности в прошлые эпохи и историческая память о нем служили своеобразным маяком, причем консолидирующая роль ислама для существенного массива коренного населения была бесспорной.

Ассимиляционные процессы в имперский период проявлялись с разной степенью интенсивности. В начале XX в., когда спектр культурных взаимовлияний неуклонно нарастал, волго-уральские татары продемонстрировали способность к культурной адаптации в условиях модернизации всех сфер общества. При этом приобщение к светскому образованию и освоение достижений русской культуры сочеталось с сохранением исламской идентичности. Волгоуральское сообщество мусульман демонстрировало

способность к адаптации и восприятию новых явлений культуры без принципиального отказа от духовных ценностей ислама и традиций народной культуры. За счет минимизации претензий мусульман к государству ислам гасил этнические, политические и иные формы идентичности, и в религии усматривалась основа, гарант сохранения самобытности.

Обратим внимание на один методологически значимый тезис. Советский вариант этноконфессиональных отношений воплощен не только в экспериментах по ускоренному сближению наций и оформлению государственности союзных и автономных республик. Едва ли не большее значение для долговременных процессов века имела «фееризация» процессов солидарных действий людей различных этносов и различной конфессиональной принадлежности. Совместная монументализация эпохального подвига народов страны, прежде всего в годы Великой Отечественной войны, соответствующего всем критериям культурно-запечатленных мировых образцов, дополняла картину. Одновременно урбанизация, спутник индустриализации, внедрение в систему образования постулатов научной картины мира, даже отягощенных примитивными клише псевдомарксизма, предопределили снижение авторитета традиций и религиозных предписаний.

История, однако, – это не только разворачивание во времени закрученной спирали действия, не только производное человеческих волей, помноженных на специфику эпох. основополагающей является роль историка-интерпретатора, по определению в той или иной мере теоретика-историсофа. Обновление аналитического инструментария гуманитаристики представляет неизменно востребованную траекторию поиска в эру модернизации и кардинальных преобразований. В контексте эпохи Просвещения, интерес к которой ныне возрождается, в частности, благодаря возможности критической фокусировки в оценке модерна [8. С. 21], начало новаторскому взгляду положили исследователи из тюрков – предшественников современной гуманитаристики. Одна из гипотез социокультурного синтеза запечатлена в трудах представителей течения «Усул джадиде». Тогда, в конце XIX в., с новаций в сфере образования стартовало умственно-культурное движение на сближение с европейской культурой и переустройство всего уклада жизни. Реформа, с учетом психологии народа, проводилась осторожно, с преобладанием религиозно-нравственного воспитания, когда составлялись учебники морали на родном языке. Наука «Теджвид», которая учила правильному чтению Корана (фонетика арабского языка в применении к Корану), была включена в программу мектеба как основная [9. С. 36–37].

И. Гаспринский известен тем, что ввел понятие «русские мусульмане», под которым он понимал культурную общность внутренне целостного полиэтнического блока. Настаивая на нерасчлененности тюркоязычных народов России, Гаспринский способствовал распространению теории «культурного пантюркизма». При этом границы общности, смешанной с этническими русскими и представителями других народов России, простираются от христианского За-

пада до буддистского Востока и входят в состав России, как полагал основатель джадидизма. Идея общности тюркских народов России определялась Гаспринским принадлежностью к исламу [10. С. 29–30], что не помешало ему предложить формулу «русские мусульмане», предполагающую этнокультурный подтекст. «Уплотнение» процесса складывания сообщества «Русские мусульмане» стартовало в конце XVIII в., когда обозначились контуры курса имперского правительства на легализацию ислама и выработку баланса интересов двух ведущих конфессий империи как условия общественной стабильности.

Перепады в реализации не всегда политически отрефлексированного властями либерального курса объяснялись деликатностью сферы этноконфессиональных отношений как таковой, а также ситуативно-субъективными обстоятельствами исторического времени и политических режимов. Многолетняя Кавказская война первой половины XIX в., порожденная ею эскалация напряжения в отношениях с мусульманским сообществом привлекали внимание к теологическим аспектам ислама и культуре мусульманского населения России. В числе консультантов правительства по этим вопросам были и казанские востоковеды. Цензор восточных книг, признанный ориенталист А. Казем-Бек по приезду в Петербург давал экспертные заключения по исламской тематике, а казанский ориенталист И.Ф. Готвальд изучил и прокомментировал сочинение Н. Торнау по мусульманскому праву [11]. «Востокоориентированные» подвижки происходили и в сфере университетского образования. В соответствии с университетским Уставом 1835 г. во всех российских университетах помимо тюркских вводилось преподавание монгольского и калмыцкого языков¹.

Западный мэтр востоковедения С. Беккер справедливо отмечал ключевую роль Казани и Среднего Поволжья в гранд-нарративе историков XIX в. Ориенталист – наш современник Р. Джераси указал на позитивный импульс востоковедов Казани первой половины XIX в., специализировавшихся на лингвофилологическом изучении народов Востока, характеризовал это как шаг к системности и авторитетности. Малочисленность этнографических сочинений сочеталась со значимостью языковедческих трудов и интересом к культуре народов мира, что поощряло увлечение этнографией [12. С. 275].

В 1854 г. факультет восточных языков был переведен в Петербург, что существенно ослабило потенциал казанской ориенталистики. Одновременно формат восточных проектов расширения сети учебных заведений в восточных регионах сигнализировал о целенаправленной политике. Согласно проектам 1860-х гг. в Тифлисе предполагалось организовать кафедру истории мусульманского Востока, а также создать университеты в Саратове, Астрахани, Тифлисе и Крыму (проекты не были осуществлены). Не без поддержки правительства свой вклад в отечественное востоковедение вносили императорское Русское географическое общество, географическое общество в Петербурге, императорское общество любителей естествознания, имевшие отделы в азиатских владе-

ниях России. Эти научные объединения способствовали развитию «местных научных сил» [13].

Примечательно в ряду местных обществ Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. О высоком научном весе, достижениях и признании востоковедных изысканий его членом свидетельствует факт, что 14 казанских ученых были членами Академии наук России и 3 – Академии наук СССР [14. С. 6]. Примечательно, что в эпоху пробуждения национального сознания тюркских народов, прежде всего татар (начало XX в.), светская интеллигенция интересовалась наследием казанских востоковедов-тюркологов. Тогда же с очевидностью возросло внимание к восточным культурам, ибо Восток пробуждался. Пробуждался не без влияния русской революции и экспериментального курса большевиков, пытавшихся выйти на сопряжение архетипов Европы и Азии.

Евразийская сущность российской цивилизации требует использования особого методологического инструментария и его обновления. В современной гуманитарной и общественной науке наметились две тенденции. С одной стороны, глобализация побуждает к поиску путей методологического преодоления границ странового и регионального форматов. Исследователи фокусируют внимание на локальном контексте как на области, к которой применимы интегрирующие модели, либо как «на источниках для развития новых моделей, посредством компаративных исследований, отделяя универсальные “зерна” от локальных “плевел” [15. С. 13]. Наиболее широкоформатна «оптика» имперскости. Разумеется, в дискурс не вписываются сентенции-констатации, что империи, в состав которых входили многие этносы, рано или поздно распались.

Одной из концептуально значимых стала книга немецкого историка А. Каппелера, вызвавшая огромный интерес исследователей. Исследование тенденций национальной политики в России и СССР в XVI–XX вв. привело Каппелера к выводу о геретогенности Российской империи, к которой неприменимы определения «унитарное государство», «православная империя», «колониальная держава» [16. С. 113]. Мэтр определяет Российскую империю как традиционную предсовременную (предмодерновую) и противопоставляет ее западным заморским империям XIX в. Он трактует отношения покоренного нерусского населения как гибкие, прагматичные, терпимые и нерасистские [17. С. 509]. В отличие от Каппелера, группа американских историков-авторов издания, посвященного Российскому Востоку (рассмотрены восточные и южные регионы Российской империи с высокой долей нерусского населения), придерживается определения империи, сформулированного применительно к западным заморским империям. Согласно последнему империя предполагает многонациональное государство, где «ядро», «метропольная» нация доминирует и эксплуатирует сеть «колониальных», «периферийных» наций [17. С. 509].

Отметим, что имперский дискурс не противоречит изучению транснациональных процессов в русле регионологии, которая в этом случае приобретает новую

призму анализа. В русле методологической «встречи» уровней краеведения, провинциальной, региональной, страновой и глобальной истории обозначилось понятие локуса (определенного места). Некоторые авторы определяют его как выделенный или «сконструированный субъект истории – объект исторического изучения, не тождественный государству». Соотнесение локуса именно с государством обусловлено тем, что в истории государство есть универсальный субъект истории – объект исторического познания [18. С. 3–4]. Бум регионологии и регионоведения помогает преодолеть синдром, который З. Бауман назвал «обратной стороной модерна»: модерн как продолжение идей Просвещения постоянно противодействовал неопределенности, различиям, аномалиям, беспорядку, амбивалентности, олицетворяя устремленность к «моделируемому обществу» с его абстрактными универсальными принципами определенности, порядка обезличенного контроля [8. С. 27].

Возросшая значимость фактора религиозной социализации, конфессионального измерения поколенческих отношений обуславливает интерес исследователей к реконструкции религиозных культур мира (специфика мировосприятия, жизненного уклада, ментальных особенностей массового сознания). Актуальными становятся темпоральные представления адептов конфессий; «канонизированные» и идеализированные модели поведения в преданиях прошлого проецируются спустя десятилетия на повседневные практики [19. С. 89–90].

Экономическая глобализация в историческом формате рубежа XX–XXI вв. породила недовольство мусульманского мира, отразившись на исламских государствах преимущественно негативно. Протестное движение против экономического «конкистадорства» кумулировалось с реакцией отторжения массовой культуры, угрожающей поливариантности культур народов. В результате культурная гомогенизация в сочетании с претензиями на монополярность встретила вызовы, открытые и подспудные, со стороны традиционных (религиозно-обозначенных) культур. Обостряя внутренние противоречия в исламском мире, подталкивая деградацию политических систем, крушение моральных ценностей, развал семьи, глобализация «нигде не производит столь деструктивного эффекта, как в исламском мире» [20. С. 234].

Подытоживая размышления о культурно-интегративном потенциале конфессий как факторе устойчивого развития, отметим, что эпоха глобализации предельно актуализирует императив взаимодействия. Культурная глобализация, будучи процессом конституирования общих ценностных пространств морали, искусства, общения, образа жизни, стереотипов поведения, неоднозначно воспринимается и даже встречает противодействие представителей традиционных религий, в число которых входит ислам.

Возможен ли в этой ситуации диалог с участием культур современного мусульманского мира? Аргументом в пользу позитивного ответа и варианта альтернативы столкновению цивилизаций служит участие мусульманского мира в культурном диалоге. Диалог культур в Поволжье говорит в пользу призна-

ния страны уникальной моделью суперцивилизации и носителем исторического опыта нивелирования барьеров, разделяющих религии – оплот духовных ценностей. Антропологи констатируют закономерность: все общества в какой-либо мере закрыты, но должны открываться [19]. Для России открытость культурных – сообществ не абстрактный лозунг и не благое пожелание. По социокультурной природе страна уже в силу географических факторов синкретична, представляя собой производное взаимодействия и интеграции культур с различными этноконфессиональными характеристиками. Этнокультурная разнородность культурного наследия – основы этнокультурного архетипа, отражая историческую судьбу, запечатлена в сочетании византийского начала духовной сферы и мусульманского, «туранского элемента» культуры. К версии евразийцев примыкает концепция Л. Гумилева, смягчившая противопоставление России и Востока и акцентировавшая внимание на традиции общения славяно-православного и тюрко-мусульманского социокультурных миров, что не противоречит константе определяющей роли ислама для народов, культурная модель которых выстроена в канонах данной религии.

Оценивая опасность радикализации, с одной стороны, и интегративного потенциала ислама – с другой, следует иметь в виду ряд факторов. Во-первых, необходимо учитывать его регионально-теологические особенности (наличие различных масхабов и течений). Во-вторых, историческую трансляционную практику, когда исламская культура выступала интегратором античного наследия и западноевропейской культуры. Ссылаясь на укоренение ислама на просторах Евразии, исследователь И.А. Василенко констатировал его мощную культурную энергетику. «Мусульманская культура, побеждая в борьбе с местными верованиями, показала одновременно высокую способность к ассимиляции и синтезу инокультурных влияний» [21. С. 272]. В-третьих, изучение потенциала мультикультурализма ислама в XXI в. требует от элиты поликонфессиональных государств «умения правильно оценивать разные его тенденции, искать диалог с их носителями» [22. С. 5].

Изучение исторических корней феномена национальной и конфессиональной толерантности в России и регионах предполагает обращение к массиву исторических источников по этнокультурным коммуникациям на уровне повседневности, торговли, хозяйства, взаимодействия государственных и этноконфессиональных структур, контактов в сфере образования и просвещения. Они составляют не только сюжетную канву для осмысления этнографии. Не менее значима трактовка эффективности и феномена устойчивого развития современного российского социума сообществом историков, а также всего их гуманитарного «кластера». Глубина осмысления исторического опыта сосуществования, стабилизирующей роли традиций как своеобразного балансира в океане угроз для апробированных веками ценностей коррелирует с концептом глобализации. Угрозы унификации делают принципиально благоприятной для современного мира ситуацию, когда люди обладают набором идентич-

ностей, не находящихся в конфронтации друг с другом [22. С. 30].

В этой связи ареал Поволжья и Приуралья с различными образцами сосуществования, взаимопризнания этнической специфики и культурной толерантности бесценен не только как площадка исторической мемориализации опыта взаимодействия культур. В культурном отношении Поволжье можно рассматривать как лабораторию поиска и обретения не только способа сожительства народов разных языковых групп и конфессий, но и развития через взаимодействие [23. С. 145]. Диалог культур в формате встречи равных корневых культур явился важным

фактором конфессиональных отношений в этом регионе Евразии. Уровнями взаимодействия с поправкой на историческую динамику были генеалогические и культурные контакты представителей элиты, традиции образования и просветительства, повседневные контакты в быту, армейская жизнь, интеграция по политическому основанию принадлежности к идейным течениям и др. Перед лицом новых вызовов, порождаемых миграционным кризисом, рисков конфликта ценностей, соблазнов мультикультурализма как пути выхода из турбулентного состояния через апелляцию к опыту комплиментарного сосуществования разных конфессий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Наряду с упомянутыми восточными языками изучались китайский, армянский и санскрит. В Казани в первой половине XIX в. закладывались основы научных школ арабистики, китаеведения, санскритологии, армяноведения, существовали проекты тибетских и еврейско-палестинских исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX–XV вв. М. : Изд-во магазина «Сотрудник школ» А.К. Залесской типогр. Г. Лиснера и Д. Собко, 1905. 279 с.
2. Шкалина Г.Е. Диалог культур в средневожском полиэтническом регионе в контексте современных реформ в России // Современные российские реформы: проблемы национального возрождения и развития. Казань: Управление делами Президента РТ, 1999. С. 48–50.
3. Худяков М.Г. История Камско-Вятского края // Избранные труды. Ижевск : «Удмуртия», 2008. 416 с.
4. Гумилев Л. Н. Черная легенда. М. : Экспресс, 1994. 624 с.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М. : Юна. 1992. 305 с.
6. Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира / пер с англ. М. : Аст; Согрус, 2017. 544 с.
7. Машанова Л.В. Средневековая Россия и Евразия: контакты, взаимовлияния // Вестник государственного университета управления. Философия. История. Культурология. Право. Политология. 2000. № 1. С. 81–88.
8. Морган Д. Интерпретация модерна: кому принадлежит Просвещение, что это за проект? // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен. Казань : Изд-во КГУ, 1999. Ч. 1. С. 21–34.
9. Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.) (фрагменты книги) // Библиотека журнала «Казань». 1992. № 6. С. 34–42.
10. Червоная С.М. Идея национального согласия в сочинениях И. Гаспринского // Отечественная история. 1992. № 1. С. 158–165.
11. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850. 621 с.
12. Джераси Р. Культурная судьба империи под вопросом: мусульманский восток в Российской этнографии XIX в. // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 271–306.
13. Недзелюк Т.Г. Концепция картины мира в изучении религиозных сообществ // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов : материалы междунар. науч.-практ. конфер., Казань, 22–23 ноября 2012 г. / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Р.А. Набиев, Е.А. Чиглинцев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 34–42.
14. Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: основные этапы истории // Краеведческие среды. Казань, 2004. Вып. 4. С. 4–14.
15. Платт Кевин М.Ф. Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 10–24.
16. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер с нем. С. Червоной. М. : Прогресс. 1996. 340 с.
17. Martin T. Review: Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Edited by D. R. Brower, E.J. Lazzarini // Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies / Edited by, A. Rabinowitch, W.G. Rosenberg. Bloomington : Indiana University Press, 1997. P. xx+339.
18. Маловичко С.И., Румянцев М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях. Ижевск : Удмуртский ун-т, 2012. С. 3–10.
19. Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/za1.html> (дата обращения: 15.12.2018).
20. Федотова В.Г. Терроризм и глобализация // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И.К. Лисеев, Р.С. Сайфуллаев, А.А.-оглы Гезалов. М. : Канон +; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 231–250.
21. Василенко И.А. Диалог цивилизаций. М. : Едиториал УРСС, 1999. 272 с.
22. Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т. 3: Идеология и технологии этнической мобилизации. Кн. 2: Удмуртское национальное движение и финно-угорское сообщество. М. : Удмуртия, 2003. 780 с.
23. Коршунова О.Н. Взаимодействие культур народов Поволжья и Приуралья в Новое время: исторический аспект. Чебоксары : Клио, 2000. 170 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 декабря 2019 г.

Russia and the Muslim World: To the Problem of Studying the Cultural and Integrative Potential of the Regions (On the Example of the Volga Region)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 149–154.

DOI: 10.17223/15617793/460/18

Olga N. Korshunova, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: felix_kor@mail.ru

Keywords: Muslim world; region; Volga region; Russian identity; globalization; algorithm; interaction of cultures.

The article analyzes the problem of finding ethno-confessional concord in the modern world. The problem follows from the dilemmas of mondialization and globalization, on the one hand, and the balanced functioning of society and regions, on the other. Today, the invasion of Islam into global geopolitical processes is drifting towards new horizons not only due to demographic challenges and an increase in the proportion of Muslims in the number of inhabitants of the globe. The Islamic world has a special position in relation to globalization. The article aims to determine the role of the cultural and integrative potential of confessions as a factor of sustainable development. It is important to take into account that modern globalization is extremely relevant to the imperative of interaction. Cultural globalization, being the process of constituting common value spaces of morality, art, communication, lifestyle, behavioral stereotypes, ambiguously perceived at different times, meets opposition from adherents of traditional religions, including Islam. The facts and processes of the history of cultural contacts in the Volga region in the Middle Ages and the New Time form the basis for the analysis. The author uses the methods from the arsenal of oriental science, ethnology and area studies. Racial, religious and national conflicts have not ceased to be a constant in the modern world. The relevance of the theme of mobilizing the potential of ethnic and religious harmony and interaction stems from the dilemmas of modernization and globalization, on the one hand, and the sustainable operation of society and regions, on the other. The research of historians, anthropologists, ethnologists on the topic of collective cultural identity, as well as diverse identities at the level of personal choice, form the basis of its design in post-Soviet Russia. Studying the complementarity potential, the adherence to the positive images of the other ethnic groups among the Volga Muslims as part of the Muslim world and at the same time part of Russia in the realities of globalization and the situation of religious challenges assumes combining the methodological tools and efforts of representatives of various humanities and involving Western issues in the discursive field. This is a prerequisite for an adequate analysis of Russian identity in the context of cultural and religious processes.

REFERENCES

- Mel'gunov, P.P. (1905) *Ocherki po istorii russkoy torgovli IX–XV vv.* [Essays on the history of Russian trade in the 9th–15th centuries]. Moscow: Izd-vo magazina "Sotrudnik shkol" A.K. Zaleskoy tipogr. G. Lissnera i D. Sobko.
- Shkalina, G.E. (1999) Dialog kul'tur v srednevolzhskom polietnicheskom regione v kontekste sovremennykh reform v Rossii [Dialogue of cultures in the Middle Volga polyethnic region in the context of modern reforms in Russia]. In: *Sovremennye rossyiskie reformy: problemy natsional'nogo vozrozhdeniya i razvitiya* [Modern Russian reforms: problems of national revival and development]. Kazan: Upravlenie delami Prezidenta RT. pp. 48–50.
- Khudyakov, M.G. (2008) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Izhevsk: Udmurtiya.
- Gumilev, L.N. (1994) *Chernaya legenda* [A black legend]. Moscow: Ekopros.
- Gumilev, L.N. (1992) *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. Moscow: Yuna.
- Ferguson, N. (2017) *Tsivilizatsiya: chem Zapad otlichaetsya ot ostal'nogo mira* [Civilization: The West and the Rest]. Translated from English. Moscow: Ast; Corpus.
- Mashanova, L.V. (2000) Srednevekovaya Rossiya i Evraziya: kontakty, vzaimovliyaniya [Medieval Russia and Eurasia: contacts, mutual influences]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta upravleniya. Filosofiya. Istoriya. Kul'turologiya. Pravo. Politologiya*. 1. pp. 81–88.
- Morgan, D. (1999) Interpretatsiya moderna: komu prinadlezhit Prosveshchenie, chto eto za proekt? [Interpretation of modernity: who owns the Enlightenment, what is this project?]. Translated from English. In: *Komu prinadlezhit kul'tura? Obshchestvennyye nauki i perspektivy issledovaniy sotsiokul'turnykh peremen* [Who owns culture? Social sciences and research perspectives on sociocultural change]. Part 1. Kazan: Kazan State University. pp. 21–34.
- Validi, D. (1992) Ocherk istorii obrazovannosti i literatury tatar (do revolyutsii 1917 g.) (fragmenty knigi) [Essay on the history of education and literature of the Tatars (Before the Revolution of 1917)]. *Biblioteka zhurnala "Kazan"*. 6. pp. 34–42.
- Chervonnaya, S.M. (1992) Ideya natsional'nogo soglasiya v sochineniyakh I. Gasprinskogo [The Idea of National Accord in the Works of I. Gasprinsky]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 158–165.
- Tornau, N. (1850) *Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedeniya* [On the principles of Muslim jurisprudence]. St. Petersburg: Tip. 2 Otd. sobstv. e. i. v. kantelyarii.
- Geraci, R. (2004) Kul'turnaya sud'ba imperii pod voprosom: musul'manskiy vostok v Rossiyskoy etnografii XIX v. [The cultural fate of the empire in question: the Muslim East in the nineteenth-century Russian ethnography]. In: Gerasimov, I.V. et al. (eds) *Novaya imperskaya istoriya postssovetskogo prostranstva* [New imperial history of the post-Soviet space]. Kazan: Tsentri issledovaniy natsionalizma i imperii. pp. 271–306.
- Nedzelyuk, T.G. (2012) [The concept of a picture of the world in the study of religious communities]. *Istoricheskaya nauka i obrazovanie v usloviyakh sovremennykh vyzovov* [Historical science and education in conditions of modern challenges]. Proceedings of the International Conference. Kazan. 22–23 November 2012. Kazan: Kazan State University. pp. 34–42. (In Russian).
- Sidorova, I.B. (2004) Obshchestvo arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete: osnovnyye etapy istorii [The Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University: the main stages of history]. *Kraevedcheskie sredy*. 4. pp. 4–14.
- Platt Kevin, M.F. (2010) Zchem izuchat' antropologiyu? Vzglyad gumanitariya: vmesto manifesta [Why Study Anthropology? A humanist's view: instead of a manifesto]. Translated from English by A. Markov. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. pp. 10–24.
- Kappeler, A. (1996) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia – a multinational empire. Occurrence. History. Breakup]. Translated from German by S. Chervonnaya. Moscow: Progress.
- Martin, T. (1997) Review: Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. In: Rabinowitch, A. & Rosenberg, W.G. (eds) *Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies*. Bloomington: Indiana University Press.
- Malovichko, S.I. & Rumyantseva, M.F. (2012) Terminologicheskie problemy izucheniya istorii lokusa [Terminological problems of studying the history of a locus]. In: *Regional'naya istoriya, lokal'naya istoriya, istoricheskoe kraevedenie v predmetnykh polyakh* [Regional history, local history, historical local history in subject fields]. Izhevsk: Udmurt State University. pp. 3–10.
- Prokhorova, I.D. (2009) Novaya antropologiya kul'tury. Vstuplenie na pravakh manifesta [New anthropology of culture. Introduction as a manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 100. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/za1.html>. (Accessed: 15.12.2018).
- Fedotova, V.G. (2010) Terrorizm i globalizatsiya [Terrorism and globalization]. In: Liseev, I.K., Sayfullaev, R.S. & Gezalov, A.A.-ogly. (eds) *Fenomen globalizatsii v kontekste dialoga kul'tur* [The phenomenon of globalization in the context of the dialogue of cultures]. Moscow: Kanon +; ROOI "Reabilitatsiya". pp. 231–250.
- Vasilenko, I.A. (1999) *Dialog tsivilizatsiy* [Dialogue of civilizations]. Moscow: Editorial URSS.
- Smirmova, S.K. et al. (2003) *Fenomen Udmurtii* [The Phenomenon of Udmurtia]. Vol. 3. Book 2. Moscow: Udmurtiya.
- Korshunova, O.N. (2000) *Vzaimodeystvie kul'tur narodov Povolzh'ya i Priural'ya v Novoe vremya: istoricheskiy aspekt* [Interaction of the cultures of the peoples of the Volga and Ural regions in modern times: a historical aspect]. Cheboksary: Klio.

Received: 05 December 2019

ФОРМИРОВАНИЕ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ХОДЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ 1865–1917 гг.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-09-0487 «Древняя традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири».

Проводится комплексное историко-этнографическое исследование формирования украинского населения на территории Алтая в ходе переселений 1865–1917 гг. Анализ отечественной и украинской литературы, имеющиеся архивные и полевые источники позволили определить основные причины миграции украинского населения на территорию Алтайского округа, выделить и охарактеризовать этапы переселения, определить зоны расселения, учитывая объективные и субъективные причины.

Ключевые слова: украинцы; Алтайский округ; переселения; типы расселения.

Освоение территории Алтая связано с добровольными и принудительными переселениями из Европейской России. В XVIII – начале XIX в. титульным этносом в рассматриваемом регионе являлся русский [1. С. 98]. Со второй половины XIX в. начинается активный рост численности других этносов (украинцев, белорусов, мордвы и др.), что связано с переселенческим движением, которое было организовано в те районы, которые обладали большой колонизационной емкостью и подходили для развития крестьянского хозяйства. В результате переориентации Кабинета Его Императорского Величества с развития горнозаводского производства на земельно-арендное хозяйство Алтайский округ превратился в ведущий сельскохозяйственный район Сибири. К 1880-м гг. 50% переселенцев от общего потока мигрантов в Сибирь разместились в Алтайском округе [2. С. 119]. Значительную их часть по-прежнему составляли русские, но среди иноэтничных переселенцев преобладали украинцы (малороссы)¹. В их числе выделялись переселенцы из трех историко-этнографических зон юга-западных губерний Российской империи (современной территории Украины): Правобережья (Подольская, Волынская, Киевская губернии), Левобережья и Слобожанщины (Полтавская, Черниговская, Харьковская губернии), Юга (Таврическая, Херсонская, Екатеринославская губернии), которые принято относить к районам с проживанием украинцев.

Отсутствие статистических материалов по этническому составу населения Российской империи создает трудности при проведении исследования, связанные с определением этнической идентичности мигрантов рассматриваемого периода. В архивных документах, также как и в опубликованных материалах С.П. Швецова, А.А. Кауфмана, И.М. Морозова используются этнокультурные понятия – «старожилье» и «переселенцы», а этнический состав переселенцев, как правило, не указывается, фигурируют названия переселенцев, образованные от наименования губерний – мест выхода мигрантов. Например, при описании переселенческих групп встречаются названия – «полтавцы», «харьковцы», «киевляне» и т.д., что для современных исследователей условно может служить маркером этнической идентичности.

В отечественной историографии вопросами крестьянских переселений в русле аграрного освоения

Сибири, в том числе Алтая, рассматриваемого периода активно стали заниматься в 1970–1980-е гг. Л.Ф. Скляров, Б.В. Тихонов, Н.А. Якименко. С середины 80-х гг. XX в. появляется новое направление по изучению аграрной проблемы под руководством Т. Шанина – крестьяноведение. Основная часть публикаций исследователей данного периода посвящена изучению социально-экономической истории деревни, демографическим процессам и лишь фрагментарно – культурным и этническим вопросам, в том числе рассмотрению отдельных этносов в общем переселенческом потоке. Определение этнической принадлежности переселенцев на примере украинцев рассматривается только в работах известных специалистов в области демографии – С.И. Брука и В.М. Кабузана [3]. Используя материалы Всероссийской переписи 1897 г., историки в своих работах определили губернии выхода украинцев на территорию Западной Сибири и Алтая.

С конца XX – начала XXI в. в сибирской историографии активно рассматриваются переселенческие процессы на территории Сибири, в том числе Алтайского края с учетом этнической специфики мигрантов. Историография, посвященная данным вопросам, достаточно обширна. При рассмотрении социально-экономического положения крестьян, пространственно-демографических аспектов в исследованиях А.А. Храмкова, Ю.С. Булыгина, И.Г. Силовой, А.М. Адаменко, В.А. Скубневского, В.Н. Шайдурова упоминается украинская переселенческая диаспора.

Вопросы переселений и размещения украинцев в рассматриваемом регионе в меньшей степени затрагивались в этнографических исследованиях алтайских, томских, омских и новосибирских ученых (Т.К. Щеглова, Е.Ф. Фурсова, О.М. Рындина, Т.А. Гончарова и др.).

Самостоятельное значение имеет литература на украинском языке, как показало ее изучение в отличие от российских исследователей проблема переселений украинцев в Сибирь и в частности на Алтай не являлась предметом пристального изучения. Большинство публикаций украинских историков посвящено описанию формирования в первой половине XIX в. политической оппозиции российскому самодержавию, а во второй половине XIX в. – характеристике

реформ, которые «стимулювали піднесення суспільного руху» [4. С. 259], и лишь фрагментарно встречается материал о миграционных процессах рассматриваемого периода.

Таким образом, историографический анализ показал, что проблемы переселений и формирования украинского населения на территории Алтая затрагивались исследователями, но не получили всестороннего изучения. В связи с чем автором в данной публикации предпринимается попытка комплексного историко-этнографического исследования формирования украинского населения в регионе. В соответствии с поставленной целью автором выделены следующие задачи: выявить основные причины миграционной мобильности украинского населения на исторических местах проживания; определить факторы, влияющие на выбор места поселения и образования населенных пунктов на обозначенной территории; определить и охарактеризовать этапы переселения; установить зоны расселения украинцев на территории Алтайского округа.

Источниковую базу исследования составили законодательно-нормативные акты, делопроизводственная и статистическая документация, представленная материалами Государственного архива Алтайского края. Особенно большое значение имели отчетные документы, связанные с направлениями и общими итогами деятельности Переселенческого управления в период реализации Столыпинской аграрной реформы, а также периодические издания.

Самостоятельную группу источников составляют полевые материалы автора и сотрудников Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета (Н.С. Грибановой, А.С. Свидовской). Полевые исследования по изучению украинского населения ведутся с 2010 г., как в рамках комплексных историко-этнографических экспедиций исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета (рук. Т.К. Щеглова), так и самостоятельных этнографических экспедиций. Автором совместно с кандидатом исторических наук, доцентом кафедры отечественной истории Н.С. Грибановой были разработаны методические материалы: анкеты, вопросники, которые позволили максимально качественно провести сбор этнографического материала. Экспедиционные исследования охватили значительную часть территории Алтайского края (Романовский, Волчихинский, Панкрушихинский, Егорьевский, Крутихинский, Красногорский, Родинский районы) и частично Карасукского района Новосибирской области в разных природных зонах расселения украинцев. Использованы материалы Архива Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения, собранные в Поспелихинском и Мамонтовском районах. При подготовке данной публикации автором было проработано более 120 транскрибированных текстов интервью.

Анализ комплекса архивных и полевых материалов, имеющейся литературы в качестве основной причины переселения украинцев на территорию Алтайского округа позволяет определить малоземелье и как следствие этого – низкий материальный доход.

Документы, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края, в полной мере подтверждают это. В своих прошениях начальнику Алтайского округа украинские переселенцы указывали в основном безземелье и недоброкачественность почвы в украинских губерниях [5. Л. 226]. Например, крестьяне-собственники с. Трубийцова Хорольской волости Хорольского уезда Полтавской губернии в прошении, поданном в Управление Алтайского округа Томской губернии от 29 марта 1896 г., писали: «Проживая в местности чрезвычайно густо населенной и пользуясь самым незначительным количеством земли, мы, как люди исключительно занимающиеся хлебопашеством, не имеем даже возможности поддерживать свои хозяйства и воспитывать свои семьи, а приобретение в нашей родной Полтавской губернии оказывается по своей стоимости выше наших сил» [6. Л. 62].

Опрошенные, вспоминая о том, почему их предки «пришли» на Алтай, также наиболее часто упоминали именно эту причину: «уже земель там не было» (Диденко В.П.), «земли там не было» (Рябых М.Д.), «там тяжело было жить» (Кравченко О.И.), «там нищета» (Лобанова В.И.) [7]. Сибирь, в том числе территория Алтайского округа, ассоциировались у переселенцев со «свободными землями» (Горкун Т.Н.), «новыми землями» / «пустыми землями» (Диденко В.П.) [7], переезд на которые означал решение комплекса проблем, существующих в губернии выхода.

В то же время в публикациях отечественных исследователей основной причиной переселений в рассматриваемый период, коснувшейся в том числе и крестьян Малороссии, считается кризис существующей системы хозяйствования и полеводства [8. С. 12]. Отдаленность земельных участков, увеличение количества недоимок у крестьян, сложившиеся общинные традиции землепользования, демографический рост населения, неурожайные годы и голод 1891 г. свидетельствовали о неэффективности существующей модели сельского хозяйства [9. С. 103–104].

При этом в украинской литературе внимание уделяется другим причинам, которые вызвали массовую миграцию. Украинские исследователи отмечают, что «посилення експлуатації селянства», «пооява в аграрному секторі надлишки в робочій силі», «поступова руйнація я натурального господарства та розвитку підприємництва» активизировали переселенческое движение [4. С. 217].

Б.В. Тихонов также указывает на наличие крепостнических пережитков в сельском хозяйстве украинских губерний и как следствие этого – сохранение в больших объемах землевладения помещиков, сокращение крестьянского надела. Данный процесс подтверждается и украинскими исследователями. После 1861 г. в украинских губерниях произошла «концентрація землі в руках елітної поміщицької групи» [4. С. 303]. Это привело к тому, что активно происходил процесс дифференциации населения и на рубеже веков в украинских губерниях насчитывалось 80% бедняцких, 15% середняцких хозяйств и лишь 5% «економічно міцних заможних селянських» хозяйств [4. С. 304].

Попытки решения возникшей проблемы путем расширения посевных площадей за счет других угодий давали обратный результат. Так, в Черниговской губернии после вырубки лесов, росших на легкой песчаной почве, образовались летучие пески, что усугубило положение. Нарушение баланса в пользу пашни приводило к уменьшению кормовой площади и сокращению скота, соответственно – к сокращению удобрений и постепенному упадку личного хозяйства крестьянина. Данный процесс особенно был характерен для территории Черноземья. Например, под пашней в Харьковской губернии находилось 86,4% земель [9. С. 104]. В Таврической губернии во второй половине 1880-х гг. земство ежегодно часть земель перечисляло к «неудобным». Согласно данным С.М. Дубровского, в одном из обществ выше указанной губернии в 1872 г. удобных земель числилось 4 000 десятин, а к 1887 г. – 800 десятин [10. С. 216]. Сокращение поголовья скота в малороссийских губерниях произошло на 16,6% [9. С. 103]. К началу XX в. по отдельным губерниям данная ситуация была еще более критична. Размер среднего надела на мужскую душу с 1880 по 1900 г. сократился на 0,7 в Полтавской губернии, на 0,9 – в Черниговской, на 0,7 – в Харьковской, на 1,2 – в Херсонской, на 0,9 – в Киевской, на 2,9 – в Таврической (табл. 1). Стремительное увеличение количества малоземельных и безземельных хозяйств являлось основным фактором, заставившим крестьян покидать свои родные губернии и мигрировать на новые территории. Только за 1885–1904 гг. численность украинцев в Сибири достигла 494 508 чел. [11. С. 375].

Таблица 1

Размер среднего надела на мужскую душу в Украинских губерниях в 1880–1900 гг. (губернии расположены в порядке убывания количества переселенцев, переселившихся на Алтай), десятины

Губерния	1880 г.	1900 г.	Насколько уменьшился средний надел
Полтавская	2,2	1,5	0,7
Черниговская	2,9	2,0	0,9
Харьковская	2,6	1,9	0,7
Херсонская	3,4	2,2	1,2
Киевская	1,4	1,2	0,2
Таврическая	6,5	3,6	2,9

Примечание. Сост. авт. по: [14].

Согласно общепринятому мнению наибольшее число переселенцев давали густонаселенные уезды. Однако, по данным переписи 1897 г., в украинских губерниях ситуация была обратной: в Полтавской при населении 2 800 тыс. чел. 50% переселенцев дали уезды с населением всего 812 тыс. чел., в Харьковской – в уездах, где 839 тыс. чел. населения дали 67,5% общего числа переселенцев, а 1 671 тыс. чел. – всего 32,5%, в Киевской – 2 360 тыс. чел. дали 31% [12. С. 15]. На территории Алтайского округа общее число выходцев из Полтавской, Харьковской, Черниговской губерний составило 82 тыс. человек (4,1%) [13. С. 136].

В период реализации Столыпинской аграрной реформы данная ситуация сохранялась. В Черниговской губернии 60,5% общей массы ушедших в Сибирь в 1907 г. было выходцами из четырех уездов (Суражский, Мглинский, Черниговский, Городнянский), а

39,5% распределились между одиннадцатью остальными. В Полтавской губернии 50% переселенцев приходилось на пять уездов и 50% – на остальные десять. В Харьковской губернии из трех уездов ушло 67,5% от общей массы переселенцев и 32,5% – из остальных восьми. В Киевской губернии 69% дали пять уездов и 40% – семь уездов [14. С. 14].

Записанные семейные истории переселений украинцев на Алтай позволяют говорить о том, что слухи играли немаловажную роль в определяющих причинах переселения. Зачастую информанты рассказывали, что их предков приглашали ранее мигрировавшие родственники или бывшие односельчане [7]. К.В. Скобелев в своих работах определяет слухи и толки о Сибири как субъективные причины, создававшие дополнительный мотив для миграций [15. С. 51]. Бытовавшие рассказы о Сибири в красках описывали возможность самостоятельного выбора региона вселения, вольные земли, обильные урожаи служили побудительной причиной для переселения. Как отмечают корреспонденты, переселенцы, не посылавшие ходоков (19,3%), руководствовались выбором места вселения по слухам и письмам родственников, переселившихся ранее. Согласно данным добровольных корреспондентов текущей сельскохозяйственной статистики из 11 уездов Харьковской губернии, в 1910 г. в Сибирь переселилось по сообщению родных и близких 74%, по слухам – 11% семей [12. С. 30]. Так, в описании истории образования пос. Петропавловского Карасукской волости Барнаульского округа указывается, что «Поселок Петропавловский образован 3 семьями саратовцев Сердобского уезда и 1 пензяком Чембарского уезда. <...> В тоже время пришло 18 семей Харьковской губернии и уезда. <...> Дальнейшее заселение шло отчасти по вызовам письмами односельчан...» [12. С. 81]. Уже к 1894 г. в обозначенном поселке большинство населения составляли «полтавцы, затем много воронежцев и саратовцев, семей до 20-ти харьковцев, киевцев и т.д.» [12. С. 81].

Однако значительная часть переселенцев все же действовала законно – отправляла ходоков. Например, в 1910 г. было отправлено 258 ходоков от 1 235 семей, что составило 80,7% от общей массы переселенцев Харьковской губернии [12. С. 32]. Многие семейные истории переселений, записанные автором в ходе полевых этнографических экспедиций, содержат рассказы о ходоках: «Ходоки так назывались. Ездили ходоки. Назывались, и значит, просматривали место, где будет назначаться поселок. Там уже все приготовлено, колодцы выкопаны были. Ну, участки уже подготовлены для переселения» (Алексеенко Г.М.). Например, возвратившиеся ходоки Купянского уезда Харьковской губернии охарактеризовали Барнаульский уезд с положительной стороны – «отличается плодородием почвы» [12. С. 39]. Также следует отметить, что в большинстве случаев будущим переселенцам за осмотр участка и указание места для основания населенного пункта приходилось выплачивать ходоку значительные суммы. Так, в описаниях С.П. Швецова населенных пунктов Алтайского округа суммы, выплачиваемые ходокам, варьируются от 3 до 800 рублей. Это позволяет говорить о материальном состоя-

нии будущих мигрантов. Например, в 1894 г. ходоку Хорольского уезда Полтавской губернии 8 семей переселенцев заплатили 3 руб. с семьи [16. С. 71]. «Харьковцы посылали ходока, которому обязались уплатить за приискание участка 800 руб., пока уплатили уже 400 руб.» [16. С. 92]. Место для образования населенного пункта, выбранное ходоками, не всегда было пригодным для проживания. Например, 15 семей полтавских переселенцев, переселившихся в 1892 г. в пос. Ащегуль Покровской волости Барнаульского уезда, за осмотр участка и указание места ходоком заплатили по 15 руб. с семьи. При этом поселок располагался в ровной безлесной степи, обилующей солонцами, горькими и солеными озерами, с отсутствующим природным питьевым источником [16. С. 68]. Таким образом, даже определение места ходоком не означало, что выбранные свободные земли обладали необходимыми ресурсами – пригодной для земледелия почвой, лесом, пресными водными источниками.

Многим семьям украинских переселенцев определять место поселения приходилось в пути следования по сообщениям от других переселенцев. В материалах С.П. Швецова процесс заселения поселков выходцами из украинских губерний нередко описан так: «Харьковцы узнали про участок от проходивших мимо воронежцев, которые наткнулись на поселок несколько ранее» [16. С. 95]; «20 семей Харьковской губернии Лебедянского уезда, узнавших о новом поселке дорогой» [16. С. 128]. Вероятно, данная ситуация была характерна для самовольных украинских переселенцев, не имеющих официального разрешения на поселение в уездах Алтайского округа с указанием наименования населенного пункта.

Основная масса украинских переселенцев, как и выходцев из других европейских губерний, отправлялась в Сибирь, в том числе на территорию Алтайского округа в марте-мае, реже – в июне-июле на речном и гужевом транспорте, а со строительством железной дороги – на поезде [12. С. 41]. В памяти информантов сохранились лишь рассказы родителей о переезде на лошадях большими семьями, что, возможно, связано с возрастной категорией опрошенных (1920–1930 г. р.) и малой осведомленностью о процессе переселения своих предков. И.Л. Аношенко рассказывал: «Харьковская область, село Второй Леман оттуда они (предки. – *И.Л.*) приехали. Тогда еще там же помещики были и вот они работали у помещиков, а потом земли там мало было, и эту Сибирь начали осваивать, и вот они своим ходом на своих лошадях передвигались оттуда. Пробегут километров 50, останавливаются, кормят лошадей, сами кушают. И так они оттуда 4,5 тыщи километров. Вот они, наверное, полмесяца ехали» [7]. Т.Г. Кошун из с. Яготино Благовещенского района вспоминала: «На лошадях ехали... на телеге ехали. Да много ж, наверно [семей ехало]. Поди много уехало, вся Полтава. Не знаю я даже, не могу сказать. Врать не умею. Тогда не интересовались этим» [7].

Длительность нахождения в пути зависела от вида транспорта и варьировалась от 1 до 2 месяцев. Передвижение на гужевом транспорте требовало от переселенцев больших затрат физических сил. Незначи-

тельные денежные средства, полученные от продажи земельного надела и имущества на родине, не часто позволяли украинцам отправиться в Сибирь по железной дороге. Так, украинцы Харьковской губернии отмечали, что не всегда за проданную землю получали наличные деньги. Нередко скупщики отдавали лишь часть денег, остальную же сумму выдавали векселями, а иногда просто оставались должны [12. С. 11]. В связи с этим украинские переселенцы не имели достаточного количества денежных средств на дорогу. Отправившись в Сибирь на железнодорожном транспорте, украинские мигранты сталкивались с целым комплексом проблем: медленная погрузка в поезд, частые и продолжительные остановки, незнание железнодорожных расписаний [12. С. 29]. Наиболее распространенная жалоба переселенцев – на отсутствие благоприятных условий в вагонах поезда. Так, корреспондентами Харьковской земской управы было зафиксировано следующее: «не существует отхожих мест», «отсутствие клозетов в теплушках», «теснение», «сильный холод» [12. С. 29–30]. В пути следования (как на лошадях, так и на железнодорожном транспорте) среди переселенцев, в том числе и украинцев, исследователи отмечают высокий процент возникновения ряда заболеваний и как следствие высокой смертности.

До 1893 г. единой системы оказания переселенцам медицинской и продовольственной помощи в пути следования не существовало. Ситуация изменилась с 1892 г., когда с учреждением Комитета Сибирской железной дороги Александром III было ассигновано 125 400 рублей на строительство врачебно-продовольственных пунктов для мигрантов [17. С. 249]. Начинается активное строительство врачебных и фельдшерских пунктов на пути следования переселенцев в Томскую и Тобольскую губернии. Организация питания, медицинской и продовольственной помощи способствовала снижению заболеваемости и смертности среди переселенцев и значительно влияла на изменение санитарно-эпидемиологической обстановки [17. С. 249]. Ситуация улучшается в период реализации Столыпинской аграрной реформы. По пути следования переселенческих партий на железнодорожных станциях были организованы врачебно-продовольственные пункты, небольшие амбулатории, обсервационные пункты и дезинфекционные камеры [17. С. 250].

Продовольственная помощь сводилась к выдаче по линии движения переселенцев больным и детям до 10-летнего возраста бесплатных порций и к бесплатному кормлению больных детей. Сохранились воспоминания потомков украинских переселенцев о том, что по пути следования поезда маленьким детям выдавали на день один литр молока. Е.Я. Арендаренко рассказывала: «А потому что там земли было мало, а здесь Сибирь заселяли, вольные земли были. Вот куда ехали – кто поездом, а кто даже своим ходом... Это мать говорила, а ей уже мать рассказывала, что даже вот у кого маленькие дети, поездом ехали выдавали по литру молока в день на ребенка, ну чтоб только добирались до Сибири» [7]. В результате принятых мер произошло снижение заболеваемости

и смертности переселенцев в пути следования, что в свою очередь активизировало миграционный процесс в целом в Сибирь и на территорию Алтайского округа в частности.

В исторических исследованиях процесс переселений в Сибирь имеет четкий алгоритм с выделением этапов. Однако данная периодизация не отражает специфику рассматриваемого процесса относительно миграции украинского населения на территорию Алтайского округа. Основываясь на анализе переселенческой политики Кабинета, данных о числе пришедших на Алтай в обозначенный период автор выделил три основных этапа переселения украинцев в Алтайский округ: 1865–1888 гг., 1889–1905 гг., 1906–1917 гг. Имеющие источники позволяют охарактеризовать каждый из периодов, определить их особенности.

Первый этап заселения украинцами земель Алтая начинается с принятия указа от 30 июля 1865 г. «О водворении в Алтайский округ государственных крестьян», открывшего для переселенцев регион. Следует отметить, что первые украинские переселенцы на Алтае появились еще в 1830–1840 гг. в старожильческом с. Верх-Ануйское Смоленской волости Бийского округа. В 1860–1870-е гг. доля украинцев среди переселенцев в Алтайский округ составляла всего 3,5% [18. С. 19]. В 1877–1888 гг. в переселенческом движении принимали участие выходцы из 32 губерний Европейской части России. При этом наибольшее количество украинских переселенцев были выходцами из Харьковской губернии – 20 311 чел. [19. С. 8–9]. Харьковская губерния в рассматриваемый период занимала второе место после Курской губернии по количеству переселенцев, отправившихся в Сибирь. На первом этапе в Алтайском округе с преобладанием украинского населения было образовано 22 населенных пункта [20]. Переселенцам были доступны для заселения уже освоенные русскими крестьянами-старожилами земли Змеиногорского уезда, в меньшей степени – Барнаульского уезда. Украинцам приходилось «подселяться» в уже существующие населенные пункты Змеиногорского уезда. Села данного уезда располагались в предгорье на берегах горных рек. Данные природные условия не были знакомы украинцам и создавали дополнительные трудности при размещении в новых районах. Наиболее часто украинское население обращалось за помощью к начальнику Алтайского округа по причине наводнений, лишивших их продовольствия, хозяйственных орудий, скота и т.д.

Сложность адаптации к таким природным условиям провоцировала миграцию внутри региона. Зачастую, по рассказам информантов, уже образованный населенный пункт приходилось «переносить» в другое место, чтобы избежать материальных утрат. В то же время отличительной чертой первого этапа заселения украинцами Алтая являлись частые конфликты из-за лучших угодий и этнических различий между старожилами и переселенцами украинцами. Вопросы взаимоотношения старожилов и переселенцев-украинцев рассматривались автором в отдельной публикации «Представления об этнокультурных особенностях русского и украинского населения Алтая в

конце XIX – первой половине XX в.: по материалам этнографических экспедиций».

Делопроизводственная документация, а также данные обследования мест водворения переселенцев в Алтайском округе содержат информацию, характеризующую сложные взаимоотношения местного старожильского населения и более ранних переселенцев из центральных губерний России с украинскими переселенцами, возникавшие прежде всего из-за незаконного захвата земель последними. Например, жители с. Таловка Алейской волости Бийского уезда (переселенцы из России) так характеризовали возникшую ситуацию: «...идут споры с прибывшими хохлами Подольской губ., которые получили бланки Земельной Части на право заселения; причисленные жалуются на то, что они занимают места без разрешения “мира”, тогда как места эти им нужны самим для выгона и водопоя, и копают глубокие рвы, в которые падает и искалечивается скот» [16. С. 160].

Таким образом, первый этап характеризуется многочисленными и несистематическими переселениями украинцев на территорию Алтая, в большинстве своем представленными выходцами из Харьковской губернии, размещением их в уже образованных населенных пунктах Змеиногорского уезда, частыми конфликтами со старожилами по причинам земельного вопроса и этнокультурных различий.

Второй этап начинается с принятия закона от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», что урегулировало и активизировало переселенческий процесс. С 1890-х гг. переселения в Алтайский округ значительно увеличиваются, в том числе резко возрастает доля самовольных переселенцев, что в первую очередь связано со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали (1891 г.) и созданием Комитета Сибирской железной дороги (1892 г.), занимавшегося «вспомогательными мероприятиями» [21. С. 90], направленными на интенсификацию переселений и хозяйственное освоение прилегающих к железной дороге территорий. Материалы С.П. Швецова подтверждают рост переселений украинцев с этого времени. Значительная часть семей украинцев переселилась на территорию Алтайского округа с 1891 по 1894 г. [16]. С 1888 по 1892 г. в рассматриваемый регион из Харьковской, Полтавской, Черниговской и губерний русско-украинского приграничья – Курской, Воронежской – переселилось около 16 тыс. украинцев [22. Л. 16]. В 1892 г. Полтавская губерния дала наибольшее количество переселенцев, осевших в Алтайском округе – 937 семей, Харьковская – 446 [23. С. 140]. По данным Б.В. Тихонова, в первой половине 1890-х гг. среди жителей Алтайского округа украинцы составляли 56%, в отличие от середины 1880-х гг. – 16,1% [24]. Согласно Всеобщей переписи населения 1897 г. общее число украинцев в Алтайском округе из Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний составило около 82 тыс. чел. – 4,1% [22. С. 154–155.]. Уже с начала 1900-х гг. число переселявшихся украинцев в рассматриваемый

мый регион уменьшается. С 1889 по 1905 г. на территории Алтайского округа с преобладанием украинцев было образовано 35 населенных пунктов. При этом значительная их часть осела в степных волостях Барнаульского уезда – Карасукской, Нижне-Кулундинской и Касмалинской [20].

Второй этап позволяет говорить об активизации и увеличении численности украинских переселенцев на территории Алтая, значительная часть которых была представлена уже выходцами из Полтавской губернии. Было образовано большинство моноэтнических населенных пунктов на ранее не освоенных территориях Барнаульского уезда.

С принятием указа от 19 сентября 1906 г. «О предоставлении свободных земель в Алтайском округе» начинается третий этап заселения украинцев Алтайского округа. В 1907 г. Алтайским округом было передано в колонизационный фонд Главного управления землеустройства и земледелия 468 тысяч десятин, пригодных для заселения излишков, оставшихся за поземельным устройством старожильского населения Томского уезда, 648 тысяч десятин свободных земель из числа оброчных статей Барнаульского уезда [25. С. 10]. Отводимые для переселенцев участки земли существенно различались. Одни располагались вблизи железной дороги, лесных дач, естественных водных источников, другие – в безлесной и безводной местности – Кулундинской степи. По данным Списка населенных мест Сибирского края на территории Алтая в период с 1906 по 1917 г. было образовано 307 населенных пунктов с преобладанием украинского населения. В период реализации Столыпинской аграрной реформы наибольшее количество населенных пунктов, образованных украинцами (68), приходится на 1909 г. (рис. 1). Возможно, это связано с изменением переселенческой политики, в частности с введением в 1909 г. системы ограниченного ходачества, которая позволяла заселять участки выходцам из одних местностей, делало возможным одновременное групповое зачисление и водворение мигрантов на участки и более равномерное развертывание угодий между водворяющими хозяйствами [26. С. 79]. Активизации переселений могли способствовать укрепление хозяйств ранее переселившихся украинских семей на Алтае и связь с родственниками на Украине – приглашение на новые земли.

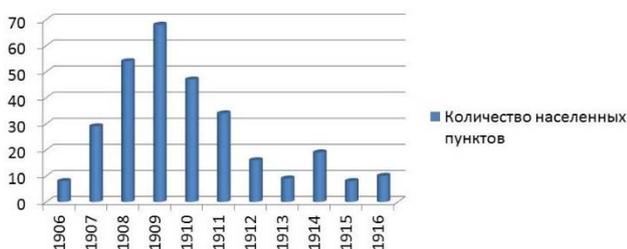

Рис. 1. Количество населенных пунктов, образованных на Алтае в период реализации Столыпинской аграрной реформы, с преобладанием украинцев) (сост. авт. по: [20])

Основной зоной размещения украинского населения в рассматриваемый период стала северо-западная степная часть Алтайского округа. Согласно

данным переписи 1920 г. наибольшее количество украинцев зафиксировано в Славгородском уезде – 28 817 тыс. чел., Каменском – 7 360, в меньшей степени Змеиногорском – 3 429, Барнаульском – 3 156, Бийском – 784 тыс. чел. Новые украинские поселки стали образовываться в менее благоприятной местности для ведения хозяйства – необжитой Кулундинской степи с жарким и засушливым климатом. Поселки быстро разрастались, привлекая новые потоки переселенцев. Самый быстрый рост украинского населения отмечался в Славгородском уезде, в котором за десять лет (1906–1916 гг.) было образовано 292 населенных пункта с преобладанием украинцев [26. С. 116].

Большая часть украинцев переселилась в Алтайский округ в период реализации Столыпинской аграрной реформы. Так, доля украинских мигрантов второй половины XIX в. – 1906 г. составило 22,04%, с 1907 по 1917 г. – 31,21% от общего количества переселенцев (табл. 2). На протяжении рассматриваемого периода в процентном соотношении по губерниям выхода украинцев сложилось следующее распределение: Полтавская – 17,7%, Харьковская – 10,3, Черниговская – 10,74, Екатеринославская – 4,78, Киевская – 3,94, Таврическая – 3,59, Херсонская – 2,92, Волынская – 1,23, Подольская – 0,51, Бессарабская – 0,2%.

Таблица 2
Распределение столыпинских переселенцев, водворившихся в Алтайском округе, по губерниям выхода в сравнении с мигрантами второй половины XIX в. – 1906 г., %

Губерния	Втор. пол. XIX в. – 1906 г.	1907–1917 гг.
Полтавская	9,30	7,77
Черниговская	5,03	5,71
Киевская	0,70	3,24
Волынская	0,12	1,11
Подольская	0,14	0,37
Харьковская	3,88	6,15
Екатеринославская	0,43	4,35
Таврическая	0,35	3,24
Херсонская	0,23	2,69
Бессарабская	0,02	0,18

Для данного этапа характерны активные масштабные и систематизированные переселения украинцев на Алтай в районы Кулундинской степи. Именно на этом этапе было образовано наибольшее количество украинских населенных пунктов, при том значительная их часть были моноэтническими. Наибольшее количество украинцев, как и на втором этапе, были представлены выходцами из Полтавской губернии. Следует отметить, что именно в это время в рассматриваемый регион переселилась основная доля украинцев.

С 1865 по 1917 г. вновь образованные украинцами населенные пункты в большинстве своем получали названия по первым поселенцам (например, Тарасенко, Гришино, Александровский, Анисимовский и т.д.), местам выхода (напр. Черниговский, Таврический, Херсоновка и т.д.), в том числе распространены наименования с приставкой ново- (например, Ново-Вознесенка, Ново-Покровка, Ново-Голубино и т.д.). И.А. Воробьева отмечает, что украинцы на территории Алтая не создавали своей топонимической систе-

мы и в большинстве случаев пользовались русскими названиями [27. С. 11]. Однако украинская топонимия оказывала влияние на уже сложившуюся русскую, прежде всего переносом готовых украинских топонимов на создаваемые здесь населенные пункты. В воспоминаниях информантов часто встречаются рассказы о том, что название новому поселку давали такое же, как и селу, из которого приехали переселенцы. Т.Г. Кошун рассказывала, что ее бабушка с дедушкой были первыми в числе переселенцев, основавших в 1909 г. село Яготино Благовещенского района. Название новому селу дали, «потому что на Украине было так. Где жили – Яготин там, и тут назвали Яготин. Да, да так и называлы» [7].

Анализ обследованных в ходе историко-этнографических экспедиций районов позволили Т.К. Щегловой выделить на территории современного Алтайского края три типа расселения украинского населения: 1) компактного (степная зона края в период реализации Столыпинской аграрной реформы); 2) локального, где украинские села расположены среди русских, немецких сел (переселения конца XIX – начала XX в.); 3) дисперсного (разные районы края), что позволяет обозначить зоны размещения украинцев в рассматриваемом регионе [26]. В основу выделения таких зон положен принцип бытования компонентов культуры переселенцев со сформированными внутриэтническими связями, с сохранением той или иной степени исторического самосознания (ядро зоны) и постепенным угасанием этничности, забвением и потерей этнической идентичности (периферия) [28. С. 74]. Ядром зоны расселения украинцев, по материалам Т.К. Щегловой, являются Родинский и Романовский районы, также к ним, согласно полевым материалам автора, можно отнести Благовещенский и Кулундинский районы; Алейский, Поспелихинский, Новичихинский, Егорьевский, Рубцовский районы относятся к периферии, в том числе Мамонтовский, Панкрушихинский, Крутихинский, Красногорский, Топчихинский [28. С. 75].

Анализ отечественной и украинской литературы, имеющиеся архивные и полевые источники позволили определить основные причины миграции украинского населения на территорию Алтайского округа с 1965 по 1917 г. К ним относятся неэффективность существующей модели сельского хозяйства, демографический рост и появление лишней рабочей силы в

аграрном секторе. Решение вопроса безземелья за счет расширения посевных площадей, вырубке лесов не имело положительного результата и как следствие этого низкий материальный доход явились определяющими факторами в решении украинского крестьянства к миграции в отдаленные территории Российской империи. Следует отметить второстепенные, но в то же время важные события, которые также спровоцировали массовые переселения в Сибирь и в Алтайский округ в частности. Строительство железной дороги, создание системы оказания медицинской и продовольственной помощи переселенцам в пути следования, многообразие слухов и толков о вольных, свободных землях создавали дополнительный мотив.

При выделении трех этапов переселения украинского населения на территорию Алтайского округа первостепенную роль следует отнести изменению законодательства относительно открытия региона и регулированию общероссийского процесса переселения. Архивные и полевые материалы позволили определить районы размещения украинцев в рассматриваемый период с учетом географической специфики. Первый этап (1865–1888 гг.) характеризуется немногочисленными и несистематическими переселениями с преобладанием выходцев из Харьковской губернии, размещением в ранее освоенных землях русскими крестьянами Змеиногорского и в меньшей степени Барнаульского уездов; второй (1889–1905 гг.) – увеличением численности украинских переселенцев, значительная часть которых была представлена выходцами из Полтавской губернии, осевших в степных волостях Алтайского округа (Карасукской, Нижне-Кулундинской и Касмалинской). Данный этап также отличается увеличением незаконных мигрантов. Особенности третьего этапа (1906–1917 гг.) являются резкий рост численности украинских мигрантов и количества населенных пунктов с преобладанием украинцев (в это время было образовано 307 населенных пунктов с преобладанием украинского населения), освоение северо-западной степной части Алтайского округа, неблагоприятной для ведения хозяйства.

Таким образом, с 1865 по 1917 г. наблюдается активный процесс формирования украинского населения на территории Алтайского округа в ходе ряда переселений, увеличения численности украинцев в регионе, а также появления компактных районов размещения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под украинцами понимаются группы восточных славян, проживающих в юго-западных губерниях Российской империи и губерниях русско-украинского пограничья, относящих себя к малороссам, украинцам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеглова Т.К. Народы Алтая в прошлом и настоящем: численность, размещение, этнокультурный состав, этноконтактные зоны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 23. С. 97–107.
2. Минжуренко А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. 244 с.
3. Брук С.И., Кабузан В.М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII – начале XX в. // Советская этнография. 1981. № 5. С. 15–31.
4. Бойко О.Д. Історія України. Київ, 2002. 656 с.
5. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2265.
6. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2323.
7. Архив Центра устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002–2017 гг.
8. Кауфман А.А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М., 1898. 49 с.

9. Белянин Д.Н. Факторы крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 100–107.
10. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века / отв. ред. А.Л. Сидоров. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 600 с.
11. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. 588 с.
12. Переселенческое движение из Харьковской губернии в 1910 г. (по сообщениям добровольных корреспондентов текущей сельскохозяйственной статистики). Харьков, 1912. 68 с.
13. Шайдуров В.Н., Арляпов П.Ю. Миграция украинцев на Алтай в 1880–1890-е годы // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск, 2006. С. 134–137.
14. Вопросы колонизации. СПб., 1909. № 5. 430 с.
15. Скобелев К.В. Роль слухов в формировании у российских крестьян идеалистического представления о Сибири (1861–1917 гг.) // Вестник Омского юридического института. 2009. № 2 (11). С. 15–19.
16. Швецов С.П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: результаты статистического исследования в 1894 году. Т. 4. Вып. 2: Описание переселенческих поселков. Барнаул, 1899. 559 с.
17. Шуляк Е.В. Переселения за Урал: медицинская и продовольственная помощь переселенцам, следующим в Сибирь (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Сборник материалов третьей региональной музейной конференции «Гороховские чтения». Челябинск, 2012. С. 248–254.
18. Якименко Н.А. Аграрные миграции в России (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 17–31.
19. Силина И.Г. Динамика и интенсивность миграционных процессов во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Алтайского округа // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2004. С. 3–11.
20. Список населенных мест Сибирского края. Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928. С. 327–759.
21. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX в. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2009. 403 с.
22. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 741.
23. Липин А.М. Украинские переселенческие поселки на Алтае (конец 80-х – начало 90-х гг. XIX в.) // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 139–144.
24. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. М. 1978. 208 с.
25. Вопросы колонизации. СПб., 1908. № 2. 492 с.
26. Столыпинские мигранты в Алтайском округе / В.Н. Разгон, А.А. Храмов, К.А. Пожарская. Барнаул. 2013. 348 с.
27. Воробьева И.А. К вопросу о взаимодействии языков в топонимии Алтая // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1981. С. 3–16.
28. Щеглова Т.К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2011. С. 72–83.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2020 г.

The Formation of Ukrainian Population in the Altai Okrug During the Resettlements of 1865–1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 155–163.

DOI: 10.17223/15617793/460/19

Natalya V. Lyulya, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: natalyalulya@mail.ru

Keywords: Ukrainians; Altai Okrug; resettlements; resettlement types.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-09-0487.

This article aims to explore the resettlement and formation of the Ukrainian population in Altai in 1865–1917 from a complex historical-geographic point of view. For achieving this aim, the following objectives were set: to reveal the main reasons of Ukrainian population's migration mobility in traditional places of their living; to identify factors influencing their choice of settlement and formation of settlements in the new territory; to highlight the stages of settlement; to map zones of settlement of Ukrainians in the territory of Russian Altai. The source base of the research consists of legislative acts, statistical data from the State Archive of Altai Krai. Of special significance are accounts on the directions, general outputs and activities of the Resettlement Department during Stolypin's agrarian reform, and periodicals. A specific and complementing group of sources is the fieldwork data collected by the author and other staff of the Oral History and Ethnography Center at Altai State Pedagogical University in Altai Krai in areas of Ukrainian settlement (Romanovsky, Volchikhinsky, Pankrushikhinsky, Egoryevsky, Krutikhinsky, Krasnogorsky, Rodinsky Districts) and partially in Qarasouk District in Novosibirsk Oblast; more than 120 interviews in total. The analysis of the sources allowed determining and describing the main factors of the Ukrainian population's mass resettlement to Siberia, particularly to Altai, in the given time frame. The objective factors were the shortage of land for cultivation caused by the crisis of existing land usage, the rapid increase of land-poor peasants, the worsening of peasants' material stand in Ukrainian regions. The subjective factors were the construction of railways, the introduction of the system of medical and food assistance for resettlers on their way to new locations, rumors about free land that made peasants leave their homeland and migrate to new non-cultivated territories. The Ukrainian resettlement to Altai may be divided into three main stages: 1865–1888, 1889–1905, 1906–1917, taking into account the specificity of each stage and mapping the main zones of the Ukrainian resettlement. The zones were allocated based on the existence of the resettlers' culture with sustained intra-ethnic connections, with the preserved (in some degree) historical self-consciousness (the nuclear zone is Rodinsky, Romanovsky, Blagoveshshensky and Kulundinsky Districts), and the gradual extinction of ethnicity, oblivion and loss of ethnic identity (the periphery is Aleysky, Pospelikhinsky, Novichikhinsky, Egoryevsky, Rubtsovsky, Mamontovsky, Pankrushikhinsky, Krutikhinsky, Krasnogorsky, Topchikhinsky Districts).

REFERENCES

1. Shcheglova, T.K. (2015) Altai Peoples in the Past and at the Present Days: Population, Distribution, Ethnocultural Population Structure, Ethnocontact Areas. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 23. pp. 97–107. (In Russian).
2. Minzhurenko, A.V. (1977) *Pereselencheskaya derevnya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v* [The resettler's village of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Tomsk.
3. Bruk, S.I. & Kabuzan, V.M. (1981) Chislennost' i rasselenie ukrainskogo etnosa v XVIII – nachale XX v. [The number and settlement of the Ukrainian ethnos in the 18th – early 20th centuries]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 15–31.
4. Boyko, O.D. (2002) *Istoriya Ukraini* [A History of Ukraine]. Kyiv: Akademiya.
5. State Archive of Altai Krai (ГААК). Fund 4. List 1. File 2265.

6. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 4. List 1. File 2323.
7. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Local History of Altai State Pedagogical University. Fund 1. *Materials of Historical Ethnography Expeditions of 2002–2017*. (In Russian).
8. Kaufman, A.A. (1898) *K voprosu o prichinakh i veroyatnoy budushchnosti russkikh pereseleniy* [On the question of the reasons and the probable future of Russian migrations]. Moscow: t-vo tip. A.I. Mamontova.
9. Belyanin, D.N. (2014) Factors of Peasant Resettlement to Siberia in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 100–107. (In Russian).
10. Dubrovskiy, S.M. (1963) *Stolypinskaya zemel'naya reforma: Iz istorii sel'skogo khozyaystva i krest'yanstva Rossii v nachale XX veka* [Stolypin land reform: From the history of agriculture and the peasantry of Russia at the beginning of the 20th century] Moscow: USSR AS.
11. Sklyarov, L.F. (1962) *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody Stolypinskoy agrarnoy reformy* [Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Leningrad State University.
12. Anon. (1912) *Pereselencheskoe dvizhenie iz Khar'kovskoy gubernii v 1910 g. (po soobshcheniyam dobrovol'nykh korrespondentov tekushchey sel'sko-khozyaystvennoy statistiki)* [The resettlement movement from Kharkiv province in 1910 (according to reports of volunteer correspondents of current agricultural statistics)]. Kharkiv.
13. Shaydurov, V.N. & Arlyapov, P.Yu. (2006) Migratsiya ukrainsev na Altay v 1880–1890-e gody [Migration of Ukrainians to Altai in the 1880s–1890s]. In: Zverev, V.A. (ed.) *Obraz Sibiri v obshchestvennom soznanii rossiiyan XVIII – nachala XXI v.* [The Image of Siberia in the Public Consciousness of Russians in the 18th – early 21st Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 134–137.
14. Chirkin, G.F. & Gavrilov, N.A. (eds) (1909) *Voprosy kolonizatsii* [Issues of colonization]. Vol. 5. St. Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina.
15. Skobelev, K.V. (2009) Rol' slukhov v formirovaniy u rossiyskikh krest'yan idealisticheskogo predstavleniya o Sibiri (1861–1917 gg.) [The role of rumors in the formation of an idealistic view of Siberia among Russian peasants (1861–1917)]. *Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta*. 2 (11). pp. 15–19.
16. Shvetsov, S.P. (1899) *Materialy po izsledovaniyu mest vodvoreniya pereselentsev v Altayskom okruge: rezul'taty statisticheskago izsledovaniya v 1894 godu* [Materials on the study of the places of settlement of settlers in Altai Okrug: the results of a statistical study in 1894]. Vol. 4. Is. 2. Barnaul: [s.n.].
17. Shulyak, E.V. (2012) [Resettlement beyond the Urals: medical and food assistance to migrants traveling to Siberia (1880s – early 20th century)]. *Gorokhovskie chteniya* [Gorokhov Readings]. Conference Proceedings. Chelyabinsk: [s.n.]. pp. 248–254. (In Russian).
18. Yakimenko, N.A. (1983) Agrarnye migratsii v Rossii (1861–1917 gg.) [Agrarian migration in Russia (1861–1917)]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 17–31.
19. Silina, I.G. (2004) Dinamika i intensivnost' migratsionnykh protsessov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. na territorii Altayskogo okruga [Dynamics and intensity of migration processes in the second half of the 19th – early 20th centuries on the territory of Altai Okrug]. In: *Altayskaya derevnya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Altai village in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul: [s.n.]. pp. 3–11.
20. Siberian Regional Executive Committee Statistics Department. (1928) *Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya* [List of populated areas of Siberian Krai]. Vol. 1. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 327–759.
21. Shilovskiy, M.V. (ed.) (2009) *Rol' gosudarstva v osvoenii Sibiri i Verkhnego Priirtysh'ya v XVII–XX v.* [The role of the state in the development of Siberia and the Upper Irtysh region in the 17th–20th centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
22. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 3. List 1. File 741.
23. Lipin, A.M. (1999) Ukrainskie pereselencheskie poselki na Altai (konets 80-kh – nachalo 90-kh gg. XIX v.) [Ukrainian resettlement villages in Altai (late 1880s – early 1890s)]. *Kraevedcheskie zapiski*. 3. pp. 139–144.
24. Tikhonov, B.V. (1978) *Pereseleniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v.* [Resettlement in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: Nauka.
25. Chirkin, G.F. & Gavrilov, N.A. (eds) (1908) *Voprosy kolonizatsii* [Issues of colonization]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina.
26. Razgon, V.N., Khramkov, A.A. & Pozharskaya, K.A. (2013) *Stolypinskie migranty v Altayskom okruge* [Stolypin migrants in Altai Okrug]. Barnaul: Azbuka.
27. Vorob'eva, I.A. (1981) K voprosu o vzaimodeystvii yazykov v toponimii Altaya [On the interaction of languages in Altai toponymy]. In: *Yazyki i toponimiya Altaya* [Languages and Altai toponymy]. Barnaul: Altai State University. pp. 3–16.
28. Shcheglova, T.K. (2011) [Russians, Ukrainians, Germans, Kazakhs of the steppe west of Altai Krai: the formation of a resettlement historical and ethnographic area and a rural cultural landscape (materials for the historical and ethnographic atlas of Altai Krai)]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Conference Proceedings. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 72–83. (In Russian).

Received: 26 March 2020

И.Н. Стрекалов, А.А. Фокин

«КАЖДАЯ СТРОЧКА ПРОЕКТА НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ ПРОНИКНУТА ЗАБОТОЙ О СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И МОРАЛИ В ОБСУЖДЕНИИ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ 1977 г.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

Принятие Конституции 1977 г. сопровождалось Всенародным обсуждением, в ходе которого было высказано множество предложений об изменении и дополнении различных статей проекта Конституции. На основе анализа материалов выявлены различные представления граждан о принципах справедливости при социализме. Отмечается, что частым мотивом в предложениях было стремление людей восстановить справедливость (социальную, гендерную, экономическую и др.) и закрепить в Конституции более справедливое устройство советской системы.

Ключевые слова: Конституция 1977; советское общество; моральная экономия; письма во власть; советское общество.

15 января 2020 г., выступая с Посланием Федеральному собранию РФ, Владимир Путин предложил внести поправки в Конституцию РФ. Инициатива Президента привела к тому, что стало поступать значительное количество предложений, связанных с желанием отдельных людей или групп населения закрепить в Основном законе страны определенные положения. Часть этих предложений попала в окончательную редакцию, а остальные были отклонены. Но этот процесс показывает, что многие воспринимают Конституцию не только как юридический документ, но и как механизм преобразования действительности.

Схожие явления можно обнаружить и при анализе разработки и принятия Конституции 1977 г. Традиционно этот документ рассматривался или в рамках политической истории, или как часть истории государства и права. Первые попытки осмысления всенародного обсуждения Конституции были сделаны еще в советский период [1, 2], но они носили не критический характер и ориентировались на подтверждение правильности курса партии и правительства. В постсоветской историографии точка зрения на всенародное обсуждение Конституции резко поменялась. Утвердилась идея, что участие населения носило чисто формальный и декоративный характер в рамках тоталитарного советского режима [3–5]. В последнее время происходит пересмотр такой позиции: так, в своей диссертации И.В. Иванов пишет, что общественное обсуждение выполняло следующую цель: «выявление мнения граждан относительно того или иного вопроса, имеющего государственное либо местное значение» [6. С. 195]. Е.А. Казаков анализирует материалы оппозиции, выработанные в ходе обсуждения проекта Конституции 1977 г. Хотя представители оппозиции не видели возможности конструктивного сотрудничества с советским режимом, активное обсуждение позволило им структурировать свои политические позиции и это стало базой для формирования политических организаций в период перестройки [7. С. 51].

Наш тезис заключается в том, что всенародное обсуждение Конституции 1977 г. было одним из механизмов взаимодействия власти и общества. Власть со своей стороны стремилась мобилизовать население;

такие мобилизационные компании в СССР проводились регулярно, например, в рамках выборов в Верховный Совет СССР или проведения съездов КПСС. Различные группы населения, в свою очередь, старались использовать возможность коммуникации с властью для решения собственных проблем. Такой подход к позднесоветскому обществу как сложному коммуникативному полю, где действует множество акторов, позволяет поставить вопрос о формировании нового аналитического языка описания советского проекта в целом и позднесоветского периода в частности, а также даст основания оспорить ряд устоявшихся стереотипов, например, о гомогенности советского общества, когда во многих работах понятию «власть» противопоставляется понятие «общество» как нечто единое и монолитное. Анализ предложений граждан показывает, что в советском обществе существовало множество групп и точек зрения, поэтому вместо единомыслия лучше говорить о разномыслии. Борис Фирсов, который предлагает использовать категорию разномыслия, отмечает: «Человек начинал видеть и осознавать свою позицию на фоне позиций других; более того, он получал возможность модифицировать свою позицию, видя, куда склоняется барометр мнений» [8. С. 354]. Такая точка зрения служит основанием для критики еще одной популярной концепции – Homo soveticus (человек советский). Появившись в работах эмигрантов (Михаила Геллера [9] и Александра Зиновьева [10]), эта концепция становится важным элементом в работах Юрия Левады [11]. Концепция Homo soveticus предполагала наличие пассивных и безынициативных людей, которые являлись скорее объектами, чем субъектами общественной жизни. Алексей Юрчак отмечает: «Если в подобных описаниях и допускается, что у советского субъекта могла иметься собственная воля, голос этого субъекта все равно во внимание не принимается, поскольку из-за притеснений и страха этот голос якобы не может считаться истинным» [11. С. 39]. По мнению Алексея Юрчака, такой подход связан с господством бинарных оппозиций (советское – антисоветское, цензурное – неподцензурное, искреннее – фальшивое и т.д.) при анализе советского прошлого [12].

В данной статье на основе одного кейса, связанного с принятием Конституции 1977 г., будет продемонстрировано, что бинарный подход является существенным упрощением при анализе советской системы и не может в полной мере описывать взаимодействие власти и населения. Особенно это актуально применительно к позднесоветскому периоду, когда возникает необходимость поиска новых механизмов мобилизации населения. В рамках методологии истории повседневности стоит обратить внимание именно на голоса «снизу», что позволит выявить множественные точки зрения на советскую систему, ее достоинства и недостатки.

Основные материалы Всенародного обсуждения проекта Конституции 1977 г. хранятся в фонде Верховного Совета СССР Государственного архива Российской Федерации (Ф. 7523 ГА РФ). На практике люди отправляли свои предложения в адрес ВС СССР, ЦК КПСС, редакции газет и т.п. В аппарате Президиума находилась специальная группа сотрудников, которой было поручено разбирать, анализировать содержание писем и выявлять конкретные предложения. Следует понимать, что не всегда письма содержали их – это могли быть рассказы о личной жизни, написанные под видом интереса к Конституции, просьба решить конкретную житейскую проблему; иные присылали с письмом школьную тетрадку, в которой писали свой «проект Конституции»; наконец, были вполне содержательные послания, в которых высказывались конкретные предложения. Со всем этим многообразием людей и их мыслей приходилось сталкиваться сотрудникам аппарата Президиума Верховного Совета СССР.

Отдельно необходимо отметить и сопроводительную делопроизводственную документацию, составленную сотрудниками аппарата Президиума Верховного Совета СССР. Так, все предложения обобщались в справки по обращениям граждан, которые направляли или в Редакционную подкомиссию Конституционной комиссии, или председателю Комиссии лично. В справке указывались краткое содержание предложения, его автор и место его нахождения. Предложения систематизировались по группам в зависимости от того, к какой сфере они относились (государственный и общественный строй, права и свободы, органы власти и пр.). Автору письма при этом в ответ направляли лаконичную формулировку о принятом предложении: в ряде случаев писали, что оно просто принято, в остальных – принято и будет рассмотрено. Думается, исходя из характера проанализированных писем, что в первом случае сведения о предложении просто приобщались к делу, а во втором – анализировались и включались в справку. На анонимные письма, естественно, ответы не давались, однако их содержание также могло быть отражено в обобщающей справке.

Помимо письменных предложений частью всенародного обсуждения были и устные выступления. Они входили в краткой форме (по существу предложения; иногда сопровождалась комментарием, оценочными суждениями автора) в обобщающие сводки в виде извлечений, выражавших конкретные предло-

жения к Конституции. Сводка составлялась в виде таблицы, в колонках которой содержались следующие сведения: само предложение, его автор (ФИО, социальный статус), место внесения предложения (радио, газета, публичное мероприятие, собрание), количество аналогичных данному предложений. По итогам выступлений о проекте Конституции на соответствующем уровне территориальной власти создавалась сводка по первичной информации, поступившей от местных органов, затем она подавалась в вышестоящий территориальный орган, а оттуда – в обобщенном виде – в союзную республику, которая направляла материал в Президиум Верховного Совета СССР. Последний обобщал все предложения по порядку, в котором шли статьи в проекте Конституции, и создавал информационную сводку по административно-территориальным образованиям за определенный промежуток времени, которая поступала с сопроводительным письмом в ЦК КПСС перечисленным отдельным списком лицам (в том числе, конечно, сотрудникам аппарата Президиума) для дальнейшего рассмотрения. Примечательно, что в Президиум ВС СССР поступали и сводки с партийных собраний, которые, разумеется, отдельно отслеживались по линии органов КПСС, начиная от местных и заканчивая Центральным комитетом.

Для того чтобы определить место всенародного обсуждения проекта Конституции СССР в контексте истории конституционной реформы 1960–1970-х гг., необходимо обратиться к периодизации этого важного общественно-политического процесса позднесоветского периода. Авторы данной статьи придерживаются подхода, согласно которому возможно выделить четыре этапа конституционной реформы [13. С. 31–76]: первый, хрущёвский (1962–1964 гг.), и три последующих в рамках брежневской эпохи: 1968–1972 гг., 1973–1974 гг. и март–октябрь 1977 г. Поскольку известно, что при Н.С. Хрущёве проект Конституции собирались выносить на обсуждение (вероятно, на партийном уровне, но не исключено, что и на всенародном) к концу 1964 г., а сам факт создания Конституционной комиссии при Верховном Совете СССР еще весной 1962 г. был публично оглашен, советские граждане испытывали определенный интерес к проекту, присылали свои предложения, замечания, даже целые многостраничные проекты. Однако приостановка работы над проектом после смещения Н.С. Хрущёва, долгое молчание со стороны печати и средств массовой информации пробуждали в отдельных гражданах интерес к вопросу о принятии Конституции. Поэтому, несмотря на отсутствие работы над проектом Конституции (насколько это следует из источников, имеющихся в нашем распоряжении на сегодняшний день), имели место «конституционные ожидания» в 1965–1967 и в 1974–1976 гг.: поступали письма в Президиум ВС СССР с предложениями о том, что стоило бы возобновить работу над проектом, а поток разнообразных предложений и суждений по этому вопросу в формате писем не прекращался ни на один год. На втором и третьем этапах реформы проект Конституции, его отдельные положения по разным причинам разрабатывались вне публичного про-

странства партийными органами и уполномоченными на то сотрудниками аппарата Президиума ВС СССР. Инициатива граждан, таким образом, будучи проявленной, оставалась учтенной, но публичного ответа в их адрес со стороны власти не последовало. Наконец, в 1977 г., в том числе в связи с завершением формирования идеологии развитого социализма, установлением политической стабильности на вершине власти – в Политбюро ЦК КПСС – и грядущим 60-летием Октябрьской революции руководством страны было решительно инициировано ускорение завершения работы над проектом Конституции СССР. Сотрудники аппарата Президиума ВС СССР по партийному заданию подготовили проект. Весной 1977 г. публично вновь было сказано о составе Конституционной комиссии (который уже не в первый раз был обновлен), прошел Пленум ЦК КПСС. Обо всем этом говорилось на всю страну. Таким образом, простым гражданам наконец-то снова было дано знать о возможности, необходимости и важности проявления инициативы – органы власти организовали всенародное обсуждение, которое растянулось на несколько месяцев. Именно на этом, четвертом этапе реформы, продолжавшемся в течение 1977 г., советские граждане получили наибольшую, чем когда-либо в истории реформы (хотя их предложения учитывались при составлении вариантов проектов и ранее), открытую возможность реализовать свои устремления, представить свое видение проблем, существующих в обществе и государстве, а также решение, выразив их в форме предложений о поправках в конституционный проект. Рассмотрение позиций советских граждан в этом свете и представляется насущной задачей настоящего исследования.

Анализируя материалы всенародного обсуждения, можно отметить, что хотя критические замечания в адрес советской системы в целом и встречались, но их количество не очень большое. Конечно, открыто высказывать свое недовольство режимом решались не все, но, даже делая поправку на это, можно сказать, что большинство граждан было лояльно настроено к советской системе. Следует отметить, что некоторое время выходил бюллетень «Вокруг проекта Конституции СССР. Голоса тех, кто не согласен, критикует, спорит». Бюллетень был инициирован бывшим генералом Петром Григоренко (1907–1987), а редактировался Раисой Лерт (1906–1985). Всего вышло пять номеров. В них печатались письма с предложениями поправок, которые не были напечатаны в официальных СМИ. При этом спектр критических замечаний был широк: верующие жаловались на запрет религиозной пропаганды при одновременном разрешении и фактической государственной поддержке пропаганды атеистической, многие авторы подчеркивали необходимость десталинизации на уровне законодательства [7. С. 47]. Следует отметить, что расхождение между положениями Конституции и реальной правоприменительной практикой фиксируется не только в текстах диссидентов-интеллигентов, но и в фольклоре, который отражает представления на низовом уровне: «В новой Конституции есть все права, кроме одного – права на их реализацию»; «Приходит грузин

в ресторан, берет меню и говорит официанту: “Принесите мне, пожалуйста, шашлык”. – “Шашлыков, к сожалению, нет”. – “Но ведь в меню есть”. – “В меню есть, а на самом деле нет”. – “Тогда дайте бастурму”. – “Бастурмы, извините, тоже нет”. – “Но в меню же есть”. – “меню есть, а на самом деле нет”. – “Ну дайте тогда суп харчо”. – “И харчо нету”. – “Послушай, дорогой, это у тебя меню или Конституция СССР?!”» [14. С. 664–665].

Были и мнения, в которых полностью одобрялся проект Конституции с опорой на собственные наблюдения за тем, как развивается жизнь в стране. И.С. Михайлов, механизатор Кушнаренковского районного объединения «Сельхозтехника» (Башкирская АССР), одобряя проект Конституции, на собрании рабочих и служащих в августе 1977 г. заявил: «Более 40 лет работаю в районном объединении “Сельхозтехника”, и все успехи достигнуты на моих глазах. Начинали работать с несколькими тракторами, а сейчас их у нас сотни, и их мощность в сотни раз сильнее, да и работать на них удобнее. Это ли не достижения нашего строя?» [15. Л. 145]. Тем самым подводились итоги исторического развития страны, Конституция воспринималась как отражение достижений, того, что сделано в государстве для блага людей за долгие годы.

Большинство предложений касалось изменения конкретных аспектов жизни внутри системы, а не ее кардинальной перестройки. Хотя некоторые авторы и предлагали свой взгляд на изменения государственного устройства. Например, пенсионер П.И. Алисов (г. Липецк) предлагал закрепить отчетность депутатов Советов перед избирателями не менее двух раз в год. Он обосновывал это собственными наблюдениями над деятельностью депутатов: «За мою бытность избирателем я еще ни разу не слушал депутатского отчета перед избирателями, ни большого (в Верховный Совет), ни маленького – в местный Совет... И выходит, что депутаты в течение избирательного срока действуют бесконтрольно со стороны Народа, и даже в таких случаях, когда они прежде, чем решить, должны посоветоваться с Народом» [16. Л. 12–12 об]. Видимо, такое предложение было связано с ощущением того, что связь между гражданами и избранными ими депутатами несколько ослабевает, становится формальной. Представленное конкретное предложение было выделено карандашом сотрудника аппарата Президиума в тексте подлинника письма. Были и не просто критические замечания или предложения, но и волеизъявления граждан, направленные на, как им представлялось, конструктивную поддержку основ государственной власти. Так, Ш.Ю. Аминов (г. Ленинград), рабочий, в письме от 27 августа 1977 г. предложил изменить структуру Верховного Совета СССР, создав вместо двух палат – Совета Союза и Совета Национальностей – одну палату «Совет Союза и Национальностей», мотивируя это тем, что существующие палаты равноправны, состоят из равного числа депутатов, избираются представителями всех 15 союзных республик: «Неужто то, что могут решать 1 500 и 2 000 депутатов обеих палат, не смогут решить 700 депутатов Совета Союза и Национальностей

на своем заседании?.. Недаром говорят, что мал золотник, да дорог. Пусть наших 700 депутатов будут мало, но зато они будут золотом!» [16. Л. 56]. Аминов выразил надежду на то, что его предложение к проекту Конституции послужит ему «пропуском» на заседания палат Верховного Совета, чтобы посмотреть, как они работают. Дальше он писал похвалу себе и в адрес советского руководства: «Аминов я Татарин, Шакур я Советянин! Я ведь Советский рабочий! Основа, фундамент и мощь всего Советского государства! Основа, фундамент и мощь самого передового, самого гуманного человеческого архитектурного здания...» [16. Л. 56]. Аминов в связи с такой позицией выдвинул ряд предложений по более общим вопросам конституционного проекта. Например, начать Конституцию он предлагал такими словами: «Каждый день моего, т.е. нашего труда, это воплощение Ленинского ума! А каждый миг моего, т.е. нашего ума, это воплощение Ленинского труда!» [16. Л. 57]. Всенародное обсуждение он предлагал продлить еще на месяц, поскольку считал, что Конституция от этого только «выиграет». Аминов выражал надежду в конце письма: «Я надеюсь, что мои письма с предложениями попадут в руки не бюрократам, холодным и полусонным. А они попадут к истинным сынам и дочерям нашей страны с пылающими сердцами Марксистско-Ленинской идеологии» [16. Л. 58]. В качестве приложения к письму было дано несколько листов стихотворений авторского сочинения.

Другие участники Всенародного обсуждения проекта Конституции старались исправить отдельные недостатки советской системы. Инженер механического завода Д.П. Абрамов (г. Воркута, Коми АССР) затронул вопрос наиболее полного использования трудовых ресурсов на благо экономики страны. Одну из повседневных проблем, деструктивно влиявших на это, он видел в неправильном режиме работы служб быта, чье рабочее время совпадает со временем всех остальных трудящихся и приходится на будние дни: «...все ремонты домашней бытовой техники, квартирных коммуникаций производятся только в рабочие дни, в рабочее время – “ждите мастера в течение дня”. ...Рабочее время рабочих и служащих должно быть неприкосновенно» [17. Л. 62]. Автор письма предлагал закрепить такое положение в Конституции: «Министерства, ведомства, местные органы государственной власти обязаны обеспечить возможность наиболее полного использования рабочего времени трудящихся, исключив его потери, связанные с бытовым, торговым, медицинским, транспортным и другим обслуживанием» [17. Л. 62]. Сотрудник аппарата Президиума ВС СССР, читавший письмо, выделил квадратными скобками карандашом обозначенное предложение полностью, пометив его скобкой крестиком.

В публичных выступлениях граждан во время всенародного обсуждения проекта Конституции СССР также поступали предложения, продиктованные жизненным опытом их авторов. Например, рабочий М.В. Карманов (г. Орджоникидзе, Северо-Осетинская АССР) предлагал ввести для всех месячный отпуск и 40-часовую рабочую неделю без привлечения к рабо-

те по субботам, обосновывая это так: «Уверяю вас, народ оценит такое внимание и заботу к себе и будет работать еще лучше. Я рабочий и душой чувствую, что так только выиграет наша страна. У меня месячный отпуск по вредности, но я считаю, что всем нужен месячный отпуск. Это правильно и давно пора. Наш народ не такие горы свернет и главная опора – это наш народ, наш рабочий» [18. Л. 163]. В письме на радио учительница-пенсионерка Виноградова предлагала сократить пенсионный возраст учителям с 55 до 50 лет, мотивируя это так: «Мы знаем, что Л.И. Брежнев борется за мир, свободу, за улучшение жизни советским людям и очень-очень многое сделал и делает для нас, чтобы мы еще лучше жили на земле. Дай ему бог здоровья и долгих-долгих лет жизни. Я старая учительница и почти совсем не вижу, а поэтому убедительно прошу внести в Конституцию, чтобы всем учителям пенсию назначали не с 55 лет, а с 50. Пусть они поживут и для своей семьи, и для себя. Ведь это же адский труд быть учителем. Если Леониду Ильичу об этом сказать лично, думаю, он поможет» [19. Л. 61]. Примечательны столь лояльная апелляция к руководителю страны, надежда на то, что до него дойдет пожелание автора.

Все-таки основные проблемы люди видели в расхождении между их представлениями о правильном и справедливом устройстве советского общества и элементами реальности, с которой они сталкивались в повседневной жизни. Во многих письмах и выступлениях видны конкретные случаи из жизни, которые стали триггерами для формирования конституционных предложений.

Такая логика в значительной степени совпадает с концепцией «the moral economy», которую сформулировал Эдвард Плампер Томпсон на основе изучения народных волнений в Англии в XVIII в. [20] По его мнению, восставшие крестьяне поднимали бунты не только из-за повышения цен на продовольствие и голода, но и из-за нарушения представлений о традиционных социальных нормах. Как только, по мнению крестьян, прежнее положение вещей было достигнуто, они прекращали свою активность. Таким образом, они не являлись рациональными экономическими субъектами и могли руководствоваться, прежде всего, не своей выгодой, а моральными установками. В рамках обсуждения Конституции 1977 г. не было массовых народных волнений, но многие поправки несут в себе следы представлений о нарушениях социалистического порядка. По мысли значительного количества граждан, новая Конституция как основной закон страны должна была исправить те аспекты советской повседневности, которые не укладывались в представления о должном. Отметим сразу, что не существовало универсальных моральных критериев и то, что было неправильным для одних, могло быть приемлемым для других.

Советская система декларировала равенство своих членов; так, статья 34 Конституции СССР 1977 г. гласила: «Граждане СССР равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии,

рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни» [21]. Но на практике этот принцип не всегда соблюдался. Поэтому популярным мотивом в обращении граждан было восстановление социального равенства. В письме от 8 июля 1977 г. рабочий совхоза Г.С. Абалымов (Алтайский край) рассказывал, как он был обеспечен местом для проживания в городской гостинице г. Асино Томской области: «Мне разрешили переночевать в коридоре на столе. Рядом со мной пустовал отдельный номер на одного человека – ковровые дорожки, диван, телевизор, телефон – для райкомовских работников – если таковой соизволит прибыть» [17. Л. 14]. В колхозе «40 лет Октября» (с. Волчанка Куйбышевской области) он наблюдал другой, как ему казалось, интересный сюжет в столовой, где имело место самообслуживание: «Пришел председатель колхоза с парторгом. Прошли в отдельный кабинет. Повар сам пошел получить заказ и лично подал обед. Я поинтересовался у повара и спросил, что, может, они стесняются есть в общем зале из-за того, что держат ложку ногами, то мне он сказал, нет, это для поднятия авторитета» [17. Л. 14 об.]. Абалымов задавался вопросом: зачем делить общество на большинство и меньшинство? По его мнению, вне равенства невозможно существование свободы, поэтому он просил сообщить ему, сохранится ли такое положение дел после принятия Конституции «на практике». Понимая, что ему будут отвечать рядовые работники, а не сам Председатель Конституционной комиссии Л.И. Брежнев, автор письма, однако, заявил, что их ответ он будет отождествлять с его ответом. Абалымов поднял вопрос о реализации общего конституционного принципа равенства граждан в жизни, увидев одну из проблем своего времени – укрепление позиций партийно-государственной номенклатуры в самых разных его проявлениях, вплоть до обособления управленцев разных уровней в повседневной практике. В.И. Аверьянов (г. Норильск), «рядовой гражданин СССР» (по собственному определению), комментируя статью о равенстве всех граждан, возмущался: «Положение в обществе можно достичь, к примеру, и удачным замужеством, а не трудом. Какой-то абсурд!» [17. Л. 120].

Не только социальное, но и гендерное равенство волновало людей. Речь прежде всего идет о женщинах, активно высказывавшихся по поводу статьи 35, в которой декларировались равные права мужчин и женщин. Несмотря на то что большевики сразу после прихода к власти сделали множество шагов в решении женского вопроса, гендерное неравенство в СССР было достаточно отчетливо выражено. При этом власти не приветствовали публичное обсуждение этих вопросов со стороны граждан. Если на Западе в послевоенный период активно развивается феминистское движение, то в СССР заботу о положении женщин брало на себя государство [22]. Поэтому женщины, а иногда и мужчины старались внести в текст Конституции положения, которые должны были, на их взгляд, улучшить ситуацию в этом вопросе. Н.Т. Кумачева предлагала: «Женщинам-работницам предоставлять больше льгот, в частности выделять

больше мест в семейных пансионатах, домах отдыха, санаториях» [23. Л. 5]. Е. Катачин на партсобрании высказал предложение: «Предлагаю установить для женщин, имеющих малолетних детей в возрасте до 2-х лет, шестичасовой рабочий день» [23. Л. 18]. Схожую мысль озвучил и В.Х. Конопков: «Женщинам, имеющим двух и более детей, сократить рабочий день на 1 час с его оплатой» [23. Л. 35], и А.Ф. Демидова: «Увеличить продолжительность отпуска женщинам-работникам, имеющим 3-х и более детей, предусмотреть уход на пенсию с 50 лет» [23. Л. 104]. Были еще и такие предложения: «Государство в законодательном порядке предусматривает для женщин соответствующие их полу и здоровью условия труда и жизни» [23. Л. 143], «Женщины, имея 30 лет трудового стажа, могут уходить на пенсию вне зависимости от возраста, а затем по возможности продолжать трудовую деятельность» [23. Л. 144]. Писавшая из г. Куйбышева Е. Алексеева рассказала историю о соседке, работавшей медсестрой, у которой в браке родилось четыре близнеца (две девочки и два мальчика): «Им с мужем дали 3-х комнатную квартиру, обставили мебелью, а уход она должна была обеспечить за детьми сама. Пошли в горисполком с просьбой создать ей условия, а там ей сказали, что... даже в конституции об этом ничего не сказано. А в ясли теперь берут с 1 года» [24. Л. 191–191 об.]. Алексеева была обеспокоена тем, что соседка просто физически не сможет, пока муж работает и обеспечивает семью, ухаживать сразу за четырьмя детьми. Она предполагала, что для таких жизненных ситуаций «об этом надо где-то вынести какой-то закон» [24. Л. 191 об.].

Видно, что проблема равенства женщин и мужчин в СССР воспринималась прежде всего через призму социальных гарантий и регламентации рабочего процесса. Хотя в лексиконе советских женщин не было понятий «вторая смена» и «гендерный контракт работающей матери», они осознавали диспропорцию в распределении труда в семье и поэтому хотели, чтобы государство компенсировало это через льготы на работе, тем самым восстановив справедливость и реализовав принцип равенства мужчин и женщин.

Помимо социального и гендерного равноправия, частым сюжетом было и стремление граждан закрепить в Конституции представления об экономической справедливости. Можно сказать, что в позднесоветский период формируется особый тип общества потребления и различные потребительские товары – от жилья и автомобиля до продуктов и одежды – становятся мерилами качества жизни. Во многом это было связано с постоянным дефицитом множества товаров широкого спроса и политикой уравнивания доходов населения. Поэтому те люди, которые выбивались из границ доходов и потребления, вызывали острую реакцию у значительного количества граждан. Тема экономической справедливости отчетливо проявляется в предложениях по поводу статьи 13 Конституции 1977 г.: «Основу личной собственности граждан СССР составляют трудовые доходы. В личной собственности могут находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Личная

собственность граждан и право ее наследования охраняются государством. <...> Имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества» [21]. Вокруг ограничения и запрета нетрудовых доходов и строятся многие предложения. А. Веверис предлагал дополнить статью указанием, что личный труд является «единственным источником доходов в нашем обществе» [23. Л. 15]. Острую реакцию вызвали торговцы на рынках, которые продавали продукты по ценам гораздо более высоким, чем в магазинах, и тем самым были потенциальными обладателями высоких доходов, не связанных непосредственно с производством. Пенсионерка Э.Ю. Дрилле сформулировать часть статьи так: «Имущество и земельные участки, находящиеся в личной собственности и пользовании граждан, не могут служить для извлечения нетрудовых доходов или использоваться во вред общества» [23. Л. 57], а житель Риги Н.Д. Сомин прямо предлагал: «Государство обязуется организовать заготовку излишних продуктов от хозяйств, находящихся в личном пользовании граждан, а также установить контроль за ценами на колхозном рынке» [23. Л. 57]. Отдельные граждане критиковали известную повседневную практику, когда владельцы квартир сдавали их полностью или по комнатам нуждавшимся в жилье людям и получали за счет этого дополнительный доход. Поэтому в ходе обсуждения проекта Конституции раздавались многочисленные голоса о том, чтобы ограничить или запретить такую практику в СССР. Я.П. Литвинов из Киевской области предлагал: «Лица, добровольно подселившие к себе жильцов за высокую квартирную плату с целью наживы, лишаются права на жилплощадь, на которую произвели подселение (исключая личную собственность)» [25. Л. 71]. Инженер из Хабаровского края В.П. Кудрявцев высказался за поправку «О запрещении владельцам жилых домов сдавать в аренду излишки жилой площади с целью получения нетрудовых доходов» [25. Л. 18]. Хотя, с точки зрения законодательства, сдача жилья внаем или продажа продуктов на рынке и ряд других экономических практик не считались запрещенными, они вступали в противоречие с представлениями части населения о «правильном» социалистическом обществе. Следовательно, поправки в Конституцию должны были ликвидировать разрыв между моральными нормами и положениями в законах.

Совершенно не случайно вопросы получения доходов от сдачи жилья внаем часто встречаются в обсуждении Конституции: жилищная проблема остро стояла на протяжении всей советской истории. М. Меерович даже выдвинул концепцию, что в доверенный период нехватка жилья была осознанным инструментом властей для контроля над населением [26]. Хотя с хрущевского периода начинается массовое жилищное строительство, население по-прежнему испытывало нехватку жилья. Показателем остроты вопроса может служить тот факт, что в 1986 г. М.С. Горбачев инициирует программу «Жилье-2000», согласно которой каждая семья должна была получить квартиру или дом к 2000 г. Если анализировать

обращения населения к власти не только в рамках всеобщего обсуждения проекта Конституции 1977 г., то можно увидеть, что квартирный вопрос оказывается вторым по популярности после проблем с продовольствием. Директор совхоза Р.Е. Казбукис предлагал дополнить статью 44 формулировкой «при предоставлении гражданам жилой площади учитывать их вклад в общественное производство» [23. Л. 156], а участник Гражданской войны Б.К. Евдаев в письме ЦК Компартии Латвии писал: «Все жилищное строительство, в том числе и ведомственное, должно поступать в распоряжение жилищных органов и должно являться достоянием местных Советов. Учет нуждающихся в площади воедино централизовать. Ведомственные дома заселять согласно общей очереди, комиссией местных Советов. В первую очередь по представленному заранее ходатайству – списку нуждающихся работников организаций, построивших дом, с учетом норм, существующих для данной местности» [23. Л. 157]. В этом предложении видно, что автор, с одной стороны, стремится предложить более справедливый путь распределения жилья – «общую очередь», в которой все оказываются равны, а с другой стороны, выступает против практики ведомственного строительства, когда отдельные организации, обладая дополнительными ресурсами, могли обеспечить жильем своих сотрудников, в то время как другие граждане вынуждены были годами ждать жилья. То есть важно было не просто надеть советских людей жильем, но и сделать это справедливо.

Ю.О. Авдисов (г. Орджоникидзе, Северо-Осетинская АССР) рассказал Конституционной комиссии в своем послании куда более грустную историю: «Я – инвалид труда, получил увечье на производстве, в гараже обкома партии, во время ремонта автомашины. У меня ампутирован правый глаз и травмирована голова. После травмы часто болею. Живу 22 года в квартире без удобств...» [17. Л. 131]. Авдисов просил «внести в конституцию закон» о предоставлении жилья инвалидам, пострадавшим на производстве. Гражданка Иванова из Тамбова писала: «Кто пишет, что в первую очередь жилье надо давать пенсионерам, а кто пишет – молодоженам. Нет, товарищи! Молодожены пусть еще поработают, а то они начнут жениться ради жилья, а потом будут разводиться. А пенсионерам пора хотя бы на старости лет дать квартиру, ибо в пенсионном возрасте уже нет здоровья работать и хлопотать о жилье» [27. Л. 154]. В этом предложении можно увидеть сразу несколько важных аспектов в сознании населения: 1) автор знаком с разными предложениями в Конституцию, знает, что одни люди предлагают одно, а другие – другое, что означает внимание к обсуждению проекта Конституции; 2) даже после выхода на пенсию не все люди в СССР были обеспечены отдельным жильем; 3) получение жилья имело такую ценность, что ради него люди могли пойти на заключение брака; 4) для получения жилья необходимо было «хлопотать», и эти хлопоты требовали значительных усилий. Поэтому перераспределение жилья в пользу пенсионеров для автора было более справедливым. Можно предположить, что она сама была на пенсии и таким обра-

зом стремилась решить и свои личные жилищные проблемы, но формулировалось это через заботу о всех пенсионерах и более справедливом устройстве советского общества.

Поступали в адрес Конституционной комиссии и рассуждения общего характера, в которых поднималась проблема, но не предлагался путь ее конкретного решения путем закрепления положения в проекте Конституции. Так, А.К. Барчева (г. Москва) писала о шумных соседях, досаждающих отдельным жильцам квартир и тем самым нарушающих их право на отдых: «Советская власть, вручая ордер на жилую площадь главе семьи, награждает его не только правами, которые хорошо знают все, но и обязанностями о соблюдении правил пользования жилым помещением, от которых отдельные хозяева отмахиваются как от назойливой мухи. Есть и такие, что не соблюдают вовсе. Ведь зачастую скромные люди много работают и, естественно, нуждаются дома в отдыхе» [28. Л. 291]. Однако автор письма лишь ставит вопрос о возможном принятии решения по этой проблеме в Конституции, не предлагая ни конкретной формулировки самого положения, ни, тем более, текста статьи. Скорее, подобные письма представляли собой реакцию на жизненную ситуацию, «крик души» в подходящий, как казалось авторам писем, момент.

Встречаются в обсуждении проекта Конституции и предложения, направленные на усиление мер против лиц, покинувших пределы Советского Союза. Например, рабочий мостостроительного треста г. Риги высказывал следующую мысль: «Граждане СССР, выехавшие по своему настоянию за пределы СССР и оставшиеся для постоянного проживания в других странах, лишаются безвозвратно гражданства СССР и не пользуются никакой защитой и покровительством Союза ССР» [23. Л. 35]; схожую мысль высказывал и заведующий Рижским вычислительным центром А.И. Клевченков: «Дополнить: Граждане СССР, покинувшие социалистическую Родину, навсегда лишаются права советского гражданства и возврата в СССР» [23. Л. 18]. Необходимо отметить, что к 1977 г. различные способы покинуть пределы СССР, как легально, так и нелегально, становятся массовым явлением. По-

казателем этого может служить тут факт, что с 1973 г. угон самолета становится самостоятельным преступлением, что свидетельствует о росте числа подобных деяний. Также в 1973 г. СССР ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах, после чего СССР формально признавал за гражданами право на эмиграцию. Пимом этого были люди, которые сбежали за границу во время командировок, турпоездок или работы за рубежом. В Риге как портовом городе люди знали, что нередки случаи, когда во время захода корабля в иностранный порт члены экипажа оставались на суше. Для многих советских граждан за граница виделась, прежде всего, как территория изобилия. В условиях постоянного товарного дефицита иностранные товары имели особый статус. Поэтому люди, которые оказывались в странах Запада, в глазах бывших соотечественников становились обладателями особых благ. Чтобы восстановить моральную справедливость, их необходимо было чего-то лишиться и статус советского гражданина хоть и был нематериален, выглядел единственно равноценным ресурсом.

Архивные материалы показывают, что всенародное обсуждение проекта Конституции 1977 г. воспринималось населением как действенный механизм взаимодействия с властью и возможность решить насущные проблемы. Значительная часть населения активно участвовала в идеологической кампании, при этом не ограничивалась шаблонными фразами, а предлагала зафиксировать в тексте Конституции собственные представления о том, как должно быть устроено советское общество. В большинстве случаев эти предложения были связаны с личным опытом авторов. Поэтому мы видим достаточно большой спектр представлений, которые циркулировали внутри советского общества. Советские люди не были пассивными участниками, они воспринимали себя и действовали как субъекты советской системы. Хотя на практике не все предложения населения отразились в итоговом тексте Конституции 1977 г., но партийно-государственный аппарат получил информацию о проблемах и ожиданиях населения, что в дальнейшем отразилось на принятии законов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злоказов Г.И. Документы всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР как исторический источник. М.: Наука, 1984. 135 с.
2. Кронский В.С. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1977 года в развитии законодательства // Правоведение. 1985. № 2. С. 42–46.
3. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997. 650 с.
4. Шейнис В.Л. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014. 1088 с.
5. Бычков В.А. Обсуждение проекта Конституции СССР 1977 г. на страницах периодической печати // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». Томск, 19–20 апреля 2007 г. Томск, 2007. С. 265–268.
6. Иванов И.В. Общественное обсуждение как конституционно-правовой институт в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
7. Казаков Е.А. «Конституция развитого социализма» – взгляд из оппозиции // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 46–54.
8. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Изд. ЕУ СПб, 2008. 544 с.
9. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
10. Зиновьев А. Гомо Советикус. М.: Московский рабочий, 1991. 414 с.
11. Левада Ю. Человек советский. URL: <https://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>
12. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.
13. Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М.: Алгоритм, 2018. 432 с.
14. Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М.: НЛО, 2014. 1104 с.
15. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 83.

16. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 171.
17. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 169.
18. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 68.
19. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 80.
20. Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century // *Past & Present*. 1971. № 50. P. 76–136.
21. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/
22. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. № 1 (3/4). С. 299–323.
23. Latvijas Valsts arhīvs (Латвийский государственный архив). Ф. 101. Оп. 42. Д. 70.
24. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 170.
25. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 84.
26. Меерович М.Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
27. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 104.
28. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 175.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2020 г.

“Every Line of the Draft of the New Constitution Is Imbued with Concern for Soviet People”: Ideas of Justice and Morality in the Discussion of the 1977 Draft Constitution

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 164–172.

DOI: 10.17223/15617793/460/20

Ilya. N. Strekalov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: strekalov4@gmail.com

Aleksandr A. Fokin, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: aafokin@yandex.ru

Keywords: 1977 Constitution; Soviet society; moral economy; letters to government; Soviet society.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-09-00218.

The national debate on the 1977 Constitution was one of the mechanisms for interaction between the authorities and society. The analysis of citizens’ proposals shows that there were many groups and points of view in Soviet society. This serves as a basis for criticizing the popular concept of Homo Sovieticus. The concept of Homo Sovieticus presupposed the presence of passive and non-initiative people, who were objects rather than subjects of public life. Within the framework of the methodology of the history of everyday life, it is worth paying attention to the voices “from below”, which will reveal multiple points of view on the Soviet system, and show the activity and subjectivity of Soviet citizens. The source base of the study was the archival materials of the National Discussion of the Draft Constitution of 1977, kept in the funds of the Supreme Soviet of the USSR State Archive of the Russian Federation and in the Latvian State Archive, which allows looking at the situation from a regional perspective. There were no mass popular uprisings within the framework of the discussion of the 1977 Constitution, but many amendments bear the traces of socialist order violations. In the opinion of a considerable number of citizens, the new Constitution, as the main law of the country, was supposed to correct those aspects of the Soviet everyday life that did not fit into the idea of what was right. Most of the proposals concerned changes in specific aspects of life within the system, rather than its fundamental restructuring. People saw the main problems in the discrepancy between their ideas about the correct and fair structure of Soviet society and the elements of reality they faced in everyday life. In the opinion of a significant number of citizens, the new Constitution, as the basic law of the country, was supposed to correct those aspects of Soviet daily life that did not fit in with the idea of what was right. Among the popular topics were: equality of all citizens of the USSR, gender gap between men and women, economic justice, etc. Archival materials show that the National Discussion of the 1977 Draft Constitution was perceived by the population as an effective mechanism for interaction with the authorities and an opportunity to solve pressing problems. A significant part of the population actively participated in the ideological campaign: they did not limit themselves to ritual phrases, but proposed to fix in the text of the Constitution their own ideas about how the Soviet society should be organized. In most cases, these proposals were related to the authors’ personal experience. That is why we see quite a wide range of ideas that were circulating within the Soviet society. Soviet people were not passive objects; they perceived themselves and acted as subjects of the Soviet system. Although in practice not all proposals of the population were reflected in the final text of the 1977 Constitution, but the party and state apparatus received data about problems and expectations of the population, which later on were reflected in the adoption of laws.

REFERENCES

1. Zlokazov, G.I. (1984) *Dokumenty vsenarodnogo obsuzhdeniya proekta novoy Konstitutsii SSSR kak istoricheskiy istochnik* [Documents of the nationwide discussion of the draft of the new Constitution of the USSR as a historical source]. Moscow: Nauka.
2. Kronskiy, V.S. (1985) *Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta Konstitutsii SSSR 1977 goda v razvitiy zakonodatel'stva* [The nationwide discussion of the 1977 draft Constitution of the USSR in the development of legislation]. *Pravovedenie*. 2. pp. 42–46.
3. Medushevskiy, A.N. (1997) *Demokratiya i avtoritarizm: Rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy perspektive* [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in a Comparative Perspective]. Moscow: ROSSPEN.
4. Sheynis, V.L. (2014) *Vlast' i zakon: Politika i konstitutsii v Rossii v XX–XXI vekakh* [Power and law: Politics and constitutions in Russia in the 20th and 21st centuries]. Moscow: Mysl'.
5. Bychkov, V.A. (2007) [Discussion of the 1977 draft Constitution of the USSR on the pages of periodicals]. *150 let periodicheskoy pechati v Sibiri* [150 years of periodicals in Siberia]. Conference Proceedings. Tomsk. 19–20 April 2007. Tomsk: TML-Press. pp. 265–268.
6. Ivanov, I.V. (2016) *Obshchestvennoe obsuzhdenie kak konstitutsionno-pravovoy institut v Rossiyskoy Federatsii* [Public discussion as a constitutional and legal institution in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Kazakov, E.A. (2018) “The Constitution of Developed Socialism” From an Oppositional Point of View. *Magistra Vitae*. 1. pp. 46–54. (In Russian).
8. Firsov, B.M. (2008) *Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya i praktiki* [Dissent in the USSR. 1940s–1960s: History, theory and practice]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
9. Geller, M. (1994) *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Machine and screws. The history of the formation of Soviet people]. Moscow: MIK.

10. Zinov'ev, A. (1991) *Gomo Sovietikus* [Homo Sovieticus]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
11. Levada, Yu. (2004) *Chelovek sovetskiy* [Homo Sovieticus]. [Online] Available from: <https://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>.
12. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended. The last Soviet generation]. Moscow: NLO.
13. Strelkov, I.N. (2018) *Poslednyaya Konstitutsiya Sovetskogo Soyuz. K voprosu o sozdanii* [The last Constitution of the Soviet Union. On the question of creation]. Moscow: Algoritm.
14. Mel'nichenko, M. (2014) *Sovetskiy anekdot (Ukazatel' syuzhetov)* [The Soviet joke (Index of plots)]. Moscow: NLO.
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 83.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 171.
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 169.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 68.
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 80.
20. Thompson, E.P. (1971) The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century. *Past & Present*. 50. pp. 76–136.
21. USSR. (1977) *The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the extraordinary Seventh Session of the Supreme Soviet of the USSR of the Ninth Convocation on October 7, 1977)*. [Online] Available from: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/.
22. Zdravomyslova, E.A. & Temkina, A.A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye genera v sovetskom obshchestve [The state construction of gender in Soviet society]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 1 (3/4). pp. 299–323.
23. Latvijas Valsts arhīvs (Latvian State Archive). Fund 101. List 42. File 70.
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 170.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 84.
26. Meerovich, M.G. (2008) *Nakazanie zhilishchem: Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937* [Punishment by Housing: The Housing Policy in the USSR as a Means of Governing People. 1917–1937]. Moscow: ROSSPEN.
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 104.
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 175.

Received: 31 August 2020

Т.П. Филиппова, Н.Г. Лисевич

ИЗУЧЕНИЕ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

На основе источников проанализирована роль Академии наук СССР в изучении вечной мерзлоты на европейском северо-востоке России в первой половине XX в. Рассмотрены итоги экспедиций 1930-х гг., результатами которых стали выводы о возможности создания в районах разведанных запасов природных ресурсов промышленных объектов. Показана история Воркутинской научно-исследовательской мерзлотной станции (1936–1958), ее деятельность стала основой в успешном решении проблем строительства на вечной мерзлоте.

Ключевые слова: освоение Севера; вечная мерзлота; европейский северо-восток России; г. Воркута; Академия наук; Печорский угольный бассейн.

Введение

Более половины территории нашей страны находится в зоне распространения вечной мерзлоты. В последние годы интерес к изучению этого природного феномена значительно возрос [1, 2]. Прежде всего, это связано с вектором государственной политики, направленным на современное развитие российской Арктики. Одной из насущных проблем арктического пространства является глобальное потепление климата. Оно существенно влияет на свойства вечномерзлых грунтов и тем самым воздействует на развитие экономики и безопасность жизни населения северных районов. В данной связи своевременно будет обратиться к изучению деятельности ученых и научных учреждений, стоявших у истоков познания вечной мерзлоты, интенсивная работа которых позволила начать строить и жить в регионах распространения криолитозоны¹.

История накопления знаний о вечной мерзлоте насчитывает не одно столетие. Самые продолжительные наблюдения за промерзанием земной коры принадлежат русским ученым. Еще в XVIII–XIX вв. исследования В.Н. Татищева, К.М. Бэра, А.Ф. Миддендорфа и других свидетельствовали о широком распространении вечной мерзлоты в России [3. С. 164–168]. Систематические изыскания этого явления начались только в 1920–1930-е гг. и были связаны с начавшимся масштабным освоением северных и восточных территорий СССР [4. С. 57–65].

Одним из районов распространения вечной мерзлоты является европейский северо-восток России. Природные богатства, находящихся в районе рек Печора и Уса, на протяжении нескольких столетий привлекали внимание исследователей. Однако изучение этой северной территории сопровождалось большими трудностями – удаленностью от центра, суровостью климата, малонаселенностью. Поэтому до начала XX в. она оставалась малоисследованной. С начавшейся интенсивной индустриализации страны в 1920-е гг. была открыта новая страница в изучении этого региона, связанная с освоением богатых природных ресурсов. На тот момент вечная мерзлота как характерная особенность природы этого отдаленного края была абсолютно не изучена, а ее явления неожиданны и непонятны [5–7]. С этого времени научное изучение и

промышленное развитие европейского северо-востока были непосредственно связаны с геокриологическими² изысканиями.

История изучения многолетнемерзлых пород и явлений на европейском северо-востоке страны не становилась предметом специальных исследований, а лишь кратко описывалась в работах, посвященных становлению и развитию мерзлотоведения в СССР [8] и истории научных исследований на территории современной Республики Коми [9. С. 253–260; 10. С. 113–114; 11. С. 123–124]. В данной работе попытаемся восполнить этот пробел.

Предыстория вопроса

Первые указания на наличие вечной мерзлоты на европейском северо-востоке России встречаются в труде путешественника, зоолога А.И. Шренка «Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам» (1848) [12]. Еще в 1837 г. ученый по поручению Ботанического сада Санкт-Петербурга (с 1908 г. – передан в ведение Академии наук, с 1918 г. – Главный ботанический сад РСФСР; с 1925 г. – Главный ботанический сад СССР) предпринял путешествие по северной окраине России. За семь месяцев он совершил маршрут по Малоземельской и Большеземельской тундрам. Хотя основной целью экспедиции являлось изучение природы, А. Шренк собрал научные материалы по геологии, среди которых описание мерзлых грунтов в районах рек Печора и Мезень.

Впоследствии вопросы, связанные с изучением вечной мерзлоты на этой территории, кратко рассматривались в работах исследователей Севера А.В. Журавского [13. С. 51–56; 14. С. 57–67; 15. С. 198–231], Д.Д. Руднева [16. С. 571–585], С.В. Керцелли [17].

Систематические изыскания этого природного явления начались позднее и были связаны с хозяйственным освоением и индустриализацией региона, вступившего в полосу промышленной модернизации после революционных событий 1917 г. В рамках исследовательских экспедиций 1920-х гг., организованных ведущими научными и отраслевыми учреждениями страны (Академией наук, Северной научно-промышленной экспедицией ВСНХ, Геологическим комитетом ВСНХ, Наркоземом, Наркомпросом и др.),

началось изучение потенциала природных ресурсов Севера. Главными событиями в изучении европейского северо-востока России стало открытие в 1924 г. Печорского угольного бассейна³, а в 1930 г. на его территории – Воркутского каменноугольного месторождения, что стало важнейшими предпосылками для дальнейшего экономического развития этой части страны.

Начавшееся промышленное освоение Печорского угольного бассейна поставило задачи по определению оптимальных условий для развертывания строительства. Самым сложным вопросом, который встал перед «покорителями» Севера и требовал незамедлительного ответа, стала геокриологическая проблема, так как большую часть этой территории занимали вечномерзлые грунты. Ученые и строители непосредственно столкнулись с малоизученным явлением – вечной мерзлотой, в условиях которой промышленное строительство ранее в стране практически не осуществлялось. Здесь не годились общепринятые нормы и правила строительства, разработанные для условий средней полосы и других климатических районов Союза ССР. Это послужило серьезным сигналом для изучения новых, ранее не встречавшихся природных условий. Помочь строителям могла только наука.

Комиссия по изучению вечной мерзлоты АН СССР

В 1929 г. в системе Академии наук СССР на базе географического отдела Комиссии по изучению естественных производительных сил создана Комиссия по изучению вечной мерзлоты (с 1936 г. – Комитет по изучению вечной мерзлоты, в 1939–1961 гг. – Институт мерзлотоведения). Ее деятельность была направлена на координацию научных исследований в области изучения строения и свойств вечномерзлых грунтов в районах Севера и Дальнего Востока, подлежащих широкомасштабному освоению. Первым председателем стал геолог, исследователь Сибири, академик В.А. Обручев, его заместителем и фактическим руководителем – выдающийся ученый-мерзлотовед М.И. Сумгин. Еще в 1927 г. была опубликована книга М.И. Сумгина «Вечная мерзлота почвы в пределах СССР» [18], в которой приводились сведения о важнейших результатах исследований мерзлых пород в стране, сформирован понятийно-терминологический аппарат, определены границы географического распространения вечной мерзлоты. Монография положила основу новой научной дисциплине – мерзлотоведению. С этого периода в стране началось систематическое изучение вечной мерзлоты.

С момента создания Комиссия по изучению вечной мерзлоты АН СССР ежегодно организовывала экспедиции для комплексного изучения территорий криолитозоны. Проведение мерзлотных изысканий в районах промышленного освоения происходило при взаимодействии Академии наук с государственными структурами (Главным управлением Северного морского пути при СНК СССР (Главсевморпуть), Народным комиссариатом внутренних дел СССР (НКВД), Главным геологоразведочным управлением и др.). По запросам государственных органов сотрудники

Академии наук оказывали консультативно-методическую помощь, проводили экспедиционные исследования. Исследования сотрудников Академии наук согласовывались с практическими задачами и должны были стать основой для оптимизации добычи полезных ископаемых в условиях вечной мерзлоты и создания промышленных и гражданских объектов строительства в этих территориальных зонах. Режим секретности того времени, введенный для освоения природных ресурсов, не позволял ученым открыто публиковать свои результаты.

Одной из форм работы Комиссии по изучению вечной мерзлоты АН СССР в регионах страны стало создание системы мерзлотных станций. Идея создания таких научно-исследовательских стационаров принадлежала М.И. Сумгину. Первоначально учреждения создавались в ведении государственных структур, занимавшихся промышленным освоением северных районов страны. Академия наук осуществляла научное руководство исследовательскими работами, оказывала консультативную помощь, предоставляла квалифицированные кадры. Впоследствии большинство станций были переданы в ведение Института мерзлотоведения АН СССР. Первый региональный стационар «Сковородино»⁴ был организован по инициативе М.И. Сумгина в системе Наркомата путей сообщения еще до создания Комитета по изучению вечной мерзлоты АН СССР в 1928 г. В 1931 г. мерзлотно-геологическая станция Центрального геологоразведочного института открыта в г. Братске. В 1930-е гг. в системе Главсевморпути появились мерзлотные станции в городах Анадырь, Игарка и мерзлотно-геологические стационары в поселках Усть-Порт, Амдерма. К началу Великой Отечественной войны на территории СССР работало уже более 10 мерзлотных станций. Они выполняли широкий круг геолого-географических и инженерных задач. Геокриологические исследования, проводимые в 1930–1940-е гг. учеными Комиссии по изучению вечной мерзлоты АН СССР, послужили основой для промышленного освоения малоизученных районов страны, в том числе и арктической зоны.

Первые экспедиции Академии наук на европейский северо-восток СССР для изучения вечной мерзлоты

Первая экспедиция на европейский северо-восток была осуществлена в 1931 г. по инициативе Комиссии по изучению вечной мерзлоты АН СССР. В район р. Печора в с. Усть-Цильма был направлен исследовательский отряд под руководством мерзлотоведа В.К. Яновского с целью определения южной границы вечной мерзлоты и ее характера [19. С. 46–48]. Ученые выяснили, что ее сплошное распространение начинается на левом берегу Печоры напротив поселения Оксина⁵.

Большие результаты дала вторая экспедиция 1931 г. под руководством географа, исследователя тундры и арктических пустынь Б.Н. Городкова. Она была организована по инициативе Угольного института Главного геологоразведочного управления, подавшего в

Комиссию по изучению вечной мерзлоты АН СССР заявку на проведение изучения мерзлоты в районах угольных разработок на крайнем европейском северо-востоке страны в районе р. Уса. Исследования проводились в районах рек Адзъва, Уса и Воркута. Уже в 1932 г. увидела свет книга Б.Н. Городкова «Вечная мерзлота в Северном крае» [6], в которой он представил результаты своей поездки. Несмотря на то что работа экспедиции носила рекогносцировочный характер, она позволила сделать ряд ценных выводов для будущего развития промышленности и крупного строительства в этом регионе. Были определены южная граница распространения вечной мерзлоты – в 25 км севернее устья р. Адзъва, а также мощность вечномерзлых грунтов в районе Воркутского рудника. Б.Н. Городков дал положительный прогноз на строительство здесь объектов угольной промышленности, считая мерзлотные условия благоприятным фактором для возведения шахт, так как они уменьшают объем угольной пыли и снижают необходимость специальных креплений шахтных конструкций [6. С. 100–102].

Значение итогов экспедиции подчеркивал М.И. Сумгин, считая исследования Б.Н. Городкова первыми специализированными изысканиями вечной мерзлоты на территории европейского Севера страны: «Работа Б.Н. Городкова по вечной мерзлоте Северного края является первой в этом отношении для севера Европейской части СССР. До сих пор все без исключения исследования вечной мерзлоты в этом крае являлись попутными с какими-либо другими исследованиями – географическими, почвенными, ботаническими и другими. [...] Впервые после Шренка мы узнаем о мощности вечной мерзлоты на севере Европейской части СССР» [6. С. 6]. В своей рецензии к работе географа он указал, что для продолжения здесь подобных исследований необходимо создание мерзлотной станции: «Мы думаем, однако, что путь к детальному изучению вечной мерзлоты в Северном крае заключается не в экспедициях, а в устройстве специальной станции по изучению вечной мерзлоты – станции, хотя бы и небольшой, но работающей круглый год на месте» [6. С. 6].

Исследования Комиссии по изучению вечной мерзлоты АН СССР на территории европейского Северо-Востока продолжились уже на следующий год. В 1932 г. между Академией наук и Северным геолого-разведочным трестом (г. Архангельск) был заключен договор об организации исследования вечной мерзлоты в Большеземельской тундре. Комиссия снарядила экспедицию в составе ученых Г.Ф. Писарева и Н.Г. Датского. Общее руководство взял на себя М.И. Сумгин. Отряд работал между реками Уса и Воркута, до Воркутинского рудника в границах предполагаемого будущего промышленного района. Результаты исследований были опубликованы в 1934 г. в книге «Вечная мерзлота и условия строительства в Усинской лесотундре Северного края» [7]. Выводы экспедиции имели преимущественно практический характер и были направлены на оптимальное развитие промышленности и сельского хозяйства на обследованной территории. Сотрудники Академии наук сделали вывод о деградации вечной мерзлоты в этом

районе, что осложняет процессы строительства. Экспедиция дала рекомендации по применению особых методов строительства для сооружения железных дорог и промышленных объектов в Заполярье [7. С. 136–142].

В своей рецензии к вышеназванной книге М.И. Сумгин еще раз подчеркнул необходимость организации в этом районе страны специальной станции: «Но, конечно, для более детальных исследований в Северном крае, как мы говорили и раньше, необходима специальная мерзлотная станция. Такая станция должна быть основана в Печорском крае, где имеется крупное строительство, которое и будет опираться на эту станцию. Дело в том, что при каждом крупном сооружении, на фоне общих установок, данных Н.Г. Датским, необходимы специальные исследования тех площадок, которые предназначаются под сооружения» [7. С. 5–6].

Выводы экспедиций Комиссии по изучению вечной мерзлоты АН СССР легли в основу развернувшегося строительства и масштабной добычи угля на европейском северо-востоке страны [20. С. 34]. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) 1932 г. «Об организации Ухто-Печорского треста» [21. Л. 40–44] и Совета Труда и Оборона «О развитии каменноугольной промышленности в районе бассейна р. Печоры» [22. Л. 402–404], которые во многом опирались на итоги экспедиций, открыли колонизацию Заполярья. Начались промышленная эксплуатация ископаемых Печорского угольного бассейна, строительство железной дороги и объектов гражданского строительства.

Уже к концу 1932 г. на правом берегу р. Воркута Ухто-Печорским трестом ОГПУ были заложены две эксплуатационные шахты и добыто 11 тыс. т угля. Для доставки рабочих и заключенных на Рудник, а также для вывоза каменного угля начато строительство узкоколейной железной дороги, первой на европейском северо-востоке страны, которая должна была связать поселок Рудник с пристанью Воркута-Вом на р. Уса. Ее протяженность составила 64 км. В 1934 г. по ней была отгружена первая партия сырья, далее поставка осуществлялась водным путем [23. С. 234, 252]. Бедствием построенной дороги были частые аварии подвижного состава и снегозаносы [24. С. 26]. Из отчета Усинского отделения Ухто-Печорского треста за 1934 г. «О строительстве и эксплуатации узкоколейной железной дороги Рудник – Воркута: «Воркутинская железная дорога вступила в эксплуатацию уже через два дня после окончания укладки пути, находясь еще в недостроенном состоянии. Свежена-сыпанное неустоявшееся полотно, отсутствие балласта, легкая разжижаемость местных грунтов создали исключительно неблагоприятные условия для пропускания поездов, обуславливая постоянные перекосы пути, происшествия с поездами, и вызывали чрезвычайно большие затраты рабочей силы по ремонту пути и поддержанию его в относительной исправности» [25. Л. 19–22].

С каждым годом наращивались темпы добычи угля, к 1935 г. норма составляла уже 103,5 тыс. т. Назревала необходимость сооружения капитальных шахт, способных давать необходимые объемы угля, и

строительства прямого железнодорожного пути из Воркуты в центр страны. Все эти работы осложнялись главным фактором – вечной мерзлотой. Стало очевидным, что к данным изысканиям необходимо было привлечь профессионалов, ученых-мерзлотоведов.

Воркутинская научно-исследовательская мерзлотная станция 1936–1958 гг.

В начале 1936 г. в Комиссию по изучению вечной мерзлоты АН СССР поступило ходатайство от ГУЛАГа НКВД СССР на проведение научно-исследовательских работ на р. Воркута Северного края. В этом же году между двумя учреждениями был заключен договор, согласно которому начала работу Воркутинская мерзлотная станция Ухто-Печорского исправительно-трудового лагеря НКВД⁶ (Ухтпечлаг) (в 1938 г. из него выделен Воркутинский лагерь НКВД – Воркутлаг) [26. Л. 1–5]. Местом дислокации станции стал единственный на тот момент поселок Рудник.

Выполнение научно-исследовательских работ осуществлялось путем организации временных инспекторских бригад ученых, направляемых из Москвы и Ленинграда на Воркутинское каменноугольное месторождение. Доставка ученых в поселок Рудник, обеспечение их продовольствием, необходимым лабораторным оборудованием и геодезическим инструментом ГУЛАГ осуществлял за свой счет.

Первую бригаду Комиссии по изучению вечной мерзлоты, направленную на р. Воркута в феврале 1936 г., составили: начальник станции В.К. Яновский⁷ и два инженера – Л.А. Братцев⁸ и В.А. Кудрявцев⁹. Они стали пионерами стационарных исследований вечномерзлых грунтов на европейском северо-востоке страны. Впоследствии коллектив станции пополнился такими специалистами, как Н.И. Салтыков, В.А. Ананьев, В.Ф. Жуков, Е.Н. Марков, В.М. Барыгин, Г.П. Софронов. Научно-технический персонал для работы на станции предоставлял Ухтпечлаг.

С первых дней научная деятельность ВНИМС осуществлялась по двум направлениям: инженерное мерзлотоведение и общие вопросы изучения вечной мерзлоты. Исследование вели научные сотрудники Комитета по изучению вечной мерзлоты, а также ученые из числа заключенных. Приоритетное значение имели вопросы инженерно-геологических и мерзлотно-гидрологических изысканий, связанные с промышленным и хозяйственным освоением Воркутинского района. Некоторые направления сотрудники ВНИМС изучали впервые в стране: изучение вечной мерзлоты в условиях строительства шахт, поиск подмерзлотных вод, взаимосвязь вечной мерзлоты и сельского хозяйства на ней. Каждая научная тема и разработка были для покорителей Заполярья предельно важными, жизненными. Эти разработки ждали на Воркуте с огромным нетерпением и сразу внедряли в практику.

Исследования осуществлялись производством мерзлотной съемки, полевыми и лабораторными испытаниями грунтов с применением буровых¹⁰ и шурфовочных¹¹ работ. Мерзлотоведы станции да-

вали строительную характеристику обследованным территориям, проводили описание наиболее трудных участков, указывали наилучшие места для застройки. По результатам исследований сотрудники ВНИМС составляли мерзлотно-грунтовые карты обследованной территории, сопровождающие научно-технические отчеты [26. Л. 7], по мере производства работ результаты передавали проектировщикам и строителям.

Первым практическим опытом ВНИМС в 1936 г. стало проведение предпостроечных исследовательских работ для площадки под локомотивную электростанцию на Воркуте. В.К. Яновским была подготовлена геокриологическая записка о возможности строительства электростанции [30. Л. 6]. В течение десяти лет станция проводила инженерно-геологические исследования для всех гражданских и промышленных объектов Воркуты (ремонтно-механический завод, железнодорожное депо, жилые здания и т.д.).

В 1937 г. ученые начали изучение строения и свойств вечномерзлых грунтов для строительства мощной шахты Капитальная № 1. Закладка шахтных стволов осложнялась особенностями мерзлотных условий района Воркуты, которые заключались в пестром характере распространения вечной мерзлоты и сравнительно высокой температуре вечномерзлой толщи. Результаты изысканий были впоследствии изложены сотрудником станции Д.А. Фивейским в научной работе «Проходка и крепление шахтных стволов в вечномерзлой толще Европейского севера СССР» [31. С. 86–168] и стали доступны широкому кругу специалистов. Опыт устройства шахты Капитальная № 1 в дальнейшем был использован ВНИМС при решении вопросов сооружения других шахт Воркутинского района.

В этом же году (после постройки шахты Капитальная № 1) на левом берегу р. Воркута заложен второй жилой поселок, в котором был построен первый деревянный двухэтажный жилой дом. До этого на Воркуте люди жили в землянках, палатках, бараках. Сотрудниками ВНИМС был предложен способ возведения зданий на подсыпках. Начало строительства первых зданий на подсыпках из дренирующего материала (песка, гравия, щебня и т.п.) относится к 1930-м гг., когда два таких здания были возведены в Забайкалье. Часть зданий, носящих как временный, так и постоянный характер, эксплуатируется в г. Воркута и до сих пор. В 1938 г. станцией были получены научные данные о возможности строительства зданий с проветриваемым подпольем и сохранением мерзлого грунта под фундаментами [30. Л. 12–13].

В это же время ВНИМС осуществляла изыскания для прокладки первой в условиях вечной мерзлоты северной железнодорожной магистрали Воркута – Котлас (участок Воркута – Абезь). Работы велись под руководством В.К. Яновского, наблюдения за состоянием полотна в период эксплуатации осуществлял заключенный Воркутлага М.С. Водолазкин, который организовывал специальные площадки в насыпи железной дороги.

Практическую задачу по строительству на вечной мерзлоте нельзя было решить без комплексных исследований природно-климатических условий. С 1936 г. ВНИМС приступила к проведению метеонаблюдений. Организация трех метеопунктов позволила получить первые сведения о климате Воркутинского района. На основе метеосъемки ученые ежедневно выпускали синоптическую сводку. Руководил метеорологическими исследованиями А.И. Постоев, заключенный Воркутлага, бывший директор Ташкентской обсерватории. В 1942 г. один из метеопунктов станции был передан со штатом и оборудованием на построенный в Воркуте аэродром [30. Л. 7].

С 1938 г. ученые ВНИМС начали изучать гидрогеологический режим мерзлотных, межмерзлотных и подмерзлотных вод Воркутинского района. На р. Воркута и ее притоках реках – Аяч-Яга и Сыр-Яга, были организованы гидропосты. Проведены первые гидрологические наблюдения и гидрогеологическая съемка района с целью определения возможности водоснабжения поселков и промышленных объектов, расположенных вдали от реки, за счет глубинных вод. Исследованиями занимался гидрогеолог В.М. Барыгин, который подробно классифицировал найденные им источники. Увеличение масштабов строительства будущего города, количества шахт с каждым годом повышало необходимость изучения гидрогеологии Воркутинского района.

Большое значение имела начатая учеными геоботаническая съемка территории Воркуты в сочетании с буровыми и шурфовочными работами. Это было отдельное научное направление, необходимое при проведении инженерно-геокриологических работ, которые позволяли изучить закономерности распространения и залегания мерзлых грунтов в связи с рельефом и растительностью. Исследования проводили В.К. Яновский, В.А. Кудрявцев, Л.А. Братцев, В.М. Савич.

Уникальными на тот момент стали опыты по ведению сельского хозяйства в условиях Заполярья. В 1937 г. сотрудники ВНИМС заложили сельхозучасток (была построена первая теплица и подготовлен в пойме Воркуты огород) для проверки возможности ведения овощеводства в заполярных условиях. Суровые природные условия Заполярья, куда завоз фруктов и овощей был крайне затруднен, поставили перед учеными-мерзлововедами столь актуальную задачу. Разработке этого направления исследований способствовало базовое образование двух основателей станции: В.К. Яновский и Л.А. Братцев имели высшее образование, полученное в сельскохозяйственных вузах. Руководил сельхозучастком заключенный Воркутлага, бывший профессор Ленинградского университета В.М. Савич.

Первый крупный урожай станция получила уже в 1938 г. – около двух тонн овощей. Большую часть сотрудники ВНИМС передали в больницу, оставшиеся пошли на продажу. Из отчета Воркутинской мерзлотной станции 1939 г. Председателю Госплана при СНК Коми АССР тов. Корзинкину: «Производится изучение сельскохозяйственного освоения района вечной мерзлоты с выращиванием овощей, злаков и

цветов, как в тепличных условиях, так и с высадкой в грунт. Уже получено созревание в тепличных условиях помидоров, огурцов, дыни и т.п. и созревание в грунте картофеля, салата, редиса, моркови, брюквы, кольраби, капусты цветной и кочанной, красной, плюмажной, укропа, лука, шпината, свеклы, хрена, ревеня, моркови, черной и красной смородины, многолетнего ячменя, а также различных цветов, как из присланных семян, так и местных весьма разнообразных и ярко окрашенных и проч. Всего распахано около 4 га» [32. Л. 12–13 об.]. Научным результатом работы станции являлось доказательство возможности произрастания и созревания овощей в условиях Заполярья. Однако ни частного, ни промышленного развития овощеводства в Воркутинском районе так и не получило.

Помимо инженерно-геокриологических исследований и опытных работ по ведению сельского хозяйства мерзлововеды по заданию Академии наук СССР проводили научные изыскания общемежзлововедческого характера. Ученые изучали распространение вечной мерзлоты в Печорском угольном бассейне; мощность вечномерзлой толщи и ее температуры в различных частях бассейна; глубину залегания верхней поверхности вечной мерзлоты в Печорском угольном бассейне. В 1937 г. изучение вечной мерзлоты было начато на Нижне-Сарьягинском месторождении, в 1940 г. – на Интинском.

В конце 1930 – начале 1940-х гг. интенсивно шло изучение новых районов угледобычи в Печорском угольном бассейне, ускорило освоение Воркутинского угольного месторождения. В результате роста темпов строительства значительно возрос объем инженерных изыскательских работ ВНИМС. С каждым годом увеличивались темпы шахтостроительства. В течение 1940 г. заложены сразу четыре шахты. Объем работ станции увеличился в годы Великой Отечественной войны, во время которой значение воркутинского угля выросло в разы. К этому времени становилась очевидной недостаточная оснащенность ВНИМС для проведения инженерных работ такого масштаба. Увеличение объемов работ по проектированию строительных объектов отодвинуло на второй план деятельность станции как научного учреждения.

В 1945 г. по инициативе Воркутауголь МВД СССР (с 1938 по 1944 г. управление «Воркутстрой») был поставлен вопрос, поддержанный Институтом мерзлововедения АН СССР, о реорганизации мерзлотной станции. 16 октября 1946 г. Советом министров СССР принято решение о преобразовании в 1947 г. Воркутинской научно-исследовательской мерзлотной станции путем ее разделения на две организации – Геотехническую контору комбината «Воркутауголь» и Воркутинскую научно-исследовательскую мерзлотную станцию Института мерзлововедения им. В.А. Обручева АН СССР [33].

Станция была передана в ведение Академии наук СССР и финансировалась исключительно из союзного бюджета. За ней остались научно-исследовательские работы по изучению вечной мерзлоты, научное обобщение полевых материалов, накопленных за прежние десять лет, наблюдение за объектами строительства.

При этом ставилась задача расширения тематики научных исследований и качественной опытной и изыскательской работы ВНИМС.

В конце 1940–1950-х гг. ученые станции продолжили работу по обследованию Печорского угольного бассейна. В этот период значительный вклад в работу ВНИМС внесли А.Т. Акимов, В.М. Барыгин, В.Ф. Жуков, Ю.Т. Уваркин и др., а также исследователи из числа заключенных и бывших заключенных Воркутлага: З.Ф. Руофф, И.В. Бойко, И.Н. Горчаков, А.В. Голубев, В.В. Паладько и др. ВНИМС был принят ряд экспедиций в районы рек Адзъява, Колва, Коротаиха. В 1952 г. организована многолетняя Комплексная северная геофизическая экспедиция, которая в течение нескольких лет проводила расширенные мерзлотные исследования в Большеземельской тундре (начальник А.Т. Акимов) [34. Л. 4]. Начались масштабные исследования в области изучения криогенного микрорельефа и его взаимосвязи с мерзлотными условиями Большеземельской тундры (И.А. Тютинов, В.И. Яковлев, П.Д. Бондарев) [35]. Продолжил свои изыскания гидрологических условий Воркутинского района В.М. Барыгин. Результаты его многолетних исследований легли в основу монографии «Подземные воды Воркутинского района» (1953) [36].

В 1958 г. ВНИМС преобразована в Северное отделение Института мерзлотоведения АН СССР (с 1961 г. – Северное отделение Института мерзлотоведения Госстроя СССР). В 1964 г. отделение было передано в ведение Научно-исследовательского института оснований и подземных сооружений (НИИОСП) Госстроя СССР¹². Специалисты организации на протяжении долгих лет успешно исследовали вопросы вечной мерзлоты и разрабатывали способы строительства капитальных зданий и сооружений на вечномерзлых грунтах. Сегодня обеспечением сохранности зданий, построенных на вечной мерзлоте на территории Республики Коми, занимается ГБУ РК «Геокриологиче-

ская служба», в основе работы которой лежат методика и разработки, созданные ВНИМС и Северным отделением НИИОСП им. Н.М. Герсванова.

Заключение

Изучение вечной мерзлоты на европейском северо-востоке СССР в первой половине XX в. было тесно связано с промышленным освоением этой территории. С 1930-х гг. Комиссией по изучению вечной мерзлоты АН СССР начали проводиться экспедиционные исследования с целью изучения вечной мерзлоты и определения оптимальных условий добычи здесь полезных ископаемых и строительства будущих объектов индустрии. По результатам изысканий исследователи дали положительные рекомендации по развертыванию на этой территории промышленного строительства. Однако климатические и природные особенности региона потребовали стационарных научных исследований в области проектирования и строительства. Такие изыскания начала проводить Воркутинская научно-исследовательская мерзлотная станция (1936–1958 гг.), находящаяся под кураторством Академии наук СССР. Она осуществляла изыскания вечномерзлых грунтов на территории Печорского угольного бассейна. На основе методик, предложенных учеными станции, были запроектированы крупные промышленные сооружения Воркутинского района и г. Воркуты, в том числе и первая северная железная дорога в условиях вечной мерзлоты. Деятельность этих ученых и специалистов стала основой в успешном решении проблем промышленного и гражданского строительства на территории европейского северо-востока страны. Изучение исторического опыта мерзлотных изысканий позволяет нынешнему поколению глубже понимать проблемы современного развития регионов, находящихся в зоне распространения криолитозоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Криолитозона – верхний слой земной коры, характеризующийся отрицательной температурой пород и почв и наличием или возможностью существования подземных льдов.

² Геокриология (мерзлотоведение) – раздел геологии, наука, изучающая мерзлые горные породы, особенности их состава, строения, закономерности, включая подземные и наземные скопления льда и снега. Площадь распространения многолетнемерзлых пород (криолитозоны) составляет около 65% территории России.

³ Печорский угольный бассейн – угольный бассейн, расположенный на западном склоне Полярного Урала и Пай-Хоя, в Республике Коми и Ненецком автономном округе Архангельской области.

⁴ Сковородино – город (с 1927 г.) в России, административный центр Сковородинского района Амурской области.

⁵ Оксино – село в Заполярном районе Ненецкого автономного округа Российской Федерации. Административный центр Пустозерского сельсовета. Основано в 1574 г.

⁶ В выявленных архивных документах встречаются различные трактовки названия научной организации: Воркутинская научно-исследовательская мерзлотная станция, Воркутинская мерзлотная станция, Мерзлотная Воркутинская станция, Воркутинская мерзлотная станция Ухтпечлага. Авторы статьи будут придерживаться названия «Воркутинская научно-исследовательская мерзлотная станция» (ВНИМС).

⁷ Яновский Владимир Константинович (1907–1955), мерзлотовед, доктор геолого-минералогических наук (1950 г.), начальник Воркутинской научно-исследовательской мерзлотной станции (1936–1939, 1953–1955 гг.). Разработал методику полевых мерзлотно-грунтовых исследований, которая вошла в практику всех последующих дорожных изысканий в северных и восточных районах страны [27. С. 352].

⁸ Братцев Леонид Александрович (1899–1990), инженер-мерзлотовед, кандидат геолого-минералогических наук (1944 г.). С 1938 по 1941 г. занимал должности главного инженера и заместителя начальника станции, а в 1941–1948 гг. возглавлял ВНИМС. Проведенные исследования стали основой кандидатской диссертации «Вечная мерзлота в Коми АССР» [28].

⁹ Кудрявцев Владимир Алексеевич (1911–1982), мерзлотовед, гидрогеолог, доктор географических наук (1950 г.). Работал в должности инженера и начальника производственного сектора ВНИМС до 1938 г. Впоследствии стал основателем научной школы геокриологов Московского государственного университета [29].

¹⁰ Буровые работы – это комплекс мероприятий по разрушению пород грунта с целью исследования геологических особенностей территории для последующего строительства.

- ¹¹ Шурфовочные работы – вертикальное или наклонное углубление в земле для поиска и разведки полезных ископаемых.
- ¹² В 1964–1988 гг. – Северное отделение Научно-исследовательского института оснований и подземных сооружений Госстроя СССР (НИИОСП) (с 1973 г. НИИОСП им. Н.М. Герсеева), в 1988–2000 гг. – Северный филиал НИИОСП им. Н.М. Герсеева, в 2000–2005 гг. – Северный научный центр НИИОСП им. Н.М. Герсеева. В 2005 г. организация ликвидирована.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оберман Н.Г. Деградация мерзлоты в условиях глобального потепления и ее влияние на инфраструктуру в восточной части Баренцева региона. 2008. URL: http://www.barentsinfo.fi/beac/docs/WGE_Naum_Oberman_RUS.pdf (дата обращения: 23.05.2018).
2. Анисимов О.А., Григорьев М.Н., Оберман Н.Г. и др. Оценочный отчет. Основные природные и социально-экономические последствия изменения климата в районах распространения многолетнемерзлых пород: прогноз на основе синтеза наблюдений и моделирования» (2010). Отделение международной неправительственной некоммерческой организации «Совет Гринпис», 2010. 44 с. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/Global/russia/report/2010/4/4607490.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).
3. Каменский Р.М. Что мы знаем о вечной мерзлоте // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77, № 2. С. 164–168.
4. Бровина А.А. Академия наук СССР и индустриальная модернизация страны: исторический опыт освоения приарктических территорий России (1920–1930-е гг.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 57–65. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.7.26605
5. Евдокимов-Рокотовский М.И. Постройка и эксплуатация инженерных сооружений в вечной мерзлоте. Томск : Сибирский строительный институт, 1931. 288 с.
6. Городков Б.Н. Вечная мерзлота в Северном крае // Труды СОПС АН СССР. Серия: Северная. Вып. 1. Л. : Изд-во АН СССР, 1932. 109 с.
7. Писарев Г.Ф., Датский Н.Г. Вечная мерзлота и условия строительства в Усинской лесотундре Северного края. Л. : Изд-во АН СССР, 1934. 142 с.
8. Институт мерзлотоведения им. В.А. Обручева АН СССР (1939–1963) / отв. ред. академик В.П. Мельников. Новосибирск : Гео, 2007. 194 с.
9. Силин В.И. Зарисовки по истории географических и краеведческих исследований Коми края. Сыктывкар : Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. 235 с.
10. Малкова Т.А. Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX в. (1901–1945 гг.). Сыктывкар : Ин-т языка, литературы и истории, 2008. 180 с.
11. Документальная история Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Коми филиал АН СССР в 1944–1964 гг. Сыктывкар, 2009. 456 с.
12. Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку европейской России чрез тундры самоедов к Северным Уральским горам, предпринятое в 1837 году Александром Шренком. СПб. : Типография Григория Трусова, 1855. 678 с.
13. Журавский А.В. Экспедиция в бассейне Печоры в 1909 г. // Известия общества изучения Русского севера. 1909. № 1. С. 51–56.
14. Журавский А.В. Северо-Печорская экспедиция // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1909. № 9. С. 57–67.
15. Журавский А.В. Результаты исследований «Приполярного» Запечорья в 1907 и 1908 гг. // Известия Русского географического общества. 1909. Т. 45. В. 1. С. 198–231.
16. Руднев Д.Д. Предварительный отчет о Большеземельской экспедиции в 1904 г. // Известия Русского географического общества. 1905. Т. 41. В. 3. С. 571–585.
17. Керцелли С.В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск : Губернская Типография, 1911. 13 с.
18. Сумгин М.И. Вечная мерзлота почвы в пределах СССР. Владивосток : Дальневосточная геофизическая обсерватория, 1927. 381 с.
19. Яновский В.К. Экспедиция на Печору по определению южной границы вечной мерзлоты // Вестник АН СССР. 1932. № 2. С. 46–48.
20. Зеликина Н.С. Из истории академических экспедиций в Коми Республику в 1930-е годы // Исследования Ухтинского района и Коми края : материалы конф. Ухта : Ухтинск. гос. ун-т, 2003. С. 33–36.
21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 906.
22. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУ РК «НА РК»). Ф. р-3. Оп. 1. Д. 1571.
23. Воркута – город на угле, город в Арктике / отв. ред.-сост. М.В. Гецен. Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2011. 512 с.
24. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар : Сыктывкарск. ун-т, 1997. 190 с.
25. ГУ РК «НА РК». Ф. 1668. Оп. 1. Д. 264.
26. Архив Российской академии наук. Ф. 268. Оп. 1. Д. 113.
27. Водолазкин В. Яновский Владимир Константинович // Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2000. Т. 3. 400 с.
28. Подоплелов В.П., Естафьев Г.А. Леонид Александрович Братцев (страницы биографии). Сыктывкар : Коми научный центр, 1996. 32 с.
29. Владимир Алексеевич Кудрявцев – основатель кафедры мерзлотоведения в Московском университете / под ред. В.Н. Зайцева. М. : Университетская книга, 2011. 120 с.
30. Российский Государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 82. Оп.1. Д. 242.
31. Труды Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева. Т. 6: Проходка и крепление шахтных стволов в вечномерзлой толще Европейского севера СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1944. 176 с.
32. ГУ РК «НА РК». Ф. р. 1329. Оп. 1. Д.679.
33. Архив РАН. Ф. 268. Оп. 1. Д. 361.
34. РГАЭ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 86.
35. Бондарев П.Д. Деформации зданий в районе Воркуты, их причины и методы предотвращения. М. : Изд-во Академии архитектуры СССР, 1957. 98 с.
36. Барыгин В.М. Подземные воды Воркутинского района. М. : Изд-во АН СССР, 1953. 108 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 августа 2020 г.

Studies of Permafrost in the European Northeast of Russia in the First Half of the 20th Century
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 173–181.
DOI: 10.17223/15617793/460/21

Tatyana P. Filippova, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: tanya.tatiana-fil@yandex.ru

Nina G. Lisevich, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: lisewitch.n@yandex.ru

Keywords: development of North; permafrost; European Northeast of Russia; Vorkuta; Academy of Sciences; Pechora coal basin.

On the basis of a wide range of sources, the research analyzes the history of the study of permafrost in the territory of the European Northeast of Russia in the first half of the 20th century. The documentary sources revealed in the Archive of the Russian Acad-

emy of Sciences (Moscow), the National Archive of the Komi Republic (Syktyvkar), the Scientific Archive of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar), the Vorkuta Museum and Exhibition Center (Vorkuta) are introduced into the scientific use for the first time. The 1920s became the period of the birth of a new scientific direction – permafrostology. This science gave an impetus to the systematic study and development of the North and the Arctic. The beginning of systematic geocryologic studies was connected with the development of the European Northeast in the 1920s–1930s. It has been determined that the USSR Academy of Sciences played the leading role in carrying out these studies: it organized special scientific expeditions for studying the cryolithozone of this region. The main results of the studies and their motives interconnected with the government's interests in the development of valuable northern mineral resources are shown. The results of the expeditions were conclusions about the possibility of constructing large industrial facilities in the regions of the explored reserves of natural raw material resources. Following scientists' recommendation, the industrial development of the Pechora coal basin and the colonization of the polar region began. The climatic and natural features of the region demanded stationary scientific research in the field of design and construction. The Vorkuta Research Permafrost Station (VRPS) (1936–1958), created under the supervision of the USSR Academy of Sciences, began to carry out this research. Today, the history of this station's activities is poorly studied. The article presents the main directions of VRPS research: engineering permafrostology and general issues of permafrost studies. The staff of the station were researchers of the Committee on Permafrost Studies of the USSR Academy of Sciences and scientists from among prisoners of GULAG. The role of the staff who made a great contribution to permafrost studies is shown. Under the leadership of the scientists of the station, on the basis of their techniques, large industrial structures of Vorkuta District and Vorkuta, among them the first railroad in the conditions of permafrost, were designed. The conclusion is drawn on the leading role of scientists of the USSR Academy of Sciences in carrying out studies of permafrost soil in the European Northeast in the first half of the 20th century which became the basis in the successful solution of construction problems in the Arctic territory.

REFERENCES

1. Oberman, N.G. (2008) *Degradatsiya merzloty v usloviyakh global'nogo poteplyeniya i ee vliyaniye na infrastrukturu v vostochnoy chasti Barentseva regiona* [Degradation of permafrost in the context of global warming and its impact on infrastructure in the eastern part of the Barents region]. [Online] Available from: http://www.barentsinfo.fi/beac/docs/WGE_Naum_Oberman_RUS.pdf. (Accessed: 23.05.2018).
2. Anisimov, O.A. et al. (2010) *Otsenochmyy otchet. Osnovnyye prirodnyye i sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya izmeneniya klimata v rayonakh rasprostraneniya mnogoletnemerzlykh porod: prognoz na osnove sinteza nablyudeniy i modelirovaniya (2010)* [Assessment report. The main natural and socioeconomic consequences of climate change in the areas of permafrost distribution: a forecast based on the synthesis of observations and modeling (2010)]. [Online] Available from: <http://www.greenpeace.org/russia/Global/russia/report/2010/4/4607490.pdf>. (Accessed: 10.05.2018).
3. Kamenskiy, R.M. (2007) Chto my znaem o vechnoy merzlotte [What we know about permafrost]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 77 (2). pp. 164–168.
4. Brovina, A.A. (2018) The Soviet Academy of Sciences and industrial modernization of the country: historical experience of the development of near-Arctic territories of Russia (1920s–1930s). *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: Historical Research*. 7. pp. 57–65. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-868X.2018.7.26605
5. Evdokimov-Rokotovskiy, M.I. (1931) *Postroyka i ekspluatatsiya inzhenernykh sooruzheniy v vechnoy merzlotte* [Construction and operation of engineering structures in permafrost]. Tomsk: Siberian Construction Institute.
6. Gorodkov, B.N. (1932) *Vechnaya merzlota v Severnom krae* [Permafrost in Northern Krai]. In: *Trudy SOPS AN SSSR. Seriya: Severnaya* [Proceedings of the Council for the Study of the Productive Forces of the USSR Academy of Sciences. Series: North]. Vol. 1. Leningrad: USSR AS.
7. Pisarev, G.F. & Datskiy, N.G. (1934) *Vechnaya merzlota i usloviya stroitel'stva v Usinskoj lesotundre Severnogo kraja* [Permafrost and construction conditions in the Usinsk forest-tundra of Northern Krai]. Leningrad: USSR AS.
8. Mel'nikov, V.P. (ed.) (2007) *Institut merzlotovedeniya im. V.A. Obrucheva AN SSSR (1939–1963)* [The Obruchev Permafrost Institute of the USSR Academy of Sciences (1939–1963)]. Novosibirsk: Geo.
9. Silin, V.I. (2007) *Zarisovki po istorii geograficheskikh i kraevedcheskikh issledovaniy Komi kraja* [Essays on the history of geographical and regional studies of the Komi region]. Syktyvkar: Komi Pedagogical Institute.
10. Malkova, T.A. (2008) *Nauchnye issledovaniya territorii Respubliki Komi v pervoy polovine XX v. (1901–1945 gg.)* [Scientific research of the territory of the Komi Republic in the first half of the 20th century. (1901–1945)]. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History.
11. Roshchevskaya, L.P. et al. (2009) *Dokumental'naya istoriya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Komi filial AN SSSR v 1944–1964 gg.* [The documentary history of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The Komi Branch of the USSR Academy of Sciences in 1944–1964]. Syktyvkar: Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
12. Shrenk, A.I. (1855) *Puteshestvie k severo-vostoku evropeyskoy Rossii chrez tundry samoedov k Severnym Ural'skim goram, predprinyatoye v 1837 godu Aleksandrom Shrenkom* [A journey to the north-east of European Russia through the Samoyed tundra to the Northern Ural Mountains undertaken in 1837 by Alexander Shrenk]. St. Petersburg: Tipografiya Grigoriya Trusova.
13. Zhuravskiy, A.V. (1909) *Ekspeditsiya v bassejny Pechory v 1909 g.* [Expedition in the Pechora basin in 1909]. *Izvestiya obshchestva izucheniya Russkogo severa*. 1. pp. 51–56.
14. Zhuravskiy, A.V. (1909) *Severo-Pechorskaya ekspeditsiya* [The North-Pechora expedition]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo severa*. 9. pp. 57–67.
15. Zhuravskiy, A.V. (1909) *Rezul'taty issledovaniy "Pripolynarnogo" Zapechor'ya v 1907 i 1908 gg.* [The results of the research of the "subpolar" trans-Pechora region in 1907 and 1908]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 45 (1). pp. 198–231.
16. Rudnev, D.D. (1905) *Predvaritel'nyy otchet o Bol'shezemel'skoy ekspeditsii v 1904 g.* [A preliminary report on the Bolshezemelskaya expedition in 1904]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 41 (3). pp. 571–585.
17. Kertselli, S.V. (1911) *Po Bol'shezemel'skoy tundre s kochevnikami* [Through the Bolshezemelskaya tundra with nomads]. Arkhangel'sk: Gubernskaya Tipografiya.
18. Sumgin, M.I. (1927) *Vechnaya merzlota pochvy v predelakh SSSR* [Permafrost soil within the USSR]. Vladivostok: Dal'nevostochnaya geofizicheskaya observatoriya.
19. Yanovskiy, V.K. (1932) *Ekspeditsiya na Pechoru po opredeleniyu yuzhnoy granitsy vechnoy merzloty* [Expedition to the Pechora to determine the southern boundary of permafrost]. *Vestnik AN SSSR*. 2. pp. 46–48.
20. Zelikina, N.S. (2003) [From the history of academic expeditions to the Komi Republic in the 1930s]. *Issledovaniya Ukhtinskogo rayona i Komi kraja* [Research of the Ukhta district and the Komi region]. Conference Proceedings. Ukhta: Ukhta State University. pp. 33–36. (In Russian).
21. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. List 3. File 906.
22. National Archive of the Komi Republic (NA RK). Fund r-3. List 1. File 1571.
23. Getsen, M.V. (ed.) (2011) *Vorkuta – gorod na ugle, gorod v Arktike* [Vorkuta: a city on coal, a city in the Arctic]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya.

24. Morozov, N.A. (1997) *GULAG v Komi krae. 1929–1956* [GULAG in the Komi region. 1929–1956]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
25. National Archive of the Komi Republic (NA RK). Fund 1668. List 1. File 264.
26. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 268. List 1. File 113.
27. Vodolazkin, V. (2000) Yanovskiy Vladimir Konstantinovich [Vladimir Konstantinovich Yanovsky]. In: Roshchevskiy, M.P. et al. (eds) *Respublika Komi: Entsiklopediya* [The Komi Republic: Encyclopedia]. Vol. 3. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.
28. Podoplelov, V.P. & Estaf'ev, G.A. (1996) *Leonid Aleksandrovich Brattsev (stranitsy biografii)* [Leonid Alexandrovich Brattsev (biography pages)]. Syktyvkar: Komi Science Centre.
29. Zaytsev, V.N. (ed.) (2011) *Vladimir Alekseevich Kudryavtsev – osnovatel' kafedry merzlotovedeniya v Moskovskom universitete* [Vladimir Alekseevich Kudryavtsev – the Founder of the Permafrost Department at Moscow University]. Moscow: Universitetskaya kniga.
30. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 82. List 1. File 242.
31. Obruchev Permafrost Institute. (1944) *Trudy Instituta merzlotovedeniya im. V.A. Obrucheva* [Proceedings of the Obruchev Permafrost Institute]. Vol. 6. Moscow: USSR AS.
32. National Archive of the Komi Republic (NA RK). Fund r. 1329. List 1. File 679.
33. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 268. List 1. File 361.
34. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 82. List 1. File 86.
35. Bondarev, P.D. (1957) *Deformatsii zdaniy v rayone Vorkuty, ikh prichiny i metody predotvrashcheniya* [Deformations of buildings in the area around Vorkuta, their causes and methods of prevention]. Moscow: Academy of Architecture of the USSR.
36. Barygin, V.M. (1953) *Podzemnye vody Vorkutinskogo rayona* [Underground waters of Vorkuta District]. Moscow: USSR AS.

Received: 14 August 2020

ПЕДАГОГИКА

УДК 796.92:159.9

М.Н. Ковалева, А.С. Лопухина, Н.Н. Мелентьева

ТЕХНОЛОГИЯ КРІ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Рассматриваются вопросы профессиональной деятельности преподавателей физического воспитания. Представлены способы повышения результативности деятельности посредством применения бизнес-технологии КРІ. Исходя из результатов анализа взаимосвязи технологии КРІ и показателей качества преподавательской деятельности, авторами разработана программа тренинга, направленная на формирование нового подхода к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: КРІ; деятельность преподавателей; физическая культура и спорт; технология; образование; программа тренинга; показатели эффективности.

В системе высшего образования России сложилась практика реализации таких традиционных процессов, как наука и образование. Вместе с тем существует тесная связь между системой высшего образования и экономикой страны. Влияние экономики на высшее образование сегодня формирует новый горизонт развития в целом системы образования и обуславливает необходимость пересмотра традиционных процессов, происходящих внутри высших учебных заведений.

Вузы выступают индикатором экономической состоятельности страны: проводят фундаментальные исследования, генерируют развитие высоких технологий, новейших знаний, на площадке вузов объединяются и обмениваются опытом представители различных отраслей экономики, бизнеса и государства, что в свою очередь оказывает существенное влияние на экономику как отдельно взятого региона, так и страны в целом.

Вузы, имеющие государственный статус, получают финансирование от государства и могут самостоятельно вести предпринимательскую деятельность, оказывая образовательные услуги, а также привлекая дополнительные денежные средства за счет грантов, спонсоров, меценатов и т.д. Деятельность высших учебных заведений во многом становится схожей с деятельностью коммерческих организаций.

Самостоятельность в привлечении денежных средств вузы получили в 1992 г. В соответствии с законодательством образовательное учреждение вправе вести предпринимательскую деятельность, предусмотренную уставом. В соответствии со ст. 47 закона «Об образовании» к предпринимательской деятельности образовательного учреждения относятся: реализация и сдача в аренду основных фондов и имущества образовательного учреждения; торговля покупными товарами, оборудованием; оказание посреднических услуг; долевое участие в деятельности других учреждений (в том числе образовательных) и организаций; приобретение акций, облигаций, иных ценных бумаг и получение доходов (дивидендов, процентов) по ним; ведение приносящих доход иных предусмотренных уставом работ, услуг [1].

Таким образом, традиционная система высшего образования в условиях рыночной экономики стано-

вится сферой оказания услуг. Услуги условно можно разделить по сферам их реализации:

1. Сфера образования: создание новых востребованных специальностей, открытие курсов повышения квалификации и др.

2. Услуги в научно-производственной и инновационной сфере: фундаментальные, прикладные, мониторинговые исследования, научная работа обучающихся, патентование и охрана интеллектуальной собственности, инновационное проектирование, создание новых технологий.

3. Услуги в сфере информации: тиражирование научных исследований, научных статей, образовательных программ, развитие локальных и корпоративных сетей в интернете.

4. Услуги в сфере расширения международных связей: развитие международных связей, поддержка обучающихся иностранцев, координация международных проектов и контрактов, представление вуза на международном уровне и организация приема международных официальных делегаций.

5. Услуги в социально-культурной сфере: социально-культурное развитие общества, приобщение к культуре и творчеству [2. С. 10].

Качество и спектр реализуемых вузом услуг во многом определяет его эффективность и конкурентоспособность. Парадигма сосуществования современного вуза и экономики страны обуславливает необходимость применения вузами технологий, уже доказавших свою жизнеспособность в экономической среде, в частности в сфере бизнеса.

Интерес у исследователей к изучению проблемы внедрения бизнес-технологий в систему высшего образования довольно высок. Проанализировав мнение различных специалистов, мы пришли к выводу о том, научная мысль обращена прежде всего к изучению систем и моделей, которые затрагивают процессы эффективного расходования бюджетных средств (модели бюджетного финансирования в сфере науки и образования) в вузах, технологии по привлечению внебюджетных средств, внедрение PR-служб и служб маркетинга в управленческую структуру вуза, пути повышения спроса на образовательные услуги, технологии эффективного управления персоналом и др.).

Остановимся на проблеме внедрения технологий по управлению персоналом, в частности, профессорско-преподавательским составом вуза.

По мнению В.В. Иноземцевой, среди принципов Болонской декларации, которую Россия подписала в 2003 г., важным является принцип качества образования, подразумевающий в том числе высокий уровень профессорско-преподавательского состава вуза. Функции, выполняемые сотрудниками профессорско-преподавательского состава, сложно переоценить. Качество выполнения функций зависит от компетентности сотрудников в предметно-методологической (наличие знаний по предмету, владение современными образовательными технологиями), организационно-педагогической (умение организовывать образовательную деятельность) и других сферах деятельности [3. С. 108].

Несмотря на достаточно узкую специфику, данная проблема является недостаточно изученной. Необходимость совершенствования системы управления кадровым потенциалом высшей школы обусловлена рядом причин, главная из которых – решение задачи повышения качества высшего образования в соответствии с потребностями и социально-экономическим заказом общества.

Профессорско-преподавательский состав является сложным объектом управления, прежде всего в силу многозадачности и разнообразия его трудовых функций. На наш взгляд, особого внимания требует отдельная категория сотрудников из всего числа профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения (неспортивного профиля), а именно преподаватели физического воспитания. Данная категория представителей трудового коллектива призвана выполнять особые функции, среди которых, помимо общих педагогических (образование, обучение и воспитание): управленческо-организаторская (проведение событийных мероприятий спортивного и оздоровительного направления как для отдельных категорий обучающихся, так и при участии всех обучающихся вуза; взаимодействие с федерациями спорта, государственными и коммерческими организациями в рамках своих полномочий и т.д.), административно-хозяйственная (участие в приобретении, ремонте спортивного оборудования, инвентаря и др.), проектировочная (осуществление персонифицированного планирования в зависимости от уровня физической подготовки, здоровья, навыков, умений, предпочтений обучающихся).

К профессиональным компетенциям преподавателей физического воспитания, помимо базовых, предъявляются особые требования. Так, преподаватели должны иметь достаточный уровень физической подготовленности, постоянно поддерживать физическую форму, предъявляются высокие требования и к психоэмоциональному состоянию, поскольку деятельность связана с ответственностью за жизнь и здоровье занимающихся. Преподаватели работают в особых условиях, испытывают значительную нагрузку на речевой аппарат и голосовые связки (занятия проходят на открытом воздухе при различных погодных условиях, в спортзале работают без микрофона). Препода-

вателям необходимо постоянно поддерживать высокий уровень мотивации занимающихся, воспитывать волю, умение работать в команде и т.д. Соответственно, возникает необходимость четко планировать, регламентировать ход занятий, использовать новаторские технологии.

Описанные выше некоторые из функций, составляющих основу деятельности преподавателей физического воспитания, помогают сделать вывод о том, что для успешной деятельности преподаватель должен быть не только педагогом, но и менеджером (управленцем) учебно-образовательного процесса.

В целом высокие требования к профессорско-преподавательскому составу вузов закреплены в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования [4. С. 32].

В этой связи исключительную актуальность представляет проведение исследования о поиске технологичных, уже доказавших свою эффективность в различных областях, для повышения результативности деятельности преподавателей физического воспитания.

Целью исследования явилось изучение процессов повышения эффективности и результативности деятельности преподавателей физического воспитания посредством применения бизнес-технологии КРІ.

Для реализации цели нами решались следующие задачи:

1. Обосновать эффективность применения бизнес-технологии КРІ в системе высшего образования.
2. Выявить особенности деятельности преподавателей физического воспитания.
3. Определить критерии результативности и эффективности работы преподавателей физического воспитания.
4. Разработать программу тренинга для преподавателей физического воспитания для успешного внедрения технологии КРІ.

Научная новизна исследования состоит в том, что по его данным нами были разработаны программа тренинга для преподавателей физического воспитания и механизм по повышению эффективности и результативности их деятельности.

Основными методами нашего исследования явились: анализ учебной, методической, научной литературы, периодических изданий, нормативных документов и законодательных актов, а также анкетирование и SWOT-анализ.

В ходе исследования мы рассмотрели практику применения технологий повышения эффективности и мотивации работы сотрудников в различных сферах деятельности на примере бизнес-технологии КРІ.

Зарубежный опыт показывает, что введение технологии КРІ существенно повышает эффективность и результативность работы как частных компаний, так и государственных органов исполнительной власти.

Россия, разрабатывая свои собственные методики, учитывает и зарубежный опыт, в том числе использует и внедряет успешные зарубежные технологии, такие как КРІ [5. С. 121].

КРІ – это аббревиатура Key Performance Indicator. Термин обозначает ключевые показатели эффективности, которые можно использовать для определения

эффективности деятельности сотрудников в организации, в том числе образовательной. Какие КРІ следует рассматривать для измерения успеха или неудачи, зависит от специфики деятельности сотрудника организации, конкретных целей и задач, которые решает сама организация.

Ключевые показатели эффективности позволяют анализировать процессы управления и контроля в организации. Благодаря последовательному мониторингу процессы и действия могут быть соответ-

ствующим образом скорректированы и оптимизированы.

Для оценки эффективности применения технологии КРІ мы использовали SWOT-анализ. За основу были взяты данные, описывающие опыт российских компаний, применяющих в своей деятельности КРІ. Эти данные были опубликованы в открытых источниках за последние пять лет.

Мы получили следующую матрицу квадрантов (рис. 1).

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ МЕСТА
1. КРІ сопряжен с ключевыми целями и задачами организации. 2. Гибкая система, которая позволяет корректировать действия на всех этапах внедрения. 3. Формирует ответственность сотрудников за результат труда. 4. Дает возможность предвидеть результаты деятельности по поставленным задачам	1. Для внедрения КРІ необходимо участие опытного эксперта. 2. Большое количество показателей (долгий расчет результатов и сложность отслеживания изменений)
ВОЗМОЖНОСТИ	УГРОЗЫ / РИСКИ
1. Позволяет свести к минимуму ошибок при подборе сотрудников. 2. Дает возможность прозрачно и объективно оценивать результаты труда сотрудников. 3. Повышает мотивацию сотрудников профессионально расти. 4. Автоматизация системы КРІ	1. На этапе разработки КРІ может возникнуть риск, связанный с выбором ключевых показателей, которые не будут привязаны к цели, к мотивированию. 2. Сопротивление персонала изменениям

Рис. 1. Оценка эффективности применения технологии КРІ методом SWOT-анализа

Преимущества технологии КРІ очевидны, оценка результатов деятельности имеет прозрачный эффект, что делает ее понятной для сотрудников, формирует доверие к руководству организации, способствует формированию внутренней мотивации следовать миссии организации, участвовать в реализации основных целей и задач, а также дает четкое представление о том, за достижение какого результата они получат справедливое вознаграждение [6. С. 29].

Важность взаимосвязи между миссией вуза, его стратегической целью и деятельностью профессорско-преподавательского состава выражается в том, что эта взаимосвязь формирует показатели качества деятельности самого вуза, его престиж и, соответственно, конкурентоспособность. Миссией высших учебных заведений повсеместно является подготовка высококвалифицированных специалистов и реализация инноваций в образование и науку для удовлетворения потребностей личности, общества и государства. Стратегической целью зачастую выступает становление и развитие самого вуза с учетом современ-

ных условий. От того, насколько вуз будет эффективен, зависит и положение сотрудников, выражающееся и в уровне их заработной платы. Для реализации миссии и цели вуза сотрудники профессорско-преподавательского состава должны обладать определенным уровнем квалификации, набором компетенций для выполнения своих профессиональных функций.

Анализ функций, выполняемых преподавателями, позволяет конкретизировать содержание их деятельности.

В ходе исследования мы проанализировали основные традиционные функции сотрудников профессорско-преподавательского состава, в том числе и функции преподавателей физического воспитания. Определили и особые функции, которые появились сравнительно недавно под влиянием процессов, происходящих в российском обществе и государстве, а также в масштабах мирового сообщества. Обобщенно результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Функции профессорско-преподавательского состава вуза

№ п/п	Традиционные, характерные для большинства сотрудников ППС	Инновационные, сформированные в современных условиях за последние 3–5 лет	Специфичные, характерные для преподавателей физического воспитания
1. Учебная работа			
1.1	– чтение лекций, проведение практических, лабораторных, семинарских и других аудиторных занятий (традиционный формат)	– то же в онлайн-формате с применением различных электронных платформ и приложений	– проведение спортивных сборов по культивируемым в вузе видам спорта
1.2	– проведение консультаций по текущим учебным дисциплинам, перед текущей и итоговой аттестацией	– то же в онлайн-формате	
1.3	– контроль знаний, проведение текущей и итоговой аттестации	– то же в онлайн-формате	
1.4	– руководство практикой, курсовой работой, ВКР и др.	<i>для спортивных вузов</i>	<i>для спортивных вузов</i>

№ п/п	Традиционные, характерные для большинства сотрудников ИПС	Инновационные, сформированные в современных условиях за последние 3–5 лет	Специфичные, характерные для преподавателей физического воспитания
2. Учебно-методическая работа			
2.1	– совершенствование методик обучения		
	– подготовка к учебным занятиям		– специфичная подготовка, связанная с улучшением своей физической формы и спортивного мастерства
2.2	– подготовка и проектирование рабочих программ учебных дисциплин		
2.3	– подготовка и проектирование учебно-методических пособий по дисциплине, наглядных пособий		
2.4		– разработка видеолекций, презентаций составление интерактивных комплектов тестовых заданий, поддерживаемых смартфонами	
		– активизация самостоятельной работы обучающихся	– формирование волевых качеств у обучающихся и устойчивых мотивов к самостоятельным специфическим (физкультурно-спортивным) занятиям
3. Научно-методическая и научно-исследовательская			
3.1	– изучение и обобщение передового опыта организации учебного процесса		
3.2	– разработка и внедрение инновационных методов и технологий обучения		
3.3	– разработка методов контроля и управления качеством подготовки обучающихся на всех этапах обучения		
3.4	– выступление с докладами на научно-методических конференциях и семинарах		
3.5	– руководство научной работой обучающихся		
3.6	– участие в конкурсах на получение грантов		
3.7	– прохождение повышения квалификации		
3.8	– подготовка квалификационной работы в ходе повышения квалификации (для аспирантов и докторантов)		
3.9		– повышение квалификации в госорганах, а также в бизнес-структурах, сотрудничество с практиками (для реализации модели практико-ориентированного обучения)	
3.10	– руководство научным кружком по интересам обучающихся		
3.11		– проведение научно-обоснованного прогнозирования успешности обучающихся в рамках преподаваемых дисциплин, формирование карты развития обучающегося на среднесрочную перспективу	
3.12	– публикация научных исследований по профилю тематических разработок в периодических и научных изданиях в различных базах цитирования		
4. Организационно-методическая			
4.1	– участие в работе общественных методических органов (советы, комиссии), в системе управления вуза		
4.2	– самоанализ качества собственной методической деятельности		
4.3		– проведение анкетирования обучающихся с целью получения обратной связи и дальнейшего совершенствования учебного процесса	
4.4	– анализ методической деятельности других преподавателей (взаимопосещение занятий)		
4.5		– экспертиза методического обеспечения дисциплины	
4.6		– анализ методического сопровождения образовательных программ	

№ п/п	Традиционные, характерные для большинства сотрудников ИПС	Инновационные, сформированные в современных условиях за последние 3–5 лет	Специфичные, характерные для преподавателей физического воспитания
5. Воспитательная			
5.1	– соорганизация и участие в мероприятиях, проводимых вузом в рамках плана по воспитательной работе		– организация и проведение мероприятий для сотрудников и / или обучающихся вуза в рамках формирования культуры здорового образа жизни
5.2		– организация общественно полезной, волонтерской деятельности	
5.3	– организация и / или участие в спортивно-массовых мероприятиях, проводимых вузом в рамках плана по спортивной работе		– организация регулярных соревнований, проводимых внутри вуза, внешних и общегородских
5.4	– кураторство учебных групп		
5.5	– проведение бесед с обучающимися о нормах толерантного поведения, навыков межкультурного взаимодействия, воспитание гражданско- патриотических качеств		
5.7		– организация и участие в мониторинге за проявлением деструктивных состояний обучающихся, экстремистского и противоправного поведения, в том числе по аккаунтам в социальных сетях, оперативное реагирование и при наличии возможности оказание адресной помощи	
5.8	– взаимодействие с выпускниками вуза		
5.9	– выявление творческих ориентированных обучающихся для раскрытия их потенциала		
6. Имиджевая			
6.1		– участие в рекламной кампании вуза	
6.2		– ведение собственных официальных аккаунтов в социальных сетях, с освещением в них в том числе преимуществ обучения в вузе	– ведение блога о ЗОЖ и о специфике тренировок
6.3		– размещение на различных интернет-платформах контента, формирующего положительный имидж вуза	
6.4	– участие в профориентационных внешних мероприятиях (ярмарки вакансий, выставки профессий)		
6.5	– участие в днях открытых дверей, проводимых вузом	– то же онлайн	
6.6	– участие в профориентационных встречах в общеобразовательных, среднеспециальных учебных заведениях, как городских, так и расположенных в сельской местности и других городах		
6.7		– развитие и пропаганда традиций и культуры вуза (повсеместно, а также в беседах с обучающимися)	
6.8		– развитие международных связей	
		– работа над формированием собственного положительного имиджа, управление репутацией, работа над узнаваемостью, в том числе в сети Интернет	
7. Этическая			
7.1	– строгое соблюдение установленного режима работы (начало и окончание рабочего дня в соответствии с расписанием занятий)		
7.2	– отсутствие вредных привычек		
7.3	– соблюдение норм этикета и дресс-кода, принятых в учебном учреждении		
7.4	– участие в мероприятиях по уборке территории вуза, озеленении и т.д		
7.5	– организация и участие в мероприятиях, проводимых для сотрудников вуза с целью их оздоровления и досуга		

В целом анализ показал, что за последние несколько лет трансформировалась и профессиональная деятельность преподавателей физического воспитания, требующая совершенствования профессиональ-

ных компетенций, базовых знаний и умений. Изменения, соответственно, коснулись и показателей, определяющих эффективность деятельности.

Традиционно эффективность деятельности преподавателей оценивалась: по результатам посещения контрольных и открытых занятий; анкетирования обучающихся; по результатам самооценки сотрудников; с учетом общественного мнения; на основе системы показателей научно-педагогической деятельности [7. С. 42].

Особый показатель эффективности деятельности преподавателей физического воспитания – показатель уровня здоровья и физической подготовленности занимающихся. На наш взгляд, такая оценка эффективности является относительной, поскольку не учитывает специфику деятельности преподавателей физического воспитания и не является моделирующей. В данном случае моделирование рассматривается как

готовность и интерес к работе, постановка и наличие мотива достижения цели деятельности и мотивов повышения квалификации, удовлетворенность собственной деятельностью [9].

Выше мы выяснили, что современным инструментом повышения мотивации сотрудников является технология КРІ, которая также дает возможность руководству вуза управлять системой стимулирования труда.

Для расчетов специалисты в области КРІ-технологии применяют правило «10/80/10», которое означает, что сотрудник должен иметь до 10 показателей результативности, до 80 производственных показателей и 10 ключевых показателей эффективности [8].

Соответственно, определив показатели деятельности преподавателя и их количество, необходимо составить матрицу по следующему типу (табл. 2).

Таблица 2

Показатели эффективности работы сотрудника

A	B	C	D	E	F	G
Ключевые показатели	Вес	База, %	Норма, %	Цель, %	Факт, %	Индекс КРІ, %
1	0,2	60	95	100	90	95
2	0,3	95	95	100	85	89
3	0,25	95	99	100	100	125
4	0,25	85	90	100	90	100
Коэффициент результативности (КРІ)						102,25%

Показатели: В – значимость каждого показателя. В одной таблице сумма весов в большинстве случаев равна 1. С – минимальное значение показателя, D – плановый показатель, E – значение, к которому нужно стремиться. Сверхнормативный показатель. F – фактические результаты работы. G – уровень результата по отношению к норме.

Ключевыми показателями (А) являются те показатели, которые руководство вуза считает наиболее значимыми. Формируются как для группы сотрудников, к примеру в соответствии с занимаемой ими должностью (ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор), так и персонально для сотрудника, в зависимости от решаемых им задач.

Для расчета результативности сотрудника необходимо знать индексы КРІ по каждому показателю. Формула для расчета представлена ниже (1).

$$\text{Индекс КРІ} = \frac{F-B}{D-B} \times 100\% . \quad (1)$$

Коэффициент результативности

$$\text{КРІ} = \frac{\sum \text{индекс КРІ}}{n} , \quad (2)$$

где n – количество ключевых показателей [4, 10].

Коэффициент результативности позволит оценить вклад каждого сотрудника в развитие организации. Далее используется градация: в зависимости от процента результативности работника, указанного в табл. 3, будет зависеть коэффициент, благодаря которому

рассчитывается размер премиальной части. Градация представлена в табл. 3.

Таблица 3

Взаимосвязь результативности и коэффициента выполнения

Результативность сотрудника, %	Коэффициент
Выполнение плана менее 80	0
Выполнение плана 80–90	0,5
Выполнение плана 90–100	1
Выполнение плана свыше 100	1,2

Для применения технологии КРІ в деятельности преподавателей физического воспитания необходимо разграничить показатели эффективности. Так, показатели, характеризующие текущую деятельность преподавателей физического воспитания условно, учитываются, как правило, за один календарный месяц (оперативные показатели). С помощью оперативных показателей можно адаптировать существующие цели под изменяющиеся условия. Показатели, которые определяют стратегию развития преподавателя на средне- и долгосрочную перспективу (семестр, учебный год), – организационно-стратегические. Эти показатели корректируются при помощи оперативных данных. К стратегическим показателям относят, к примеру, вклад сотрудника в продвижение вуза в международных рейтингах (количество публикаций в журналах, индексируемых международными базами данных Scopus / Web of Science) и др.

Таким образом, эффективность и результативность профессиональной деятельности преподавателей физического воспитания приобретает новое качество,

поскольку индекс КРІ стимулирует преподавателей к формированию плана индивидуального развития на основе анализа разницы между желаемым и фактическим уровнем.

Измеримость показателей эффективности дает руководству вуза (подразделения) возможность объективно и прозрачно совершенствовать систему установления надбавок стимулирующего характера для преподавателей с учетом миссии и целей организации, оперативно управлять процессами в соответствии с меняющимися задачами.

Опыт организаций, внедряющих технологию КРІ, свидетельствует о том, что система будет положительно восприниматься сотрудниками и, соответственно, в короткие сроки станет применимой только тогда, когда сотрудники смогут пройти специальное обучение, примут непосредственное участие в процессе внедрения технологии, будут иметь возможность прямой коммуникации с руководством вуза.

Обучение преподавателей физического воспитания осуществляется в виде тренинга. Ниже представлена программа тренинга (табл. 4).

Таблица 4

Программа тренинга «Управление эффективностью, как результат применения технологии КРІ»

Цель	Повысить личную и корпоративную эффективность с помощью технологии КРІ
Продолжительность	1 день, 8 академических часов, перерыв 30 минут
Задачи	Освоение технологии КРІ. Разработка плана повышения эффективности организации в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Развитие навыков постановки целей, планирования, делегирования
Методы обучения	Информационные блоки. Моделирование профессиональных функций. Деловые игры с обратной связью. Ролевые игры с видеоанализом. Анализ рабочих ситуаций с обратной связью. Тестирование на закрепление знаний
План	Введение в тему тренинга. Информационный блок. Практическая часть. Обсуждение, обмен мнениями
Результаты	У сотрудников сформировано устойчивое представление о том, что влияет на повышение эффективности их труда. Посредством изучения теоретической и практической основы применения технологии КРІ сотрудники самостоятельно составляют план личного развития, применяя инструменты контроля, оценки и прогнозирования результатов. Снимаются все блоки в неприятии новой системы за счет понимания сотрудниками всех преимуществ технологии КРІ

Целесообразно перед проведением обучения, создать электронную платформу для непосредственного общения сотрудников и руководства вуза при участии технических консультантов.

По итогам проведения тренинга преподаватели физического воспитания приняли участие в анкетировании в он-лайн формате. Анкетирование проводилось анонимно, основной целью было получение обратной связи.

Анализ анкет показал, что преподаватели физического воспитания заинтересованы в возможности по-

высить результативность своей профессиональной деятельности. Отмели так же тот факт, что технология КРІ имеет преимущества перед традиционным способом расчёта премирования. Выразили готовность перейти на новый формат планирования своей деятельности и повышения ее эффективности.

Внедрение технологии КРІ является довольно трудоемким и длительным процессом. Но предварительная работа с преподавателями по типу тренингов, может способствовать максимально эффективному результату для всех участников этого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об образовании : закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 29.12.2010).
2. Милова Ю.Ю., Маркова Е.С., Терентьева В.С. Роль высших учебных заведений в развитии регионов // Актуальные вопросы экономических наук : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). Уфа : Лето, 2014. С. 9–11.
3. Иноземцева В.В. Повышение качества труда преподавателя как фактор обеспечения конкурентоспособности вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 5. С. 107–113.
4. Озерникова Т.Г., Еловенко Д.А. Проблемы внедрения профессионального стандарта в систему трудовой деятельности профессорско-преподавательского состава вузов // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 2. С. 32.
5. Родин И.И. Введение КРІ и результаты его применения в России // Статистика и экономика. 2014. № 1. С. 120–123.
6. Денисова А.Д. КРІ: за и против // Журнал: Справочник по управлению персоналом. 2011. № 5. С. 26–31.
7. Федоров А., Дудкина Н., Асеев Н. Оценка мастерства преподавателя // Высшее образование в России. 2001. № 3. С. 41–46.
8. Кубатиева Ф.Б. КРІ – каждому по способностям // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2009. № 10.
9. Клочков А.К. КРІ и мотивация персонала: полный сборник практических инструментов. М. : Эксмо, 2010.
10. Уэйн У. Эккерсон. Панели индикаторов как инструмент управления. М. : Альпина, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 июля 2020 г.

The KPI Technology as a Tool for Improving Physical Education Teachers' Effectiveness

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 182–189.

DOI: 10.17223/15617793/460/22

Mariya N. Kovaleva, North-Western Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (Vologda, Russian Federation).

E-mail: Kovaleva.mn@bk.ru

Alexandra S. Lopukhina, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: ms.lfp@mail.ru

Natalia N. Melenteva, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: ms.lfp@mail.ru

Keywords: KPI; teachers' activity; physical culture and sport; technology; education; training program; performance indicators.

The article deals with issues related to the study of improving the efficiency and effectiveness of physical education teachers. The authors used methods of literature analysis, questionnaires and SWOT analysis to justify the use of the KPI business technology in teachers' professional activities. The presence in modern universities of functions similar to activities of commercial organizations and business structures, in particular the functions of attracting and managing finances, justifies the need to use technologies that have already proven their effectiveness in the economic environment. The basis for applying the KPI technology is data that reveal the potential of this technology. The article also presents the results of the analysis of professional functions performed by physical education teachers. The functions are divided into traditional, specific for physical education teachers, and functions that have appeared relatively recently, under the influence of mass digitalization and introduction of new technologies. Using formulas, an example of calculating key performance indicators, as well as teachers' overall performance, is given. Based on the results of the analysis of the relationship between the KPI technology and the quality indicators of physical education teachers' professional activity, the authors developed the Performance Management as a Result of Using the KPI Technology training program. The training is aimed at creating a new approach to professional activity, as well as at improving personal and corporate effectiveness using the KPI technology. The participants of the training took part in a survey after a certain period of time. The analysis of the survey results showed teachers' interest in the KPI technology and readiness to use it in their activities. The respondents noted that the technology is transparent; it allows them to have a clear idea of the results they will receive a fair remuneration for, to predict the results of their professional activities. The advantages of the KPI technology are obvious, since performance evaluation has a transparent effect, which makes it clear to employees and builds trust in the organization's management. The technology also contributes to the formation of employees' responsibility for the results of their activities. The authors attributed the complexity and duration of the implementation process to the disadvantages of the KPI technology. The authors also concluded that preliminary work with teachers on the type of training can contribute to the most effective result for all participants in this process.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2010) *On education: the law of the Russian Federation of 10 July 1992 No. 3266-1 (as amended on 29.12.2010)*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/. (In Russian).
2. Milova, Yu.Yu., Markova, E.S. & Terent'eva, V.S. (2014) [The role of higher educational institutions in the development of regions]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk* [Topical issues of economic sciences]. Ufa. June 2014. Ufa: Leto. pp. 9–11. (In Russian).
3. Inozemtseva, V.V. (2016) Povyshenie kachestva truda prepodavatelya kak faktor obespecheniya konkurentosposobnosti vuza [Improving the quality of teacher's work as a factor in ensuring the university's competitiveness]. *Kontsept – Concept*. 5. pp. 107–113.
4. Ozernikova, T.G. & Elovenko, D.A. (2017) Problems of introducing the professional standard in the labor activity system for university faculty members. *Baikal Research Journal*. 8 (2). (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).32
5. Rodin, I.I. (2014) The KPI Implementation and the Results of Its Use in Russia. *Statistika i ekonomika – Statistics and Economics*. 1. pp. 120–123. (In Russian). DOI: 10.21686/2500-3925-2014-1-120-123
6. Denisova, A.D. (2011) KPI: za i protiv [KPI: pros and cons]. *Zhurnal: Spravochnik po upravleniyu personalom*. 5. pp. 26–31.
7. Fedorov, A., Dudkina, N. & Aseev, N. (2001) Otsenka masterstva prepodavatelya [Assessment of the teacher's skill]. *Vysshhee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 3. pp. 41–46.
8. Kubatieva, F.B. (2009) KPI – kazhdomu po sposobnostyam [KPI: to each according to his ability]. *Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya*. 10.
9. Klochkov, A.K. (2010) *KPI i motivatsiya personala: polnyy sbornik prakticheskikh instrumentov* [KPI and Staff Motivation: A Complete Collection of Practical Tools]. Moscow: Eksmo.
10. Eckerson, W.W. (2007) *Paneli indikatorov kak instrument upravleniya* [Performance Dashboards: Measuring, Monitoring, and Managing Your Business]. Translated from English. Moscow: Al'pina.

Received: 11 July 2020

С.С. Куклина, М.Н. Татарина

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА СОДЕРЖАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Выявлены пути разработки компонентного состава содержания общего и иноязычного образования. Разработана авторская система компонентов содержания иноязычного образования, включающая ряд «интеллектуальных» компонентов: предметный, процессуально-репродуктивный и процессуально-творческий. Ее четвертым компонентом является эмоционально-ценностный. Это невербальная составляющая содержания, охватывающая духовно-нравственные ценности, достижения культуры, эмоциональные состояния и волю школьников и др.

Ключевые слова: содержание иноязычного образования; системно-структурный анализ.

Содержание образования, как известно, носит исторический характер. Оно детерминировано целями и задачами учебно-воспитательного процесса и активно меняется под воздействием общественных реформ и преобразований, условий и требований жизни, уровня развития производства и науки. Продуктивную базу для анализа вопросов компонентного состава содержания образования составили, в первую очередь, положения известных общепедагогических подходов и теорий. В прошлом при решении подобного рода вопросов педагоги ориентировались на здравый смысл: один материал пригодится в жизни, другой будет необходим, третий – весьма полезен.

Именно содержание образования определяет степень соответствия учебно-воспитательной организации условиям и потребностям современной жизни, поддерживает преемственную связь поколений в разнообразных сферах общественной деятельности, во многом формирует личность, ее миропонимание и нравственность. Более того, данное дидактическое понятие детерминирует то, каким войдет выпускник школы во взрослую жизнь; каковы будут его ценностные ориентации, замыслы, цели и представления.

Философские предпосылки модернизации отечественного образования инициируют систематические процессы его реформирования, стратегию которых определяют Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», приоритетный национальный проект «Образование» (сроки реализации 2019–2024 гг.), в том числе федеральные проекты «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Молодые профессионалы»; стратегия «Российское образование – 2020», Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», Федеральные государственные стандарты общего образования, Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 гг. и др. Согласно положениям указанных документов решаются вопросы улучшения содержательной и операционно-технологической сторон обучения в образовательных учреждениях различных уровней, в том числе путем внедрения адаптивных, практико ориентированных и гибких образовательных программ.

Сегодня почти никто не намерен отрицать тот факт, что иноязычное образование должно развивать учащегося не только в интеллектуальном, но и в эмоционально-ценностном измерении, ориентируясь

на выработку общественно значимых поведенческих установок. Оно должно быть нацелено на формирование целостной личности учащегося – поликультурной языковой личности с развитой интеллектуальной, эмоционально-ценностной и волевой сферами (Н.Д. Гальскова, Г.В. Елизарова, Ю.Н. Караулов, Е.Г. Тарева, Л.П. Халяпина). Искомое содержание иноязычного образования является свободным от проявлений негативных рационалистических и технократических установок в пользу присутствия эмоционально-ценностных начал. Тем не менее до сих пор в проектировании и претворении в жизнь содержания иноязычного образования просматривается односторонность: среди его составляющих отсутствует так называемый эмоционально-ценностный компонент (ЭЦК), который мало изучен в теории и пока не представлен в программных документах.

В данной статье мы намерены концептуально аргументировать необходимость взаимосвязанного моделирования всех компонентов содержания иноязычного образования, включая ЭЦК, в рамках достижения его глобальной цели: поэтапного развития учащихся как поликультурных языковых личностей. Содействовать решению этой серьезной проблемы призваны постановка и достигнутые цели статьи: осуществить системно-структурный анализ содержания иноязычного образования.

С достижением поставленной цели связаны содержание и последовательность использованных трудов: концепция целостности дидактического понятия «содержание образования» (И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, Е.И. Пассов, и др.); труды в области его проектирования, реализации и оценки качества (С.С. Куклина, Г.В. Рогова, А.Н. Щукин и др.); исследования ЭЦК содержания иноязычного образования и его роли в комплексном достижении целей обучения иностранному языку (В.В. Краевский, И.Я. Лернер, З.Н. Никитенко, Л.В. Хведченя и др.).

В компонентном составе содержания отечественного иноязычного образования находят свое отражение положения общепедагогических подходов и концепций в XX–XXI вв. Попытки структурирования содержания свидетельствуют о явном несовпадении результатов в дидактике и методике, а также у разных методистов. Однако при всем многообразии точек зрения по данной проблеме их можно условно разделить на две группы¹:

1) существующие в рамках знаниево-ориентированного подхода к выявлению сущности и компонентного состава содержания образования (Б.Д. Эльконин, Ю.К. Бабанский, И.П. Волков; в методике преподавания иностранного языка – Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролубов, Г.В. Рогова, М.А. Ариян, А.Н. Шукин, Г.А. Слепченко, М.В. Филатов, Н.Д. Гальскова);

2) соответствующие требованиям личностно-деятельностного и эмоционально-ценностного подходов (Л.В. Занков, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин, П.И. Пидкасистый, В.С. Леднёв, Б.М. Бим-Бад, А.В. Петровский, В.А. Сластёнин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов, И.П. Подласый, Г.М. Коджаспирова; в методике преподавания иностранного языка – Р.К. Миньяр-Белоручев, Е.И. Пассов, И.Л. Бим, С.С. Куклина, З.Н. Никитенко).

Новое представление о содержании обучения в рамках знаниевой парадигмы было предложено в 80-х гг. XX в. исследовательским коллективом под руководством И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина и В.В. Краевского [1]. Участники данного коллектива главной социальной функцией учебно-воспитательного процесса называют передачу жизненного опыта предков. Это является необходимым условием существования и поступательного развития общества. Поэтому организованный процесс обучения И.Я. Лернер [2. С. 4–5] называет автономной сферой социальной деятельности, выполняющей большой важности общественную функцию. Как известно, опыт – это деятельность, воплощенная в знаниевых субкомпонентах, в умениях, творчестве и отношении обучающихся к окружающей действительности. Содержание является частью исторического опыта человечества, но этот опыт должен быть соответствующим образом отобран и организован в контексте целей и задач и с учетом процессуально-операциональных аспектов обучения. Результат накопленного тысячелетиями опыта человечества подлежит усвоению в образовательном процессе подрастающим поколением. Социальный опыт включает в себя поведенческие паттерны, культуру коммуникации, проявления эмоций и чувств, мыслительной и созидательно-практической деятельности.

Аналогичный путь развития прошла и методика обучения иностранным языкам. Следуя идеям дидактов, методисты сначала пользовались понятием «содержание обучения иностранным языкам», а не «иноязычное образование», где «обучение» не синонимично термину «образование». Е.И. Пассов определяет содержание обучения как «сложное динамическое единство», слагаемыми которого являются находящиеся в определенном взаимодействии учебный материал и процесс обучения предмету [3. С. 361]. Как известно, на содержание учебного предмета оказывают воздействие остальные компоненты системы обучения иностранным языкам: цели, методы, средства, среды. В методике советского периода при знаниево-ориентированном подходе вопросы, касающиеся составных частей содержания, решались неоднозначно.

Одной из первых к проблеме компонентного состава содержания обучения иностранным языкам обратилась Г.В. Рогова. В качестве первого компонента она называет лингвистический, включающий языко-

вой материал (фонетический, лексический, грамматический; речевые образцы, представленные в рамках разных тем и ситуаций общения). Процесс формирования иноязычных коммуникативных навыков и умений общения представляет собой второй, психологический компонент содержания обучения иностранным языкам. Третий компонент – методологический. Это формирование рациональных приемов учебной деятельности, навыков и умений работы с учебным материалом; овладение правилами выполнения заданий и самоконтролем. Однако еще долгое время методисты считали, что содержание – это лишь языковой материал (фонетика, лексический состав языка и его грамматические правила и структуры), на базе которого происходит формирование речевых навыков и развитие умений [4].

Интерес и внимание к содержательным аспектам обучения иностранным языкам особенно возросли с 1988 г. после Всесоюзного съезда учителей, с появлением так называемого нового мышления. Изучение идей более поздних по времени появления (начиная с 80-х гг. XX в. по сегодняшний день) авторских школ позволило выявить основные пути разработки проблем компонентного состава содержания и проследить, как общепедагогические идеи и концепции нашли реализацию в иноязычном учебно-воспитательном процессе. Со временем Р.К. Миньяр-Белоручев установил связь выявленных И.Я. Лернером и М.Н. Скаткиным компонентов содержания образования с целями иноязычного учебно-воспитательного процесса:

- реализация первого компонента социального опыта – знаний о природе, обществе, мышлении, способах и приемах деятельности соответствует достижению его общеобразовательной цели;

- освоение второго компонента – приобретение навыков и умений осуществления известных способов и приемов деятельности (т.е. репродуктивной деятельности) – это реализация практической цели;

- овладению третьим компонентом – основами поисковой и творческой деятельности – способствует постановка развивающей цели;

- наконец, на реализацию четвертого компонента – системы эмоционально-волевой и морально-эстетической воспитанности (или опыта эмоционально-ценностного отношения школьников к миру вокруг), направлена воспитательная цель [5].

Термин «иноязычное образование» был представлен только в конце 90-х гг. XX в. Е.И. Пассовым в контексте гуманизации образовательного пространства, когда ведущими становятся иные подходы к отбору и организации содержания образования: *личностно-деятельностный* и *эмоционально-ценностный*. При данных подходах главной ценностью становятся не отстраненный от ученика набор знаний, а сама личность, которая отличается целостностью и поэтому должна гармонично развиваться в интеллектуальном и эмоционально-ценностном измерениях. Эксклюзивный характер образовательных резервов предмета «Иностранный язык», способного принести значительный вклад в развитие человека как индивидуальности, предусматривает овладение не только

самим языковым кодом, но и ознакомление с литературой, историей страны изучаемого языка. За счет расширения круга культур посредством вхождения обучающихся в социокультурное пространство при общении на иностранном языке происходит формирование их ценностной ориентации и развитие культуры личности, ее интеллектуальной деятельности и социального взаимодействия человека с другими картинами мира, приобщения к ценностям, созданным другими народами.

Одновременно язык – эффективное средство раскрытия уникальности и самобытности его носителей, их исторических приобретений и свершений. Вот почему мы согласны с точкой зрения Е.И. Пассова, который утверждает, что иностранный язык является не учебным предметом, а скорее образовательной дисциплиной, возможности которой действительно велики – они, наверное, самые неисчерпаемые. По мнению ученого, с ними в какой-то мере можно сравнить разве что резервы литературы или истории. Вот почему целесообразно использовать термин «иноязычное образование», а не традиционную фразу «обучение иностранному языку» [6. С. 163].

Е.И. Пассов указывает, что содержание иноязычного образования – это гораздо более широкое понятие по сравнению с традиционным «обучение иностранному языку». Оно включает ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов:

- познание обучающимися окружающей действительности, овладение ими фактами культуры и языком как ее неотъемлемой частью;

- развитие познавательных процессов, способностей и эмоционально-волевой сферы школьников, которое осуществляется через освоение ими культурных ценностей;

- воспитание как знакомство учащихся с системой ценностей, становление творческой личности школьника, формирование его морали, этики, нравственности;

- учение как овладение речевыми умениями – средствами общения, принятыми в социуме [3. С. 405–407].

Изучение диссертаций и монографий других исследователей иноязычного образования XXI в. (М.Н. Ветчинова, С.С. Кунанбаева, З.Н. Никитенко) позволило выявить схожие позиции. Под «иноязычным образованием» в их трудах понимается:

- интегрированный педагогический процесс, во время которого осуществляются обучение, воспитание и развитие школьников в рамках предмета «иностранному языку», который способствует становлению опыта творческой деятельности, духовному развитию личности обучающихся и формированию их культуры [7];

- отраслевая научно-практическая область с генерирующей способностью и с современно-актуальной единой научно-теоретической платформой (межкультурно-коммуникативная теория иноязычного образования), которая имеет целостный междисциплинарно-комплексный объект исследования в своей предметно-объектной области (иноязык–инокультура–личность) [8. С. 257];

- социально и личностно детерминированный процесс и результат речевого, интеллектуального и духовно-нравственного развития школьника, овладевающего иностранным языком как средством общения и познания [9].

Отличительной чертой иноязычного образования является то значимое и ценное, что не только заложено в язык, но и присутствует в культуре его носителей. В этом и состоит весьма значительный воспитательный потенциал иноязычного образования. Цель его при этом – не исключительно учебная, как-то: «умение общаться на языке», «владение коммуникативной компетенцией», а образовательная – образование духовной личности, раскрытие ее способностей и талантов. Эта цель является важнейшей детерминантой, определяющей состав иноязычного образования, поскольку в ней находят концентрированное выражение интересы общества и личности.

М.Н. Ветчинова предлагает рассматривать термин «иноязычное образование» в нескольких аспектах: 1) как целостный педагогический процесс; 2) как ценность; 3) как деятельность; 4) как результат [7]. Охарактеризуем эти аспекты.

1. Иноязычное образование – интегрированный, особым образом организованный учебно-воспитательный процесс, который имеет свои закономерности, цели, средства управления деятельностью его субъектов, отличается поступательностью и непрерывностью. Иноязычный образовательный процесс обусловлен социальным заказом общества, его культурными и историческими традициями и условиями, а также программными требованиями к уровню подготовки учащихся различных ступеней обучения в предметной области «иностранному языку».

2. Иноязычное образование как ценность рассматривается на различных уровнях:

- на уровне ценностей-отношений, устанавливающих смысл и значимость коммуникативных взаимодействий обучающихся;

- на уровне ценностей-знаний (культурологических, страноведческих и лингвострановедческих). Иностранному языку при этом изучается как явление культуры, будучи средством ее творения, развития, сохранения и передачи во времени и на расстояние;

- как составляющая культуры, потому что является важнейшим среди ее специфических национальных компонентов. Ценности культуры находят свое отражение во всех аспектах языка: в фонетике, лексике, грамматике, фразеологии, а также в устном народном творчестве, в художественной, научной литературе и в публицистике;

- как «перекресток культур»: языковые заимствования отражают особенности иноязычной культуры, способствуют расширению взаимовлияния и взаимопроникновения различных языков и культур;

- как средство трансляции культуры, являясь инструментом передачи культурных сведений, приобщения к мировой культуре как социальному опыту человечества;

- на уровне ценностей-качеств, которые демонстрируют ценностное значение индивидуально-

личностных, коммуникативных, статусных и иных характеристик школьников.

3. Иноязычное образование как деятельность отличается статусной позицией личности как формой ее отношения к поликультурному обществу, к взаимосвязям разных культур; субъект-субъектными и субъект-объектными отношениями в процессе обучения межкультурному общению; многогранностью и системным характером этой деятельности; ее цикличностью и детерминированностью целями; насыщенностью и ситуативностью речевых задач, а также их согласованностью с учебной деятельностью школьников. К тому же иноязычное образование рассматривается как познавательная, коммуникативная, преобразовательная, ценностно-ориентационная, эстетическая деятельность.

4. Результаты иноязычного образования в соответствии с требованиями программы носят предметный, метапредметный и личностный характер:

– предметные результаты – это владение учащимися компетенциями в области иноязычного говорения, аудирования, чтения и письменной речи;

– метапредметные результаты – это навыки и умения учебной и мыслительной деятельности: умение осуществлять работу с информацией, планирование своего речевого и неречевого поведения в разных ситуациях иноязычного общения, способность совершать наблюдение и самонаблюдение, контроль, самоконтроль и самооценку, а также корректное и доброжелательное оценивание действий речевых партнеров;

– личностные результаты – это мотивация школьников к овладению иностранными языками и желание совершенствоваться в этой предметной области; наличие ресурсов социальной реализации личности средствами иностранного языка; готовность совершенствовать культуру речевого общения; воля, настойчивость, творческое начало, самостоятельность, трудолюбие, дисциплинированность, толерантность к явлениям иноязычной культуры, патриотизм, гражданская позиция учащегося, его готовность отстаивать гуманистические идеалы современности [10].

Как видим, смена знаниевой парадигмы на личностно-ориентированную привела к тому, что методическая категория содержания начинает приобретать все более антропоцентричный и междисциплинарный характер. На это указывает в своих исследованиях И.Л. Бим, которая пишет о том, что:

– в обществе имело место изменение ценностных ориентаций. Главной ценностью теперь является свободная, высокоразвитая, высококультурная личность, обладающая готовностью жить и заниматься творчеством в непрерывно меняющемся мире, быть успешной в условиях высокой конкуренции, приобщаться к достижениям мировой цивилизации [11. С. 2];

– общепедагогические и психологические основы исследований компонентной структуры содержания иноязычного образования теперь связаны с личностно-ориентированной парадигмой, которая заменила собой прежнюю, авторитарную, технократическую, ориентированную на среднего ученика, нацеленную на подготовку исполнителя [12. С. 2].

Мы согласны с позицией М.Н. Ветчиновой, которая связывает тенденции развития системы отечественного иноязычного образования с ее историей и ретроспективами [7]. Поэтому мы обратимся к значимому периоду отечественной методики, начиная с 80-х гг. XX в. по сегодняшний день. Именно в этот временной промежуток процесс преподавания иностранных языков постепенно начал базироваться на достижениях современной культурологии. Накопленный опыт в интересующей нас предметной области представляет существенный интерес в контексте темы данного исследования.

Тем не менее не все исследователи имеют схожие позиции по компонентному составу содержания. Так или иначе, разнообразие взглядов и мнений позволяет выявить общность некоторых идей. Точка зрения многих методистов (И.Л. Бим, Н.Д. Гальсковой, З.Н. Никитенко, Е.И. Пассова и др.) основана на их уверенности в том, что учебно-воспитательный процесс должен затрагивать не только то, что представлено открыто и что можно увидеть, потрогать или услышать, но и имплицитные составляющие. Речь идет о чувствах и эмоциях субъектов иноязычного образования, об их внутренних психологических состояниях в процессе освоения иностранного языка и иноязычной культуры [13. С. 123].

Проблемам содержания образования посвящено множество публикаций зарубежных ученых: С.С. Кунабаевой [8], Л.В. Хведченя [14]; S. Vocconi, G. Kamylyis Panagiotis, Y. Punie [15]; С.А. Grant, Т.К. Chapman [16]; R. Maguire, A. Egan, P. Hyland, P. Maguire [17]; N. Wang, T. Young, S.C. Wilhite, G. Marczyk [18]; R. Wegerif [19]. В их трудах представлен анализ теории и практики современного иноязычного образования, нацеленного на поликультурное интеллектуальное и эмоционально-ценностное развитие личности.

В концептуально важном для нас исследовании Л.В. Хведченя «Теоретическое представление о содержании обучения иностранным языкам в системе высшей школы» справедливо сказано: «Исследователи последних лет включают в содержание иноязычного образования элементы страноведческого характера, социокультурные факты и эмпатию» [14. С. 71]. По мнению ученого, это снимает барьеры, возникающие в процессе иноязычной коммуникации. Речь идет о введении в содержание учебно-воспитательного процесса по иностранному языку некоего экстралингвистического фактора, невербальных составляющих. Это идеи, ценности духовно-нравственного характера, достижения культуры, разнообразные средства коммуникации.

Американский исследователь содержания поликультурного образования в США К. Грант считает, что все его стороны и аспекты должны быть ориентированы на удовлетворение потребностей и развитие способностей представителей различных культурных сообществ, а главными ценностями следует провозгласить идеи равенства прав и социальной справедливости [16].

Анализ методической литературы XXI в. свидетельствует о том, что понятие «иноязычное образо-

вание» начинает приобретать общепринятый характер среди специалистов в области преподавания иностранных языков. Различные подходы к его определению свидетельствуют о том, что иноязычное образование предполагает обучение и воспитание школьников через содержание предмета «Иностранный язык». Оно призвано стать основой духовно-нравственного и творческого развития обучающихся как поликультурных языковых личностей.

В ходе исследования были использованы системно-структурный и структурно-функциональный, личностно-деятельностный, эмоционально-ценностный подходы к выявлению сущности и определению компонентного состава содержания образования.

Системно-структурный, структурно-функциональный и организационно-функциональный подходы предполагают исследование содержания образования как системы взаимосвязанных компонентов, роли и места каждого из них в сложном образовании. Каждая единица в рамках системы должна иметь статус функциональной, т.е. способствовать достижению целей создания этой системы, содействуя оптимизации ее деятельности: делать ее более

устойчивой, отлаживать механизмы взаимодействия с другими системами, регулировать связи отдельных частей внутри системы.

Личностно-деятельностный подход. С позиций этого подхода наипервейшая ценность – это не отстраненные от учащегося сведения, а сам школьник. Следовательно, важно обеспечить варианты содержания, способствующие удовлетворению учебных, нравственных и социальных запросов, нужд и интересов личности.

Аксиологический (эмоционально-ценностный) подход. Ценностная направленность образования традиционно задавалась во всех образовательных системах при помощи идеологии. Значительную роль в формировании ценностных установок личности играет иноязычное образование. Его культурологическая ориентация закономерно обостряет внимание методистов к ценностным основам учебно-воспитательного процесса, акцентирующим инновационные грани лингводидактики.

Общепедагогические концепции компонентного состава содержания образования представлены в хронологическом порядке, начиная с 60–70-х гг. XX в., в табл. 1 [1; 20–28].

Таблица 1

Компонентный состав содержания образования (общепедагогические концепции)

Автор, год	Компоненты содержания образования			
Л.В. Занков, 1960–1970-е гг. Система возрождена на рубеже 1980–1990-х гг.	Общая картина мира на основе наук, литературы, искусства. Содержание образования должно создаваться гармонией красок, звуков, человеческих отношений			
Б.Д. Эльконин, начало 1980-х гг.	Теоретические знания, позволяющие выстроить общий способ действия при решении задач	Координация разных предметов на уровне построения и использования моделей	Становление позиции – особого способа рассмотрения вещей, удерживающего разнообразие и границы возможных видений	
И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин, 1982 г.	Знания о природе, обществе, технике, человеке, способах и приемах деятельности	Опыт осуществления известных способов и приемов деятельности	Опыт творческой деятельности для решения новых возникающих проблем	Опыт эмоционально-ценностного отношения к миру, к людям, к себе (система эмоциональной, волевой, моральной и эстетической воспитанности)
Ю.К. Бабанский, 1983 г.	Система знаний как проверенный практикой результат познания действительности	Умения и навыки, овладение которыми обеспечивает развитие умственных и физических способностей школьников	Умственные и физические способности школьников	Основы коммунистического мировоззрения и морали и соответствующее им поведение
И.П. Волков, 1986 г.	Знания как фундамент творчества		Различные виды труда (19 вариантов), дающие учащимся возможность практически активно проявить себя в разных видах деятельности и творчества	
П.И. Пидкасистый, 1989 г.	Знания	Навыки и умения	Умения критически мыслить, творить	Умения оценивать с нравственных позиций происходящее вокруг как процесс, развертывающийся в деятельности и общении человека
	как результат обучения			
В.С. Леднёв, 1989 г.	Опыт		Воспитание	Развитие
	Прогрессивных изменений, свойств и качеств личности, необходимым условием которого является особым образом организованная деятельность			
Б.М. Бим-Бад, А.В. Петровский, 1996 г.	Культура как спрессованный опыт тысячелетий, передаваемый и осваиваемый в процессе образования			
	Культура поведения	Культура чувств	Культура мышления	Культура конструктивной практической деятельности

Автор, год	Компоненты содержания образования			
И.П. Подласый, 2004 г.	Знания об окружающем мире, современном производстве, культуре и искусстве	Обобщенные интеллектуальные и практические умения приобретения знаний и способов их использования	Навыки познавательной деятельности, творческого решения теоретических и практических проблем, овладение которыми обеспечивает определенный уровень интеллектуального, социального и духовного развития учащихся	Оценочные суждения о жизни, природе, окружающем мире и т.д.
Г.М. Коджаспирова, 2008 г.	Знания о природе, обществе, человеке: понятия, термины, факты, теории, законы, научные и социальные идеи, знания о способах деятельности, оценочные знания	Опыт осуществления деятельности – умения, навыки, привычки: обобщенно-познавательные, практические, организационные, оценочные	Опыт творческой деятельности: виды (решение новых проблем, владение альтернативным мышлением, формирование новых способов деятельности) и сферы деятельности (умственная, нравственная, трудовая, эстетическая, экологическая и др.)	Опыт эмоционально-ценностных отношений (обуславливает нравственные стимулы, эстетическую потребность, эмоциональную окрашенность, мотивы деятельности и т.д.). Эмоции всегда содержательны и являются формой отражения действительности

Представленные в таблице примеры структурирования содержания образования свидетельствуют, что при *знаниево-ориентированном подходе* главной составляющей содержания образования признаются знания. Они представляют собой реминисценцию духовного багажа социума, накопленного в ходе развития человеческой цивилизации. Это ключевые общественные ценности, обладающие в структуре содержания образования очевидной значимостью, гарантируя успешность социализации и жизнеобеспечения подрастающей личности. Тем не менее зачастую ценность знаниевой составляющей возводится в абсолюте, вытесняя личность. Это ведет к технократизму и заидеологизированности в ущерб научной сущности знаний, к излишней академичности, ориентированности содержания образования на посредственного ученика и иным отрицательным результатам.

Личностно-деятельностный и эмоционально-ценностный подходы определяют свободу выбора содержания учебно-воспитательного процесса для удовлетворения интересов и нужд обучающегося: образовательных, духовно-нравственных, общекультурных и жизненных. Это предполагает гуманизм по отношению к личности, способствуя становлению ее субъектности и самобытности в образовательном социуме. Как следствие, компонентную структуру содержания отличает все более емкое «наполнение», и иногда в ней оказываются разного рода автономные составляющие.

Результаты анализа методической литературы на предмет выявления компонентного состава содержания обучения иностранному языку / иноязычного образования представим в табл. 2 [3–5; 8–9; 11; 29–34].

Таблица 2

Компонентный состав содержания обучения иностранному языку / иноязычного образования

Автор, год	Компоненты содержания обучения иностранному языку / иноязычного образования			
Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролюбов, 1982 г.	Тематический и ситуативный минимумы – минимальный, объем тем и ситуаций, на основе которого будет развиваться устная речь и чтение в объеме программных требований	Лексический, грамматический, фонетический минимумы	Тексты	Понятия, отсутствующие в родном языке учащихся
Г.В. Рогова, 1988 г.	Лингвистический компонент: языковой материал (строго отобранные фонетический, лексический и грамматический минимумы) и речевой материал (образцы речевых высказываний разной протяженности, ситуативно и тематически обусловленные)	Психологический компонент: формирование навыков и умений пользоваться изучаемым языком в коммуникативных целях	Методологический компонент: формирование рациональных приемов учения, навыков и умений работы с учебным материалом; овладение правилами выполнения заданий и самоконтролем	
Е.И. Пассов, 1993 г.	Познавательный / культуроведческий: факты культуры народа, включая язык как неотъемлемый компонент этой культуры в ее диалоге с родной культурой	Учебный / социальный: умение общаться посредством всех видов иноязычной речевой деятельности: говорения, чтения, аудирования и письма	Развивающий / психологический: умение использовать развитые способности разного характера (способности осуществлять речевую деятельность, общение, учебную деятельность и др.)	Воспитательный / педагогический: нравственность, патриотизм, интернационализм, гуманизм, этическая, экологическая культура и др.

Автор, год	Компоненты содержания обучения иностранному языку / иноязычного образования			
Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, 2004 г.	Предметный аспект: сферы общения, ситуации, темы, тексты, коммуникативные намерения и цели, страноведческие и лингвострановедческие знания, языковой материал (фонетический, лексический, грамматический, орфографический)		Процессуальный аспект: навыки оперирования языковым материалом; умения читать, говорить, аудировать, писать, переводить; компенсационные умения; общеучебные навыки и умения	
И.Л. Бим, 2005 г.	Единицы языка и речи: от звука и буквы до целостного текста	То, о чем мы говорим, читаем, слушаем, пишем: темы, проблемы, предметы речи (идеальный аспект содержания образования)	Речевые действия с указанными выше единицами в целях решения учебно-познавательных и коммуникативных задач (процессуально-деятельностный аспект содержания образования)	Чувства и эмоции, вызываемые взаимодействием выделенных компонентов содержания образования и создающие благоприятную обучающую и воспитывающую среду (мотивационный и ценностно-ориентационный аспекты)
А.Н. Шукин, 2006 г.	Предметная сторона речевой деятельности: средства общения: фонетические, лексические, грамматические, страноведческие и лингво-страноведческие; знание того, как пользоваться средствами в процессе общения	Процессуальная сторона речевой деятельности: навыки и умения, формируемые в ходе обучения и обеспечивающие возможность пользоваться языком как средством общения	Предметно-содержательная сторона общения: сферы, темы, ситуации общения, в пределах которых содержание образования может быть реализовано	Материальная сторона содержания образования: культура
Г.А. Слепченко, М.В. Филатов, 2006 г.	Языковой материал (фонетический, лексический, грамматический), правила его оформления и навыки оперирования им	Сферы общения, темы и ситуации	Речевые умения, характеризующие уровень практического владения иностранным языком как средством общения и общие учебные умения, рациональные приемы умственного труда	Комплекс знаний и представлений о национально-культурных особенностях и реалиях страны изучаемого языка, минимум этикетно-узуальных форм речи для общения в различных сферах и ситуациях
С.С. Куклина, 2007 г.	Методически адаптированный социально-личностный опыт, состоящий из четырех структурных компонентов, зафиксированных в виде способов их осуществления			
	Опыт познавательной деятельности, представленный в виде знаний о природе, обществе, технике, мышлении и способах деятельности	Опыт репродуктивной деятельности в виде навыков и умений личности, усваивающей этот опыт	Опыт творческой деятельности, предполагающий самостоятельное решение новых проблем с помощью ранее усвоенных знаний, навыков и умений	Опыт эмоционально-ценностного отношения к объектам материального и духовного мира, друг к другу, являющийся основой формирования системы ценностей личности
М.А. Ариян, 2008 г.	Лингвистический компонент: речевой и языковой материал, строго отобранный и методически организованный в соответствии с принципами конкретного метода	Лингвострановедческий компонент: комплекс знаний о национально-культурных особенностях и реалиях, о минимуме этикетно-узуальных форм	Предметно-коммуникативный компонент сфер устного языкового общения, соответствующая с ним тематика для устной и письменной речи, речевые ситуации	Психологический компонент как необходимость формирования у школьников речевых навыков и умений для пользования языком в коммуникативных целях
С.С. Кунанбаева, 2010 г.	Предметный компонент: когнитивно-лингво-культурологические комплексы, отражающие когнитивно-социальные, лингвокультурологические, социокультурные, концептуальные, личностно центрированные аспекты когнитивного знания и включающие в себя типовые коммуникативные сферы, тематико-текстовые единства, типовые ситуации и состав коммуникативно-ориентированных заданий		Процессуальный аспект: сама учебная деятельность, отражающая соответствующую модель образования (целеполагание, мотив, планирование, исполнение, контроль и оценка)	
З.Н. Никитенко, 2015 г.	Аксиологический: ценностно-познавательный (духовно-нравственные ценности в рамках диалога культур; нравственные качества, приобретаемые в проектной, изобразительной, музыкальной и других видах деятельности) и эмоционально-оценочный (формирование у учащихся оценки нравственного выбора сверстников, героев сказок, рассказов, способности сделать собственный моральный выбор и дать ему оценку)	Мотивационно-когнитивный: мотивационный (формирование познавательного интереса, развитие внутренней мотивации) и когнитивный (развитие когнитивных способностей школьника)	Социально-культуроведческий: учебный (сферы и темы, проблемы, ситуации общения; языковой и речевой материал формирование предметных умений и универсальных учебных действий (УУД)) и культуроведческий (факты родной и иностранной культуры; формирование способности к межкультурному общению)	

Автор, год	Компоненты содержания обучения иностранному языку / иноязычного образования		
Н.Н. Сергеева, В.В. Копылова, Г.В. Буянова, 2019 г.	Когнитивный: связан с познавательной общеучебной деятельностью и креативным освоением знаний окружающей действительности. Нацелен на познавательное развитие и отражает практические задачи учебно-воспитательного процесса	Коммуникативно-аксиологический: связан с ценностными ориентациями учащегося и способами его взаимодействия с окружающим миром. Направлен на социально-коммуникативное и речевое развитие и отражает воспитательные задачи учебно-воспитательного процесса	Валеологический: связан с физическим, духовным и интеллектуальным развитием учащегося, эмоциональной саморегуляцией и внутренней экологической культурой. Нацелен на художественно-эстетическое и физическое развитие и отражает развивающие задачи учебно-воспитательного процесса

Данные таблицы демонстрируют, что при всей непохожести некоторых позиций были выявлены установки, которые дали нам возможность определить совокупность составляющих содержания иноязычного образования, неизменно отслеживаемых в различных системах и концепциях. Мы сопоставили разработанную в рамках знания парадигмы трактовку понятия «содержание обучения», представленную И.Я. Лернером и М.Н. Скатиным, и позиции по данному вопросу отечественных и зарубежных методистов, занимающихся проблемами компонентной структуры содержания иноязычного образования (И.Л. Бим, Г.В. Буянова, В.В. Копылова, С.С. Куклина, С.С. Кунанбаева, З.Н. Никитенко, Е.И. Пассов, Н.Н. Сергеева, А.Н. Щукин и др.). Были сделаны следующие выводы:

1. В каждой концепции обязательно присутствует «знаниевый» (идеальный) компонент. Статичный по природе, в концепции И.Я. Лернера он представляет собой знания о природе, обществе, способах деятельности. В трудах методистов «знаниевый» компонент включает знания языкового и речевого материала. Кроме того, сюда же относятся сферы, темы, проблемы, ситуации общения и т.п. В ряде концепций (С.С. Кунанбаева, З.Н. Никитенко, Е.И. Пассов, А.Н. Щукин) подчеркнута культуроведческая ориентация иноязычного образования, и «знаниевая» составляющая охватывает также факты иноязычной культуры. На основе «знаниевого» компонента школьники участвуют в различных видах деятельности, прежде всего, в иноязычном речевом общении в рамках овладения иноязычной культурой и участия в диалоге культур.

2. Вторая составляющая по характеру процессуальна. У И.Я. Лернера и М.Н. Скаткина это опыт осуществления известных способов деятельности. Процессуальная составляющая в методических концепциях предполагает овладение школьниками репродуктивными видами деятельности в контексте решения задач учебно-когнитивного и коммуникативного характера на уровне навыков. Например, у И.Л. Бим это речевые действия, необходимые для решения учебно-познавательных и коммуникативных задач репродуктивного характера; у С.С. Куклиной – опыт репродуктивной деятельности в виде навыков и умений личности, усваивающей этот опыт; процессуальный аспект у С.С. Кунанбаевой – сама учебная деятельность, отражающая соответствующую модель образования; у З.Н. Никитенко – речевые действия с единицами языка и речи и УУД; у А.Н. Щукина – навыки, формируемые в ходе обучения, и т.д.

3. Характер третьего компонента – процессуально-творческий. И.Я. Лернер называет его «опыт творческой деятельности для решения новых возникающих проблем». Процессуально-творческий компонент в трудах методистов предполагает развитие умения обучающихся общаться в рамках различных видов речевой деятельности на иностранном языке и требующихся для этого способности личности. Достижение данных целей осуществляется в ходе решения учебно-познавательных и коммуникативных задач творческого характера: это речевые действия в целях решения таких задач (И.Л. Бим); развитие когнитивных способностей; речевые умения аудирования, говорения, чтения и письма, включая компенсаторные умения; развитие способности к межкультурному общению (З.Н. Никитенко); умение общаться посредством всех видов иноязычной речевой деятельности (Е.И. Пассов); умения, обеспечивающие возможность пользоваться языком как средством общения (А.Н. Щукин).

4. Четвертая составляющая – это компонент, который имеет имплицитную («отношенческую») сущность. Она связана с приобретением школьниками опыта эмоционально-ценностного отношения к окружающему миру. В общепедагогической концепции, созданной авторским коллективом под руководством И.Я. Лернера, это опыт эмоционально-ценностного отношения к миру, к людям, к себе (система эмоциональной, волевой, моральной и эстетической воспитанности); в концепции И.Л. Бим – чувства и эмоции, вызываемые взаимодействием выделенных компонентов содержания образования и создающие благоприятную обучающую и воспитывающую среду; у З.Н. Никитенко – духовно-нравственные ценности и качества, ситуации гуманного поведения в учебных условиях иноязычного общения; нравственные качества, приобретаемые в проектной, изобразительной, музыкальной и других видах деятельности в ситуациях гуманного общения; формирование у школьников умений оценки нравственных поступков товарищей, героев художественных произведений, способности сделать собственный моральный выбор и дать ему оценку, а также формирование познавательного интереса, развитие внутренней мотивации; у Е.И. Пассова – нравственность, патриотизм, интернационализм, гуманизм, этическая, экологическая культура и др.; у Н.Н. Сергеевой, В.В. Копыловой и Г.В. Буяновой – валеологический компонент, в частности его связь с духовным развитием, эмоциональной саморегуляцией и внутренней экологической культурой и направленность на художественно-эстетическое развитие учащегося.

Присутствие в структуре содержания иноязычного образования «отношенческой» составляющей подчеркивает его аксиологическую сущность и значимость эмоционально-ценностного «наполнения», что является предпосылкой успешного формирования системы ценностей обучающихся. Вот почему ключевыми требованиями, предъявляемыми сегодня к системе содержания иноязычного образования, являются: 1) акцентуация эмоционально-личностных аспектов знакомства учащихся с иностранной культурой; 2) сравнение опыта их общения с иной лингвокультурой, со знаниями, понятиями и ощущениями школьников, но без каких-либо радикальных малотолерантных оценок и оценочных суждений.

Сопоставление трактовки компонентного состава содержания общего образования И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина и концепций методистов, исследующих данную проблему в наши дни, привело нас к мысли, что необходимо воспользоваться идеями системно-структурного подхода и внести в систему, предложенную вышеназванными авторами, дополнения и уточнения с учетом специфики предмета «Иностранный язык» и целей современного иноязычного образования.

1. Исследование феномена целостности, установление состава целого, его составляющих. Содержание иноязычного образования представляет собой целостную систему взаимосвязанных компонентов, системообразующим фактором которой является его цель. В данном исследовании мы формулируем ее как поэтапное развитие учащегося общеобразовательной школы как поликультурной языковой личности, владеющей компетенциями в области иноязычного образования, собственной системой ценностей, высоким уровнем развития эмоциональной компетентности и эмоционального интеллекта, волевой сферы, «набором» личностных УУД.

Предлагаемая в данной статье система содержания иноязычного образования отличается многокомпонентностью. Первые три компонента: предметный, процессуально-репродуктивный и процессуально-творческий, носят «интеллектуальный» характер и составляют «интеллектуальный» блок системы. Это сложноорганизованное диалектическое единство, включающее единицы языка и речи, тексты, тематику общения, речевые действия, направленные на решение коммуникативных и учебно-познавательных задач. «Интеллектуальный» блок нацелен на достижение школьниками предметных и метапредметных результатов изучения иностранного языка в рамках программных требований общеобразовательной школы. Предметные результаты, демонстрируемые учащимися в коммуникативной сфере, – это компетенции в области иноязычного образования. Метапредметные результаты – это навыки и умения учебной и мыслительной деятельности, которые формируются в процессе изучения предмета «Иностранный язык». Четвертый компонент – ЭЦК, являющийся предметом данного исследования, – нацелен на достижение *личностных результатов* обучения. Это ценности, мотивация к овладению иностранными языками, воля, го-

товность отстаивать гуманистические идеалы современности и т.д. [10].

2. Изучение закономерностей соединения компонентов в систему, т.е. структуры объекта (ядро системно-структурного подхода). Деление компонентной системы на «интеллектуальный» блок и ЭЦК весьма относительно и значимо, прежде всего, для исследований научно-теоретического характера. На практике же все компоненты тесным образом связаны и взаимозависимы, проникают один в другой. Согласованность всех компонентов системы можно объяснить тем, что аксиологические взаимоотношения обучающихся эмоционально окрашивают и наполняют витальным смыслом и знаниями, и навыки, и поисково-творческую деятельность школьников.

3. Исследование функций системы и ее компонентов в непосредственной связи с анализом ее структуры (структурно-функциональный подход к изучению системы). Структура и функции системы содержания иноязычного образования тесно взаимосвязаны. Каждый компонент имеет статус функционального, поскольку способствует достижению целей системы, содействуя оптимизации ее деятельности. Это предоставляет возможность: а) обеспечить приобретение школьниками знаний; б) организовать пошаговую деятельность обучающихся по репродуктивному и в) творческому применению полученных знаний; г) воспитывать ценностное отношение учащихся к окружающему миру, правильно строить собственные эмоционально-волевые отношения в иноязычном учебно-воспитательном процессе на основе совокупности ценностей, мотивов, интересов, познавательных и коммуникативных потребностей.

4. Характеристика генезиса системы, ее параметров и связей с другими системами. Характеристика генезиса системы содержания иноязычного образования была осуществлена в рамках знаниево-ориентированного, личностно-деятельностного и эмоционально-ценностного подходов. Общепедагогические концепции компонентного состава содержания образования представлены в хронологическом порядке, начиная с 60–70-х гг. XX в.

Это позволило выявить основные пути разработки проблем компонентного состава содержания и проследить, как общепедагогические идеи и концепции нашли реализацию в иноязычном учебно-воспитательном процессе. Описание связей системы содержания иноязычного образования с другими системами приводит нас к выводу, что средой ее функционирования является учебно-воспитательный процесс по иностранным языкам в общеобразовательной школе. Их взаимовлияние позволяет системе содержания иноязычного образования эффективно выполнять свои функции.

В статье была обоснована необходимость взаимосвязанного моделирования всех компонентов содержания иноязычного образования, включая ЭЦК, для развития учащихся различных ступеней как поликультурных языковых личностей. Этому способствовало достижение цели: осуществить системно-структурный анализ содержания иноязычного образования. Разработанная система компонентов содержа-

ния иноязычного образования имеет ценностно-смысловой характер и не вступает в противоречие с общепризнанными в науке категориями и понятиями. Были сделаны следующие выводы.

1. Анализ примеров структурной организации содержания общего и иноязычного образования демонстрирует несовпадение результатов в дидактике и методике, а также у разных методистов. Попытка соотнести взятый за основу общепедагогический подход (И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин) и взгляды методистов в области иноязычного образования (И.Л. Бим, З.Н. Никитенко, Е.И. Пассов и др.) привела нас к осознанию необходимости переструктурировать и взаимодополнить их.

2. Были определены некоторые тенденции, которые дали нам возможность выявить и описать составляющие содержания иноязычного образования:

а) во всех случаях в системе присутствует «знаниевая» (идеальная) составляющая. Она предметна и охватывает «знаниевые» субкомпоненты – знания языкового и речевого материала, а также сферы общения, тематически-проблемный блок, коммуникативные ситуации и т.п.;

б) вторая составляющая имеет процессуальный характер и связана с овладением репродуктивными способами деятельности в рамках решения учебно-познавательных и коммуникативных задач на уровне навыков;

в) третья составляющая носит процессуально-творческий характер и включает коммуникативные умения в различных видах иноязычной речевой деятельности при решении творческих учебно-познавательных и коммуникативных задач;

г) четвертая составляющая имеет «отношенческий» характер и связана с формированием опыта эмоционально-ценностного отношения обучающихся к окружающей действительности. Первостепенную важность при этом имеют такие понятия, как индивидуальный жизненный опыт, эмоции, мнения, чувства, а образовательные результаты увязываются с трансформацией интересов, мотивов, взаимоотношений, взглядов школьников, совокупности их ценностных ориентаций и жизненных смыслов.

Дискуссионный характер некоторых вопросов, касающихся компонентной структуры содержания иноязычного образования, не помешал нам отследить ключевую для данного исследования идею: помимо «интеллектуальных» составляющих в состав его содержания входит также эмоционально-ценностная. На основе этого была усовершенствована структура содержания современного иноязычного образования. Новая структура включала ряд «интеллектуальных» компонентов (предметный, процессуально-репродуктивный и процессуально-творческий) и эмоционально-ценностный, являющийся предметом нашего многолетнего научного поиска.

Новизна такой точки зрения заключается во включении в содержание иноязычного образования своего рода экстралингвистического фактора. Это мысли, духовные ценности, культура, невербальные средства общения и т.п. Присутствие экстралингвистической составляющей содержания, имеющей «отношенческий» характер, свидетельствует о признании исследователями необходимости эмоционально насыщенного образования, формирующего так называемую ценностную компетенцию учащихся. Различия же исследовательских позиций определяются, на наш взгляд, содержательным наполнением эмоционально-ценностного компонента и степенью развернутости его описания.

Практическая значимость представленных материалов заключается в том, что на их основе могут быть внесены изменения и дополнения в содержание иноязычного образования, направленные на формирование опыта эмоционально-ценностного отношения учащихся к окружающему миру.

Характеристика параметров четырехкомпонентной системы содержания иноязычного образования ставит перед нами задачу в будущем отследить роль каждого компонента в достижении результатов иноязычного образования. Поэтому в дальнейшем мы намерены приступить к описанию «наполнения» и функций каждого из компонентов содержания иноязычного образования, что предоставит возможность доказать наличие их тесной взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее (в табл. 1–2) фамилии исследователей представлены не в алфавитном, а в хронологическом порядке. Годы издания некоторых источников не совпадают с временными рамками появления представленных в таблицах концепций, поскольку часть литературы была впоследствии переиздана. Так или иначе, ряд изданий в списке использованных источников в силу специфики темы данного исследования был издан в 80–90-е гг. XX в. Как правило, это труды, использованные нами в процессе анализа компонентного состава общего и иноязычного образования в историческом ракурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дидактика средней школы: Некоторые проблемы современной дидактики / под ред. М.Н. Скаткина. М. : Просвещение, 1982. 319 с.
2. Лернер И.Я. Процесс обучения и его закономерности. М. : Знание, 1980. 96 с.
3. Пассов Е.И. Теория методики: цель и содержание иноязычного образования. Кн. 5. Елец : Изд-во Елецкого ГУ им. И.А. Бунина, 2013. 452 с.
4. Рогова Г.В. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1988. 224 с.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения французскому языку : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1990. 224 с.
6. Пассов Е.И. Методика как теория и технология иноязычного образования. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. Кн. 1. 543 с.
7. Ветчинова М.Н. Основные теории и концепции соизучения языка и культуры // Язык и культура. 2018. № 43. С. 33–45.
8. Кунанбаева С.С. Теория и практика современного иноязычного образования. Алматы : Эдельвейс, 2010. 344 с.
9. Никитенко З.Н. Личностно-развивающее иноязычное образование в начальной школе. М. : Прометей, 2019. 356 с.

10. Проект научно-обоснованной концепции модернизации содержания и технологий преподавания предметной области Иностранные языки». URL: http://www.predmetconcept.ru/public/f48/download/Proekt_nauchno-obosnovannoj_koncepcii_modernizacii_inostrannyj_jazyk.pdf
11. Бим И.Л. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования (ИЯ) // Иностранные языки в школе. 2005. № 2. С. 2–6.
12. Бим И.Л. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам // Компетенции в образовании: опыт проектирования : сб. науч. трудов. М. : ИНЭК, 2007. С. 156–163.
13. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие. М. : Академия, 2013. 336 с.
14. Хведченя Л.В. Теоретическое представление о содержании обучения иностранным языкам в системе высшей школы // Преподавание иностранных языков в вузах нефилологического профиля : материалы междунар. науч.-практ. конф. 27–28 нояб. 2009 г. / отв. ред. Л.В. Хведченя; редкол. О.И. Васючкова [и др.]. Минск : Изд-во БГУ, 2009. С. 71–75.
15. Vocconi S., Panagiotis G. Kampylis, Punie Y. Innovating learning: Key elements for developing creative classrooms in Europe. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2012. 30 p. DOI: 10.2791/90566
16. Grant C.A., Chapman T.K. The Evolution of multicultural education in the United States: A Journey for human rights & social justice. Cooperative learning in multicultural societies: Critical reflections. Turin : Papers from the IAIEIASCE Conference, 2008.
17. Maguire R., Egan A., Hyland P., Maguire P. Engaging students emotionally: the role of emotional intelligence in predicting cognitive and affective engagement in higher education // Higher Education Research & Development. 2017. № 36 (2). P. 343–357.
18. Wang N., Young T., Wilhite S.C., Marczyk G. Assessing students' emotional competence in higher education: development and validation of the widener emotional learning scale // Journal of Psychoeducational Assessment. 2011. № 29 (1). P. 47–62.
19. Wegerif R. Dialogic, education and technology. Expanding the space of learning. University of Exeter, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/248663573_Dialogic_Education_and_Technology_Expanding_the_space_of_learning
20. Занков Л.В. Избранные педагогические труды. М. : Дом педагогики, 1999. 608 с.
21. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989. 560 с.
22. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды. М. : Педагогика, 1983. 560 с.
23. Волков И.П. Учим творчеству. М. : Просвещение, 1986. 336 с.
24. Педагогика. Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / под ред. П.И. Пидкасистого. М. : Педагогическое общество России, 1998. 640 с.
25. Леднёв В.С. Содержание образования. М. : Высш. шк., 1989. 360 с.
26. Бим-Бад Б.М., Петровский А.В. Образование в контексте социализации // Педагогика. 1996. № 1. С. 3–8.
27. Подласый И.П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов : учеб. пособие. М. : ВЛАДОС-пресс, 2006. 365 с.
28. Коджаспирова Г.М. Педагогика в схемах, таблицах и опорных конспектах. М. : Айрис-Пресс, 2008. 256 с.
29. Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролюбов А.А. и др. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М. : Высш. шк., 1982. 373 с.
30. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Филоматис, 2015. 480 с.
31. Методика обучения иностранным языкам в начальной и основной общеобразовательной школе : учеб. пособие / под ред. В.М. Филатова). Ростов н/Д : Феникс, 2004. 416 с.
32. Куклина С.С. Система организационных форм коллективной учебной деятельности в группе для овладения учащимися иноязычным общением. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007. 209 с.
33. Ариян М.А., Шамов А.Н. Основы общей методики преподавания иностранных языков: теоретические и практические аспекты : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА; Наука, 2017. 224 с.
34. Сергеева Н.Н., Копылова Е.В., Буянова Г.В. Модель обучения иностранному языку детей старшего дошкольного возраста в природо-деятельностном контексте // Язык и культура. 2019. № 45. С. 250–263.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 апреля 2020 г.

A Systemic and Structural Analysis of the Component Composition of the Content of Foreign-Language Education
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 190–201.

DOI: 10.17223/15617793/460/23

Svetlana S. Kuklina, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). Email: svstkuk47@gmail.com

Maya N. Tatarinova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). Email: maya.tatarinova@mail.ru

Keywords: content of foreign-language education; systemic and structural analysis.

The aim of the article is to undertake a systemic and structural analysis of the component composition of the content of foreign-language education. Achieving this aim contributes to solving a serious problem of conceptualising the need for a coherent modelling of all components of the content of foreign-language education in pursuit of its global target: a gradual development of students as multicultural language personalities. The aim of the article defines the content and sequence of the used works: the concept of the integrity of the didactic notion “educational content”; research papers on its design, implementation and quality assessment; the study of the emotional component of the content of foreign-language education and its role in the integral achievement of educational objectives. The study highlighted the systemic, structural, functional, personal, activity, value and emotional approaches to identifying the nature and determining the component composition of the content of education. The knowledge-paradigm concept of educational content and the views of the leading methodologists on the problems of the component composition of the content of foreign-language education were compared. Despite the differences in some positions, the attitudes were identified that allowed the authors to determine the set of components of the content of foreign-language education which are invariably tracked in various systems and concepts. Each of them necessarily contains “knowledge” (ideal), procedural, creative and attitude components. The controversial nature of some issues, related to the subject matter of the article, did not prevent the authors from tracing the key idea for this study: in addition to “intellectual” components, the content of foreign-language education also includes an emotional constituent. Based on this provision, the educational content structure has been improved. The modernized one includes a number of “intellectual” components (subject, procedural reproductive and procedural creative) and an emotional one. The novelty of this point of view lies in the embodiment of a kind of an extra-linguistic factor in the content of foreign-language education. It reflects the researchers’ recognition of the need for an emotionally charged education that forms the value competence of students. The practical significance of the presented materials is that they can be used to make changes and additions to the content of foreign-language education that are aimed at forming the experience of students’ emotional and value attitude to the world around them.

REFERENCES

1. Skatkin, M.N. (ed.) (1982) *Didaktika sredney shkoly: Nekotorye problemy sovremennoy didaktiki* [Secondary School Didactics: Some Problems of Modern Didactics]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Lerner, I.Ya. (1980) *Protsess obucheniya i ego zakonomernosti* [The learning process and its patterns]. Moscow: Znanie.
3. Passov, E.I. (2013) *Teoriya metodiki: tsel' i sodержanie inoyazychnogo obrazovaniya* [Theory of methodology: the purpose and content of foreign language education]. Book 5. Elets: Elets State University.
4. Rogova, G.V. (1988) *Metodika obucheniya angliyskomu yazyku na nachal'nom etape v sredney shkole: posobie dlya uchitelya* [Methodology for teaching English at the initial stage in secondary school: a teacher's guide]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Min'yar-Beloruichev, R.K. (1990) *Metodika obucheniya frantsuzskomu yazyku* [French language teaching methodology]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Passov, E.I. (2010) *Metodika kak teoriya i tekhnologiya inoyazychnogo obrazovaniya* [Methodology as theory and technology of foreign language education]. Book 1. Elets: Elets State University.
7. Vetchinova, M.N. (2018) Basic Theories and Conceptions of Language and Culture Co-Learning. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 43. pp. 33–45. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/43/2
8. Kunanbaeva, S.S. (2010) *Teorii i praktika sovremennoy inoyazychnogo obrazovaniya* [Theory and practice of modern foreign language education]. Almaty: Edel'veys.
9. Nikitenko, Z.N. (2019) *Lichnostno-razvivayushchee inoyazychnoe obrazovanie v nachal'noy shkole* [Person-oriented developing foreign language education in primary school]. Moscow: Prometey.
10. Russian Academy of Education. (2007) *Proekt nauchno-obosnovannoy kontseptsii modernizatsii sodержaniya i tekhnologii prepodavaniya predmetnoy oblasti Inostrannykh yazykov* [Project of a scientifically grounded concept of modernization of the content and technologies of teaching the Foreign Languages subject area]. [Online] Available from: http://www.predmetconcept.ru/public/f48/download/Proekt_nauchno-obosnovannoj_koncepcii_modernizatsii_inostrannyj_jazyk.pdf.
11. Bim, I.L. (2005) Modernizatsiya struktury i sodержaniya shkol'nogo yazykovogo obrazovaniya (IYa) [Modernization of the structure and content of school language education (FL)]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2. pp. 2–6.
12. Bim, I.L. (2007) Kompetentnostnyy podkhod k obrazovaniyu i obucheniyu inostrannym yazykam [A competence-based approach to education and to teaching foreign languages]. In: *Kompetentsii v obrazovanii: opyt proektirovaniya* [Competencies in education: design experience]. Moscow: INEK. pp. 156–163.
13. Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2013) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika* [Theory of teaching foreign languages: Linguodidactics and methodology]. Moscow: Akademiya.
14. Khvedchenya, L.V. (2009) Teoreticheskoe predstavlenie o sodержanii obucheniya inostrannym yazykam v sisteme vysshey shkoly [Theoretical understanding of the content of teaching foreign languages in the system of higher education]. *Prepodavanie inostrannykh yazykov v vuzakh nefilologicheskogo profilya* [Teaching foreign languages in non-philological universities]. Proceedings of the International Conference. 27–28 November 2009. Minsk: Belarusian State University. pp. 71–75. (In Russian).
15. Bocconi, S., Kamylyis, P.G. & Punie, Y. (2012) *Innovating learning: Key elements for developing creative classrooms in Europe*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2791/90566
16. Grant, C.A. & Chapman, T.K. (2008) *The Evolution of multicultural education in the United States: A Journey for human rights & social justice. Cooperative learning in multicultural societies: Critical reflections*. Turin: Papers from the IAIEIASCE Conference.
17. Maguire, R., Egan, A., Hyland, P. & Maguire, P. (2017) Engaging students emotionally: the role of emotional intelligence in predicting cognitive and affective engagement in higher education. *Higher Education Research & Development*. 36 (2). pp. 343–357.
18. Wang, N., Young, T., Wilhite, S.C. & Marczyk, G. (2011) Assessing students' emotional competence in higher education: development and validation of the widener emotional learning scale. *Journal of Psychoeducational Assessment*. 29 (1). pp. 47–62.
19. Wegerif, R. (2015) *Dialogic, education and technology. Expanding the space of learning*. University of Exeter, [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/248663573_Dialogic_Education_and_Technology_Expanding_the_space_of_learning.
20. Zankov, L.V. (1999) *Izbrannyye pedagogicheskie trudy* [Selected pedagogical works]. Moscow: Dom pedagogiki.
21. El'konin, D.B. (1989) *Izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika.
22. Babanskiy, Yu.K. (1983) *Izbrannyye pedagogicheskie trudy* [Selected pedagogical works]. Moscow: Pedagogika.
23. Volkov, I.P. (1986) *Uchim tvorchestvu* [We teach creativity]. Moscow: Prosveshchenie.
24. Pidkasistiy, P.I. (ed.) (1998) *Pedagogika* [Pedagogy]. Textbook for students of pedagogical universities and pedagogical colleges. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii.
25. Lednev, V.S. (1989) *Sodержanie obrazovaniya* [The content of education]. Moscow: Vyssh. shk.
26. Bim-Bad, B.M. & Petrovskiy, A.V. (1996) *Obrazovanie v kontekste sotsializatsii* [Education in the context of socialization]. *Pedagogika*. 1. pp. 3–8.
27. Podlasyy, I.P. (2006) *Pedagogika: 100 voprosov – 100 otvetov* [Pedagogy: 100 questions, 100 answers]. Moscow: VLADOS-pess.
28. Kodzhaspirova, G.M. (2008) *Pedagogika v skhemakh, tablitsakh i opornykh konspektakh* [Pedagogy in diagrams, tables and supporting notes]. Moscow: Ayris-Press.
29. Gez, N.I. et al. (1982) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v sredney shkole* [Methods of teaching foreign languages in secondary school]. Moscow: Vyssh. shk.
30. Shchukin, A.N. (2015) *Obuchenie inostrannym yazykam: Teoriya i praktika* [Teaching foreign languages: Theory and practice]. 2nd ed. Moscow: Filomatis.
31. Filatov, V.M. (ed.) (2004) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v nachal'noy i osnovnoy obshcheobrazovatel'noy shkole* [Methods of teaching foreign languages in primary and secondary schools]. Rostov-on-Don: Feniks.
32. Kuklina, S.S. (2007) *Sistema organizatsionnykh form kollektivnoy uchebnoy deyatel'nosti v grupe dlya ovladeniya uchashchimisya inoyazychnym obshcheniem* [The system of organizational forms of collective learning activities in a group for students to master foreign language communication]. Kirov: Vyatka State Humanities University.
33. Ariyan, M.A. & Shamov, A.N. (2017) *Osnovy obshchey metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Fundamentals of the general methodology of teaching foreign languages: theoretical and practical aspects]. Moscow: FLINTA; Nauka.
34. Sergeeva, N.N., Kopylova, E.V. & Buyanova, G.V. (2019) Foreign Language Teaching of Preschoolers in the Nature-Activity Context. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 45. pp. 250–263. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/45/18

Received: 11 April 2020

Е.А. Малютина, О.Г. Оберемко

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ОВЛАДЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ ВЗРОСЛЫМИ

Рассматривается проблема культурной самоидентичности при овладении иностранными языками взрослой аудиторией в процессе непрерывного образования, раскрывается смысл понятий «самоидентичность», «самоидентификация», «культурная самоидентификация». Затрагиваются проблемы формирования межкультурной компетенции обучающихся, глубокого взгляда на родную культуру, осознания собственной этнокультурной идентичности. Предлагаются рекомендации по организации педагогического процесса в русле современных тенденций федерального проекта «Образование».

Ключевые слова: самоидентичность; самоидентификация; иностранный язык; умения межкультурного общения; межкультурная коммуникация; языковое сознание; менталитет; лингвистическое образование.

Введение

В современных условиях углубляющейся национально-культурной дифференциации различные этнокультурные сообщества стремятся к сглаживанию межкультурных противоречий, достижению паритета и сохранению национальной самобытности культур. Во избежание возникновения межкультурных конфликтов и противоречий остро встает вопрос о необходимости развития культурной самоидентичности личности, ставится задача приобщения к родной культуре, воспитания чувства патриотизма. Особую значимость решение данной проблемы приобретает в условиях непрерывного образования, так как взрослые являются наиболее активной группой в социальном и экономическом отношении.

Непрерывное образование является комплексным процессом, обеспечивающим социальное и творческое развитие потенциала человека, способствующим обогащению духовного мира личности. Это подразумевает как специальную организацию обучения, так и самообразование, направленные на повышение социального статуса индивида.

Сегодня важнейшей задачей органов государственной власти в сфере образования является создание возможностей для непрерывного обучения граждан, поскольку стремление, желание и способности человека к обучению в течении всей жизни (концепция *life-learn learning*) обеспечивают развитие человеческого капитала, позволяют формировать основы будущего общества.

В соответствии с двумя ключевыми задачами, а именно обеспечение глобальной конкурентоспособности отечественного образования и воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций, был создан национальный проект «Образование». Данный проект предполагает реализацию четырех основных направлений развития системы образования: обновление его содержания, создание необходимой современной инфраструктуры, подготовка соответствующих профессиональных кадров, их переподготовка и повышение квалификации, а также создание наиболее эффективных механизмов управления данной сферой [1].

Федеральный проект «Новые возможности для каждого» является частью национального проекта «Образование», целью которого является создание условий для непрерывного обновления гражданами профессиональных знаний и приобретения ими новых навыков, повышение доступности и вариативности программ обучения.

В условиях стремительно меняющегося современного мира, динамичного социально-экономического развития общества, высокой конкуренции на рынке труда, как было отмечено выше, резко возрастает потребность взрослых в непрерывном образовании, в частности в овладении иностранными языками. Для решения данной задачи существует множество образовательных программ в виде краткосрочных курсов на базе вузов и учреждений дополнительного образования, программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Так, в 2019 г. был разработан проект «Непрерывное образование для взрослых в сфере языка» для нацпроекта «Образование» (направление «Новые возможности для каждого») Нижегородским государственным университетом им. Н.А. Добролюбова.

Дисциплина «Иностранный язык» обладает значительным потенциалом развития культурной самоидентичности взрослых. В. Гумбольдт считал, что человек, изучая иностранные языки, расширяет «диапазон человеческого существования» и постигает картины мира другого народа с помощью другого языка [2]. В результате такого сопоставления обучающиеся принимают не только свою собственную принадлежность к определенной национально-культурной общности, но и осознают себя частью мирового культурно-исторического диалога.

Теоретические основания культурной самоидентичности

Культурная самоидентичность в Большом толковом словаре по культурологии определяется как отождествление себя с культурной традицией [3]. Следует отметить, что термин «самоидентичность» носит статический характер, являясь результатом «самоидентификации» – процесса, ведущего к данному состоянию [4], т.е. процесс самоидентификации всегда предшествует появлению самоидентичности.

В 50–60 гг. XX в. понятие самоидентичности приобретает научную определенность в работах немецкого психолога Э. Эриксона. Исследуя методы воспитания подрастающего поколения в различных этнокультурных сообществах, он выявил, что существуют определенные ожидания социума на каждом этапе развития личности. В зависимости от того, оправдывает их человек или нет, он либо принимается окружением, либо категорически отвергается им. Другой ученый, Э. Фромм, примерно в тот же отрезок времени говорил о самоидентичности как о сильнейшей потребности человека, уравнивая ее с потребностью в самореализации, самопознании, общении и творчестве.

В 70-е гг. XX в. проблема самоидентичности все больше актуализируется, что обусловлено обостряющимися в указанный период проблемами личностного выбора. Содержание рассматриваемой категории изучалось и изучается с позиций философского, социологического, психологического и педагогического аспектов.

Важной целью в развитии культурной самоидентичности обучающихся является формирование глубинного взгляда на родную культуру и осознание собственной ментальности. Согласно А.П. Садохину культурная самоидентичность есть принятие индивидом норм, ценностей, языка, паттернов поведения в обществе и самоотождествление себя с культурными характеристиками, принятыми в данной группе.

В процессе лингвострановедческой компарации культур обучающихся отмечают особенности родной и чужой культур, которые обычно остаются без внимания в монокультурной действительности. Существует точка зрения, что подобное сравнение позволяет обучающемуся посмотреть на свою и чужую культуры с разных ракурсов, за счет чего происходит изучение «чужого» и осознание «своего». Как отмечает Г.Д. Гачев, «столкновение национальных образов мира извлекает искры, которые освещают и тот и другой, – происходит обоюдное познание» [5. С. 54].

Согласно Н.Д. Гальсковой обучение иностранному языку не может происходить в отрыве от познания иной культуры и без осознания собственного этноса, без готовности к межэтническому диалогу, толерантности по отношению к «чужим» [6]. По мнению М.М. Бахтина, для того чтобы познать другую культуру, следует вступить в диалог социальных языков и сказать свое «слово» [7]. О.А. Обдалова определяет способность участвовать в межкультурной коммуникации как «идеальную цель, к которой должен стремиться человек, в своем желании как можно лучше адаптироваться к миру людей, принадлежащих к разным культурам и национальностям» [8]. Таким образом, у обучающихся формируется и получает развитие поликультурное языковое сознание.

Российское общество поликультурно, полиэтнично, поликонфессионально. К его характеристикам относятся веротерпимость и открытость. Однако русский этнос является преобладающим, русский язык имеет государственный статус. Так, сравнивая западную и русскую культуры, обучающиеся сопоставляют такие явления, как индивидуализм – коллективизм,

расчетливость – духовность, независимость частной жизни от государства – культ власти и др. [9].

Феномен межэтнической коммуникации, т.е. общения между лицами-представителями разных народов (этнических групп), имеет определяющее значение для разработки современного содержания непрерывного лингвистического образования. Как справедливо отмечают Е.Н. Дмитриева и О.Г. Оберемко, учет данного феномена «обеспечивает возможность установления связи между культурными кодами, формами взаимодействия и сопровождающими их духовными процессами; механизмами культурной идентификации, образовательными программами подготовки обучающихся, дальнейшая деятельность которых предусматривает расширение и развитие социокультурных границ взаимодействия народов» [10]. Следует отметить, что в связи с недостаточностью научного осмысления вышеуказанного феномена как фактора, способствующего повышению качества непрерывного лингвистического образования, пока сохраняется противоречие между возможностью «вхождения» в другое этно-социокультурное пространство и классическим ознакомлением с культурой стран изучаемого языка.

Межэтническая коммуникация представляет собой совокупность образа мира, психологических характеристик представителя этнической группы, культурной формы общения, образа мышления и жизненного уклада народа. Так, коммуниканты обмениваются не только информацией, но еще и эмоциональным опытом, что привносит субъективную значимость участникам общения, способствует их личностному развитию.

Методология исследования

Коммуникативное пространство этносов включает уникальные, собственные знаковые и информационные процессы, каждому из которых соответствуют свои культурные коды, особенности кодирования и декодирования текстов, берущие начало в культурно-историческом контексте. Отсюда возникает проблема языковых и смысловых различий родного и «чужого» языков, поскольку этнокультурная картина мира, заложенная в подсознании, сохраняется на протяжении длительного периода времени. Согласно Е.Н. Дмитриевой, О.Г. Оберемко «понимание как “вчувствование” языка “другого” – длительный процесс, требующий хорошей лингвистической и лингвострановедческой подготовки, знания особенностей межкультурной и межэтнической коммуникации и хорошо развитых способностей адаптации к чужим этнокультурным особенностям» [10].

Методологическими основаниями для нашего исследования являются следующие подходы: *лингвострановедческий, личностно-деятельностный, когнитивный и этнически ориентированный*.

Применение *лингвострановедческого подхода* на занятиях по иностранному языку позволяет развить коммуникативную компетенцию взрослых в актах межкультурной коммуникации. Согласно лингвострановедческой теории слова Е.М. Верещагина и

В.Г. Костомарова именно за языковыми формами любого языка, в частности за словом может стоять большой пласт дополнительных культурных компонентов значения [11], т.е., непосредственно овладевая иностранным языком, обучающиеся получают дополнительные сведения о национальных обычаях, традициях, особенностях быта, жизненного уклада, реалиях страны изучаемого языка.

Как показывают опросы, целью большинства взрослых слушателей, пришедших на лингвистические курсы, является использование иностранного языка в поездках и путешествиях за границу. В связи с этим мы считаем важным приобщать обучающихся к иноязычной культуре для предотвращения возможного «культурного шока», который возникает вследствие непонимания норм чужой культуры [12. С. 94].

В контексте образования взрослых мы усматриваем целесообразность применения *лично-деятельностного подхода*, предполагающего учет мотивов, целей и индивидуальных особенностей обучающихся. В центре образовательного процесса находится сам обучающийся с его уникальным психологическим складом, возрастными характеристиками, профессиональными интересами и потребностями. В рамках данного подхода принимаются во внимание особенности осуществления взрослыми иноязычной речевой деятельности, а также ее контекст, обусловленный наиболее значимыми сферами и ситуациями общения [13].

Когнитивный подход играет важную роль при овладении обучающимися лексической стороной речи. Он обеспечивает возможность сопоставления лингвистических явлений на сознательной основе. Язык имеет когнитивную функцию, проявляющуюся в накоплении, хранении знаний в памяти, обеспечивает познавательную деятельность человека. Взрослые приступают к изучению иностранного языка осознанно, стремление к систематизации и пониманию является когнитивной потребностью индивида [14].

Этнически ориентированный подход предполагает учет этнокультурных, этнопсихолингвистических и этнопсихологических характеристик обучающихся. Он базируется на понимании этноса как группы людей, обладающих общностью происхождения и истории, имеющих один язык, культуру, традиции, ментальность, проживающих на определенной территории. В условиях многонационального государства, такого как Россия или, например, США проблема этнической самоидентификации в ряде случаев может привести к межэтническим конфликтам, националистическим настроениям. Очевидно, что в группе обучающихся могут оказаться представители различных наций. Соответственно, невозможно не учитывать их ментальность, культурные традиции и обычаи, поскольку нашей целью является предоставление взрослым обучающимся инструментария в виде языковых средств, чтобы они могли рассказать о фактах, особенностях своего этноса, региональной культуры, передать ее уникальность и своеобразие в иноязычной среде. Вышеуказанный подход подразумевает преподавание иностранного языка через призму родного языка с учетом этноса и посредством их компарации [15]. Изучаемый (иностран-

ный) язык одновременно выступает средством развития культурной самоидентичности.

Результаты работы по развитию культурной самоидентичности взрослых при обучении иностранным языкам и их обсуждение

Можно выделить следующие *этапы обучения иностранным языкам* в рамках межкультурной парадигмы: осознание особенностей и отличий другой культуры; принятие выявленных отличий; осознание особенностей собственной культуры; сопоставление культурных различий и осуществление эффективной коммуникации с учетом разницы культур [16. С. 48].

Согласно исследованиям М. Шнайдера межкультурное обучение состоит из следующих компонентов:

- языковой компонент (включает реалии, фоновые слова, безэквивалентную лексику и др.);

- прагматический (обычаи повседневности);

- исторический (актуализируется, если страны имеют общую историю, те или иные связанные события в прошлом, позитивные или негативные точки пересечения);

- эстетический (взгляды на внешний облик людей, зданий, заведений, устройство быта с эстетической точки зрения);

- этический (понятия о морали и нравственности);

- имагологический (образы и стереотипы окружающего мира);

- рефлексивный (у обучающегося появляется новый взгляд как на свою личность, свою культуру, так и на изучаемую. Происходит анализ реалий и событий повседневной жизни, социальных проблем и тенденций. Данный компонент можно отнести к критерию эффективности процесса обучения) [17. С. 164].

С целью развития культурной самоидентичности взрослых в процессе овладения иностранным языком необходимо создать основу для осуществления речевой деятельности на изучаемом языке. Для этого на начальном этапе мы предлагаем использовать тренировочные упражнения, за счет которых обучающиеся знакомятся с отобранными единицами информации. Далее используются условно-коммуникативные и речевые упражнения, представляющие собой изменение высказывания-образца либо самостоятельную речевую деятельность с опорой на изученный материал [18. С. 210–211]. Единицы информации отбираются с учетом лингвострановедческого аспекта языка. К ним относятся: безэквивалентные, фоновые и коннотативные лексические единицы, узуальные формы речи, а также невербальные языки жестов, мимики и повседневного (привычного) поведения. Включение отобранных лексических единиц в активное использование в речи представляется возможным при постепенном формировании «информационного запаса третьей-четвертой степени». Однако, вслед за О.Г. Оберемко, необходимо понимать, что овладение им возможно только после поэтапного усвоения первой и второй степеней, что достигается путем концентрического расположением тем. Уровни лингвострановедческой компетенции представлены на рис. 1.

Рис. 1. Уровни лингвострановедческой компетенции [19]

Базируясь на научных исследованиях, мы считаем, что следует разграничивать понятия «этническая» и «этнокультурная» самоидентификации. В первом случае идентификация представляет собой процесс осознания себя частью этноса, а во втором – приобщение себя к этносу. Этническая идентификация характеризуется комплексом признаков этноса: язык, культура, жизненный уклад, психологические характеристики. Особенности этнокультурной самоидентификации являются непосредственно социокультурные факторы, такие как изменяющиеся ценности, установки, нравы и др. Таким образом, складывается необходимость формирования у обучающихся межкультурной компетенции, т.е. готовности к общению и взаимодействию с представителями другой культуры. Соответственно, развитие культурной самоидентичности обучающихся невозможно осуществить только с помощью знакомства с «чужой» культурой. Необходим комплексный подход, а именно изучение специфики этнического самосознания, механизмов его формирования, особенностей коммуникации с учетом данных процессов [10].

По нашему мнению, в образовательный процесс, направленный на развитие культурной самоидентичности, необходимо включить следующие компоненты:

- когнитивно-интеллектуальный;
- эмоциональный;
- поведенческий.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что развитие культурной самоидентичности взрослых мы рассматриваем как базовый принцип непрерывного самообразования, с целью практической реализации которого применяются межкультурные тренинги, такие как создание коммуникативных ситуаций и ролевая игра. Развитие дистанционного образования позволяет успешно внедрить вебинары в учебный процесс, дающие возможность широкого охвата аудитории. За счет использования интернета привлечение носителей языка к процессу обучения становится более доступным. Технология коворкинга (co-working) способствует созданию творческой атмосферы, быстро помогает участникам установить контакт и завязать дружбу. Предложенные тренинги включают в себя эмоциональный, поведенческий и когнитивно-интеллектуальный компоненты, что положительно влияет на возможности развития у обучающихся осознания особенностей собственной культуры и принятия другой. Методика базируется на личностно-деятельностном подходе в обучении иностранному языку, т.е. организации практического межкультурного общения. Представляется возможным организация не прямой формы коммуникации: чтение аутентичных текстов, переписка, ролевые игры, использование искусственно созданных ситуаций. Однако следует отметить, что осуществление реального межкультурного взаимодействия будет отличаться наивысшей эффективностью. Для этого необходимо привлекать к образовательному процессу носителей языка, что позволит реализовать на практике аутентичные модели коммуникации представителей того или иного этнокультурного общества.

Другим методом решения рассматриваемой проблемы является проектная деятельность. Проект позволяет детально проработать, проанализировать определенную задачу, осуществлять поиск условий и способов, направленных на достижение практического результата. Таким образом, при правильной постановке задачи и путем поэтапного планирования проекта можно добиться высокой эффективности данного метода в развитии культурной самоидентичности. Особенно успешно метод проектов может применяться при обучении взрослой аудитории, поскольку вышеуказанная группа обучающихся характеризуется стремлением к самостоятельности. Обозначенный метод позволяет обучающимся самостоятельно выбрать тему, отобрать нужную литературу для анализа информации, определить способ изложения и подачи материала. Таким образом, проектная методика стимулирует интерес у взрослых обучающихся, поскольку они проводят индивидуальную работу над выбранной темой, представляющей для них наивысший интерес и значимость. Предложенные способы работы отражены на рис. 2.

Рис. 2. Способы работы по развитию культурной самоидентичности

Практическая реализация предложенных способов работы определяет приемы обучения устной речи в диалогической и монологических формах, где проявляется способность к межкультурному общению, а также уровень самоидентичности.

С целью развития самоидентичности взрослых при овладении ими иностранным языком мы включили в образовательный процесс ряд межкультурных тренингов. Для проверки эффективности обозначенных способов работы мы провели первую серию обучающего эксперимента, реализованную в два блока.

Основными методами проведения экспериментального обучения явились:

1) методы сбора информации (наблюдение, анкетирование преподавателей и обучающихся, метод компетентных судей);

2) методы обработки информации (подсчет результатов с использованием методов математической статистики).

Первый блок: сентябрь 2019 г. – январь 2020 г. по программе «Коммуникативный курс английского языка для взрослых» в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. В данном курсе принимали участие 61 слушатель. Возрастной период – от 18 до 64 лет. Уровень обученности слушателей определялся как начальный, а именно А2–В1 согласно общеевропейской системе владения языком (Common European Framework of Reference, CEFR).

Второй блок: октябрь 2019 г. – февраль 2020 г. по программе «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации (экономика)» в рамках национального проекта «Образование» в ОАО «ГАЗ». В

данной группе проходили обучение 39 слушателей в возрасте 25–56 лет. Уровень обученности участников аналогичен первому блоку, а именно приравнивается к начальному (А2–В1).

Целью экспериментальной проверки явились формирование и дальнейшее развитие умений устного межкультурного общения в монологических и диалогических формах с одновременным развитием самоидентичности каждого слушателя.

Анкетирование преподавателей НГЛУ им. Н.А. Добролюбова позволило: определить отношение преподавателей к межкультурному обучению английского языка, направленному на развитие культурной самоидентичности обучающихся; уточнить основные цели обучения иностранному языку среди взрослых; ответить на вопрос о готовности преподавателей к применению технологий обучения и системы упражнений с целью развития культурной самоидентичности обучающихся.

В анкетировании были задействованы 12 преподавателей НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Его результаты показали, что 92% преподавателей считают необходимым осуществлять межкультурное обучение взрослых, направленное на развитие культурной самоидентичности, что отражено в современных ФГОС, а также обусловлено социальным заказом общества и потребностями обучающихся в реальной коммуникации на иностранном языке. Опрошенные продемонстрировали готовность применять на практике предложенные технологии обучения и систему упражнений. Из обозначенного списка педагогических технологий большинство

участников анкетирования поддержали ролевую игру и коворкинг (80%), остальные проявили особый интерес к созданию коммуникативных ситуаций, методу проектов и вебинару (20%).

В ходе наблюдения за учебным процессом было установлено, что занятия по иностранному языку проводятся без ориентации на развитие культурной самоидентичности обучающихся и умений межкультурного общения, поскольку отмечается нехватка учебно-методических пособий по практике межкультурного обучения на языковых курсах.

8% преподавателей, принявших участие в анкетировании, выказали сомнение в необходимости развития культурной самоидентичности взрослых, считая социокультурную компетенцию достаточной для достижения взаимопонимания и возможности предотвращения межкультурных противоречий в процессе коммуникации с представителями иной лингвокультуры.

Анкетирование обучающихся на языковых курсах в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова и ОАО «ГАЗ» показало, что а) 70% взрослых заинтересованы в овладении английским языком на уровне, необходимом для коммуникации с представителями других культур; б) 20% указали практическую пользу изучения иностранного языка для общего лингвистического развития; в) только 10% обучающихся отметили, что для словесного выражения своей точки зрения на иностранном языке важно учитывать менталитет и культурные ценности другого народа.

Полученные ответы на вопросы анкеты дали нам возможность убедиться в недооценке роли самоидентичности в межкультурном общении, следовательно, в актуальности и перспективности затрагиваемой проблемы, а также выбрать приемы работы с языковым и речевым материалом, подготовить упражнения для взрослых обучающихся с недостаточным уровнем развития культурной самоидентичности.

Нами был проведен *диагностический* срез, демонстрирующий у обучающихся в экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группах исходный уровень развития культурной самоидентичности. Так, испытуемым предлагалось выполнить устные задания, позволяющие определить уровень умений устного межкультурного общения, знания российской культуры с точки зрения способности вступать в межкультурное взаимодействие и развития самоидентичности.

Задания диагностического среза разработаны по теме «Food and Cooking» (традиции, культура питания в России и за рубежом) и включали: 1) составление диалога по определенной ситуации; 2) ведение диалога-дискуссии; 3) подготовленный монолог; 4) задание на комментирование.

Задание 1.

Imagine a small group of foreign visitors is coming to your city. Work in pairs and decide where you would take them for dinner. Choose a menu and a location to give them a “taste” of your city/region/country.

Задание 2.

Read the short text about the differences between American and European eating habits. Discuss how they differ from eating traditions in Russia. Express your opinion, agreement or disagreement with the partner.

Задание 3.

Think of a typical or unusual dish from our country. How would you describe it to a foreign visitor?

Задание 4.

Comment on the following statement: “Food is our common ground, a universal experience”.

Умения устного межкультурного общения соотносятся со способностями вступать в коммуникационное взаимодействие в условиях «диалога культур» и являются основой для развития самоидентичности. В связи с изложенным мы выделили следующие уровни развития иноязычных умений устного межкультурного общения:

- элементарный;
- средний;
- высокий.

Для оценки устного высказывания обучающихся были применены следующие критерии:

- 1) владение лексико-грамматическими средствами устного межкультурного общения в бытовой и социально-культурной сферах общения;
- 2) владение речевыми и этическими приемами межкультурного общения в бытовой и социально-культурных сферах;
- 3) объем высказывания;
- 4) темп речи;
- 5) логичность высказывания;
- 6) полнота раскрытия темы сообщения.

Выбранная шкала оценивания – 5 баллов. *Высокий уровень* развития умений межкультурного общения находится в диапазоне 4,5–5 баллов, *средний уровень* – 4–4,4 балла, *элементарный* – 3–3,9 балла. Показатель 2,9 баллов и ниже демонстрирует отсутствие умений устного межкультурного общения.

Вычислив процентное соотношение студентов с разными уровнями развития умений устного межкультурного общения, мы получили результаты, приведенные в табл. 1.

Таблица 1

Исходные уровни умений устного межкультурного общения (диагностический срез)

Показатель	Умения не развиты (менее 2,9 балла)	Элементарный уровень (3,0–3,9 балла)	Средний уровень (4,0–4,4 балла)	Высокий уровень (4,5–5,0 балла)
Число испытуемых в ЭГ	8 (53%)	6 (40%)	1 (7%)	0
Число испытуемых в КГ	9 (60%)	4 (27%)	2 (13%)	0

Результаты диагностического среза в ЭГ и КГ по определению у испытуемых уровня развития культурной самоидентичности на основе умений устного межкультурного общения наглядно представлены на рис. 3.

Диагностический срез

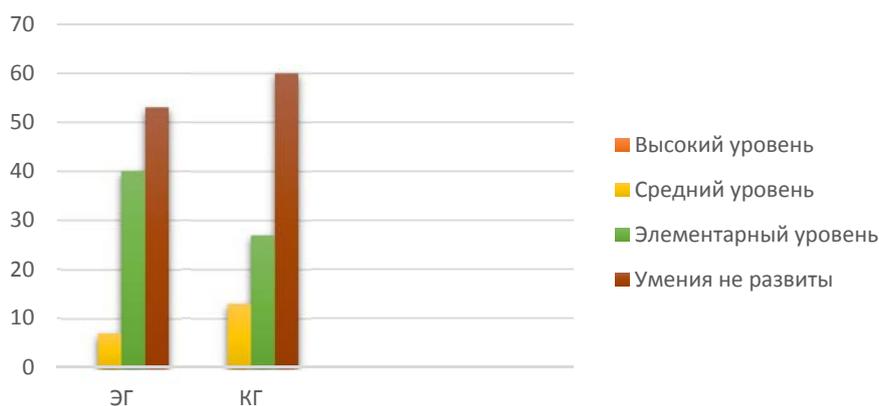

Рис. 3. Исходные уровни умений устного межкультурного общения

Выделены четыре уровня развития самоидентичности:

- адаптивный (самоидентичность не развита);
- репродуктивный (отмечается начало ментальной саморефлексии, присутствуют знания эталонных образцов российской культуры, имеются общие представления о ее исторической обусловленности);
- эвристический (отмечается контекстность знания родной культуры, проявляется потребность в его обогащении);
- креативный (усматривается способность анализировать явления культуры с высокой степенью обобщения, при этом вхождение во всеобщий мир культуры происходит через освоение фактов и ценностей российской культуры).

Определение уровня развития самоидентичности обучающихся осуществлялось на основании следующих критериев:

- 1) качество знаний о своей собственной культуре в поликультурном пространстве;
- 2) характер ориентации в мире ценностей на основе диалога культур;
- 3) степень соответствия поведенческих тактик ценностям родной культуры.

Выбранная шкала соответствует шкале оценива-

ния умений межкультурного общения.

Результаты диагностического среза, проведенного в ЭГ и КГ, по оцениванию уровня развития культурной самоидентичности обучающихся представлены в табл. 2 и на рис. 2:

Таблица 2

Исходные уровни развития культурной самоидентичности

Показатель	Адаптивный уровень (менее 2,9 балла)	Репродуктивный уровень (3,0–3,9 балла)	Эвристический уровень (4,0–4,4 балла)	Креативный уровень (4,5–5,0 балла)
Число испытуемых в ЭГ	9 (60%)	5 (33%)	1 (7%)	0
Число испытуемых в КГ	7 (47%)	6 (40%)	2 (13%)	0

Диагностический срез

Рис. 4. Исходные уровни развития культурной самоидентичности

Этап экспериментального обучения включал четыре серии обучения, осуществляющиеся в рамках бытовой и социально-культурной сферах общения. Данный этап выстраивался на основе межкультурных тренингов и в соответствии с теоретическими положениями, указанными в данной работе. Предложенная система упражнений была разработана таким образом, чтобы оказать влияние на компоненты культурной самоидентичности (когнитивно-интеллектуальный, эмоциональный, поведенческий). В качестве учебного материала использовались: 1) УМК «English File» 3rd edition; 2) дополнительные тексты и упражнения по изучаемым темам.

Серии экспериментального обучения включали следующие темы:

- «Еда и культура» (кулинарные традиции, культура питания в России, Британии и США);
- «Праздники, обычаи и традиции» (семейные, религиозные, национальные в России, Британии и США, традиции организации праздников, подарки, поздравления);
- «Путешествия, отпуск» (история, географические особенности, достопримечательности России, Британии и США);
- «Стереотипы» (социально-культурные стереотипные представления о русских, британцах и американцах).

Выбор данных тем обусловлен их направленностью на овладение обучающимися единицами поликультурной информации, лексико-грамматическими средствами межкультурного общения в бытовой и социально-культурной сферах. Учебный материал дополнен текстами компаративного плана, составленными с использованием современных зарубежных источников информации из интернета.

По окончании экспериментального обучения в группах был проведен *итоговый срез* в целях определения у испытуемых уровня развития культурной самоидентичности, а также готовности к «диалогу культур».

Задания итогового среза коррелируются с заданиями диагностического среза.

Задание 1.

Imagine that you are going to organize an unforgettable tour for foreign visitors in Russia. Work in pairs and decide where you would go and what would you do there. Describe a location and possible activities.

Задание 2.

Read the short text about tips for travelling to Russia. Do you agree with the advice? What would you add? Express your opinion, agreement or disagreement with the partner.

Задание 3.

Think about typical Russian handicraft. How would you describe it to a foreign friend?

Задание 4.

Comment on the following statement: “Traveling abroad helps to understand your own country”.

Итоговый уровень развития умений устного межкультурного общения в бытовой и социально-культурной сферах вычислялся методом математической обработки данных, который аналогичен методу обработки данных диагностического среза. Данные итогового среза отобразены в табл. 3 и на рис. 5.

Таблица 3

Итоговые уровни развития умений межкультурного общения

Показатель	Адаптивный уровень (менее 2,9 балла)	Репродуктивный уровень (3,0–3,9 балла)	Эвристический уровень (4,0–4,4 балла)	Креативный уровень (4,5–5,0 балла)
Число испытуемых в ЭГ	0	6 (40%)	5 (33%)	4 (27%)
Число испытуемых в КГ	7 (47%)	4 (27%)	3 (20%)	1 (7%)

Итоговый срез

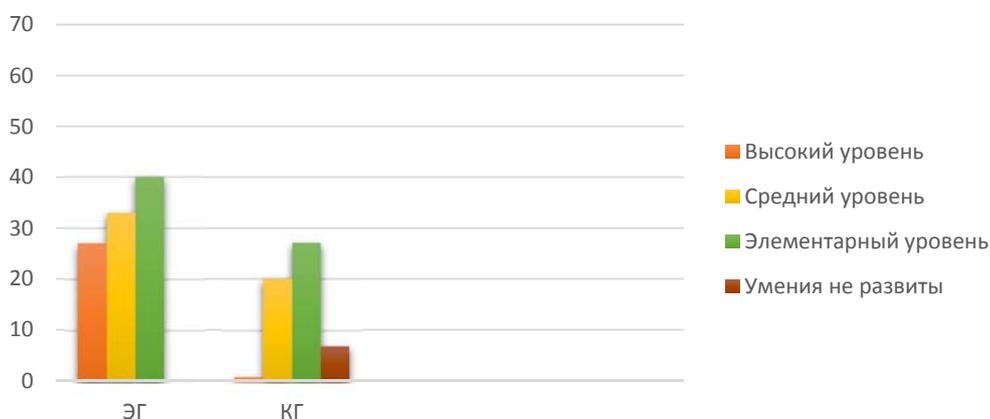

Рис. 5. Итоговые уровни развития умений межкультурного общения

Аналогично был определен уровень развития культурной самоидентичности у обучающихся. Ре-

зультаты математической обработки данных отражены в табл. 4 и на рис. 6.

Итоговый срез

Рис. 6. Итоговые уровни развития культурной самоидентичности

Таблица 4

Итоговые уровни развития культурной самоидентичности

Показатель	Умения не развиты (менее 2,9 балла)	Элементарный уровень (3,0–3,9 балла)	Средний уровень (4,0–4,4 балла)	Высокий уровень (4,5–5,0 балла)
Число испытуемых в ЭГ	0	5 (33%)	7 (47%)	3 (20%)
Число испытуемых в КГ	7 (47%)	5 (33%)	3 (20%)	0

Анализируя результаты итогового и диагностического срезов, можно отметить интенсивную положительную динамику показателей устной межкультурной речи, а также, в корреляции, уровней развития культурной самоидентичности в экспериментальной группе по результатам проведенного экспериментального обучения. Сравнительные данные отражены на рис. 7 и 8.

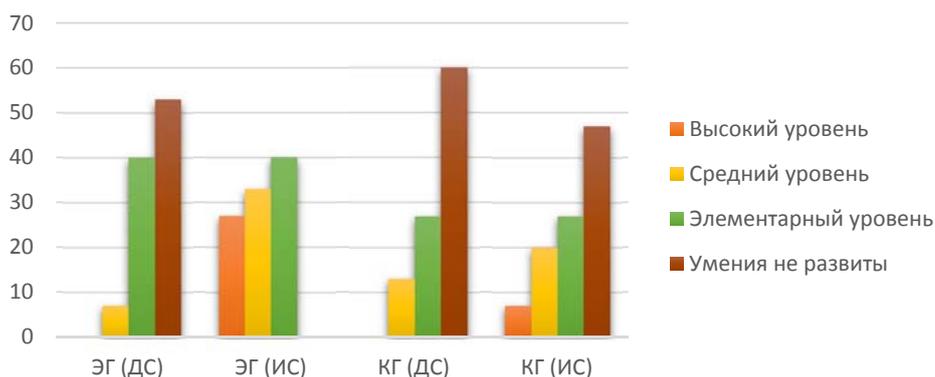

Рис. 7. Показатели уровня развития умений устной межкультурной речи (диагностический и итоговый срезы)

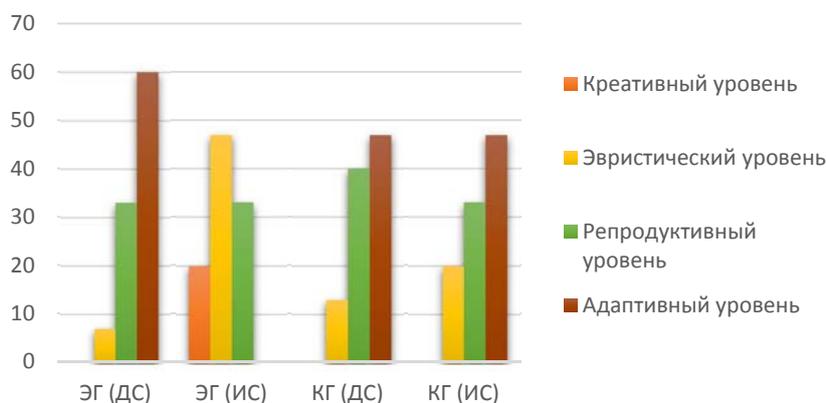

Рис. 8. Показатели уровня развития самоидентичности (диагностический и итоговый срезы)

Выводы

Таким образом, сравнительный анализ результатов диагностического и итогового срезов на основе математической обработки статистических данных под-

тверждает эффективность предложенных способов работы. В соответствии с изложенным можно сделать вывод, что процесс овладения иностранным языком с точки зрения развития готовности к межкультурному общению, повышению общего уровня обученности, а

также развития культурной самоидентичности взрослых необходимо строить на контрастно-сопоставительной основе с использованием различных межкультурных тренингов, включающих материалы компаративного характера с учетом обычаев, традиций и менталитета жителей нашей страны, а также

иных социокультурных общностей для отстаивания собственных взглядов с позиций грамотного, культурного человека, имеющего представление об отличной от нас ментальности и позиции собеседника, но умеющего донести свою точку зрения и предотвратить возможность межэтнического конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/national-project>
2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.
3. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече; АСТ, 2003. 509 с.
4. Ядов В.А. Социальная идентичность личности. М. : Наука, 1994. 247 с.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М. : Советский писатель, 1988. 448 с.
6. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2004. № 1. С. 3–8.
7. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 336 с.
8. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная система обучения иноязычной межкультурной коммуникации студентов бакалавриата естественнонаучных направлений : дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2017. 468 с.
9. Оберемко О.Г. Теоретико-методологические основы подготовки переводчика в современных условиях : дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2003. 422 с.
10. Дмитриева Е.Н., Оберемко О.Г. Лингвистическое образование в контексте исследования феномена межэтнической коммуникации // Язык и культура. 2018. № 41. С. 241–254.
11. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
12. Ариян М.А., Оберемко О.Г., Шаповалов А.Н. Методика преподавания иностранных языков : общий курс. Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 97 с.
13. Головач Е.И. Обучение говорению на иностранном языке на основе личностно-деятельностного подхода (английский язык, дополнительное образование взрослых) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Минск, 2019. 30 с.
14. Обдалова О.А., Миннакова Л.Ю. Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов при обучении иноязычному дискурсу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 7 (25), ч. 1. С. 148–153.
15. Тер-Минасова С.Г. Преподавание иностранных языков в современной России: нужно подумать... // Иностранные языки в школе. 2015. № 11. С. 21–29.
16. Коптельцева Г., Рот Ю. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг : учеб.-метод. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 223 с.
17. Schneider M. Interkulturelles Lernen im Russischunterricht // Handbuch Fremdsprachenunterricht. 1997. № 3. S. 162–165.
18. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-ов и факульт. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М. : Изд. центр «Академия», 2004. 336 с.
19. Оберемко О.Г. Лингвострановедение: иноязычная культура через иностранный язык: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2018. 80 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 31 августа 2020 г.

The Problem of Developing Cultural Self-Identity in Adults Learning a Foreign Language

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 202–212.

DOI: 10.17223/15617793/460/24

Elena A. Maliutina, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: exert91@ya.ru

Olga G. Oberemko, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: metod@lunn.ru

Keywords: self-identity; self-identification; foreign language; cross-cultural communication skills; intercultural communication; language consciousness; mentality; linguistic education.

The article deals with the problem of cultural identity in mastering a foreign language by adult students during the lifelong learning process. It reveals the meaning of the terms “self-identity”, “self-identification”, “cultural identification”. The problems of forming students’ intercultural competence, a deep view of their native culture, and awareness of their own ethno-cultural identity are discussed. The article reveals the potential of the discipline “Foreign Language” for the development of cultural identity, defines the role of linguistic education in enriching the individual picture of the world of students in the comparative context of different cultures. Recommendations on the organization of the pedagogical process in line with the current trends of the Federal Project “Education” are offered. The article highlights the stages of teaching foreign languages within the framework of the intercultural paradigm. According to the authors, cognitive-intellectual, emotional and behavioral components should be included in the educational process aimed at developing cultural self-identity. The authors consider the development of cultural self-identity of adults as a basic principle of continuous self-education. For the purpose of its practical implementation, cross-cultural trainings are used, namely, the creation of communicative situations, role-playing game, webinar, coworking and project. The development of distance education makes it possible to successfully implement webinars in the educational process, which make it possible to reach a wide audience and attract native speakers more easily. The co-working technology helps to create a creative atmosphere, quickly helps participants establish contact and establish friendships. The project activity allows one to thoroughly work out and analyze a specific task, search for conditions and methods aimed at achieving a practical result. The authors conducted experimental training in two blocks at Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University and OJSC “GAZ” in order to test the possibility of using various cross-cultural trainings for the formation and development of self-identity of adults when they master a foreign language. The results were evaluated by tests on the skills and abilities of cross-cultural communication, as well as a questionnaire of the audience’s evaluation of their ability to enter into intercultural interaction and develop self-identity. Thus, the authors come to the conclusion

that mastering a foreign language from the point of view of the development of cultural identity of adults should be built on a contrast-comparative basis using various cross-cultural trainings that include materials of a comparative nature.

REFERENCES

1. Ministry of Education of the Russian Federation. (2019) *Natsional'nyy projekt "Obrazovanie"* [The Education National Project]. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/national-project>.
2. Humboldt, W. (1984) *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected writings on linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress.
3. Kononenko, B.I. (2003) *Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii* [The Big Explanatory Dictionary of Culturology]. Moscow: Veche; AST.
4. Yadov, V.A. (1994) *Sotsial'naya identichnost' lichnosti* [Social identity of a person]. Moscow: Nauka.
5. Gachev, G.D. (1988) *Natsional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
6. Gal'skova, N.D. (2004) *Mezhkul'turnoe obuchenie: problema tseley i sodержaniya obucheniya inostrannym yazykam* [Intercultural learning: the problem of goals and content of teaching foreign languages]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1. pp. 3–8.
7. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: To the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg: Azbuka.
8. Obdalova, O.A. (2017) *Kognitivno-diskursivnaya sistema obucheniya inoyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii studentov bakalavriata estestvennonauchnykh napravleniy* [The cognitive-discursive system of teaching foreign language intercultural communication for undergraduate natural sciences students]. Pedagogy Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
9. Oberemko, O.G. (2003) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy podgotovki perevodchika v sovremennykh usloviyakh* [Theoretical and methodological foundations of translator training in modern conditions]. Pedagogy Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
10. Dmitrieva, E.N. & Oberemko, O.G. (2018) Linguistic Education in the Context of Studying the Phenomenon of Interethnic Communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 41. pp. 241–254. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/41/15
11. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (2005) *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow: Indrik.
12. Ariyan, M.A., Oberemko, O.G. & Shamov, A.N. (2009) *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov: obshchiy kurs* [Methods of teaching foreign languages: a general course]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University.
13. Golovach, E.I. (2019) *Obuchenie govoreniyu na inostrannom yazyke na osnove lichnostno-deyatel'nostnogo podkhoda (angliyskiy yazyk, dopolnitel'noe obrazovanie vzroslykh)* [Teaching to speak a foreign language based on a personal-activity approach (English, additional education for adults)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Minsk.
14. Obdalova, O.A. & Minakova, L.Yu. (2013) Interconnection of Cognitive and Communicative Aspects in Teaching Foreign Language Discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology: Theory & Practice*. 7 (25):I. pp. 148–153.
15. Ter-Minasova, S.G. (2015) Teaching Foreign Languages in Modern Russia. What Lies Ahead? *Inostrannyye yazyki v shkole*. 11. pp. 21–29. (In Russian).
16. Koptel'tseva, G. & Rot, Yu. (2006) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Teoriya i trening* [Intercultural communication. Theory and training]. Moscow: YuNITI-DANA.
17. Schneider, M. (1997) Interkulturelles Lernen im Russischunterricht. *Handbuch Fremdsprachenunterricht*. 3. pp. 162–165.
18. Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2004) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika* [Theory of teaching foreign languages: Linguodidactics and methods]. Moscow: Izd. tsentr "Akademiya".
19. Oberemko, O.G. (2018) *Lingvostranovedenie: inoyazychnaya kul'tura cherez inostrannyi yazyk* [Linguistic country studies: foreign language culture through a foreign language]. 2nd ed. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University.

Received: 31 August 2020

Д.С. Молоков

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КУРСОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается проблема генезиса педагогических курсов в истории российского образования начиная с середины 60-х гг. XIX в., когда они были созданы, до 1917 г. Основной акцент сделан на выявлении и обосновании причин, способствовавших становлению и развитию педагогических курсов в системе профессиональной подготовки педагогов в России. Материалы статьи раскрывают исторические условия развития педагогических курсов как нового элемента российской системы педагогического образования.

Ключевые слова: педагогические курсы; причины; генезис; система; педагогическое образование.

Острый дефицит педагогических кадров в отдельные периоды российской истории диктовал необходимость поиска нестандартных решений подготовки учителей. Исторические реалии пореформенных 60–70-х гг. XIX в., когда в России резко возросло количество учебных заведений, обусловили зарождение педагогических курсов. Курсы по подготовке учителей внесли свою лепту и в дело ликвидации неграмотности в начале советского периода. Ну, а со второй половины XX в. вплоть до наших дней курсы как форма подготовки и переподготовки педагогических кадров сохраняются в системе дополнительного профессионального образования.

Целью исследования являлось выявление и обоснование причин, способствовавших становлению и развитию педагогических курсов в системе педагогического образования в России. **Теоретическая значимость** проведенного исследования основана на комплексном изучении проблемы генезиса педагогических курсов в истории просвещения в России, что позволило, систематизировав различные группы источников, обосновать причины и исторические условия процесса развития педагогических курсов. **Практическая значимость** заключается в возможности использовать изложенные в статье данные в ходе преподавания курса по истории педагогики и образования в средних и высших педагогических заведениях. Результаты проведенного исследования могут быть востребованы и в ходе организации педагогических курсов в наши дни, с учетом исторического наследия прошлого.

В настоящей статье на основе анализа научной литературы использован комплекс **историко-педагогических методов исследования**. Историко-генетический метод был направлен на выявление динамики развития педагогических курсов. Применение источниковедческого метода дало возможность сгруппировать и проанализировать исторические источники, включающие нормативно-правовые документы (положения, уставы, проекты), отзывы и рецензии на них современников, произведения известных педагогов прошлого (К.Д. Ушинского и др.), эпистолярные и другие группы источников [1]. В ходе использования историографического анализа были обобщены подходы к интерпретации проблемы развития педагогических курсов в российской историко-педагогической литературе. Сравнительно-

ОИ: 10-гический метод способствовал обнаружению истоков возникновения педагогических курсов в зарубежном образовательном опыте. Контент-анализ позволил определить, что, несмотря на частоту встречаемости понятий «курс» и «курсы» в образовательном праве XVIII–XIX вв., они использовались исключительно в значении «учебная дисциплина», «учебный предмет». Как форма профессиональной подготовки курсы берут начало в 60-е гг. XIX столетия. При помощи каузального метода были определены и систематизированы причины становления и развития педагогических курсов в российской системе профессиональной подготовки педагогов.

Проблема развития педагогических курсов нашла отражение в российской науке. Еще в в 60-е гг. XIX в. одним из первых идею краткосрочных педагогических курсов оценил К.Д. Ушинский [2] на стадии обсуждения их проекта. В 70-е гг. этого же столетия К.К. Сент-Илер дал характеристику действующим педагогическим курсам при 2-й Петербургской гимназии [3]. Дореволюционные историки педагогики Л.Н. Модзалевский [4] и П.Ф. Каптерев рассматривали значение педагогических курсов в общем контексте развития российской школы.

Высоко оценили идею педагогических курсов советские ученые-педагоги Ш.И. Ганелин, Э.Д. Днепров, А.И. Пискунов и др. [5. С. 205]. Изучению истории педагогического образования в России посвящены работы Ф.Г. Паначина [6], И.А. Соловкова, в которых особое внимание уделяется проблеме формирования профессионально-педагогической направленности процесса подготовки будущих учителей.

Современные историки педагогики М.В. Богуславский [7], Г.Б. Корнетов [8], А.А. Романов [9], С.В. Лебедев [10] в своих исследованиях отразили различные аспекты деятельности педагогических курсов. В диссертации Ф.Б. Саутиевой [11] отражен историко-педагогический аспект деятельности педагогических курсов в России.

Исходя из анализа источников и научной литературы, при помощи каузального метода исследования [12] можно выделить следующие **причины становления и развития педагогических курсов** в российской системе педагогического образования. Во-первых, **развитие начального и среднего образования в стране** требовало пополнения учительского корпуса. Во-вторых, **ориентация российской системы образова-**

ния на передовой зарубежный опыт, прежде всего европейский [13], в котором педагогические курсы к середине XIX в. оформились как элемент системы профессиональной подготовки педагогов (К.Д. Ушинский отмечал, что «приготовительные педагогические курсы существуют также в Германии и Англии при различных средних учебных заведениях») [2]. В-третьих, либеральный характер политики пореформенного периода способствовал расширению прав на педагогическое образование. В-четвертых, развитие общественной и частной инициативы в деле народного просвещения в пореформенный период вылилось в настоящее общественно-педагогическое движение, утверждавшее в общественном сознании новый взгляд на народное образование и народную школу как на дело большой культурно-исторической значимости. В-пятых, государственная поддержка идеи педагогических курсов, законодательное их оформление и частичное финансирование. В-шестых, малозатратность курсов по сравнению с другими формами профессиональной подготовки педагогов. Распространение педагогических курсов во второй половине XIX в. связано с тем, что земства не имели достаточных средств для открытия учительских семинарий, поэтому открывали краткосрочные постоянные курсы для подготовки учителей народных училищ.

Рассмотрим более подробно истоки становления педагогических курсов в России.

Либерально-демократический характер реформ Александра II способствовал развитию сферы просвещения и системы подготовки учителей – как необходимое для того условие. Именно 60–70-е гг. XIX столетия стали плодотворным временем для создания нового типа учреждений педагогического образования (учительских институтов) и развития форм их профессиональной подготовки (педагогических курсов).

Действительно, предыдущий и последующий исторические периоды такие возможности для развития педагогического образования не предоставляли. При правившем до 1855 г. Николае I, который с осторожностью и даже опаской относился к сфере просвещения, система подготовки учителей находилась в стагнации. Ну, а в 80-е гг. XIX в. после ряда покушений на жизнь императора Александра II назначенный на пост министра народного просвещения Д.А. Толстой установил жесткий контроль над обучением – неслучайно это время вошло в историографию как период «затяжной реакции». Таким образом, именно 60–70-е гг. XIX в. стали своеобразным «коридором» для реализации передовых идей в области педагогического образования, которые обусловили качественное развитие этой системы.

Феномен курсов как формы подготовки характеризует прогрессивную европейскую систему образования. Изначально в странах Западной и Центральной Европы сформировались общеобразовательные и профессиональные курсы. В Австрии, например, к 1890 г. повторительные курсы действовали при 4 753 народных школах [14]. В Германии установлена обязательность посещения дополнительных курсов для

выпускников школ. В Испании курсы для взрослых открывались в главных центрах провинций и в городах с населением свыше 10 тыс. чел. В Португалии в обязанности местных общин вменялось учреждение вечерних курсов для взрослых. В Италии курсы для взрослых содержались общинами и частными лицами и получали правительственные субсидии, а вечерние дополнительные курсы посещали выпускники школ в течение одного года. Во Франции курсы для взрослых обязаны были учредить местные общины численностью 500 человек, а дополнительные курсы представляли собой отделения народной школы со сроком обучения от года до двух. Профессиональные курсы во Франции входили в программы высших народных школ. В большинстве кантонов Швейцарии посещение дополнительных или повторительных школ с высшим курсом было обязательным, кроме того, существовали особые курсы для подготовки молодых людей к рекрутскому экзамену.

Неотъемлемой частью систем образования стали курсы и на севере Европы. В Швеции при многих школах функционировали дополнительные классы для окончивших курс учеников с продолжительностью обучения не менее шести недель. Высшие народные школы Финляндии должны были принимать меры по дальнейшему образованию своих выпускников, для чего открывали библиотеки и раз или два в неделю устраивали дополнительные курсы [14].

Взаимовлияние образовательных систем в XIX в. находилось на высоком уровне, и Российская империя не являлась исключением. Подтверждает данный тезис исследователь А.Л. Смятских, который соотнес опыт развития российского педагогического образования с общим мировым процессом, в частности с опытом становления этой формы образования в Соединенных Штатах Америки [15]. В то же время, несмотря на заимствования из-за рубежа, становление и развитие педагогических курсов в России протекало с учетом исторических традиций и национального своеобразия.

Впервые в российской нормативно-правовой литературе информация о педагогических курсах для подготовки учителей народных школ встречается в проекте Устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения [16]. Проект был подготовлен Ученым комитетом в 1860 г. и носил прогрессивный характер. Так, впервые в истории российского образования выпускники средних учебных заведений после завершения специальных педагогических курсов при них могли стать учителями.

Срок обучения составлял 2 года. Кроме теоретической подготовки по выбранным для преподавания предметам в программу обучения на курсах включались занятия по педагогике и дидактике, а также практическая подготовка курсистов. Последняя заключалась в «упражнениях в преподавании им самим, под руководством учителя и, наконец, в самостоятельном преподавании отделению класса или целому классу» (§285) [16].

Журнал Министерства народного просвещения в 1860 г. организовал обсуждение проекта Устава низших и средних училищ. На его страницах и в отдель-

ных брошюрах [17] было опубликовано свыше трехсот отзывов и рецензий педагогических советов учебных заведений и отдельных ученых и учителей. Из их анализа следует, что идею организации педагогических курсов при общеобразовательных учреждениях поддержали далеко не все.

Директор Демидовского лицея в Ярославле М.В. Ляпунов в своем отзыве обратил особое внимание на проблему подготовки учителей. «В педагогическом образовании учителей гимназий и прогимназий невозможно видеть того значения, какое придает этому образованию Ученый комитет в проекте устава общеобразовательных учебных заведений... Специальное педагогическое образование не представляется особенно необходимым для воспитанников университета, которыми замещаются должности преподавателей в гимназиях» [17. С. 231–232].

В 1861 г. К.Д. Ушинский опубликовал в журнале Министерства народного просвещения статью «Проект учительской семинарии» [2], в которой уделил внимание педагогическим курсам. В ней он указывал, что «самый могущественный недостаток в деле русского народного просвещения есть недостаток хороших наставников, специально подготовленных к исполнению своих обязанностей» [2]. В то же время Ушинский обосновывал мысль о том, что «приготовительные педагогические курсы при гимназиях и народных училищах» не могут заменить собой профессиональных педагогических заведений, призванных готовить учителей начальной школы. «Нельзя ожидать, чтобы из этих курсов могли выходить педагоги, подготовленные хотя сколько-нибудь порядочно теоретически и практически к воспитательной деятельности» [2].

Ушинский отмечал: «Едва ли наши гимназии имеют сами достаточно педагогических знаний и сил, чтобы образовать хороших педагогов... самый курс гимназии рассчитан более на приготовление молодых людей к университету, чем на образование наставников народных школ. Курс наук уездных училищ более гимназического соответствует потребностям образования народных наставников; но едва ли мы можем ожидать, чтобы наши уездные училища, сами крайне нуждающиеся в педагогических силах, могли приготовить сколько-нибудь хороших педагогов» [2].

По мнению ученого, краткосрочные педагогические курсы могли принести большую пользу, но только тогда, «когда для воспитанников их, испытавших уже свои силы и способности на педагогическом поприще, будет открыта возможность дальнейшего педагогического образования – как теоретического, так и практического» [2].

После рассмотрения подобных отзывов и рецензий Ученый комитет подготовил новые проекты Положения о начальных народных училищах [18] и Устава гимназий и прогимназий. Государственным советом они были утверждены 14 июля и 19 ноября 1864 г. соответственно [19. С. 161].

В этом же году были открыты *первые в России педагогические курсы* как постоянная форма профессиональной подготовки учителей городских училищ.

Инспектором-учителем был назначен Л.Н. Модзалевский – яркий ученый, автор первой в нашей стране фундаментальной работы по всемирной истории педагогики.

Лев Николаевич известен как наставник детей великого князя Михаила Николаевича, преемник идей К.Д. Ушинского, вместе с которым работал в Смольном институте благородных девиц. Взгляды Ушинского на подготовку учителей были прогрессивными для своего времени, что высоко оценивал Модзалевский. Вот как он отзывался о влиянии на него со стороны К.Д. Ушинского и Н.И. Пирогова: «Общение с этими великими учителями были счастливым обстоятельством, в котором проходили научные занятия» (во время изучения педагогического дела за границей в 1862 г.) [4. С. 396]. Идею влияния Ушинского на Модзалевского не могло не отразиться на организации педагогических курсов.

Итак, в 1864 г. по поручению Министерства народного просвещения Модзалевский организовал курсы по подготовке учителей народной школы при Андреевском уездном училище [20. С. 23]. Он же преподавал там русский и славянский языки и методике начального образования, выполнял обязанности инспектора курсов [10. С. 14].

В одном из писем брат Льва Николаевича А.Н. Модзалевский отмечал его высокую работоспособность: «он много работал по предмету педагогики, часто ездил на вечерние заседания в Андреевское училище (Педагогические курсы), во 2-ю военную гимназию и другие места, возвращался поздно» [21. С. 471].

Уроки во 2-й Петербургской военной гимназии Л. Н. Модзалевский взял через год после открытия Андреевских педагогических курсов – в 1865 г. Именно на это время пришлась реформа военного образования, и кадетские корпуса были реорганизованы в военные гимназии. При них открывались двухгодичные педагогические курсы для учителей учебных заведений военного ведомства. Модзалевский читал на них курс по педагогике.

Советские историки образования Ш.И. Ганелин, Э.Д. Днепров, А.И. Пискунов высоко оценивали значение педагогических курсов пореформенного периода, определяя их как «новаторство в педагогическом деле России». Одним из важнейших факторов, обеспечивавших успех деятельности курсов, по их мнению, был состав преподавателей [5. С. 205], в который входил и Л.Н. Модзалевский.

По данным Ф.Б. Саутиевой, начиная с середины 60-х гг. XIX столетия до 1917 г. в России было открыто 149 педагогических курсов [11. С. 4]. Речь идет о различных типах курсов: одногодичных, двухгодичных, летних и др. Больше половины из них были одногодичными. Обучаться на педагогических курсах могли лица не моложе 16 лет после окончания городского, уездного или духовного училища и ряда других учебных заведений. Поступать на педагогические курсы могли и педагоги, уже работающие в начальных школах, что позволяет рассматривать краткосрочные курсы как форму повышения квалификации учителей.

Важно отметить, что, получив ряд прав в деле организации народного образования, начиная с 60-х гг. XIX столетия активную роль в создании педагогических курсов стали играть земства. Именно земствам принадлежала инициатива привлечения к делу учительства женщин, ведь «дореформенная школа учительниц почти не знала» [14]. Губернские земства взяли на себя заботу о подготовке педагогов для школ, организацию учительских съездов для обмена опытом, выдачу ссуд на строительство учебных зданий, сбор эмеритур (добровольных ежемесячных отчислений служащих) для выплаты дополнительных пособий вышедшим на пенсию педагогам.

Развитие и распространение педагогических курсов в 70-е гг. XIX столетия связано с тем, что 31 мая 1872 г. на заседании Государственного совета было рассмотрено представление министра народного просвещения по проектам положений и штатов городских училищ и учительских институтов [22]. В итоге было принято решение о постепенном преобразовании уездных училищ, которых на тот момент в стране было 402, и учреждении семи учительских институтов [22. С. 728].

Учительские институты предназначались для подготовки педагогов городских училищ в разных школьных округах страны. Они не были высшими учебными заведениями, хотя и предполагали сопоставимый с университетами срок обучения – 4 года. Создание учительских институтов можно рассматривать как достижение в развитии системы педагогического образования, несмотря на то что их количество не могло полностью покрыть потребность Российской империи в учителях. Понимая это, правительство дополнило эту систему педагогическими курсами.

Согласно Положению о начальных народных училищах, педагогические курсы могли открываться при двухклассных начальных и городских училищах. Эти учебные заведения представляли собой два новых типа народных училищ и предназначались для детей недворянского происхождения. Двухклассные начальные училища были с 5-летним, а городские – с 6-летним сроком обучения. При них и открывались одно-, двухгодичные курсы: чертежные, бухгалтерские, шкиперские, новых языков, педагогические и т.д.

В содержание обучения педагогических курсов помимо общеобразовательных предметов (русского языка, арифметики, географии, истории, естествознания, пения) входили дисциплины психолого-педагогической направленности (история педагогики, психология, дидактика, методики обучения). Значимое место в системе подготовки учителей на педагогических курсах отводилось практическим занятиям в школах.

Наиболее известными педагогическими курсами, открытыми в 70-е гг. XIX в., стали Московские педагогические курсы общества воспитательниц и учительниц для начальных школ, названные впоследствии «Тихомировскими». Открыты они были в 1871 г. при Московском обществе воспитательниц и учительниц для помощи педагогам в овладении дидактическими методами и приемами воспитания, а также для обеспечения учительниц работой. Начиная с 1906 г. эти курсы стали готовить учительниц-предметников. Од-

ним из организаторов педагогических курсов был Д.И. Тихомиров.

Именно Тихомиров стал инициатором открытия педагогических курсов во многих городах Российской империи в конце XIX – начале XX в. Педагогические курсы имели целью «подготавливать молодых людей, получивших низшее образование, к испытанию на звание учителя начального училища и знакомить их теоретически и практически с постановкой и ведением начального обучения» [23. С. 801].

Проведению курсов предшествовала большая подготовительная работа, причем содержание курсов определялось исходя из интересов учителей и их практических запросов. Например, программу курсов в городе Чистополе, открытых в мае 1900 г., Тихомиров построил с учетом пожеланий учителей, обобщив их ответы на заранее предложенные вопросы, и трудностей, с которыми они сталкивались в работе [24].

Такой подход к организации педагогических курсов привлекал внимание общественности: в открытии губернских педагогических курсов в Вятке участвовали свыше 500 человек, в том числе и вольнослушатели. Высоко оценила показательные занятия Тихомирова вятская учительница А.К. Гущина, назвавшая их уроками «ваяния души человеческой» [23. С. 803]. В адресе, который преподнесли организатору курсов благодарные слушатели, отмечалось: «Уже давно воображение нарисовало нам могучий образ нашего вождя-педагога. Действительность новыми чертами дополнила нам этот образ – пред нами юноша – старик, идеалист – наставник, великий учитель – практик, просвещенный друг народа, друг и брат народного учителя. Своей доброжелательной беседой, полными захватывающего интереса примерными уроками, Вы влили в нас горячую любовь к детям и юношескую бодрость, силу и твердую уверенность в себе» [23. С. 803].

К проведению теоретических и практических занятий, кроме Д.И. Тихомирова, привлекались лучшие педагоги и методисты русской школы (Н.Ф. Бунаков, Ф.И. Егоров (арифметика), В.П. Острогорский (выразительное чтение), А.И. Гольденберг (арифметика) и др.), преподаватели университетов, врачи. Как отметила Н.П. Щетинина, педагогические курсы «поднимали авторитет народного учителя, который стремился отвечать на насущные потребности развивающейся общественной жизни» [24].

Д.И. Тихомиров стремился усовершенствовать педагогические курсы, чтобы они стали реальным средством подготовки учителей народной школы, обогащали теоретические знания курсистов в сфере педагогики и смежных с ней наук, совершенствовали их практические умения в методике обучения. Он обосновал различные формы занятий с курсистами (практические уроки, беседы), на которых подводились итоги проделанной работы, отбиралось содержание образовательного материала для классов начальной школы. На страницах издаваемого Тихомировым журнала «Педагогический листок» публиковались подробные отчеты и рекомендации по организации учительских курсов в стране. Открываемые в основном по инициативе земств, они приобрели широкий

размах и проводились в Петербурге, Москве, Архангельске, Вятке, Одессе, Варшаве, Чистополе, Владимире, Рузе, Нижнем Новгороде, Саратове и многих других городах России.

Развитие курсов как формы профессиональной подготовки педагогов привело к открытию педагогических учебных заведений высшего типа на негосударственной основе. К таким курсам, помимо тихомирских, можно отнести общеобразовательные педагогические женские курсы, учрежденные в 1906 г. в Москве Л.Д. Алфёровым как «частное учебное заведение, не дающее никаких особых прав оканчивающим в нем курс» [25. С. 1]; Педагогические курсы при Санкт-Петербургском фрёбелевском обществе содействия первоначальному воспитанию, созданные в 1907 г.; Высшие педагогические курсы Общества экспериментальной педагогики, открытые в Санкт-Петербурге в 1913 г. Важно отметить, что все эти учебные заведения готовили не только учителей-предметников, но и педагогов высшей квалификации по тем специальностям, которые не были предусмотрены государственной высшей школой. Речь идет, например, о подготовке экспертов по организации народного образования и внешкольного просвещения, школьных врачей-гигиенистов, учителей начальных классов и воспитателей дошкольных учреждений с базовыми психолого-педагогическими знаниями [24].

На рубеже XIX–XX вв., а именно 31 марта 1900 г., Министерством народного просвещения были утверждены Правила о педагогических курсах для приготовления учителей и учительниц народных училищ, которые были дополнены в 1902 г. В этом документе отмечалось, что одногодичные курсы могли открываться при городских училищах, женских гимназиях и прогимназиях и мариинских училищах. Общий контроль деятельности педагогиче-

ских курсов возлагался на местных директора и инспектора народных училищ. Министерство брало на себя обязательство софинансирования педагогических курсов, выделяя на каждые по 1 000 рублей [14]. Сумма, безусловно, была незначительной, но обозначала государственное присутствие и участие в развитии педагогического образования в России в дореволюционный период. Основные расходы за содержание педагогических курсов в дореволюционный период несли именно земства: по расходным сметам 1913 г. на подготовку школьных учителей земства 40 из 50 российских губерний тратили 985,5 тыс. руб. [26. С. 50].

Таким образом, в указанный период существовали как государственные, так и частные педагогические курсы. Финансировались они преимущественно земствами, но находились под контролем государственных органов управления. Курсы сыграли важную роль в деле подготовки учителей для начальных и средних учебных заведений.

Педагогические курсы стали настоящим явлением в жизни русской школы второй половины XIX – начала XX в. Их становление связано с либеральной политикой власти, распространением начального и среднего образования в стране, ориентацией на передовой зарубежный опыт, теоретически и практически дополненный блестящими русскими педагогами, государственной поддержкой.

Распространение педагогических курсов было обусловлено тем, что они давали возможность в краткие сроки подготовить учительский персонал при незначительных расходах. Неслучайно педагогические курсы как форма профессиональной подготовки были востребованы советской школой [27] и являются важнейшим компонентом системы непрерывного педагогического образования и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заявка 2018620386 Российская Федерация. Источниковая база исследования профессиональной подготовки педагогов в России / Молоков Д.С. свидетельство о регистрации базы данных RUS 2018620763; 03.04.2018; опубл. 20.06.18, Бюл. № 6.
2. Ушинский К.Д. Проект учительской семинарии // Избранные педагогические сочинения : в 2 т. М. : Педагогика, 1974. Т. 2.
3. Сент-Илер К.К. Педагогические курсы при 2-й Петербургской гимназии // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1871. № 2. С. 152–172.
4. Модзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения : в 2 ч. СПб. : Алетей, 2000. Ч. 2. 489 с.
5. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А.И. Пискунов; авт. А.И. Пискунов, Э.Д. Днепров, Ш.И. Ганелин и др. М. : Педагогика, 1976. 599 с.
6. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в России: Историко-педагогические очерки. М. : Педагогика, 1979. 216 с.
7. Богуславский М.В. Очерки истории отечественного образования XIX–XX веков. М., 2002. 96 с.
8. Корнетов Г.Б. Феномен образования и его педагогическая интерпретация // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии университета РАО. М., 2001. Вып. 3.
9. Романов А.А. Общественная инициатива в разработке идей и практики подготовки педагогов в России начала XX века // Учитель и его формирование: исторический опыт передачи образованности и культуры : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – XXXI сессии Научного совета по проблемам образования и пед. науки Рос. академии образования. Тверь, 6–7 июня 2016 г. / под науч. ред. чл.-кор. РАО, д-ра пед. наук, проф. М.В. Богуславского, д-ра пед. наук, проф. С.В. Куликовой. Волгоград : Отрок, 2016. С. 359–365.
10. Лебедев С.В. Из педагогического наследия Л.Н. Модзалевского (К 175-летию со дня рождения) // Историко-педагогический журнал. 2012. № 1. С. 12–16.
11. Саутиева Ф.Б. Особенности подготовки учителей для начальной народной школы на педагогических курсах в России во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 164 с.
12. Молоков Д.С. Предпосылки становления и развития непрерывного педагогического образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 13–18.
13. Kamińska M. Cognitive and social culture aspects of cooperation of teachers // A. Solak, K. Dziuriński (Eds.) Education and Upbringing in Theory and Practice. 2014. P. 154–178.
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб. : Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1890–1907. Т. XXA. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10171/>
15. Смятских А.Л. Становление и развитие среднего специального педагогического образования в России : дис. ... канд. пед. наук. М., 1992. 177 с.

16. Проект Устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. № 3. С. 88–110.
17. Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ : в 6 ч. СПб., 1862. Ч. 3. 574 с.
18. Положение о начальных народных училищах 1864 года // Полное собрание законов Российской империи за 1864. СПб., 1864. Т. XXXIX. С. 613–618.
19. Гушель Р.З. О подготовке гимназического устава 1864 года // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 6. С. 149–166.
20. Модзалевский Л.Н. Из педагогической автобиографии. СПб., 1899. 45 с.
21. Письма А.Н. Модзалевского Б.Л. Модзалевскому // Ежегодник Рукописного отдела на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к биографии / отв. ред. Т.Г. Иванова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 457–478.
22. Положения о городских училищах и учительских институтах 1872 года // Полное собрание законов Российской империи за 1872. СПб., 1872. Т. XLVII. С. 727–736.
23. Из текущей литературы // Педагогический листок. 1900. Кн. 5. С. 801–803.
24. Щетинина Н.П. Развитие высшего педагогического образования за рубежом и в России. 2019. URL: <https://www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/e-learning>
25. Всероссийское братство. Положение об Общеобразовательных педагогических женских курсах, учрежденных А.Д. Алфёровым. М., 1906. 5 с.
26. Медынский Б. Бюджеты земских школ // Земское дело. 1914. № 21.
27. Молоков Д.С. Тенденции развития советской общеобразовательной школы второй половины 60-х – первой половины 80-х годов : дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2004. 148 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 6 июня 2020 г.

The Formation and Development of Pedagogical Courses in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 213–219.

DOI: 10.17223/15617793/460/25

Dmitry S. Molokov, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: dsmolokov@mail.ru

Keywords: pedagogical courses; causes; genesis; system; pedagogical education.

The article discusses the genesis of pedagogical courses in the history of Russian education, from the mid-1860s, when they were created, to 1917. The acute shortage of teaching staff in some periods of Russian history dictated the need to find innovative solutions for teacher training. The historical realities of the post-reform 1860s–1870s, when the number of educational institutions in Russia increased significantly, led to the birth of pedagogical courses. Teacher training courses also contributed to the eradication of illiteracy in the early Soviet period. Since the second half of the twentieth century up to the present day courses as a form of training and retraining of teachers remain in the system of additional professional education. The aim of the study was to identify and substantiate the reasons that contributed to the formation and development of pedagogical courses in the system of pedagogical education in Russia. This article uses a set of historical-pedagogical research methods: historical and genetic method, source and historiography analysis, comparative pedagogical method, content analysis. As a result of the use of the causal method of research, the following reasons were identified. Firstly, the development of primary and secondary education in the country required the replenishment of the teacher corps. Secondly, the Russian education system oriented to the best foreign experience, primarily European, in which, by the middle of the 19th century, pedagogical courses took shape as an element of the system of professional training of teachers. Thirdly, the liberal nature of the post-reform policies contributed to the expansion of the rights to teacher education. Fourthly, the public and private initiative developed. Fifthly, the state supported the idea of pedagogical courses, fixed them in legislation and partially funded them. Sixthly, low-cost courses compared to other forms of professional training of teachers. The spread of pedagogical courses in the second half of the 19th century is due to the fact that zemstvos did not have sufficient funds to open teacher seminaries, so they opened short-term permanent courses for the training of teachers of public schools. Until 1917, there were both public and private pedagogical courses in Russia. They were financed mainly by zemstvos, but were under the control of state governing bodies. The courses played an important role in the training of teachers for primary and secondary education. They became a real phenomenon in the life of the Russian school of the second half of the 19th – early 20th centuries. The spread of pedagogical courses was due to the fact that they made it possible to train teachers in a short time at low cost. It is no coincidence that, as a form of professional training, pedagogical courses were in demand by the Soviet school and are still an important component of the system of continuous pedagogical education.

REFERENCES

1. Molokov, D.S. (2018) *Zayavka 2018620386 Rossiyskaya Federatsiya. Istochnikovaya baza issledovaniya professional'noy podgotovki pedagogov v Rossii. Svidetel'stvo o registratsii bazy dannykh RUS 2018620763; 03.04.2018; opubl. 20.06.18, Byul. № 6* [Application 2018620386 Russian Federation. Source base of the study of professional training of teachers in Russia. Database registration certificate RUS 2018620763; 03 March 2018; publ. 20 June 2018, Bulletin No. 6].
2. Ushinsky, K.D. (1974) *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 2 t.* [Selected pedagogical works: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
3. Sent-Iler, K.K. (1871) *Pedagogicheskie kursy pri 2-y Peterburgskoy gimnazii* [Pedagogical courses at the 2nd St. Petersburg Gymnasium]. In: *Pedagogicheskiy sbornik, izdavaemyy pri Glavnom upravlenii voenno-uchebnykh zavedeniy* [Pedagogical collection published at the Main Directorate of Military Educational Institutions]. Vol. 2. St. Petersburg: Main Directorate of Military Educational Institutions. pp. 152–172.
4. Modzalevskiy, L.N. (2000) *Ocherk istorii vospitaniya i obucheniya: v 2 ch.* [Essay on the history of education and training: in 2 parts]. Pt. 2. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Piskunov, A.I. (ed.) (1976) *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Vtoraya polovina XIX v.* [Essays on the history of schools and pedagogical thought of the peoples of the USSR. The second half of the 19th century]. Moscow: Pedagogika.
6. Panachin, F.G. (1979) *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii: Istoriko-pedagogicheskie ocherki* [Pedagogical education in Russia: Historical and pedagogical essays]. Moscow: Pedagogika.
7. Boguslavskiy, M.V. (2002) *Ocherki istorii otechestvennogo obrazovaniya XIX–XX vekov* [Essays on the history of Russian education in the 19th and 20th centuries]. Moscow: Moscow Cultural Lyceum.
8. Kornetov, G.B. (2001) *Fenomen obrazovaniya i ego pedagogicheskaya interpretatsiya* [The phenomenon of education and its pedagogical interpretation]. In: *Trudy kafedry pedagogiki, istorii obrazovaniya i pedagogicheskoy antropologii universiteta RAO* [Proceedings of the Department of

- Pedagogy, History of Education and Pedagogical Anthropology of the University of the Russian Academy of Education]. Vol. 3. Moscow: University of the Russian Academy of Education.
9. Romanov, A.A. (2016) [Public initiative in the development of ideas and practice of training teachers in Russia at the beginning of the twentieth century]. *Uchitel' i ego formirovaniye: istoricheskiy opyt peredachi obrazovannosti i kul'tury* [Teachers and their formation: the historical experience of the transfer of education and culture]. Proceedings of the International Conference. Tver. 6–7 June 2016. Volgograd: Otrok. pp. 359–365. (In Russian).
  10. Lebedev, S.V. (2012) Lev Nikolayevich Modzalevsky (On the 175th birth anniversary). *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 12–16. (In Russian).
  11. Sautieva, F.B. (2003) *Osobennosti podgotovki uchiteley dlya nachal'noy narodnoy shkoly na pedagogicheskikh kursakh v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Features of the training of teachers for elementary public schools at pedagogical courses in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
  12. Molokov, D.S. (2017) Prerequisites of Continuous Pedagogical Education Formation and Development. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2. pp. 13–18. (In Russian).
  13. Kamińska, M. (2014) Cognitive and social culture aspects of cooperation of teachers. In: Solak, A. & Dziuriński, K. (eds) *Education and Upbringing in Theory and Practice*. S.l.: [s.n.], pp. 154–178.
  14. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1890–1907) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes]. Vol. XXA. [Online] Available from: <https://runivers.ru/lib/book3182/10171/>
  15. Smyatskiikh, A.L. (1992) *Stanovlenie i razvitie srednego spetsial'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya v Rossii* [Formation and development of secondary specialized pedagogical education in Russia]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
  16. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. (1860) Proekt Ustava nizshikh i srednikh uchilishch, sostoyashchikh v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Draft Charter of lower and secondary schools under the Ministry of Public Education]. 3. pp. 88–110.
  17. Anon. (1862) *Zamechaniya na proekt ustava obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniy i na proekt obshchego plana ustroystva narodnykh uchilishch: v 6 ch.* [Comments on the draft charter of general education institutions and on the draft general plan for the organization of public schools: in 6 parts]. Pt. 3. St. Petersburg: [s.n.].
  18. Russian Empire. (1864) Polozhenie o nachal'nykh narodnykh uchilishchakh 1864 goda [The 1864 regulations on primary public schools]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. XXXIX. St. Petersburg: Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kantselyarii. pp. 613–618.
  19. Gushel', R.Z. (2013) About the Preparation of the Gymnasium Charter in 1864. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 6. pp. 149–166. (In Russian).
  20. Modzalevskiy, L.N. (1899) *Iz pedagogicheskoy avtobiografii* [From the pedagogical autobiography]. St. Petersburg: [s.n.].
  21. Ivanova, T.G. (ed.) (2001) Pis'ma A.N. Modzalevskogo B.L. Modzalevskomu [Letters from A.N. Modzalevsky to B.L. Modzalevsky]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela na 1996 god: Boris L'vovich Modzalevskiy. Materialy k biografii* [Yearbook of the Manuscript Department for 1996: Boris Lvovich Modzalevsky. Materials for the biography]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 457–478.
  22. Russian Empire. (1872) Polozheniya o gorodskikh uchilishchakh i uchitel'skikh institutakh 1872 goda [Regulations on urban schools and teacher training institutes in 1872]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. XLVII. St. Petersburg: Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kantselyarii. pp. 727–736.
  23. *Pedagogicheskiy listok*. (1900) Iz tekushchey literatury [From current literature]. Book 5. pp. 801–803.
  24. Shchetinina, N.P. (2019) *Razvitie vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya za rubezhom i v Rossii* [Development of higher pedagogical education abroad and in Russia]. [Online] Available from: <https://www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/e-learning>.
  25. Anon. (1906) *Vserossiyskoe bratstvo. Polozhenie ob Obshcheobrazovatel'nykh pedagogicheskikh zhenskikh kursakh, uchrezhdennykh A.D. Alferovym* [The all-Russian brotherhood. Regulations on General Educational Pedagogical Courses for Women established by A.D. Alferov]. Moscow: [s.n.].
  26. Medynskiy, B. (1914) Byudzhety zemskikh shkol [Budgets of zemstvo schools]. *Zemskoe delo*. 21.
  27. Molokov, D.S. (2004) *Tendentsii razvitiya sovetskoy obshcheobrazovatel'noy shkoly vtoroy poloviny 60-kh – pervoy poloviny 80-kh godov* [Trends in the development of the Soviet secondary school in the second half of the '60s – the first half of the '80s]. Pedagogy Cand. Diss. Yaroslavl.

Received: 06 June 2020

АКТУАЛЬНОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛУШАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Предлагается использовать процедуру кластеризации множества слушателей курсов повышения квалификации вузов для выделения паттернов слушателей. Описываемая в работе процедура позволяет выявлять типичных представителей целевой аудитории, следовательно, выработать приемы, которые наиболее эффективно воздействуют именно на этот сегмент обучающихся. Предлагаемый подход можно использовать в процедуре прогнозирования успешности обучения, а также в процессе выработки или выбора методики управляющего воздействия на обучающихся со стороны преподавателя.

Ключевые слова: электронное обучение; кластерный анализ; кластеры; паттерн.

Введение

Цифровая экономика, которая стремительно развивается и интегрируется во все сферы человеческой жизнедеятельности в современном обществе, порождает потребность в системных технологических прорывах и инициирует потребность в поиске новых способов обработки информации [1].

Трансформация современного образования обусловлена внедрением цифровых технологий во все экономические процессы общества, которые влекут за собой создание новых профессий и рабочих мест. При этом стремительное развитие технологий вынуждает трудоспособное население повышать свою квалификацию, тем самым позволяя им оставаться конкурентоспособными на рынке труда.

Получение реальных знаний и практических навыков при освоении образовательных программ является необходимой составляющей при трудоустройстве выпускников современного вуза. Подготовка высококвалифицированных специалистов требуют соответствующих навыков использования информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе. Образовательные программы требуют постоянной адаптации под современные условия. Нынешние обучающиеся желают получать более глубокие знания в области обработки и анализа больших данных, машинного обучения и др. [2]. Университеты должны быть не просто вовлечены в цифровую экономику со своим укладом, методикой обучения и управленческими аспектами, которые были отработаны десятилетиями, а стать конкурентоспособным учреждением на рынке образовательных услуг, выпускающим востребованных на высокотехнологичных предприятиях специалистов. Трансформация учебного процесса и переработка образовательных программ нацелены на то, чтобы студенты овладели самыми современными цифровыми технологиями [3].

Современные подходы к организации учебного процесса позволяют обучающемуся реализовать потребности в выборе и построении своей собственной индивидуальной образовательной траектории. Классический набор дисциплин образовательных учреждений в настоящее время, как правило, не отвечает требованиям, предъявляемым к потенциальным сотрудникам высокотехнологичных мировых компаний. Осознание вчерашним выпускником школы своих временных, а зачастую и финансовых возможностей склоняет его к

выстраиванию своей образовательной стратегии оптимальным, насколько это возможно, способом – при минимизации временных и финансовых затрат.

При трансформации системы образования меняются и требования к преподавателю. Большой процент преподавателей имеют свой курс по преподаваемой дисциплине. Курс может быть использован как в качестве дистанционной поддержки очного обучения, так и для заочных студентов [4]. Обучение преподавателей на курсах повышения квалификации, где предоставляется возможность приобрести компетенции для самостоятельного формирования курса по своей дисциплине в образовательной среде, – необходимость организации учебного процесса в образовательной организации.

Преподаватель в новых условиях является не только транслятором знаний, но и ментором, тьютором, коучем. Ведущие эксперты в области инженерной педагогики, участники круглого стола «Современная аспирантура и судьба института повышения квалификации научно-педагогических кадров», который состоялся в 2014 г., в дискуссии отметили, что «проблема повышения квалификации преподавателя сегодня стоит весьма остро, поскольку без подготовки современного преподавателя никакой модернизации, никакой реформы образования не получится» [5].

Перед системой дополнительного профессионального образования стоят серьезные задачи в области повышения эффективности и качества учебного процесса обучения на курсах повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Персонализированный подход, который необходимо выстроить в системе повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, должен быть ориентирован на конкретную личность, в интересах не только самого обучающегося, но и образовательной организации. Для формирования конкурентоспособного образовательного учреждения перечень дополнительных образовательных программ и курсов повышения квалификации должен быть направлен на развитие профессионального роста преподавателя.

Обучение специалистов и преподавателей университетов для реализации образовательных программ для современной экономики происходит по программам, которые позволяют приобрести дополнительные компетенции в области цифровизации образования. В ФГБОУ ВО «Уфимский нефтяной технический университет» обучение профессорско-преподаватель-

ского состава и специалистов по учебно-методической работе происходит на курсах повышения квалификации «Электронное обучение: использование информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе вуза».

Прогнозирование образовательной деятельности обучающихся является важной компонентой при реализации образовательных программ на курсах повышения квалификации, а также для выявления условий, которые позволяют в сроки и на высоком уровне завершить курс или сдать зачеты и экзамены.

При реализации программы курса повышения квалификации необходимо учитывать известную неоднородность контингента обучающихся. Данная неоднородность носит многофакторный и латентный характер, так как преподаватели одной и той же кафедры, факультета и т.п. при формальной однородности по тому или иному признаку (возраст, пол, наличие ученой степени и пр.) могут совершенно различно проявлять себя в процессе обучения. Оставляя в стороне психологические аспекты, тем не менее, сочтем целесообразным выявить основные паттерны слушателя данных курсов. Опираясь на опыт ранее проведенных исследований [6], считаем необходимым проведение данной предварительной процедуры для наиболее эффективного прогнозирования результатов обучения. Несомненным, с нашей точки зрения, является и тот факт, что увеличение объема выборки (контингента обучающихся) позволит минимизировать фактор неопределенности в прогнозировании и, следовательно, повысить его результативность.

Для решения поставленной задачи из множества алгоритмов кластеризации наиболее оптимальным,

по мнению авторов, являются алгоритмы: k-means (метод средних) и EM (метод максимального правдоподобия) [7, 8].

В связи с вышесказанным авторами выдвигается следующая гипотеза исследования: сходное множество обучающихся возможно разделить на устойчивые группы (кластеры), которые формируют паттерны для дальнейшего целевого прогнозирования для объектов данного кластера.

Материалы и методы.

Данные обучающихся представляют собой объемные массивы данных, далеко не всегда поддающиеся результативной обработке для выявления закономерностей средствами стандартной статистики.

Рассмотрим выборку объемом 187 человек – слушателей курсов повышения квалификации. Для удобства обработки данных проведем бинаризацию ряда параметров (табл. 1).

Таблица 1

Бинаризация ряда параметров объектов выборки

Параметр	Код		
	0	1	2
Пол	Женщина	Мужчина	–
Ученая степень	Без степени	Кандидат наук	Доктор наук
Кафедра	Гуманитарная	Естественно-научная	–
Кафедра	Общенаучная	Выпускающая	–

Визуально распределение объектов выборки в соответствии со значениями параметров приведено на рис. 1.

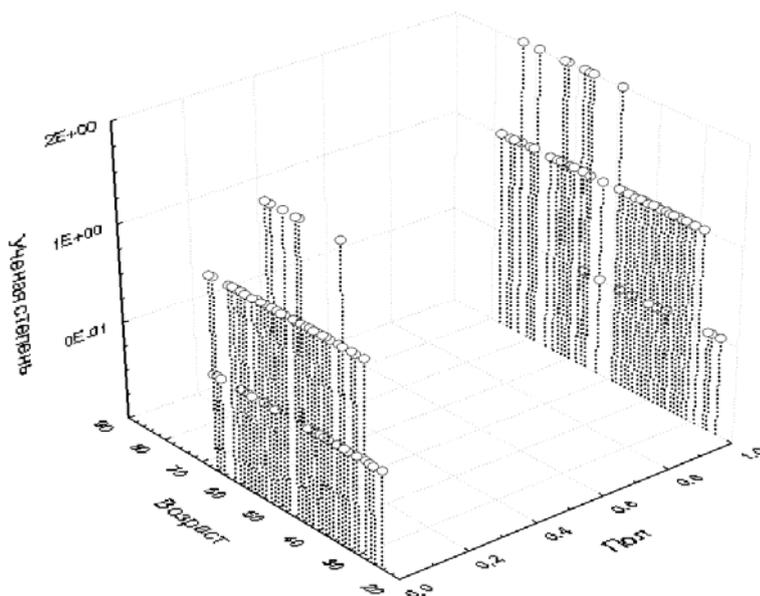

Рис. 1. Распределение объектов выборки по трем исходным параметрам

Согласно визуализации исходных данных (рис. 1) основной состав мужчин и женщин составляют кандидаты наук, средний возраст – 50 лет. У женщин возраст обучающихся без степени и кандидатов наук распределен равномерно, доктора наук группируются в интервале 45–55 лет. У мужчин кандидаты наук также распре-

делены равномерно, а преподаватели без степени и доктора наук, наоборот, концентрируются в практически непересекающихся диапазонах – до 50 и после 55 лет соответственно. Параметр «Возраст» по очевидным причинам не бинаризовался, но была предварительно проверена нормальность его распределения (рис. 2).

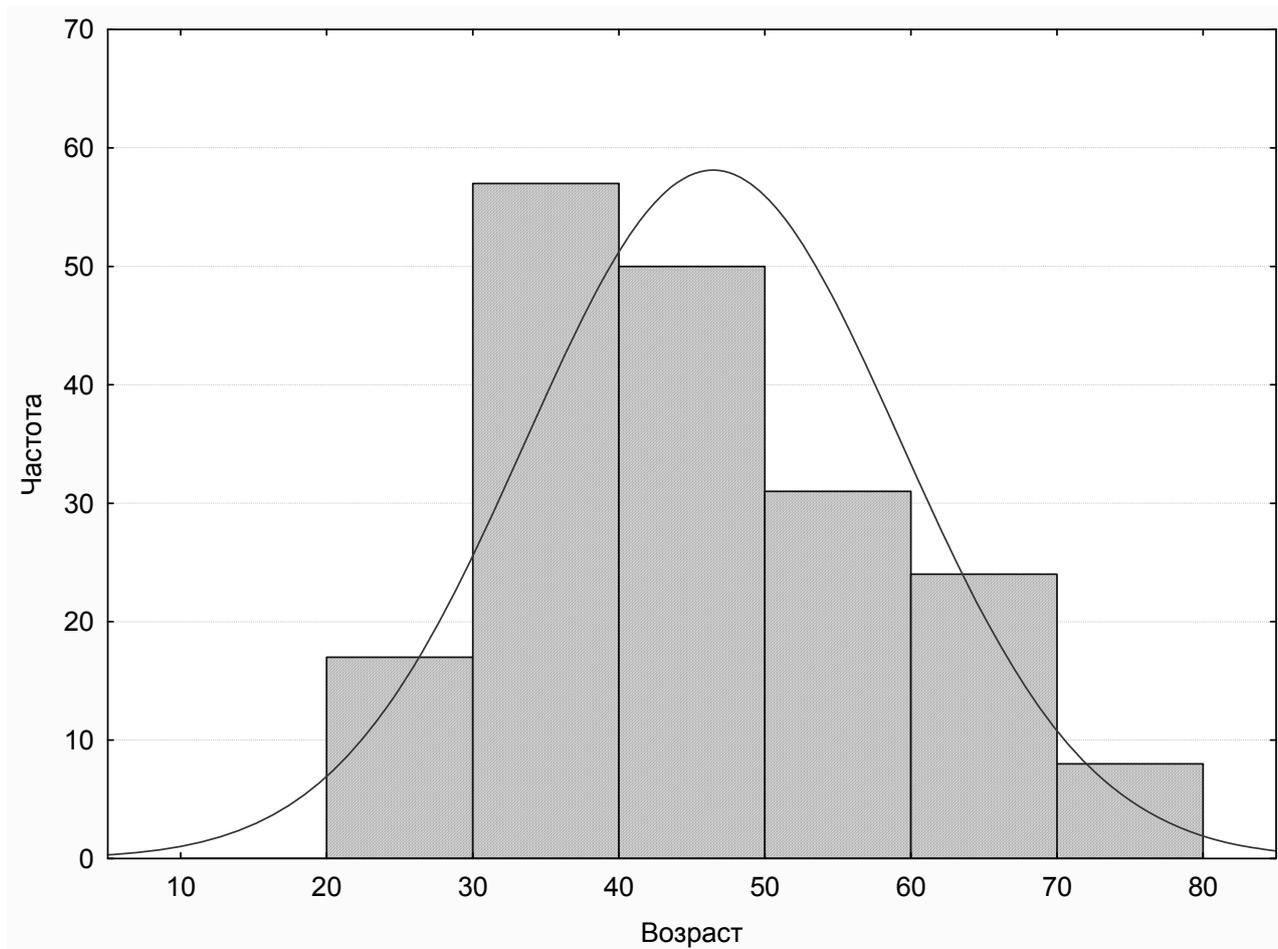

Рис. 2. Гистограмма распределения частот параметра «Возраст»

Так как в рассматриваемом случае формой итоговой аттестации был зачет, принято решение рассматривать лишь положительные результаты аттестации. Отрицательные результаты (отчисление) в данном случае составляли менее 1% от общего числа. Поэтому итоговым параметром было выбрано время закрытия курса, которое в дальнейшем было разделено на три части – по числу разделов курса.

Изучение связей между параметрами выборки средствами стандартной статистики не привело к очевидным результатам. Характерным примером в данном случае могут служить данные рис. 3, на котором представлено корреляционное облако, указывающее на отсутствие связи между значениями двух параметров (входного и выходного). Аналогичные результаты были получены и для других параметров.

Тем не менее представляется весьма вероятным, что существуют различия в поведении обучающихся разных возрастов, пола и пр. Данные сложные, скорее всего, нелинейные связи требуют предварительной обработки исходного множества. На наш взгляд, множество всех обучающихся можно условно разделить на подгруппы, выделяя в них типичного представителя – паттерн. Иными словами, выделяя типичного представителя, по факту удастся выделить и его

типичное поведение или результат определенной деятельности.

Кроме того, с данным объектом в дальнейшем гораздо проще проводить исследования и прогнозировать его успешность обучения [9]. Поэтому в дальнейшем проведем процедуру разбиения на кластеры в пакете STATISTICA. В качестве методов кластеризации выберем k-means (метод средних) и EM (метод максимального правдоподобия) [10. С. 281]. Данный выбор обусловлен следующими преимуществами методов: относительная простота применения; наглядность визуализации кластеризации; сходимость алгоритма (невозможность заклинивания).

В то же время необходимо учитывать и особенности данных методов: заранее неизвестное число кластеров; плохая применимость алгоритма EM при слабой дифференциации исходного множества на кластеры (сравнение с результатами метода k-means); неустойчивость результатов (проверяется опытным путем). При этом, как показывают отдельные исследования [10], «алгоритм k-means может иметь преимущество при работе с обособленными (неперекрывающимися) кластерами, но полностью проигрывает алгоритму EM при наличии их перекрытия».

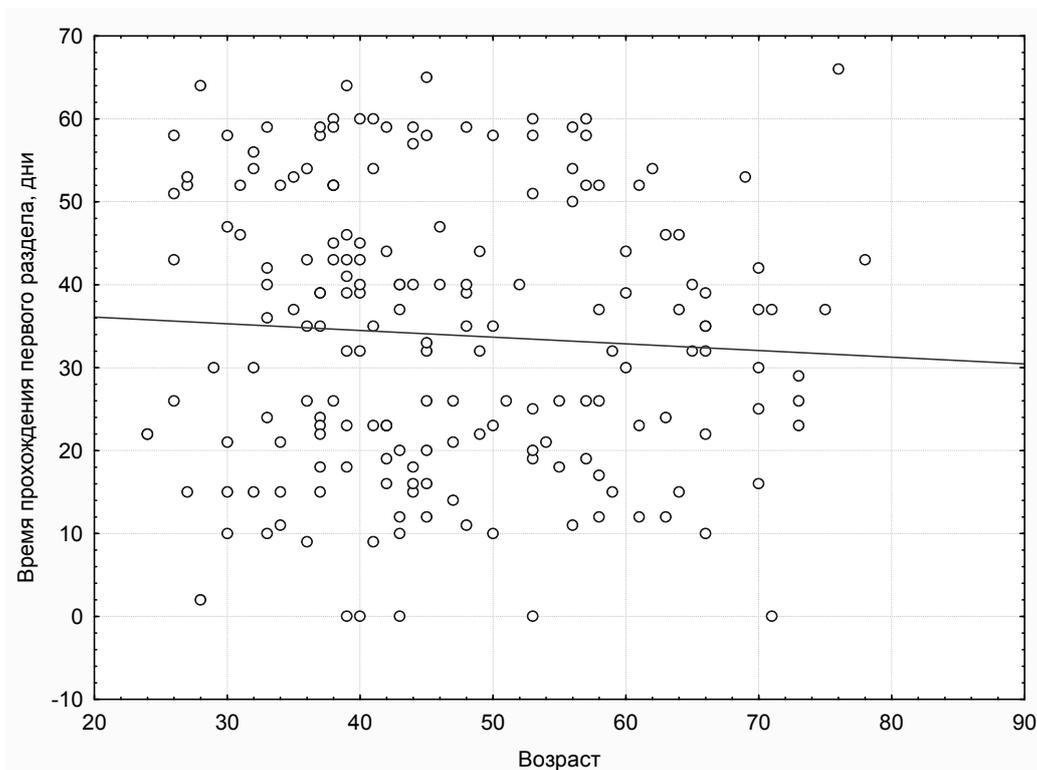

Рис. 3. Распределение значений параметра «Время прохождения первого раздела, дни» в зависимости от значений параметра «Возраст»

Обсуждение.

На первом этапе проведем кластеризацию рассматриваемой выборки по методу средних. Определим первоначальное число кластеров – 2. Входные данные – пять параметров (табл. 1). Выходные – три (время в днях завершения каждого из трех разделов курса). Согласно результатам кластеризации исходное множество разбилось на два подмножества с паттер-

нами – женщинами. Данный результат вызвал обоснованные сомнения, так как в состав исходной выборки входило около 40% мужчин. Поэтому было принято решение об увеличении числа кластеров [10. С. 279]. При формировании трех и четырех кластеров дифференциация прослеживалась достаточно четко. При этом три из четырех кластеров заняли женщины и один – мужчины (рис. 4, табл. 2).

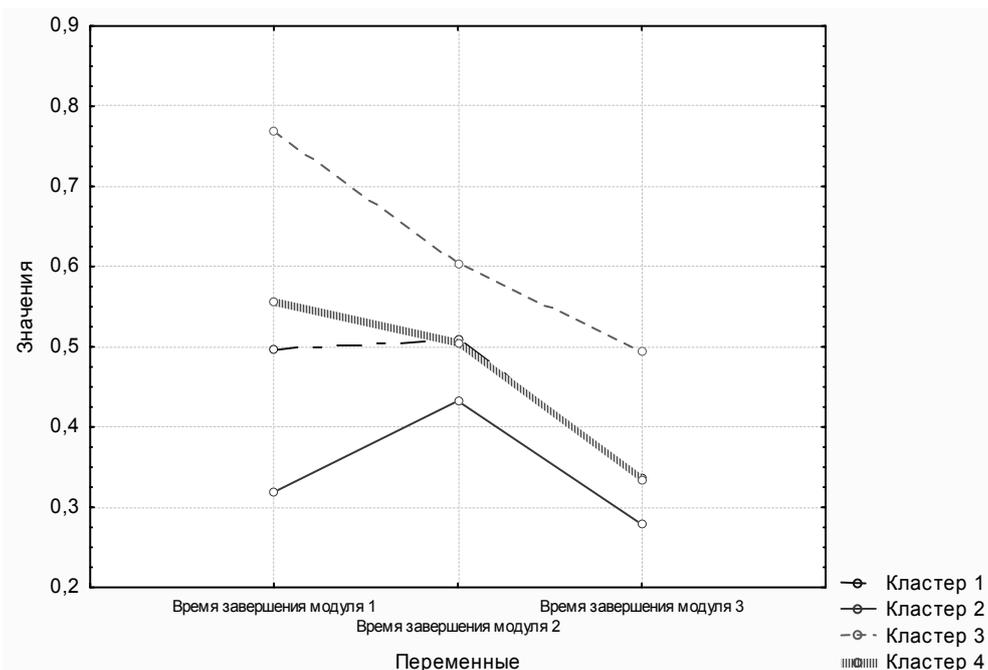

Рис. 4. Графики средних значений четырех кластеров по методу средних

Результаты разбиения на четыре кластера по методу средних

Кластер	Переменные								Число слушателей	%
	Пол	Возраст	Ученая степень	Кафедра (гуманитарная / естественно-научная)	Кафедра (общенаучная / выпускающая)	Время завершения модуля 1	Время завершения модуля 2	Время завершения модуля 3		
1	0	39	0	1	1	33	35	27	43	23
2	0	37	1	1	1	21	29	22	44	24
3	0	38	1	1	1	51	41	40	25	13
4	1	70	1	1	1	37	34	27	75	40

В дальнейшем было принято решение о проверке кластеров на стабильность. Для этого их число было увеличено до пяти. По данным табл. 3 кластер мужчин оставался стабильным и не распа-

дался на части. Тем не менее будем увеличивать число кластеров, так как 40% однородности выборки при паттерне 70 лет вызывает определенные сомнения.

Таблица 3

Результаты разбиения на пять кластеров по методу средних

Кластер	Переменные								Число слушателей	%
	Пол	Возраст	Ученая степень	Кафедра (гуманитарная / естественно-научная)	Кафедра (общенаучная / выпускающая)	Время завершения модуля 1	Время завершения модуля 2	Время завершения модуля 3		
1	0	39	0	1	1	32	34	26	40	21
2	0	37	1	1	1	22	30	22	43	23
3	0	38	1	1	1	52	44	43	19	10
4	1	70	1	1	1	36	34	27	71	38
5	0	38	1	0	0	40	37	30	14	8

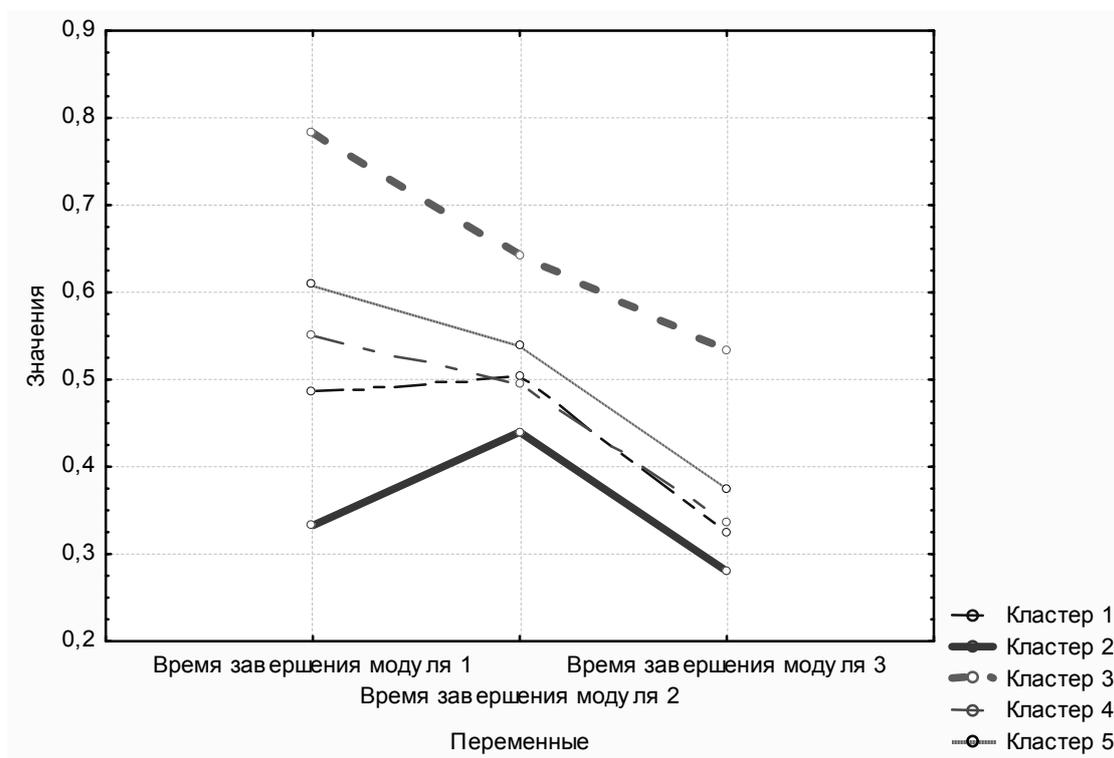

Рис. 5. Графики средних значений пяти кластеров по методу средних

При увеличении числа кластеров до семи произошло расслоение данного кластера на два. Первый из них является более возрастным, второй – лица среднего возраста. В обоих случаях паттерны – мужчины, кандидаты наук, сотрудники естественно-научных выпускающих кафедр. Интересным здесь является тот

факт, что число докторов в каждом из кластеров пропорционально его объему. Однако при этом на освоение материалов разделов курса членам первого кластера, т.е. возрастной группе, требовалось минимум в 1,5 раза меньше времени, чем второму. Совершенно иной характер имела динамика трансформации кла-

стеров женщин. В целом оказалось, что эти кластеры весьма слабо дифференцированы по значениям входных параметров (табл. 2), однако сильно дифференцированы по выходному результату – времени освоения разделов курсов (в среднем – в 1,5 раза). Дифференциация кластеров № 2 и № 3 – самая заметная на рис. 5 (верхняя и нижняя ломаные).

Наиболее стабильным при увеличении числа кластеров до семи проявил себя кластер № 2 – число его объектов фактически не изменилось и осталось равным 43. Паттерн данного кластера – женщина 37 лет,

кандидат наук, сотрудник выпускающей естественнонаучной кафедры. Полученное противоречие между идентичностью входных параметров и устойчивым различием выходных параметров свидетельствует, на наш взгляд, о наличии скрытых, неучтенных параметров, существенно влияющих на результат. Поэтому в дальнейшем необходимо их выявить и ввести в рассмотрение. Дифференциация кластеров № 2 и № 3 – по-прежнему оставалась самой сильной. В то же время входные параметры объектов кластеров женщин идентичны по имеющимся данным (табл. 4).

Таблица 4

Результаты разбиения на шесть кластеров по методу средних

Кластер	Переменные									Число слушателей	%
	Пол	Возраст	Ученая степень	Кафедра (гуманитарная / естественно-научная)	Кафедра (общенаучная / выпускающая)	Время завершения модуля 1	Время завершения модуля 2	Время завершения модуля 3			
1	0	39	0	1	1	33	35	26	40	21	
2	0	37	1	1	1	22	30	22	43	23	
3	0	38	1	1	1	52	44	44	17	9	
4	1	70	1	1	1	27	27	19	40	21	
5	0	38	1	0	0	40	37	30	14	8	
6	1	36	1	1	1	47	42	36	33	18	

Для проверки адекватности полученных результатов проведем кластеризацию другим методом, а именно – методом максимального правдоподобия. Полученные

ломаные для кластеров наивысшей дифференциации в данном случае практически идентичны (рис. 6). Отметим, что полное совпадение по определению невозможно.

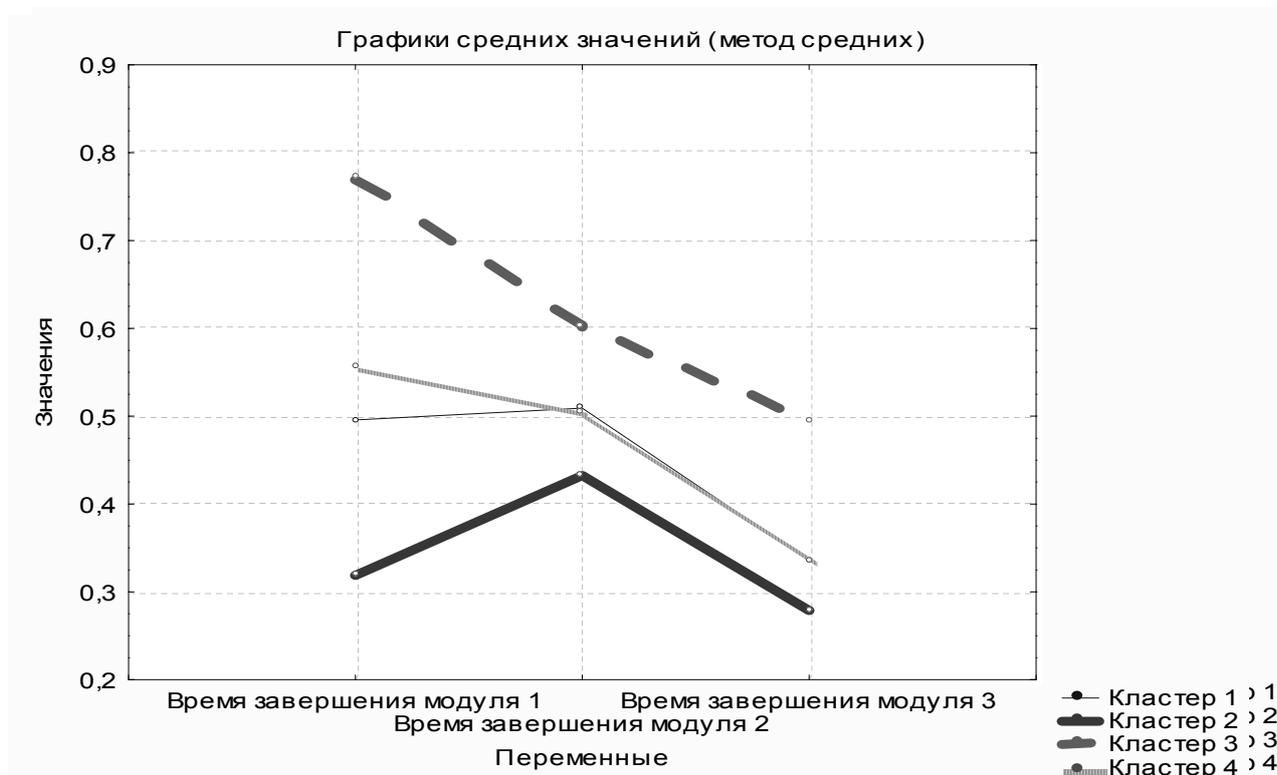

Рис. 6. Сравнение результатов кластеризации по методу средних и методу максимального правдоподобия

Следующим, вполне закономерным шагом, на наш взгляд, может являться выделение паттернов преподавателей данных курсов. Несомненно, и здесь существуют различия, значимость которых определяется

критерием их оценивания. Более того, представляется вполне допустимым предположение, что между паттернами обучающихся и паттернами преподавателей курсов существуют различные по форме и силе связи.

Именно сила и направленность подобных связей и определяет, на наш взгляд, степень единства участников процесса обучения в достижении общего успеха.

Заключение

Таким образом, предлагаемый авторами подход к выявлению устойчивых групп позволяет формировать паттерны слушателей курсов. Выделение таких устойчивых групп – кластеров предоставляет возможность преподавателям, проводящим обучение, выделять характерные черты этих паттернов. Описываемая в работе

процедура позволяет выявлять типичных представителей целевой аудитории, следовательно, вырабатывать приемы, которые наиболее эффективно воздействуют именно на этот сегмент обучающихся. Вполне уместно и даже необходимо при формировании контента курса применять соответствующее цветовое оформление, устойчивые словосочетания, типичные сравнения, подбор примеров, практических приложений и пр. Кроме того, результаты предлагаемого подхода можно использовать, например, и в процедуре прогнозирования успешности их обучения, так как в этом случае прогнозирование является более таргетированным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пешкова Г.Ю., Самарина А.Ю. Цифровая экономика и кадровый потенциал: стратегическая взаимосвязь и перспективы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 10. С. 50–75. DOI: 10.17853/1994-2639-2018-10-50-75.
2. Шмелькова Л.В. Кадровые ресурсы для цифровой экономики: взгляд в будущее // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2016. № 8 (30). С. 1–4.
3. Ларионова В.А., Карасик А.А. Цифровая трансформация университетов: заметки о глобальной конференции по технологиям в образовании EdcrunchUral // Университетское управление: практика и анализ. 2019. № 23 (3). С. 130–135.
4. Тульчинский Г.Л. Элиминация университетского этоса: преподавание как прекарный труд // Ведомости прикладной этики. 2015. Вып. 47. С. 76–83.
5. Современная аспирантура и судьба института повышения квалификации: материалы круглого стола // Высшее образование в России. 2014. № 6. С. 130–149.
6. Вайндорф-Сысоева М.Е., Фаткуллин Н.Ю., Шамшович В.Ф. Исследование результатов обучения учащихся как нелинейной проекции профессиограмм преподавателей – важный этап формирования кадрового состава системы дистанционного обучения // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2015. № 1. С. 45–52.
7. Классификация и кластер / под ред. Дж. Вэн Райзина. М.: Мир, 1980. 389 с.
8. Xu R., Wunsch II D.C. Clustering. Wiley And Sons, 2009.
9. Орешков В. EM – масштабируемый алгоритм кластеризации. URL: <https://basegroup.ru/community/articles/em>
10. Дьячук А.А. Математические методы в психологических и педагогических исследованиях: учеб. пособие. Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2013. 347 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 9 февраля 2020 г.

The Relevance of Student Differentiation in the Modern System of Continuing Education

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 220–227.

DOI: 10.17223/15617793/460/26

Nikolay Yu. Fatkulmin, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation). E-mail: nick_idpo@mail.ru

Valentina F. Shamshovich, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation). E-mail: shamshovich@mail.ru

Marina E. Vaindorf-Sysoeva, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mageva@yandex.ru

Keywords: e-learning; cluster analysis; clusters; pattern.

The rapidly evolving digital economy creates a need for a transformation of the education system. In modern conditions, the requirements for both the student and the teacher are changing. The teacher, in order to improve his/her professional skills, needs to enhance and take courses in continuing education. At Ufa State Petroleum Technical University, courses for faculty on modern educational technologies are organized. Each student is given the opportunity to acquire competencies for the independent formation of a course in their discipline in the educational environment. When implementing the program of the refresher course, one should take into account the known heterogeneity of the student population. The authors put forward the following research hypothesis: similar sets of students in the course can be divided into stable clusters that form stable patterns with homogeneous characteristic features. The study examined a sample of students of continuing education courses of 187 people. Initially, the study of the relationship between the sample parameters using standard statistics did not lead to obvious results. It was hypothesized that there were differences in the behavior of students of different age, sex, etc. Data for analysis requires preliminary processing of the initial set. The set of all students can be conditionally divided into subgroups, a typical representative – the pattern – is then singled out. Identifying a typical representative makes it possible to distinguish his/her typical behavior or result of a certain activity. Further, the sample was divided into clusters in the STATISTICA package. The clustering methods used were k-means and EM. This choice is due to the following advantages of the methods: relative ease of use; clustering visualization; convergence of the algorithm (impossibility of looping). The number of clusters is not known in advance; the EM algorithm is poorly applied with weak differentiation of the initial set into clusters (comparison with the results of the k-means method); the results are volatile. To verify the adequacy of the results obtained, clustering was performed using the maximum likelihood method. The results obtained for clusters of the highest differentiation in this case are almost identical. Thus, the approach proposed by the authors to identify sustainable groups allows forming patterns of course participants. By identifying clusters, teachers that conduct training are given the opportunity to highlight the characteristic features of these patterns. The results of the proposed approach can be used in predicting the success of training, as well as for choosing a methodology for controlling the impact on students by the teacher.

REFERENCES

1. Peshkova, G.Yu. & Samarina, A.Yu. (2018) Digital Economy and Recruitment Potential: Strategical Interconnection and Prospects. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*. 20 (10). pp. 50–75. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-50-75
2. Shmel'kova, L.V. (2016) Kadry dlya tsifrovoy ekonomiki: vzglyad v budushchee [Personnel for the digital economy: a look into the future]. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v strane i mire*. 8 (30). pp. 1–4.
3. Larionova, V.A. & Karasik, A.A. (2019) Digital Transformation of Universities: Notes on the Global Conference Edrunch Ural on Technologies in Education. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 23 (3). pp. 130–135. (In Russian).
4. Tul'chinskiy, G.L. (2015) The elimination of the university ethos: teaching how the precarious employment. *Vedomosti prikladnoy etiki – Semestrial Papers of Applied Ethics*. 47. pp. 76–83. (In Russian).
5. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. (2014) Sovremennaya aspirantura i sud'ba instituta povysheniya kvalifikatsii: materialy kruglogo stola [Modern postgraduate studies and the fate of the institute for advanced training: materials of the round table]. 6. pp. 130–149.
6. Vayndorf-Sysoeva, M.E., Fatkullin, N.Yu. & Shamshovich, V.F. (2015) Research of Results of Training of Pupils as Nonlinear Projection Profession-Gramm of Teachers – the Important Stage of Formation of Personnel Structure of System of E-Learning. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta Im. M.A. Sholokhova. Pedagogika i Psikhologiya*. 1. pp. 45–52. (In Russian).
7. Van Ryzin, J. (ed.) (1980) *Klassifikatsiya i klaster* [Classification and clustering]. Translated from English by P.P. Kol'tsov. Moscow: Mir.
8. Xu, R. & Wunsch, D. (2009) *Clustering*. Wiley and Sons.
9. Oreshkov, V. (n.d.) *EM – masshtabiruemyy algoritm klasterizatsii* [EM: a scalable clustering algorithm]. [Online] Available from: <https://basegroup.ru/community/articles/em>.
10. D'yachuk, A.A. (2013) *Matematicheskie metody v psikhologicheskikh i pedagogicheskikh issledovaniyakh: ucheb. posobie* [Mathematical methods in psychological and pedagogical studies: A textbook]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Received: 09 February 2020

ПРАВО

УДК 343.1

Б.Б. Булатов, А.С. Дежнев

ОСНОВАНИЯ ОТМЕНЫ АРЕСТА, НАЛОЖЕННОГО НА ИМУЩЕСТВО В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Анализируются проблемы, вызванные противоречиями действующего порядка отмены ареста на имущество. Исследуется законодательная регламентация принятия данного решения, практика его реализации и взаимосвязь с другими отраслями права. Определяется влияние решений Конституционного Суда РФ на совершенствование правовой модели наложения ареста на имущество и его отмены. Анализируется соотношение публичного и частного интересов при оценке законности действий следователя, дознавателя и суда, осуществляемых в рамках указанных отношений.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество; меры процессуального принуждения; защита права собственности; отмена ареста имущества; частные и публичные интересы.

Законодательная регламентация порядка отмены ареста, наложенного на имущество, имеет неоднородный характер, а принятие соответствующего решения зависит от разных обстоятельств. Предусмотренный ч. 9 ст. 115 УПК РФ механизм содержит возможность снятия введенных ранее ограничений на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, когда в применении данной меры принуждения либо отдельных ограничений, которым подвергнуто арестованное имущество, отпадает необходимость. Арест подлежит отмене и в случае истечения установленного судом срока его действия. При обеспечении требований гражданского иска, с учетом соблюдения ряда условий, арест отменяется, если нет спора о принадлежности имущества либо его установлении в ходе расследования преступления, а также при решении этого вопроса судом в порядке гражданского судопроизводства. Самостоятельным поводом к рассмотрению вопроса об отмене ареста имущества можно считать случаи, связанные с приостановлением уголовного дела (ч. 6 ст. 208 УПК РФ). Однако это касается лишь тех решений, что были приняты на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования также предполагает необходимость определения судьбы имущества, подвергнутого аресту (ст. 213, 239 УПК РФ).

Несмотря на то что указанные законодательные установления регулируют достаточно широкий и значимый с точки зрения защиты права собственности спектр отношений, соответствующая проблематика довольно редко оказывается на страницах юридической печати. Проведенные в последнее время исследования содержат лишь скромные упоминания о порядке отмены ареста имущества [1. С. 4, 113, 123; 2. С. 169–170] либо вообще отсутствуют [3–6]. При этом количество введенных ограничительных мер остается достаточно высоким. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2017 г. судами окончено производство по более чем 45,5 тыс. ходатайств органов, осуществляющих предварительное расследование, о наложении ареста на имущество, в 2018 г. – по 40,8 тыс. ходатайств, из которых около 87% удовлетворено судом [7]. В 2019 г. таких ходатайств было рассмотрено 40 505, из них 34 945 удовлетворено [8].

Учитывая, что арест имущества не может продолжаться бесконечно, отмена соответствующих ограничительных мер выступает важной составляющей этой меры принуждения. Между тем законодательные установления, закрепляющие основания принятия такого рода решений, имеют неоднозначный характер. Исключением, пожалуй, может считаться истечение срока наложения ареста на имущество. При отказе в его продлении наступление определенной календарной даты влечет утрату правовых оснований по реализации введенных ранее запретов. С учетом законодательного требования о том, что арест, наложенный на имущество, либо отдельные ограничения, которым подвергнуто арестованное имущество, отменяются на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 9 ст. 115 УПК РФ), окончание срока действия соответствующих обеспечительных мер требует процессуального оформления.

Отсутствует достаточная ясность в вопросах отмены ареста имущества либо снятия определенных ограничений, когда в этом отпадает необходимость. Понятие «необходимость» имеет оценочный характер и требует дополнительного толкования. Оно в значительной мере зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела, каких именно – законодатель не говорит, оставляя решение этого вопроса на усмотрение следователя, дознавателя и (или) суда.

С учетом множественности факторов, при которых возникает необходимость отмены ареста имущества, примененный законодательный подход в значительной мере оправдан. С другой стороны, велика вероятность принятия следователем, дознавателем или судом достаточно спорных решений. Они вынуждены давать оценку разнообразному кругу обстоятельств уголовного дела, во многом опираясь на собственное усмотрение. Если арест налагался для обеспечения требований гражданского иска, при его отмене сложно обойтись без учета позиций сторон правового спора. Охрана публичных интересов (обеспечение возможной конфискации имущества, имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или штрафа в качестве меры уголовного наказания, а также меры по сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу)

ориентирует соответствующих должностных лиц на анализ других сфер правового регулирования. Такая неоднородность подходов накладывает свой отпечаток на вопросы принятия решения не только о применении меры принуждения, но и о ее отмене.

Связывая основания отмены ареста имущества с реализацией публичных начал, Конституционный Суд РФ обращает внимание на их приоритетное значение в вопросах, не затрагивающих обеспечение гражданского иска [9]. Возможность отмены рассматриваемой меры принуждения здесь не может быть поставлена в зависимость от реализации частных интересов. Соответственно этому решается вопрос о конкуренции процессуальных правил определения судьбы арестованного имущества.

В качестве примера можно привести ситуацию, описанную в одном из решений Конституционного Суда РФ [9]. Сухорукову И.С., признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ, приговором суда было назначено наказание в виде штрафа. Этим же решением ранее наложенный арест на имущество был сохранен до полной оплаты штрафа. Одновременно, по заявлению Сухорукова И.С., Арбитражным судом Красноярского края он был признан банкротом и в отношении него открыта процедура реализации имущества гражданина, а оплата штрафа была отнесена к третьей очереди кредиторов. Данное обстоятельство послужило поводом для рассмотрения вопроса, связанного с отменой ранее наложенного ареста на имущество, по уголовному делу для удовлетворения требований других кредиторов, чем ставилась под сомнение возможность исполнения наказания в виде штрафа. Конституционный Суд РФ по этому поводу достаточно определенно указал, что признание гражданина банкротом не препятствует исполнению наказания в виде штрафа. Соответственно, если арест имущества гражданина, который вступившим в законную силу приговором суда осужден к уплате штрафа в качестве основного наказания, препятствует включению такого имущества в состав конкурсной массы, он не может рассматриваться как затрагивающий конституционные права заявителя.

Отраженная в рассматриваемом решении Конституционного Суда РФ проблема, как справедливо отмечается в мнении судьи Конституционного Суда РФ Кокотова А.Н., выводит на серьезную коллизию уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, с одной стороны, и законодательства о несостоятельности (банкротстве), с другой стороны, в части взыскания уголовного штрафа с гражданина и сохранения ареста его имущества после признания его банкротом. Она обостряется тем, что задающие ее разделы законодательства устанавливают собственный приоритет в регулировании теснейшим образом переплетенных между собой уголовно-исполнительных, уголовно-процессуальных отношений и отношений по имущественному оздоровлению [9].

Такого рода межотраслевые перекосы, как отмечает Кокотов А.Н., создают питательную среду для произвольного правоприменения, ущемления конституционных прав граждан. Так, непонятно, кто после

признания гражданина банкротом снимает арест с его имущества, наложенный в порядке ст. 115 УПК РФ, и насколько усмотрение такого субъекта тут ограничено. Если это должен делать ведущий уголовное дело следователь (дознатель), то на основании какого документа, по чьей инициативе и в какие сроки он принимает такое решение? Если это должен делать соответствующий суд общей юрисдикции, то возникают те же вопросы. Если этого вообще не надо делать, поскольку снятие ареста автоматически вытекает из решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом, то это спорное истолкование, так как оно порождает неопределенность в правоприменении [9].

Перечисленные вопросы нельзя рассматривать изолированно от имеющейся последовательности принимаемых решений относительно спорного имущества. В случае с Сухоруковым И.С. сначала был наложен арест на имущество, а лишь затем, при производстве по уголовному делу в суде, объявлена процедура банкротства. Однако в решении не разъясняется, как быть в ситуациях, при которых на момент появления оснований для ареста имущества гражданина в отношении него уже ведется процедура конкурсного производства. С одной стороны, требования, предусмотренные ст. 126, 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [10], предполагают не только снятие ранее наложенных арестов и иных ограничений, связанных с распоряжением имуществом должника, но и запрет на введение новых. С другой стороны, реализация публичных интересов при осуществлении правосудия по уголовным делам способствует принятию соответствующих обеспечительных мер. Так, например, необходимость сохранности вещественных доказательств связана с интересами доказывания по уголовному делу. В контексте достижения целей правосудия, назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) зачастую требуется введение определенных ограничений по распоряжению этим имуществом. В этих условиях необходимо признать противоречивость анализируемой сферы правового регулирования, требующую законодательного разрешения. Не исключена возможность принятия Пленумом Верховного Суда РФ необходимых разъяснений.

Недостатки, связанные с отменой ареста имущества, наложенного для обеспечения публичных интересов, дополняются вопросами из частноправовой сферы правового регулирования. Принятие Конституционным Судом РФ ряда решений [11–13] привело к корректировке содержания ч. 9 ст. 115 УПК РФ [14]. Для безналичных денежных средств, движение которых было ограничено в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, введено специальное основание отмены ареста имущества. Оно распространяется на лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия. Мера принуждения отменяется в случае установления в ходе предварительного расследования принадлежности арестованных денежных средств и отсутствия спора по этому вопросу. Данное решение принимает-

ся и при установлении этого вопроса судом в порядке гражданского судопроизводства по иску лица, признанного потерпевшим и (или) гражданским истцом по уголовному делу.

Благодаря этому подходу законодатель допускает отмену ареста имущества на основании судебного решения, принятого в рамках другого правового режима. В силу неоднозначности формулировок, используемых законодателем в ч. 9 ст. 115 УПК РФ, суды не всегда учитывают эту возможность. Так, апелляционным определением Московского городского суда было отменено решение Пресненского районного суда г. Москва ввиду того, что им было отказано в разрешении вопроса об отмене ареста имущества в порядке гражданского судопроизводства. Указанное решение аргументировалось тем, что арест был наложен в порядке, предусмотренном УПК РФ, соответственно и освобождение имущества от ареста должно осуществляться в этом правовом режиме. Апелляционный суд не согласился с этим выводом и, учитывая, что заявитель не является участником уголовного дела, а предметом иска является требование об освобождении имущества от ареста (ч. 2 ст. 442 ГПК РФ), а не отмена ареста согласно ч. 9 ст. 115 УПК РФ, указал на необходимость рассмотрения искового заявления в порядке гражданского судопроизводства [15].

Таким образом, приоритетное значение частных начал при разрешении исковых требований в рамках уголовного судопроизводства предполагает наличие расширенных возможностей сторон при защите своих имущественных интересов. При этом важно иметь в виду, что произвольное обращение в суд в порядке, предусмотренном ГПК РФ по рассматриваемым вопросам, в том числе при оценке отношений, вытекающих из частных начал, законодательно не предусмотрено. Этот механизм может быть запущен лишь в случаях, прямо установленных УПК РФ. В указанном примере так и произошло. Закрепленная в ч. 9 ст. 115 УПК РФ норма допускает возможность разрешения вопросов, касающихся принадлежности имущества в порядке гражданского судопроизводства, а ч. 2 ст. 442 ГПК РФ позволяет это сделать по правилам искового производства.

На дополнительные аспекты, связанные с учетом частных начал в уголовном судопроизводстве, указывает Конституционный Суд РФ. Одним из решений он признал ч. 3 ст. 115 УПК РФ во взаимосвязи с абзацем девятым п. 1 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не противоречащими Конституции Российской Федерации. Отмечается, что содержащиеся в указанных статьях нормативные положения – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не предполагают наложения ареста на имущество должника, в отношении которого введена процедура конкурсного производства. Они также не рассчитаны и на сохранение ранее наложенного ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора по уголовному делу в части гражданского иска в отношении отдельных лиц, являющихся конкурсными кредиторами. Обращено внимание также и на то, что

как по буквальному смыслу ч. 3 ст. 115 УПК РФ, так и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, наложение ареста на имущество лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия, допускается лишь в публично-правовых целях [11, 12].

Несмотря на то что Конституционный Суд РФ формально речь ведет об основаниях ареста имущества, фактически его вывод касается и отмены данной меры принуждения. Разрешение спора в рамках гражданского судопроизводства, законодательства о банкротстве фактически может служить основанием отмены ареста имущества в уголовном деле. Следовательно, дознавателю или суду остается лишь надлежащим образом оформить сложившееся положение. В этом контексте следует поддержать позицию П.В. Козловского, который не считает законной практику отмены ареста имущества без официального оформления принятого решения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело [16].

Этот вопрос был затронут в одном из решений Конституционного Суда РФ [17], который указал, что в соответствии с ч. 9 ст. 115 УПК РФ наложение ареста на имущество отменяется по постановлению, определению лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. Данное законоположение не может рассматриваться как нарушающее конституционные права граждан. Такой подход представляется оправданным, так как в уголовном судопроизводстве арест на имущество может быть наложен не только в целях обеспечения гражданского иска. Оценка оснований наложения ареста и допустимости его отмены отнесена к компетенции органов предварительного расследования и суда. Однако это не означает, что они имеют право на усмотрение в случае, когда арест на имущество был наложен для обеспечения гражданского иска в интересах конкурсного кредитора.

Сформулированная в решениях Конституционного Суда РФ правовая позиция об отмене ареста имущества в практической деятельности не всегда воспринимается однозначно и при определении судьбы арестованного имущества приводит к принятию достаточно спорных решений. Так, в рамках одного из уголовных дел лицо было признано виновным в совершении преступления и приговором суда подтверждено право на удовлетворение гражданских исков. Вопрос о размере возмещения вреда передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Обеспечительные меры в виде наложения ареста на имущество были сохранены до исполнения приговора в части назначенного дополнительного наказания в виде штрафа и разрешения исковых требований потерпевших. Ввиду признания арбитражным судом организации, имущество которой подверглось аресту, банкротом и открытия процедуры конкурсного производства заявитель (конкурсный управляющий) возбудил ходатайство перед судом об освобождении имущества от ареста в соответствии со ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Районный суд в удовлетворении ходатайства отказал. Суд апелляционной инстанции оставил решение без

изменений. В обоснование своего вывода он указал, что необходимость сохранения обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество не отпала, поскольку материальный ущерб потерпевшим не возмещен. Отмечается, что, вопреки доводам заявителя, законодательство о банкротстве не регулирует вопросы уголовного судопроизводства, и наложенный в рамках уголовного дела арест в порядке, предусмотренном ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», не снимается [18]. Помимо этого, представленные суду апелляционной инстанцией определение Арбитражного суда не влияет на законность судебного решения и не может являться достаточным основанием для удовлетворения заявленного ходатайства.

Комментируя используемый в приведенном примере подход, следует обратить внимание на несколько искаженное восприятие правовой позиции Конституционного Суда РФ по этому вопросу. При проведении процедуры конкурсного производства, осуществляемой в рамках Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», с учетом необходимости разрешения вопросов гражданского иска имущество должно освобождаться от ареста. Это должно реализовываться по решению лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. Другое дело, если речь идет об обеспечении публичных интересов. В нашем случае это назначение дополнительного наказания в виде штрафа. Полагаем, что именно размер штрафа (по приговору – 500 тыс. рублей) определяет объем имущества, арест на которое необходимо было сохранить (при отсутствии имущественных взысканий в виде процессуальных издержек или мер по сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу).

Давая оценку принятию решения об отмене ареста имущества, связанного с защитой частных интересов, целесообразно рассмотреть соотношение положений, предусмотренных ч. 3 и ч. 9 ст. 115 УПК РФ. В обоих случаях есть упоминание об имуществе лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за свои действия. Однако основания принятия решения об аресте имущества в этом случае не связаны с гражданским иском (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Они рассчитаны на обеспечение предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу. Получается, что в отношении одной и той же категории участников уголовного процесса решение об аресте имущества принимается под влиянием публичных начал, а отмена этой меры принуждения должна осуществляться в частных интересах (ч. 9 ст. 115 УПК РФ). Очевидно, что в приведенном соотношении норм имеются противоречия. С учетом имеющейся законодательной регламентации этого вопроса арест имуще-

ства, наложенный на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ, правомерно будет отменяться по причине отсутствия необходимости ее применения либо при истечении срока действия меры принуждения.

Так, в рамках одного из уголовных дел на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ был наложен арест на имущество – денежные средства, находящиеся на счетах нескольких лиц. Подозреваемые и обвиняемые по уголовному делу не были ustanовлены. Рассмотрев ходатайство об отмене меры принуждения, суд отметил, что положения ч. 9 ст. 115 УПК РФ, на которые ссылаются заинтересованные лица в апелляционных жалобах, касаются случаев наложения ареста на наличные денежные средства, находящиеся на счетах лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска. Отказывая в удовлетворении апелляционных жалоб, суд указал, что арест на денежные средства был наложен по иным основаниям, соответственно и доводы заявителей о необходимости применения приведенных выше положений закона нельзя признать состоятельными [19]. Таким образом, наличие (отсутствия) гражданского иска при отмене ареста имущества по данному основанию является ключевым фактором. При этом принятие соответствующего решения должно осуществляться с учетом требований ч. 1 или ч. 3 ст. 115 УПК РФ, на основе которых вводились указанные ограничения. Очевидно, что данные противоречия существенным образом снижают ценность законодательной регламентации оснований отмены ареста имущества.

Указанные обстоятельства позволяют признать, что широкий спектр обстоятельств, обуславливающих необходимость наложения ареста на имущество, порядок его отмены не содержат четких критериев законности принятого решения. Возникает необходимость корректировки соответствующей части уголовно-процессуального законодательства.

Полагаем, что допустимо выделение сформулированных в ч. 9 ст. 115 УПК РФ норм в отдельную статью, предусматривающую отмену ареста имущества. Кроме этого, требуют корректировки основания отмены рассматриваемой меры принуждения в зависимости от вида защищаемого интереса – частноправового либо публичного. Очевидна необходимость законодательной увязки оснований отмены ареста имущества с решением о введении соответствующих ограничений. Наряду с этим нуждается в разрешении комплекс вопросов, вызванных разностью нормативной регламентации порядка введения, реализации и отмены соответствующих ограничительных мер, предусмотренных ч. 9 ст. 115 УПК РФ, Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и гражданским процессуальным законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова М.В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 216 с.
2. Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. М., 2017. 359 с.

3. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. 226 с.
4. Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. М., 2017. 367 с.
5. Искандиров В.Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 22 с.
6. Ионов В.А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012. 192 с.
7. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 года) // СПС КонсультантПлюс.
8. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79&item=5258>
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухорукова И.С. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 16, ст. 31 и 32 УИК РФ, ч. 1, 15 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве», ч. 9 ст. 115 и ст. 401.2 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 578-О // СПС КонсультантПлюс (документ опубликован не был).
10. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Российская газета. 2002. 2 нояб.
11. По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Российская газета. 2011. 11 февр.
12. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Российская газета. 2014. 31 окт.
13. По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Российская газета. 2014. 24 дек.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 17 июня 2015 г. № 190-ФЗ // Российская газета. 2015. 6 июля.
15. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 сентября 2018 г. по делу № 33-38466/2018 // СПС КонсультантПлюс (документ опубликован не был).
16. Козловский П.В. Арест, наложенный на имущество должника – банкрота по уголовному делу: снимать или не снимать? // Современные тенденции развития юридической науки : сб. материалов IV Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Омск, 2015. С. 153–158.
17. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Ильгизара Яхиевича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца шестого пункта 1 статьи 16, пункта 3 статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», частей третьей и девятой статьи 115 и пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 813-О // СПС КонсультантПлюс (документ опубликован не был).
18. Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22-6544/2018 от 25 октября 2018 г. по делу № 22-6544/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/>.
19. Апелляционное постановление Московского городского суда от 15 ноября 2018 г. № 10-20450/2018 // СПС КонсультантПлюс (документ опубликован не был).

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 мая 2020 г.

Grounds for Canceling Seizure in Pre-Trial Criminal Proceedings

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 228–233.

DOI: 10.17223/15617793/460/27

Boris B. Bulatov, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail: bulatov_oma@mail.ru

Alexander S. Dezhnev, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail: omsk-das@mail.ru

Keywords: seizure; law enforcement measures; defense of property right; cancellation of seizure; private and public concerns.

The article examines the normative legal basis of the grounds for canceling property seizure in pre-trial criminal proceedings. The problem of the legislator's usage of evaluative categories in removing investigator's, interrogator's or court's restrictions is also analyzed. The solution of this problem is made dependent on the implementation of public or private interests. Discussing these issues, the authors come to the conclusion that this sphere is neither presented nor analyzed in academic monographic works. This circumstance indicates the novelty of the study owing to the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue. The conclusion about the priority of public principles over private interests concerning matters which are not related to civil lawsuits is made on the grounds of empirical data and the analysis of legislative approaches. The contradictions of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the basis and procedure for canceling property seizure and the laws on bankruptcy are identified. The directions for improving the legal regulation of these issues are presented. The necessity of a multisectoral regulation of some aspects of law enforcement is inferred. The examination of private principles in canceling property seizure is connected with securing a civil lawsuit in criminal proceedings. The authors substantiate the existence of additional opportunities in making decisions in this field via the legal regime. This regime is also used in some other legal acts and may be put into practice in accordance with the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. However, the imposed restrictions can be canceled on the basis of the decision by a person considering a criminal case. The authors note the incoherence of some provisions of Part 3 and Part 9 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. This incoherence is connected with different approaches to the view on public and private interests in decision making. The authors substantiate the necessity of a legal linking of grounds for canceling property seizure with the decision on imposing this restriction. The conclusion about the comprehensive order of property seizure is made in the final part of the article. It is also stated that this order does not contain distinct criteria of the legality of the decision. Certain parts of the criminal procedure laws should be corrected. Some ways to improve the field of legal regulation concerning the opportunity of canceling seizure are given.

REFERENCES

1. Sokolova, M.V. (2018) *Deyatel'nost' sledovatelya po nalozheniyu aresta na imushchestvo* [The investigator's activity on the seizure of property]. Law Cand. Diss. Moscow.
2. Tutynin, I.B. (2017) *Teoreticheskie osnovy ugovolno-protsessual'nogo prinuzhdeniya imushchestvennogo kharaktera* [Theoretical foundations of criminal procedural property-related coercion]. Moscow: INFRA-M.
3. Murav'ev, K.V. (2017) *Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya – osobyie sredstva ugovolno-pravovogo vozdeystviya: doktrina, primenenie, optimizatsiya* [Measures of procedural coercion – special means of criminal law influence: doctrine, application, optimization]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Vershinina, S.I. (2017) *Normativno-pravovaya sushchnost' ugovolno-protsessual'nogo prinuzhdeniya* [The normative and legal essence of criminal procedural coercion]. Moscow: Yurlitinform.
5. Iskandirov, V.B. (2012) *Nalozhenie aresta na imushchestvo v ugovolnom protsesse* [Seizure of property in criminal procedure]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
6. Ionov, V.A. (2012) *Nalozhenie aresta na imushchestvo pri proizvodstve predvaritel'nogo rassledovaniya po ugovolnym delam ob ekonomicheskikh prestupleniyakh* [Seizure of property in the course of preliminary investigation in criminal cases on economic crimes]. Moscow: Yurlitinform.
7. Consultant Plus. (2019) *Review of the practice of consideration by the courts of petitions for the seizure of property on the grounds provided for in Part 1 of Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 27, 2019)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321301/. (In Russian).
8. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugovolnykh del po pervoy instantsii* [Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of criminal cases at first instance]. [Online] Available from: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79&item=5258>.
9. Consultant Plus. (2018) *On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen I.S. Sukhorukov on violation of his constitutional rights by Part 1 of Article 16, Articles 31 and 32 of the RF Penal Code; Parts 1 and 15 of Article 103 of the Federal Law "On Enforcement Proceedings"; Part 9 of Article 115 and Article 401.2 of the RF Criminal Procedure Code: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 13, 2018, No. 578-O*. Not published. (In Russian).
10. *Rossiyskaya gazeta*. (2002) O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): Federal'nyy zakon ot 26 oktyabrya 2002 g. № 127-FZ [On insolvency (bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ]. 2 November.
11. *Rossiyskaya gazeta*. (2011) Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chastey pervoy, tret'ey i devyatoy stat'i 115, punkta 2 chasti pervoy stat'i 208 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i abzatsa devyatogo punkta 1 stat'i 126 Federal'nogo zakona "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)" v svyazi s zhalobami ZAO "Nedvizhimost'-M", OOO "Solomatinskoe khlebopriemnoe predpriyatie" i grazhdanki L.I. Kostarevoy: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 31 yanvarya 2011 g. № 1-P [In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Parts 1, 3 and 9 of Article 115, Clause 2 of Part 1 of Article 208 of the RF Criminal Procedure Code, and Paragraph 9 of Clause 1 of Article 126 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in connection with complaints from the Nedvizhimost'-M CJSC, the Solomatinskoe khlebopriemnoe predpriyatie LLC and the citizen L.I. Kostareva: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 31, 2011, No. 1-P]. 11 February.
12. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chastey tret'ey i devyatoy stat'i 115 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami OOO "Avrora maloetazhnoe stroitel'stvo" i grazhdan V.A. Shevchenko i M.P. Eydena: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 oktyabrya 2014 g. № 25-P [In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Parts 3 and 9 of Article 115 of the RF Criminal Procedure Code in connection with the complaints of the Avrora maloetazhnoe stroitel'stvo LLC and the citizens V.A. Shevchenko and M.P. Eidlen: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 21, 2014, No. 25-P]. 31 October.
13. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) Po delu o proverke konstitutsionnosti chastey shestoy i sed'moy stat'i 115 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy ZAO "Gloriya": postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 10 dekabrya 2014 g. № 31-P [In the case of verifying the constitutionality of Parts 6 and 7 of Article 115 of the RF Criminal Procedure Code in connection with the complaint of the Gloria CJSC: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 31-P of December 10, 2014]. 24 December.
14. *Rossiyskaya gazeta*. (2015) O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 17 iyunya 2015 g. № 190-FZ [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of June 17, 2015, No. 190-FZ]. 6 July.
15. Consultant Plus. (2018) *Appeal ruling of the Moscow City Court of September 6, 2018, in case No. 33-38466/2018*. Not published. (In Russian).
16. Kozlovskiy, P.V. (2015) Arest, nalozhennyy na imushchestvo dolzhnika – bankrota po ugovolnomu delu: snimat' ili ne snimat'? [Seizure imposed on the property of a bankrupt debtor in a criminal case: to remove or not to remove?]. *Sovremennye tendentsii razvitiya yuridicheskoy nauki* [Modern trends in the development of legal science]. Proceedings of the IV International Conference. Omsk: Omsk Economic Institute. pp. 153–158. (In Russian).
17. Consultant Plus. (2012) *On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Ilgizar Yakhievich Sadykov on violation of his constitutional rights by the provisions of Paragraph 9 of Clause 1 of Article 126 of the Federal Law "On insolvency (bankruptcy)", Paragraph 6 of Clause 1 of Article 16, Clause 3 of Article 28 of the Federal Law "On state registration of rights to real estate and transactions with it", Parts 3 and 9 of Article 115 and Paragraph 2 of Part One of Article 208 of the RF Criminal Procedure Code: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 15, 2012, No. 813-O*. Not published. (In Russian).
18. Sudact.ru. (2018) The appeal ruling of the Perm Regional Court No. 22-6544/2018 of October 25, 2018, in Case No. 22-6544/2018. [Online] Available from: <https://sudact.ru/>. (In Russian).
19. Consultant Plus. (2018) *The appeal ruling of the Moscow City Court of November 15, 2018, No. 10-20450/2018*. Not published. (In Russian).

Received: 21 May 2020

Н.Т. Ведерников, В.Л. Юань

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Рассматривается научный поиск оптимального решения проблемы построения криминалистической модели личности, отвечающей потребностям современной криминалистической науки и следственной практики. Раскрывается синтез типологий, подобранных по принципу классической трехблочной структуры биографических сведений (биологических, социальных и индивидуально-психологических) о личности обвиняемого. Подчеркивается исследовательская ценность и целесообразность научных разработок в сфере типологии личности.

Ключевые слова: личность обвиняемого; следственные действия; допрос; биографический метод.

Существующий на сегодняшний день объем знаний о личности обвиняемого в криминалистической науке достиг отметки, на которой уже целесообразно предпринимать попытки детализации самого высшего и самого неосвоенного уровня структурной концепции личности: уровня модели [1. С. 97]. С точки зрения научной и прикладной ценности уровень модели более значим, чем предыдущие уровни, поскольку он обеспечивает:

- 1) максимальный охват криминалистически значимых признаков личности обвиняемого;
- 2) детализацию индивидуальных свойств личности обвиняемого;
- 3) расширяет перечень возможных источников сведений об обвиняемом.

Исходя из знания предыдущих двух уровней – уровня черт личности и уровня типа личности, можно сделать вывод о том, что третий уровень является их логическим продолжением, конкретизирующим знание о личности [2. С. 28–29]. Так, если некоторые совокупности часто встречаемых комбинаций черт личности образуют тип личности, то имеются все основания предполагать, что выход к следующему уровню научного познания лежит через синтез нескольких типологий, что вполне логично, поскольку в этом случае во всех трех уровнях прослеживается четкая преемственность.

Разработанная П.Б. Ганнушкиным, К. Леонгардом, А.Е. Личко и адаптированная применительно к криминалистической науке Р.Л. Ахмедшиным типология акцентуированных типов показала высокую верифицируемость по результатам ряда научных исследований [3. С. 168; 4. С. 179; 5. С. 105]. Вместе с тем, несмотря на высокую относительно концепций личностных черт детализацию криминалистически значимых данных, для модели личности ее явно недостаточно, поскольку между двумя представителями одного акцентуированного типа могут быть существенные различия. Исследователи часто фиксировали разницу между людьми с одним и тем же акцентуированным типом, и становится очевидным, даже без обращения к тезису о неповторимости всех людей на Земле, что есть другие факторы, определяющие отличие людей друг от друга, помимо акцентуации характера.

Предположения, возникающие при попытке идентифицировать эти факторы, связывают разницу меж-

ду представителями одного акцентуированного типа с отличиями в воспитании, образе и условиях жизни в детстве, влиянием семьи и окружения, генетике, однако все они, в отличие от типологии акцентуированных типов, все еще предельно не формализованы. Далее необходимо учитывать классификацию биографических сведений, которая была предложена еще во второй половине XX в. [6. С. 114], в конечном итоге разделившую весь массив информации об обвиняемом на биологические, социальные и индивидуально-психологические компоненты. Если данное направление научного поиска верно, то типология акцентуированных типов должна коррелировать с одной из трех составляющих, тогда как с двумя оставшимися компонентами – две другие типологии. Таким образом, на данном этапе вопрос будет звучать следующим образом: какова природа акцентуированных типов – биологическая, социальная или индивидуально-психологическая? Другими словами, является ли она врожденной, приобретает ли исключительно по мере взросления и жизни в социуме или же формируется посредством синтеза генетических предрасположенностей с условиями жизни в обществе? Для ответа на него достаточно провести аналогии с темпераментами, которые, несмотря на отличие от акцентуаций, имеют с ними тесную взаимосвязь (некоторые акцентуированные типы имеют прямой эквивалент типам темперамента: эпилептоид – холерик; гипотим – меланхолик, шизоид – флегматик, гипертим – сангвиник). При этом, как известно, темперамент является врожденным свойством личности и отражает степень стабильности психики при экстраверсии или интроверсии. В пользу того, что акцентуация характера имеет биологическую природу, также свидетельствуют исследования Е.В. Жилиной [7. С. 377]. Вышесказанное означает, что искомые типологии, вероятнее всего, будут складываться из анализа совокупности биографических сведений о личности, а также из социальных и индивидуально-психологических составляющих.

Если сложить всю совокупность социальных характеристик личности, таких как семейное происхождение, образование, профессия, уровень дохода, место проживания и т.д., то достаточно четко прослеживается вывод о наличии такого понятия, как «социальная страта». Действительно, если взять для

сравнения двух людей, принадлежащих к одному психологическому типу (гипертим), один из которых вырос в благополучной семье в городе, а другой – без отца в селе, то при всей схожести поведения будет обнаружено, что «городской» вариант гипертима будет более социализирован, мобильным, менее консервативным. Другой пример касается материальных условий жизни: выросший в семье с высокими доходами эпилептоид будет более расточителен, чем тот, который вырос в семье, едва сводившей концы с концами. Аналогичные различия обнаруживаются между представителями разных профессий и т.д. Вместе с тем сказать однозначно, какой критерий является определяющим в стратификации, нельзя – это не всегда только профессия, условия жизни, доходы, влияние, проживание. Проблема социальной стратификации всегда сводилась к отсутствию ведущего критерия, заложенного в основу градации, и в разное время отдельными исследователями предлагались конкретные варианты, в частности, по К. Марксу, в основе социальной стратификации лежало разделение труда, в свою очередь М. Вебер исходил из группы критериев, состоящих из распределения экономических благ, престижа статусных групп и распределения власти.

Попытки поиска критерия или группы критериев позволяют прийти к пониманию, что они должны располагаться на стыке профессии, проживания и знакомств обвиняемого. Критерий образованности в большей степени влияет на социализацию и дает выход на связь с влиятельными людьми, поэтому на социальную страту влияет не образованность, а профессиональная деятельность, которая в свою очередь влияет на разновидность и объемы доходов, поскольку является их источником. Вторым важным идентифицирующим признаком являются условия проживания: не только с позиции инфраструктуры, социального окружения (соседи), но и престижа района и здания, в котором проживает человек. Третий признак – социальные связи человека. Нередко социальная страта человека повышается за счет «удачного» брака, т.е. брака с влиятельным человеком. Таким образом, три признака являются ведущими: где живет, кем работает и с кем связан обвиняемый.

Вместе с тем на сегодняшний день результаты исследований по данному вопросу пока позволяют заключить, что «работающая» типология страт не может обойти попытку формализации политического, экономического и культурного пространств [8. С. 13], но на сегодняшний день подобная типология, которая была бы столь отработанной и действенной как типология акцентуаций, пусть и применительно к российскому обществу, все еще не разработана. Резюмируя вышесказанное, рассмотрим основные проблемы, которые могут возникнуть при разработке типологии страт в российском обществе, и варианты решения этих проблем.

1. Дефицит источников информации о социальных стратах – проведение опросов через социальные сети на тему принадлежности к различным социальным группам; изучение потребительских предпочтений

различных слоев населения; изучение групп людей по критериям образования, профессии, доходов и условий проживания.

2. Определение четких границ между социальными стратами – учет стажа профессиональной деятельности; введение показателя оседлости в том или ином месте проживания; изучение профессии и условий проживания близких родственников.

3. Выделение идентифицирующих признаков социальных страт – наивысший приоритет должен быть отдан профессии (высокая страта – высокая должность в государственной, военной, муниципальной службе или медийная известность), проживанию (высокая страта – элитное жилье в престижном районе, как правило в административном центре населенного пункта) и наличию влиятельных близких родственников и близких лиц (занимающих высокую социальную страту).

4. Исключительные случаи в социальных стратах – отдельные исследования связи ряда профессий с социальными стратами: профессии в сферах IT (высоких технологий), духовенства, добычи полезных ископаемых, а также профессий, которые сами по себе не обеспечивают высокую социальную страту (репетитор, водитель, садовник, охранник и другие у людей высокой социальной страты); отдельные исследования условий проживания людей из престижных и благополучных районов, граничащих с гетто; отдельные исследования степени влияния высоких социальных страт близких родственников и близких лиц на обвиняемого.

5. Политкорректность выделения социальных страт – игнорирование феномена политкорректности в научных исследованиях; засекречивание и изъятие из открытого доступа проводимых по данному вопросу исследований; отказ от публикации настоящих исследований в открытых источниках; использование вербальных инструментов шифрования.

Вполне возможно, что импульсом для развития типологии социальных страт применительно к российскому обществу может послужить использование различных баз данных, а методика сбора и анализа подобных сведений может быть заимствована в адаптированном виде из технологии таргетирования, лежащего в основе механизма функционирования контекстной рекламы, широко применяющейся в коммерческой сфере в настоящее время.

Следующая типология, которая может быть положена в основу трехконтурной модели личности обвиняемого, основана на психологических установках личности, тесно связанных с механизмами психической защиты. Результаты современных научных исследований [9. С. 58] наглядно демонстрируют взаимосвязь механизмов психической защиты с акцентуацией и биографическими сведениями о личности. Несмотря на отсутствие на сегодняшний день общепризнанного единого и непротиворечивого списка основных механизмов психической защиты, имеет смысл обратиться к предложенной в начале XXI в. научно обоснованной попытке систематизировать весь массив механизмов психической защиты в виде сбалансированного и целостного перечня [10. С. 27].

Можно с уверенностью сказать, что человек склонен организовывать свою жизнь, повинаясь слабо осознаваемым установкам, в совокупности формирующим его мотивацию. В науке существует понятие *modus vivendi* (или образ жизни), и если проанализировать выбор, который сделал человек на ключевых этапах своей жизни, то с высокой степенью вероятности можно отследить вектор всех его мотивов, их ключевой смысл или, говоря иначе, ответить на вопрос о том, зачем он все это делал. Как в и предыдущем случае, когда обнаруживалась разница между представителями одних акцентуированных типов из разных социальных страт, в рассматриваемом контексте аналогично – представители одних акцентуированных типов имеют разные жизненные кредо, установки, цели и мотивы, и было бы ошибочно считать, что, к примеру, все без исключения застревающие или шизоиды имеют одинаковые цели, ценности, мотивы и ориентации, поскольку и те и другие могут встречаться среди врачей, военнослужащих, школьных учителей, поваров и преступников.

Рассмотрим, как механизмы психической защиты могут проявлять себя в *modus vivendi* – образе жизни обвиняемого и как они формируют у него индивидуально-психологическую установку. Тактико-криминалистический анализ форм проявления установок обвиняемого показал их связь со следующими механизмами психической защиты:

1. Генерализация – ярко выраженные амбиции, готовность к резким переменам, слабая привязанность к привычному кругу общения, эгоцентризм, стремление к господству, известности и первенству в определенной сфере деятельности, жажда признания.

2. Перенос – высокая социальная мобильность, стремление занимать доминирующие позиции в новых коллективах, участие в общественной жизни.

3. Сублимация – волонтерство, вовлеченность в общественную жизнь, участие в социальных проектах.

4. Рационализация – высокая социальная мобильность, невыраженные амбиции, стремление к совершенствованию как в основной, так и в других сферах деятельности, заметное разбрасывание в делах.

5. Проекция – высокая социальная мобильность, высокая активность в прежнем коллективе, желание признания среди окружающих, развитие в рамках основного рода деятельности.

6. Отрицание – низкая социальная мобильность, основной род деятельности сохраняется длительное время, круг общения не меняется, амбиции отсутствуют, желание создавать привычки во всех сферах жизни, замкнутость, отключение от участия в общественной жизни.

7. Забывание – хаотичность в выборе мест проживания, учебы и работы, большое количество случайных знакомств, нередко смена места учебы и работы, не доведение дел до конца, переключаемость на разные виды деятельности, вовлеченность в общественную жизнь.

8. Регрессия – выраженная привязанность к определенному кругу значимых людей в выборе места проживания, учебы и работы, консервативность в вы-

боре рода деятельности, ориентация на мнение окружающих, осторожность в смене.

9. Вытеснение – готовность менять круг общения, выраженные амбиции, движение по карьерной лестнице поступательное, автономность и независимость при выборе места проживания, учебы и работы.

10. Интроекция – низкая социальная мобильность, консервативность, сохранение прежних контактов, мест проживания, учебы и работы.

Таким образом, при доминировании одного механизма психической защиты формируется установка, когда все поступки и выбор, который делает обвиняемый на протяжении всей своей жизни, имеют один общий вектор, которому подчиняется весь его образ жизни и которым объясняется мотивация всего того, что он совершал, совершает и будет совершать. Следовательно, во время процесса расследования, как до идентификации и поимки, так и после, когда будет производиться процесс планирования проведения следственных действий с участием обвиняемого, становится возможным учет и прогнозирование его поведения, подбор тактики установления психологического контакта и правомерного воздействия на него.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Акцентуированный тип обусловлен прежде всего генетически, обвиняемый обретает его с рождения. Он детерминирует форму адаптации в окружающей среде и в обществе.

2. Биологические параметры личности обвиняемого имеют тесную взаимосвязь с акцентуацией характера, которая, в свою очередь, в лучшей степени проявляет себя на этапе непосредственного проведения следственных действий, включая их повторное проведение, определяя эффективность методов психологического воздействия.

3. Стратификационная принадлежность обусловлена социумом, обвиняемый в процессе взросления социализируется и приобретает доступ к определенным социальным кластерам, которые в сумме характеризуют его стратификационную принадлежность, определяют социальные связи и личностный потенциал.

4. Социальные характеристики личности обвиняемого имеют тесную взаимосвязь с социальной стратой, к которой он принадлежит и которая, в свою очередь, в лучшей степени проявляет себя на подготовительных этапах к следственным действиям, определяя круг источников информации о нем.

5. Психологическая установка обусловлена адаптацией в процессе взросления, тесно связана с механизмами психической защиты, а также является источником мотивации всех поступков, решений и выбора на протяжении всей жизни.

6. Индивидуально-психологические особенности личности имеют тесную взаимосвязь с психологической установкой и механизмами психической защиты, в лучшей степени проявляющиеся на начальном этапе проведения следственного действия, и определяют, в частности, специфику установления психологического контакта при первом допросе.

Несмотря на то что деление всех биографических сведений о личности обвиняемого является достаточно условным, в равной степени как и применение трех типологий на уровне модели личности обвиняемого, использование как минимум такого количества типологий представляется обоснованным на первоначальном этапе исследований. Безусловно, не исключается разумность использо-

вания других типологий, и в большем количестве, однако этот вопрос выходит за рамки настоящей работы. И хотя типология психологических установок имеет некоторые черты, обеспечивающие ее потенциалом на формализацию, с типологией социальных страт дела обстоят куда сложнее, и именно здесь находятся перспективы дальнейших научных исследований и разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Полноструктурная модель механизма отражения личности в следах преступления // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 97–103.
2. Хьелл П., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб. : Питер, 2008. 607 с.
3. Алексеева Т.А. Криминалистическая структура устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 167–170.
4. Скоревич А.С., Фоминых И.С., Ахмедшин Р.Л. О взаимосвязи между особенностями папиллярного узора и психологическими свойствами личности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 178–186.
5. Юань В.Л. Тактика допроса обвиняемого лица параноидной акцентуации. Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул : Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2018. 114 с.
6. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2019. Т. 3. 250 с.
7. Жилина Е.В. Генотипические и средовые детерминанты акцентуаций характера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 369–377.
8. Гонашвили А.С. Социальная стратификация российского общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 1. С. 13–16.
9. Кухмистерова Е.А. Проявление механизмов психологической защиты в автобиографической памяти личности. Защитная система личности и стресс / под ред. Е.В. Куфтяк. М. : Мир науки, 2017. 158 с.
10. Ахмедшин Р.Л. Юридическая психология : курс лекций. Томск : Эль-контент, 2011. 228 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 ноября 2020 г.

Prospects for Using a Typological Approach in the Theory and Practice of Personality Modeling: Forensic and Criminal Procedural Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 234–238.

DOI: 10.17223/15617793/460/28

Nikolay T. Vedernikov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Vladimir L. Yuan, West-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: it-rigon@mail.ru

Keywords: personality of the accused; investigative actions; interrogation; biographical method.

The article reveals a complex of problems of using the method of biographical analysis in studies of the personality of the accused. The range of problems involves criminal, criminal procedure, tactical and criminalistic aspects. The object of the research was the prospects for using the typological approach in the theory and practice of forensic modeling of personality. The study is based on the following general scientific methods: analysis, synthesis, system-structural. The study also employs the following specific scientific methods: biographical analysis, statistical analysis, expert assessment. The following conclusions are made in the article. The accentuated type is determined primarily genetically, the accused acquires it from birth. The type determines the form of adaptation in the environment and in society. The biological parameters of the personality of the accused are closely related to the character accentuation. The latter best manifests itself at the stage of direct investigative actions, including their repeated conduct, and determines the effectiveness of methods of psychological influence. The stratum the accused belongs to is determined by society: growing up, the accused socializes and gains access to certain social clusters, which in total characterize the stratum and determine the social connections and personal potential of the accused. The social characteristics of the personality of the accused are closely related to the social stratum the accused belongs to. The stratum best manifests itself at the preparatory stages of investigative actions and determines the range of sources of information about the accused. The psychological attitude is due to adaptation in the process of growing up; it is closely related to the mechanisms of mental defense and is a source of motivation for all actions, decisions and choices throughout life. Individual psychological personality traits are closely related to the psychological attitude and mechanisms of mental defense. They best manifest themselves at the initial stage of the investigative action and determine the specifics of establishing psychological contact during the first interrogation. Despite the fact that the division of all biographical information about the personality of the accused is rather conditional and the use of three typologies at the level of the model of the personality of the accused is equally conditional, the use of at least this number of typologies seems reasonable at the initial stage of research at this level.

REFERENCES

1. Alekseeva, T.A., Akhmedshin, R.L. & Yuan, V.L. (2015) A Full-Structured Model of the Personality Reflection Mechanism in the Traces of a Crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 97–103. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/31
2. Hjelle, L.L. & Ziegler, D.J. (2008) *Teorii lichnosti* [Personality Theories]. Translated from English. 3rd ed. St. Petersburg: Piter.
3. Alekseeva, T.A. (2014) The Criminalistic Structure of Oral Speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 167–170. (In Russian).
4. Skorevich, A.S., Fominykh, I.S. & Akhmedshin, R.L. (2016) On the Correlation Between the Properties of Fingerprints and Psychological Features of a Person. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 409. pp. 178–186. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/409/30
5. Yuan, V.L. (2018) [Tactics of interrogation of the accused person of paranoid accentuation]. *Materialy kriminalisticheskikh chteniy* [Proceedings of Criminalistic Readings]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

6. Vedernikov, N.T. (2019) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
7. Zhilina, E.V. (2008) Genotipicheskie i sredovye determinanty aktsentatsiy kharaktera [Genotypic and environmental determinants of character accentuations]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 60. pp. 369–377.
8. Gonashvili, A.S. (2015) The social stratification of the Russian society. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 1. pp. 13–16. (In Russian).
9. Kukhmisterova, E.A. (2017) Proyavlenie mekhanizmov psikhologicheskoy zashchity v avtobiograficheskoy pamyati lichnosti [The manifestation of the mechanisms of psychological defense in the autobiographical memory of the individual]. In: Kuftyak, E.V. (ed.) *Zashchitnaya sistema lichnosti i stress* [Individual's defense system and stress]. Moscow: Mir nauki.
10. Akhmedshin, R.L. (2011) *Yuridicheskaya psikhologiya: kurs lektsiy* [Legal psychology: a course of lectures]. Tomsk: El'-kontent.

Received: 20 November 2020

В.И. Елинский, Р.В. Федоров, Р.М. Жиров

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ТЕРМИНОВ (ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Целью работы является изучение проблемы формирования языка оперативно-розыскной деятельности с позиции развития ее терминосистемы (в диахроническом аспекте, с анализом лексико-семантических связей). Используются описательный, историко-сопоставительный, этимологический и контекстуальный методы, а также элементы словообразовательного анализа. Делается попытка выявить факторы, которые послужили появлению, закреплению и развитию в языке оперативно-розыскной деятельности того или иного термина.

Ключевые слова: язык науки; оперативно-розыскная деятельность; терминология; исторический подход; сыск.

В последнее время в оперативно-розыскной литературе все большее внимание уделяется проблемам языка оперативно-розыскной науки как особого функционального стиля и особого разряда языковых средств. Это связано с появлением значительного числа открытых исследований по теории оперативно-розыскной деятельности, что нередко сопровождается употреблением терминов, которым придается разное содержание. Использование литературы по оперативно-розыскной деятельности на иностранном языке для целей правильного перевода обуславливает необходимость знания семантики терминов, имеющих иностранное происхождение. Проблема соблюдения прав и свобод граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в современный период приобретает особое звучание и требует адекватного отражения в законах и подзаконных актах норм с точно определенным объемом содержания.

Необходимо отметить, что юридическая лексика в диахроническом аспекте неоднократно привлекала внимание юристов и лингвистов. Так, ей посвящены докторская диссертация М.А. Брицына «Юридическая терминология восточнославянской письменности до XV века» (1967 г.), кандидатские диссертации Е.Ф. Мишиной «Юридическая лексика Судебников XV–XVI веков» (1963 г.), Р.И. Паисевой «Лексико-семантическая и словообразовательная структура современной русской юридической терминосистемы» (1985 г.). Но проблемы языка теории оперативно-розыскной деятельности с позиции развития ее терминосистемы (в диахроническом аспекте, с анализом лексико-семантических связей) до настоящего времени учеными, занимающимися оперативно-розыскной деятельностью (в данной работе термины «оперативно-розыскная деятельность» и «уголовный сыск», соответственно, и производные от них представляются как близкие по содержанию), не исследовались.

Отобранный материал анализировался с использованием *описательного метода* (подбор, описание и систематизация языкового материала); *историко-сопоставительного*, позволившего проследить семантическое развитие слов-терминов уголовного сыска, определить источник заимствований исследуемой лексемы; *контекстуального метода*, основанного на «вчитывании» в текст, сопоставлении однородных текстов; *элементов словообразовательного анализа*; *этимологического метода*, помогающего глубже по-

нять семантическое развитие слов, определить источник заимствования исследуемой сферы.

Исследованию подверглись термины «агент», «резидент», «источник», «осведомитель», «вербовать», «конфиденциальный», «доверенное лицо», «разведчик» и некоторые производные от них.

В связи с анализом семантики слова «агент» [1. С. 147–149; 2. С. 68, 233] (лат. *agere* – действовать, двигать, править, управлять) небезынтересно будет привести следующую историческую справку. В 1555 г. в Лондоне образовалась компания для торговли с Московией. «Во главе компании... было поставлено правление...» На общих собраниях компании «в Россию назначались для непосредственного надзора и направления дел особые агенты, по одному в крупные центры торговли: Москву, Вологду и Ярославль. Они надзирали за факторами и слугами, распоряжались торговыми операциями и сносились с русским правительством, получая инструкции из Англии, но часто действуя самостоятельно» [3. С. 733–734]. И вполне естественно, что при общении английских торговых людей с русскими «на Московии» не могло не употребляться слово «агент» (при упоминании лиц, ответственных за все торговые сделки в городах Российского государства).

Можно предположить, что это слово входило в русскую речь в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в. Хотя впервые регистрируется в последней четверти XVI в. в Жалованной грамоте царя Федора Ивановича, данной английским купцам, в значении «торговый представитель иностранной фирмы». Ср.: «Пожаловали есмя англицкие земли купцов: сэр Роуланда Ховарда... Ульяна Тронбура агента с товарищами... ходити им на кораблях в свое государство в Двинскую землю со всякими товарами» [4. С. 142].

В начале XVIII в. появляется составное именование «агент коммерции»: «Помянутый комисар учинен и обещал и е. цар. вел-во при выходе с Москвы извожал и в Новгород и во Псков к шведским агентам коммерции писал» [5. С. 84].

Слово «агент» употреблялось и в смысле представитель властей, должностное лицо, выполняющее определенные обязанности: «хочу ли я в его кесарского величества службе агентомъ служит» [6. С. 161].

Слово «агент» фиксируют лексикографические справочники с 80-х гг. XVIII в. Ср.: Словарь Нордстеда 1780 г.: «Агент» [7], Лексикон В. Татищева 1793 г.:

«Агент, франц., значит исправляющий дело: есть служитель от г-ря или общенародия определенный в другое государство для наблюдения дел, касающихся его отечества и для переписки» [8. С. 9]. В толковом словаре Яновского 1803 г. [9. С. 31]: «Агент (фр.) – пекущийся о делах государя, республики, нации какой или общества, и есть 1) находящийся вне области по службе, в коей он привязан, но имеет пребывание свое при иностранном дворе: он не пользуется правами ни послов, ни посланников, есть степень ниже поверенного в делах, но выше фактора и принадлежит к корпусу дипломатическому. 2) Находящийся внутри государства или области и значит просто уполномоченный к какому-либо делу. 3) У частных людей значит приказчика, поверенного, стряпчего».

Подобный подход к толкованию слова «агент» приводится в Словаре Толля 1863 г. [10. С. 4], в котором указывается его латинское происхождение, отмечается широкое применение в деловой сфере. Словарь Академии 1891 г. [11. С. 11] называет уже немецкий источник.

Изучение современных словарей показывает, что в БСЭ 1949 г. [12] понятие слова «агент» отсутствует. Два основных значения дает Словарь современного русского языка [13]: «1. Агент. Представитель государства, организации, учреждения и т.п., выполняющий различные поручения, задания. Дипломатический агент. Торговый агент. Страховой агент. Агент по подписке на журналы. 2. Секретный сотрудник разведки какого-либо государства, направляемый для организации и проведения разведок с диверсионной целью; шпион».

Рассматривая этимологию слова «агент» в русском языке, следует принять во внимание, что если слово «агент» впервые регистрируется в документах сношений России с Англией (1584 г.), то можно предположить, что оно впервые пришло письменным путем из английского языка (усвоение его русскими было поддержано также живой речью англичан, общавшихся с русскими со второй половины XVI в.) [14. С. 296].

Понятие «агент» применительно к иностранцу, привлекаемому к сотрудничеству с русской разведкой, появляется в начале XIX в. «Крайняя осмотренность, которая проявляется жителями Герцогства (Варшавского княжества) по отношению к путешественникам, создает для нас большие трудности по заведению агентов и шпионов, способных принести пользу», – докладывал один из активных организаторов русской разведки на западной границе маркиз де Лезер военному министру генералу Барклаю-де-Толли 6 декабря 1811 г., «препровождая известия из Польши» [15. С. 32].

Сбор разведывательной информации имел свою специфику – он должен был производиться тайно, скрытно, негласно. Прилагательное «негласный» в значении «безмолвный, тихий, не обнаруживающий, не проявляющий себя ни в чем» известно было в русском языке уже в XIII в. [16. С. 39].

Отсюда агенты, которые (в отличие от гласных, официальных агентов – дипломатических) осуществляли разведывательную деятельность исключительно

тайно, скрытно, неофициально, негласно, назывались «негласными», «тайными агентами».

Определение «негласный агент» прочно входит в оперативно-розыскной лексикон конца XIX в. Согласно «Отчету в расходовании сумм, ассигнованных по параграфу 6 Главного штаба (на известное Его Императорскому Величеству употребление)» за 1900 г., на содержание негласного агента в Пруссии было потрачено 2 250 рублей в год [17. Л. 83]. Термин «тайный агент» также встречается в отчетных документах разведывательных органов до 1907 г. «для сбора сведений...», применялась в том числе «командировка за границу тайных агентов штаба округа» [18. Л. 210].

В начале XX в. к категории негласных агентов были отнесены подданные России в государственных и негосударственных учреждениях за рубежом или проживающие за границей как частные лица. Под № 20 начиная с 1910 г. проходил негласный агент Ладыгин, коммерческий агент на Китайско-Восточной железной дороге [19. Л. 168].

Негласные агенты в зависимости от своего назначения подразделялись на различные категории: агенты первого и второго разрядов [20. Л. 52], главные [21. Л. 88] и второстепенные [21. Л. 86], агент-резидент, помощник агента-резидента, подвижные агенты наблюдения, агент-почтальон, запасной агент [21. Л. 100], агент-вербовщик [22. Л. 245], агент-осведомитель.

Негласные агенты сводились в агентурную сеть. В то же время совокупность негласных агентов называлась «агентурой», которая подразделялась на внутреннюю и внешнюю. «Главным орудием разведки как в мирное, так и в военное время должна служить правильно и систематично организованная агентурная сеть» [21. Л. 192].

Прилагательные «негласный», «тайный» применяются не только в словосочетании с существительным «агент» и производными от него, но и с другими существительными, придавая им сразу специфический смысл. Среди таких терминов – «негласная, тайная разведка» [23. Л. 57], «негласные расходы» [23. Л. 49], «негласные сведения» [24. Л. 205].

В дальнейшем во время Первой мировой войны отходят от практики именования агентов «негласными». Значение термина «негласный» переносится на слово «агент» и производные от него, например, «агентурные сведения», т.е. сведения, добытые агентурным путем, негласно, тайно.

В ряде официальных документов времен Первой мировой войны 1914–1918 гг. агенты назывались «источниками», когда речь шла о лицах, добывающих разведывательную информацию [25. Л. 298].

Слово «источник» в переносном значении – «то, из чего берется, черпается что-либо» – было известно уже в 1073 г. из «Изборника князя Святослава Ярославича» [26. С. 332]. Однако в значении «лицо, дающее какие-либо сведения, осведомляющее о чем-либо» слово «источник» начинает употребляться только в XX в. [27. С. 556].

Накануне Первой мировой войны появляется и такая категория агентов, как агенты-вербовщики. В го-

ды войны это чаще всего просто вербовщики, иногда даже главные вербовщики. «Их назначение, – указывалось в документе, датированном 1908 г., – вербовать агентов преимущественно среди офицеров, попавших в затруднительное материальное положение, добывать секретные документы...» [28. Л. 245]. Агенты-вербовщики, по мнению составителей документа, «должны были комплектоваться из интеллигентных людей, по возможности из высшего сословия».

«Вербовщик» происходит от глагола «вербовать», пришедшего в русский язык из немецкого (*werven*) или польского (*werbowac*) языков в значении «нанять на военную службу». «Имеют они (шведы) соизволение, дабы всякой капитан на свой корабль вербовать солдат», – встречается в «Письмах и бумагах Императора Петра Великого» реляция, датированная 1704 г. [29. С. 37]. «Вербовщик, наборщик солдат» – дает «Полный французский и российский лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на русский язык переведенный Собранием ученых людей» в 1786 г. Наряду со словом «вербовщик» в XVIII в. встречаются и термины вербователь, вербовальщик в том же значении.

Во время Первой мировой войны впервые употребляется и такой термин применительно к категориям агентов, как «агент-осведомитель». Термин «агент-осведомитель» используется в официальных документах очень редко и не закрепляется в оперативно-розыскной терминологии [30. С. 63].

Термин «осведомитель» в значении «лицо, которое осведомляет, доставляет кому-нибудь нужные сведения» происходит от глагола «осведомить». Сам глагол «осведомить» (от глагола «ведать») впервые появляется в русском языке в значении «сообщить сведения, дать знать» в XVII в. «Прикажи стряпчему своему о том деле осведомить ево», – встречаем в «Грамотках XVII – начала XVIII века» [29. С. 78]. Однако только в начале XX в. «осведомитель» становится оперативно-розыскным термином и притом в сочетании со словом «агент». В одном из докладов Разведывательного делопроизводства ГУГШ от 23 августа 1917 г. говорится о необходимости «возможно полной осведомленности о делах Дальнего Востока... На основании изложенного полагалось бы желательным согласившись на условия г. Польванова, – указывалось в докладе, – принять его услуги в качестве агента-осведомителя...» [31. Л. 10].

Термин «секретный сотрудник» в значении «агент», введенный в оперативно-розыскную терминологию в 1920-е гг., состоит из двух слов, известных в русском языке задолго до XX в. Слово «сотрудник» – «сотоварищ в труде, в упражнении каком» (в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» 1822 г.) – зафиксировано в русском языке еще в XIII в. В «Житии св. Савы освященного, составленном святым Кириллом Скифопольским» встречаем: «В неже время прииде в Лавру муж просвещен, родом арменин, именем Иеремиа, имый с собою два ученика подобна и сотрудника, Петр и Павел наричема...» [32. С. 97].

Слово «секретный» – «являющийся секретом, не подлежащий оглашению, который держится в секре-

те, неизвестен другим» – отмечено в «Русском с немецким и французским переводами словаре, сочиненном Иваном Нордстетом» в 1782 г. – является синонимом слова «негласный».

Начиная с 1703 г. в русском языке появляется слово «конфиденция» (от лат. *confidentia* – доверие) [33. С. 315], а в 1718 г. производное от этого слова – «конфиденциальный» в значении «откровенный, по особой доверенности, неоглашаемый, задушевный». В начале XVIII в. от французского «*confident*» в русский язык приходит слово «конфидент» в значении «доверенное лицо, человек, которому доверяют всякие секреты, тайны». 16 апреля 1708 г. Е.И. Украинцев, посланник в Польшу, писал «министрам из Ярославля: «...и гетман бы Мазепа войска казацкого часть на страх конфидентам шведским, яко то Любомирским и Потоцким... конечно же прислал» [34. С. 778]. Во время Семилетней войны (1756–1762 гг.) «лица, состоявшие при нашей армии и занимавшиеся тайным сбором сведений о противнике» назывались конфидентами. В реляции П.С. Салтыкова императрице Елизавете о передвижениях австрийских и прусских войск от 22 августа 1759 г. встречаем: «...ибо по известиям из Познани гласится, что генерал Цитен от армии принца Генриха с 10–12 тысячами... будто к Познани маршировать имеет место, куда я для разведывания нарочного конфидента послал и ожидать имею известия» [35. С. 131].

Однако после окончания Семилетней войны слово «конфидент» исчезает из оперативно-розыскного лексикона (сохраняется же синоним этого слова – «доверенное лицо»). По В. Далю, доверенный (от глагола «доверять» – «вверять кому-либо себя, свои тайны, свои дела, полагаться на кого-либо вполне») – это человек, пользующийся чьим-либо доверием [36. С. 449]. Производным от глагола «доверять» явилось и определение доверительный в значении «не подлежащий оглашению», – определение, которое закрепляется в оперативно-розыскной терминологии значительно позже в сочетании доверительные отношения.

Понятие «доверенное лицо» достаточно редко, но все-таки продолжает употребляться в официальных документах в значении агент. Так, «Основными положениями для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов» от 7 ноября 1912 г. предписывается следующее: «При выполнении плана организации сети внутренней агентуры необходимо путем всестороннего обследования личного состава тех учреждений, в коих предложено насадить агента, наметить могущих быть использованными лиц; в случае же невозможности завести агентуру среди наличного состава намеченных учреждений, необходимо настойчиво проводить в число служащих этого учреждения своих доверенных лиц» [21. Л. 90].

В отличие от «конфидента» другое иностранное слово – «резидент» – постепенно с XVIII в. утвердилось в русском языке.

Резидент. В памятниках русской письменности слово «резидент» находим с 30-х гг. XVII в. в значении торговый представитель, постоянно проживающий в иностранном государстве: а) «Ваше цар. вел-во на те 5 грамот, которые нашего королевина вел-ва

резидент Петр Крузбиорн вашему цар. вел-ву подал, ответ учинили»; б) «И мы, в. г-рь наше цар. в-во, по ее королевину прошенью позволили резиденту ее в нашем Московском государстве у всяких людей селитру купити поволною торговлею» [37. С. 698].

С 30-х гг. XVII в. слово «резидент» употребляется в значении «постоянный дипломатический представитель»: «А сказывают, что писал курфиста Саскова резидент Маровиць которой у него был в войску курфиста Брандербургского что будто» [6. С. 168].

Принадлежность того или иного резидента стране или сюзерену (государю) уточнялась прилагательными: «цесарский резидент», «польский резидент», «английский резидент» и т.п.

В дипломатических памятниках резиденты Московского государства упоминаются с 60-х гг. XVII в. Ср.: «А та де грамотка была запечатана семью печатями, а подписана да было – отдать в Астрадаме московскому резиденту» [38. С. 657].

Таким образом, слово «резидент» в XVII в. служило обозначением торгового представителя, постоянно пребывающего в иностранном государстве, а в основном так называли постоянного дипломатического агента.

Для рассмотрения этимологии слова «резидент» обратимся к данным словарей русского языка XVIII–XX вв. В «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» (1704 г.) [39. С. 378] приводится слово «резидент», но без толкования (видимо, как уже известное, понятное). «Лексикон Вейсмана» (1731 г.) вслед за параллелями из немецкого и латинского языков указывает: «резидент, в нужном каком деле от государя своего отправленная особа» [40. С. 502]. Его отмечает и словарь Нордстета (1782 г.) [41. С. 711]. «Словарь Академии Российской» (1794 г.) дает развернутое определение и указание на «источник» заимствования: «Резидент, франц. Посланный от одного государя к другому для пребывания в его столице, для случающихся дел, имеющий меньшее право или доверие, нежели посланник» [42. С. 112]. В «Новом словотолкователе» Н. Яновского (1806 г.) находим то же, что и в «Словаре Академии Российской» (1794), с прибавлением: «...но большее чем агент» [9. С. 523]. Остальные словари XIX в. в основном содержат то же определение, что и словарь 1794 г.: «Словарь Академии Российской» (1822 г.); «Словарь Соколова» (1834 г.); «Словарь Татищева» (1832 г.); «Словарь» (1847 г.); «Словарь Даля». Таким образом, слово «резидент» в русском языке в XVIII–XIX вв. служило в основном для обозначения дипломатического представителя одного государства в другом.

«Словарь современного русского языка» (1961 г.) отмечает 4 значения: «Резидент. 1. В некоторых государствах – гражданин какой-либо страны, постоянно проживающий в данном государстве. 2. Дипломатический представитель одного государства в другом по рангу ниже посланника. 3. Представитель империалистического государства – метрополии в протекторате. 4. Тайный руководитель разведки одного государства, действующий в каком-либо определенном районе другого государства» [43].

Слово «резидент» приводится во всех современных словарях западноевропейских языков [44]. Про-

исхождение этого слова толкуется учеными по-разному. Так, составители «Словаря» (1794 г.) и В.И. Даль указывают французский источник. Тот же источник называют и авторы «Словаря современного русского литературного языка». Н. Смирнов считает это слово заимствованным из немецкого языка [45. С. 257], Ф.П. Сергеев – из шведского и датского языков [14. С. 305].

«Резидент» в значении «тайный агент», постоянно проживающий в иностранном государстве, причем именно в том его районе, который представляет интерес для разведки, начинает употребляться в оперативно-розыскной терминологии в начале XX в. и относится к иностранным гражданам. Более того, первоначально слово «резидент» встречается не изолированно, а в словосочетании шпион-резидент, лазутчик-резидент, агент-резидент, подчеркивая привязку шпиона, лазутчика, агента к определенной местности, населенному пункту [46. Л. 10].

В годы Первой мировой войны слово «резидент» встречается в документах (даже в одном и том же документе), относящихся к оперативно-розыскной деятельности, как в словосочетании агент-резидент, так и изолированно – резидент, хотя контекст использования обоих вариантов одинаков и остается тем же, что и ранее. «Насажение в настоящее время резидентов в Германии и Австро-Венгрии, – констатировалось в «Докладе по Главному управлению Генерального штаба, подготовленном Особым делопроизводством» от 18 сентября 1916 г., – представит, безусловно, значительные трудности, особенно в отношении связи с агентами, и едва ли можно рассчитывать на развитие широкой сети агентов-резидентов на территории центральных держав» [25. Л. 353].

К этому времени «резидентами» начинают называть и русских подданных, направляемых за границу с разведывательными целями по документам иностранных граждан. В начале января 1917 г. в Лондон и Париж из Петрограда выехал прапорщик А. Арбатский (прозвище Линде). В «целях командировки и обязанностях» значилось: «командируется в качестве резидента, под видом американского гражданина, ведущего торговые сношения с некоторыми фирмами...» [47. С. 131].

В 20-е гг. XX в. в оперативно-розыскной терминологии наряду со словом «резидент» появляется термин «резидентура» в значении «тайная организация, созданная для решения разведывательных задач». Резидентуры подразделяются на «резидентуры под прикрытием официальных представительств» и «незаконные резидентуры».

Разведывать. В конце XV – начале XVI в. вместо производных от слова «глядати» (разглядати, соглядати, подглядати) для определения процесса сбора разведывательной информации появляются производные от глагола «ведати»: доведыватися, проведывати, розведывати (разведывати) в значении «знать, иметь о чем-либо, о ком-либо сведения, весть, знание», разведывание (розведование) в значении «действовать по глаголу разведывать». «И посылати есмо того доведыватися, так ли это было», – встречаем в «Памятниках дипломатических сношений Москов-

ского государства с Польско-Литовским государством», относящихся к 1490 г. [48. С. 46].

В царском наказе Родиону Биркину, Петру Пивову, отправлявшимся в 1587 г. с посольством в Грузию, говорилось: «Да памят(ь) Родивону и Петру, будучи в Грузинской земле, проведывати им себе тайно: как ныне грузинский княз(ь) с Турским и Кизылбышским (Персидским)?..» [49. С. 27].

Перед отправлением Ивана Евпловича Замыцкого к шведскому королю с извещением о заключении мира в 1557 г. ему был дан наказ: «Да будучи Ивану у короля розведывати про то гораздо: как Густав Король с цысарем и с Датским королем и с Литовским королем и маистром Ливонским, в миру ли с теми и с иными государи порубежными, и с которыми государи о чем ссылка, и что бог даст, проведает, и то приехав сказати царю и великому князю» [48. С. 135].

«Иттить тебе с помянутым кораблем к дацкому флоту и, прибыв туды, разведать, возможно ли тебе от швецкого флота безопасно дойти до острова Дагеррорта», – гласил Указ Петра I, адресованный в 1714 г. капитану Вилимсону. «И я холоп твой, о том для разведывания подлинных вестей в Тамбовский уезд послал станицу» – докладывает в 1670 г. Алексею Михайловичу один из военачальников о ходе подавления крестьянского восстания под предводительством Степана Разина [50. С. 215].

Основной смысл производных от глагола «ведати» в значении «знать, иметь о чем-либо, о ком-либо сведения» значительно шире значений, передающихся производными от глагола «глядати» – «высмотреть, осмотреть, обозреть, наблюдать, следить». Возможно, поэтому и закрепляется в уголовно-сыскной терминологии корень глагола «ведать» (глагол «разведать», «разведывать» и производные от него существительные «разведывание», «разведка», «разведчик» и т.д.).

Появление производных от «разведывать» и их закрепление в специальной терминологии происходило постепенно. «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», изданный в 1806–1822 гг., приводит только слова «разведывать», «разведывание». Согласно словарю, «разведывать, разведать», – «чрез разные способы стараться узнать то, что неизвестно; доискиваться, допытываться, допрашиваться», разведывание – «старание узнать о чем-либо» [51. С. 818].

«Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. фиксирует новое слово «разведка» в сыском лексиконе – «действие разведывающего и разведывавшего». В словаре В. Даля 1862 г. закреплено появление еще одного производного от «разведать»: «разведчик» – «разведывающий что-либо, посланный на разведку; лазутчик, соглядатай, сыщик» [52. С. 21].

Развернутое определение понятия «разведка» впервые дает «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» за 1899 г. [53. С. 136].

Необычное и единственное в своем роде словосочетание – «негласный разведчик» – дал в 1901 г. военный агент России в Вене полковник генерального штаба В.Х. Рооп. В своих предложениях об организации военной разведки в Австро-Венгрии он исходил из того, что «все негласные разведчики (агенты) вы-

бираются в России и посылаются в Австро-Венгрию под чужими именами на постоянное место жительства» [54. Л. 205].

Подобное же «терминотворчество» наблюдается и в начале 1920-х гг. Например, «секретный разведчик», который также не закрепляется в оперативно-розыскной лексике. Так, согласно одному из образцов подписки, привлекаемый к сотрудничеству с военной разведкой в годы гражданской войны брал на себя следующие обязательства: «Я, нижеподписавшийся, добровольно, без всякого принуждения вступил в число секретных разведчиков Регистрационного отдела...» [55. Л. 54].

Изучение письменных источников, справочной литературы, нормативных актов периода X – начала XX в. с точки зрения историографии терминов оперативно-розыскной деятельности позволяет сделать следующие выводы:

1. Юридическую терминологию уголовного сыска на протяжении изучаемого периода отличает особая динамика изменений ее лексического состава. В целом происходит значительное увеличение количества специальных терминов, обусловленное развитием и расширением уголовно-сыского производства.

2. Большинство специальных обозначений рассматриваемой терминосистемы кодифицируются в языке законодательства, широко используются в различных нормативных актах.

3. В структурном отношении русская юридическая терминология уголовно-сыского производства формировалась как словами-терминами, так и терминированными словосочетаниями, состоящими преимущественно из двух, трех, реже – четырех и более компонентов («искать», «сыской приказ», «приказ сыских дел» и т.д.).

4. Некоторые слова приобретали свое «оперативно-розыскное» звучание со временем и в ряде случаев в определенном сочетании. Другие термины, наоборот, утратили свое первоначальное смысловое «оперативно-розыскное» наполнение.

5. В процессе формирования терминологии уголовного сыска в судебной системе отразились изменения, произошедшие в Российском государстве в XVII в., связанные с централизацией государственного аппарата, расширением сети центральных судебно-сыских учреждений (приказов), усилением розыскного начала и созданием специализированных органов.

6. Используемая терминология нередко имеет нечеткие, расплывчатые определения. Имеются случаи использования различных терминов для обозначения одного и того же действия, должностного лица (синонимия).

7. Юридическая терминология уголовно-сыского производства этого периода представляет собой активно формирующуюся функциональную систему языка, отразившую предметную деятельность. Происходит достаточно широкое заимствование слов из латыни и европейских языков.

8. Оперативно-розыскная терминосистема отражает характер существующих в тот или иной период правовых институтов государства, правовых отношений в оперативно-розыскной практике. Ее развитие

непосредственно связано с историей организационных форм оперативных аппаратов (уголовного сыска).

9. В процессе исследования формировавшейся в течение многих веков терминологической системы сферы оперативно-розыскной деятельности было установлено, что в ее составе выделяются два пласта: исконная терминосистема и заимствования. Словами русского происхождения представлена исконная терминосистема (искать, сыщик, сыск, молва, разведчик и др.), заим-

ствования – из латинского и других языков: «донос» – «denuntiatio» (лат.), «агент» – «agens» (лат.), «agent» (англ.), «резидент» – «residens» (лат.), «уполномоченный» – «plenipotencia» (лат.), «расписка» – «cedula», «schedula» (лат.), «уполномоченный» – «plenipotenciazins», «bevollmachtigter» (лат., нем.) и др.

10. В целом исследуемый период характеризуется зарождением языка уголовного сыска (оперативно-розыскной деятельности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Турецкий О.А. Из истории заимствованной лексики // Вестник ЛГУ. № 14. Серия истории, языка и литературы. 1966. Вып. 3. С. 147–149.
2. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX в. М.-Л., 1965. 565 с.
3. Любименко И.И. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 годы // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. VII серия. Л., 1933. № 10. С. 729–754.
4. Памятники дипломатических отношений Московского государства с Англией // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38. 493 с.
5. Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины Петр Первый к началу войны против Карла XII имел. 2-е изд. М., 1717. 128 с.
6. Вести-куранты. 1600–1639 гг. / под ред. С.И. Коткова. М. : Наука, 1972. 348 с.
7. Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. СПб., 1780. Ч. 1. 434 с.
8. Татищев С. Новый полный французско-русский словарь, современный нынешнему состоянию наук. М., 1832. Т. 1. 654 с.
9. Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно... Ч. 1. СПб., 1803. IV, 868 стб.
10. Толь Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (Справочный энциклопедический лексикон). Т. 1. СПб., 1863. 800, [4] с.
11. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской АН. СПб., 1891. Вып. 1. XIV с., 576 стб.
12. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1949.
13. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М.-Л. : АН СССР, 1950. XLII с., 768 стб.
14. Сергеев Ф.П. Формирование русской дипломатической терминологии (по данным памятников письменности XI–XVII вв.) : дис. ... д-ра. филол. наук. Кишинев, 1972. 997 с.
15. Отечественная война 1812 года. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Материалы Военно-ученого архива Главного Штаба. Т. VII. СПб., 1907. XIV, 342, XXXV с.
16. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1977. Вып. 4. 403 с.
17. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. Военно-ученого архива. Д. 1312.
18. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 661.
19. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5493.
20. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1759. Оп. 9. Д. 23.
21. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1004.
22. Российский государственный военный архив. Оп. 2. Д. 11.
23. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. Военно-ученого архива. Д. 78911.
24. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. Военно-ученого архива. Д. 1890.
25. Российский государственный военный архив. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 107.
26. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1979. Вып. 6. 361 с.
27. Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.-Л. : АН СССР, 1956. 1958 стб.
28. Российский государственный военный архив. Оп. 2.
29. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1987. Вып. 13. 289 с.
30. Алексеев М. Лексика русской разведки. М., 1996. 126 с.
31. Российский государственный военный архив. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 80.
32. Житие св. Савы освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе / изд. И. Поляковского. СПб., 1890. [8], CXLVI, 588 с.
33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. 576 с.
34. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1946. Т. VII, вып. 2. V, [641]–933, [3] с.
35. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота (1756–1762). М., 1948. 888 с.
36. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1998. Т. 1.
37. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб., 1897. Т. 16.
38. Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Дипломатические сношения с Империей Римскою. СПб., 1851. Т. 10. XXV с., 1620 стб.
39. Лексикон вокабулам новым по алфавиту // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1910. Т. 88.
40. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при имп. Академии наук печатанию издан. СПб., 1731.
41. Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. СПб., 1782. Ч. 2.
42. Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4.
43. Словарь современного русского литературного языка. Т. 12. М.-Л. : АН СССР, 1961. VI с., 1676 стб.
44. Молчанов К.В. Диалектическое изучение английского языка в свете труда «наука логики» Гегеля: новодиалектическое познание, диалектическое программирование и процессы мышления // Российский технологический журнал. 2019. Т. 7, № 2. С. 74–82. DOI: 10.32362/2500-316X-2019-7-2-74-82.
45. Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1910. Т. 88, № 2. 399 [4] с.
46. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 442.
47. Российский государственный военный архив. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 100.
48. Сборник Императорского Русского Исторического общества. СПб., 1892. Т. 35. 6, VI, XXII, 870 с., 116 стб.
49. Белокуров С. Сношения России с Кавказом. М. : Университ. тип., 1889. 715 с.

50. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. док. Т. 2, ч. 1. М., 1957. 665 с.
51. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. V. [2] с., 1142 стб.
52. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. IV. 684 с.
53. Энциклопедический словарь. Т. 26. СПб. : Изд. Брокгауза и Ефрона, 1899. 480 с.
54. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1890.
55. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 37967. Оп. 11. Д. 17.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 июля 2020 г.

The Origin of Certain Operational Search Terms (A Historical-Etymological Approach)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 239–246.

DOI: 10.17223/15617793/460/29

Valery I. Elinsky, Russian Technological University (MIREA) (Moscow, Russian Federation). E-mail: 20745@rambler.ru

Ruslan M. Zhironov, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation). E-mail: dzhir-ruslan@mail.ru

Roman V. Fedorov, Russian Technological University (MIREA) (Moscow, Russian Federation). E-mail: roman-fedorof@ya.ru

Keywords: language of science; operational-search activity; terminology; historical approach; detection (of criminals).

The aim of the research was to study the problem of the formation of the operational search language in the aspect of the development of its terminological system (in the diachronic aspect, with the analysis of lexical and semantic relations). The aim determined the choice of research methods and techniques. The selected material (more than 200 sources, including archival ones) was analyzed using a descriptive method (including the selection, description and systematization of language material); a comparative-historical method, which allowed tracing the semantic development of operational search terms, determining the source of borrowings of the analyzed words; a contextual method based on “reading” into the text and comparing homogeneous texts; elements of word-formation analysis; an etymological method, which helped to understand the semantic development of words more deeply, to determine the source of borrowings in the studied sphere. An attempt was made to identify factors that helped to consolidate a term in the language of operational-search activities. As a result of the research, the authors (1) identified and described the thematic groups of the analyzed operational search terms, characterized the systemic relations within these groups, and (2) determined the genetic sources of the key terms and ways of their semantic transformation in the operational search sphere. The authors also attempted to identify factors that led to the emergence, consolidation and development of a certain term in the operational search (criminal investigation) language. Etymological excursions in the consideration of certain terms were used as an additional way for a deeper understanding of their semantics and structure. The leading method in the study of this problem is the provision of philosophy that every phenomenon, including language, must be considered in its historical development. The theoretical significance and practical value of this work lies in its possible application in the further study of operational search language problems, in the solving of issues of selection and presentation of certain terms in operational search dictionaries, in the teaching of the Operational-Search Activities course.

REFERENCES

1. Turetskiy, O.A. (1966) Iz istorii zaimstvovannoy leksiki [From the history of borrowed vocabulary]. *Vestnik LGU. Seriya istorii, yazyka i literatury*. 14 (3). pp. 147–149.
2. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitiye slovnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX v.* [Development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.
3. Lyubimenko, I.I. (1933) Torgovye snosheniya Rossii s Angliyei i Gollandiyey s 1553 po 1649 gody [Trade relations of Russia with England and Holland from 1553 to 1649]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk. VII seriya*. 10. pp. 729–754.
4. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva*. (1883) Pamyatniki diplomaticheskikh otnosheniy Moskovskogo gosudarstva s Angliyei [Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and England]. 38.
5. Shafirov, P.P. (1717) *Rassuzhdenie, kakie zakonnye prichiny Petr Pervyy k nachatiyu vojny protiv Karla XII imel* [Reasoning on the legitimate reasons Peter the Great had for starting a war against Charles XII]. 2nd ed. Moscow: [s.n.].
6. Kotkov, S.I. (1972) *Vesti-kuranty. 1600–1639 gg.* [The Kuranty. 1600–1639]. Moscow: Nauka.
7. Nordstet, I. (1780) *Rossiyskiy s nemetskim i frantsuzskim perevodami slovar', sochinennyi nadvornym sovetnikom Ivanom Nordstetom* [Russian dictionary with German and French translations, composed by court councillor Ivan Nordstet]. Pt. 1. St. Petersburg: Izhdiveniem tipografshchika i knigoprodavtsa I. K. Shnora.
8. Tatishchev, S. (1832) *Novyy polnyy frantsuzsko-rossiyskiy slovar', sovremennyy nyneshnemu sostoyaniyu nauk* [New complete French-Russian dictionary, contemporary to the current state of sciences]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya Semena Selivanovskogo.
9. Yanovskiy, N. (1803) *Novyy slovolokvatel', raspolozhennyi po alfavitu, soderzhashchiy raznye v rossiyskom yazyke vstrechayushchiesya inostrannyye recheniya i tekhnicheskyye terminy, znachenie kotorykh ne vsyakomu izvestno* [New word-interpreter, arranged alphabetically, containing various foreign expressions and technical terms encountered in the Russian language, the meaning of which is not known to everyone]. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
10. Toll', F. (1863) *Nastol'nyy slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya (Spravochnyy entsiklopedicheskiy leksikon)* [Desktop dictionary for references on all branches of knowledge (Reference encyclopedic lexicon)]. Vol. 1. St. Petersburg: izdanie F. Tollya.
11. Second Division of the Imperial Academy of Sciences. (1891) *Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoy AN* [Dictionary of the Russian language, compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
12. Vavilov, S.I. et al. (eds) (1949–1958) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya.
13. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian standard language: in 17 volumes]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Sergeev, F.P. (1972) *Formirovaniye russkoy diplomaticheskoy terminologii (po dannym pamyatnikov pis'mennosti XI–XVII vv.)* [Formation of Russian diplomatic terminology (according to the written monuments of the 11th–17th centuries)]. Philology Dr. Diss. Chisinau.
15. Main Directorate of the General Staff. (1907) *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdeniy. Materialy Voенно-Uchenogo Arkhiva Glavnogo Shtaba* [Patriotic War of 1812. Correspondence of Russian government officials and institutions. Materials of the Military Scientific Archive of the General Staff]. Vol. VII. St. Petersburg: Berezhlivost'.

16. Barkhudarov, S.G. & Bogatova, G.A. (eds) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
17. Russian State Military Historical Archive. Fund of the Military Historical Archive. File 1312.
18. Russian State Military Historical Archive. Fund 2000. List 1. File 661.
19. Russian State Military Historical Archive. Fund 2000. List 1. File 5493.
20. Russian State Military Historical Archive. Fund 1759. List 9. File 23.
21. Russian State Military Historical Archive. Fund 2000. List 1. File 1004.
22. Russian State Military Archive. List 2. File 11.
23. Russian State Military Historical Archive. Fund of the Military Historical Archive. File 78911.
24. Russian State Military Historical Archive. Fund of the Military Historical Archive. File 1890.
25. Russian State Military Archive. Fund 37967. List 2. File 107.
26. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1979) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
27. Chernyshev, V.I. (ed.) (1956) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian standard language: in 17 volumes]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: USSR AS.
28. Russian State Military Archive. List 2.
29. Shmelev, D.N. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 13. Moscow: Nauka.
30. Alekseev, M. (1996) *Leksika russkoy razvedki* [Lexicon of Russian intelligence]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
31. Russian State Military Archive. Fund 37967. List 2. File 80.
32. Cyril of Scythopolis. (1890) *Zhitie sv. Savy osvyashchennogo, sostavlennoe sv. Kirillom Skifopol'skim v drevnerusskom perevode* [Life of consecrated St. Sava, compiled by Cyril of Scythopolis in Old Russian translation]. Translated from Old Greek. St. Petersburg: izd. I. Polyalovskogo.
33. Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Progress.
34. Peter the Great. (1946) *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Vol. 7. Is. 2 Moscow; Leningrad: USSR AS.
35. Korobkov, N.M. (ed.) (1948) *Semiletnyaya voyna. Materialy o deystviyakh russkoy armii i flota (1756–1762)* [The Seven-Year War. Materials about the actions of the Russian army and navy (1756–1762)]. Moscow: Voenizdat.
36. Dal', V. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Tsitadel'.
37. Shcherbachev, Yu.N. (1897) *Russkie akty Kopenhagenskogo gosudarstvennogo arkhiva, izvlechennyye Yu.N. Shcherbachevym* [Russian Acts of the Copenhagen State Archives, extracted by Yu.N. Shcherbachev]. Vol. 16. St. Petersburg: [s.n.].
38. Russian Empire. (1851) *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi. Diplomatische snosheniya s Imperiey Rimskoyu* [Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. Diplomatic relations with the Roman Empire]. Vol. 10. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
39. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk.* (1910) *Leksikon vokabulam novym po alfavitu* [Lexicon of new vocabulary in alphabetical order]. 88.
40. Imperial Academy of Sciences. (1731) *Nemetsko-latinskii i russkii leksikon kupno s pervymi nachalami russkogo yazyka k obshchey pol'ze pri imp. Akademii nauk pechatiyu izdan* [German-Latin and Russian lexicon combined with the first principles of the Russian language to the general benefit, published by the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
41. Nordstet, I. (1782) *Rossiyskiy s nemetskim i frantsuzskim perevodami slovar', sochinennyi nadvornym sovetnikom Ivanom Nordstetom* [Russian dictionary with German and French translations, composed by court councilor Ivan Nordstet]. Pt. 2. St. Petersburg: Izhdiveniem tipografshchika i knigoprodavtsa I. K. Shnora.
42. Imperial Academy of Sciences. (1793) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Pt. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
43. Chernyshev, V.I. (ed.) (1961) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian standard language: in 17 volumes]. Vol. 12. Moscow; Leningrad: USSR AS.
44. Molchanov, K.V. (2019) The Dialectic Study of the English Language in the Light of the Work “Science of Logic” by Hegel: New Dialectic Cognition, Dialectical Programming, and the Processes of Thinking. *Rossiyskiy tekhnologicheskii zhurnal – Russian Technological Journal.* 7 (2). pp. 74–82. (In Russian). DOI: 10.32362/2500-316X-2019-7-2-74-82
45. Smirnov, N.A. (1910) Zapadnoe vliyanie na russkiy yazyk v Petrovskuyu epokhu [Western influence on the Russian language in the Peter's era]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk.* 88 (2).
46. Russian State Military Historical Archive. Fund 2000. List 1. File 442.
47. Russian State Military Archive. Fund 37967. List 2. File 100.
48. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva.* (1892) 35.
49. Belokurov, S. (1889) *Snosheniya Rossii s Kavkazom* [Relations between Russia and the Caucasus]. Moscow: Universit. tip.
50. Shvetsova, E.A. (ed.) (1957) *Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom Stepana Razina : sb. dok.* [Peasant War led by Stepan Razin: Documents]. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: USSR AS.
51. Imperial Academy of Sciences. (1822) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi* [Dictionary of the Russian Academy, arranged alphabetically]. Pt. 5. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
52. Dal', V. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: GIIiNS.
53. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1899) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes]. Vol. 26. St. Petersburg: Izd. Brokgauza i Efrona.
54. Russian State Military Historical Archive. Fund 2000. List 1. File 1890.
55. Russian State Military Historical Archive. Fund 37967. List 11. File 17.

Received: 05 July 2020

Р.Ю. Колобов, Е.Д. Макрицкая, Я.Б. Дицевич, Д.В. Шорников

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ, НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОХРАНЫ ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00618 А.

Исследуются некоторые международно-правовые основы режима правовой охраны озера Байкал, раскрывается происхождение категории и этапы формирования представлений об «устойчивом развитии». Особое внимание уделяется основным идеям доклада «Наше общее будущее». Анализируется нормативное закрепление концепции устойчивого развития в ряде документов международного характера, а также в целях устойчивого развития. Отдельный блок исследования представляет критика концепции устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие; Байкал; международное право.

Одной из наиболее важных природоохранных категорий, сформировавшихся в международно-правовой доктрине, является устойчивое развитие. Практически все документы международного характера, посвященные эколого-правовой тематике, в той или иной мере апеллируют к этой концепции. Целью исследования является определение потенциала использования концепции устойчивого развития в целях усиления режима правовой охраны озера Байкал. Одним из наиболее перспективных направлений такого использования является тематика развития поселений, расположенных на Байкальской природной территории, в особенности в центральной экологической зоне Байкальской природной территории (далее – ЦЭЗ БПТ). В настоящем исследовании будет осуществлен комплексный анализ концепции устойчивого развития с последующей ее адаптацией к вопросу развития поселений в ЦЭЗ БПТ. Для достижения поставленной цели авторами выдвигается ряд исследовательских задач. Во-первых, проанализировать историю развития концепции устойчивого развития. Во-вторых, охарактеризовать особенности нормативно-правового закрепления рассматриваемой концепции. В-третьих, представить критику идеи устойчивого развития, рассмотренную отечественными и зарубежными исследователями. В-четвертых, сформулировать предложения об использовании концепции устойчивого развития в целях развития поселений ЦЭЗ БПТ.

Изучение истории развития концепции устойчивого развития показывает, что она прошла определенную эволюцию. В профильных исследованиях указывается, что иудейская и христианская теология сформировали представления о линейности времени, выраженной в прохождении человечеством различных этапов своего развития [1. Р. 84]. В эпоху Просвещения эти представления в секуляризованном виде выразились в идее прогресса, основанной на научном и техническом развитии [1. Р. 85]. Термин «устойчивость», по утверждению профессора Йакоба Дю Писани, был впервые использован в работе *Sylvicultura Oeconomica* в 1713 г. немцем Гансем Карлом фон Карловицем, который писал об устойчивом использовании лесных ресурсов, подразумевая

нахождение баланса между рубкой старых деревьев и сохранением молодых порослей [1. Р. 86].

В новейшей истории необходимость формулирования новых представлений о развитии традиционно связывается с взаимодействием двух направлений в развитии мира после Второй мировой войны. *С одной стороны*, это необходимость помощи развивающимся странам для ускорения их развития. Это направление оформилось как нормативно, так и институционально с созданием таких организаций, как Международная ассоциация развития и других структур Всемирного банка. *С другой стороны*, вторая половина XX в. была отмечена осознанием необходимости глобальной охраны природы. В своем изначальном понимании эти тенденции рассматривались как противоречивые. Приоритет экономического роста предполагает значительное влияние на состояние окружающей среды, особенно при увеличенных темпах роста. Однако забота об окружающей среде предполагает серьезные ограничения для развития промышленности, являвшейся во второй половине XX в. основой для экономического роста. В этих условиях происходит поиск синтезирующего начала, которое позволило бы не противопоставлять эти тенденции, а примирить их, установив, помимо прочего, и человеческое измерение. Одним из первых результатов этого поиска стала декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972 г.).

Как отмечается в литературе, в результате конференции начала формироваться концепция экологически безопасного развития (*environmentally sound development, ecodesvelopment*), представляющая собой подход к развитию, нацеленный на гармонизацию социальных и экономических целей с экологически безопасным менеджментом в духе солидарности с будущими поколениями [2. Р. 684]. Концепция экоразвития, как принято считать, была сформулирована Морисом Стронгом, занимавшим пост исполнительного директора Программы ООН по окружающей среде [1. Р. 119; 3. Р. 3]. Суть идеи экоразвития состояла в том, чтобы обеспечить устойчивую связь между населением и экосистемой, частью которой оно является. Причиной появления таких идей является утверждение, что всем

обществам придется искать баланс между численностью населения, с одной стороны, и стандартами проживания, которые эти ресурсы могут поддерживать, – с другой [4. Р. 119–120].

Словосочетание «устойчивое развитие», как подчеркивается в литературе [1. Р. 93; 2. Р. 684], начало появляться в начале 1980-х гг. Первым правовым документом, который использует это понятие, принято считать Всемирную стратегию охраны природы, разработанную Международным союзом охраны природы и природных ресурсов (МСОП) при поддержке Программы ООН по окружающей среде и Всемирного фонда дикой природы. В соответствии с п. 3 разд. 1, развитие определяется как изменение биосферы и использование человеческих, финансовых, живых и неживых ресурсов для удовлетворения человеческих нужд и улучшения качества человеческой жизни. Для того чтобы считаться устойчивым, развитие должно принимать во внимание социальные, экологические и экономические факторы, живую и неживую ресурсную базу, а также долгосрочные и краткосрочные преимущества и недостатки альтернативных действий.

В 1986 г. на конференции МСОП по охране природы и развитию отмечалось, что устойчивое развитие представляет собой новую развивающуюся парадигму, охватывающую пять сфер: интеграцию охраны природы и развития; удовлетворение основных человеческих потребностей, достижение равенства и социальной справедливости, обеспечение общественной самоопределенности и культурного разнообразия, поддержание экологической целостности [2. Р. 685–686].

В западной литературе 1980–1987 гг., как показали в своем обзоре Бекки Дж. Браун, Марк И.Х., отмечался недостаток определенности в признаках устойчивого развития [Р. С. 714]. Такая определенность начала формироваться в 1987 г. с появлением доклада Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития, обычно именуемого «Докладом Брунтланд», по имени председателя – Гро Харлем Брунтланд [6]. В нем впервые появляется рабочее понятие устойчивого развития, нашедшее впоследствии поддержку в политических, научных и общественных кругах. «Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем, чтобы оно отвечало потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности»¹ [6. С. 24].

Изучение доклада Брунтланд позволяет выделить следующие два основных признака устойчивого развития, определенные самими авторами доклада. Первый – потребности, необходимые, в частности, для существования бедных людей, и они должны быть в приоритете [6. С. 59. П. 1]. Обеспечение устойчивого долговременного развития невозможно без удовлетворения элементарных потребностей всех людей и предоставления возможности реализовать свои надежды на более благополучную жизнь [6. С. 24. П. 27]. При этом обращает на себя внимание, что искоренение хронической нищеты является условием мира без экологических и других катастроф [6. С. 59. П. 4].

Второй признак устойчивого развития – ограничения, которые налагаются состоянием технологии и организацией общества на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности [6. С. 59. П. 1]. Такие ограничения не являются абсолютными, они, напротив, носят относительный характер в том смысле, что не имеют раз и навсегда установленных значений, а определяются современным уровнем техники и социальной организации. Устойчивое развитие требует соблюдения норм потребления, которые отвечают экологическим возможностям [6. С. 60. П. 5].

Устойчивое развитие предполагает справедливое распределение ресурсов между странами, чтобы бедные страны смогли поддерживать экономический рост [6. С. 24. П. 28. С. 55. П. 47].

Еще одна характеристика устойчивого развития в трактовке авторов доклада – его процессуальный характер. Неверным было бы понимать его как установившееся состояние гармонии. Это процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институционные изменения согласуются с внешними и будущими потребностями [6. С. 25. П. 30. С. 62. П. 15].

Признаком устойчивого развития следует признать его универсальность. Поскольку термин «развитие» традиционно употребляется применительно к развивающимся странам, то может создаться иллюзия необходимости его применения исключительно к ним. Но авторы доклада специально подчеркнули, что интеграция окружающей среды и устойчивого развития необходима во всех странах, как богатых, так и бедных.

Достаточно четко в докладе обозначается связь устойчивого развития и экономического роста: «устойчивое развитие определенно требует экономического роста в тех местах, где указанные потребности не удовлетворяются» [6. С. 60. П. 6].

Нормативное закрепление концепции устойчивого развития на международном уровне традиционно связывается с результатами Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (Рио-Де-Жайнеро, 3–14 июня 1992 г.). По результатам этой конференции были приняты документы, в том числе и Декларация по окружающей среде и развитию [7]. В ней получили емкое выражение исходные начала экологически корректного поведения мирового сообщества. Как отмечал Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Бутрос Бутрос Гали в своем выступлении, Декларация является «важной политической основой для крупнейшей программы действий, воплощенной в Повестке дня на XXI век» [8. С. 36].

Несмотря на то что декларация не содержит прямой дефиниции устойчивого развития, все ее содержание пронизано этой идеей. В части экологических вопросов утверждается, что для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития (принцип 4), что развитые страны признают ответственность, которую они несут в контексте междуна-

родных усилий по обеспечению устойчивого развития (принцип 7). В области регулирования экономических отношений устойчивое развитие также проявляет себя как интегральный элемент, цель, для достижения которой необходимо выполнить ряд задач. Так, необходимыми условиями устойчивого развития признается искоренение бедности (принцип 5); ограничение и ликвидация нежизнеспособных моделей производства и потребления, наряду с поощрением соответствующей демографической политики (принцип 8); укрепление деятельности по наращиванию национального потенциала за счет углубления научного понимания, в том числе за счет новых технологий (принцип 9); сотрудничество государств в деле создания благоприятной и открытой международной экономической системы (принцип 12).

Устойчивое развитие является «несущей» конструкцией и при отражении в Декларации социального измерения развития человечества. Первый принцип, открывающий документ, утверждает, что забота о людях является центральным местом в усилиях по обеспечению устойчивого развития. Наряду с этим в достижении устойчивого развития отмечается роль женщин (принцип 20), молодежи (принцип 21), коренного населения и его общин (принцип 22). Отдельным образом одной из социальных угроз устойчивому развитию выделяется война (принцип 24), что предопределяет необходимость уважения международного права, обеспечивающего защиту окружающей среды во время вооруженных конфликтов.

Как отмечалось, Декларация выступила политической основой для детальной программы действий, получившей название «Повестка дня на 21 век» (далее Повестка) [9]. По словам Мориса Стронга, генерального секретаря Конференции, в этом документе впервые определяются рамки для систематических совместных мер, необходимых для перехода к устойчивому развитию [10. Р. 47]. В Повестке концепция устойчивого развития также является краеугольным камнем, фигурируя во всех четырех ее разделах, покрывающих практически все сферы человеческой деятельности.

В контексте проводимого исследования особо необходимо отметить главу 7 Повестки «Содействие устойчивому развитию населенных пунктов». Общей целью развития населенных пунктов провозглашается улучшение социально-экономических и экологических условий, а также условий жизни и работы всех людей. Направления конкретных действий по обеспечению устойчивого развития населенных пунктов объединяются в восемь областей, порядок приоритетности которых определяется каждым государством самостоятельно, с учетом текущей социальной, экономической и экологической ситуации.

С 1992 г. устойчивое развитие становится основной идеей при формировании международной природоохранной политики, без упоминания которой не обходится практически ни один документ международного характера, принимаемый по этим вопросам.

С 6 по 8 сентября 2000 г. в Нью-Йорке проходил Саммит Тысячелетия, по результатам которого были приняты Декларация тысячелетия и Цели развития

тысячелетия. К числу фундаментальных ценностей Декларация тысячелетия относит уважение к природе (п. 6), обеспечиваемое за счет постулатов устойчивого развития. Эта же мысль выражается и в разд. 4 (Охрана окружающей среды), в части поддержки принципов устойчивого развития (п. 22).

Декларация тысячелетия послужила основой для формирования Целей тысячелетия. В настоящем исследовании необходимо отметить цель № 7 – обеспечение экологической устойчивости, чье достижение обеспечивается реализацией четырех задач. Первая задача – включение принципов устойчивого развития в политику и государственные программы стран и предотвращение истощения природных ресурсов. Вторая задача – сокращение потерь биоразнообразия и достижение к 2010 г. значительного снижения темпов его утраты. Третья – сокращение наполовину к 2015 г. доли людей, не имеющих устойчивого доступа к безопасной питьевой воде и основным услугам санитарии. Четвертая – достижение к 2020 г. значительного улучшения условий жизни по меньшей мере 100 млн обитателей трущоб.

В 2002 г. концепт устойчивого развития получает закрепление в наименовании итогового акта Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию, известному как Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. По прошествии 10 лет с саммита в Рио-Де-Жанейро, его участники подтвердили приверженность устойчивому развитию и посвятили отдельный раздел итогового документа общему описанию средств достижения состояния устойчивого развития. Наряду с политической декларацией на саммите в Йоханнесбурге был принят План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. В этом документе получает четкое закрепление трехэлементный состав устойчивого развития – экономический рост, социальное развитие и охрана окружающей среды – в качестве взаимодополняющих и взаимоподкрепляющих элементов.

Следующим важнейшим этапом в становлении концепции устойчивого развития является Конференция ООН по устойчивому развитию 2012 г., основным итогом которой явился документ «Будущее, которого мы хотим». Итоговый документ продолжает нормативное закрепление идеи устойчивого развития (п. 3), вновь подчеркивая три основные ее составляющие. В числе направлений приложения усилий мирового сообщества также выделяются устойчивые поселения, которые способствуют формированию устойчивых обществ. В этой связи в качестве приоритетных отмечаются задачи строительства доступного жилья и объектов инфраструктуры, обеспечение обустройства трущоб, повышение качества жизни в населенных пунктах, сохранение, когда это целесообразно, объектов природного и культурного наследия в населенных пунктах (п. 134). Основным средством достижения заявленных целей является применение комплексного подхода к планированию и созданию устойчиво функционирующих городов и населенных пунктов.

Новейшее измерение анализируемая концепция получила в 2015 г. с одобрением новой повестки раз-

вития: «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». Этот документ разрабатывался с 2012 г. для замены Целей тысячелетия. В нем выделяется 17 целей и 169 задач, отражающих самые важные направления развития человечества.

Развитию поселений в системе целей устойчивого развития посвящается цель № 11: обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населенных пунктов. Для реализации этой цели сформулирован ряд задач, например: обеспечение доступа к зеленым зонам и общественным местам (особенно для женщин и детей, пожилых людей и инвалидов); активизирование усилий по защите и сохранению всемирного культурного и природного наследия; обеспечение экологически устойчивыми транспортными системами и др.

Важной чертой системы целей устойчивого развития является разработанная система показателей их достижения. Резолюция Генеральной ассамблеи A/RES/71/313 закрепляет 232 показателя² [11].

В качестве промежуточного итога необходимо выделить базовые признаки концепции устойчивого развития, отраженные в международных документах различного характера.

Устойчивое развитие связано с понятием потребностей, причем потребностей двоякого типа. Первые – это потребности настоящего времени, в первую очередь потребности нуждающихся. Вторые – это потребности будущих поколений, которые должны приниматься во внимание в текущий момент времени.

Важным последствием введения этих двух видов потребностей является так называемое межпоколенческое равенство, при котором эгоизм потребления сегодняшнего дня уступает заботе о нуждах будущего.

Вторая составляющая концепции устойчивого развития – это пределы возможностей окружающей среды удовлетворять потребности настоящего и будущих поколений. Как отмечалось выше, эти пределы в классическом понимании носят относительный характер, иначе говоря, они зависят от уровня развития технологии и организации общества.

Устойчивое развитие в современных представлениях есть универсальная ценность, в равной степени применимая как к развитым, так и к развивающимся странам. В составе устойчивого развития утвердилось трехэлементное членение устойчивого развития: в нем выделяются экологические, экономические и социальные компоненты.

Всестороннее рассмотрение концепции устойчивого развития невозможно без рассмотрения критики этой конструкции. Несмотря на то, что более чем за сорок лет категория устойчивого развития прочно вошла в природоохранный дискурс, сегодня сложились научные направления, ставящие под сомнение перспективность дальнейшего ее использования.

Одно из основных направлений критики концепции устойчивого развития имеет сильный идеологический оттенок и связано с появлением неолитерального дискурса в мировой политике. Этот дискурс «колониализировал» представления ранних энвайронментали-

стов, трансформировав их в концепцию «устойчивого развития» [10. Р. 102]. Как пишет тот же автор в другой публикации, неолитерализм инкорпорировал ранние радикальные взгляды на устойчивость, что объясняется моделью поглощения оппозиционных дискурсов [12. Р. 26]. Эти дискурсы, сложившиеся к 1970 г., подчеркивали диспропорциональность и несправедливость сложившейся мировой экономической системы. Как отмечает Д. Каррутерс, в странах Юга образовались лишь небольшие «карманы», напоминающие по уровню благополучия страны Севера. Для большинства жителей Юга экономический рост не принес существенных материальных благ. Напротив, миллионы людей были вынуждены покинуть места своего традиционного проживания без предоставления возможностей интеграции в капиталистическую экономику. [13. Р. 96]. В этих условиях начали формироваться новые идеи, противопоставляемые идеям постоянного экономического роста как условию развития цивилизации: прокрестьянское развитие, эко-развитие, ориентированное на человека развитие и др. Сторонники новых идей разделяли гандианское представление о равенстве, основных потребностях, самообеспеченности, местном контроле над местными ресурсами [13. Р. 96].

Неолитерализм, как отмечается в литературе этого толка, основан на противоположных посылах. Это экономическая теория, которая рассматривает индивидов как рациональных личностей, действующих в своих интересах [13. Р. 109]. Такие личности действуют в целях максимизации полезности, что предполагает наличие свободного выбора и свободной конкуренции [13. Р. 109]. Концепция устойчивого развития в варианте 1992 г. совместила идеи свободной торговли с защитой окружающей среды [13. Р. 109]. Принятое в качестве основы определение Комиссии Брунтланд, как отмечает Д. Каррутерс, отличается размытостью и двусмысленностью, что позволило найти поддержку всех заинтересованных лиц [13. Р. 99]: правительств – в части обоснования необходимости экономического роста, общественности – в части межпоколенческого равенства³.

Развернутый критический анализ концепция устойчивого развития получает в работах И. Блюдорна. Исходные посылы исследователя состоят в том, что в жизни общества формируется символическая политика [14. Р. 254]. Символы могут служить как целям объяснения, пропаганды, уменьшения сложности, так и целям замещения. Во втором смысле символическая политика замещает собой реальные действия по решению проблем по разным причинам: из-за различных интересов граждан, которые не представляется возможным совместить на данном этапе развития общества; в целях отсрочивания нежелательных последствий, которые вызовут реальные действия; в целях намеренного обмена населения элитой и др. [14. Р. 254–255]. В современных обществах эти процессы привели к формированию симуляционной политики (отличающейся от символической). По словам И. Блюдорна, модель символической политики не отражает важнейшей черты современных обществ, когда граждане, требующие изменений, реально *не*

хотят и не ожидают реального воплощения этих изменений в жизнь [14. Р. 264]. Такая ситуация, по мнению автора, вызвана разными причинами, в первую очередь тем, что современной экономике угрожают серьезные кризисы нестабильности. Ответы на эти кризисы требуют серьезной перестройки существующей системы, но какой-либо альтернативы этой системе нет [14. Р. 265]. Используя общетеоретическую концепцию Жана Бодриера, рассматриваемый автор указывает, что сущность симуляционной политики состоит в использовании символов, знаков и образов, которые не означают ничего настоящего, но сами формируют реальность, представляют себя как доказательства этой реальности [14. Р. 267]. Такая политика формируется как ответ на исчерпание реальной и символической политики. В настоящее время современная экологическая политика, по мнению исследователя, характеризуется сочетанием двух обстоятельств: 1) беспрецедентным уровнем информированности населения о последствиях современного образа жизни и моделей самореализации; 2) беспрецедентной определенностью защищать и развивать эти ценности и образ жизни [15. Р. 56]. Причем такая симуляционная политика этически нейтральна, это общественная практика управления проблемой, решить которую в текущий момент невозможно. Таким образом, и устойчивое развитие – как и указывается в заглавии цитируемой статьи – попытка «поддержать неподдерживаемое» (*sustain unsustainable*) [14. Р. 264]. Иными словами, в соответствии с концепцией симуляционной политики идеология устойчивого развития не обладает никаким потенциалом для реального решения экологических проблем. Она создает консенсус, при котором и элиты, и население, и значительная часть общественных организаций природоохранной направленности соглашаются оперировать искусственным, не имеющим отношения к реальной действительности концептом, откладывая реальное решение проблем, поскольку такое решение будет предполагать слишком значительную перестройку существующей мировой экономической системы.

В российской доктрине критика концепции устойчивого развития представлена в работах М.М. Бринчука. В его работах критике подвергается прежде всего отсутствие «человеческого измерения» в современных доминирующих представлениях об устойчивом развитии, без которого невозможно гармоничное развитие человека как части природы [16. С. 53; 17. С. 21]. Действительно, изучение документов, в которых находит свое выражение идея устойчивого развития, показывает наличие серьезного «крена» в сторону материалистических решений и механистических подходов по мониторингу достижения заявленных целей. Предлагая альтернативный вариант определения устойчивого развития, Михаил Михайлович предлагает акцентировать внимание на духовных критериях, лежащих в основе социально-экономических и иных проектов [16. С. 53].

Тем не менее на сегодняшний момент при любой трактовке концепции устойчивого развития она представляет собой единственный детально разработанный проект развития глобального масштаба. В кон-

тексте заявленного исследования международно-правовая концепция устойчивого развития обладает потенциалом для усиления режима правовой охраны озера Байкал.

Угрозы стабильности экологическому состоянию озера Байкал известны широкой общественности и специалистам в области экологического права и охраны окружающей среды. Отдельное внимание им уделял Президент России в своих поручениях 2019 г. [18]. Наиболее известными в России и мире факторами риска в отношении состояния озера долгое время являлись: деятельность Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК) [19. С. 105]; последствия этой деятельности в виде значительных залежей шлам-лигнина, находящегося в картах-накопителях в непосредственной близости от береговой линии озера [20. С. 47]; строительство каскада ГЭС на реке Ангаре, монгольские планы по строительству гидротехнологических сооружений на реке Селенге [21. С.63-65].

Не отрицая серьезности указанных угроз, в настоящей статье мы обратимся еще к одному обстоятельству, которое во многом определяет состояние озера Байкал – жизнедеятельность поселений, находящихся в границах Байкальской природной территории (и особенно в ее центральной экологической зоне). Режим центральной экологической зоны Байкальской природной территории предполагает наличие наиболее строгих природоохранных ограничений, которые сформулированы, прежде всего, в Постановлении Правительства РФ № 643 [22]. В последние годы проблема особого режима деятельности человека в границах ЦЭЗ БПТ встала особенно остро, что вызвано пересечением разнородных политико-экономических интересов общественных групп, в числе которых местные жители, природоохранные органы, туристы, представители бизнес-сообщества. Согласование интересов таких групп при соблюдении безусловного приоритета природоохранных целей представляет собой насущную цель нормативно-правового регулирования режима деятельности как в центральной экологической зоне, так и в Байкальской природной территории в целом. Достижение такого баланса – сложная задача, решить которую не удастся на протяжении уже нескольких десятилетий. Мы полагаем, что одним из условий решения указанной задачи является формирование исходных начал, определяющих содержание правового режима.

Таким образом, исходной точкой в построении системной политики в области охраны озера Байкал является осознание и артикулирование этих принципов. Как было показано, в современных условиях доминирующей идеей в области взаимодействия природы, общества и человека является устойчивое развитие. Закон «Об охране озера Байкал» в ст. 5 также устанавливает, что особый режим хозяйственной и иной деятельности на Байкальской природной территории осуществляется на принципах *устойчивого развития*. Несмотря на то что эта категория, как было показано ранее, получила серьезное развитие в международном праве охраны окружающей среды, в вопросах сохранения уникальной экосистемы озера Байкал она проявляет себя весьма скромно. Мы полагаем, что кате-

гория «устойчивое развитие» обладает значительным потенциалом в установлении указанного баланса интересов, поскольку современное представление о нем позволяет синтезировать экологическую, экономическую и социальную составляющие деятельности человека.

При рассмотрении вопроса о перспективах внедрения и развития концепции устойчивого развития на Байкальской природной территории необходимо отметить, что озеро Байкал в 1996 г. по решению 20-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО признано объектом Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Соответственно, при изучении перспектив устойчивого развития территории необходимо проанализировать программные документы ЮНЕСКО, устанавливая корреляции правового режима объектов Всемирного природного наследия с целями устойчивого развития.

Одним из центральных документов системы охраны всемирного наследия является Руководство по выполнению Конвенции, которое определяет процедуры охраны и сохранения таких объектов [23]. Руководство периодически пересматривается с учетом решений, принятых Комитетом Всемирного наследия. Так, на 43-й сессии Комитета Всемирного наследия, которая состоялась в период с 30 июня по 10 июля 2019 г. в Баку, в Руководство были внесены изменения, касающиеся Конвенции об охране всемирного наследия и устойчивого развития (WH-SDP). Комитет Всемирного наследия призвал государства-участники применять все аспекты устойчивого развития ко всем видам объектов всемирного наследия, управление которыми находится в их компетенции, а также внедрить в национальные политики процессы, связанные с исполнением Конвенции для развития объектов всемирного наследия в контексте устойчивости. Комитет призвал Центр Всемирного наследия в сотрудничестве с консультативными органами выявить и обдумать взаимосвязь между WH-SDP и Целями ООН в области устойчивого развития, а также другими глобальными соглашениями, связанными с предотвращением изменения климата и уменьшением опасности бедствий [24]. Такие изменения во многом стали следствием принятия в 2015 г. 20-й Генеральной ассамблеи государств-участников Конвенции об охране всемирного наследия Программы по интеграции устойчивого развития в указанную Конвенцию.

Объекты всемирного наследия долгое время не упоминались в дискуссиях об устойчивом развитии, несмотря на их исключительную важность для общества. Всемирное наследие может предоставить платформу для разработки и апробации новых подходов, которые демонстрируют важность сохранения наследия для устойчивого развития [25]. При ретроспективном анализе стоит отметить Стратегический план действий на 2012–2022 гг., который был утвержден в 2011 г. [26]. Так, третьей целью стратегического плана в области всемирного наследия является учет нынешних и будущих экологических, социальных и экономических потребностей при обеспечении охраны и сохранения наследия, этот принцип является непосредственным отражением концепции устойчивого

развития, которая направлена на удовлетворение потребностей нынешних поколений таким способом, чтобы ресурсы были сохранены для будущих поколений. Таким образом, стратегические документы ЮНЕСКО отражают приверженность организации и реализации ее политики в соответствии с целями устойчивого развития (ЦУР).

В мировом природоохранном дискурсе на сегодняшний день сложилась идеология устойчивых поселений. Использование этого подхода позволит гармонично сочетать решение природоохранных и экономических задач, связанных с развитием этих поселений, а также необходимость удовлетворения социальных нужд граждан, прежде всего проживающих в ЦЭЗ БПТ.

Формированию местной нормативно-правовой базы на указанных принципах могут содействовать инициативы различных структур ООН. Идеология устойчивого развития поселений является предметом работы Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат). Важнейшие блоки вопросов, являющиеся предметом работы ООН-Хабитат, развиваются в Программе устойчивого развития городов, которая представляет собой совместную инициативу ООН-Хабитат и Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП). В рамках Программы устойчивого развития городов создается стратегия экологического планирования развития населенных пунктов и последующего управления населенными пунктами при непосредственном участии населения. Разработка такой стратегии является важной мерой для достижения целей устойчивого развития и для обеспечения комфортного уровня жизни людей в сочетании с сохранением природных ресурсов и их рациональным использованием. В настоящее время урбанизация разной степени интенсивности протекает по всему миру. В 2016 г. генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в предисловии к докладу на конференции ООН-Хабитат, посвященной городам мира, отнес к горожанам 54% населения Земли. По его словам, эта цифра возрастет до 66% к середине XXI в., а это значит, что урбанизация не прекратится в ближайшие десятилетия [27]. При этом урбанизация не рассматривается мировым сообществом как исключительно негативное явление, скорее наоборот, города способствуют развитию экономики, предоставляют жителям упрощенный доступ к образованию, науке, культурным ценностям, социальным благам, способствуют мобильности.

Но при всех неоспоримых плюсах, непродуманное развитие городов может породить массу социальных проблем. Стоит привести высказывание первого заместителя Генерального секретаря ООН Яна Элиассона: «битва за устойчивое развитие будет выиграна или проиграна в городах» [28]. Неконтролируемый рост городов, проблемы нехватки жилья и инфраструктуры тесно связаны с такими животрепещущими вопросами, как распространение трущоб, преступность, дефицит питьевой воды, бедность и неравенство, дискриминация, загрязнение окружающей среды, изменение климата, проблемы здравоохранения, отсут-

стве доступа к канализации и объектам социальной инфраструктуры, а также ряд других социальных проблем. (подробнее см.: [29. Р. 55; 30. Р. 111]).

Для того чтобы процесс урбанизации не был стихийным, для его упорядочивания и протекания в соответствии с концепцией устойчивого развития, ООН-Хабитат проводит конференции, по итогам которых принимаются документы, касающиеся сугубо урбанизационной повестки и развития населенных пунктов. В числе этих документов необходимо отметить прежде всего декларацию, принятую по итогам первой конференции ООН по вопросам развития поселений (Хабитат I), которая проходила в 1976 г. в Ванкувере [31]. В документе провозглашались общие принципы и направления предстоящей работы, а также план действий по развитию населенных пунктов, представляющий из себя сборник рекомендаций как для развитых, так и развивающихся стран. Конференции Хабитат II (Стамбул) и Хабитат III (Кито) проходили в 1996 и 2016 гг. соответственно. По итогам встречи в Стамбуле была принята декларация, а также план действий, названный Повестка дня Хабитат [32]. Итогом третьей конференции стало принятие Новой городской повестки дня, отличающейся от предыдущих приведенных документов большим объемом и большей предметностью [33].

Согласно официальному заявлению Министерства иностранных дел РФ от 13 сентября 2017 г. «О позиции России на 72-й Генеральной ассамблее ООН», Россия приветствует принятие Новой городской повестки дня (НГП) как всеобъемлющего рамочного документа, позволяющего странам гибко подходить к формированию национальной политики в области устойчивого городского развития с учетом своих приоритетов [34].

В Декларации Кито об устойчивых городах и населенных пунктах для всех провозглашается, что Новая городская повестка дня является фундаментальным вкладом в осуществление Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и ее адаптации к местным условиям на комплексной основе и в достижении целей и задач в области устойчивого развития. Несомненным преимуществом НГП по отношению к предыдущим программным документам, принятым ООН-Хабитат, является наличие «дорожной карты» развития населенных пунктов, которая представляет собой закрепление целей – маркеров, которые должны быть достигнуты в плане развития конкретного населенного пункта. Экологически устойчивому и стабильному развитию городов посвящается отдельный раздел в анализируемом документе, тем самым подчеркивается особая роль и необходимость сохранения биоразнообразия и разработка мер по борьбе с изменением климата при городском планировании.

Существуют и критические оценки документов Хабитат III. Так, профессор Исследовательского и образовательного центра Лоренса К. Нуссдорфа Пенсильванского института городских исследований при Пенсильванском университете Юджиния Л. Берч наряду с достоинствами Новой городской повестки отмечает и тот факт, что Повестка не предлагает кон-

кретных пошаговых действий, а лишь декларирует принципы, которые должны быть отражены в планах развития населенных пунктов [35]. На наш взгляд, предусмотреть конкретные действия в контексте документа в данном случае не представляется возможным, поскольку при такой детализированной «дорожной карте» невозможно учесть специфику определенного региона, его социальные и экологические особенности.

Идеи, сформулированные в рамках программы ООН-Хабитат, имеют потенциал реализации на Байкальской природной территории, поскольку в ее границах находятся более 1 000 муниципальных образований разного уровня. В этой связи необходимо оценить перспективы внедрения Новой городской повестки дня в планы развития населенных пунктов, расположенных в границах указанной территории.

В Новой городской повестке дня особая роль в достижении устойчивого развития населенных пунктов отводится институтам разного уровня: государственным, межгосударственным и общественным. Одной из структур, проводящей работу по внедрению ЦУР в РФ в контексте экологической повестки, является Ассоциация озерных регионов. Согласно информации, представленной на официальном сайте организации, 25 января 2018 г. представителями Ассоциации проведена встреча с руководителями ООН-Хабитат по вопросу о применении программных документов ООН-Хабитат, в частности Новой повестки дня в сфере городского развития, в приозерных городах с целью обеспечения их устойчивого развития и соответственно сохранения экологических систем природных объектов, расположенных в непосредственной близости от таких городов. По итогам встречи стороны договорились о сотрудничестве, в рамках которого планируется рассмотреть перспективы внедрения ЦУР в концепцию развития города Иркутск, расположенного в 70 км от берега уникального озера Байкал [36]. В настоящее время при анализе правил землепользования и застройки города Иркутск не выявлено отражения принципов, закрепленных в документах ООН-Хабитат и отражающих цели устойчивого развития в целом.

При анализе правовых актов Ольхонского районного муниципального образования обнаружено постановление администрации «Об утверждении муниципальной программы Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 г.», в котором устойчивое развитие рассматривается как принятие мер руководством муниципального образования по обеспечению жильем некоторых категорий населения [36]. В целом правила землепользования и застройки муниципальных образований системно не отражают и не закрепляют мер по достижению ЦУР. Например, на территории Ольхонского района мероприятия по лесовосстановлению, препятствующему эрозии почвы, проводятся силами общественных организаций и не находят отражения в программных документах муниципального уровня.

Инкорпорирование идей документов, принятых ООН-Хабитат, в частности Хабитат III, в муници-

пальные и региональные программы развития населенных пунктов Байкальской природной территории позволит внедрить передовые международные и зарубежные практики в систему управления населенными пунктами и обеспечить усиление режима охраны байкальской экосистемы, а также развитие населенных пунктов в экономическом, социальном и экологическом аспектах в соответствии с Концепцией устойчивого развития.

Одной из правовых мер, которая в перспективе может способствовать устойчивому развитию населенных пунктов, расположенных в границах Байкальской природной территории, является создание комплексной модели правового регулирования развития муниципального образования: модельных правил землепользования и застройки территории населенного пункта, отражающих социальные, экономические и экологические аспекты концепции устойчивого развития и при этом учитывающих особый природоохранный статус данной территории.

В контексте экологических аспектов устойчивого развития одной из правовых мер в целях устойчивого развития поселений является принятие Климатической доктрины поселения. В общемировой практике известны положительные примеры развития муниципального нормотворчества в рамках концепции устойчивости. Так, в финском городе Миккели в 2014 г. принята Климатическая доктрина, которая представляет собой правовой акт, регламентирующий природопользование в границах территории города, развитие коммунальной сферы с учетом стремления к углеродной нейтральности антропогенной деятельности, а также адаптации городской экономики к климатическим рискам. На основании Климатической доктрины существенно изменилось строительство на территории города: преимущественным цветом при покраске зданий стал белый цвет, поскольку он отражает солнечные лучи и минимизирует нагрев атмосферы в городе, также особое внимание уделяется озеленению улиц, развитию общественного транспорта [37. Р. 105].

Еще одной мерой, направленной на отражение концепции устойчивого развития в планах развития населенных пунктов, расположенных на Байкальской природной территории, является разработка и внедрение индикаторов устойчивости городов. Городские индикаторы отражают успехи или провалы плана развития населенного пункта на пути к устойчивости [38. С. 135].

Система городских индикаторов должна охватывать все направления устойчивого развития, т.е. экологическое, экономическое, социальное и культурное измерение. Опыт применения таких индикаторов имеется в населенных пунктах Республики Казахстан: на территории государства введен Национальный стандарт СТ РК ISO 37120-2015 «Устойчивое развитие сообществ. Показатели городских услуг и качества жизни», который формирует общие ориентиры для исполнительной власти при разработке политики городского управления [39]. Для населенных пунктов Байкальской природной территории необходимо разработать индивидуальные индикаторы, отражающие ее специфику.

Проведенное исследование показывает, что идеология устойчивого развития является реально реализуемой программой развития цивилизации на мировом уровне, закрепляет принципы взаимодействия природы, человека и общества. Ее генезис обусловлен взаимодействием факторов объективного и субъективного характера. Первые выражаются в развитии глобального экологического кризиса, вторые – в его осознании человечеством и поиске новой парадигмы сосуществования цивилизации и природы. Развитие и творческое внедрение этих идей на Байкальской природной территории позволит решать многие природоохранные и социальные задачи. Перспективы применения концепции устойчивого развития показаны на примере развития поселений, расположенных в Байкальском регионе. Прикладные результаты проведенного исследования выражаются в обосновании необходимости отражения подходов ООН-Хабитат III в региональных и муниципальных программах развития; формировании модельных правил землепользования и застройки, основанных на концепции устойчивого развития; во внедрении показателей устойчивости городов. Значительный потенциал реализации идеологии устойчивых поселений обусловлен глубокой разработкой этого направления в рамках структур Организации Объединенных Наций. Вместе с тем, несомненно, существуют и иные направления реализации этой идеологии, требующие дальнейшей разработки. В этой связи международно-правовая юридико-социальная конструкция устойчивого развития должна занимать одно из центральных мест в международно-правовом режиме охраны озера Байкал, и при его реализации – в нормах национального права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта же дефиниция фигурирует и в дальнейшем по тексту доклада: «...устойчивое развитие является развитием, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но которое не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворить собственные потребности. Потребности иногда дополняются “стремлениями”» [3. Р. 55. П. 49].

² Как отмечается на специализированном сайте ООН, посвященном показателям достижения целей устойчивого развития, общее число показателей составляет 244, но некоторые из них повторяются для отдельных целей.

³ Здесь же необходимо отметить, что идея межпоколенческого равенства также подвергается критике. Классическое определение требует уважать потребности будущих поколений, однако многие сомневаются, что человек может предугадать, каковы будут эти потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jacobus A. Du Pisani. Sustainable development – historical roots of the concept // *Environmental Sciences*. 2006. Vol. 3, Is. 2. P. 83–96.
2. Purvis B., Mao Y., Robinson D. Three pillars of sustainability: in search of conceptual origins // *Sustainability science*. 2019. Vol. 14, Is. 3. P. 681–695.
3. Barbosa G.S., Drach P.R., Corbella O.D. A conceptual review of the terms Sustainable Development and Sustainability // *International Journal of Social Sciences*. 2014. Vol. III, № 2. P. 01-15. URL: <http://www.iises.net/?p=10247>.
4. Richard L. Clinton Ecodevelopment // *World affairs*. 1977. Vol. 140, № 2. P. 111–126. URL: www.jstor.org/stable/20671720

5. Brown B.J., Hanson M.E., Liverman D.M., Merideth R.W. Jr. Global Sustainability: Toward Definition // *Environmental Management*. 1987. Vol. 11. P. 713–719.
6. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее». URL: <https://www.un.org/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).
7. Рио-де-Жайнерская декларация о окружающей среде и развитии : принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жайнеро, 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 05.02.2020).
8. Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жайнеро, 3–14 июня 1992 г. Т. II. Резолюции, принятые на Конференции. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/168679#record-files-collapse-header> (дата обращения: 05.02.2020).
9. Повестка дня на 21 век. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf (дата обращения: 05.02.2020).
10. Lynley Tulloch On science, ecology and environmentalism // *Policy Futures in Education*. 2013. Vol. 11, № 1. P. 100–114.
11. Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/71/313. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/indicators-list/> (дата обращения: 05.02.2020).
12. Lynley Tulloch The Neoliberalization of Sustainability // *Citizenship, Social and Economics education*. 2014. Vol. 13, № 1. P. 26–38. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.2304/csee.2014.13.1.26>
13. David Carruthers. From opposition to orthodoxy: the remaking of sustainable development // *Journal of Third World Studies*. 2001. Vol. 18, Is. 2. P. 93–112.
14. Ingolfur Bluhdorn Sustaining the Unsustainable: Symbolic Politics and the Politics of Simulation // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16, № 2. P. 251–275. DOI:10.1080/23269995.2017.1300415
15. Ingolfur Bluhdorn Post-capitalism, post-growth, post-consumerism? Eco-political hopes beyond sustainability // *Global Discourse*. 2017. Vol. 7, Is. 1. P. 42–61.
16. Бринчук М.М. Концепция устойчивого развития нуждается в развитии // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Материал Итоговой (тринадцатой) всерос. науч.-практ. конф. ГОУ ВО КРАСГСИУ. 2014. С. 51–56.
17. Бринчук М.М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития // *Государство и право*. 2014. № 10. С. 15–24.
18. Перечень поручений по результатам проверки исполнения законодательства по сохранению озера Байкал и его экологическому оздоровлению. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/61524>
19. Корытный Л.М. БЦБК: экологический сериал // ЭКО. 2012. № 2. С. 105–122 (дата обращения: 05.02.2020).
20. Богданов А.В., Шатрова А.С., Качор О.Л. Разработка экологически безопасной технологии утилизации отходов ОАО «Байкальский ЦБК» // *Геоэкология. Инженерная геология, гидрогеология, геоэкология*. 2017. № 2. С. 47–53.
21. Анненхонов О.А., Базова Н.А., Балданова Д.Р., Борисова Н.Г., Убугунов В.Л., Убугунов Л.Л. Возможные эколого-биологические последствия сооружения гидроэлектростанции на реке Селенге и ее притоках в Монголии // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Биология. Экология*. 2015. Т. 12. С. 58–72.
22. Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории : Постановление Правительства РФ от 30 августа 2011 г. № 643 // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 37. Ст. 3687.
23. The Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 05.02.2020).
24. Decisions adopted during the 43rd session of the World Heritage Committee. URL: <https://whc.unesco.org/archive/2019/whc19-43com-18-en.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).
25. World Heritage and Sustainable Development. URL: <https://whc.unesco.org/en/sustainabledevelopment/> (дата обращения: 05.02.2020).
26. Стратегический план действий на 2012–2022 гг. URL: <https://whc.unesco.org/archive/2019/whc19-22ga-9-RU.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).
27. World Cities Report / UN-Habitat, Earthscan Publications Ltd. 2016. P. III.
28. Battle for Sustainable Development Will Be Won or Lost in Cities, Deputy Secretary-General Tells Mayor’s Forum // Сайт ООН, пресс-релизы. URL: <https://www.un.org/press/en/2015/dsgsm874.doc.htm> (дата обращения: 05.02.2020).
29. Cities of tomorrow. Challenges, visions, ways forward. European Union. 2011. 246 с. (9). URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/citiesoftomorrow/citiesoftomorrow_final.pdf (дата обращения: 05.02.2020).
30. Jan Gell. Cities for people. 2010. 340 с. URL: <https://www.amazon.com/Cities-People-Jan-Gehl/dp/159726573X>
31. Vancouver Declaration On Human Settlements // Сайт ООН-Хабитат. URL: http://mirror.unhabitat.org/downloads/docs/The_Vancouver_Declaration.pdf (дата обращения: 05.02.2020).
32. Habitat Agenda. Istanbul Declaration on Human Settlements / Сайт ООН-Хабитат. URL: <https://unhabitat.org/wp-content/uploads/2014/07/The-Habitat-Agenda-Istanbul-Declaration-on-Human-Settlements-20061.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).
33. New Urban Agenda // Сайт конференции Habitat-III. URL: <http://habitat3.org/wp-content/uploads/New-Urban-Agenda-GA-Adopted-68th-Plenary-N1646655-E.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).
34. О позиции России на 72-й сессии Генеральной ассамблеи ООН // Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/general_assembly/-/asset_publisher/lrZMhfouYUj/content/id/2862272 (дата обращения: 05.02.2020).
35. План действий по территориально-пространственному развитию городов в рамках реализации Новой городской повестки дня: практические решения, контроль и оценка. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21902> (дата обращения: 05.02.2020).
36. Устойчивое развитие сельских территорий ОРМО. URL: <http://xn---8sbwecbgqbbhxl1dvg.xn--p1ai/documents/836.html> (дата обращения: 05.02.2020).
37. What are future cities? Origins, meanings and uses. Emily Moir, Tim Moonen, Greg Clark. June 2014. 215 с. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/337549/14-820-what-are-future-cities.pdf (дата обращения: 05.02.2020).
38. Рябцев Н.В. Инструментарий развития городской среды в рамках постулатов концепции устойчивого развития // *Сборник материалов международной научно-практической конференции «Якаевские чтения»*. 2016. С. 133–136.
39. Система городских индикаторов устойчивости. URL: https://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/ru/home/ourperspective/ourperspectivearticles/_-_-_.html (дата обращения: 05.02.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 мая 2020 г.

Sustainable Development in International Law: History, Normative Consolidation and Value for the Legal Protection of the Baikal World Heritage Site

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 247–257.

DOI: 10.17223/15617793/460/30

Roman Yu. Kolobov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: roman.kolobov@gmail.com

Elena D. Makritskaya, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: e.makrickaya@gmail.com

Yaroslava B. Ditsevich, Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: yaroslavadi@mail.ru

Dmitry V. Shornikov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: abirvalg35@mail.ru

Keywords: sustainable development; Baikal; international law.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00618 A.

The article continues the study of the international legal basis of the regime of legal protection of Lake Baikal, supported by the RFBR grant (Project No. 20-011-00618). The origin of the category "sustainable development" is revealed, and the main stages of the formation of perceptions of sustainable development are noted. Particular attention is paid to the basic ideas of the report "Our Common Future", also known as the Brundtland Commission report. Two components of sustainable development under this instrument are noted: needs (present and future generations) and constraints. The normative integration of the concept of sustainable development into international instruments is analysed: the Rio Declaration on Environment and Development (Rio Declaration); the Millennium Development Goals; The Future We Want, the outcome document of the 2012 Conference on Sustainable Development; and the sustainable development goals of 2015. A separate block of research is the criticism of the concept of sustainable development developed both in Western (D. Carruthers, I. Bluhdorn, L. Tulloch) and in the domestic (M.M. Brinchuk) doctrine of environmental law. Based on the results of the analysis of the concept, it is concluded that the concept should be used primarily for the organic development of settlements located within the Lake Baikal Natural Territory. In the system of sustainable development goals, the issue of settlement development is addressed in Goal No. 11. In addition, the conclusions of the UN Conference on Housing and Sustainable Development (Habitat 3) have considerable potential. The article reviews Habitat Outcome Document 3 The New Urban Agenda, briefly compares it with the documents of previous UN-Habitat conferences, describes the content of the New Urban Agenda, identifies the basic principles of sustainable human settlement development, and addresses criticisms of the document analysed in the article. In the final part of the article, the authors analyse the documents on the territorial development of settlements located within the boundaries of the Lake Baikal Natural Territory. The conclusion is formulated that the principles of the New Urban Agenda should be incorporated into the development plans of the above-mentioned settlements, in particular, the principles of the development and introduction of indicators of urban sustainability. A number of proposals are made to reflect the principles of sustainable development in such documents.

REFERENCES

1. Du Pisani, J.A. (2006) Sustainable development – historical roots of the concept. *Environmental Sciences*. 3 (2). pp. 83–96.
2. Purvis, B., Mao, Y. & Robinson, D. (2019) Three pillars of sustainability: in search of conceptual origins. *Sustainability Science*. 14 (3). pp. 681–695.
3. Barbosa, G.S., Drach, P.R. & Corbella, O.D. (2014) A conceptual review of the terms Sustainable Development and Sustainability. *International Journal of Social Sciences*. III (2). pp. 01–15. [Online] Available from: <http://www.iises.net/?p=10247>.
4. Richard, L. (1977) Clinton Ecodevelopment. *World Affairs*. 140 (2). pp. 111–126. [Online] Available from: www.jstor.org/stable/20671720.
5. Brown, B.J. et al. (1987) Global Sustainability: Toward Definition. *Environmental Management*. 11. pp. 713–719.
6. Brundtland Commission. (1987) *Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future*. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>. (Accessed: 05.02.2020). (In Russian).
7. UN. (1992) *Rio Declaration on Environment and Development*. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml. (Accessed: 05.02.2020). (In Russian).
8. UN. (1992) *Report of the United Nations Conference on Environment and Development*. Proceedings of the Conference. Rio de Janeiro. 3–14 June 1992. Vol. 2. [Online] Available from: <https://digitallibrary.un.org/record/168679#record-files-collapse-header>. (Accessed: 05.02.2020). (In Russian).
9. UN. (1992) *Agenda 21*. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf. (Accessed: 05.02.2020). (In Russian).
10. Tulloch, L. (2013) On science, ecology and environmentalism. *Policy Futures in Education*. 11 (1). pp. 100–114.
11. UN. (2017) *A/RES/71/313*. [Online] Available from: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/indicators-list/>. (Accessed: 05.02.2020). (In Russian).
12. Tulloch, L. (2014) The Neoliberalization of Sustainability. *Citizenship, Social and Economics Education*. 13 (1). pp. 26–38. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.2304/csee.2014.13.1.26>.
13. Carruthers, D. (2001) From opposition to orthodoxy: the remaking of sustainable development. *Journal of Third World Studies*. 18 (2). pp. 93–112.
14. Bluhdorn, I. (2007) Sustaining the Unsustainable: Symbolic Politics and the Politics of Simulation. *Environmental Politics*. 16 (2). pp. 251–275. DOI:10.1080/23269995.2017.1300415
15. Bluhdorn, I. (2017) Post-capitalism, post-growth, post-consumerism? Eco-political hopes beyond sustainability. *Global Discourse*. 7 (1). pp. 42–61.
16. Brinchuk, M.M. (2014) [The concept of sustainable development needs development]. *Politicheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty regional'nogo upravleniya na Evropeyskom Severe* [Political, economic and sociocultural aspects of regional governance in the European North]. Conference Proceedings. Komi Republican Academy of State Service and Administration. pp. 51–56. (In Russian).
17. Brinchuk, M.M. (2014) The Concept of Sustainable Development as a Methodological Basis of Civilizational District Development. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 10. pp. 15–24. (In Russian).
18. Kremlin.ru. (2019) *Perechen' porucheniya po rezul'tatam proverki ispolneniya zakonodatel'stva po sokhraneniyu ozera Baykal i ego ekologicheskoy ozdorovleniyu* [List of instructions based on the results of checking the implementation of legislation on the preservation of Lake Baikal and its ecological improvement]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/orders/61524>.
19. Korytnyy, L.M. (2012) BTsBK: ekologicheskiy serial [Baikal Pulp and Paper Mill: An ecological series]. *EKO*. 2. pp. 105–122.
20. Bogdanov, A.V., Shatrova, A.S. & Kachor, O.L. (2017) Razrabotka ekologicheskoi bezopasnoy tekhnologii utilizatsii otkhodov OAO "Baykal'skiy TsBK" [Development of an environmentally friendly waste disposal technology at the Baikal Pulp and Paper Mill]. *Geoekologiya. Inzhenernaya geologiya, gidrogeologiya, geokriologiya*. 2. pp. 47–53.
21. Annenkhonov, O.A. et al. (2015) Probable Biological and Ecological Consequences of Hydropower Plant Constructing on the Selenga River and Its Tributaries in Mongolia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Biologiya. Ekologiya – Bulletin of Irkutsk State University. Series: Biology. Ecology*. 12. pp. 58–72. (In Russian).
22. Russian Federation. (2001) *Ob utverzhdenii perechnya vidov deyatelnosti, zapreshchennykh v tsentral'noy ekologicheskoy zone Baykal'skoy prirodnoy territorii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30 avgusta 2011 g. № 643* [On approval of the list of activities prohibited in the central ecological zone of the Baikal natural territory: Resolution of the Government of the Russian Federation of August 30, 2011, No. 643]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Collection of Legislation of the Russian Federation*. 37. Art. 3687.
23. UNESCO. (1972) *The Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention*. [Online] Available from: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/>. (Accessed: 05.02.2020).

24. UNESCO. (2019) *Decisions adopted during the 43rd session of the World Heritage Committee*. [Online] Available from: <https://whc.unesco.org/archive/2019/whc19-43com-18-en.pdf>. (Accessed: 05.02.2020).
25. UNESCO. (2015) *World Heritage and Sustainable Development*. [Online] Available from: <https://whc.unesco.org/en/sustainabledevelopment/>. (Accessed: 05.02.2020).
26. UNESCO. (2011) *Strategic Action Plan 2012–2022*. [Online] Available from: <https://whc.unesco.org/archive/2019/whc19-22ga-9-RU.pdf>. (Accessed: 05.02.2020). (In Russian).
27. UN. (2016) *World Cities Report*. UN-Habitat; Earthscan Publications Ltd.
28. UN. (2015) *Battle for Sustainable Development Will Be Won or Lost in Cities, Deputy Secretary-General Tells Mayor's Forum*. [Online] Available from: <https://www.un.org/press/en/2015/dsgsm874.doc.htm>. (Accessed: 05.02.2020).
29. European Union. (2011) *Cities of tomorrow. Challenges, visions, ways forward*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/citiesoftomorrow/citiesoftomorrow_final.pdf. (Accessed: 05.02.2020).
30. Gell, J. (2010) *Cities for people*. Island Press. [Online] Available from: <https://www.amazon.com/Cities-People-Jan-Gehl/dp/159726573X>.
31. UN. (1976) *The Vancouver Declaration On Human Settlements*. [Online] Available from: http://mirror.unhabitat.org/downloads/docs/The_Vancouver_Declaration.pdf. (Accessed: 05.02.2020).
32. UN. (2014) *Habitat Agenda. The Istanbul Declaration on Human Settlements*. [Online] Available from: <https://unhabitat.org/wp-content/uploads/2014/07/The-Habitat-Agenda-Istanbul-Declaration-on-Human-Settlements-20061.pdf>. (Accessed: 05.02.2020).
33. UN. (2016) *The New Urban Agenda*. [Online] Available from: <http://habitat3.org/wp-content/uploads/New-Urban-Agenda-GA-Adopted-68th-Plenary-N1646655-E.pdf>. (Accessed: 05.02.2020).
34. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2017) *O pozitsii Rossii na 72-y sessii General'noy assamblei OON* [On Russia's position at the 72nd session of the UN General Assembly]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/general_assembly/-/asset_publisher/lrzZMhfoYRUj/content/id/2862272. (Accessed: 05.02.2020).
35. Birch, E.L. (n.d.) *The New Urban Agenda's Road Map for Planning Urban Spatial Development: Tangible, Manageable and Measurable*. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21902>. (Accessed: 05.02.2020). (In Russian).
36. Olkhonsky Municipal District. (2016) *Ustoychivoe razvitie sel'skikh territoriy ORMO* [Sustainable development of Olkhonsky Municipal District rural areas]. [Online] Available from: <http://xn----8sbwecbgqgbhbj1dvg.xn--p1ai/documents/836.html>. (Accessed: 05.02.2020).
37. Moir, E., Moonen, T. & Clark, G. (2014) *What are future cities? Origins, meanings and uses*. [Online] Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/337549/14-820-what-are-future-cities.pdf. (Accessed: 05.02.2020).
38. Ryabtsev, N.V. (2016) [A toolkit for the development of the urban environment within the framework of the postulates of the concept of sustainable development]. *Yakaevskie chteniya* [Yakaev Readings]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar: IMSIT. pp. 133–136. (In Russian).
39. UNDP in Kazakhstan. (2017) *Chto takoe ustoychivyy gorod?* [What is a sustainable city?]. [Online] Available from: https://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/ru/home/ourperspective/ourperspectivearticles/_/_/_/__.html. (Accessed: 05.02.2020).

Received: 07 May 2020

А.С. Кошель

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Проведен анализ взаимодействия представительной и судебной власти в современной России. Отмечены наметившиеся тренды: усиление контрольных полномочий парламента и увеличение правотворческой работы высших судов России. Автор приходит к выводам: необходимо усилить контрольные полномочия парламента за применением законов, а также ввести ежегодные доклады Верховного Суда в Государственной Думе о судебной практике применения законов с предложениями по совершенствованию.

Ключевые слова: парламента; парламентарская процедура; контрольные полномочия; Верховный Суд; Конституционный Суд; судебная власть; законодательный процесс.

Введение

Актуальность. В современных условиях, когда в обществе все больше возрастает запрос на справедливость, возникает закономерная потребность в эффективной парламентарской деятельности. При этом, как отмечает В.Д. Горобец, в расширении нуждаются предмет ведения и полномочия не всего Федерального Собрания Российской Федерации, а в первую очередь Государственной Думы [1. С. 13]. В этой связи развитие титульных функций российского парламента – законодательного процесса и контрольных полномочий – является наиболее актуальной задачей в рамках совершенствования парламентарских процедур.

Еще Е.Н. Трубецкой в 1917 г. отмечал, что законодательство не может представлять собой стройную юридическую конструкцию, поскольку слагается постепенно и под воздействием компромисса: будь то в парламенте между партиями или в абсолютистском обществе между различными течениями придворных и бюрократии [2. С. 133]. Наряду с этим, судебная практика выступает своего рода «лакмусовой бумажкой», позволяющей проверить жизнеспособность любого акта законодательства, и только суд может внести логическое единство в такой законодательный материал. Можно констатировать, что вследствие несовершенства правовой нормы подчас различными судами принимаются противоположные решения на основе одной и той же нормы права. Сам факт принятия судами и органами государственной власти решений, которые не основаны на нормах закона, а иногда прямо ему противоречат, ставит перед правовой наукой задачу выработать новые механизмы соблюдения принципов справедливости при правовом регулировании.

Гипотеза. Для обеспечения лаконичного и непротиворечивого законодательного регулирования необходимо наладить в рамках контрольных полномочий парламента (функция контроля за исполнением законов) большее взаимодействие с судебной системой Российской Федерации, и в первую очередь с Верховным Судом Российской Федерации как органом, осуществляющим надзор за деятельностью судов и обеспечивающим единство судебной практики в стране.

Степень научной разработанности. Исследованию взаимодействия парламента и судебной системы

посвящено небольшое количество научных работ, в основном изучаются проблемы «судебного прецедента» в правовой системе Российской Федерации. Вместе с тем вопросам законодательной инициативы высших судов Российской Федерации посвящены работы С.А. Авакьяна [3], А.В. Венгерова [4], В.В. Лазарева [5], В.М. Лебедева [6], С.А. Скворцова-Савельева [7], Н.А. Тузова [8] и др. Непосредственно же вопросам влияния судов на законодательство посвящены работы П.А. Гук [9], Т.А. Желдыбиной [10], В.Д. Зорькина [11], А.Н. Кокотова [12], И. Котелевской [13], В.В. Лазарева [14], М.Н. Марченко [15], Т.Э. Шуберт [16] и др.

Объектом настоящего исследования является совокупность общественных отношений, связанных с участием высших судов в парламентарских процедурах на федеральном уровне. *Предметом* исследования выступают конституционно-правовые проблемы закрепления, реализации и совершенствования механизма взаимодействия парламента и высших судов в парламентарских процедурах.

В своей преподавательской практике в юридической школе ДВФУ автору нередко доводилось вспоминать свой студенческий опыт посещения заседания Совета Федерации в 2010 г., когда председатель «сенатского» комитета по конституционному законодательству А.И. Александров в докладе о внесении изменений в закон «Об Общественной палате Российской Федерации» в качестве обоснования изменений доложил коллегам, что закон призван устранить противоречие в законодательстве и привести его в соответствие с Указом Президента РФ об уполномоченном по правам ребенка при Президенте Российской Федерации. Конечно, молодому юристу, у которого очень свежи были воспоминания об иерархии правовых норм, эта фраза сенатора сильно резала слух. Однако получше познакомившись с практикой Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, эта фраза перестала быть для автора такой вопиющей. Сама по себе гармония правовой системы может обеспечиваться различными методами, чему в многом и посвящена настоящая работа.

Разделение властей

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения властей, при

самостоятельности осуществления органами законодательной (представительной), исполнительной и судебной власти своих полномочий в рамках определенной Конституцией и законами юрисдикции.

Так, вопросы взаимодействия представительной и судебной власти в Российской Федерации можно условно разделить на четыре группы: учредительные (назначение судей высших судов Российской Федерации), информационные (направление посланий Конституционного Суда РФ к Федеральному Собранию РФ), законопроектные (право законодательной инициативы высших судов РФ, выдача заключений Верховным Судом РФ на проекты законов в случаях, предусмотренных законом, «негативное» нормотворчество Конституционного Суда РФ) и контрольные (инцидентный контроль Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ над актами и решениями российского парламента).

Назначение и импичмент судей парламентом

Назначение судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ осуществляется Советом Федерации Федерального Собрания РФ по представлению Президента РФ в соответствии с п. «е» ст. 83, п. «ж» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ.

В соответствии с принципами независимости и несменяемости судей импичмент в отношении судей в России не применяется. В мировой практике импичмент в отношении судей применяется в США, где в соответствии с разделом IV ст. II Конституции США Сенат вправе по инициативе Палаты представителей отрешить судей от должности в порядке импичмента. Однако за всю историю США импичмент был инициирован Палатой представителей в отношении одиннадцати судей, семь из которых были отрешены от должности, при этом ни одного случая в отношении судей Верховного Суда США [17. С. 20].

В соответствии с поправками к Конституции Российской Федерации, принятыми по предложению Президента Российской Федерации, в России введен институт импичмента в отношении судей Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации и судов кассационной и апелляционной инстанции [18]. Предполагается, что такая процедура может проходить только по запросу Президента Российской Федерации, а решение об отрешении судьи принимается Советом Федерации, но поскольку перечень оснований такого импичмента четко не определен, то сложно назвать его однозначно сочетающимся с принципом независимости и несменяемости судей.

Послания Конституционного Суда Федеральному Собранию

В Конституции Российской Федерации в ст. 100 отражено полномочие Конституционного Суда РФ по направлению посланий к парламенту. К слову, это один из двух случаев, когда палаты Федерального Собрания Российской Федерации заседают совместно. Однако с момента принятия Конституции

РФ в 1993 г. до сих пор ни разу такого послания Федеральному Собранию не направлялось.

В 2017 г. группа депутатов внесла в Государственную Думу проект федерального конституционного закона, предусматривающего обязанность Конституционного Суда РФ не реже чем раз в пять лет, в начале сессии вновь сформированной Государственной Думы обращаться к Федеральному Собранию с посланием, которое должно содержать оценку правовой системы, состояния конституционности в правовой системе и исполнения решений Конституционного Суда, однако законопроект был отклонен в первом чтении [19]. В соответствии с поправкой к Конституции Российской Федерации 2020 г. указанное полномочие упразднено [18].

Стоит заметить, что Верховный Суд РФ и органы судейского сообщества часто выступают с различными мнениями по реформе материального права, что, однако, не может быть в полной мере реализовано сегодня в порядке законодательной инициативы, поскольку у Верховного Суда она ограничена в соответствии с Конституцией РФ. Так, например, на заседании Совета судей России 30 мая 2017 г. предложено более 200 поправок в материальные нормы Гражданского кодекса РФ [20].

Законодательная инициатива высших судов

В ходе судебной деятельности органы судейского сообщества вырабатывают судебную политику в области правоприменения, судопроизводства и других вопросов организации деятельности судебной власти [9. С. 484–496]. Поэтому в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 104) высшие суды Российской Федерации – Верховный и Конституционный – наделены специальным правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения. Право законодательной инициативы в этом случае связано с вопросами судостроительства на территории Российской Федерации, с созданием, корректировкой и упразднением процессуальных норм, а также с вопросами, сопряженными непосредственно с деятельностью судов.

Наряду с этим в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» проекты федеральных законов о внесении изменений в УК РФ вносятся в Государственную Думу только при наличии официального отзыва Верховного Суда РФ.

Также Пленум Верховного Суда в декабре 2018 г. внес в Государственную Думу проект федерального закона о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, предложив ввести новый вид уголовного наказания – «уголовный проступок». По сути, в данном конкретном случае Верховный Суд впервые вышел за пределы установленного Конституцией РФ права законодательной инициативы Верховного Суда РФ. Поскольку законопроект уже год находится без движения на стадии Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству [21], оценки Правового управления Аппарата Государственной Думы о соблюдении Верховным

Судом РФ требований ст. 104 Конституции РФ еще не получил.

Вместе с тем признание Конституционным Судом РФ закона, нормы закона противоречащими Конституции влечет утрату таким законом, нормой закона своей юридической силы, и впредь до их отмены не применяется, а применяется прямая норма Конституции с учетом выявленного Конституционным Судом ее конституционно-правового смысла. Такое решение Конституционного Суда в науке конституционного права именуется «негативным» нормотворчеством. Так, например, в связи с признанием Конституционным Судом РФ неконституционной нормы КоАП РФ, не допускающей для юридического лица установление штрафа ниже низшего предела, суды до внесения соответствующих поправок в КоАП напрямую применяли Конституцию с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении КС РФ от 25.02.2014 № 4-П.

Судебный контроль над законодательством

Сегодня в системе разделения властей в соответствии с Конституцией РФ при взаимоотношении парламента и судебной системы контроль осуществляется лишь со стороны судебной системы над деятельностью парламента в форме инцидентного контроля Конституционного Суда РФ за принятыми федеральными законами (последующий инцидентный контроль), ратифицируемыми международными договорами (предварительный инцидентный контроль), а также в форме инцидентного контроля Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ за принимаемым парламентом решением об отрешении (объявлении импичмента) Президента РФ. Также нельзя не отметить, что предложенные Президентом России 20 января 2020 г. поправки к Конституции России расширяют перечень полномочий Конституционного Суда РФ в части установления предварительного инцидентного контроля по запросу Президента России в отношении принятых, но не санкционированных Президентом федеральных законов и федеральных конституционных законов [22]. На практике это означает де-факто – право абсолютного вето Президента, так как судьи Конституционного Суда могут быть подвергнуты процедуре импичмента по инициативе Президента Советом Федерации по размытому перечню оснований.

Собственно, даже средневековый Парижский парламент, являвшийся Высшим судом Королевства при абсолютной власти Короля, осуществлял своего рода контрольные полномочия надзора за единством и юридической стройностью системы законодательства, обладая своеобразным правом ремонстрации, т.е. правом «отлагательного вето». На практике Парижский парламент, осуществляя оглашение и последующую регистрацию исходивших от Короля законов и иных правовых актов, мог возратить такой закон без регистрации с целью оберегания правовой системы от случайных либо неисполнимых норм. Такое право, однако, ограничивалось случаями, когда Король обязывал Парижский парламент огласить и зарегистри-

ровать правовой акт, а в особых случаях лично явиться в Парламент для его оглашения, после чего такой акт незамедлительно вступал в действие. С учетом того, что Парижский Парламент к XIV в. формировался уже из числа профессиональных легистов – выпускников юридических факультетов европейских университетов [23. С. 198], можно считать право ремонстрации Парижского парламента обоснованным и заслуживающим положительной оценки. В подобном виде, конечно, такое право не может быть воспринято в современной конституционной конструкции, основанной на принципе разделения властей. Но кто сказал, что суды в принципе не могут высказывать свою позицию о состоянии законодательства? Кто, как не суды, которые каждый день применяют законодательство на практике и видят все недостатки и несовершенство правовых норм, может дать оценку состоянию законодательства и предложить их усовершенствование?

Так, Верховный Суд РФ в соответствии с ч. 1 ст. 93 Конституции РФ дает заключение о наличии в действиях Президента РФ признаков преступления, а Конституционный Суд РФ в соответствии с ч. 1 ст. 93 и ч. 7 ст. 125 Конституции РФ по запросу Совета Федерации дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения против Президента РФ в случае выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента РФ – обвинения в госизмене или совершении иного тяжкого преступления.

Взаимодействие парламента и Конституционного Суда во многом обусловлено компетенцией Конституционного Суда по разъяснению положений Конституции РФ по запросу группы депутатов Государственной Думы или группы членов Совета Федерации, а также по рассмотрению запросов о конституционности принятых федеральных законов. Конституционный Суд, признавая норму закона неконституционной, обязывает парламент внести соответствующие изменения в законодательство, оставляя механизм правового регулирования на усмотрение законодателя с тем лишь, чтобы она соответствовала выявленному Конституционным Судом правовому смыслу положений Конституции Российской Федерации. Однако таких решений в общем объеме обращений в Конституционный Суд принимается крайне незначительно. Деликатность Конституционного Суда обусловлена безопасным характером решений Конституционного Суда, которые, в случае вмешательства в дискреционные полномочия законодателя и с учетом отсутствия сдержек и противовесов в вопросах деятельности Конституционного Суда со стороны парламента, могут поставить под угрозу существующую систему разделения властей и нарушить баланс в обществе. Указанные выводы подтверждаются правовой позицией Конституционного Суда РФ. Так, например, Конституционный Суд РФ в своем определении от 02.04.2019 № 854-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений ст. 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и вы-

платы пенсий» прямо указал на то, что вопрос целесообразности принимаемых законов выходит за пределы компетенции Конституционного Суда [24]. Также Конституционный Суд неоднократно в своих решениях указывает на возможность самостоятельной выработки законодательными органами власти решений в рамках предоставленных им дискреционных полномочий, намекая или прямо указывая, что ни Конституционный Суд РФ, ни кто-либо иной не вправе вмешиваться в установленную дискрецию законодателя (см., например, постановления Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 № 8-П, от 24.12.2012 № 32-П, от 05.04.2013 № 7-П, определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 323-О-П).

Указанная позиция сопряжена с законодательным ограничением возможности судьям Конституционного Суда РФ высказываться публично о вопросах, которые могут быть предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ (ст. 11 Федерального Конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), и с отсутствием законодательной возможности рассмотрения Конституционным Судом вопросов по своей инициативе, так как круг субъектов и оснований для обращения в Конституционный Суд прямо установлен Конституцией РФ (ч. 2 ст. 125).

Указанные ограничения судей Конституционного Суда РФ в возможности высказывать позицию по вопросам, которые могут быть предметом рассмотрения Конституционного Суда, однако, в полной мере не применимы и отсутствуют применительно к судьям Верховного Суда, компетенция которых исключает возможность рассматривать конституционность действующих законов, что также подтверждено и правовой позицией Конституционного Суда РФ (постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации). В этой связи Верховный Суд и его судьи свободны в выражении позиции по вопросам совершенствования законодательства.

Судебная практика

Процесс диалектического взаимодополнения судебной и законодательной деятельности может проходить в переходе сформированной судебной нормы, выраженной в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, в законодательство [25. С. 214]. Нормы, создаваемые судами, наряду с действующим правом, основываются на принципе справедливости, моральных убеждениях суда и социальных тенденциях [26. С. 313].

Так, например, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 28.02.2008 № 3-П сформулировал формулу законоположения о механизме тайного голосования членов квалификационной коллегии судей при решении вопроса о применении к судье дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи и прямо указал законодателю на необходимость его имплементации в законодательство в шестимесячный срок.

Также наиболее значимыми результатами деятельности судебной системы являются постановления Пленума Верховного Суда РФ. Данные постановления на основе обобщения судебной практики содержат толкование и разъяснение порядка применения норм права. И суды в своей практике при принятии решений в абсолютном большинстве случаев не только применяют позиции Верховного Суда РФ, выраженные в постановлениях Пленума, но и прямо ссылаются на них в качестве оснований и мотивов принятия судебного решения. Так, например, разъясняя судам порядок применения ст. 125 УПК РФ, Пленум Верховного Суда выработал порядок действий судьи, который прямо законодателем не установлен (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1).

Интересен факт, что и в Российской империи органы судебной системы в лице Правительствующего сената своей практикой устраняли пробелы в законодательстве, а подчас формулировали задолго до законодателя ряд правовых институтов (например, моральный вред или неосновательное обогащение) [10. С. 261].

Поэтому сегодня даже в рамках романо-германской правовой семьи, как справедливо отмечают В.В. Лазарев и Т.Э. Шуберт, суд вынужден создавать «прецеденты» в целях устранения неясности или пробельности нормативного акта [5. С. 98–99; 16. С. 160]. В этой связи неоднородный массив законодательства РФ продиктовал необходимость сначала Высшему Арбитражному Суду РФ по экономическим спорам, а позднее и Верховному Суду по гражданским, административным делам и экономическим спорам (после упразднения ВАС РФ) принимать решения в порядке надзора, которые являют собой квазисудебный прецедент, т.е. решение по конкретному делу, принятое Президиумом ВС РФ, а также постановление Пленума ВС РФ, основанное на обобщении судебной практики, правовая позиция по которым может служить основанием пересмотра решений нижестоящих судов в соответствии с пп. 5 п. 4 ст. 392 ГПК РФ, пп. 5 п. 3 ст. 311 АПК РФ, пп. 5 п. 1 ст. 350 КАС РФ.

Единство и непротиворечивость правовой системы в России сегодня обеспечиваются во многом за счет работы профессионалов в области права в рамках полномочия судов по толкованию законодательства *ad hoc*, в момент рассмотрения конкретных дел, либо в порядке обзора судебной практики Верховным Судом РФ, на что обратил внимание Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 23.12.2013 № 29-П. Конституционный Суд РФ также указал и на то, что законоположение, явившееся предметом рассмотрения в Конституционном Суде, также может применяться только с учетом выявленного указанным Судом конституционно-правового смысла такой нормы, что нашло отражение в постановлении от 18.09.2014 № 23-П.

Заключение

Поиск оптимального механизма сотрудничества парламента и судебной системы является одной из важнейших задач правовой науки, поскольку именно

профессиональный правоприменитель может указать законодателю на несовершенство принятых законов, особенно в случаях, когда нормативный акт соответствует Конституции, принят в рамках дискреционных полномочий парламента, однако не воспринимается правоприменителем однозначно, входит в противоречие с иными законами, вследствие чего возникает ситуация правовой неопределенности. Так, еще Правительствующий сенат Российской империи в соответствии с Императорским указом Александра I от 8 (20) сентября 1802 г. получал право доносить императору о выявленных Сенатом «неудобствах в существующих законах» [27. С. 60–61].

Сегодня, в соответствии с п. 6 ст. 2 Федерального закона «О парламентском контроле» от 07.05.2013 № 77-ФЗ одной из целей парламентского контроля является изучение практики применения законодательства Российской Федерации и выработка рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства Российской Федерации и повышение эффективности его исполнения. Такая форма парламентского

контроля получила наименование «правовой мониторинг». Однако среди форм парламентского контроля, установленных указанным Федеральным законом, отсутствует взаимодействие с основным профессиональным правоприменителем – судебной системой.

В этой связи представляется целесообразным в качестве такого взаимодействия установить ежегодный доклад Верховного Суда Российской Федерации в Государственной Думе о практике применения судами законодательства с предложениями по совершенствованию наиболее противоречивых аспектов законодательства либо о состоянии законодательства Российской Федерации и судебной практике его применения.

Такая форма взаимного дополнения законодательной и судебной власти, основанная на уважении дискреционных полномочий Государственной Думы, едином понимании практики применения законов, выраженным Верховным Судом РФ, позволит обеспечить наиболее стабильное и качественное законодательство в российском парламенте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горобец В.Д. Конституционно-правовой статус Парламента Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 36 с.
2. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М. : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. 226 с.
3. Авакьян С.А. Проблемы теории и практики конституционного контроля и правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1995. № 4. С. 24–29.
4. Венгеров А.В. О законодательной инициативе судебных органов // Правоведение. 1965. № 4. С. 130–134.
5. Лазарев В.В. Нормативная природа судебного прецедента // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 92–99.
6. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. 383 с.
7. Скворцов-Савельев И.А. Суды Российской Федерации как субъекты права законодательной инициативы федерального уровня (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 205 с.
8. Тузов Н.А. Судебная законодательная инициатива: субъекты, основания объект и проблемы // Российское правосудие. 2006. № 8. С. 4–12.
9. Гук П.А. Судебная деятельность как важнейший элемент правовой жизни общества // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2005. С. 484–496.
10. Желдыбина Т.А. Стратегия законотворчества в условиях повышения роли судебной практики // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 261–264.
11. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах // Российская газета. 2014. № 288.
12. Кокотов А.Н. Исполнение решений Конституционного Суда // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 90–101.
13. Котелевская И. Взаимодействие властей в законотворчестве: разногласия и поиски компромисса // Проблемы парламентского права России / под ред. Л. Иванова. М., 1996. С. 68–69.
14. Лазарев В.В. Учет решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности // Проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. М., 2001. С. 91–100.
15. Марченко М.Н. Об особенностях судебного правотворчества в России // Право. 2007. № 1. С. 41–46.
16. Шуберт Т.Э. Влияние судебной практики на законотворческий процесс // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 160–170.
17. Smelcer S.N. The Role of the Senate in Judicial Impeachment Proceedings: Procedure, Practice, and Data. Congressional Research Service. 2010. April 9. 28 p. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41172.pdf> (дата обращения: 09.01.2020).
18. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
19. Законопроект № 338318-7 О внесении изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» (по вопросу реализации конституционного полномочия Конституционного Суда Российской Федерации по подготовке посланий Конституционного Суда Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/338318-7> (дата обращения: 04.01.2020).
20. Кассин П. Верховный Суд удалился на обсуждение // Коммерсантъ. 2017. № 95. С. 5.
21. Законопроект № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 09.01.2020).
22. Законопроект № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 22.02.2020).
23. Коган Е.Г. Юридические аспекты организации и деятельности Парижского парламента во Франции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 224 с.
24. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2019 № 854-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision394335.pdf> (дата обращения: 04.01.2019).
25. Гук П.А. Судебная деятельность и законотворчество: стратегические, тактические и технико-юридические формы взаимодействия // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 214–219.
26. Bodenheim E. Jurisprudence: The Philosophy and Method of the Law. Harvard University Press, 1962. 386 p.
27. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб. : Сенатская типография, 1911. Т. 3. 740 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 апреля 2020 г.

The Interaction of the Parliament and the Judiciary of the Russian Federation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 258–264.

DOI: 10.17223/15617793/460/31

Alexey S. Koshel, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation); Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: koshel.as@dvfu.ru

Keywords: parliament; parliamentary procedure; supervisory powers; Supreme Court; Constitutional Court; judiciary; legislative process; Constitution; amendment to Constitution.

The article discusses the constitutional problems of consolidation, implementation and improvement of the mechanism of interaction between the parliament and higher courts in parliamentary procedures. The research methods are analysis, synthesis, normative (formal-logical), and historical-legal. The key aim of the study is to identify a mechanism for ensuring the control function of the parliament to control the implementation in the Russian Federation of laws adopted by the Federal Assembly of the Russian Federation. The author came to the following conclusions. In recent years, the higher courts of the Russian Federation have been more actively involved in the work on improving legislation in various ways. At the same time, in his annual address to the Federal Assembly on January 15, 2020, President of Russia Vladimir Putin outlined proposals to strengthen the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the legislative process. Since 2008, a trend has been outlined in Russia to strengthen the control powers of the parliament. One of the most important control powers of the Russian Federal Assembly, fixed in the Federal Law “On Parliamentary Control”, is, in the author’s opinion, the study of the application of laws (legal monitoring), the development of proposals for their improvement. However, along with the annual reports of the General Prosecutor of the Russian Federation at the Federation Council regarding effectiveness of legislation, it is seen necessary to oblige the Supreme Court of the Russian Federation to present reports on judicial practice in the State Duma. The Supreme Court, realizing the constitutional function of summarizing the judicial practice of the courts of the Russian Federation and developing a uniform interpretation of the norms of the law, often quite independently eliminates legal gaps, sometimes developing new legal rules, which is not fully consistent with the doctrine of separation of powers in continental law systems. Such new rules are developed within the framework of not only procedural law, but also substantive (civil and criminal) law. In fairness, it is worth noting that this is not a modern trend, it is the Russian practice that has developed over centuries: the Senate of the Russian Empire, being the highest court, developed new legal rules long before the legislator. All this, of course, does not fully correspond to the role of the court in the continental legal system. However, the same Senate of the Russian Empire, in accordance with the decree of Emperor Alexander I, also had the right to inform the emperor of the need to improve legislation. In this regard, taking into account the historical parallel, the author comes to the conclusion that there is an urgent need for Russia to introduce the annual practice of the Supreme Court’s reports to the State Duma as part of the parliamentary legal monitoring of legal gaps and conflicts identified by the Supreme Court when summarizing judicial practice, with its proposals for improving legislation.

REFERENCES

1. Gorobets, V.D. (2000) *Konstitutsionno-pravovoy status Parlamenta Rossiyskoy Federatsii* [The constitutional and legal status of the Parliament of the Russian Federation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. Trubetskoy, E.N. (1917) *Leksii po entsiklopedii prava* [Lectures on the encyclopedia of law]. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova.
3. Avak'yan, S.A. (1995) Problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo kontrolya i pravosudiviya [Problems of the theory and practice of constitutional control and justice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 4. pp. 24–29.
4. Vengerov, A.V. (1965) O zakonodatel'noy initsiative sudebnykh organov [On the legislative initiative of the judiciary]. *Pravovedenie*. 4. pp. 130–134.
5. Lazarev, V.V. (2012) Normativnaya priroda sudebnogo pretsedenta [The normative nature of the judicial precedent]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4. pp. 92–99.
6. Lebedev, V.M. (2001) *Sudebnaya vlast' v sovremennoy Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya* [The judiciary in modern Russia: problems of formation and development]. St. Petersburg: Lan'.
7. Skvortsov-Savel'ev, I.A. (2010) *Sudy Rossiyskoy Federatsii kak sub'ekty prava zakonodatel'noy initsiativy federal'nogo urovnya (voprosy teorii i praktiki)* [Courts of the Russian Federation as subjects of the law of legislative initiative at the federal level (issues of theory and practice)]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
8. Tuzov, N.A. (2006) Sudebnaya zakonodatel'naya initsiativa: sub'ekty, osnovaniya ob'ekt i problemy [Judicial legislative initiative: subjects, grounds, object and problems]. *Rossiyskoe pravosudie*. 8. pp. 4–12.
9. Guk, P.A. (2005) Sudebnaya deyatel'nost' kak vazhneyshiy element pravovoy zhizni obshchestva [Judicial activity as the most important element of the legal life of society]. In: Matuzov, N.I. & Malko, A.V. (eds) *Pravovaya zhizn' v sovremennoy Rossii: teoretiko-metodologicheskii aspekt* [Legal life in modern Russia: a theoretical and methodological aspect]. Saratov: Saratov State Academy of Law. pp. 484–496.
10. Zheldybina, T.A. (2015) Strategiya zakonotvorchestva v usloviyakh povysheniya roli sudebnoy praktiki [The lawmaking strategy in the context of increasing the role of judicial practice]. *Yuridicheskaya tekhnika – Juridical Techniques*. 9. pp. 261–264.
11. Zor'kin, V.D. (2014) Konstitutsiya zhivet v zakonakh [The Constitution lives in the laws]. *Rossiyskaya gazeta*. 288.
12. Kokotov, A.N. (2013) Ispolnenie resheniy Konstitutsionnogo Suda [Execution of decisions of the Constitutional Court]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 90–101.
13. Kotelevskaya, I. (1996) Vzaimodeystvie vlastey v zakonotvorchestve: raznoglasiya i poiski kompromissa [Interaction of authorities in lawmaking: disagreements and search for a compromise]. Ivanov, L. (ed.) *Problemy parlamentskogo prava Rossii* [Problems of parliamentary law in Russia]. Moscow: [s.n.]. pp. 68–69.
14. Lazarev, V.V. (2001) Uchet resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v zakonodatel'noy deyatel'nosti [Consideration of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in legislative activity]. In: *Problemy ispolneniya resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub'ektov Rossiyskoy Federatsii* [Problems of execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation]. Moscow: [s.n.]. pp. 91–100.
15. Marchenko, M.N. (2007) Ob osobennostyakh sudebnogo pravotvorchestva v Rossii [On the features of judicial lawmaking in Russia]. *Pravo*. 1. pp. 41–46.
16. Shubert, T.E. (2016) Judicial Practice Impact on Law Making. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4. pp. 160–170. (In Russian).
17. Smelcer, S.N. (2010) *The Role of the Senate in Judicial Impeachment Proceedings: Procedure, Practice, and Data*. Congressional Research Service. April 9. [Online] Available from: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41172.pdf>. (Accessed: 09.01.2020).
18. Russian Federation. (2020) Zakon Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14.03.2020 № 1-FKZ “O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti” [Law of the Russian Federation on

- the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Collection of Legislation of the Russian Federation*. 11. Art. 1416.
19. Russian Federation. (2020) *Zakonoproekt № 338318-7 O vnesenii izmeneniya v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii” (po voprosu realizatsii konstitutsionnogo polnomochiya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po podgotovke poslaniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii)* [Draft Law No. 338318-7: On Amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation” (on the issue of exercising the constitutional powers of the Constitutional Court of the Russian Federation to prepare messages from the Constitutional Court of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation)]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/338318-7>. (Accessed: 04.01.2020).
  20. Kassin, P. (2017) Verkhovnyy Sud udalilsya na obsuzhdenie [The Supreme Court recessed for discussion]. *Kommersant*. 95. pp. 5.
  21. Russian Federation. (2020) *Zakonoproekt № 612292-7 “O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem ponyatiya ugolovnogo prostupka”* [Draft Law No. 612292-7 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of a criminal offense”]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7>. (Accessed: 09.01.2020).
  22. Russian Federation. (2020) *Zakonoproekt № 885214-7 “O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti”* [Draft Law No. 885214-7 “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities”]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7>. (Accessed: 22.02.2020).
  23. Kogan, E.G. (2016) *Yuridicheskie aspekty organizatsii i deyatel'nosti Parizhskogo parlamenta vo Frantsii* [Legal aspects of the organization and activities of the Paris Parliament in France]. Law Cand. Diss. Moscow.
  24. Constitutional Court of the Russian Federation. (2019) *Opreделение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2019 № 854-О “По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статьи 4 и 7 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий”* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.04.2019 No. 854-O: At the request of a group of deputies of the State Duma on verifying the constitutionality of the provisions of Articles 4 and 7 of the Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Appointment and Payment of Pensions”]. [Online] Available from: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision394335.pdf>. (Accessed: 04.01.2019).
  25. Guk, P.A. (2015) *Sudebnaya deyatel'nost' i zakonotvorchestvo: strategicheskie, takticheskie i tekhniko-yuridicheskie formy vzaimodeystviya* [Judicial activity and lawmaking: strategic, tactical and technical-legal forms of interaction]. *Yuridicheskaya tekhnika – Juridical Techniques*. 9. pp. 214–219.
  26. Bodenheimer, E. (1962) *Jurisprudence: The Philosophy and Method of the Law*. Harvard University Press.
  27. Senatskaya tipografiya. (1911) *Istoriya Pravitel'stviyushchego senata za dvesti let. 1711–1911 gg.* [History of the Governing Senate for two hundred years. 1711–1911]. Vol. 3. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.

Received: 15 April 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНАНЬЕВ Виталий Геннадьевич – д-р культурологии, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: v.ananев@spbu.ru

АШМАРИНА Александра Алексеевна – ассистент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: al.west@yandex.ru

БРОВКИН Владимир Викторович – канд. филос. наук, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: drakar@ngs.ru

БУЛАТОВ Борис Борисович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России. E-mail: bulatov_oma@mail.ru

БУРНАСОВ Александр Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: burnasov@mail.ru

ВАЙНДОРФ-СЫСОЕВА Марина Ефимовна – д-р пед. наук, профессор кафедры технологии и профессионального обучения Московского педагогического государственного университета. E-mail: mageva@yandex.ru

ВЕДЕРНИКОВ Николай Трофимович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: tsu-crime@mail.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник лаборатории «Компаративистика и имагология» Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ВОЛОШИНА Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: vsv1304@yandex.ru

ДАВТЯН Юлия Владимировна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: auroga85@bk.ru

ДЕЖНЕВ Александр Сергеевич – д-р юрид. наук, начальник учебно-научного комплекса подготовки сотрудников оперативных подразделений Омской академии МВД России. E-mail: omsk-das@mail.ru

ДЕМИНА Анна Ивановна – специалист по учебно-методической работе 2-й категории кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва. E-mail: ademina83@gmail.com

ДИЦЕВИЧ Ярослава Борисовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры прокурорского надзора и обеспечения участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: yaroslavadi@mail.ru

ЕЛИНСКИЙ Валерий Иванович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой государственного и административного права МИРЭА – Российского технологического университета (г. Москва). E-mail: 20745@rambler.ru

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: emmaluk@yandex.ru

ЖИРОВ Руслан Михайлович – канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик). E-mail: dzhir-ruslan@mail.ru

ЗУСЕВА-ОЗКАН Вероника Борисовна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

КАТАЕВА Ольга Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и методологии науки Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: olgakataeva@srfedu.ru

КОВАЛЕВА Мария Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и правовой информатики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Вологда). E-mail: Kovaleva.mn@bk.ru

КОЛОБОВ Роман Юрьевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Иркутского государственного университета; доцент кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск). E-mail: roman.kolobov@gmail.com

- КОРШУНОВА Ольга Николаевна** – д-р ист. наук, профессор кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета. E-mail: felix_kor@mail.ru
- КОШЕЛЬ Алексей Сергеевич** – канд. полит. наук, проректор по общим вопросам, доцент кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток); докторант юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: koshel.as@dvfu.ru
- КРЮКОВА Елена Владимировна** – канд. полит. наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: lenakryukova@yandex.ru
- КУКЛИНА Светлана Станиславовна** – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: svstkuk47@gmail.com
- ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна** – д-р филос. наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: Leshkevicht@mail.ru
- ЛИСЕВИЧ Нина Григорьевна** – главный архивист отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (г. Сыктывкар). E-mail: lisewitch.n@yandex.ru
- ЛИЦЗЮНЬ Го** – д-р филол. наук, доцент факультета русского языка Университета им. Сунь Ятсена (г. Чжухай, Китай). E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn
- ЛОПУХИНА Александра Сергеевна** – канд. пед. наук, зав. кафедрой физической культуры, спорта и адаптивного физического воспитания Вологодского государственного университета. E-mail: ms.lfp@mail.ru
- ЛЮЛЯ Наталья Викторовна** – аспирант кафедры отечественной истории, начальник отдела подготовки и аттестации научно-педагогических кадров Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: natalyalyulya@mail.ru
- МАКРИЦКАЯ Елена Дмитриевна** – преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения Иркутского государственного университета. E-mail: e.makrickaya@gmail.com
- МАЛЮТИНА Елена Александровна** – аспирант кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: exert91@ya.ru
- МАСЛАНОВ Евгений Валерьевич** – канд. филос. наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: evgenmas@gambler.ru
- МЕЛЕНТЬЕВА Наталия Николаевна** – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания и спортивных дисциплин Вологодского государственного университета. E-mail: ms.lfp@mail.ru
- МОЛОКОВ Дмитрий Сергеевич** – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: dsmolokov@mail.ru
- МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна** – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru
- МУРЗИНА Светлана Владимировна** – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: skrasnikova12@gmail.com
- НЕСТЕРОВ Александр Юрьевич** – д-р филос. наук, исполнительный директор социально-гуманитарного института, зав. кафедрой философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва. E-mail: aynesterow@yandex.ru
- НОВИКОВА Елена Георгиевна** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: elennov@mail.ru
- ОБЕРЕМКО Ольга Георгиевна** – д-р пед. наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. E-mail: metod@lunn.ru
- ПЕТРАКОВА Анна Сергеевна** – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России. E-mail: petrakova_1984@list.ru
- ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна** – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: lisbonne@rambler.ru

САВЧУК Елена Александровна – канд. пед. наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: elenita2001@mail.ru

СЕДОВА Наталья Александровна – канд. филол. наук, декан художественно-технологического факультета, доцент кафедры туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса Омского государственного технического университета. E-mail: sedova2006@mail.ru

СЛОБОЖНИКОВА Валентина Сергеевна – д-р полит. наук, зав. кафедрой истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии. E-mail: slvase@mail.ru

СТРЕКАЛОВ Илья Николаевич – канд. ист. наук, аспирант кафедры истории России XIX века – начала XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: strekalov4@gmail.com

ТАТАРИНОВА Майя Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: mauya.tatarinova@mail.ru

ТОЛСТОВА Мария Анатольевна – младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. E-mail: tolstova_11@mail.ru

ФАТКУЛЛИН Николай Юрьевич – канд. экон. наук, зав. кафедрой математики Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: nick_idpo@mail.ru

ФЕДОРОВ Роман Валерьевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры государственного и административного права МИРЭА – Российского технологического университета (г. Москва). E-mail: fedorov@mirea.ru

ФЕЙГЕЛЬМАН Артем Маркович – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: artf1986@gmail.com

ФИЛИППОВА Татьяна Петровна – канд. ист. наук, научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (г. Сыктывкар). E-mail: tanya.tatiana-fil@yandex.ru

ФОКИН Александр Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: aafokin@yandex.ru

ХАЧАТУРЯН Любовь Валерьевна – канд. культурологии, доцент факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); докторант отдела новейшей русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: lhachaturyan@hse.ru

ЦЫМБАЛОВА Анна Евгеньевна – канд. полит. наук, ст. преподаватель кафедры истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: tsimbalova.n@gmail.com

ШАМШОВИЧ Валентина Федоровна – канд. экон. наук, доцент кафедры математики Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: shamshovich@mail.ru

ШОРНИКОВ Дмитрий Владимирович – канд. юрид. наук, директор Научно-исследовательского института правовой охраны Байкала, зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения Иркутского государственного университета. E-mail: abirvalg35@mail.ru

ЮАНЬ Владимир Лишиньевич – ассистент кафедры уголовно-процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: it-rigon@mail.ru

ЮН Сергей Миронович – канд. ист. наук, зав. кафедрой мировой политики Томского государственного университета. E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 460. Ноябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.11.2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33,5. Усл. печ. л. 31,1. Тираж 50 экз.
Заказ № 4576. Цена свободная.

Дата выхода в свет 20 января 2021 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru